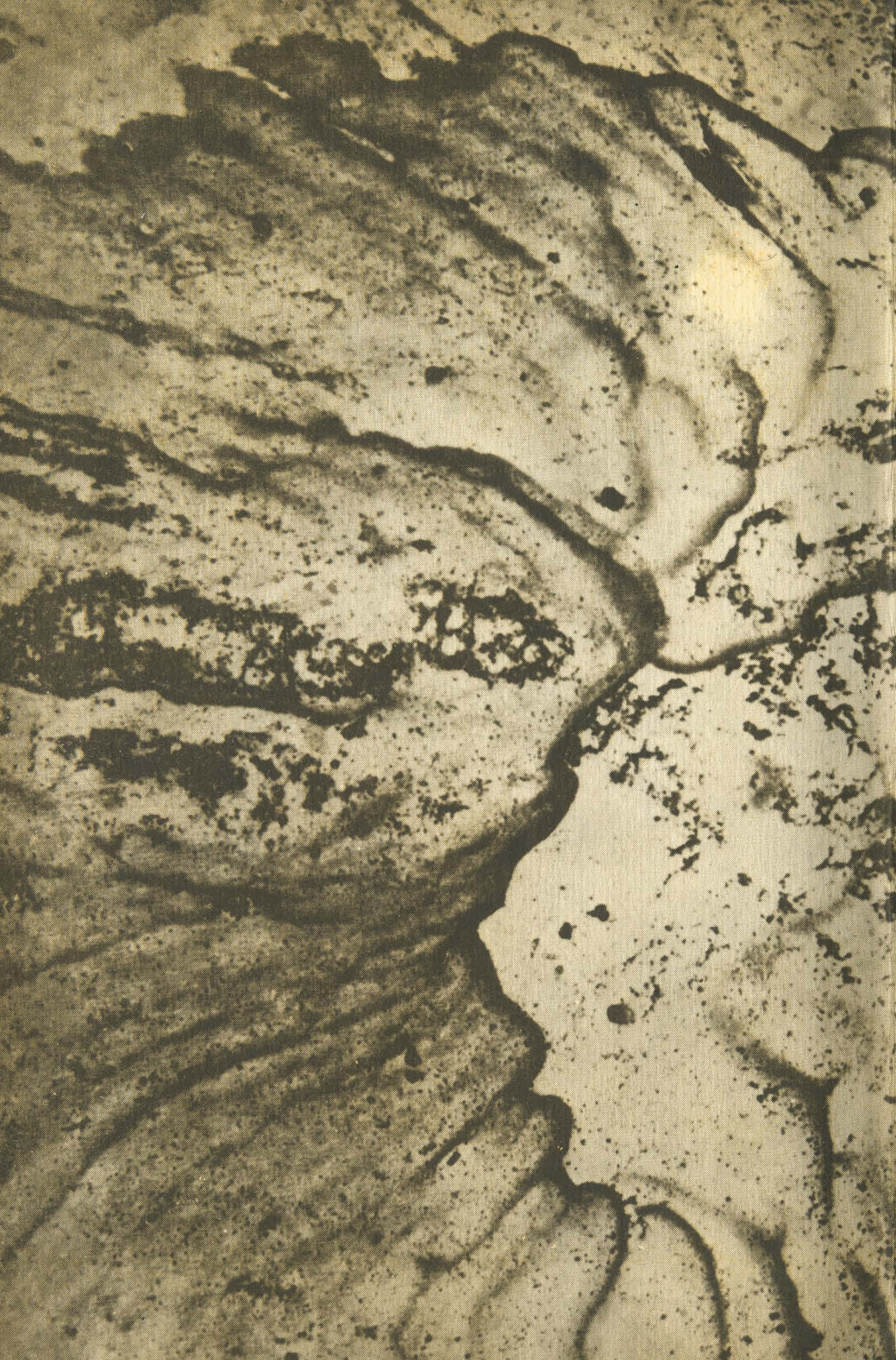

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XIX

**С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ**

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ
В ВОСЕМНАДЦАТИ
КНИГАХ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1996

С.М.СОЛОВЬЕВ
СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XIX
ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

РАБОТЫ
РАЗНЫХ
ЛЕТ

МОСКВА «МЫСЛЬ» 1996

ББК 63.3(2)
С 60

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Ответственный редактор
академик И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО

Комментарии к XIX книге написаны
кандидатом исторических наук В. С. ШУЛЬГИНЫМ

Указатели составлены
И. В. ЛЕДОВСКОЙ

Художник издания
А. Б. КОНОПЛЕВ

Основой настоящей публикации являются следующие издания:

- С. М. Соловьев*. История отношений между русскими князьями
Рюрикава дома. М., 1847;
С. М. Соловьев. Русская летопись для первоначального чтения. М., 1866;
С. М. Соловьев. Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно
восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений,
относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. 1. М., 1850. С. 1—54

ISBN 5-244-00075-6
ISBN 5-244-00775-0

- © Издательство «Мысль». 1996
© В. Ю. Станковская. Составление и
подготовка текста, перевод ино-
странных текстов. 1996
© В. С. Шульгин. Комментарии. 1996
© А. Б. Коноплев. Оформление. 1996

**ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ
МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ
РЮРИКОВА ДОМА**

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы привыкли к выражениям: разделение России на уделы, удельные князья, удельный период, удельная система, исчезновение уделов при Иоанне III, при сыне его Василии, при Иоанне IV. Употребляя эти выражения, мы необходимо даем знать, что Россия, начиная от смерти Ярослава I до конца XVI века, была разделена, ставим *удел* на первом плане, даем ему главную роль; за удел идут все борьбы, около удела вращается вся история, если период называется удельным, если господствует удельная система. Но раскроем летописи от времен Ярослава I до XIII века: идет ли в них речь об уделах? Встречаем ли выражение: удельный князь и великий? Происходит ли борьба за удел, за распространение, усиление одного удела на счет другого, разделена ли, наконец, Россия? Нисколько: все князья суть члены одного рода, вся Русь составляет нераздельную родовую собственность; идет речь о том, кто из князей старше, кто моложе в роде,—за это все споры, все междоусобия. Владение, города, области имеют значение второстепенное, имеют значение только в той степени, в какой соответствуют старшинству князей, их притязаниям на старшинство, и потому князья беспрестанно меняют их. Князь, у которого во владении обширная область на севере, оставляет ее и бьется изо всех сил за один город на юге, потому что этот город приближает его к старшинству: одним словом, интерес собственника вполне подчинен интересу родича.

Вместо разделения, которое необходимо связано с понятием об уделе, мы видим единство княжеского рода: разве борьба Святославичей с Мономаховичами есть борьба уделов, борьба Чернигова с Киевом, Смоленском, Суздалем? Это борьба за единство Ярославова рода, за общность, неразделенность владения. «Мы внуки одного деда»,—говорят Святославичи и потому помогают Киеву. Начинается вторая борьба, в семье Мономаха, между Мстиславичами и Юрием Долгоруким, и опять не за уделы, но за старшинство. Наконец, третья усобица между Ростиславичами и Юрьевичами идет также не за уделы, но за родовые отношения: Ростиславичи требуют, чтобы старший князь поступал с младшими, как с братьями, а не как с подручниками. Где же уделы? В летописи вы не находите отношений

в.* князя к удельным, вы находите только отношения отца к сыновьям, старшего брата к младшим, дядей к племянникам. Даже самое слово *удел* мы не встречаем в летописи. Если не было понятия о разделе, о выделе, об отдельной собственности, то не могло быть и слова для его выражения. Когда же на север явилось понятие об отдельной собственности, то явился и удел; до этого же времени мы встречаем только слова: *волость* и *стол*.

Таким образом, выражение: удельный период, удельная система приводят к совершенно ложному, обратному представлению, выставляя господство удела, владения, отдельной собственности в то время, когда господствовали родовые отношения при нераздельной родовой собственности.

Но я уже сказал, что третья борьба между Ростиславичами и Юрьевичами идет за то, что первые хотят поддержать родовые отношения против стремления северных князей, которые хотят обходиться с родичами, как с подручниками, стать самовластцами в земле своей. Это стремление служит уже ясным признаком ослабления родовой связи, родовых отношений. И точно, скоро мы видим, что единство Ярославова рода рушится, и Русь делится, впервые, на несколько княжеств, каждое с своим в. князем, потому что в. князь означает только старшего в княжеском роде, и если род Ярослава раздробился на несколько особых родов, то каждый род должен был иметь особого старшего: явилось несколько великих князей. Начинается борьба между отдельными княжествами; цель этой борьбы приобретение собственности, усиление одного княжества на счет других, подчинение всех княжеств одному сильнейшему: борьба оканчивается усилением княжества Московского, подчинением ему всех остальных.

Но во время этой борьбы между отдельными в. князьями, или старшими родов, внутри каждого княжества, в каждом роде идет борьба между старшим князем и младшим, теперь уже *удельными* князьями, борьба также за собственность и за государственные отношения против родовых: каждый в. князь хочет уничтожить уделы, привести удельных князей в подданническое к себе отношение; последние ратуют во имя старых родовых отношений, старых прав. Эта внутренняя борьба в других княжествах оканчивается вместе с подчинением их Московскому, в последнем же оканчивается только с пресечением Рюриковой династии.

Таким образом, история княжеских отношений распадается на два главные отдела: в первом, от Рюрика до Андрея

* В данной работе С. М. Соловьев наиболее часто, в том числе и при цитировании, использует следующие сокращения: Акт. юрид.—Акты юридические; в., вел.—великий, великая; др.—другой; к., кн.—князь, княгиня; Лавр.—Лаврентьевская летопись; наз.—называться; напр.—например; примеч.—примечание; след.—следовательно; с. г. г. и д.—Собрание государственных грамот и договоров — *Примеч. ред.*

Боголюбского, мы видим исключительное господство родовых отношений; во втором, начиная с Боголюбского, является попытка сменить родовые отношения государственными, которые вступают в борьбу с родовыми и наконец торжествуют над ними.

Но что же вызвало государственные отношения и что дало им торжество над родовыми? Естественное раздробление Ярославова рода вследствие умножения и расхождения княжеских линий? Род Ярослава разделился на семьи, которые, преследуя каждый свои интересы, вступили друг с другом в борьбу, окончившуюся усилением одной семьи над всеми прочими? Так легко, по-видимому, объяснить различие, обнаружившееся в явлениях нашей древней истории в XIII веке. Но если род распадается на семьи, то семьи необходимо стремятся опять развиться в роды с прежними родовыми отношениями: так, на юге, в старой Руси, являлось стремление нарушить единство Ярославова рода, делиться на семьи: Мономаховичи хотели делиться с Ольговичами, но между тем семья Мономаха на юге, разделившись с Ольговичами, сама развилась в род со всеми прежними родовыми отношениями.

Но на севере отдельные княжеские семьи не развивались в роды; как скоро один князь, отделившись от рода и поработив родичей в пользу семьи своей, разделит при смерти свое владение между сыновьями, то тотчас же начинается борьба между ними, причем сильнейший князь подчиняет себе слабейших. Этот сильнейший князь снова при смерти делит свое владение между сыновьями, и снова имеет место то же явление, та же борьба с теми же следствиями, т. е. что семья никогда не развивается в род, ибо нет условия, при котором только было возможно такое развитие, именно нет более понятия об общности, неразделенности владения.

Итак, для нас важно здесь не то, что род разделился на семьи, но то, что семьи не могут более развиваться в роды, для нас важно здесь условие постоянного разделения и постоянной борьбы между княжествами, которое дает сильнейшему возможность подчинить себе слабейшего; эта возможность основывается на понятии об отдельной собственности, которая исключала родовое единство, исключая понятие об общности, нераздельности владения; понятие же об отдельной собственности явилось на севере вследствие преобладания там городов новых, которые, получив свое бытие от князя, были его собственностью¹.

Несмотря, однако, на то, что начиная с XIII века Русь точно разделяется на несколько особых княжеств и при господстве понятия об отдельной собственности об уделе встречаем частое упоминание, являются отношения между удельными князьями и великими, возникает борьба между ними, стремление великих князей уничтожать уделы,—несмотря на все это, и здесь назва-

ние: удельный период, удельная система, определение деятельности Иоанна III или сына его Василия уничтожением уделов не могут иметь места, ибо Русь разделяется не на уделы, а на несколько независимых княжеств, из которых каждое имеет своего в. князя и своих удельных князей, и отношения между великими князьями играют столь же важную роль, как и отношения великих князей к их удельным; след., название удельного периода и удельной системы и здесь также неверно, потому что не обнимает всех сторон княжеских отношений. Вот причины, которые заставляют исключить названия: удельный период и удельная система из истории княжеских отношений и вместо того принять выражения определенной: отношения родовые и отношения государственные.

Но если несправедливо название: удельный период, то еще менее справедливо название монгольского периода. Это название может быть допущено только тогда, когда мы берем одну внешнюю сторону событий; но, следя за внутренним, государственным развитием России, мы не имеем никакого основания ставить монгольские отношения на первом плане, приписывать азиатской орде такое сильное влияние на развитие европейско-христианского общества.

Мы видели, что стремление заменить родовые отношения государственными началось с Андрея Боголюбского, след., гораздо прежде монголов; это стремление вызвало сильную борьбу между родовыми и государственными отношениями, условия для которой были приготовлены прежде монголов. Правда, когда отдельные княжества, явившиеся вследствие разрыва родового единства и преобладания понятия об отдельной собственности, начинают борьбу друг с другом, то монголы принимают деятельное участие в этой борьбе, помогают войском то тому, то другому князю или княжеству: но здесь они действуют безотчетно, бессознательно, точно так, как прежде действовали половцы, помогавшие одному князю против другого в их родовых спорах; однако никто не вносит в русскую историю половецкого периода.

Возразят: половцы не поработали Руси своему игу, не налагали дани, не давали ярлыков князьям нашим, не казнили их в степях своих: но монголы, несмотря на свое видимое владычество, не имеют никакого понятия о княжеских отношениях, поддерживают, дают ярлыки тем из князей, которые дадут им больше денег; если б во время монголов продолжали господствовать прежние родовые отношения, то монголы точно бы так же поддерживали то дядей против племянников и, наоборот, Мономаховичей против Ольговичей, и наоборот; в XIII же и XIV веках, когда родовые отношения потеряли господство, монголы помогают князьям московскому, рязанскому, тверскому, нижегородскому ярлыками и войском в борьбе их друг с другом, цель

которой есть усиление одного княжества на счет других, подчинение всех княжеств одному, собрание земли Русской.

Какая разница между участием монголов и половцев в княжеских отношениях? Та, что для склонения хана монгольского на свою сторону князь должен был ехать в Орду, тогда как для задаривания половецкого хана князь снимался с ним на границах степей: следствия были одни и те же. Ханы казнили русских князей в Орде: не ханы казнили их, но русские князья посредством ханских палачей истребляли друг друга; ханы служили здесь только орудием для целей чуждых, которых они совершенно не понимали; для нас важно не то, как, посредством кого князья истребляют друг друга, но по каким началам действуют, какие цели преследуют в своей борьбе, а эти начала, эти цели явились независимо от татар и прежде них. Хан могущественно способствовал усилению и обогащению в. князя, сделав его своим прикащиком, сборщиком податей: но какого в. князя разумеют здесь? Московского? Но кроме московского были другие в. князья, которые в своих областях были также прикащиками хана, собирали дань в своих удельных и могли также обогащаться и усиливаться на счет последних. Узбек помог Москве восторжествовать над Тверью: но разве половцы не давали победы князьям нашим?

Итак, название монгольского периода должно быть исключено из русской истории, потому что мы не можем приписать монголам самого сильного влияния на произведение тех явлений, которыми отличается наша история, начиная с XIII века: новый порядок вещей начался гораздо прежде монголов и развивался естественно, вследствие причин внутренних, при пособии разных внешних обстоятельств, в числе которых были и монгольские отношения, но не под исключительным их влиянием.

Отстранив название удельного периода, дававшее неверное понятие о характере нашей древней истории, о характере княжеских отношений; отстранив равно название монгольского периода, который незаконно рассекал историю княжеских отношений на две части и тем самым прерывал для историка естественную связь событий, естественное развитие общества из самого себя, мы приступим к изложению истории княжеских отношений, разделив весь труд на четыре отдела: I отдел будет заключать пространство времени от признания Рюрика до Андрея Боголюбского: здесь княжеские отношения носят характер чисто родовой. II отдел обнимет события от Андрея Боголюбского до Иоанна Калиты: здесь обнаруживается стремление сменить родовые отношения, вследствие чего начинается борьба между князьями Северной и Южной Руси, преследующими противоположные цели; эта борьба после раздробления рода сменяется борьбою отдельных княжеств с целью усиления одного на счет другого,

окончательная победа остается на стороне княжества Московского. В III отделе изложатся события, имевшие место от Иоанна Калиты до Иоанна III: вследствие усиления Московского княжества, стремящегося подчинить себе все другие, Северо-Восточная Русь сосредоточивается около одного пункта, Москвы; в то же самое время Русь Юго-Западная сосредоточивается также около одного пункта, Литвы: обе половины Руси, в челе которых стоят две различные династии, вступают в борьбу между собою, но отношения польские сдерживают деятельность литовских князей относительно востока, а между тем московские владетели все более и более дают силы государственным отношениям над родовыми. IV отдел — от Иоанна III до пресечения Рюриковой династии — представит окончательное торжество государственных отношений над родовыми, торжество, купленное страшною, кровавою борьбою с издыхающим порядком вещей.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОТ ПРИЗВАНИЯ РЮРИКА ДО АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

ГЛАВА I

О РОДОВЫХ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВООБЩЕ

а) Значение старшего в роде, или великого князя.

Старший в роде княжеском, или великий князь, принимал в отношении к младшим членам рода значение отца, был для них *в отца место*, по тогдашнему выражению. Принимая на себя такой характер, в. князь имел обязанность блюсти интересы рода; так, Ростиславичи в 1195 году говорили в. князю Всеволоду III: «А ты, брате, в Володимери племени старей еси нас, а думай, гадай о Русской земли и о своей чести и о нашей»². С своей стороны, младшие князья обязаны были в. князю как отцу глубоким уважением и покорностью; так, Ростислав Мстиславич Смоленский, призываемый в 1159 году младшими родичами на старший киевский стол, говорил им: «Оже мя в правду зовете с любовию, то я всяко иду Киеву на свою волю, яко вы имети мя отцем в себе в правду и в моем вы послушаньи ходити»³. Так, сказано в летописи, что в. к. Святополк в 1111 году послал к Давиду Святославичу, «велячи ему с собою»⁴.

Под 1115 годом читаем: «Приходи Володимер (Мономах) а Глеба (князя минскаго): Глеб бо бяше воевал дреговичи и Случеск пожег, и не каяшеться о сем, ни покаряшеться... и обещася Глеб по всему послушати Володимера»⁵. Под годом 1117: «И наказав его (Ярослава Святополчича) Володимер о сем, веля ему к собе приходити, «когда ты позову»»⁶. Под годом 1168: «Посла Ростислав к братьи своей и к сынам своим, веля им всем съвкупитися у себе со всеми полкы своими»⁷. Давид Игоревич в 1097 году послал сказать Васильку Ростиславичу Теребовльскому: «Не ходи, брате, и не ослушайся брата старейшаго...» И рече Давид ко Святополку: «Видиши ли не помнит тебе, ходя в руку своею»⁸.

Формулы для выражения отношений младших князей к великому были следующие: 1) младший обязан был ездить подле стремени старшего: так, Ярослав Галицкий, признавая старшинство Изяслава Мстиславича, говорит: «Ныне, отце, кляняются, прими мя яко сына своего Мстислава тако же и мене, ать ездить Мьстислав подле твой стремянь по одной стороне тебе,

а яз по другой стороне подле твоей стремянь еждю, всеми своими полкъ»⁹. Ростислав Юрьевич говорит Изяславу Мстиславичу: «Отец мя перешибдил и волости ми не дал; и пришел есмь нарек Бога и тебе, зане ты еси старей нас в Володимирских внуцех, а за Рускую землю хочю страдати, и подле тебе ездити»¹⁰. Давидовичи говорят Изяславу Мстиславичу: «А пусти брата нашего, а мы подле тебе ездим», т. е. если ты освободишь нашего брата, то мы признаем тебя старейшим¹¹.

Примеч. С этим выражением: *ездить подле стремени* должно сравнить древнейшее: *ходить по ком-нибудь*, которое также означало сыновнее отношение младшего к старшему; так, про Игоря сказано: «Игореву же взрастшу, и *хожаше по Ользе, и слушаше его*»¹².

2) Младший имел старшего господином, был в его воле. «Велми рад, господине отце,—говорит Ростислав Мстиславич дяде Вячеславу,—имею тя отцем господином, яко же и брат мой Изяслав имел тя и в твоей воли был»¹³. Или: «И на том целова крест Володимирич к Святославу, яко имети ему его в отца место и в всей воли его ему ходити»¹⁴. Или: «И поча ему помогати Шварно князь и Василко, нарекл бо бяшетъ Василка отца себе и господина»¹⁵.

3) Младший смотрел на старшего: «Они же вси (рязанские князья) зряху на Ростислава, имеяхуть ѝ отцем собе»¹⁶. Или: «А к тестю своему Рюрикови крест бяшетъ целовал (Роман Мстиславич) перед тем, како ся ему Олгович боле того лишити, а в его воле быти и зрети нань»¹⁷.

В. князь имел право судить и наказывать младших членов рода. Ростислав Юрьевич говорит Изяславу Мстиславичу: «А ты мене старый, а ты мя с ним и суди»¹⁸. Святополку как старшему в роде поручено было от совета родичей наказать Давида Игоревича: «Яко бе Давидова сколота; то иди, ты, Святополче, по Давида, и любо ими, любо прожени»¹⁹. «Мстислав Владимирович поточи полотьский князе... еже преступиша хрестьное целование... заточени были... зане не бяхуть его воли и не слушашуть его, коли е зовяшеть на Рускую землю в помощь»²⁰. Однако в. князь не мог лишить волости младшего князя или наказать его другим каким-нибудь образом по произволу, без обличения в вине; князья говорят Святополку Изяславичу: «Чему еси ослепил брат твой? Аще бы ти вина кая была нань, обличил бы еси пред нами, и упрев, сотворил ему»²¹. Ростиславичи говорят Боголюбскому: «А нам путь кажеша из Руской земли, без нашей вины»²², след., они признавали право в. князя лишить волости, если младший провинился. Наконец, младший должен был соглашаться на распоряжения старшего без возражений, не имел права подавать совета старшему, и когда последний спрашивал его мнения, то считал это за большую для себя честь и снисхождение; когда

Изяслав Мстиславич спрашивал совета у младшего брата своего Ростислава, тот отвечал: «Брате! Кланяются, ты еси мене старей, а како ты угадаеши а яз в том готов есмь; аже, брате, на мне честь покладываешь, то яз бых, брате, тако рекл»²³ и проч.

Из этих свидетельств легко можно заключить, какую обширную власть имел старший в роде над младшими; но те же самые родовые понятия, которые придавали ему такое высокое значение, те же самые понятия стесняли его власть, ограничивали ее в пользу младших членов, а именно: старший в роде до тех только пор сохранял власть, пока сам свято исполнял свои отеческие обязанности, т. е. пока не отделял своих интересов от интересов целого рода, пока не переставал смотреть на каждого младшего, как на собственного сына, не делая никакого различия между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость.

Как же скоро старший в роде пренебрегал своими отеческими обязанностями, как скоро предпочитал собственные выгоды, выгоды детей своим интересам родичей, то он терял свое значение старшего и отца, все его права, равно как обязанности младших к нему, рушились, его власть заменялась или общим родовым советом, или, в случае раздора между князьями, каждый из них действовал, защищал свои права как умел и как мог.

Так, когда Всеволод Ольгович, доставши киевский стол, пренебрег интересами рода Святославова, которого был старшим, и для выгод собственного сына искал дружбы Мстиславичей, не давал хороших волостей братьям, то последние сказали ему: «Ты нам брат старший, аже ны не даси, а нам самим о соби поискати... и не любяхуть сего Ольговичи, братья Всеволожа, и поропташа нань, оже любовь имеет с Мьстиславичи с шюрьями своими, а с нашими ворогы, и осажался ими около, а нам на безголовие и безъместье и себе»²⁴. Так, Ростислав Юрьевич, видя несправедливость отца, не давшего ему волости, отступил от него и обратился ко врагу его Изяславу Мстиславичу; последний при этом случае говорит, что отец Ростислава Юрий старше их всех, но что они, младшие, не могут признать этого старшинства, ибо Юрий не исполняет своих обязанностей в отношении к ним, и что он, Изяслав, принял в таком случае старшинство на себя и клянется выполнять свои отеческие обязанности: «Всих нас старей отец твой, но с нами не умеет жити, а мне дай Бог вас, братью свою, всю имети и весь род свой в правду, ако и душу свою»²⁵.

Наконец, младшие отказывали в повиновении старшему, если тот хотел обращаться с ними не по-родственному, не как с сыновьями, а как с подчиненными правителями, подручными. Так, Мстислав Ростиславич говорит Андрею Боголюбскому: «Мы тя до сих мест акы отца имели по любви; аже еси с сякими речьми

прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку, а что умыслил еси, а тое дей, а Бог за всем»²⁶.

Обязанность старшего блюсти выгоды своего рода, иметь всех своих родичей «ако и душу» не позволяла ему считать себя полновластным владельцем родовой собственности, располагать ею по произволу, он был только совладельцем с младшими родичами и распоряжал волостями сообща с ними; этим объясняются множественные формы, встречаемые в летописи,—*посадиша, выгнаша* и проч., которыми означает распоряжение целого рода, хотя по видимому действует один в. князь, напр., «преставись Вячеслав, сын Ярославль, в Смоленске, и *посадиша* Игоря в Смоленску»²⁷. Вот почему старший в роде, бывший другим *в отца место*, по занятии старшего стола делал ряд с младшею братьею касательно распределения родовой собственности: «Вячеслав же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: «Ты еси Ростиславу сын любимый, тако же и мне; а поеди семо ко мне, перебуди же, у мене Киев, доколе же придет Ростислав, а тогда *ряд вси учиним*»»²⁸. Или: «Иде Святослав к Любчю и призва к собе братью свою, Ярослава, Игоря, Всеволода; *ряды ему деюще*, сде же удеая велико зло в Киев и проч.»²⁹.

При этих рядах определяли не только, какому князю владеть какою волостию, но также известные правила, с которыми должны были сообразоваться князья в своем поведении, напр.: «Молвяше же Романови Святослав: «Брате! Я не ищю под тобою ничего же, но ряд наш так есть: оже ся князь извинить, то в волость, а муж у голову»»³⁰. После, когда права разных князей на старшинство запутались, то князья делали друг с другом ряды—если кто-нибудь из них получит старшинство, то чтобы отдал другому какую-нибудь область: «Святослав же нача слати к Ярославу с жалобою, река ему: «На чем еси целовал крест, а помяни первый ряд; рекли бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю, паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели; ныне же ты сел еси, право ли, криво ли—надели же мене»»³¹.

Ясно, что если каждый в. князь должен был делать ряды с братиею, то *завещания* в Древней Руси существовать не могло, ибо завещание показывает, что завещатель имеет право располагать собственностью по произволу.

б) Как приобреталось великокняжеское достоинство, или старшинство, в роде?

Первым, главным правом на великокняжеское достоинство было старшинство физическое, след., дядя имел первенство над племянником, старший брат над младшим, муж старшей сестры над младшими шурьями, старший шурин над младшими зятьями: «Рюрик же... размыслив, с мужи своими угадав, *бе бо Святослав старей леты*, и урядився с ним съступися ему старейшинства и Киева»³². Касательно старшинства дяди пред племянниками

Изяслав Мстиславич говорит о Вячеславе Владимировиче: «А се ми есть яко отец стрый свой»³³. В другом месте: «Язь Киева не собе ищю, но он отец мой Вячеслав брат старей, а тому его ищю»³⁴. Ростислав Мстиславич говорит Юрию Долгорукому: «Отче! Кланяются, стрый ми еси яко отец»³⁵. Касательно преимущества старшего брата над младшим св. Борис говорит про Святополка: «Тось ми буди в отца место»³⁶. О праве старшего зятя над младшими шурьями Изяслав Мстиславич говорит: «Всеволода есмь имел в правду брата старишаго, занеже ми брат и зять старей меня яко отец»³⁷. Король венгерский Гейза, женатый на младшей сестре Изяслава Мстиславича, не иначе зовет последнего, как отцом: «То же время король присла к Изяславу, река: «Отце! Кланяются и проч.»»³⁸.

Итак, по первому, естественному представлению о старшинстве дядя постоянно имел право пред племянником. Но теперь обратим внимание на второе представление: по смерти отца старший брат заступал его место для младших, становился отцом в отношении к ним, след., его дети должны были стать братьями дядьям своим; и точно такое представление существовало при родовых княжеских отношениях, ибо мы видим, что сыновья старшего брата называются братьями дядьям своим. Так, Юрий Долгорукий говорит племяннику Изяславу Мстиславичу: «Се, брате, на мя еси приходил» и проч.³⁹ Тот же Юрий с братом своим Вячеславом говорят полякам и венграм: «А ве ся с своим братом и сыном Изяславом сами ведаимы»⁴⁰. Наконец, Глеб, сын Юрия, ясно говорит Изяславу, что он для него имеет совершенно то же значение, какое и отец Юрий: «Ако мне Гюрги отец, тако мне и ты отец, а яз ти ся кланяю»⁴¹.

Но при таком представлении необходимо рождался вопрос: старший сын старшего брата, который стал отцом для младших братьев, стал по этому самому братом дядьям своим, но каким братом — старшим или младшим? Здесь опять два представления: первое, основываясь на физическом старшинстве, отдавало всегда преимущество дядьям пред племянниками, сыновья старшего брата были братьями дядьям своим, но братьями младшими: «Изяслав еда биться с Игорем, тако молвить: яз Киева не собе ищю, но оно отец мой Вячеслав брат старей, а тому его ищю»⁴².

Но в пользу племянников скоро явилось другое представление: старший брат стал отцом для младших, сыновья его из племянников стали для них братьями, старший между сыновьями отца есть необходимо старший между братьями, след., старший племянник старше дядей. Глеб Юрьевич называл своего двоюродного брата Изяслава таким же себе отцом, каким был для него сам Юрий, но на каком основании Мстислав Изяславич, старший сын этого отца, не будет для него старшим братом?

Последнее представление о старшинстве старшего племянника над дядьями явилось при самых первых столкновениях между правами Ярославовых потомков на старшинство, но встретило сильное сопротивление в общем мнении, которое было за естественное представление, основанное на физическом старшинстве дядей над племянниками: отсюда произошли страшные войны между Мстиславичами и Юрием Долгоруким и потомством его, в продолжение которых и до самого разъединения Юго-Западной, старой Руси, от Северо-Восточной, новой, торжество оставалось за представлением о старшинстве дядей над племянниками.

Так, летописец укоряет Ростиславичей северных, что они хотели занять Ростовскую область мимо дядей Михаила и Всеволода и не честили старшего брата: «Потом же Михалко и Всеволод поехаста в Володимирь с славою и честью великою, ведущю пред ним колодники, Богу наказавшу князь креста не переступати и старейшаго брата честити»⁴³. Так, сам Изяслав Мстиславич в борьбе с дядею не смел задевать господствующее понятие, основывал свои права не на старшинстве старшего племянника, а на дурном характере дяди, ясно говорил, как мы видели, что старшинство принадлежит дяде Юрию, и под конец принужден был раскаться в своих притязаниях и признать старшинство дяди Вячеслава; вот слова его к последнему: «Отце! Кланяются; аче ми Бог отца моего Мистислава отъял, а ты ми еси отец, ныне кланяются, согрешил есмь и первое, а того ся каю; а изнова коли ми Бог дал победити Игоря у Киева, а я есмь на тебе чести не положил, а потом коли у Тумаща; ныне же, отце, того всего каюсь пред Богом и пред тобою, оже ми отце того отдаси ты, то и Бог ми отдасть; ныне же, отце осе даю ти Киев, поеди, сяди же на столе деда своего и отца своего»⁴⁴. Так Юрий, четвертый дядя, торжествует над сыновьями старшего из Мономаховичей и получает великокняжеское достоинство; сын его Андрей торжествует над Мстиславом Изяславичем, старшим сыном старшего из двоюродных братьев, и Ростиславичи признают его отцом. Мало того! Брат его Всеволод III, самый младший сын 4-го Мономаховича, признается старшим от Ростиславичей, внуков самого старшего из потомков Всеволода.

Но в потомстве Всеволода III в Руси Северо-Восточной пересиливает представление о старшинстве сына от старшего брата уже не над одним младшим, но над всеми дядьями, причем, однако, до самого пресечения Рюрикова рода на престоле московском, дядья самые младшие не хотят уступить старшинства сыну от первого брата, так что оба представления остаются при своих крайностях, не уступают друг другу, не допускают ничего среднего. Так, когда Василий Дмитриевич требует от братьев, чтоб они признали старшинство его сына Василия,

пятый и самый младший из братьев Константин вооружается против этого требования; Владимир Андреевич Старицкий, рожденный от четвертого удельного, домогается престола мимо племянника, царевича Димитрия Иоанновича. Но в других родах, кроме княжеского, мы видим, что оба представления мирятся, а именно: первый племянник уравнивается в старшинстве с дядьями, но только с младшими, начиная с четвертого: таково положение местничества⁴⁵.

Отчего же произошло это различие? Во-первых, оттого, что в борьбу различных представлений о старшинстве в роде княжеском скоро вмешалось понятие об отдельной собственности, явившееся на северо-востоке вследствие господства городов новых. Преобладание отдельной собственности, разрушив родовую связь, заставило старшего брата воспользоваться своим положением для усиления собственной семьи на счет младших братьев; это приобретенное могущество, силу материальную, он передает своему старшему сыну, который, в свою очередь, пользуется наследственным могуществом для того, чтоб стать выше дядей, подчинить их себе, и таким образом, естественно и незаметно, чрез посредство понятия об отдельной собственности родовые отношения переходили в государственные.

Во-вторых, в роде княжеском подчинение младших братьев старшему гораздо сильнее, нежели в других родах, по той самой причине, что для князей нет более высшей власти в обществе, старший брат для них вместе отец и государь, значение старшего в роде княжеском, след., гораздо выше значения старшего в других родах и естественно, необходимо усиливает значение собственной семьи в князя, особенно его старшего сына: младший брат, чья в в. князе отца и государя, необходимо переносит это уважение и на сына его, своего племянника; тогда как в других родах значение старшего брата по смерти отца ограничивается, ослабляется присутствием высшей власти, правительства, государя, к которому и старшие и младшие находятся в одинаких подданных отношениях; след., здесь разница между старшими и младшим братьями вовсе не значительна: они почти равны друг другу, а это равенство и помогло старшим дядьям выиграть в борьбе означенных представлений и остаться старше племянников от первого брата.

Теперь остается вопрос: какое же основание тому, что в местничестве именно четвертый дядя теряет старшинство пред племянником от первого брата? Мы думаем, что объяснение такому счету можно найти в самом физическом старшинстве между членами семьи, ибо почти всегда в многочисленной семье только три старшие брата сохраняют некоторое равенство между собою касательно возраста, разница же между первым и остальными младшими, начиная с четвертого, так обыкновенно велика, что

последние находятся еще в детском возрасте, когда первый уже совершенно возмужал; притом обыкновенно случалось и случается, что при жизни отца только трое первых сыновей достигают зрелого возраста, тогда как другие остаются еще детьми и как несовершеннолетние вступают под надзор старшего брата, который на самом деле заступает для них место отца; мало того, в первоначальном обществе, когда браки заключались очень рано, обыкновенно случалось, что первый сын уже был женат, имел детей, тогда как младшие еще не родились или были в пеленках; след., старший сын от первого брата приходился физически старшим или, по крайней мере, равным младшим дядьям своим.

Подкрепим сказанное примерами из истории. У в. князя Святополка Изяславича было 4 сыновей: Мстислав, Ярослав, Изяслав и Брячислав; последний, четвертый, остался после отца малолетним, именно 10-ти лет (Лавр., стр. 119), и должен был находиться на руках старшего брата (Ярослава, ибо Мстислав уже умер), который заступал для него место отца. У Мономаха было 8 сыновей: из них Вячеслав, третий, если не считать умерших Изяслава и Святослава, и пятый, если считать их, говорит Юрию (4-му или 6-му): «Я был уже бородат, когда ты родился» (Ипатьев., [с.] 60); но если он был бородат, то мог быть и женат, след., его дети могли быть ровесниками Юрию; но сам Вячеслав был пятый брат, след., какова же разница между Юрием и самым старшим братом, Мстиславом? Но у Мономаха был младший сын Андрей, родившийся в 1102 году (Лавр., [с.] 118), а через 5 лет, в 1107 году, уже Юрий был женат (Лавр., [с.] 120); теперь, какова должна быть разница между самым младшим Мономаховичем, Андреем, и самым старшим, Мстиславом? Ясно, что старшие сыновья последнего должны быть старше дяди своего Андрея. У Мстислава В. было 4 сына: 4-й, Владимир, родился за год до отцовской смерти и должен был остаться младенцем на руках старшего брата — отца. У Димитрия Донского было 6 сыновей: младший, Константин, родился за несколько дней до отцовой кончины и остался на руках старшего брата, Василия. Итак, равенство 4-го брата с первым племянником основывается на старшинстве физическом, потому что обыкновенно 4-й брат уже слишком разнится возрастом от старшего брата, подходит к нему в сыновние отношения и, след., становится братом своему племяннику.

с) Случаи, исключавшие князей из старшинства и даже из владения родовой собственностью.

Род состоял из старших и младших членов; каждый младший мог, в свою очередь, сделаться старшим. Так, напр., у Ярослава I было 5 сыновей: Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь, которые по смерти отца были старшими членами рода, их дети

и внуки — младшими, но не все, а именно: Изяслав Ярославич как старший заступил место отца для братьев, след., его сыновья стали также братьями дядьям своим и потому также старшими членами рода. Итак, старшими членами рода были 5 сыновей Ярослава + сыновья Изяслава: эти старшие родичи назывались между собою братьями и только одни участвовали во владении родовою собственностью; все остальные, т. е. их дети и внуки, были младшими членами рода, сыновьями в отношении к старшим, считались малолетними, не способными владеть родовою собственностью, быть совладельцами с своими старшими. Ясно, что каждый из младших членов мог в свою очередь сделаться старшим, т. е. когда по смерти Изяслава вступил бы в старшинство Святослав и, след., стал бы к остальным братьям в отношении отца, то сыновья его стали бы из племянников братьями дядьям своим, т. е. из младших членов рода старшими, и т. д. переходили бы в старшие сыновья Всеволода, Вячеслава, Игоря.

Но могло случиться, что князь оставался навсегда младшим членом рода, навсегда малолетним, след., навсегда неспособным не только получить великокняжеское достоинство, но даже участие во владении, быть совладельцем с своими старшими. Это могло произойти, когда какой-нибудь князь умирал, не будучи старшим в роде, или в. князем: в таком случае дети его оставались навсегда младшими. Напр., у Ярослава I было сначала 6 сыновей: Владимир, Изяслав, Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь. Если бы Владимир остался жив, то по смерти отца стал бы в. князем и отцом для младших братьев, тогда бы сын его Ростислав стал братом дядьям своим, след., получил бы место старшего члена рода. Но Владимир умер при жизни отца, след., не был отцом для братьев своих, и потому сын его Ростислав не имел уже возможности быть братом дядьям своим, остался навсегда племянником, младшим, неспособным ни к великокняжескому достоинству, ни ко владению родовою собственностью.

Одним словом, можно выразиться так: племянники не могли быть совладельцами с своими дядьями. Если я говорю здесь: племянники, то исключаю сыновей старшего брата, которые были уже не племянниками, но братьями дядьям своим, причем разумеются сыновья такого старшего брата, который точно по смерти отца заступал его место для младших братьев; но если старший брат умирал при жизни отца и, след., не заступал отцовского места для младших, то сыновья его были для последних только племянниками и потому исключались из великокняжеского достоинства, равно как из владения родовою собственностью, и если получали волости, то этим обязаны были или милости дядей, или какому-нибудь другому обстоятельству.

Такой участи подверглось потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира, умершего при жизни отца; потомство Влади-

мира, старшего сына Ярослава I, равно как потомство Вячеслава и Игоря Ярославичей. Для предохранения сыновей своих от такой участи князья давали друг другу клятву, что в случае преждевременной смерти одного из них оставшийся в живых должен заботиться, чтоб дети покойного не были исключены из владения родового собственностию. Такую клятву дали друг другу Юрий и Андрей Владимировичи. «Сыну!—говорит Юрий племяннику Владимиру Андреевичу.—Яз есмь с твоим отцем, а с своим братом Андреем, хрест целовал на том яко кто ся наю останеть, то тый будеть обоим детем отец и волости удержати, а потом к тебе хрест целовал есмь имети тя сыном себе и Володимиря ти искати»⁴⁶.

Примеч. [1.] Подобный обычай исключения встречаем и на Западе у народов германского племени; так, читаем у Витикинда в *Annal. Sax. II* (*Res gestae Saxonicarum. II, 10.*—*Примеч. ред.*): «Произошел спор о законах; говорили, чтоб внуки не должны считаться наряду с сыновьями и делить с последними наследство, если отцы их умерли при жизни деда; вследствие чего король назначил всенародное собрание у города Стелы, где было положено рассмотреть дело чрез посредников. Но король не захотел, чтоб благородные мужи и старшины народа потерпели от того какое-нибудь оскорбление, и приказал решить дело поединком. Победила та сторона, которая внуков от умерших сыновей считала наряду с сыновьями, и подтверждено было, чтоб они делили наследство поровну с дядьми»⁴⁷.

Примеч. 2. Несколько ранняя смерть отца лишала сына права на дедовское наследство, но даже и смерть матери если не лишала совершенно, то по крайней мере уменьшала право. Указание на последний случай мы не встречаем ни в XI, ни в XII, ни в XIII веке, но в конце XVII, а именно: царевич Иоанн Алексеевич говорит, что брат его Петр Алексеевич имеет более права на престол, ибо у него жива мать Наталья Кириловна: «И государь царевич и великий князь Иоанн Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России изволил говорить: «Что пристойно были на Российском царствии и иных к Российскому царствию принадлежащих царствах и государствах великим государем царем и великим князем, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцем, брату его благоверному государю царевичу и великому князю Петру Алексеевичу, потому что у него, государя, здравствует мать его благоверная государыня царица и великия княгиня Наталия Кириловна»»⁴⁸.

Примеч. 3. Князья, которых отцы умерли при жизни дедов, назывались *изгоями*: «*Изгой* трои: попов сын грамоты не умеет; холоп — из холопства выкупится, купец одолжает, а се четвертое изгойство, и себе приложим, аще князь осиротеет»⁴⁹.

Второе обстоятельство, исключавшее князя из права старшинства или из пользования какою-нибудь волостию, было

насильственное лишение права или владения, изгнание из во-
лости, ибо по тогдашним понятиям битва была судом Божиим,
где побежденный, след., являлся виновным в глазах всех, его
поражение и изгнание считали праведным наказанием за грехи,
причем победитель был только исполнителем воли Божией.
Если побежденный, изгнанный князь силою оружия возвращал
свое право, свою волюсть, то в этом видели возвращение к нему
благоклонности Божией, прощение греха; если же не успевал
возвратить потерянное, то он и потомство его навсегда ис-
ключались из права на владение. Это понятие, что побежденный
есть грешник, раздражавший божество, всего яснее выражено
у Прокопия в рассказе его о вандале Гензерихе, который, входя
на корабль, предается на волю ветрам, долженствующим при-
мчать его к народу, раздражившему божество: *ἐφ' οὗς ὁ θεὸς
ᾧ ρυῖσται*⁵⁰.

В наших летописях князья постоянно именуют битву судом
Божиим; Изяслав Мстиславич говорит: «Даже мя постигнетъ
Володимер с семи, а с тем суд Божий вижю, а како Бог рассудит
с ним; паки ли мя усрящеть Юггри, а с тем суд Божий вижю, како
мя с ним Бог рассудит»⁵¹. Тот же Изяслав велел сказать сыну
своему Мстиславу: «Се уже мы идем на суд Божий, а вы нам,
сыну, всегда надоби»⁵². Вот почему Василий Шуйский, желая
доказать права свои на престол, говорит в окружной грамоте
о своем воцарении: «Учинилися есмя на отчине прародителей
наших, на Российском государстве царем и в. князем, его же
дарова Бог прародителю нашему Рюрику, иже бе от римского
кесаря, и потом многими леты и до прародителя нашего в. князя
Александра Ярославича Невскаго на сем Российском государстве
быша прародители мои, и посем на Суздальской удел раздели-
шась, *не отнятием и не от неволи, но по родству*»⁵³. Здесь ясно
видно, что отнятие и неволя лишали всякого права.

В заключение должно упомянуть, что после, когда линии
разошлись, младшие линии выбирали себе по произволу одного
из старших князей в отца место, иногда совершенно из другого
рода. Это именно принуждены были сделать князья рязанские
рода Святославова: отделившись от своего рода вследствие изг-
нания от Ольговичей и не могши, однако, существовать отдельно
и независимо, рязанские князья выбрали себе в старшие Ростис-
лава Мстиславича Смоленского из рода Мономахова⁵⁴. Такие
князья в отношении к старшему, на которого он смотрел,
наз[ывались] *ротниками*⁵⁵. Иногда даже младшие князья, оби-
женные старшими, отступали от них и примыкали к чуждому
роду, прибегая в покровительство его старшего⁵⁶.

Примечание [4]. Мы видели, что в. князь не имел неограни-
ченной власти под родовую собственность, но владел ею сообщ-
ца с целым родом: вот почему когда Андрей Боголюбский

выгнал братьев и племянников из Ростовской области, то летописец говорит, что он захотел быть *самовластцем* в Суздальской земле, т. е. таким властителем, который распоряжается всем самовластно, не стеснен родовыми отношениями, не ограничен правами родичей.

Для означения верховной власти, не стесненной родовыми отношениями, власти крепкой, постоянной, не зависящей ни от каких перемен, употреблялось название *царь, царский*. Так, Юрий Долгорукий говорит племяннику Изяславу: «Дай ми Переяславль, а ты посаже сына своего у Переяславля, а ты седи царствуя в Киеве»⁵⁷, т. е. а ты владей Киевом спокойно, независимо и безопасно, не боясь никого и не подчиняясь никому. В другом месте летописец, говоря о злодействах и гибели епископа Феодора, прибавляет: «Видя бо виде озлобление людей своих сих кротких Ростовския земли, от звероядиваго Федорьца погибающих от него, посетив (Бог) спасе люди своя, рукою крепкою, мышцею высокою, рукой благочестивою, *царскою* правдиваго, благовернаго князя Андрея»⁵⁸. Когда после Рутского сражения воины Изяславовы, нашедши своего князя в живых, изъявили необыкновенную радость, то летописец говорит, что они величали Изяслава, как *царя*⁵⁹.

Под именем великого князя разумелся только *старший* в роде княжеском; вот почему когда род Ярослава I разделился на многие независимые роды, то старший в каждом из них стал называться *великим* князем, хотя был владельцем самой ничтожной области и признавал над собою власть другого великого князя, литовского или московского. Так, напр., князь пронский назывался также великим князем, подобно московскому, тверскому и рязанскому, потому что был старшим в своем роде. *Великий* было синонимом: *старший*, и потому к именам некоторых князей прибавляется даже после существительного, напр., Владимир Великий, Мстислав Великий, Всеволод Великий, для отличия их от множества других младших Владимиров, Мстиславов и Всеволодов, а вовсе не в том смысле, в котором мы теперь придаем слово *великий* к именам исторических лиц, напр., Петр Великий, Карл Великий⁶⁰.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ПРИЗВАНИЯ РЮРИКА ДО СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I

Летописец говорит, что три князя варяжские, родные братья Рюрик, Синеус и Трувор, пришли к призвавшим их племенам славянским и финским *с своими родами*⁶¹. Об этих родичах, пришедших с тремя братьями, летопись после ничего не

упоминает; Рюрик, по ее свидетельству, раздаст города мужам своим⁶². Но хотя под именем мужей после постоянно разумеются члены старшей дружины, однако здесь мы имеем право разуместь родичей, именно потому, что об Аскольде и Дире сказано: «Бяста у него (Рюрика) 2 мужа, не племени его, но боярина»⁶³. Если у Рюрика было 2 мужа не племени его, то могли быть мужи племени его, родичи. Второе доказательство мнению, что под именем мужей, разосланных первыми князьями по городам, должно разуместь родичей, представляют слова договоров с греками, напр.: «даяти уклады на руские городы; по тем бо городам сидяху князья под Ольгом суще»⁶⁴.

Князьями же никогда не называются простые мужи, но всегда только члены владетельных родов. Об отношениях этих родичей к князьям мы ничего не знаем: можем только сказать, что эти отношения не были подобны последующим родовым отношениям княжеским, именно уже потому, что родичи Рюрика называются мужами его, что указывает на отношение дружинное, след., служебное, а не родовое.

Через два года по призвании умерли братья Рюрика. В 879 году умер он сам, оставив малолетнего сына Игоря, которого отдал на руки родичу своему Олегу, т. е. обязал последнего быть Игорю отцом⁶⁵. Что Игорь находился в сыновнем отношении к Олегу, свидетельствует выражение летописца: «Игореви возрастъшу, и хожаше по Олзе и слушаше его и приведоша ему жену»⁶⁶. Ходить по ком-нибудь, ездить подле стремени и обратное: водить при себе — суть выражения, означавшие всегда сыновние отношения⁶⁷. Равно на сыновнее же отношение указывает известие летописца о браке Игоря: «и приведоша ему жену», которое непосредственно следует за описанием его сыновних отношений к Олегу.

По смерти Игоря сын его Святослав остался малюткою; правление принимает на себя мать его Ольга: обычай, общий всем народам, явившимся на историческую сцену в начале средних веков, как славянского, так и германского племени. Отношения княжеские становятся сложнее в семействе Святослава, которое состоит уже из троих сыновей. По смерти Ольги, последовавшей в 969 году, Святослав, отправляясь навсегда в Болгарию, отдал прежние свои владения двум сыновьям — Ярополку и Олегу: первый остался в Киеве, второй пошел княжить в землю Древлянскую. Это не значит, чтоб у Святослава не было других владений: Новгород с окружным народонаселением (славянами) постоянно признавал зависимость от киевских князей: Олег наложил дань на славян и особую еще на новгородцев⁶⁸, он же водил славян (т. е. новгородцев) в поход на Греков⁶⁹, равно как и Игорь⁷⁰; жена последнего Ольга устанавливает повозы, оброки и дани в землях новгородских⁷¹.

Но кроме Новгорода за русскими князьями было много других городов и областей: еще Рюрик владел Белоозером, Ростовом, Муромом⁷²; Олег занял Смоленск и Любеч, где посадил своих мужей⁷³. Что эти города и области были заняты не временно только, но постоянно оставались под верховную власть киевских князей, доказательством служит исчисление племен, участвовавших в походах Олега и Игоря, равно как греческие уклады на города: Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч, где сидели князья, подручники Олеговы⁷⁴.

Итак, Ярополк и Олег Святославичи оставались князьями не одного Киева и Древлянской земли: они распределили остальные области между собою точно так, как после сыновья Ярослава I, князья киевский, черниговский и переяславский, распределили между собою отдаленные северо- и юго-восточные области, хотя об этом распределении лучшие списки летописи не говорят ничего: киевскому летописцу не было дела до отдаленного севера и востока.

У Святослава был еще третий сын, Владимир; но он не мог быть в счету, во-первых, потому что был малолетен, а во-вторых, потому что был рожден от рабыни; однако и Владимир получил волость благодаря новгородцам, которые хотели непременно иметь своего князя и в случае отказа грозили Святославу взять себе князя из другого рода⁷⁵. Святослав отвечал: «Да кому же идти к вам княжить: у меня только два сына; спросите у них, хотят ли они идти к вам?» И Ярополк, и Олег оба отперлись, говорит летописец. Тогда любчанин Добрыня, которого сестра Малуша, ключница Ольги, была матерью третьего сына Святославова, Владимира, уговорил новгородцев взять себе в князья последнего, ибо тогда при многоженстве не могло быть резкого различия между детьми законными и незаконными⁷⁶ и рождение Владимира от рабы не исключало его совершенно из семьи княжеской. Новгородцы послушались Добрыни и выпросили у Святослава Владимира, который и отправился княжить к ним вместе с дядею.

В 975 году началась вражда в семье Святослава. Мы знаем, что охота, после войны, была господствующею страстию средневековых варваров: для этого везде князья предоставили себе касательно охоты большие права, жестоко наказывая за их нарушение. Это служит достаточным объяснением происшествия, рассказанного нашим летописцем: Олег, князь древлянский, охотясь в лесах своего владения, встретил незнакомца, который позволил себе в них то же самое удовольствие; узнав, что то был Лют, сын Свенельда, боярина киевского, Олег не мог простить такой злой обиды, такого дерзкого нарушения самого драгоценного из прав своих, и убил Люта. Пролитая кровь требовала мести со стороны Свенельда. Просьбы седого героя,

вождя полков дедовских и отцовских, не могли быть тщетны: Ярополк как старший в роде пошел на Олега наказать его, взять его волость⁷⁷; Олег не хотел уступить, враждебные войска встретились у Овруча, и древлянский князь погиб в битве. Тогда Владимир Новгородский, услышав, что Ярополк убил брата, захватил его владение, побоялся той же участи и убежал за море к варягам.

Эверс, которому принадлежит первое научное воззрение на историю Древней Руси, в своем стремлении подвести все явления под понятия о праве, господствовавшие в тогдашнем обществе, предполагает, что Владимир считал своею обязанностью отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый исследователь, обращая внимание только на отношения Владимира к Олегу, упустил из виду отношение Владимира к Ярополку.

Точно, по понятиям того времени Владимир должен был мстить за смерть брата, но кому? Принимая в расчет родовые отношения, мы должны обращать внимание на совокупность этих отношений и не брать каждое порознь. Здесь дело идет между родными братьями, членами одного рода, одной семьи: на каждого родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственным средством защиты от насилий в то время, когда каждый род смотрел на себя как на отдельное целое, когда каждый знал только свой род и соблюдал только одни его интересы, не зная интересов и отношений государственных; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разных родов, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый род составлял одно нераздельное целое с своим главою, будь то отец, дядя, старший брат; здесь сын не мог мстить отцу, племянник дяде, брат брату ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу. После того ясно, что понятие о роде как об едином неразделенном теле совершенно исключает возможность мести, которая уславливается только разъединением, особенно; ясно, что Владимир не мог мстить Ярополку, потому что последний был ему старший брат, а старший брат всегда в отца место, мстить же отцу за брата есть несообразность.

Вот почему летописец, говоря о войне Владимира с Ярополком, хранит глубокое молчание о праве или обязанности первого отомстить за смерть Олега, тогда как прямо говорит, что Свенельд уговаривал Ярополка к войне с Олегом, желая отомстить за смерть своего сына⁷⁸. Но не имея права или обязанности мести, Владимир имел полное право воспротивиться незаконным поступкам старшего брата, точно так как после младшие князья считали себя вправе защищаться вооруженною рукою против насилий старшего, который разъединял свои интересы с интересами рода.

В таком точно положении находился и Владимир: он не имел обязанности мстить за смерть младшего брата старшему, ибо внутри рода месть не существовала; но имел право вооруженною рукою воспротивиться притязаниям Ярополка, столь ясно им обнаруженным. По возвращении из-за моря с варяжскими полками Владимир нашел в Новгороде Ярополковых посадников; он отослал их к киевскому князю с следующими словами: «Идите к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя, пристроивайся к битве»⁷⁹, а сам между тем оставался в Новгороде, затеявая свадьбу. Желая, вероятно, привлечь на свою сторону владельца полоцкого Рогволода, Владимир послал к нему свататься за дочь его Рогнеду: последней предстоял выбор между двумя соперниками, ибо и князь киевский также за нее сватался. Она не замедлила предпочесть Ярополка сыну рабыни. «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочу»,— отвечала она отцу своему⁸⁰. Этот презрительный отказ ускорил отправление Владимира из Новгорода, ибо он всего более должен был опасаться тесного союза Ярополка с полоцким князем и потому спешил предупредить его. Он присоединил к пришлым варягам славян, кривичей, чудь и пошел на Полоцк, где праздновали кровавую свадьбу: безродная Рогнеда должна была неволею выйти за сына рабы, ибо отец и двое братьев ее погибли от руки Владимира. Из Полоцка последний отправился на Киев, где ждал его легкий успех вследствие измены Блуда, главного боярина Ярополкова.

В то время как, по-видимому, Владимир следовал благородному обычаю отца, послав сказать брату, что идет на него, в то самое время он вел переговоры с Блудом, склоняя его к измене. «Если ты мне pomoжешь убить брата,—велел он сказать ему,—то будешь мне вместо отца»⁸¹—самое большое обещание, какое только можно было дать в то время, при господстве родовых понятий и отношений. В летописи помещены также слова Владимира, в которых он оправдывает свое поведение относительно брата. «Не я,—говорит новгородский князь,—начал избивать братью, но он; я пришел на него единственно из страха подобной же участи»: об обязанности мстить за смерть Олега ни слова!

Блуд обещал помощь Владимиру и уговорил Ярополка затвориться в Киеве, вместо того чтоб спешить с войсками против брата. Сперва он представил в. князю, что нечего бояться Владимира, который не посмеет стать в поле против многочисленных полков киевских⁸², а между тем искал случая, как бы убить Ярополка. Увидав, что между гражданами нельзя ожидать помощи своему намерению, и зная о приближении Владимира, Блуд начал уговаривать Ярополка оставить Киев, представляя, что жители последнего сносятся со врагом. Ярополк послушался и удалился в Родню, где был осажден войсками Владимира и терпел голод. Тогда же Блуд начал представлять

невозможность дальнейшего сопротивления и уговорил Ярополка помириться с младшим братом на всей воле последнего, вопреки увещанию верного отрока Варяжко, который догадывался об измене и советовал князю бежать к печенегам за помощью. Предсказания Варяжко сбылись: Ярополк был убит в то время, как шел на свидание с братом⁸³. Владимир занял стол киевский.

При рассказе об этом событии я не могу умолчать об известном отрывке из Иоакимовой Новгородской летописи, сохраненном у Татищева: здесь обнаружена главная пружина действия, сокрытая у летописца киевского, а именно борьба язычества с христианством.

Нам известно, что отец Владимира Святослав по своему характеру не мог склониться на увещания св. Ольги и что поклонники Христа в его княжение подвергались ругательствам со стороны поклонников Перуна, хотя гонения не было. Но во время Греческой войны, по свидетельству Иоакима, Святослав переменил свое поведение в отношении к христианам: поверив внушениям окружавших его язычников, будто виновниками неудачи русского оружия были христиане, находившиеся в войске, князь воздвиг на них гонение, причем не пощадил даже родного своего брата Глеба, и послал в Киев приказ разорить христианские храмы⁸⁴: одна смерть гонителя положила конец бедствиям Русской церкви. Но отказавшись от принятия христианства сам, Святослав между тем оставил сыновей своих при бабке христианке: ясно, какие внушения должны были получить от нее молодые князья. Иоаким говорит, что Ярополк был человек кроткий и милостивый, любил христиан, и если сам не крестился из боязни народа, то по крайней мере иным не препятствовал. Те, которые при Святославе ругались над христианством, естественно не любили князя, приверженного к этой религии: этим нерасположением воспользовался Владимир и успел отнять жизнь и владение у брата⁸⁵.

Если мы примем во внимание рассказ Иоакима, то нам объяснится поведение Владимира в первые годы его княжения: торжество Владимира было торжеством языческой стороны над христианскою; вот почему новый князь знаменует начало своего правления необыкновенною ревностью к восстановлению и утверждению язычества, ставит кумиры на высотах киевских, дядя его Добрыня поступает точно так же в Новгороде. Нам известно, что славяне-язычники более всего негодовали на христианство за непозволение многоженства⁸⁶: в ознаменование торжества языческой стороны князь, виновник этого торжества, предается необузданному женолюбию. Судя по выражениям летописца, никогда в Русской земле не было видно такого гнусного идолослужения: «Родители приводили пред кумиры сыновей и дочерей своих

и приносили их в жертву бесам, оскверняли землю требами своими, и осквернилась кровью земля Русская»⁸⁷.

Язычество, торжествуя победу, не могло оставить в покое соперничающую религию: к началу Владимирово княжения относится известие о христианских мучениках в Киеве⁸⁸. Что Владимир действовал таким образом в пользу язычества не по убеждению, а единственно в угоду стороне, доставившей ему успех, доказывает скорое обращение его к христианству, когда сторона приверженцев этой религии начала брать верх.

Приняв христианство и обязавшись единобрачием, Владимир был в затруднении касательно прежних своих сожительниц и потому решил разослать их с сыновьями в разные области своего обширного владения⁸⁹. В летописи находим имена 12 сыновей Владимира, но без определения, в каком порядке один за другим следовали по старшинству: в одном месте, при исчислении жен Владимировых, они поставлены по матерям; в другом, где говорится о рассылке сыновей по областям, они следуют в другом порядке. Постараемся, по некоторым данным, определить порядок старшинства между ними.

В Новгород был отправлен Вышеслав: мы знаем, что в этот город посылался обыкновенно старший в семье в князя; из этого можем заключить, что Вышеслав был старший сын Владимира, тем более что в известии о рассылке по областям он поставлен первым⁹⁰. Но в предшествующем исчислении жен Владимировых⁹¹ Вышеслав поставлен после сыновей Рогнединых и гречанки, вдовы Ярополковой, и назван сыном чехини: если Вышеслав был старший, то должен был родиться еще в Новгороде, но странно, что чехиня зашла так далеко на север. Иоакимовская летопись и здесь, поправляя ошибку начальной Киевской, объясняет дело совершенно удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называет Оловою, женою варяжскою⁹². Потом следует сын Рогнеды Изяслав, получивший волость деда своего по матери, Полоцк.

Тотчас после брака с Рогнедою Владимир женился на вдове брата своего Ярополка, и потому рожденного от последней Святополка мы имеем полное право поставить в третьих после Вышеслава и Изяслава. Этот Святополк получил в удел Туров и по смерти Вышеслава и Изяслава оставался старшим в роде, как ясно указывают слова св. Бориса: «Не буди мне взняти руки на брата своего старейшаго; аще и отец ми умре, тось ми буди в отца место»⁹³. За Святополком мы должны дать место Ярославу, также, по летописям, сыну Рогнеды; Ярослав получил сперва Ростов, а потом, по смерти старшего Вышеслава, переведен в Новгород. Этот перевод Ярослава в Новгород мимо старшего Святополка Туровского объясняется свидетельством Дитмара, что Святополк в это время был под гневом отца и даже

в заключении. Что Ярослав после Святополка был старшим, доказательством служит также, что сестра его Предслава обратилась к нему с известием о злодействах Святополка как представителю рода. Всеволод, также сын Рогнеды, получил Владимир Волынский; Святослав и Мстислав, которых мать в начальной Киевской летописи названа чехинею другою, в отличие от мнимой матери Вышеслава⁹⁴, получили — первый землю Дrevлянскую, второй Тмуторакань. Мать Святослава Иоакимовская летопись называет Малфридою; что это имя одной из жен Владимира не вымыслено, доказательством служит в начальной Киевской летописи упоминание под 1002 годом о смерти Малфриды, которая здесь соединена с Рогнедою⁹⁵; мать же Мстислава Иоаким называет Аделью или Адилью. Второго сына Адели Станислава этот же летописец, равно как и некоторые другие, отсылает в Смоленск, а Судислава во Псков⁹⁶.

Теперь остается определить мать и возраст Бориса и Глеба. В начальной Киевской летописи матерью их названа болгарыня, волостью первого Ростов, второго Муром. Но ясно, что здесь упоминается уже второе распоряжение, ибо при первом распределении волостей Ростов был отдан Ярославу; поэтому в некоторых списках, бывших в руках у Татищева⁹⁷, прибавлено, что сначала Борис получил Муром, а Глеб Суздаль.

Несмотря на это, молчание лучших списков летописи о первоначальных волостях Бориса и Глеба, равно как совершенное молчание о волостях Станислава, Судислава и Позвизда, ведет нас к заключению, что во время первой рассылки сыновей по волостям все эти князья или были очень малы, или некоторые из них, быть может, еще не родились⁹⁸. Любопытно, что в летописи Иоакима матерью Бориса и Глеба названа Анна царица, причем Татищев соглашается свидетельству киевского летописца о болгарском происхождении матери Борисовой тем, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоров Василия и Константина, которых тетка, дочь Романа, была в супружестве за царем болгарским⁹⁹. Если б так было, то для нас уяснилось бы предпочтение, которое оказывал Владимир Борису как сыну царевны и рожденному в христианском супружестве, на которое он должен был смотреть как на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведение Ярослава, который, считая себя, при невзгоде Святополка, старшим, но видя предпочтение отца Борису, не хотел быть посадником последнего в Новгороде¹⁰⁰ и потому спешил объявить себя независимым.

Как бы то ни было, Борис единогласно описывается человеком в самой цветущей юности: «Аки цвет во юности своей... брада мала и ус, млад бо бе еще». Если предположим, что он был первым плодом брака Владимирова с Анною, то в год отцовый

смерти ему было 25 лет. Летописец прибавляет, что Борис *светился царски*, желая, вероятно, указать на его царственное происхождение по матери. Отец любил его более других сыновей и держал при себе, в чем видно было намерение сделать его своим преемником на столе киевском, тем более что старший сын Святополк был в совершенном разладе с отцом¹⁰¹.

Святополк имел в супружестве дочь польского князя, знаменитого Болеслава I. Здесь в первый раз Русь вошла в сношение с Польшею, которое повело, однако, к неприязни вследствие разделения церковей, споривших в то время за мир славянский. Западной церкви, которая опиралась на меч германского императора, удалось захватить чехов и поляков. Болеслав, имея главной целью своей деятельности высвобождение Польши изпод зависимости и влияния империи, в то же время сам разрушал свое здание, будучи ревнителем латинства. Вместе с дочерью он прислал к Святополку Рейнберна, епископа колобрежского (колбергского). Этому прелату удалось склонить туровского князя на сторону западной церкви; Владимир, узнав об этом, велел схватить Святополка с женою и епископом и заключить в темницу¹⁰². Это раздражало Болеслава: он поспешил заключить мир с империею и в начале 1013 года с немецкими наемными войсками и печенегами явился в пределах Руси; но вражда печенегов с польскими войсками помешала походу, притом, как видно, Владимир, склонившись на требования Болеслава, выпустил Святополка из темницы, однако не возвратил в Туров, а держал у себя в Киеве¹⁰³.

Несмотря на то, что Владимир умер, не урядив детей своих, не успев торжественным распоряжением передать Киев Борису, на стороне последнего была отцовская дружина и граждане киевские. Дружина Владимирова, бояре, старые думцы предпочитали Бориса всем его братьям, потому что он постоянно находился при них, привык с ними думать думу, тогда как другие князья привели бы с собою своих любимцев, как это и сделал Святополк, если обратит внимание на намеки летописца о поведении последнего: «Люте бо граду тому, в нем же князь ун любяй вино пити с гусльми и с младыми советники»¹⁰⁴. Граждане также благоприятствовали Борису, потому что братья их были с ним¹⁰⁵. Вот почему, когда умер Владимир, то хотели скрыть смерть его от Святополка до прибытия Бориса, которого отцовская дружина уговаривала идти на стол киевский; но молодой князь, верный родовым понятиям, отвечал, что не подымет руки на старшего брата, который будет ему вместо отца: тогда войско разошлось, оставив Бориса с малым числом приближенных слугителей.

Между тем Святополк объявил себя князем в Киеве и сыпал дарами в граждан для привлечения их на свою сторону. Видя

в Борисе страшного соперника, не зная чистоты его намерений или сомневаясь в них, Святополк решил освободиться от него злодейством: он послал своих приверженцев убить Бориса. Но у последнего был одноутробный брат, Глеб, разделявший вместе с ним предпочтение отцовское. Святополку нужно было избавиться и от этого: он вызвал его с востока под предлогом болезни отцовской и послал убить на дороге. Испуганный Святослав, князь древлянский, вздумал спастись бегством в чуждые страны, но был перехвачен на пути и убит слугами киевского князя.

Тогда Святополк, видя удачу, начал помышлять об истреблении всех остальных братьев и об единовластии¹⁰⁶, следуя близкому примеру тестя своего Болеслава Польского, который изгнанием и ослеплением избавился от братьев и всех родичей. Ярослав Новгородский сведал об этих замыслах от сестры Предславы, когда сам находился в самом затруднительном положении. Мы упоминали уже, что он рассорился с отцом своим Владимиром, отказавшись платить дань к Киеву, и, зная, что отец собирается на него с войском, нанял варягов. Наемники начали поступать с новгородцами, как с завоеванными, а князь, имея в них нужду, смотрел сквозь пальцы на их бесчинства. Тогда граждане решились управиться сами и перебили насильников. Раздраженный князь хотел отомстить и за свою власть, и за своих храбрецов, тем более что безнаказанность новгородцев заставила бы и последних варягов убраться за море: знатнейшие из виновников убийства были позваны на вече к князю и перебиты. Но в следующую же ночь Ярослав получил известие об опасности со стороны Святополка; он собрал вече и простоудушно признался, что очень жалеет о смерти новгородцев, потому что теперь они бы емугодились, золотом бы купил их¹⁰⁷.

Новгородцы отвечали, что, несмотря на убийство сограждан, они еще имеют довольно силы, чтоб стать за своего князя против братоубийцы¹⁰⁸. Как видно из этих слов, новгородцы не были очень сердиты на Ярослава, ибо считали, по тогдашним понятиям, делом обыкновенным, что князь отомстил их согражданам за смерть варягов; притом считали обязанностию стать за своего князя, которого выгоды были связаны с их собственными, который хотел освободить их от зависимости и дани киевской и в случае бегства которого они должны были принять Святополковых посадников. Наконец, не должно упускать из виду того обстоятельства, что в городе, где господствовала вражда родовая, вражда сторон, князь, перебивший старшин одной стороны, мог всегда надеяться на содействие от другой. Ярослав собрал в Новгородской области 40 000 войска да наемных варягов 1000 и пошел на Святополка. Он выставял причиною войны, во-первых,

то, что старший в роде убил без вины младших родичей, а потом — право самосохранения¹⁰⁹.

Оба брата встретились при Любече. Дружинники Святополка ругались над войском Ярослава, состоявшим преимущественно из горожан и сельского народонаселения; они кричали новгородцам: «Где вам, плотникам, сражаться с нами, ступайте прочь с хромым вашим князем: мы вас заставим строить нам дома»¹¹⁰. Но эти мирные промышленники, эти плотники умели так же хорошо владеть топором и на поле битвы; раздосадованные насмешками дружинников, новгородцы повестили своему князю, что на другое утро непременно вступят в бой, а если кто не пойдет с ними, того сами умертвят¹¹¹. У Ярослава были доброжелатели в неприятельском стане: они известили его об удобном времени к нападению, когда Святополк с дружиною, пропировавши всю ночь, не был способен к защите. Ярослав одолел в битве и занял Киев; Святополк бежал к печенегам¹¹², хотел с ними овладеть Киевом¹¹³, но был отражен и удалился в Польшу к тестю Болеславу.

Это заставило киевского князя вступить в союз с императором Генрихом II против Польши, вследствие чего Ярослав выступил в поход и осадил Брест, но, как видно, без успеха. Неприязненное движение с востока заставило Болеслава поспешить заключением мира с немцами, чтоб обратить все свои силы на Русь. Летом 1018 года вступил он в поход и 22 июля достиг Буга. Русское войско не выдержало натиска Болеславова и обратилось в бегство; Киев отворил ворота победителю. И здесь, точно как прежде у чехов, Болеслав заботился только о своих выгодах, а не о выгодах союзников: он велел развести свое войско по окрестным городам на кормление, причем обнаруживал намерение оставить Русь за собою и утвердить свою столицу в богатом Киеве. Наши летописцы¹¹⁴ приписывают Святополку приказ убивать разведенных по городам польских воинов, но вероятнее, что сами поляки, как прежде у чехов, насильственными поступками возбудили восстание в жителях. Как бы то ни было, Болеслав должен был спешить уходом из Киева, оставив Святополка на жерту князю новгородскому.

Ярослав после Бужского сражения явился беглецом в свой Новгород и хотел уже бежать за море, как был остановлен гражданами, которые теперь не могли ожидать ничего хорошего от Святополка, показавши себя раз столь ревностными защитниками врага его, и потому должны были решиться на самые сильные меры. Они с посадником своим Константином, сыном Добрыни, след., двоюродным братом Ярослава, изрубили лодки, приготовленные князем для бегства, объявили Ярославу готовность свою биться и с Святополком и с Болеславом и не теряли времени: собрали деньги, наняли варягов, и скоро Ярослав мог

снова выступить в поход. Святополк, оставленный Болеславом, должен был опять обратиться к печенегам. Оба брата встретились на реке Альте, на том самом месте, где пал Борис под ножами убийц. Святополк был вторично разбит и пропал без вести¹¹⁵. Скандинавские предания приписывают смерть его витязю Эймунду, служившему в войске новгородского князя.

Вступив вторично в Киев, Ярослав щедро наградил своих воинов, особенно новгородцев; но скоро ему представился случай поблагодарить последних за услугу, ему оказанную, тем же самым способом, именно защитой от врага.

Брячислав Изяславич, князь полоцкий, явился внезапно пред Новгородом, взял его, захватил множество граждан с имением и спешил назад в свою отчину, но на пути был настигнут Ярославом, которому удалось обратить его в бегство и отбить пленников¹¹⁶. Брячислав, хотя по тогдашним понятиям не имел никакой возможности вступить в права отца своего Изяслава, который умер еще при жизни Владимира, не будучи старшим в роде, однако, по-видимому, добивался нового распределения волостей между родичами, более равного, и Ярослав, несмотря на победу, хотел склонить Брячислава к миру прибавкою нескольких городов к прежнему княжеству Рогволодову. Он хотел обезопасить себя со стороны Изяславича, ибо, вероятно, предвидел, что Мстислав Тмутараканский недолго оставит его в покое.

Этот Мстислав, славный удальством в поединках, отличался чисто варяжским характером: он любил только свою дружину, ничего не считал для нее, но пренебрегал остальным народонаселением¹¹⁷; отдаленное владение на берегу моря и постоянная борьба с окрестными варварами благоприятствовали образованию такого характера. Так как теперь оставалось только трое Владимировичей — Ярослав, Мстислав и Судислав, то князь тмутараканский считал себя вправе требовать нового, более ровного распределения волостей в общей родовой собственности¹¹⁸. В 1023 году, когда в. князь был в Новгороде, Мстислав явился на Руси и сел в Чернигове. Ярослав, узнав о таком неприятном соседстве, призвал варягов, встретил Мстислава при Листвене, был разбит и принужден согласиться на ровное распределение волостей: земли на востоке от Днепра достались Мстиславу, на западе — Ярославу¹¹⁹.

Это распределение волостей очень важно, ибо впоследствии на нем основалось мнение, что князь, которому досталась восточная, тмутаракано-черниговская половина русских владений, не имел уже никакого права на западную, киевскую. В 1036 году Мстислав умер на охоте¹²⁰, не оставив потомства, ибо единственный сын его Евстафий умер еще прежде него¹²¹. Оставался теперь из братьев только один Судислав Владимирович: Ярослав

не дожидаясь, чтоб и этот брат стал требовать ровного распределения волостей, и поспешил заключить его в темницу¹²². Так окончились отношения между сыновьями Владимира Великого.

ГЛАВА III

О РАСПОРЯДКЕ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ ЯРОСЛАВА I

По смерти Ярослава I области, занятые первыми варяго-рускими князьями, разделились между двумя владетельными родами: первый род составляло потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира. Летописец рассказывает, что Владимир выделил Изяслава, дав ему Полоцкую область, княжение деда его по матери, Рогволода¹²³. Но выделенный раз член рода не имел уже более права на родовое имущество, и потому полоцкие князья, потомки Изяслава, не могли иметь притязаний на остальную собственность Владимирового рода¹²⁴. Но если бы потомство Изяслава и не было выделенным, то и тогда оно не имело бы права на старшинство и на участие во владении родовою собственностью, ибо Изяслав не был по смерти отца старшим, или великим, князем, не был для братьев отцом, и потому сыновья его остались навсегда младшими членами рода, не могли быть сонаследниками с дядьями своими.

Второй владетельный род был род Ярослава Владимировича, которому и достались все остальные русские области. Этот род по смерти Ярослава состоял из 5 братьев: старший из них Изяслав стал к прочим братьям в отца место; младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был еще племянник Ростислав, сын старшего Ярославича Владимира; Ростислав вследствие преждевременной смерти отца не мог быть сонаследником с дядьми.

Ярославичи распорядились в своих областях следующим образом: четверо старших поместились в области Днепровской; трое на юге, в собственной Руси: Изяслав в Киеве, Святослав в Чернигове, Всеволод в Переяславле; четвертый, Вячеслав, поставил свой стол в Смоленске. Что касается до пятого, Игоря, то в летописях встречаем затруднение. В Пушкинском и Кёнигсбергском списке не упоминается об нем, когда говорится о предсмертном распоряжении Ярослава I; в Троицком списке другою рукою написано внизу: «А Игорю Володимерь»¹²⁵.

На этом основании Карамзин¹²⁶ внес в текст, что Игорь, обделенный отцом, получил от старшего брата в *частный* удел город Владимир. В самом деле, сыновья Изяслава считали Владимир Вольинский своею отчиною. Святополк, собираясь отнять

у Ростиславичей их волость, говорил: «Се есть власть отца моего и брата»¹²⁷. Но если так, то по какой же причине Игорь был обделен?

Игорь во время смерти Ярослава не был малолетен; он родился, по Татишеву¹²⁸, в 1036 году, след., в 1054 г. имел 18 лет. Если бы даже кто не захотел верить свидетельству Татищева, то известно, что Игорь, умерший через 6 лет, в 1060 году, был уже женат и оставил двоих сыновей, след., 6 лет назад не мог быть младенцем. Исключение Игоря, по нашему мнению, может объясниться только следующим образом. Ярослав при жизни своей разослал сыновей по разным областям: Изяслава в Новгород, Святослава в Чернигов, Всеволода в Переяславль, Вячеслава в Смоленск; Игорь же как младший оставался при нем. Как скоро Ярослав умер, то Изяслав стал княжить в области Киевской, остальные братья остались в прежних своих областях, а Игорю, еще не имевшему волости, братья отдали Владимир Волынский, точно так как по смерти Вячеслава перевели его в Смоленск¹²⁹. Игорь владел своею областью точно так же, как другие братья владели своими: различия в способе владения, *уделов частных* и каких-нибудь других еще быть в то время не могло, ибо господствовали исключительно родовые отношения, а не отношения по собственности, по зависимости; право же Изяславова потомства на Владимирскую область основывается на том, что после перевода Игоря в Смоленск и после ухода Ростислава Владимировича в Тмутаракань Волынская волость как праздная примкнула к Киевской области Изяслава.

Против нашего мнения могут выставить место в летописи, где говорится, что Ярослав урядил сыновей своих, уже находясь на смертном одре¹³⁰. Но если внимательнее взглянуть в это место, то нельзя не признать его позднейшим сочинением, именно по тем словам, которые летописец влагает в уста умирающего князя и которые получили значение позже, во время страшных усобиц между потомками Ярослава. Вот эти слова: ««Се яз отхожу света сего, сынове мои; имейте в себе любовь, понеже вы есте братья единого отца и матери; аще будете в любви межи собою, Бог будет в вас, и покорить вы сопротивныя под вы, и будете мирно живуще. Ащель будете ненавистно живуще, в прях котороющесь, то погинете сами, и землю отец своих и дед своих, иже нелезоша трудом своим великим; но пребывайте мирно, брат брата послушающе»... И так раздели им грады, заповедав им не преступати предел братия, ни згонити». Эти выражения принадлежат к тем местам в летописи, которые встречаются постоянно в известных случаях; так, напр., у летописцев есть освященные обычаем выражения для описания свойств доброго князя; есть обычные выражения, прибавляемые к описанию княжеских котор, народных восстаний, половецких нашествий и проч. Теми же словами,

которые летописец влагает в уста Ярослава, митрополит Николай уговаривает Мономаха не воевать с Святополком¹³¹.

Следов., мы никак не должны принимать описание кончины Ярослава I за факт несомненный; не говоря уже о приведенных выражениях, которые обличают позднейшие обычные вставки; в самом описании событий, как они следовали друг за другом, есть несообразности. В начале описания сказано: «Еще живу сущу ему (Ярославу) наряди сыны своя, рек им: «Се яз отхожу света сего»». «Наряди сыны своя» показывает, что все сыновья тут были, но каким же образом случилось, что во время кончины в. к. подле него был только один Всеволод? Каким образом Изяслав, которому умирающий князь поручает старшинство и киевский стол, оставляет смертный одр его и едет в Новгород? Он не мог думать, что отец еще долго проживет, потому что в летописи Ярослав говорит: «Се яз отхожу свете сего». Вместе с Изяславом разъехались все другие Ярославичи, кроме Всеволода, который и похоронил отца; даже не было Игоря, самого младшего, которому и стол не был назначен. О Святославе Черниговском сказано, что он был во время отцовской смерти во Владимире — вероятно, для дел ратных. Изо всего видно, что летописец, желая непременно заставить Ярослава сказать что-нибудь о братолюбии, соединил два отдаленные друг от друга события: рассылку сыновей по областям и кончину Ярослава.

В одной летописи XV века (Синодал[ьная] библиот[ека], № 349, л. 227) и в Новгород[ской] попа Иоанна (стр. 311) сказано, что Изяслав взял себе Новгород и Киев с городами его, Святослав — Чернигов и всю страну восточную до Мурома, а Всеволод — Переяславль, Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволожье¹³². Это известие справедливо касательно Мурома. Олег Святославич говорил Изяславу Владимировичу Мономашичу: «Иди в волость отца своего к Ростову, а то (Муром) есть волость отца моего»¹³³. Белоозеро же принадлежало сначала Святославу, потому что в 1071 году мы видим там его данщиков¹³⁴. К областям Святославовым причислен был также Тмутаракань. Ростов не вдруг достался Всеволоду: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему Ростиславу Владимировичу, которого после, однако, по смерти Вячеслава и перемещении Игоря в Смоленск перевели во Владимир Вольнский.

Об этом говорит один Татищев¹³⁵; но мы имеем полное право принять его известие, основываясь во 1) на том, что хотя в некоторых списках летописи и находится, что Ростислав убежал в Тмутаракань из Новгорода, зато в других не означено вовсе места, откуда убежал. 2) По смерти Ростислава дети его живут во Владимире Вольнском: летописец указывает нам их там. 3) Ростиславичи питают непримиримую вражду к Ярополку Изяславичу: эту вражду можно объяснить только тем, что они видели

в нем похитителя своего наследия. 4) Вражда Ростиславичей, Давида Игоревича и Святополка Изяславича может быть объяснена только тем, что все эти князья считали себя вправе владеть Владимирскою областью.

При распорядке между сыновьями Ярослава I необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Между князьями Древней Руси существовало мнение, что Днепром русские области разделяются на две половины так, что та линия рода Ярослава, которой достанется восточная половина, не имеет уже права на западную сторону. Это мнение основывалось на том, что так были разделены русские владения между Ярославом I и братом его Мстиславом Тмутораканским, хотя Мономаховичи, утвердившиеся на западной стороне, ограничивали Святославово потомство одною стороною восточною на основании Ярославова¹³⁶ рjada; но во 1) мы знаем, как верить завещаниям Ярослава I, во 2) если бы даже все слова, которые летописец влагает в уста Ярославу, точно принадлежали этому князю, то они-то именно и противоречат означенному мнению, ибо Ярослав говорит, что Всеволод должен наследовать киевский стол по братьях, т. е. после Изяслава и Святослава: «Аще ти подаст Бог прияти власть стола моего *по братьи своей* со правдою, а не насильством»¹³⁷; в 3) если бы владение восточною, чернигово-тмутораканскою, стороною исключало из владения западную стороною, в таком случае и потомство Всеволода, по завещанию Ярослава, также исключалось из владения Киевом, ибо Всеволоду назначена была отцом область также на восточной стороне Днепра — Переяславль.

Так владело русскими областями Ярославово потомство. Но еще был жив один из сыновей св. Владимира, несчастный Судислав, заключенный в темницу братом Ярославом. Племянники освободили всеми забытого и потому неопасного старика, взявши, однако, с него клятву не затевать ничего для них предосудительного. Судислав воспользовался своею свободою для того только, чтобы принять монашество, после чего скоро и умер¹³⁸.

ГЛАВА IV

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ ОТ СМЕРТИ ЯРОСЛАВА I ДО СМЕРТИ МСТИСЛАВА I ВЛАДИМИРОВИЧА МОНОМАШИЧА

В 10-й год Изяславова старшинства (1064) Ростислав Владимирович, лишенный надежды на старшинство преждевременною смертию отца и обязанный кормиться тою волостию, какую дадут

ему дядья из милости, покинул семейство во Владимире Волынском и удалился в Тмуторакань¹³⁹: здесь на отдаленном застепном приморье, окруженном разными варварскими народами, был самый удобный притон варяжничеству; сюда стремились все те, которым почему-нибудь было тесно в обществе, здесь из разноплеменных пришлецов составлялись дружины, готовые на все возможные подвиги под знаменами первого искателя приключений: здесь же надеялся и Ростислав собрать многочисленную и отважную дружину, с которою если и не мог возратить утраченное старшинство, то по крайней мере мог быть независим от произвола дядей.

В Тмуторакани, зависевшей, как мы видели, от Чернигова, княжил сын черниговского князя Глеб Святославич. Ростислав вытеснил его оттуда, потом впустил опять, не желая сражаться с дядею Святославом, пришедшим восстановить сына на стол; но, как скоро Святослав удалился, Ростислав снова выгнал Глеба, утвердился в Тмуторакани и стал ужасом соседей¹⁴⁰. Лукавый грек, правитель Корсуня, не усомнился злодейством избавиться от храброго варяга: он отравил Ростислава¹⁴¹.

Но когда восточным областям русским нечего уже было опасаться вторжения от исключенного из старшинства князя, области западные терпели от другого подобного же князя, именно от Всеслава Полоцкого. Всеслав наследовал от отца ненависть к потомству Ярослава¹⁴². В 1067 году он явился во владениях последнего, пожег и разграбил Новгород, не пощадил даже и святых¹⁴³. Соединенные Ярославичи отплатили Всеславу страшным опустошением его собственных владений и поражением его самого на берегах Немизы, или Немана, которого берега прослыли оттого кровавыми в народе¹⁴⁴. Желая избавиться и от другого исключенного князя, Ярославичи, подобно греческому правителю Корсуня, прибегли также к лукавству: они призвали к себе Всеслава под клятвою не делать ему никакого зла, нарушили эту клятву, схватили доверчивого князя, отвезли в Киев и заключили в темницу¹⁴⁵. Но коварство не помогло: исключенные князья множились все более и более.

По смерти Вячеслава Смоленского и переведенного на его место Игоря остались сыновья, которые не могли быть сонаследниками с дядьями и потому должны были оружием отыскивать владения на Руси. Скоро на помощь обделенным князьям является дикая орда кочевников, которая вписала имя свое в наших летописях тем, что участвовала во всех усобицах Русской земли, опустошая ее под знаменами враждующих князей: я говорю о половцах. Этот бич Божий за грехи народа, по выражению летописца¹⁴⁶, явился в русских пределах еще в 1055 году. Тогда Всеволод Переяславский, вероятно дарами, успел отвратить их от своей области¹⁴⁷, но ненадолго: в 1060 они явились снова,

разбили Всеволода, опустошили страну¹⁴⁸; в 1068 Ярославичи должны были соединить свои полки для отражения варваров. Но недавнее клятвопреступление против Всеслава требовало казни, говорит летописец¹⁴⁹, и Ярославичи были наголову разбиты половцами на Альте.

Изяслав явился беглецом в Киев, к ужасу и негодованию граждан, которые считали обязанностью доброго князя умирать за людей, вверившихся его защите. Собралось вече: решили идти просить у князя оружия и коней, чтоб выступить одним против врагов. Согласиться на такое требование значило отказаться от главной своей обязанности и вместе с тем, след., от своих прав, потерять свое значение. Изяслав после долгих споров с киевлянами отверг их просьбу. Тогда народ решился добыть себе князя, который бы мог защищать его, и что предвидели некоторые из думцев Изяславовых, то исполнилось: народ освободил Всеслава из темницы и провозгласил его князем. Изяслав не смел отжаться на борьбу с соперником и убежал в Польшу. Сокровища казны его были разграблены ожесточенным народом¹⁵⁰. Таким образом, чего князь полоцкий не мог никак достигнуть, будучи свободным, того достиг он, сидя в заключении: «Дотронулся копьём до золотого стола киевского и разшиб славу Ярослава»¹⁵¹. Но ненадолго. Ярославичи не могли равнодушно видеть Изяслава внука на старшем столе. Святославу Черниговскому удалось разбить половцев и выгнать их из пределов своего княжества, а между тем Изяслав приближался с польскими полками. Всеслав вышел было к нему навстречу к Белграду, но видел ясно, что ему нельзя с одними киевлянами бороться против Ярославича и Болеслава Польского, и потому ночью тайно, оставя стан киевлянам, бежал в свою вотчину — Полоцк.

В такой крайности покинутые князем киевляне созывают вече: решено было звать на помощь Ярославичей — Святослава и Всеволода с угрозою, что если братья не пойдут, то граждане в отчаянии зажгут город и уйдут в Грецию. Ярославичи обещали вооружиться против старшего брата, если он вздумает с ляхами ступить стольный город отцовский, и в самом деле послали сказать Изяславу, что ему не для чего более идти с войском против Киева, что противник его Всеслав бежал и что они не допустят поступить дурно с киевлянами. Изяслав не захотел вооружить против себя братьев и потому, взяв с собою Болеслава и малый отряд поляков, пошел мирно к Киеву. Граждане последнего были успокоены заступничеством младших Ярославичей, но Изяслав отказался не вполне от мести. Прежде него приехал в Киев сын его Мстислав; главные вечники, виновники освобождения Всеслава, были убиты, другие ослеплены, вместе с виновными погребло много невинных. Народ молчал и с поклоном принял старого князя. Болеслав Смелый, по примеру одно-

именного прадеда своего, загостился в богатом Киеве, и русские принуждены были тайным убийством отделяться от его воинов, разведенных на кормление: тогда Болеслав должен был поспешить уходом в свою землю¹⁵².

Освободившись от поляков, Изяслав не показал себя таким незлобивым, каким величает его летописец¹⁵³. Он пошел на Всеслава, выгнал его из отцовской области, которую отдал сперва сыну своему Мстиславу, а по смерти его — другому сыну, Святополку. Но изгнанный Всеслав, за которым в потомстве осталась слава необыкновенной быстроты, с какою перелетал он из одной области в другую¹⁵⁴, не думал поддаваться Ярославичам: он явился внезапно пред Новгородом, был отражен тамошним князем Лябом Святославичем, но успел выгнать Святополка из Полоцка, хотя и был в том же году разбит другим Изяславичем, Ярополком¹⁵⁵.

Посылая против Всеслава сыновей своих, Изяслав преследовал в Киеве его бывших приверженцев, действительных или мнимых. Эти люди находили убежище в Чернигове у Святослава. Так, св. Антоний, основатель Печерской обители, подвергнувшийся гневу в. князя как приятель Всеслава, был ночью взят и скрыт в Чернигове Святославом. Если бы даже Святослав сделал это единственно из любви и уважения к св. мужу, то Изяслав, с своей стороны, не мог не оскорбиться приязнию брата к человеку, в котором он видел врага своего. Как бы то ни было, несомненно только то, что между братьями началась распря¹⁵⁶ и что Изяслав вздумал наконец вступить в мирные сношения с князем полоцким, ибо Святослав, уговаривая Всеволода вооружиться на Изяслава, мог переиначить смысл сношений киевского князя со Всеславом, но не мог выдумать факта¹⁵⁷.

Имеем право заключить также из приведенного случая с св. Антонием, что Изяслав принужден был вступить в связь с непримиримым врагом своим, видя недоброжелательство со стороны брата. Святослав, с своей стороны, видел в таком странном сближении явно враждебное для себя намерение и уговорил младшего брата Всеволода предупредить его. Изяслав был вторично изгнан из Киева, на этот раз уже родными братьями, из которых старший, Святослав, сел на главном столе, в Киеве.

Изгнанник Изяслав с семейством опять отправился в Польшу. Он предвидел, что не найдет уже в Болеславе помощника, и потому надеялся единственно на сокровища, вывезенные им из Киева; но поляки, взявши у него большую часть этих сокровищ, показали ему путь от себя, по выражению летописца¹⁵⁸.

Тогда осмеянный Изяслав принужден был обратиться к верховному повелителю Польши, римско-германскому императору, и признал себя данником империи¹⁵⁹. Но Генрих IV не мог думать об утверждении своей власти на востоке Европы, потому

что на западе встретил себе противника, который хотел поделить с ним владычество. Генрих мог только отправить к киевскому князю посольство с требованием возвратить престол Изяславу и с угрозой, что в случае отказа похититель испытает силу немецких полков. Послы возвратились к своему государю с богатыми дарами, каких никогда не выдывал двор немецкий¹⁶⁰; после того можно ли было ссориться с таким богатым и щедрым князем! Наш летописец говорит, что Святослав, желая произвести сильное впечатление на императорских послов, велел показать им свою казну, какой не могли они видеть на западе. При этом летописец вложил в уста послов слова, приписанные прежде св. Владимиру: «Храбрая дружина лучше мертвого богатства, с нею можно приобрести и больше этого»¹⁶¹. Летописец прибавляет¹⁶², что богатство Святослава подобно богатству Езекии рассыпалось ровно по смерти владельца.

Из этих слов летописи можно усмотреть, с каким негодованием смотрели современники и ближайшие потомки на поведение старших Ярославовых сыновей, которые не следовали примеру деда и копили сокровища, полагая на них всю надежду¹⁶³, тогда как настоящий, добрый князь, по господствовавшему тогда мнению, не должен был ничего скрывать для себя, но все раздавать дружине, при помощи которой он никогда не мог иметь недостатка в сокровищах¹⁶⁴.

Изяслав, не получив успеха при дворе императорском, принужден был обратиться к другому владыке Запада, папе Григорию VII. Изяслав послал в Рим одного из сыновей своих, который просил папу утвердить его самого на престоле власти св. Петра, уверяя, что имеет на то родительское согласие¹⁶⁵. Это известие, что сын Изяслава просил княжения для себя, а не для отца, можно объяснить только таким образом, что Изяслав, отчаявшись сам возвратить себе престол, просил папу употребить старание, чтоб по крайней мере потомство его не было исключено из родового наследства и не осталось век в изгнании на чужой стороне. В письме папа говорит также, что дальнейшие переговоры Изяслав может вести устно с подателями письма. Какие были следствия этих переговоров — неизвестно. Григорий писал также и к Болеславу Польскому с увещанием отдать сокровища, взятые у Изяслава¹⁶⁶. Вероятно, и это письмо не произвело никакого действия: Болеслав был в союзе с Святославом, и в 1076 году молодые князья Олег Святославич и Владимир Всеволодович ходили на помощь полякам и воевали чехов¹⁶⁷. Но в том же году умер Святослав в Киеве, а между тем Изяслав явился в пределах Руси с польскими войсками.

Каким образом поляки опять стали союзниками Изяслава? Одно только известие, находящееся у Татищева¹⁶⁸, проливает несколько света на это событие: здесь сказано, что Олег и Влади-

мир во время похода своего на помощь Болеславу, узнав, что последний примирился с чехами и идет на пруссов и поморян, не захотели за ним туда следовать, но пошли одни на Вратислава Чешского и заключили с ним выгодный мир, что оскорбило поляков. Вероятно, этот поступок молодых князей раздражил Болеслава, который потому и решился помочь Изяславу против братьев. Всеволод не захотел сражаться с Изяславом и уступил ему старший стол, оставив за собою Чернигов, как было при Святославе¹⁶⁹.

Мы видели, что преждевременная смерть троих Ярославичей — Владимира, Вячеслава и Игоря оставила сыновей их без волостей на волю старших, которые не хотели признать их сонаследниками с собою. Один из таких князей, Борис Вячеславич, узнав, что в. к. Святослав умер, а Всеволод выступил против Изяслава, вздумал воспользоваться раздором дядей и занял Чернигов; но сидел там только 8 дней, был выгнан Мономахом¹⁷⁰ и бежал в Тмутаракань, где по смерти Ростислава Владимировича княжил Роман Святославич. Последний принял Бориса, но за ним должен был принять и родных братьев, потому что мстительный Изяслав не хотел дать уделов Святославичам. Глеб был изгнан дядею из Новгорода¹⁷¹, Олег из Владимира¹⁷²; хотелось изгнать и Всеслава Полоцкого, но не удалось¹⁷³. Вытеснив племянников, Изяслав и Всеволод роздали своим сыновьям области: Святополку Изяславичу отдали Новгород, брату его Ярополку Вышгород, а Всеволодову сыну Владимиру Смоленск¹⁷⁴.

Изгнанный из Новгорода Глеб Святославич погиб далеко на Севере; брат его Олег не захотел жить в отцовском стольном городе *изгоем* и есть хлеб дяди Всеволода, которого считал похитителем своей отчины¹⁷⁵: он ушел в Тмутаракань к родному брату Роману и двоюродному Борису Вячеславичу. Тмутаракань наполнялась изгнанниками, Русь не могла быть спокойна.

В 1078 году Олег и Борис явились в Руси с половцами и выгнали Всеволода из Чернигова. Обоим Ярославичам грозило изгнание: они совокупили свои силы и выступили против обделенных князей. На Нежатиной Ниве, близ Чернигова, встретились дяди с племянниками; в страшной битве Изяслав Киевский, со стороны дядей, и Борис Вячеславич, со стороны племянников, пали, но победа осталась за старшими: Олег должен был опять бежать в Тмутаракань, Всеволод остался в. князем на Руси¹⁷⁶.

Так первый из Ярославичей погиб уже вследствие усобицы, вследствие стремления старших членов рода исключить младших из владения родовой собственностью, вследствие вышеприведенного обычая, что племянники не могут быть сонаследниками с дядями своими. Но последний обычай имел ли силу относительно Святославичей, которых отец умер, будучи старшим в роде?

На это можно отвечать, что Святослав захватил старшинство не по праву, при жизни старшего брата, и в таком случае Святославичи подходили под обычай, осуждавший племянников на исключение. Но Изяслав был изгнан Святославом и Всеволодом вместе, след., с согласия всех старших членов рода, за то, что не умел блюсти его выгоды, сносясь со Всеславом Полоцким, и если Изяслав гнал Святославичей по личной вражде, то Всеволод уже не имел никакого права исключать их, ибо, обвиняя Святослава в похищении старшинства, тем самым обвинял самого себя как участника в этом беззаконии. И точно, впоследствии мы видим, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на владение Киевом, ни слова не говорят о беззаконном старшинстве Святослава, но представляют только завещание Ярослава I, по которому князья восточных областей не должны были вступаться в западные. Вот почему Святославичи считали себя жестоко обиженными, питали ненависть к потомству несправедливых дядей и старались всеми силами возвратить себе отцовскую область, а при случае и старшинство. «Вы первые начали нас губить»,— говорили они Мономаховичам¹⁷⁷.

Летописец, описывая погребение Изяслава, высчитывает добродетели этого князя, и между прочим незлобие¹⁷⁸. Благочестивый монах по своим понятиям считал обязанностию сказать что-нибудь хорошее об усопшем (при этом ненужно забывать, что первое составление летописи относят к княжению сына Изяславова), тогда как в других устах похвала незлобию Изяславову могла бы показаться злою насмешкою. Можно ли назвать незлобивым князя, который позволил сыну своему замучить множество киевлян, даже и невинных в его изгнании, жестоко преследовал Всеслава Полоцкого, в отношении к которому сам был больше виноват, преследовал в Киеве людей, которых подозревал в приязни ко Всеславу, не уважая в них даже святости жизни, наконец, преследовал несчастных сыновей Святослава? Что же касается до помощи, которую он оказал Всеволоду, то она была вынуждена обстоятельствами, потому что племянники, выгнав Всеволода, не пощадили бы и самого Изяслава, который был против них более виновен, чем Всеволод.

Летописец хвалит и третьего из Ярославичей, Всеволода, которому досталось старшинство по смерти Изяславовой: он хвалит его за его правду, любовь к духовенству, воздержание¹⁷⁹; говорит, что отец Ярослав любил его больше других сыновей своих.

Но из слов того же летописца видно, что старшинство было не по силам Всеволоду, уже престарелому и больному¹⁸⁰, особенно в то время, когда семейные княжеские отношения были так запутаны, когда было столько исключенных князей, которые оружием старались добыть себе области на Руси.

Сюда присоединилось еще другое зло, следствие господства родовых отношений между князьями. Князья, перемещаясь из одной волости в другую, с младшего стола на старший, приводили с собою свою дружину, которую, разумеется, предпочитали дружине, найденной в новом княжестве, оставшейся после прежнего князя; отсюда проистекала невыгода во 1) для народа, потому что пришлецы не соблюдали интересов чуждой для них области и старались наживаться на счет граждан; во 2) для старых бояр, которых пришлецы отстраняли от важных должностей, от княжеского расположения, *заезжали* их, по местническому выражению. Вот почему мы видим ненависть старых дружинников к пришлецам, старание первых сбить во что бы то ни стало последних, а для этого единственным средством было завести крамолу против князя и перезвать на его место другого. Это явление обнаруживается очень рано, именно при Всеволоде, который привел в Киев свою дружину, набранную им в Переяславле и Чернигове. Эти пришлецы, пользуясь расположением князя, привыкшего к ним, старались отвратить его от первой дружины, т. е. от старых киевских бояр Изяславовых, и захватив себе должности, угнетали народ. «И нача,— говорит летописец,— любити смысл уных, съвет створя с ними; сижь начаша заводити ѿ негодовати дружины своєю первыя, и людем не доходити княже правды начаша тиуни грабити, людий продавати, сему не ведущо в болезнех своих»¹⁸¹. Ясно, что здесь под именем *уных* разумеются не молодые люди, но люди, новые для киевлян, пришлецы, ибо странно предположить, чтобы Всеволод на старости лет покинул своих ровесников и прилепился к юношам.

Всеволод, приняв одну всю власть русскую, по выражению летописца¹⁸², распорядился так: отдал Чернигов сыну своему Владимиру; в Новгороде остался Святополк, сын Изяслава; другому Изяславичу, Ярополку, отдана была область Владимировольнская с придачею Турова; стол переяславский отдан был Ростиславу, второму сыну Всеволодову¹⁸³. Неизвестна участь Смоленска: вероятно, он был присоединен к волости Мономаха, ибо последний пишет, что он ходил защищать его от нападений полоцкого князя, не упоминая при этом ни о каком особом князе смоленском¹⁸⁴. В Ростове мы после увидим молодого Мстислава Владимировича, след., и этот город зависел от Мономаха. В Тмуторакани сидели двое Святославичей, Олег и Роман, выжидая случая возвратиться на Русь. Где были остальные Святославичи, Давид и Ярослав,— известные списки летописи не говорят об них ни слова; только Татишев упоминает об отдаленном Муроме, как убежище Святославичей¹⁸⁵.

Отдача Чернигова Мономаху была делом несправедливым и безрассудным, ибо при таком распоряжении Русь никогда не могла быть спокойна от притязаний Святославичей. Но в то

время, как с востока надобно было беспрестанно ожидать нападения от изгнанников тмутораканских, на западе область Владимир-Волынская еще менее могла быть спокойна. Мы видели, что она была отдана Ярополку Изяславичу, но в то же время здесь жили обделенные князья: Ростиславичи—Рюрик, Володарь и Василько и Игоревичи—Давид с братом; все они видели во Владимирской области свою отчину, потому что здесь сидели отцы их—Ростислав и Игорь. Таким образом, Волынь была спорною волостию между тремя линиями—Изяслава, Ростислава и Игоря. Это обстоятельство чрезвычайно важно, потому что оно объясняет усобицы, имевшие место не только в княжение Всеволода, но и его преемника.

Едва Всеволод успел взять на себя старшинство, как Роман Святославич явился в Руси с половцами. В. князь успел, вероятно дарами, склонить варваров оставить Романа; этот князь, раздраженный коварством половцев, завел с ними распрю и был убит¹⁸⁶. В то же время шайка козаров, окружавшая Олега, брата Романова, изменила ему и силою отравила его в Грецию¹⁸⁷. Из этого мы ясно видим, сколько разноплеменных народов толпилось в степном приморье, из смешения которых с беглецами русскими образовались многочисленные шайки, готовые вести всякого на Русь.

Убийством Романа и изгнанием Олега Тмуторакань была очищена от исключенных князей, и Всеволод послал было туда своего посадника¹⁸⁸, но ненадолго. В 1081 году явилось туда двое других обделенных князей—Володарь Ростиславич и Давид Игоревич¹⁸⁹, а в 1083 прибыл из Греции Олег и выгнал Володаря с Давидом¹⁹⁰.

Между тем Ростиславичи, остававшиеся на Волыни, также не хотели быть без дела: пользуясь отсутствием Ярополка Изяславича, бывшего в Киеве у дяди, они отняли у него стол. В. князь послал на них сына своего Владимира, который и возвратил Волынь Ярополку¹⁹¹.

Счастливей Ростиславичей был Давид Игоревич: он с своею дружиною пробрался к Днепровскому устью, в Олешье¹⁹², и начал там грабить купцов, производивших торговлю с Грециею и потому называвшихся гречниками. От греческой торговли зависело богатство и значение Киева, след., богатство казны великокняжеской: Всеволод принужден был прекратить грабежи Давида обещанием дать волость, и точно—назначил ему Дорогобуж на Волыни¹⁹³. Но этим несчастным распоряжением Всеволод не прекратил, а еще более усилил княжеские которы. Ярополк Изяславич, князь волынский, в отдале Дорогобужа Давиду видел обиду себе, намерение Всеволода уменьшить его волость и потому начал злобиться на в. князя и собирать войско. Всеволод хотел предупредить Изяславича и отправил против

него Мономаха. Ярополк испугался и ушел в Польшу. Владимир был отдан Давиду Игоревичу, а между тем Ростиславичи отняли у поляков червенские города, захваченные Болеславом II, утвердились в них и таким образом поделили с Игоревичем прежнюю Владимиро-Волынскую область, как она была по смерти Ярослава I¹⁹⁴.

В Польше Ярополк не мог найти помощи, ибо в ней самой происходили волнения. Знаменитый Болеслав II пал жертвою ненависти вельмож и притязаний прелатов; место Болеслава заступил слабый Владислав Герман. Князь Волынский видел, что от Польши ожидать нечего, и спешил примириться с в. князем. Мономах от имени отца согласился на мир и возвратил Ярополку Владимир. Примирением Ярополка с дядею рушились надежды Ростиславичей и Давида Игоревича: первые не могли быть спокойны в городах червенских, отнятых у союзников Ярополка; Давид принужден был выехать из Владимира.

Тогда решились злодейством освободиться от Ярополка; на дороге от Владимира к Звенигороду несчастный князь был поражен убийцею, который убежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу¹⁹⁵. Летописец ясно говорит, что Ярополк погиб от братьев, подвергся одной участи с св. Борисом и Глебом¹⁹⁶. Сам Ярополк, почувствовав удар, вскричал: «Ох, тот мя враже улови». Бегство убийцы к Рюрику Ростиславичу показывает, на кого намекал Ярополк. После Давид прямо говорил Святополку, что Ростиславичи убили брата его¹⁹⁷. Так совершенно было первое преступление, первое братоубийство за эту несчастную Владимирскую волюсть: мы увидим, что оно не было последним.

Всеволод не хотел оставить злодейства без наказания: он ходил на Рюрика к Перемышлю¹⁹⁸, но поход кончился ничем: Ростиславичи остались в червенских городах, а Давид стал опять княжить во Владимире¹⁹⁹.

В 1093 году умер Всеволод. Мы видели, что и этот Ярославич не внес наряда в Русскую землю: к усобицам на востоке за область Черниговскую присоединились усобицы на западе за Вольты, все вследствие того, что племянникам не хотели дать части в родовой собственности; и на востоке, и на западе гибли князья — там от наемных варваров, здесь от братьев, и кости Ярославовых внуков белелись в степи непогребенные²⁰⁰. Наряд был нарушен: для его восстановления явился Мономах.

Мономах принадлежит к тем великим историческим деятелям, которые являются в самые бедственные времена для поддержания общества, которые своею высокою личностию умеют сообщить блеск и прелесть самому дурному общественному организму. Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было

лицо с характером чисто охранительным, и только. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но высокими личными доблестями, строгим исполнением своих обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка вещей, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям.

Тогдашнее общество требовало прежде всего от князя, чтоб он свято исполнял свои семейные обязанности, не которовался с братьями, мирил враждебных родичей, вносил мудрыми советами наряд в семью: Мономах во время злой вражды между братьями заслужил название братолюбца, умными советами и решительностию отвращал гибельные следствия княжеских котор, крепко держал в руке узел семейного союза. Новообразенное общество требовало от князя добродетелей христианских: Мономах отличался необыкновенным благочестием. Общество требовало от князя строгого правосудия: Владимир сам наблюдал за судом, чтоб не давать сильным губить слабых²⁰¹. В то время, когда другие князья играли клятвою, на слово Мономаха можно было положиться²⁰². Когда другие князья позволяли себе невоздержание и всякого рода насилие, Мономах отличался чистотою нравов и строгим соблюдением интересов народа. Общество больше всего ненавидело в князе корыстолюбие: Мономах всего больше им гнушался. Новорожденное европейско-христианское общество, окруженное варварами, требовало от князя неутомимой воинской деятельности: Мономах почти всю жизнь не сходил с коня, стоял на стороже Русской земли: в каком краю была опасность, там был и Мономах, добрый страдалец за Русскую землю. Если мы, отдаленные веками от этого лица, чувствуем благоговение, рассматривая высокую его деятельность, то как же должны были смотреть на него современники? Не дивно, что народ любил его и перенес эту любовь на все его потомство.

По смерти отца Мономах не встретил бы никакого препятствия со стороны граждан, если бы захотел тотчас занять престол отцовский²⁰³. Но Мономах ненавидел усобицы и потому не хотел возбудить нового кровопролития со стороны Святополка Изяславича, которому принадлежало старшинство между двоюродными братьями. Мы видели этого князя в Новгороде. Узнав о насильственной смерти брата своего Ярополка, видя, что теперь уже некому заботиться об интересах его рода на юге, Святополк покинул новгородцев и поспешил на Русь, где занял Туров. По смерти Всеволода Мономах послал звать его как старшего в роде на киевский стол²⁰⁴.

Если бы мы не знали всей правоты и простоты Мономахова характера, то можно было бы подумать, что он нарочно хотел

дать старшинство Святополку, дабы показать народу все различие между ним и собою. В самом деле, трудно было найти противоположность более поразительную. Со слабостию характера в Святополке соединялось властолюбие и, что еще хуже, ненасытное корыстолюбие, порок, который всего более ненавидел в князе. Киевляне жаловались на Всеволода, что он пренебрегал старою дружиною и давал волю пришлецам недавним; Святополк не думал приобрести расположения граждан исправлением дядиной ошибки; он также пренебрег старыми боярами киевскими и слушался только тех, которых привел с собою. Эти люди, не говоря уже о том, что как пришлецы не имели с киевлянами общих интересов, но, будучи набраны на севере, где князь их провел большую часть жизни, не знали состояния дел на юге и, след., могли только вредить своею неопытною²⁰⁵. Сам Святополк позволял себе грабежи и насилия в своей области. Так, однажды вздорожала соль в Киеве; иноки Печерского монастыря помогали народу в такой нужде: Святополк, узнав об этом, пограбил соль у монахов, чтоб продавать ее самому дорогою ценою. Но и тут Мономах служил грозою для незаконного князя: так, из страха вооружить против себя Владимира, Святополк возвратил из изгнания игумена Иоанна, который ревностно обличал корыстолюбие и жестокость князя. Каков был отец, таковы были и сыновья. Однажды разнеслась весть, что двое монахов нашли клад в варяжской пещере: молодой князь Мстислав Святополчиич мучил без пощады этих монахов, пытаясь у них, где клад²⁰⁶. Этот Мстислав был рожден от наложницы²⁰⁷, которая, по словам источников Татищева, имела сильное влияние на бесхарактерного Святополка²⁰⁸.

Могла ли Русь ждать чего-нибудь хорошего от такого князя? И вот усобицы не замедлили открыться, и все там же: на востоке за область Черниговскую, на западе за Владимиро-Волынскую.

В 1094 году явился Олег из Тмутаракани с половцами у Чернигова. Мономах сказал: «Не хвалиться поганым» — и отправился княжить в свою отчину Переяславль, уступив Чернигов Олегу²⁰⁹. Владимир думал, что, загладив несправедливость дяди и отца, возвратив Святославицам отцовскую волость, он тем самым умирит Русь, ибо исключенные князья не будут уже более наводить на нее половцев, но, к несчастью, ошибся в своем расчете.

Мономах для успокоения Руси хотел восстановить родственную любовь, крепкий семейный союз между ее князьями, но в характере Олега встретил сильное тому препятствие. Несправедливость дядей ожесточила в молодости сердце этого князя; изгнанническая жизнь отчуждила его от родины, заставила думать только о самом себе; потерпев несправедливость, он считал справедливым все средства для возвращения прав своих; потерпев гонение от родственников, он уже не верил более родственной

любви, святости семейного союза, в поступках братьев видел одно коварство и считал себя вправе быть также коварным; добыв мечом часть в родовой собственности, он полагался только на один меч и не любил никаких дружественных, миролюбивых сделок. Таков был Олег Святославич: между ним-то и Святополком поставлен был Мономах с своим высоким стремлением поддержать семейный союз князей.

Уступив Чернигов Олегу, Мономах дозволил сначала другому Святославичу, Давиду, княжить в Смоленске. Неизвестно, где был Давид в последние годы старшинства Изяслава и при Всеволоде, — вероятно в Муроме²¹⁰. По смерти Всеволода мы видим его в Смоленске; вероятно, успех брата Олега в овладении Черниговом дал Давиду смелость завладеть Смоленском. Но Смоленск не был никогда отчиною Святославичей, и потому в 1095 году Мономах вместе с Святополком пошли на него к Смоленску: Давида вывели из этого города, но зато дали Новгород, откуда Мстислав Владимирович вышел в Ростов. Кем был замещен Давид в Смоленске, в известных списках летописи не находим известий, один Татищев говорит, что Изяславом Владимировичем Мономаховичем²¹¹. Но как скоро князья удалились, Давид опять явился в Смоленск (след., если возьмем во внимание известие Татищева, выгнал Изяслава, который удалился в свою прежнюю волость, Курск и оттуда в отместку Давиду занял Муром, отчину Святославичей)²¹². Давид, заняв опять Смоленск, не хотел вместе с тем отказаться и от Новгорода: узнав, что новгородцы, недовольные его удалением, взяли к себе вторично Мстислава Владимировича, он пошел к Новгороду, но, видя, что граждане были против него, возвратился опять в Смоленск²¹³.

Из этих движений Давида мы легко можем усмотреть, что Святославичи действовали дружно и наступательно, желая захватить сколько можно более областей в свой род. Мономах и в князь видели покушения Святославичей, особенно беспокоило их поведение Олега Черниговского. Когда они соединенными силами ходили в степи громить половцев, Олег не давал им никакой помощи²¹⁴. Щетно после того соединенные князья звали его в Киев для совещания, по обычаю, с епископами, боярами и гражданами: Олег видел в этом приглашении только оковы, думал, что в Киеве произведут над ним суд; особенно должен был оскорбить и утратить его намек на присутствие в совете епископов и граждан, ибо он знал, что духовенство и граждане ненавидят его за опустошение страны половцами, как это ясно из многих мест летописи; вот почему Олег отвечал: «Не пойду на суд к епископу, или игумену, или смердам»²¹⁵. Этот ответ показал князьям, что им нечего более ждать от Олега. Святополк хотел непременно войны, Мономах послушался его²¹⁶, и оба

повестили князю черниговскому: «Ты не помогаешь нам в войне с половцами, ты нейдешь к нам на совет: из этого ясно видим, что ты в союзе с погаными, и потому идем на тебя с помощью Божию»²¹⁷. Услышав о приближении князей, Олег ушел из Чернигова и заперся в Стародубе; князья осадили его здесь; Святополк хотел непременно погубить Святославича, но Мономах воспротивился²¹⁸. Олег был выпущен с условием идти в Смоленск к брату Давиду и вместе с ним явиться на общий съезд²¹⁹.

Но вместо того, чтоб сдержать свое обещание, Олег пошел к Мурому, убил в кровопролитном сражении сына Мономахова Изяслава, засевшего, как мы видели, там, потом бросился в землю Суздальскую и Ростовскую и укрепился тут, собираясь овладеть и Новгородом. Это заставило вооружиться Мстислава Владимировича, князя новгородского Мстислав, прямой наследник своего отца, свято чтивший родственный союз, тщетно уговаривал Олега решить дело мирными распоряжениями со старшими князьями; не могши победить племянника силою, Олег хотел победить коварством; но и это не удалось: он был вытеснен отовсюду. В такой крайности Святославич решился наконец явиться на общий съезд.

В 1097 году в Любече на одном ковре, в знак односемейности, сидели внуки Ярослава и рассуждали о средствах умирить землю²²⁰. «Зачем губим Русскую землю, подымая котору на самих себя,—говорили двоюродные братья,—а между тем половцы несут нашу землю розно и радуются, что между нами идет беспрерывная рать; возьмемся же наконец в одно сердце блюсти Русскую землю»²²¹. Положено было, чтоб каждый князь держал ту волость, которую имел отец его; Святополк—старший стол Киев, Мономах—Переяславль²²², Святославичи: Олег, Давид и Ярослав—область Черниговскую с принадлежащими к ней землями на востоке. Что же касается до князей, исключенных преждевременною смертию отцов своих, то решено было держаться распоряжений последнего из Ярославичей—Всеволода: вследствие чего Давид Игоревич получил Владимир, Ростиславичи: Володарь—Перемышль и Василько—Теребовль²²³; брата их Рюрика уже не было в живых²²⁴. Мономах достиг своей цели: семейный союз между князьями был восстановлен, Русь умирена. В самом деле, Святославичи, увидя искренность двоюродных братьев и введенные снова во владение родовую собственность, начинают жить с этих пор спокойно.

Но в то время как мир был восстановлен на левой стороне Днепра, на правой, в области Владимирской, возникли опять усобицы, ибо земля Черниговская отдана была в исключительное владение одному роду Святославичей, тогда как Владимирская область была поделена между двумя враждебными линиями,

из которых каждая считала себя вправе на обладание целою волостию.

Давид Игоревич, которому достался Владимир, опасался, что Ростиславичи, сгубившие Ярополка, не оставят и его в покое. Особенно боялся он младшего из них, Василька, который отличался необыкновенно предприимчивым духом и питал геройские замыслы. Наделав много зла Польше во время господствовавших в ней смутений после Болеслава II, Василько хотел нанести решительный удар этой державе, потом собирался идти на дунайских болгар и поселить их у себя (знак, как тяготились князья малолюдностью русских владений и заботились всего более об умножении городов и народонаселения); наконец, Василько думал ударить на половцев и либо стяжать себе славу, либо положить голову за Русскую землю²²⁵.

Ясно, что соседство такого князя, прямого внука старого Святослава, не могло нравиться Давиду. Притом узнали, что толпы степных варваров — берендеи, торки, печенеги идут к Васильку: Давид не мог не встревожиться этим известием; скоро явились люди, которые начали подтверждать его опасения: то были трое из близких к нему дружинников — Туряк, Лазарь и Василь²²⁶. Они уверяли Давида, что двое самых доблестных князей — Мономах и Василько сложились вместе, чтобы выгнать Святополка из Киева, а его, Давида, из Владимира. Игоревич поверил, но решение, принятое на съезде, что все князья должны вооружиться на зачинщика усобиц²²⁷, связывало ему руки, и потому он решился употребить орудием в князя.

С этою целию Давид, на возвратном же пути из Любеча захав в Киев, стал наговаривать Святополку, что им обоим не ждать добра от Ростиславичей, что они убили Святополкова брата и теперь в союзе с Мономахом хотят завладеть Киевом, что должно предупредить врагов, для чего необходимо захватить Василька. Напоминание о несчастной кончине брата взволновало Святополка; с другой стороны, он боялся нарушить клятву, только что данную целому роду; напоследок злые советы перемогли: Святополк решился задержать Василька, коварно застав его к себе на перепутье. Но, начав дело, опять не знал, как кончить; созвал совет из бояр и граждан: советники отвечали неудовлетворительно, что если слова Давида справедливы, то Василько достоин казни, духовенство же прямо заступилось за пленника²²⁸. Тогда Давид начал говорить, что по крайней мере нужно ослепить Василька, и увез наконец свою жертву у полусогласного Святополка. Злодеяние было совершено на дороге: Ростиславич ослеплен.

Легко себе представить отчаяние Мономаха при этом известии; он тотчас повестил Святославичам о случившемся, приглашая их поправить зло. Черниговские князья изъявили равный

ужас и поспешили соединить полки свои с Мономаховыми. Союзники послали к Святополку требовать отчета в преступлении; они говорили в князю: «Зачем сделал ты зло в Русской земле и ввергнул в нас нож? Зачем ослепил брата своего? Если он был виноват, то ты должен был обличить его перед нами и, доказав преступление, наказать его; а теперь объяви вину его, за которую подвергся он такой лютой казни»²²⁹. Святополк сложил всю вину на Давида. Тогда союзники хотели было уже приступить к Киеву, но Мономах испугался ненавистной усобицы, склонился на просьбу мачехи своей и духовенства и вступил в переговоры с киевским князем, на которого как на старшего в роде возложена была обязанность наказать виновного Давида.

Святополк отправился, имея другое в виду: он хотел, изгнав Давида, изгнать вместе и Ростиславичей, потому что считал всю Владимирскую область владением отца и брата²³⁰. Старинная распря за Волынь между тремя княжескими линиями возобновилась теперь с новою силою. Давид, видя беду, отослал ослепленного Василька к брату его Володарю и спешил призвать на помощь поляки; Святополк, с своей стороны, обратился к ним же: поляки брали дары от обоих и не помогали ни одному²³¹. Тогда Давид нанял половцев, а Святополк венгров. Венгры были разбиты половцами, но Давид все же не мог удержаться: Владимир был занят Святополком, но Ростиславичи отбили нападения последнего и сохранили свою волость²³². Изгнанный Давид послал сказать князьям, что хочет жаловаться им на обидчиков.

Родичи снова съехались в Витичеве в 1101 году и послали за Давидом. Через 20 дней Игоревич явился, сел на общий ковер и спросил: «Зачем прислали за мною, я явился и готов отвечать на жалобы, какие будут против меня». Тогда Мономах отвечал ему: «Не мы призвали тебя, но ты сам присылал, говоря, что хочешь жаловаться братьям на обидчиков: теперь ты сидишь на одном ковре с нами, для чего же не жалуешься?» Давид молчал.

Тогда князья встали, сели на коней, разъехались каждый по-разному с своею дружиною и начали совещаться о Давиде. Потом, собравши мнения, послали каждый от себя по боярину объявить Давиду: «Ты ввергнул в нас нож, сделал зло, какого не бывало на Руси; однако мы не хотим заключить тебя в оковы или наказать как-нибудь иначе, но вот Святополк дает тебе три города, а Владимир, с своей стороны, 200 гривен денег, и Святославичи столько же от себя»²³³. Давид повиновался. После Святополк дал ему вместо трех городов один Дорогобуж, где он и умер²³⁴. Святополк достиг своей цели, хотя потерял сына Мстислава, убитого в усобице: Владимир остался за его родом, он поместил там сына своего Ярослава²³⁵. Ростиславичи удержали за собой прежние волости вопреки решению соединенных князей, которые, рассуждая, что слепец Василько не в состоянии будет управлять сам

своим княжеством, и не желая усиливать Володаря, хотели оставить обоим братьям один Перемышль, обязываясь содержать Василька на свой счет, если Володарь будет этим тяготиться²³⁶.

Так оба княжеские съезда достигли своей цели: один, Любечский, кончил усобицу за область Черниговскую, другой, Витичевский,— за волость Владимиро-Волынскую. По-настоящему право оканчивать все споры с братиею, рядить и судить между ними принадлежало старшему в роде; но Святополк не был в уровень своему положению. Уступив ему старшинство для избежания усобицы, Мономах для прекращения других смятений должен был прибегнуть к другому средству, чтоб заменить власть великокняжескую. Это средство было — съезд всех князей для братского совещания, для распоряжения волостями, для суда над виновными родичами.

В 1112 году умер Давид Игоревич, в 1113 — Святополк. Летописцы, которые любили по кончине каждого князя сказать что-нибудь в похвалу покойного, хранят о Святополке глубокое молчание: это молчание поражает нас более, чем самое страшное проклятие²³⁷. Жена Святополка раздала по нему милостыню, какой никогда не раздавали ни по ком другом²³⁸: но народ знал, каким образом скоплены эти сокровища, и в первые же дни по смерти в. князя бросился грабить жидов, в которых видел сообщников Святополка.

На собранном вече не хотели слышать ни о каком другом князе, кроме Владимира Мономаха, и потому послали звать его на старший стол. Мономах, отказавшись раз в пользу старшего, не хотел и тут нарушить права Святославичей: он отказался. Но граждане питали ненависть к Святославичам за то, что эти князья пренебрегали одною из самых главных обязанностей в отношении к ним, а именно, вместо того, чтобы защищать Русскую землю, они наводили на нее половцев. Вот почему киевляне, узнав об отказе Владимира, изъявили буйно свое негодование и разграбили дом тысяцкого Путяты; есть известие, которое объясняет причину народного восстания на тысяцкого: Путята был на стороне Святославичей²³⁹. Тогда отправлено было вторичное посольство к Мономаху с представлением, что если он не поспешит с приездом, то волнение народа превзойдет всю меру, что тогда не только жида, тысяцкий и соцкие, но вдовствующая в. княгиня, церкви и монастыри будут находиться в опасности, и за все это Мономах отдаст ответ Богу²⁴⁰. Владимир должен был согласиться и приехал в Киев.

Так воля граждан заставила переменить порядок старшинства и передала его достойнейшему мимо старейшего. На этот раз никто не смел ей противиться: Олег видел недоброжелательство к себе народа, притом был и стар и слаб; уже давно не ходил он в походы с братьями по причине болезней²⁴¹. Но, не могли сами

действовать против Мономаха, Святославичи передали детям свою обиду и ненависть к роду, похитившему их право: отсюда ведут начало усабицы между потомством Святослава и потомством Всеволода, но они не скоро еще могли обнаружиться.

По смерти Ярослава I Мономах был первый в. князь, первый родоначальник, который был в уровень своему положению, который хотел и мог заставить всех младших членов рода повиноваться себе, ездить подле своего стремени, ходить, куда велит.

Первый беспокойный князь, испытывавший силу Мономаха, был Глеб Всеславич Минский; верный преданию своего рода, Глеб питал также непримиримую вражду к Ярославичам, разорял их области и укорами отвечал на увещание Мономаха²⁴². Тогда последний велел собраться всем князьям, на него смотревшим: ни один не смел послушаться; Давид Святославич и Ольговичи примкнули свои полки к Мономаховым. Глеб видел, как города его один за другим сдавались Владимировичам, видел приготовление самого в. князя к осаде Минска и просил помилования, обещая слушаться во всем Владимира. В. князю того только и было нужно: он отдал Глебу Минск по-прежнему и возвратился в Киев²⁴³. Но Глеб, освободившись от грозы, не думал исправиться; тогда Мономах принужден был вторично идти на него: на этот раз он взял Минск, пленил Глеба и привел его в Киев, где тот и умер²⁴⁴.

Второй беспокойный князь, с которым надобно было управиться оружием, был Ярослав Святополчич, женатый на внучке Мономаха, дочери Мстислава. Мы видели, что этот князь еще при жизни отца получил область Владимиро-Волынскую, часть которой удержана была Ростиславичами. Ярослав был сын Святополка и племянник Ярополка Изяславичей, след., питал родовую вражду к Ростиславичам. Эта наследственная вражда в княжеских линиях, разделявших область Владимирскую, должна была определить их отношения к соседней Польше. Ростиславичи были заклятые враги Польши; это уже одно обстоятельство заставляло Ярослава быть ее другом; но, кроме того, родная сестра его Сбыслава была замужем за Болеславом Кривоустым²⁴⁵, сыном и наследником Владислава Германа: отсюда естественный союз владимирского князя с Польшею. Так, Болеслав Кривоустый в войнах с побочным братом своим Збигневом постоянно получает помощь от Ярослава; с своей стороны, Ростиславичи входят в союз с пруссаками и поморянами, врагами поляков.

Как же должен был смотреть на эти отношения родоначальник — Мономах? Ясно, что он не мог с удовольствием видеть тесную связь Святополкова сына с Польшею; притом он был связан родством с Ростиславичами: дочь Володаря была за сыном его Романом²⁴⁶. Но безрассудное поведение

Ярослава подало повод к явному разрыву с в. князем: в надежде на родственный союз с владетелями Польши и Венгрии²⁴⁷ и считая себя законным преемником старшинства после Мономаха, Ярослав гордо вел себя в отношении к в. князю; несомненно, что и связь Мономаха с Ростиславичами имела также влияние на нерасположение владимирского князя. Заметив эту неприязнь, Мономах, уже престарелый, перевел в 1117 году старшего сына своего Мстислава из Новгорода поближе к себе в Белгород, дабы иметь в нем защитника против замыслов Ярослава, и в том же году предпринял поход на последнего вместе с Ростиславичами; Ярослав смирился на этот раз и обещал повиновение²⁴⁸; но на следующий же год прогнал жену свою, Мономахову внучку²⁴⁹. Тогда в. князь, не могши терпеть долее злобы его, как сам выразился²⁵⁰, пошел вторично на владимирского князя; последний бежал к заграничным союзникам своим, дружина его передалась победителю. Мономах отдал Владимир сперва сыну своему Роману, Володареву зятю, а по смерти его — другому сыну, Андрею.

Поляки видели опасность своего положения: покровительство Ярославу, они возбудили нелюбье Мономаха: сын последнего сидит теперь во Владимире в союзе с Ростиславичами и воюет Польшу²⁵¹. В 1121 году Ярослав явился с поляками под Червеном, но был отражен²⁵². В таких обстоятельствах, не могши ничего взять силою, они решили действовать хитростью: Володарь был схвачен тайно и уведен в плен в Польшу²⁵³; Василько Ростиславич должен был истощить всю казну перемышльскую, чтоб выкупить брата; кроме того, Ростиславичи принуждены были обязаться постоянным союзом с поляками. Вот почему, когда в 1123 году Ярослав с поляками, венграми и чехами явился добывать прежнего стола, Ростиславичи находились в польском лагере. Союзники осадили Владимир, где сидел, как было сказано, Андрей Владимирович Мономахич; но однажды, когда Ярослав возвращался от градских стен в лагерь, два поляка, неизвестно по какому побуждению, выскочили из засады и убили его; союзники его, не имея более цели, примирились с Владимировичем и возвратились домой²⁵⁴. Это уже третий князь, который погиб за владими́ро-во́лынский стол, не считая ослепления Василька.

В 1125 году умер Мономах: он своим правлением показал, каковы должны были быть на самом деле отношения младших членов рода к старшему и как при общем владении мог быть сохранен наряд.

По смерти Мономаха старшинство принимает прямо сын его Мстислав. Святославичи не противились занятию киевского стола Мономахом, след., этим самым, по тогдашним понятиям, отказались от старшинства за себя и за целый род свой, ибо род

составлял одно целое, и когда один родич терял право, то с ним терял целый род, понижался перед родом того, кому было уступлено; отношение, допущенное раз одним членом рода к чужому роду, это отношение тяготело над всеми членами рода для настоящего времени и надо всеми потомками их для будущего. Оставался еще род старшего Ярославича, Изяслава, представляемый внуками его — Ярославом, Изяславом и Брючиславом Святополчичами; но род Святополка потерял даже Владимиро-Волынскую область; Изяслав и Брючислав, вероятно находившиеся на стороне брата, как ослушники воле старшего родича подверглись исключению; по крайней мере младший, Брючислав, не мог иметь волости, оставшись после отца 10-ти лет²⁵⁵, а через четыре года уже начались бедствия его семьи. Оба, Изяслав и Брючислав, умерли в 1127 году²⁵⁶, пережив свою мать только тремя годами²⁵⁷. Ясно, что эти князья не могли оспаривать старшинства у Мстислава Владимировича, который наследил пот отца своего, по выражению летописца²⁵⁸, и потому должен был наследовать и стол отеческий. Со стороны черниговских князей нельзя было также ожидать возобновления притязаний: Олег и Давид Святославичи умерли еще при жизни Мономаха²⁵⁹, меньшей брат их Ярослав не умел, как увидим после, удержать и черниговского стола против родного племянника: ясно, что он не мог спорить со Мстиславом и заключил с ним союз, требуя только, чтоб в. князь поддерживал его на столе черниговском²⁶⁰.

При Мстиславе Мономахов род владел большею частию русских областей. Мономах, призванный на старший стол, посадил в Переяславль сына своего Святослава, выведенного из Смоленска, и на его место послал туда Вячеслава²⁶¹. Но где же сидел Ярополк, который был старше Вячеслава? Летописцы молчат, след., он оставался при отце для ратного дела как самый храбрый из сыновей Мономаха: имя его чаще всех других Мономаховичей упоминается в описаниях походов, особенно против половцев. По смерти Святослава Ярополк был переведен в Переяславль, а Вячеслав оставался в Смоленске, когда же потомство Святополка было лишено своих областей, то Вячеслав был переведен в Туров, а в Смоленске на его место сел третий сын Мстислава Ростислав: первый, Всеволод, княжил в Новгороде, а второй, Изяслав, отличавшийся храбростью из всех Мстиславичей, был отправлен в новозавоеванный и, след., менее прочный Курск, хотя Курск, разумеется, был ниже Смоленска по достоинству²⁶². Юрий Владимирович княжил в Ростовской области, Андрей — во Владимире на Волыни.

Я сказал, что Мстислав был похож на отца, след., княжение его должно было служить продолжением Мономахова. Князья полоцкие не хотели повиноваться старшему в роде Ярослава: Мстислав собрал всех князей и послал их на кривскую землю.

Я приведу слова летописца, чтоб показать, в каком послушании были у Мстислава все родичи, чтоб показать, какие отношения должны были быть между старшим и младшими родичами при умном и твердом в князе: «В то же лето посла князь Мстислав братью свою на кривиче, четырьми пути: Вячеслава из Турова, Андрея из Володимеря, и Всеволодка из Городна²⁶³ и Вячеслава Ярославича из Кльчьска²⁶⁴, тем повеле ити к Изяславу; а Всеволоду Олговичю повеле ити с своею братьею на Стрежев к Борису, и Ивана Вонтешича туже посла с торки, и сына своего Изяслава, из Курьска, с своим полком посла и на Логожеск, а другого сына своего Ростислава посла с смолянны на Дрютеск, рек им в один день всем пустити на ворог, месяца августа в 4 день»²⁶⁵. Полочане, стесненные такою сильною ратью, выгнали князей, неприятных Мстиславу, и приняли князя от его руки²⁶⁶. Но потомки Рогволода не могли забыть наследственной ненависти к Ярославичам и не думали слушаться слов в князя, звавшего их на помощь против половцев: тогда Мстислав, управившись с варварами, послал схватить 5 полоцких князей и в трех лодках отправил их в Царьгород; по городам кривским сели посадники Мстислава²⁶⁷, но после мы видим там второго сына его, Изяслава, переведенного в Полоцк из Курска.

В 1132 году умер Мстислав. Здесь мы оканчиваем первую главу в нашей истории княжеских отношений по смерти Ярослава I. Какой же мы заметили характер в этих отношениях? Мы видели, что все борьбы, все усобицы, имевшие место от смерти Ярослава I до смерти Мстислава I, происходят от исключения племянников из сонаследия с дядьми; борьба идет в трех областях: Полоцкой, Черниговской, Владимиро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславе I изгнанием потомков Изяслава Владимировича в Грецию; вторая — при Святополке Изяславиче на Любечском съезде возвращением несправедливо исключенным Святославичам отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святополке на Витичевском съезде исключением Давида Игоревича и разделением области между двумя остальными соперничающими линиями — Изяслава и Владимира Ярославичей: но это самое разделение спорной области вело к новой вражде между линиями, поделившими ее, между Ярославом Святополчицем и Ростиславичами, сюда присоединилась вражда Ярослава к Мономаху, и дело кончилось тем, что участок Изяславичей перешел ко Всеволодовичам.

При этом не должно думать, однако, что междоусобия идут за области — Черниговскую или Владимиро-Волынскую; эти области служат только средством для исключенных князей снова войти в род и во владение родовой собственностью; им нет нужды, какие бы волости им ни дали, только бы ввели их в род; но так как отцы их княжили в означенных областях, то они домогаются

по крайней мере получить их, хотя в *отдельную собственность*, наподобие княжества Полоцкого, чего и достигли Ростиславичи в Галиции; но Святославичи, получив опять отцовскую Черниговскую область, не хотят ограничиваться ею и выделиться из рода Ярославова, что и подаст повод к новым спорам, о которых будет речь в следующих главах.

Второе главное явление, замеченное нами в описанном периоде, есть отстранение волею граждан старшей линии от старшинства и передача его в третью линию Ярославова потомства.

ГЛАВА V

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РУССКИМИ КНЯЗЬЯМИ ОТ СМЕРТИ МСТИСЛАВА I ДО ВЗЯТИЯ КИЕВА ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

После Мстислава старшинство принял брат его Ярополк Владимирович. Летописец говорит, что Мстислав оставил княжение брату своему Ярополку и детей своих передал ему на руки²⁶⁸. Но в другом списке летописи объясняется, почему Мстислав распорядился таким образом, почему был уверен, что брат получит после него старшинство, и потому поручил ему позаботиться об участи своих детей, что Ярополк, сам бездетный, мог исполнить как нельзя лучше: Мстислав знал расположение киевлян, которые не хотели никого, кроме Мономаховичей. Вот что говорит летопись: «Преставися Мстислав, сын Володимерь; и седе по нем брат его Ярополк, княжа Кыеве, *людье бо кыяне послаша понь*»²⁶⁹. След., черниговские князья не могли и на этот раз ничего предпринять против Мономаховичей, потому что обстоятельства были те же самые, как при Мономахе и Мстиславе. Им не было никакой надежды, пока мир господствовал в роде Мономаха; но, к несчастью для Руси, это господство было непродолжительно.

Мы видели, что уособицы, имевшие место при сыновьях и внуках Ярослава I, происходили оттого, что дядя исключали племянников из владения родового собственностью, но борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носит совершенно другой характер: теперь уже князья бьются не для того, чтобы снова получить участки в родовой собственности, они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуют теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, но за старшинство, за Киев, теперь уже Мономаховичи не изгоняют Святославичей из Чернигова, но хотят только исключить их из владения Киевом, твердят им: оставайтесь за Дне-

пром, как распорядился прадед наш Ярослав Великий; Ольговичи отвечают: «Мы не венгры и не ляхи, но потомки одного предка и отказать от Киева не можем», след., являются защитниками нераздельного, общего владения; но они знают, что право старшинства раз нарушено и восстановить его трудно вследствие столкновения противоположных прав и интересов: Мономаховичи считают полное право на своей стороне, ибо Святославичи не противились троекратному нарушению своего права и таким образом добровольно отказались от него.

Вот почему, когда Святославичам удастся перейти на западную сторону Днепра, овладеть Киевом, то они хотят перебраться все на эту заветную сторону, оставить ее за потомством, в свою очередь исключить Мономаховичей, отбросить их на восток. Какая же цель этого стремления? Желание прервать единство рода, разделиться? Проглядывает ли тут начало нового порядка вещей, новых отношений? Ничего подобного: им хочется только удержать постоянно старшинство за собою, в том самом значении, в каком его тогда понимали, оставляя в силе все прежние отношения старшего к младшим членам рода; одним словом, Святославичи хотят Киев не для Киева, но для старшинства.

Но борьба за старшинство идет не между одними Святославичами и Всеволодовичами; три княжеские линии, игравшие прежде важную роль — линия Изяслава Владимировича Полоцкого, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь из борьбы (хотя полоцкие князья возвращаются из Греции, но уже не имеют никакого влияния на отношения между Ярославичами); но зато встала страшная котора в самом роде Мономаховом. Здесь, по-видимому, повторяется прежняя борьба, борьба дядей с племянниками, но опять уже с другим значением: дядья не исключают племянников из владения родовой собственностью, но враждуют с ними за старшинство, не хотят допустить, чтобы дети старшего брата отнимали старшинство и стол киевский у младших дядей своих вследствие нового представления, что старший сын старшего брата есть старший брат дядьям своим.

Но борьба за это новое представление о старшинстве началась не между Мономаховичами, а между Святославичами еще при жизни Мстислава I. В 1128 году Всеволод Ольгович схватил дядю своего Ярослава в Чернигове, отправил его в Муром, а сам сел на старшем столе своего рода. Мстислав хотел было защищать права дяди, но был остановлен одним духовным лицом, игуменом киевского Андреевского монастыря Григорием, который пользовался всеобщим уважением. Один ли страх пролития христианской крови руководил советами этого игумена или другое что-нибудь, неизвестно; по крайней мере летопись говорит, что Всеволод богатыми подарками склонял на свою сторону киевских бояр, думцев великокняжеских; вероятно, киевляне, не

терпевшие Черниговских, радовались междоусобию, между ними возникшему, и не хотели проливать кровь свою ни за одного из Святославичей. Как бы то ни было, Всеволод удержался на черниговском столе; однако Мстислав, помня отцовское завещание не нарушать данного слова, всю жизнь терзался мыслию, что не сдержал клятвы, данной Ярославу²⁷⁰.

Несмотря, однако, на то, Мстислав сам был виновником подобного же явления в собственном роде: он уговорился с братом и преемником своим Ярополком, чтобы тот, перейдя из Переяславля в Киев, отдал прежний стол старшему сыну Мстислава Всеволоду, тогда князю новгородскому, под незаконным предлогом, что Мономах отдал Переяславль им обоим вместе, Мстиславу и Ярополку²⁷¹. Последний поклялся исполнить желание брата, и точно, как скоро получил старшинство, так тотчас же послал звать Всеволода в Переяславль. Но этот город был самым старшим столом после Киева в областях Мономаховичей, столом Всеволода и Мономаха, который отдал его старшим сыновьям своим²⁷², след., Мстислав перешел в Киев из Переяславля, Ярополк также.

Вот почему, когда младшие Владимировичи — Юрий Ростовский и Андрей Владимиро-Волынский узнали о перемещении племянника Всеволода в Переяславль, то первой их мыслию было, что это шаг к старшинству мимо их, особенно когда пред глазами был пример Ярослава Святославича, согнанного со старшего стола племянником при видимом потворстве старших Мономаховичей — Мстислава и Ярополка. Летопись говорит, что Юрий и Андрей прямо сказали: «Се Ярополк, брат наю, по смерти своей хочеть дати Киев Всеволоду, братану своему»²⁷³, и спешили предупредить племянника. Утром въехал Всеволод в Переяславль и до обеда еще был выгнан дядею Юрием²⁷⁴, который, однако, сидел в том городе не более 8 дней, потому что великий князь, помня клятву, данную покойному брату, вывел его оттуда и вызвал на его место другого Мстиславича, Изяслава, княжившего в Полоцке²⁷⁵, дав ему клятву поддержать его в Переяславле. Вероятно, Всеволод уже не хочет в другой раз менять верный удел на неверный, да и Ярополк не хотел раздражать новгородцев.

Но такое распоряжение не могло успокоить дядей: в каждом племяннике, который сидел в Переяславле, они видели наследника старшинства, будущего владельца киевского; притом полочане, не терпевшие, подобно всем гражданам русским, когда князь покидал их город для другого, выгнали Изяслова брата Святополка и приняли другого князя²⁷⁶.

Тогда Ярополк, видя неудовольствие братьев и видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрым Изяславом, отходит от Мономахова рода, перевел неволею Изяслава опять в Минск

(все, что осталось у Мономаховичей от Полоцкого княжества), придав ему Туров и Пинск, волость старшего своего брата Вячеслава, которого перевел в Переяславль, и таким образом прекратил вражду Юрия и Андрея, хотя с двукратным нарушением клятвы — Мстиславу и Изяславу.

Но все планы Ярополка разрушил Вячеслав; этот честолюбивый, но вместе с тем слабый, бесхарактерный, робкий князь прельстился сначала честью переяславского стола, но потом ему стало страшно сидеть здесь вблизи Святославичей Черниговских и половцев; он вышел из Переяславля и сел в прежней волости своей, Турове, выгнав оттуда Изяслава.

Тогда Ярополк решился на последнее средство для прекращения войны: он склонился на требование Юрия Ростовского, отдал ему Переяславль, с тем, однако, чтоб тот уступил в князю прежнюю свою Ростовскую область, хотя не всю, ибо Юрий оставлял себе на всякий случай убежище на севере²⁷⁷. Вероятно, Ярополк хотел отдать Ростовскую землю Изяславу: этой сделкой он надеялся успокоить братьев, поместив их всех около себя на Руси и отдав племянникам как младшим самую отдаленную область на севере. Но он уже не был более в состоянии исполнить это намерение: Изяслав, дважды изгнанный, видел только одну несправедливость со стороны дядей; он удалился в Новгород к брату Всеволоду и, питая ненависть к Юрию как виновнику всех своих бедствий, уговорил брата идти с новгородцами на этого дядю: война началась на севере²⁷⁸.

Тогда-то Святославичи увидали, что пришла наконец их пора; они заключили союз с недовольными Мстиславичами, призвали половцев и вооружились на старших Владимировичей. «Вы первые начали нас губить», — говорили они последним. Всего более Ольговичи были озлоблены за то, что старшие Мономаховичи, Мстислав и Ярополк, собираясь идти войною на Всеволода Ольговича за изгнание Ярослава Святославича и не желая допустить первого до соединения с половцами, поспешили захватить Курск и города по р. Семи: в Курске посадили Изяслава Мстиславича, а по Семи — своих посадников²⁷⁹; после Всеволод, довольный уже тем, что остался на черниговском столе, не смел требовать у Мстислава возвращения отчинных городов, которые и остались за Мономаховичами; но теперь черниговский князь, пользуясь усобицею между Мономаховичами, начал требовать у Ярополка их возвращения: «Возврати наши отчинные города, если же не возвратите, то не жалеете о следствиях: вы будете виноваты, на вас будет кровь»²⁸⁰.

Ярополк, располагая соединенными силами всех братьев, думал сначала, что может дружным ударом задавить Святославичей, и спешил к Чернигову; но принужден был отступить без успеха от этого города, а между тем Всеволод Ольгович с Изяс-

лавом и Святополком Мстиславичами, пришедшими с севера, и с половцами пожег область Переяславскую и доходил до самого Киева. Тогда дядя, чтобы отвлечь племянников от Святославичей, примирились с ними. Изяславу отдали Владимир-Вольнский, из которого Андрея Владимировича перевели в Переяславль²⁸¹. Юрий Ростовский видел, как спорны русские столы, и потому, пожив несколько времени на Руси, удалился в свою верную северную волость; он был успокоен тем, что в Переяславле будет княжить младший брат его, а не сын старшего брата: знак, что Изяслав имел больше прав на старшинство, чем Андрей Владимирович, и потому казался опаснее дяде Юрию²⁸².

Примирение членов Мономахова рода расстроило планы Святославичей; но, испытав раз свои силы с успехом, они хотели кончить начатое. В 1136 году они явились под Переяславль, Ярополк вышел к ним навстречу, Святославичи отступили к Супою. Ярополк, о воинственности которого мы уже имели случай заметить, обнаружил тут безрассудную храбрость: понадеясь на силы одной своей дружины, он не дождался остальных полков и завязал бой, в котором был разбит наголову. Святославичи подступили к Киеву и заключили мир на всей своей воле: в. князь уступил им Курск и посемские города. Все Мономаховичи сильно вознегодовали на своего старшего за такой постыдный договор, но уже нельзя было поправить дела²⁸³.

Изгнание Святослава Ольговича из Новгорода Великого заставило братьев его снова приняться за оружие и призвать половцев. Андрей Переяславский, покинутый братьями без помощи, не мог один сопротивляться Черниговским и хотел было уже бежать из Переяславля; но Святославичи, обрадовавшись неудовольствию Андрея на братьев, захотели снова посеять вражду между Мономаховичами и потому уверили его в своем дружелюбии²⁸⁴. Задержание Святослава Ольговича в Смоленске еще более усилило вражду Святославичей: они двинулись к Киеву. Это заставило в. князя принять меры решительные: он соединил войска всех братьев и племянников, призвал на помощь венгров и берендеев и пошел к Чернигову; Всеволод не мог противиться такой силе и принужден был смириться²⁸⁵.

Это был последний подвиг в жизни Ярополка: возвратясь в Киев, он скончался в 1139 году. Клятва, данная брату, соделала несчастье всей жизни Ярополковой: связанный ею, он хотел непременно поместить племянников на Руси и между тем хотел вместе удовлетворить требованиям братьев; почему обращался от одной полумеры к другой, которые, не утишая вражды, возбуждали только негодование против его, как в братьях, так и в племянниках. Увидав страшное зло от союза Мстиславичей с черниговскими князьями, Ярополк благоразумно поспешил разорвать этот союз удовлетворением племянников:

но безрассудная храбрость вождя испортила дело умного родоначальника, и Супойская победа дала Святославичам возможность предъявить снова свои требования. Чего они не могли вполне достигнуть при Ярополке, того достигли при слабом преемнике его Вячеславе. Едва последний успел сесть на братний стол, как Всеволод Ольгович подступил к Киеву; Вячеслав не мог сопротивляться, выехал опять из Киева в Туров, а Всеволод занял его место²⁸⁶.

Мы должны обратиться к причинам такого странного явления: каким образом Мономаховичи позволили Святославу внуку занять старший стол? В это время линия Мономаха была в самом затруднительном положении, именно была без главы, и притом вражда господствовала между ее членами. Старшим в этой линии оставался Вячеслав Туровский, но мы видели его характер, делавший его совершенно неспособным блюсти интересы рода, поддерживать в нем единство, наряд. Следующий за ним брат, Юрий Ростовский, не был похож на отца ни в умственном, ни в нравственном отношении: как правитель и как человек он не мог заслужить уважения и привязанности родичей и чужих; третий брат, Андрей Переяславский, также не отличался деятельностью, да если б и захотел отличиться ею, то как самый младший из братьев должен был бы войти в неприязненные столкновения с интересами старших.

Князь, который своими личными доблестями один мог быть представителем Мономахова рода, поддержать его интересы,— это был Изяслав Мстиславич Владимиро-Волынский, старший сын старшего из Мономаховичей (Всеволод Мстиславич умер в 1138 г.). Он вполне наследовал благородный характер своего знаменитого деда. Как тот — неутомимый воитель, как тот — необыкновенно щедрый к дружине, не разделявший своих выгод от выгод людей, его окружавших, и, наконец, необыкновенно приветливый к народу, Изяслав был образцом князя, по тогдашним понятиям, и, след., один был в состоянии поддержать любовь народа к Мономахову потомству. Но, к несчастью, события предшествовавшие поставили Изяслава во враждебные отношения к старшим членам рода: дядья видели в нем хищника прав своих, а он смотрел на дядей, как на гонителей несправедливых.

Эта-то несчастная вражда лучшего из Мономаховичей со старшими членами рода и объясняет нам успех Ольговича. Находясь, с одной стороны, во вражде с родными дядьями, с другой — Изяслав был в тесном свойстве со Всеволодом Ольговичем, который был женат на старшей его сестре и, по тогдашним понятиям, как старший зять заступал место старшего брата и отца. Вот почему Изяслав охотно бы видел на старшем столе Всеволода Ольговича, если бы последний, считая себя по жене

старшим в семье Мстиславичей, примкнул совершенно к этой семье, ибо тогда по смерти его Киев естественно переходил к старшему по нем брату между Мстиславичами, т. е. к Изяславу. Но в таком случае Всеволод Ольгович должен был бы отказаться от рода Святославова, пренебречь его интересами, а тогда что случилось бы с его сыновьями? Внуки Олега, и между тем исключенные из рода Святославова, могли ли они ожидать, что Мстиславичи признают право их на старшинство потому только, что они происходят от внуки Мономаха; не ясно ли было, что, отставши от своего рода и не примкнув к другому, они будут отвергнуты обоими и лишены всякого участия в родовой собственности?

Таким образом, интересы сыновей должны были удержать Всеволода от измены своему роду, но те же самые интересы сыновей заставляли его шадить и Мономаховичей, ибо он видел, что они превосходят Святославичей материальными силами по самому количеству волостей, ими владеемых, и личными доблестями старшего Мстислава, которому нельзя было противопоставить ни одного из Святославичей; видел, что только одно разделение в этой могущественной семье дает ему надежду овладеть старшинством, но что рано или поздно Мономаховичи могут соединиться, пересилить снова Святославичей, и тогда опять что станет с его сыновьями? Между тем как, шадя Мстиславичей, он приобретал в них покровителей для своего сына, а их племянника, в чем и не ошибся, как увидим после. Притом Всеволод, как мы уже сказали, знал могущество Мономаховичей, знал, что, только поддерживая разделение в этой семье, он может утвердиться в Киеве, и потому никак не хотел выводить Мономаховичей из терпения, что заставило бы их соединиться; напротив, ему было необходимо иметь на своей стороне самого доблестного в их роде, Изяслава Мстислава, отвлечь его от союза с дядьями, что ему было легко сделать по такому близкому родству с ним.

Одним словом, Всеволод сознавал непрочность, шаткость своего положения и потому, смотря более вперед, решил шадить на всякий случай и тех и других, и родных братьев, и шурьев Мстиславичей, и тем поставил себя навсегда в ложное положение. Татищев²⁸⁷ прямо говорит, что Всеволод, намереваясь овладеть Киевом по смерти Ярополка, сделал такой ряд с братьями, что двоюродные, Давидовичи, получали Чернигов, а родные, Ольговичи, должны получить волости Мономаховичей, которых предположено изгнать в области отдаленнейшие и худшие. Такого распоряжения требовали собственно интересы Святославова рода. Но в то же время Всеволод вошел в сношение с Изяславом Волынским, обещаясь действовать в интересах семьи Мстиславовой и отдать после себя ему Киев.

Но тотчас же Всеволод испытал следствие такого двоедушия: по первому договору с братьями он должен был изгнать Мономаховичей, но вместо того он начал договариваться с ними о мире. Тогда родные его братья, обманутые в надежде получить волости Мономаховичей, требовали по крайней мере своей отчины — Чернигова: но Всеволод оставил последний город во владении Владимира Давидовича и радовался, что, таким образом поссорив родных братьев с двоюродными, останется в покое со стороны собственного рода, ибо разьединенные враждою за Чернигов Святославичи не могли быть страшны²⁸⁸.

Но не так было легко сладить с Мономаховичами: увидав Ольговича в Киеве, дядья начали ссылаться с племянниками, чтобы сообща противодействовать унижению рода; Юрий приехал в Смоленск к племяннику Ростиславу Мстиславичу, которого он любил за неучастие в борьбе братьев с дядьями и за постоянное уважение к последним²⁸⁹.

Видя, с одной стороны, расположение дядей к соглашению, а с другой — двоедушие Всеволода в поступке его с братьями, Изяслав Мстиславич не стал более верить ему и не поехал в Киев, когда зять звал его туда для переговоров²⁹⁰. Тогда Всеволод решился предупредить Мономаховичей и действовать открыто против них в пользу своего рода. Здесь мы должны обратить внимание на роль, которую играют Ростиславичи Галицкие в великой борьбе за старшинство.

Оба брата, Володарь и Василько, умерли в 1124 году, и оба оставили по двое сыновей²⁹¹: Володарь — Владимира и Ростислава, Василько — Григория и Иоанна. Самый замечательный из них, о котором всего чаще будет речь впоследствии, был старший Володаревич — Владимир, или Владимирко. Этот князь по своему характеру был совершенно в уровень своему положению. Окруженный со всех сторон соседями, гораздо сильнейшими его, далеко отошедший от господствующих линий на Руси, Владимир только в необыкновенной изворотливости, хитрости, неразбирании средств, игре договорами и клятвами видел свое спасение и силу. Он начал свое политическое поприще ссорой с братом Ростиславом, которого непременно хотел выгнать, чтобы одному владеть отцовскою областью и таким образом быть в состоянии противиться могущественным соседям. Но этому намерению воспрепятствовал Мстислав, в. к. киевский, и двоюродные братья Васильковичи.

Когда Мономаховичи были соединены и, след., сильны, Владимир с братьями соединяли свои дружины с полками старшего Мономаховича; когда же, по смерти Ярополка, началась тройная усобица между Мстиславичами, Юрием и Черниговскими, тогда-то открылось Володаревичу обширное поле деятельности. Мы видели, что Ростиславичи, принужденные ограничиться только

одною частью Владимирской области, Галициею, смотрели, однако, на всю область как на свое достояние и потому постоянно враждовали с потомством Изяслава и Игоря Ярославичей. Теперь, когда обе эти линии сошли со сцены и владимирский стол перешел в род Мономахов, теперь всякий из Мономаховичей, который сидел во Владимире, необходимо должен был подвергаться вражде Ростиславичей, особенно если этот князь отличался доблестями и, след., был тем для них опаснее. Вот почему, когда Всеволод Ольгович решился с родом своим выгнать Мономаховичей с западной стороны Днепра, Владимир был в союзе с Ольговичем против Изяслава Мстиславича Вольнского. Но намерение Всеволода заставить врасплох Мономаховичей и не дать им соединиться не удалось.

Хотя Юрий, раздосадованный отказом новгородцев идти на Ольговича, ушел назад в Ростовскую землю, однако войско, посланное на Изяслава ко Владимиру, возвратилось безо всякого успеха; дружина Андрея Владимировича Переяславского разбила Святослава, Всеволодова брата, который хотел приобрести Переяславль для себя, а Мономаховича прогнать в Курск. Ростиславичи — Василькович и Володаревич, пользуясь невзгодю Мономахова потомства, хотели продать свою дружбу вольнскому князю дорогою ценою и потому призвали его к себе для переговоров; но Изяслав не был склонен к уступкам, и дело кончилось ничем²⁹².

Однако Изяслав (которого волость воевали также поляки, союзники Всеволода) и дядя его Вячеслав отчаялись с успехом противиться Ольговичам и просили мира у в. князя киевского, соглашаясь признать его старшинство. Всеволод сначала было не хотел вступать в переговоры с ними, но после рассудил, что *ему нельзя без них быть*, и потому примирился с ними²⁹³. Между тем Всеволод видел приверженность народа к Мономаховичам; новгородцы прямо говорили ему: «Не хотим сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хотим племени Володимера»²⁹⁴, и в. к. принужден был наконец исполнить их просьбу, послать в Новгород Святополка Мстиславича²⁹⁵. Это ясно показывало ему, как страшно действовать открыто против Мономахова рода, чего непременно хотели братья его Ольговичи; насилу Всеволод мог успокоить Святослава, дав ему Белгород; но Игорь не был доволен и ходил отнимать Чернигов у двоюродного брата, однако без успеха²⁹⁶.

Смерть Андрея Владимировича Переяславского, случившаяся 1141 года, еще более спутала отношения: Всеволод перевел в Переяславль Вячеслава, а Туров отдал сыну своему Святославу на том основании, что Переяславль была отчина Мономаховичей, а Туров по распоряжению между сыновьями Ярослава I принадлежал к Киевской области. Такое распоряжение возмутило

братьев в. князя, не только уже родных, но и двоюродных, ибо они видели в этом, что Всеволод заботится только о помещении сына на Руси и пренебрегает интересами рода: тяжело было на сердце Игорю и Святославу, что старший брат дает волости сыну, а им уступает только по городу, землю же вятичей бережет для себя на всякий случай.

В таких обстоятельствах все Святославичи целовали крест стоять за один и послали объявить старшему: «Ты сидишь в Киве, а мы просим у тебя Черниговской и Северской волости, а Киевской не хотим»²⁹⁷. Всеволод не уступил; тогда Святославичи, видя, что старший брат отказывается блюсти интересы рода, решились «поискати самим о себе» и двинулись на Переяславль, думая, что им легко будет осилить слабого Вячеслава; в. князь принужден был послать помощь последнему против братьев своих; но гораздо деятельнее помогали Вячеславу племянники: Изяслав и Ростислав с двух разных сторон заставили Святославичей отказаться от враждебного намерения. Тогда последние поневоле должны были склониться на прежние предложения старшего брата: но и тут Всеволод, боясь союза родных братьев с двоюродными, преклонил Давидовичей разорвать этот союз обещанием наделить их; тогда ему легко уже было уладиться с братьями: он дал каждому по два города²⁹⁸. Вячеслав, напуганный враждебными замыслами Святославичей, не хотел сидеть по соседству с ними в Переяславле и уступил этот опасный удел смелому племяннику Изяславу, а сам перешел в свой прежний Туров, откуда сын в. князя Святослав переехал во Владимир Волынский на место Изяслава²⁹⁹.

Святославичи сильно роптали на брата, что он перепустил такой важный стол, каков был Переяславль, храброму Изяславу, а последний, с своей стороны, видел, что Всеволод шадит Мстислава только из страха, чтобы они не соединились с дядями, старшинство же прочит своему роду и потому решился примирить всех членов Мономаховой семьи и действовал наступательно против Святославичей: с этою целию он не усомнился поехать для личного свидания к заклятому врагу своему Юрию Ростовскому, чтобы убедить его отложить вражду для блага целого рода; но притязания дяди и племянника не могли быть соглашены, и оба князя расстались более врагами, чем были прежде³⁰⁰.

Между тем перемещение сына великокняжеского на владимиро-волынский стол завязало новые отношения. Мы видели, что потомки Ростислава питали вражду ко всякому владимиро-волынскому князю, из какой бы линии он ни был; видели, что Владимир Галицкий был в союзе со Всеволодом против Изяслава как волынского князя; теперь, когда владимирский стол занял Ольгович, сын в. князя, князь галицкий стал враждовать против последнего, тем более что Всеволод Ольгович был в тесном

союзе с поляками, заклятыми врагами Ростиславичей. Владимир мог отважиться на вражду с в. князем: весь Галич принадлежал ему, оба Васильковича умерли, родной брат его Ростислав также, оставив сына Ивана, но Владимир изгнал племянника из его отчины. В 1144 году в. князь должен был с оружием в руках заступиться за сына своего против галицкого князя³⁰¹. Всеволод, собрав своих братьев, родных и двоюродных, равно Вячеслава Мономаховича с обоими племянниками — Изяславом и Ростиславом и других мелких князьков, двинулся на Владимирка; поляки сделали то же самое.

Мы упоминали уже о характере Володаревича: он выказал его совершенно в описываемом событии. Не желая прямо просить мира у Всеволода, он послал к брату его Игорю с следующими словами: «Если ты примиришь меня с братом, то я помогу тебе после него достать Киев». Ничего не могло быть искуснее этого: в самом деле, Игорь, окруженный враждебными Мономаховичами и ненадежными Давидовичами, мог ожидать помощи только от одного Владимира, которому также было опасно преобладание Мономаховой семьи в соседстве. Игорь начал упрашивать брата оставить Галицкую землю в покое. «Видно, ты не хочешь мне добра, — говорил он ему, — обрек мне Киев, а приятелей не даешь приобретать». Всеволод признал справедливость этой просьбы и примирился с Владимиром³⁰². Но на обещания последнего нельзя было полагаться: уже на следующий год он снова начал вражду, и снова в. князь принужден был идти против него, на этот раз поход был неудачен³⁰³.

Это был последний поход Всеволода Ольговича; еще прежде, в 1144 году, он сделал предсмертный ряд с братиею; Ольговичи, Давидовичи и Изяслав Мстиславич были позваны для того в Киев. В присутствии последнего Всеволод объявил, что поступок Мономаха и сына его Мстислава, которые, не обращая внимания на род Святослава, отдали Киев один сыну своему, а другой брату, что этот поступок дает и ему также право передать старшинство родному брату Игорю мимо Мономаховичей. В. князь требовал клятвы со всех присутствующих в признании Игоря Ольговича на столе киевском; Изяслав Мстиславич после долгого упорства принужден был также целовать крест по неволе³⁰⁴.

В 1146 году, почувствовав приближение смерти, Всеволод хотел взять такую же клятву и с граждан киевских. Киевляне и вышегородцы целовали крест, замышляя уже клятвопреступление, ибо ненавидели Всеволода и весь род его. Причина этой ненависти была следующая: Всеволод привел с собою старых слуг своего рода, дружину черниговскую, которой, разумеется, отдавал преимущество пред старыми боярами киевскими, слугами рода Мономахова: это жестоко оскорбило последних³⁰⁵;

сверх того черниговские дружинники, которым Всеволод роздал должности, не имея ничего общего с новыми согражданами, притесняли их: это возбудило против Всеволода и остальное народонаселение. Тотчас по смерти в. князя киевляне собирают вече и объявляют Ольговичам, что тиуны их брата сгубили народ, и требуют, чтобы вперед сами князья судили тяжбы. Ольговичи, Игорь и Святослав, уступили желанию народа и целовали крест, что отныне не будет ему никакого насилия и что тиуны будут избираемы по воле граждан³⁰⁶.

Но Игорь не думал сдержать своего обещания³⁰⁷: тогда киевляне послали в Переяславль звать Изяслава Мстиславича на дедовский стол. Он тотчас двинулся к Киеву, объявив, что терпел на старшем столе Всеволода Ольговича как мужа старшей сестры своей, которого, след., считал себе отцом, но не может терпеть на одном столе других Ольговичей³⁰⁸. Едва узнали, что стяг Мономаха поднят доблестным внуком его, как отовсюду начали присылать к Изяславу с приглашениями: «Поезжай к нам, ты наш князь, Ольговичей не хотим»³⁰⁹.

Игорь видел всеобщее недоброжелательство; насилу он мог уговорить двоюродных братьев Давидовичей остаться на его стороне, для чего спешил удовлетворить всем их требованиям; но тщетно уверял бояр киевских, что оставит их в прежних должностях; пятеро самых знатных, и между ними тысяцкий Улеб, люди (что всего страннее казалось для современников), бывшие в большой чести у Всеволода и брата его, решились вместе с гражданами передаться на сторону Изяслава³¹⁰. Едва последний явился у Киева, как граждане взяли его тысяцкого и стяг, и вышеозначенные бояре бросили стяги Ольговичей, которые принуждены были бежать: Святославу удалось уйти от неприятеля, но Игорь был взят в плен и заключен в монастырь, где скоро испросил у победителя позволение постричься. Изяслав с торжеством вступил в Киев и объявил, что не отлучит от своего рода Святослава, сына Всеволодова, но что будет ему отцом³¹¹.

Тогда-то оказались следствия коварного поведения Всеволода, разрознившего интересы родичей: Давидовичи Черниговские, вместо того чтобы помогать двоюродным братьям Ольговичам в несчастьи, думали, как бы вконец погубить их: они боялись, чтобы Игорь и Святослав, лишённые надежды на Киев, не стали домогаться отцовского черниговского стола. Вот почему они послали к Изяславу с просьбою не выпускать из плена Игоря и с предложением преследовать с ними вместе Святослава³¹².

Святослав, оставленный родичами, изгнанный отовсюду, не хотел более ничего, как только выручить из плена брата Игоря: для этого он обратился к единственному князю, которого интересы были связаны с его собственными: то был Юрий Ростовский.

Торжество Изяслава над Игорем было торжеством Мономахова рода над Святославовым, но вместе и торжеством нового представления — о старшинстве старшего племянника над дядями. Торжеству этого представления способствовали следующие обстоятельства: если бы Изяслав по примеру деда своего свято уважал права старших родичей, то подобно Мономаху же был бы принужден гражданами принять великокняжеское достоинство: слабый Вячеслав, старший из дядей, не мог ни управлять сам³¹³, ни защищать Киев от Черниговских и половцев; здесь мы можем оставить даже *бы* и говорить утвердительнее, основываясь на следующем: Изяслав, двинувшись к Киеву на Ольговичей, объявил, что идет возратить дедовский стол старшему брату своему (дяде) Вячеславу³¹⁴. Что же, кроме воли граждан, могло заставить его переменить намерение? Так, когда после Юрий бежал из Киева перед Изяславом, а Вячеслав занял его место, то граждане, вышедши навстречу к Изяславу, говорили ему: «Гюрги вышел из Киева, а Вячеслав сидит ти в Киеве; а мы его не хотим»³¹⁵.

Юрия Ростовского не знали на юге, и еще хуже, если бы знали: по своему характеру он не мог привлечь любви народной, которою пользовался в высокой степени племянник его Изяслав. Последний знал, что посадить на киевский стол Вячеслава значит дать дорогу притязаниям Юрия, непримиримого врага своего, и потому принял на себя старшинство.

Сперва Вячеслав надеялся было, что племянник почтит его, и потому, узнав о низложении Ольговичей, забрал назад города, отнятые у него прежде Всеволодом; мало того, начал уже как старший распорядиться волостями, занял Владимир Волынский и посадил в нем племянника Владимира Андреевича.

Но Изяслав спешил показать, как он намерен действовать в отношении к дядьям: он послал брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича на Вячеслава и отнял у него Туров, где посадил сына своего Ярослава³¹⁶, а стольный город Мономаха Переяславль отдал старшему сыну Мстиславу³¹⁷. Такое распоряжение могло оскорбить братьев Изяславовых, особенно старшего, Ростислава Смоленского; но, вероятно, этот нехрабрый и вовсе не честолюбивый князь сам отказался от Переяславля: здесь он должен был беспрепятственно отбивать Черниговских, половцев и вступить в смертельную вражду с дядею Юрием, чего он никак не хотел.

Ростовский князь, узнав, что в Киеве сидит племянник, а в Переяславле внук, не мог оставаться спокойным; он принял предложение Святослава Ольговича освободить Игоря и сесть на киевском столе и ополчился; но ему трудно было осилить Изяслава, которого братья и союзники со всех сторон окружали Юрия: в Смоленске сидел брат его Ростислав, в Новгороде другой брат, Святополк; князь рязанский Ростислав Ярославич

питал наследственную ненависть к Ольговичам за изгнание отца своего из Чернигова и потому был ревностным союзником Мстиславичей³¹⁸. Юрий, сведав о вторжении рязанцев в свою область, должен был отложить поход свой на юг и ограничиться отправлением сыновей на помощь Святославу, которому между тем удалось поправить свои дела относительно Давидовичей.

Тогда Изяслав решил принять наступательный образ действия против князя ростовского: созвав вече, он требовал у граждан содействия; но киевляне решительно отrekliсь поднять руки на сына Мономахова, обещаясь, однако, с охотою идти на ненавистных Ольговичей³¹⁹. Изяслав кликнул клич по охотникам и с ними выступил в поход³²⁰. Граждане на вече остерегали также своего любимого князя от союза с Черниговскими³²¹; их предчувствие сбылось: на дороге в князь узнал, что Давидовичи и племянник его Святослав Всеволодович изменили, соединились с Юрием и Святославом Ольговичем и даже замышляют схватить его хитростию или убить. Причины отпадения были следующие: Игорь был в это время уже монахом, след., притязаний его на Чернигов нечего было бояться³²², Святослав же домогался только Северной стороны; но более, чем притязания брата, было опасно для Черниговских могущество Изяслава Мстиславича; впрочем, как видно из летописи, примирение Святославичей между собою и союз их всех с Юрием против Изяслава были делом Святослава Всеволодовича: этот молодой князь понимал, что его выгоды требуют снова примкнуть к роду Святославу, в котором, по новому представлению, ему предстояло старшинство как старшему внуку Олега; что от Мстиславичей ему нечего ждать много: Изяслав взял у него Владимиро-Волынскую область и дал ему только 5 городов; вот почему он стал проситься у в. князя в Чернигов, чтоб вытребовать волость у дядей: следствием его прибытия было примирение Святославичей и союз их с Юрием³²³. Узнав об этом, Изяслав немедленно дал знать киевлянам о вероломстве Черниговских и напоминал им обещание помогать ему на них, при этом также напомнил он гражданам, что их выгоды тесно связаны теперь с его собственными, что в случае торжества Черниговских им нечего ждать от них для себя хорошего за измену Игорю³²⁴.

Киевляне отвечали единодушным согласием идти со своим князем на общих врагов; но кто-то на вече подал ужасный совет прежде вступления в поход убить монаха Игоря, чтобы в их отсутствие кто-нибудь не вздумал освободить его, как некогда Всеслава Полоцкого. Совет был принят раздраженною толпою, и несчастный Ольгович заплатил жизнью за вероломство братьев³²⁵: на увещания Владимира, Изяслава брата, киевляне отвечали: «Мы знаем, что добром не кончить с этим племенем, ни нам, ни вам».

В. князь с негодованием узнал об этом отвратительном и вместе безрассудном поступке киевлян, который давал повод врагам обвинять его в соумышлении с народом, приписывать убийство Игоря тайному его приказу³²⁶. Однако и Святославичи ошиблись в своем расчете. Силы Юрия Ростовского не были в уровень с силами Мстиславичей, область его была обширна, но мало населена, и потому он не мог решиться подать деятельную помощь союзникам, притом мы узнаем после лень Юрия, его неспособность к быстрым ратным движениям. Сыну его Глебу не удалось овладеть Переяславлем, и он только получил от Изяслава позволение занять прежнюю отцовскую волость Городец³²⁷, а между тем в. князь вместе с братом Ростиславом и венграми страшно опустошал черниговские волости. Тогда Святославичи увидели необходимость просить мира у Изяслава, который и дал им его, желая умирить юг, дабы иметь возможность нанести сильный удар Юрию в собственных областях его³²⁸. Тогда же старший сын Юрия Ростислав, отчаявшись в успехе отцовского дела, перешел на сторону Изяслава, признал его старшинство и получил города на Руси, которые прежде держал Всеволодич Святослав³²⁹, и отчинные города, занятые прежде братом его Глебом, который был принужден выйти из них.

В том же 1148 году в. князь отправился в Новгород и оттуда причинил сильное опустошение Юрьевой области, мстя за обиды, которые дядя беспреестанно наносил новгородцам³³⁰. Этот поход жестоко оскорбил Юрия, но еще более оскорбила его другая обида, нанесенная ему племянником. Мы видели, что Изяслав приютил на Руси сына Юрьева Ростислава; но по возвращении из Новгорода в. князю начали говорить про Юрьевича, будто он возмущал киевлян и берендеев против Изяслава. «Держишь у себя заклятого врага на свою голову»,—твердили Изяславу. Последний, не выслушав оправданий Ростислава, выгнал его из Руси³³¹. Что обвинение было не совсем несправедливо, доказывают слова самого Ростислава отцу по возвращении: «Я слышал, что вся Русская земля и черные клобуки хотят тебя, ступай на Изяслава»³³².

На этот раз Юрий в самом деле собрался и пошел на племянника; последний поступок Изяслава вывел его из терпения. «Стало быть, мне и моим детям нет части на Русской земле»,—говорил старый дядя; притом он надеялся на успех предприятия; сын его недаром жил в Руси: переяславцы были привлечены на сторону Юрия, как увидим впоследствии³³³. Давидовичи Черниговские, зная по опыту силу Изяслава, хотели на этот раз остаться ему верными и известили его о походе дяди. Но Святослав Ольгович хотел торговаться. «Отдай мне имение брата Игоря,—велел он сказать в. князю,—так буду за тебя». Благородного Изяслава оскорбило такое двоедушие,

он велел отвечать Святославу: «Ты целовал мне крест не думать больше об Игоре, а теперь, когда дядя идет на меня, ты опять вспомнил об нем; уже одно твое требование есть клятвопреступление, я без тебя и на Волгу ходил, а теперь был бы со мною Бог!» Святослав присоединился к Юрию³³⁴.

Но неприятности ждали Изяслава с другой стороны. Мы уже несколько раз имели случай заметить, как народ благоговел к памяти Мономаха: в противоположных концах русских владений, на севере, востоке и юге, в Новгороде, Курске и Киеве граждане отказывались поднимать руки на Мономаховичей; они с ужасом смотрели на усобицу в потомстве того, кто всю жизнь трудился над примирением братии; распря в семье Мономаха казалась народу греховным поруганием над памятью великого братолюбца и доброго страдальца за Русскую землю: так Мономах и по смерти своей оставался хранительным духом Руси, и по смерти сдерживал ненавистные ему при жизни усобицы родовые!

В другой раз отказались киевляне идти за Изяславом на дядю Юрия. «Миришь, князь: мы нейдём»,—говорили они ему³³⁵. Тяжка была для Изяславовой гордости эта жертва, которой требовал от него народ ради памяти Мономаха. «Как мне просить мира у дяди?—отвечал Изяслав.— Не стыдно ли мне будет помириться с ним теперь и тем показать, что он принудил меня силою к миру? Если бы он пришел один с детьми только, то я бы дал ему любую волость, но он привел половцев и врагов моих Ольговичей»³³⁶. Жаль было киевлянам любимого князя, нехотя пошли они за ним: дурное предвещание для успеха!

В Переяславль явился посол от Юрия. «Брат!—велел сказать Изяславу дядя.— Ты приходил на меня, повоевал мою землю и старейшинство снял с меня; теперь, брат и сын, ради Русской земли и христианства не прольем христианской крови, но дай мне посадить в Переяславле сына, а ты царствуй себе спокойно³³⁷ в Киеве». Не полюбила эта речь Изяславу: он не хотел видеть Юрьевича подле себя на таком столе, которого князь считался постоянно наследником старшинства. Особенно ненавистна была храброму князю мысль уступить дяде без битвы; неприятны были ему слова переяславского епископа, который со слезами говорил ему: «Князь, примиришь с дядею: много спасения примешь от Бога и землю свою избавишь от великой беды»³³⁸.

С досадою отвечал Изяслав: «Я добыл головою Переяславля и Киева», и пошел против Юрия. У Янчина села произошла битва: полк переяславский, доброжелательствуя Юрию, обратил тыл и решил этим дело³³⁹. Изяслав, пробившись с неимоверным мужеством сквозь неприятельские ряды, явился в Киев с братом Ростиславом и спросил граждан: «Можете ли биться за нас?» «Господа наши князи,—отвечал народ,— не погубите нас до конца, теперь отцы, и братья, и сыновья наши одни в плену, другие

побиты, если будем долее противиться, то не миновать и нам плена; ступайте лучше в свои волости: ведь вы знаете, что нам с Юрием не ужиться, и где только увидим стяги ваши, так тотчас будем готовы идти за вами». Изяслав поехал во Владимир Волынский, а Ростислав в Смоленск. Юрий вступил в Киев, и множество народа вышло к нему навстречу — *с радостью великою*, прибавляет летописец³⁴⁰.

Юрий начал распоряжаться как в князь: посажал сыновей своих на ближайšie столы к Киеву³⁴¹. Идя на Изяслава, он также объявил, что хочет возвратить старший стол Вячеславу³⁴², и хотел было после исполнить свое обещание, но бояре отсоветовали ему, говоря: «Брату твоему не удержать Киева, и этот город не достанется ни тебе, ни ему»³⁴³. Тогда Юрий взял у Вячеслава Дорогобуж и Пересопницу, оставленные ему Изяславом, и перевел его в Вышегород.

Изяслав, с своей стороны, начал слать за помощью к соседним государям на Западе, с которыми со всеми был в родстве: за королем венгерским была родная сестра его, за Болеславом IV Польским родная племянница, Владислав Чешский был также сватом ему по жене брата его Святополка. Венгры, ляхи и чехи явились на помощь к Изяславу, но против него встал знаменитый Владимирко Галицкий, которого соединяла с Юрием постоянная вражда к каждому волынскому князю, а на Волыни сидел теперь Изяслав. Вооружения сильного Владимирка испугали союзников; еще более испугала поляков весть, что пруссаки напали на их области; чтоб скорее кончить дело в Руси, они предложили посредничество свое между дядею и племянником. «Сойдите с Русской земли, — отвечали Юрий и Вячеслав, — тогда вступим в переговоры». Союзники послушались и покинули Изяслава, который никак не соглашался мириться с дядею до тех пор, пока последний не возвратит новгородцам всех северных даней, им захваченных.

Юрий, видя племянника беззащитным, хотел совершенно изгнать его отовсюду; вражду в князя особенно разжигали сын его Ростислав, злобившийся на Изяслава за бесчестное изгнание из Руси, и Юрий Ярославич³⁴⁴, один из потомков Изяслава, старшего сына Ярослава I. Этот забытый князь радовался усобице, возникшей между ненавистными Мономаховичами, снявшими с рода его старшинство и даже лишившими его честного стола. Но Владимирко, которого интересы зависели от постоянного соперничества соседних владельцев и который не хотел, след., решительного торжества ни той, ни другой стороны, стал между соперниками и заставлял мириться; другой сын Юрия, знаменитый впоследствии Андрей Боголюбский, изначально не любивший старую, Южную, Русь, также увещевал отца примириться с Изяславом и покинуть страну, которая ничего не обещала, кроме

усобиц³⁴⁵. И дядя Вячеслав, с своей стороны, упрашивал брата помириться с племянником: старик боялся, что, когда Юрий уйдет, Изяслав опустошит волость его³⁴⁶.

Юрий согласился наконец возвратить новгородские дани и все пограбленное у дружины Изяславовой³⁴⁷. Но последнее условие не было исполнено: тогда Изяслав решился не терпеть обиды и, соединясь с черными клобуками, изгнал беспечного дядю из Киева, объявляя, однако, постоянно детям Юрия, что враждует только с их отцом, а не с ними³⁴⁸. Это заставило Владимира Галицкого подняться снова на Изяслава; тогда последний, желая отнять у Юрия предлог к войне, вызвал в Киев старшего дядю Вячеслава, который не мог сам управлять княжеством и, довольный одним почетом, предоставил всю власть Изяславу³⁴⁹.

Урядившись с дядею, Изяслав выступил против Владимирка, которого встретил при Ольшанице. Черные клобуки, бывшие в войске Изяслава, испугались силы галицкой; они начали говорить князю: «Князь! Сила вражья велика, а у тебя мало дружины, не погуби нас, да и сам не погинь; но ты наш князь, когда силен будешь, и мы от тебя не отступим, а теперь не твое время, поезжай лучше прочь»³⁵⁰. Внук Мономаха отвечал по-Святославовски, как прилично храброму князю, вождю дружины: «Лучше, братья, умрем здесь, а не положим на себя позора!» Но городские киевские полки пели ту же песню, что и черные клобуки, и обратились в бегство, варвары последовали их примеру; тогда Изяслав, видя, что не может противиться с одною своею дружиною, удалился и сам³⁵¹.

Это событие показывает нам отношения того времени. Князь с своею верною дружиною сохраняют прежний характер неустрашимых бойцов, предпочитающих смерть постыдному бегству. Но не так думают сбродные полчища варваров пограничных, не так думают граждане: родовые отношения князей, произведшие беспрестанную их смену, сделали подданных равнодушными к особе правителей, они любят князя за его личные доблести, но верны ему тогда только, когда он силен, когда на его стороне счастье: «Ты наш князь, коли силен будешь!»

Узнав о неудаче племянника, Юрий приступил вторично к Киеву. В то время как Изяслав с дядею Вячеславом сидели за обедом, увидали они, что киевляне одни поехали в лодках к Юрию, другие начали перевозить его дружину. Тогда князья сказали друг другу: «Теперь не наше время!» — и выехали — Вячеслав в Вышегород, а Изяслав во Владимир Волынский³⁵². Юрий в другой раз занял Киев, и в другой раз не умел удержать его против деятельного племянника. Тот призвал на помощь венгров и пошел опять к Киеву, а за ним следом пробирался Владимирко Галицкий, который, как тень, не отставал от волынского князя.

Дружина говорила Изяславу: «Князь! Ты идешь на одного врага, а сзади тебя другой». Внук Мономаха остался верен своему характеру вождя дружины, не отделявшего своих интересов от интересов верных сподвижников; он отвечал своим мужам: «Вы для меня вышли из Русской земли, лишились всех сел и всего имущества, и я, с своей стороны, не могу отказаться от дедины и отчины: но либо сложу свою голову, либо возвращу отчину и все ваше имущество; с кем ни встречусь, с Владимирком или с Юрием, с тем и вижу суд Божий»³⁵³. После этого Изяслав двинулся к Киеву. На дороге жители городов выходили к нему навстречу с крестами, но с робостию смотрели на союзников Изяславовых. «С тобою иноземцы, угры,—говорили они ему.— Не сделали бы они какого зла городу?» Внук Мономаха отвечал: «Я привел угров не на людей моих, а на врагов; вы же не бойтесь: вы люди отца моего и деда моего», и, минуя города, спешил на Юрия, зная, что в киевлянах найдет сильных союзников³⁵⁴. В самом деле, едва услышал Юрий о приближении Изяслава, как сел в лодку и уехал в Городец, а киевляне встретили Изяслава, по обычаю, с радостию³⁵⁵. В страшный гнев пришел Владимир Галицкий, узнав о такой оплошности и малодушии Юрия. «Вот как княжит сват мой»³⁵⁶,—говорил он сыну Юрия Андрею,—как же он не знал, что на него идет рать из Владимира, а вы, сыновья его, сидите один в Пересопнице, а другой в Белгороде, и не могли устеречь Изяслава! Если так княжите с своим отцом, то управляйтесь одни!»—и возвратился в Галич, собирая на пути серебро с граждан³⁵⁷.

Изяслав оставался верен прежнему намерению княжить именем дяди Вячеслава и перезвал опять последнего в Киев; простодушный старик, довольный такою честью, отдал племяннику все управление³⁵⁸.

Между тем Юрий не думал оставлять своих притязаний: он соединился с Ольговичами, призвал половцев и хотел снова взять Киев. Тщетно Вячеслав посылал сказать ему, что он уже теперь не имеет никакого предлога воевать с племянниками, что Изяслав, оставя свои притязания на старшинство, отдал киевский стол ему, Вячеславу. Юрий отвечал, что он готов почтить старшего брата как отца, но требовал удаления Мстиславичей из Киева. Напрасно Вячеслав представлял ему, что Мстиславичи усыновлены им и что несправедливо со стороны Юрия отгонять от бездетного старика племянников усыновленных.

Юрий не слушался увещаний³⁵⁹: он знал, что, пока племянники в Киеве или даже около этого города, ему нельзя думать о старшинстве. Но теперь ему трудно было одолеть Мстиславичей, теперь киевляне не хотели более щадить Мономахова сына: вовсе не любезный характер Юрия и предпочтение, которое он оказывал своей северной дружине, вооружили их против ростовского

князя. Граждане объявили Изяславу: «Хотим за отца вашего Вячеслава, за тебя и за брата твоего Ростислава, и за всех братьев ваших сложить свои головы, и либо честь вашу отыщем, либо изомрем вместе с вами, а Юрья не хотим»³⁶⁰.

На чем положили старшие, на том стали и пригороды: когда Юрий подошел к Белгороду и повестил гражданам: «Вы мои люди, отворитесь!» — то они отвечали ему: «А Киев разве тебе отворил ворота? Князь наш Вячеслав, Изяслав и Ростислав»³⁶¹. Суздальский князь пошел к западу в надежде соединиться с Владимирком Галицким; Вячеслав и Мстиславичи вместе с Давидовичами Черниговскими шли за ним; киевляне повестили: «Пусть идут все, а кто не пойдет, того убьем сами»³⁶² — и двинулись вслед за дружинами Мстиславичей.

У реки Рута встретились войска противников; оба сына Мономахова — Вячеслав и Юрий были не способны к ратному делу, войском Вячеслава предводительствовал Изяслав, войском Юрия — сын его, знаменитый Андрей. Таким образом, при Руте сошлись два двоюродных брата, один — Изяслав, полный представитель старой Руси, доблестный вождь дружины, сражающийся для чести, для славы, но не для силы; другой — человек будущего, который ненавидел старину на юге и непреодолимою силою влекся к северу, чтобы там положить основание государству, чтоб из князя — вождя дружины стать первым князем — правителем, первым самовластцем. Однако здесь, при Руте, оба князя соперника бились еще по-старому, как вожди дружин, которые отчаянным мужеством хотят заслужить славу первых бойцов.

Сеча была одна из самых кровопролитных в истории усобиц княжеских³⁶³: со стороны киевских князей пал союзник их, Владимир Давидович Черниговский, сам Изяслав был найден полумертвым; несмотря на то, полки Юрия потерпели страшное поражение. Он удалился было в Переяславль, но брат и племянники прямо объявили ему, что если хочет, то пусть оставит сына в Переяславле, но что его самого они не могут видеть на Руси, ибо он наведет опять половцев³⁶⁴. Юрий принужден был целовать крест — не искать Киева под Вячеславом и Изяславом и оставить Русь, однако медлил исполнить последнее обещание и хотел также удержать сына своего Андрея, но тот решительно объявил, что им незачем более оставаться на Руси, и спешил в свой северный пригород, Владимир Клязьменский³⁶⁵. Юрий заперся было в Городке, но и оттуда был вытеснен и удалился наконец на север. Битва при Руте была последним важным делом во время этой усобицы между Изяславом и Юрием. Ростовский князь предпринимал еще два похода на Русь, один в 1152, другой в 1154 году, но оба кончились ничем³⁶⁶.

Обезопасив себя со стороны Юрия, Изяслав хотел отомстить Владимиру Галицкому, который был главным виновником всех

его неудач. Соединясь с венгерским королем, Вячеслав разбил наголову Владимира; тогда последний поступил сообразно своему характеру: притворившись отчаянно больным, он послал умолять короля о мире и поручал ему сына своего, а между тем щедро задаривал вельмож венгерских. Король разжалобился положением галицкого князя и согласился дать ему мир, заставив его поклясться возвратить Изяславу все русские города, захваченные им во время усобицы, и быть в воле киевского князя. Последний сильно противился миру, зная коварство Владимира. В самом деле, едва освободился он от врагов, как вовсе перестал думать об обещании. Напрасно Изяслав посылал к нему боярина напомнить о крестном целовании. «Что мне сделает маленький крестик, который целовал я»,— отвечал галицкий князь; но еще не успел боярин Изяслава отъехать от города, как внезапная смерть поразила клятвопреступного Владимирка. Сын и единственный наследник его, знаменитый впоследствии Ярослав Осмомысл, пораженный судьбою отца, согласился было сперва признать старшинство Изяслава, но, подобно отцу, не сдержал обещания; Изяслав отправился на него в 1153 году, но после нерешительной битвы при Тереховле возвратился³⁶⁷.

Это было последним воинским делом Изяслава. В 1153 году он умер. Летописец называет его честным и славным и говорит, что о нем плакала вся Русская земля и все черные клобуки как по царю и господину своему, особенно же как по отцу³⁶⁸. В самом деле, это был один из самых светлых характеров, какие являлись в нашей древней истории: верный понятиям своего века, Изяслав был образцом князя; блюдя выгоды дружины, как свои собственные, будучи ласков, снисходителен к гражданам, обращаясь с ними по-родственному, он являлся точно отцом среди народа. Его княжение, его отношения к родичам, к дружине, к гражданам представляют нам верную картину того времени, картину общественного быта старой Руси. Изяслав был образцом тех южных князей-богатырей, которые предпочитали всему честь и славу, которые славу Русской земли полагали в том, чтоб князья ее никогда не были побеждены на поле брани; вот что говаривал Изяслав своей дружине пред битвами: «Братья и дружино! Бог всегда Руския земле и русских сынов в безчестьи не положил есть, на всех местех честь свою взимали суть; ныне же, братья, ревнуимы тому вси, в сих землях и перед чюжими языки дай ны Бог честь свою взяти!»³⁶⁹ К несчастью, злая котора похитила всю деятельность Изяслава, и потому он не заслужил от современников прозвания доброго страдальца за Русскую землю, как называли деда его Мономаха.

По смерти Изяслава дядя Вячеслав послал в Смоленск за другим племянником, Ростиславом. Между тем Юрий, только что сведал о смерти храброго Изяслава, как двинулся с полками

из Суздаля; с другой стороны Изяслав Давидович, сидевший в Чернигове, по смерти брата своего Владимира, павшего в битве при Руте, также обнаружил неприязненное намерение, думая взять Киев у слабого старика, пока еще не прибыл Ростислав. В таких обстоятельствах Мстислав, сын покойного Изяслава, князь переяславский, и бояре присоветовали Вячеславу ослабить силу Святославичей привлечением на свою сторону самого храброго и самого деятельного из них, именно Святослава Всеволодовича, родного племянника Мстиславичей по матери. В. князь послал к Святославу с следующими словами: «Ты Ростиславу сын любимый, также и мне, приезжай сюда в Киев и побудь у меня, пока придет Ростислав, и тогда все урядимся насчет волостей»³⁷⁰.

Это предложение прельстило Всеволодича, притом он сам как старший сын старшего из Ольговичей метил на старшинство, на Киев, и хотел приобрести расположение и доверенность жителей этого города: вот почему, не сказавшись дядьям, ни Ольговичу, ни Давидовичу, Святослав приехал в Киев и дожидался там Ростислава. Вячеслав и киевляне приняли Ростислава с необыкновенною радостью, потому что прибытие его освобождало их от страха быть застигнутыми с двух сторон, из Чернигова и из Суздаля; Вячеслав передал племяннику управление, и киевляне посадили его у себя на стол, обязались быть ему верными до самой его смерти, заключив, однако, ряд, чтоб он не затевал которы с дядею Вячеславом, но чтил его, как чтил покойный Изяслав³⁷¹. Мономаховичи сдержали слово относительно Святослава Всеволодовича: Ростислав дал ему богатую волость — Туров и Пинск за то, что он берег Киев в его отсутствие³⁷².

В это время пришла весть, что Глеб Юрьевич, подведенный черниговским князем, приближается с половцами к Переяславлю. Ростислав немедленно выступил, отразил половцев от Переяславля и намеревался начать наступательное движение на Чернигов, как вдруг пришло известие о внезапной смерти Вячеслава. Похоронивши дядю, Ростислав снова спешил к Чернигову, хотя бояре убеждали его заключить новый ряд с киевлянами, укрепить их себе крестным целованием на случай прихода дяди Юрия³⁷³. Ростислав не послушался и тотчас же показал, как далеко не имел доблестей своего брата: увидав множество половцев, пришедших на помощь к Изяславу, он струсил, вступил с последним в переговоры и начал уступать ему под собою Киев, а под племянником Мстиславом Переяславль. Такое малодушие раздражало Мстислава Изяславича. «Не доставайся же ни мне Переяславль, ни тебе Киев», — сказал он дяде и поворотил коня; дружина последовала его примеру, войско Ростислава обратилось в бегство, сам он убежал в Смоленск, Мстислав Изяславич во Владимир на Волыни, Святослав Всеволодович попался в плен к полов-

цам. Киевляне, оставленные князьями и уstraшенные приближением варваров, принуждены были принять Изяслава Давидовича.

Здесь представляется вопрос: какое право имел последний быть представителем Святославова рода и его прав на старшинство, на Киев, при жизни Святослава, сына Олега? Но вспомним, что сам Святослав добровольно соступился со старшинства после несчастья с братом его Игорем, он говорил Давидовичам: «Не хочу ни волости, ничего другого, только выпустите мне брата!»³⁷⁴ — и после он не искал Чернигова под Давидовичами³⁷⁵, даже при торжестве своего союзника Юрия, тем более не мог этого сделать при торжестве Мстиславичей; след., Изяслав, сидя на старшем столе в Святославовом роде, переносил на себя представительство этого рода и право его на Киев.

Однако приближение Юрия заставило черниговского князя выехать из старшего города всей Русской земли, и Юрий в третий раз сел на отцовском столе³⁷⁶. Его княжение замечательно по тем движениям, которые обнаружились в различных линиях Ярославова потомства и которые все носят одинакий характер, служат отзвуком и продолжением великой борьбы за старшинство между племянниками и дядьми, начавшейся по смерти Мстислава Великого.

Мы видели, что Мстислав Изяславич удалился в отчинную волость свою Волынь, но эту волость он должен был поделить с братом Ярославом и младшим дядею своим Владимиром Мстиславичем. Последний родился незадолго до смерти отца и потому был, вероятно, моложе или по крайней мере ровесником старшему племяннику своему Мстиславу, который потому вовсе не хотел признавать его старшинства; но Юрий Долгорукий, который боролся всю жизнь против нового представления о старшинстве племянника над младшими дядьми, Юрий по этому самому должен был поддерживать права Владимира против Мстислава, и точно — доставил ему стольный город Владимир, а племянники должны были поместиться в других, менее важных³⁷⁷. Но Мстислав Изяславич, верный отцовскому примеру, выгнал младшего дядю из Владимира³⁷⁸ и заставил его бежать в Венгрию. Этим воспользовался в. к. Юрий, чтоб посадить во Владимире племянника своего Владимира Андреевича. Сын Андрея Владимировича, младшего из сыновей Мономаха, Владимир не мог быть сонаследником с своими дядьми, ибо отец его умер, не будучи старшим в роде; но Юрий, которого дело поддерживал Андрей, поклялся последнему, вопреки обычаю, ввести его сына Владимира во владение Волынью³⁷⁹. Возобновив ту же клятву и самому Владимиру, Юрий воспользовался теперь усобицею в самой семье Мстиславичей, чтоб исполнить клятву. Но Мстислав подобно отцу не любил уступать того, что добыл головою, и не дал Владимира в. князю с союзниками его:

Юрий принужден был оставить в покое Изяславичей и посадил Андреевича в Дорогобуже³⁸⁰.

На востоке между Святославичами происходили подобные же явления: сын Владимира Давидовича начал котору с младшим дядею Изяславом, князем черниговским, захватил у него все города по Десне и перешел к роду Мономаховичей, именно к Ростиславу Мстиславичу Смоленскому³⁸¹; и в то же время встал на дядей известный уже нам Святослав Всеволодович, который, потеряв Туров по смерти Вячеслава, принужден был еще поступиться несколькими городами, взятыми у него дядею Святославом в наказание за измену роду³⁸².

Чем дело кончилось, неизвестно: летопись говорит только, что дядья помирились с племянниками. Этому миру, вероятно, содействовал Ростислав Смоленский, покровитель обоих племянников — и Владимировича, и Всеволодовича; Ростислав в то время заключал союз с Изяславом Давидовичем и племянником своим Мстиславом Изяславичем против Юрия, которого только внезапная смерть уберегла от окончательного изгнания³⁸³. Ненавидимый князьями, Юрий еще больше был ненавидим гражданами киевскими, в глазах которых он был выродком из доблестной семьи Мономаха, потому что подобно Святославичам наводил половцев на Русскую землю; но всего более возбудил он нелюбье киевлян тем, что привел с собою суздальских дружинников, которым роздал должности на Руси и которые спешили обогатиться на счет граждан. Едва узнал народ о кончине нелюбимого князя, как не мог удержаться своей ненависти; дворы его и сына его были разграблены, суздальские тиуны по городам и селам были побиты, имение их расхищено³⁸⁴.

Киевляне опять приняли Изяслава Давидовича, и на этот раз никто из Мономаховичей не вооружился на него. Что же была за причина? Мы видели, что ненависть к Юрию соединила Давидовичей и Мстиславичей — дядю Ростислава и племянника Мстислава: должно быть, в основании этого союза лежало условие, что Изяслав по изгнании Юрия получит старшинство; Ростислав Смоленский, уже однажды обративший тыл пред Изяславом, не хотел в другой раз вступить с ним в борьбу за Киев; Мстислав Владимиро-Волынский не имел никакой возможности принять на себя старшинство в роде Мономаха; задев господствующее тогда понятие о старшинстве дяди, он вооружил бы против себя и Ростислава, и особенно Андрея Юрьевича Владимиро-Клязьменского, который, будучи внуком Мономаха, считал себя старше Мстислава, правнука его; притом в собственной волости на Волыни Мстислав был окружен врагами — Владимиром Мстиславичем, Владимиром Андреевичем и Ярославом Галицким; после того можно ли было думать ему о соперничестве с Изяславом Давидовичем? Таким образом, разделение в роде Мономаха дало в другой раз возможность Святославичу достать старшинство.

Изяслав, идя на стол в Киеве, оставил в Чернигове племянника своего Святослава Владимировича, вследствие чего в роде Святославова младшая линия Давидовичей исключала из старшинства старшую линию Ольговичей. Святослав Ольгович не имел более никакого права на Чернигов, уступив его Давидовичам, сперва старшему Владимиру, а потом даже младшему Изяславу; но что уступил дядя, того не хотел уступить племянник, Святослав Всеволодич. Узнав, что в Чернигове сидит Владимирович, оба Святослава, дядя и племянник, явились под этим городом; против них спешили из Киева Изяслав Давидович и Мстислав Волынский; однако дело не дошло до битвы, князья примирились, и Ольговичи получили снова старшинство в роде Святославова: Святослав Ольгович сел в Чернигове, Святослав Всеволодич в Новгороде Северском, а несчастный Владимирович принужден был опять удовольствоваться Вщижем³⁸⁵. Вероятно, это дело было улажено по настоянию Мстислава Изяславича, который, кроме родства своего с Святославом Всеволодичем, находился к Мономахову роду точно в таком же отношении, в каком Всеволодич к роду Святославова, и, след., защищая права последнего, он с тем вместе защищал и свои собственные.

Между тем на сцену действия выступает забытый князь Юрий Ярославич, один из потомков Изяслава, старшего сына Ярослава I. Воспользовавшись бессилием Мономаховичей, он вздумал возобновить свои притязания если не на старшинство между потомками Ярослава I, то по крайней мере на родовые волости — Туров и Пинск, из которых и вытеснил Бориса Юрьевича, сына Долгорукого. В. князь вместе с Ярославом Изяславичем, Луцким, Ярополком Андреевичем, вторым сыном Андрея Владимировича Мономаховича, Рюриком Ростиславичем, сыном смоленского князя, Владимиром Мстиславичем и галицкою помощью двинулся на Юрия, но не для того, чтоб возвратить Туров сыну ненавистного Долгорукого, но чтоб посадить там Владимира Мстиславича: вот почему Мстислав Волынский, находившийся во вражде с младшим дядею, и не мог участвовать в походе, вот почему этот поход и не был удачен, ибо изо всех князей, его предпринимавших, не было ни одного, который бы наследовал доблести Мономаховы: Юрий Ярославич заставил отступить союзников и удержался в Турове, а Борис умер в следующем году³⁸⁶.

Приязнь, которую обнаружил в. князь к Владимиру Мстиславичу, не могла нравиться Мстиславу Волынскому, представителю Мономахова рода на юге по своим личным доблестям; таким образом, рушился союз между Мстиславичами и в. князем, которым только последний и был крепок в Киеве. Но скоро он имел благородную неосторожность возбудить против себя могущественного князя галицкого Ярослава, покровительствуя двоюродному брату его несчастному Ивану Ростиславичу

Берладнику³⁸⁷, изгнанному еще отцом Ярославовым Владимирком: Изяслав хотел посадить его на галицком престоле. Тогда Ярослав принужден был переменить всегдашнюю политику своего рода и соединился с Мстиславом Изяславичем Волынским. Вопреки советам родичей своих, князей черниговских, Изяслав начал один неравную борьбу и лишился Киева, куда Мстислав, боясь задевать господствующее понятие о старшинстве, перезвал вторично из Смоленска дядю Ростислава³⁸⁸. Изяслав Давидович, отказавшись прежде от Черниговской отчины и теперь лишенный Киева, видел себя без волости. «Не умирать же мне с голода или жить между половцами!» — говорил он³⁸⁹, и с толпами этих варваров опустошал Русь, бросаясь то на Чернигов, то на Киев, и нашел смерть свою в битве при Желани³⁹⁰.

Старик Ростислав княжил 7 лет в Киеве. Хотя Мстислав Волынский и уступил ему старшинство, однако раз происшедшее столкновение прав дядей и племянников вело к беспрестанным спорам между ними, и Мстислав не мог ужиться в мире с дядею, тем более что, взяв Киев под Давидовичем и отдав его дяде, он считал себя вправе требовать от последнего больших уступок. Летописец не сообщает нам подробностей о причинах войны, он говорит только, что Мстислав выехал из Киева, разгневавшись на Ростислава, и сильные речи встали между племянником и дядею; последний захватил несколько городов у Мстислава, тот хотел было силой противиться в князю, но, видя, что родичи не хотят взять его сторону, оставил намерение; наконец, в 1163 году в князь заключил мир с племянником, отдал ему захваченные города — Торческ, Белгород и Канев; последний вместо Триполя, который с 4-мя другими городами отдан был Владимиру Мстиславичу³⁹¹. На следующий год умер Святослав Ольгович Черниговский, и старший стол занял, по всем правам, племянник его Святослав Всеволодич³⁹².

В 1168 году умер в. к. Ростислав Мстиславич. Сыновья покойного тотчас отправили посольство к старшему двоюродному брату Мстиславу Волынскому звать его на киевский стол; с ними соединился и дядя волынского князя Владимир Мстиславич, след., здесь в первый раз младший дядя уступает права свои старшему племяннику, но мы увидим, что эта уступка не была искренняя: Владимир знал, что в то же время киевские граждане отправили от себя посольство к Мстиславу, черные клобуки от себя, и потому не надеялся успеть в борьбе с племянником, который наследовал от отца любовь граждан и варваров союзных. Но, уступая Киев волынскому князю, Владимир вместе со внуками Мстислава В[еликого] — Ярославом Изяславичем, Ростиславичами и Владимиром Андреевичем целовали крест между собою: вытребовать у нового в. князя волости, какие сами захотят³⁹³. Тогда сын Изяслава поспешил ниспровергнуть замыслы

родичей. Взявши войско у Ярослава Осьмосмысла Галицкого (который теперь постоянно на стороне Мстиславичей, ибо дурно живет с женою своею, сестрою Боголюбского) и взяв клятву в верности с варваров, он быстро двинулся к Киеву, урядился здесь с братьями (Ярославом Луцким и Влад[имиром] Андреевичем), гражданами и дружиною (т. е. боярами киевскими) и осадил дядю Владимира в Вышгороде: последний, равно как и Ростиславичи должны были уладиться с в. князем о волостях уже не так, как прежде хотели³⁹⁴.

Эта неудача еще более озлобила дядю Владимира: целый год не давал он покоя в. князю; наконец, оставленный варварами и собственною старшею дружиною, которая осердилась на него за то, что он не объявлял ей своих советов³⁹⁵, Владимир удалился на север к князю, равно оскорбленному Мстиславом в правах своих и могущему отомстить за свое оскорбление: то был Андрей Юрьевич Боголюбский. Мстислав Изяславич, приняв на себя старшинство, точно так же нарушил права Андрея, как отец его Изяслав нарушил права отца Андреева Юрия: одинакие отношения должны были произвести одинакие следствия — вражду непримиримую; но теперь все выгоды были на стороне Юрьевича, ибо Мстислав со всех сторон был окружен князьями ему враждебными. Мы видели, как родичи хотели заставить в. князя согласиться на все их требования; неудача, претерпенная вследствие решительности и деятельности Мстиславовой, оскорбила их: они не любили в. князя; летописец не один раз говорит: «Что сердце их не бе право с ними»³⁹⁶. Они наскучивали ему просьбами о волостях и сердились, получая отказ³⁹⁷. Вот почему, когда Андрей вздумал отыскать свое старшинство и Киев, 11 князей стали под его знамена.

Несправедливо думать, что могущество северного князя заставило всех остальных признать его старшинство и вооружиться на Мстислава: мы увидим после, что южные князья не боялись многочисленных полчищ северных и всегда с успехом выходили из борьбы с ними, след., только одно нелюбие родичей к Мстиславу помогло Боголюбскому восторжествовать над последним.

В 1169 году Киев был взят войсками союзных князей и разорен, как еще никогда не бывал прежде; Мстислав должен был сослупиться со старшинства и удалиться в свою Волынскую область³⁹⁸.

Здесь мы оканчиваем первый отдел нашего исследования и второй период княжеской борьбы, которого главный характер есть борьба за старшинство между племянниками и дядьями, причем торжество осталось на стороне последних, ибо победа Андрея над Мстиславом была вместе победою представления о праве всех дядей, даже самых младших, над племянниками от первого брата.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ОТ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО ДО ИОАННА КАЛИТЫ

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ АНДРЕЕ БОГОЛЮБСКОМ

Мы потеряли Боголюбского из виду с тех пор, как он ушел впереди отца своего на север после окончательного торжества Изяславова над дядею. Мы заметили в этом князе отчаянную храбрость, но вместе с тем заметили неодолимое влечение на север, чем он разнился от своей семьи. Это влечение объяснить нетрудно: бесспорно и рожденный на севере³⁹⁹, Андрей провел там большую половину жизни, и ту половину, впечатления которой закрепляются в человеке и никогда его не покидают; след., Андрей воспитался и окреп в понятиях, господствовавших на северо-востоке, в городах новопостроенных.

Уже только в 1149 году⁴⁰⁰, след., 38 лет от рождения, явился Андрей на юге, в Руси, с полками отца своего, который хотел во что бы то ни стало добыть Киева. Не понравился Андрею юг, ибо чужд был для него порядок вещей, здесь господствовавший. В то время как старший брат его Ростислав побуждал отца преследовать Изяслава, Андрей умолял Юрия примириться с племянником и уйти поскорее на родной и любимый север. Желание Андрея исполнилось, как мы видели, но не совершенно: по смерти Изяслава Юрий опять ушел в Киев и, обрадовавшись, что переселил наконец Мстиславичей, роздал старшим сыновьям волости в Руси: Андрею достался Вышгород⁴⁰¹. Но в том же 1150 году Андрей вопреки воле отцовской оставил Вышгород и ушел в Ростовскую землю, во Владимир Клязменский⁴⁰². Эту область Юрий *завещал* младшим сыновьям своим⁴⁰³.

Новые города, дав клятву основателю своему Юрию принадлежать только младшим его сыновьям, хотели свято исполнить ее: «ялись крепко по правду» (правда — крестное целование). Но среди этих городов возвышался город древний Ростов Великий, к нему примыкал Суздаль; Ростов как старший город вовсе не считал себя собственностью князя, пренебрегал его завещанием и считал себя вправе выбирать из княжеского рода кого хотел. Вот почему, когда Андрей явился на север, то ростовцы и суз-

дальцы с радостью признали его своим князем как старшего в семье Юрия⁴⁰⁴. С негодованием смотрели новые города на такое нарушение воли завещателя, но принуждены были покориться, ибо не привыкли к самоуправству и, как пригороды, слушались вечаемого приговора старших городов.

Но старые города скоро увидели свою ошибку: Андрей прибыл на север вовсе не в угоду старым городам: он бежал от старых городов с юга, для того чтоб на севере, среди новых, установить новый порядок вещей. Он утвердил свой стол ни в Ростове, ни даже в Суздале, а в новопостроенном Владимире Клязьменском, для украшения которого не щадил своей казны, имея в виду сделать его стольным городом великокняжеским. Старые города — Ростов и Суздаль сильно негодовали на такое предпочтение⁴⁰⁵, но Андрей продолжал свое дело: он хотел даже учредить во Владимире митрополию, дабы отнять у Киева и Южной Руси и церковное старшинство, но константинопольский патриарх не согласился разделить Русскую церковь⁴⁰⁶.

Зная, что отец Юрий отказал Ростовскую область младшим сыновьям, зная негодование новых городов за нарушение этой воли, а старых за предпочтение, оказываемое пригороду Владимиру, Андрей хотел избавиться от опасных соперников и выгнал младших братьев и племянников, сыновей Ростислава, из Ростовской области; изгнанники удалились в Грецию⁴⁰⁷. Но старый дух, враждебный новому порядку вещей, жил в старых боярах Долгорукого.

Бояре русских князей во все время господства родовых отношений, пользуясь своим положением, нуждою, какую имел князь в храбрых товарищах, сохраняли прежний характер дружинников, братски живших с вождем своим, привыкли обращаться с князьями, как с товарищами, присутствовать при всех советах князя, видеть, что князь ничего не делает без их ведома и согласия⁴⁰⁸, привыкли, наконец, при первом неудовольствии оставлять князя и отъезжать к другому.

Но Андрей, питомец новых городов, привык к повиновению беспрекословному: он изгнал вместе с братьями и старых бояр отцовских⁴⁰⁹. Такие поступки северного князя возбуждали сильное негодование в старой Руси. «Он все это делает, желая быть самовластцем в Суздальской земле», — говорили современники. Летописец записал: «Правда, Андрей угодил Богу своим благочестием, но побеждался властолюбием непомерным, хотел быть единодержателем всего отеческого наследия».

Когда Киев был взят его войсками, Андрей не поехал туда и отдал старший из городов русских младшему брату своему Глебу Переяславскому. Это должно было раздосадовать Владимира Мстиславича, ибо по представлению о старшинстве всех дядей над племянниками, представлению, которое защищал

Андрей, враждующий со Мстиславом, Владимир имел гораздо более права на старшинство, чем Боголюбский, будучи сыном старшего из Мономаховичей. Вот почему, когда Мстислав начал неприязненные действия против Глеба, Владимир стал на сторону племянника против Юрьевичей и торжественно отказался от своего старшинства не только пред Мстиславом, но и пред младшим братом его Ярославом и пред детьми Мстиславовыми, за что Изяславичи позволили ему сесть в Дорогобуже по смерти Владимира Андреевича. Но попытка Мстислава овладеть снова Киевом была неудачна⁴¹⁰, и он умер в 1172 году, сделавши ряд с младшим братом Ярославом, чтобы тот не отнимал у сыновей его владимирских волостей. Ряд любопытный!

Ярослав Изяславич, второй брат Мстислава, обязывается не искать старшего стола на Волыни, Владимира, под племянниками и довольствоваться Луцком⁴¹¹. При этом не должно забывать, что Ярослав был старшим дядею! Но тотчас же и явилось доказательство, как еще колебались оба представления о старшинстве: в 1173 году умер князь киевский Глеб Юрьевич, и Ростиславичи призывают на киевский стол Владимира Мстиславича. Этот князь, забыв крестное целование к Изяславичам Волынским — Ярославу с племянниками, тайком приехал в Киев⁴¹². Но Боголюбский не хотел видеть Владимира в Киеве — во-первых, потому что он сел, не спросив его, на что давало ему право старшинство пред самим Андреем; во-вторых, потому что Владимир отступил от Андрея на сторону племянника и вместе с последним воевал против Глеба Юрьевича. Северный князь прямо послал сказать Владимиру, чтоб шел из Киева, и только скорая смерть уберегла Мстиславича от изгнания⁴¹³. Тогда Боголюбский послал сказать Ростиславичам: «Вы нарекли меня отцом, и потому хочу вам добра и даю брату, вашему Роману Киев»⁴¹⁴. Новый тон в обхождении с родичами, обличающий северного единодержателя!

Но Ростиславичи не умели понять этого нового тона, и потому дружественные отношения их к Андрею скоро исчезают, и начинается отчаянная борьба между ними, перешедшая в потомство. В этой борьбе Ростиславичей с Юрьевичами высказалась вполне противоположность характеров северных и южных князей, противоположность их стремлений.

До сих пор мы были свидетелями борьбы или вследствие исключения младших князей из владения родовой собственности, или за старшинство; так, борьба, продолжавшаяся от смерти Ярослава I до Мономаха или сына его Мстиславича включительно, происходила вследствие стремления изгнанных князей получить волости на Руси.

По смерти Мстислава Великого начинается снова борьба, но уже с другим характером: здесь враждуют уже не исключенные

князья, но враждуют племянники с дядьми за старшинство; к этой борьбе между Мономаховичами присоединяется еще борьба Святославичей с Мономаховичами, также за старшинство. Борьба оканчивается собственно взятием Киева войсками Боголюбского: с этих пор потомство старшего сына Мстиславова Изяслава сходит со сцены в борьбе за старшинство, в которой до сего времени играло главную роль, и удаляется на запад, где начинает играть другую роль, не менее блестящую, именно в Галиции, или Червонной Руси. Ему на смену в борьбе с князьями северными, или Юрьевичами, выступает потомство второго сына Мстиславова Ростислава Смоленского; но эта третья великая борьба наших князей носит опять новый характер, а именно: здесь борются не за волости отцовские и не за старшинство, но князья южные, или Ростиславичи, борются за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовой быт, который хотят упразднить Юрьевичи. В этой великой и многозначительной борьбе обе враждебные линии княжеские, или, лучше сказать, обе Руси, выставляют каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи, выставляют двоих Мстиславов—отца и сына, прямых правнуков Мономаха, представлявших образец князей старого времени, героев в битвах, щедрых к дружине и народолюбивых; новая, Северная, Русь имеет представителями двоих братьев Юрьевичей, Андрея Боголюбского и Всеволода III. Оба князя стремятся к уничтожению прежних родовых отношений. Приступаем к описанию этой борьбы.

Мы видели, что Андрей отдал Киев одному из Ростиславичей, Роману. Но скоро ему наговорили, что брат его Глеб погиб насильственной смертью, и указали убийц: Андрею трудно было не поверить извету, ибо он знал, как не терпели Юрьевичей на юге, и потому потребовал у Ростиславичей выдачи обвиненных: те не послушались⁴¹⁵. «Не ходишь в моей воле,— велел сказать северный самовластец Роману,— так ступай вон из Киева, а Давид из Вышегорода, а Мстислав из Белгорода, ступайте все в Смоленск и делитесь там, как хотите». Кроткий Роман испугался и оставил Киев, куда на его место Андрей назначил брата своего Михаила.

Но другие Ростиславичи—Рюрик, Давид и особенно Мстислав послали к Андрею с такими словами, которые звучали стариною: «Брат, мы называли тебя отцом, целовали к тебе крест и стоим в крестном целовании, желая тебе добра; но вот ты вывел брата нашего Романа из Киева, а нам кажешь путь из Русской земли, безо всякой вины с нашей стороны; но Бог и сила крестная равно помогают правым, как сильным, так и слабым». Андрей не отвечал ни слова. Тогда Ростиславичи выгнали Юрьевичей из Киева и посадили там брата своего Рюрика; мало того, заставили Михаила Юрьевича отступить

от брата и присоединиться к ним⁴¹⁶. Святослав Всеволодич Черниговский обрадовался возобновлению вражды между Мономаховичами и послал к Андрею с предложением своего союза⁴¹⁷. Последний послал снова сказать Ростиславичам: «Не ходите в моей воле, так ступайте же—ты, Рюрик, в Смоленск к брату, а ты, Давид, ступай в Берлад, а в Русской земле не велю тебе быть, а ты, Мстислав, всему зачинщик, не велю тебе быть в Русской земле».

Мстислав, говорит летопись, с малолетства привык никого не бояться, кроме одного Бога⁴¹⁸: он велел остричь голову и бороду посланнику Андрееву, потом отпустил его с следующими словами: «До сих пор мы имели тебя вместо отца по любви; но если ты присылаешь к нам с такими речами, считая нас не князьями, но подручниками своими и простыми людьми, то делай, что умыслил, а Бог за всеми».

Побледнел Андрей, услышав такие речи⁴¹⁹, и собрал огромную рать: под его стягом стали ростовцы, суздальцы, владимирцы⁴²⁰, переяславцы, белозерцы, муромцы, новгородцы и рязанцы, числом 50 000. Сам Андрей был уже стар и не ходил с полками; теперь он послал вождями сына своего Юрия и воеводу Бориса Жидиславича с таким повелением: «Рюрика и Давида выгоните, а Мстиславу не делайте никакого зла, но приведите его ко мне живого».—«Умен был князь Андрей во всех делах,—говорит летописец,—и доблестен, но погубил свой смысл необузданностью, распалился гневом и потому произнес такие дерзкие слова»⁴²¹. На дороге к войску Андрееву присоединились полки смоленские неволею, полоцкие, туровские, пинские, городненские, киевские, переяславские, черниговские и разные степные народцы; никто не смел послушаться Боголюбского; всех князей было больше 20⁴²².

Это громадное войско осадило Мстислава в Вышгороде, но оробело при первом его натиске; 9 недель стояло оно около маленького городка безо всякого успеха: Мстислав отражал все приступы; наконец, сведав, что на помощь Мстиславу идет двоюродный брат его Ярослав с полками волынскими, союзные князья обратились в постыдное бегство. Так не удалась попытка Андрея наказать примерно дерзкого южного князя: его войско пришло с высокомерием, говорит летописец, но отошло со смирением в дома свои⁴²³.

Ярослав Луцкий, узнав о рати между Андреем и Ростиславичами, пошел было с своими полками прежде к войску Андрееву, но здесь раскаторовался о старшинстве со старшим из Ольговичей, Святославом Черниговским, и перешел на сторону Ростиславичей, которые обещали ему в случае победы уступить Киев⁴²⁴. Таким образом, Ярослав, который прежде уступил старшинство племяннику Роману, отдав ему Владимир Волынский,

теперь ищет старшинства во всей Русской земле. При этом замечательно бездействие Романа Мстиславича, который спокойно сидел во Владимире ⁴²⁵, не приступая ни к той, ни к другой стороне, ибо к обеим питал нелюбье: Андрей был заклятый враг его рода, Ростиславичи вместе с этим Андреем лишили старшинства отца его.

Ростиславичи сдержали слово и положили старшинство на Ярославе, отдав ему Киев; но это не могло не оскорбить старейшего между русскими князьями, Святослава Всеволодича Черниговского, который еще помнил начало усобицы за старшинство и не спускал глаз с Киева: отсюда опять начинается борьба между Мономаховичами и Ольговичами. Мы видели, как по смерти Мстислава I Всеволод Ольгович воспользовался усобицею в семье Мономаха и достиг старшинства; теперь сын его Святослав Всеволодич хочет воспользоваться также враждою в роде Мономаховом между Мстиславичами и Юрьевичами и добыть себе Киев.

Здесь в первый раз Мономаховичи ясно говорят Ольговичам, что западная сторона Днепра принадлежать им не может; Ярослав велел сказать Святославу: «Зачем ты вступаешься в нашу отчину, тебе эта сторона не надобна». Святослав отвечал ему: «Я не угрин и не лях, мы все одного деда внуки, и сколькими степенями ты отстоишь от него, столькими и я» ⁴²⁶. Слова многозначительные! В то время, когда Мстиславичи боролись с новыми понятиями, явившимися на севере, когда так геройски отстаивали родовые отношения между старшим князем и младшими,—в то самое время, с другой стороны, они должны были вести борьбу с князем, для которого уже Мстиславичи являются нововводителями, нарушителями старого порядка вещей, с князем, который стоит не только за родовые отношения между в. князем и младшими князьями, но напоминает об единстве всего потомства Ярославова, ратует за общность владения всею Русскою землею, тогда как Мстиславичи хотят удержать Киев навсегда за собою.

Таким образом, в одно и то же время в разных концах Руси идет борьба за три разные порядка вещей, которых представителями являются три линии Ярославова потомства: Ольговичи бьются за нераздельность целого рода Ярославова: мы все внуки одного деда, говорят они. Мстиславичи хотят исключить Ольговичей из старшинства и владения Киевом, но хотят поддержать родственные отношения между старшими и младшими в Мономаховичах: не хотим слушаться тебя, говорят они Андрею, потому что ты обходишься с нами не как с князьями, но как с подручниками. Наконец, Юрьевичи стараются заменить родственные отношения государственными, смотреть на младших князей не как на младших братьев, но как на подчиненных правителей: вы

не слушаетесь меня, так ступайте вон из Русской земли, говорит Андрей Ростиславичам. Победа, как мы видели, осталась на стороне последних, но они, воспротивившись насильственным поступкам Андрея, остались однако верны своим понятиям и продолжали смотреть на Боголюбского как на старшего в роде Мономаха. Так, когда Ярослав не умел удержаться в Киеве против черниговского князя и потом возбудил негодование в гражданах своим недостойным поступком⁴²⁷, то Ростиславичи послали к Андрею просить Киева опять брату своему Роману. В. князь хотел сперва знать положение дел на юге и потому отвечал им: «Подождите немного, пока придут ко мне вести от братьев из Руси»⁴²⁸. Но он не дождался этих вестей.

Мы видели, что Андрей, гоня все, что питало старый дух, выгнал с севера старых бояр отца своего и окружил себя новыми. Мы знаем также, что русские князья принимали к себе в службу пришлецов из всех стран и народов; Андрей подражал в этом отношении всем князьям: он охотно принимал пришлецов из земель христианских и нехристианских, латинов и православных, любил показывать им свою великолепную церковь Богоматери во Владимире, чрезвычайно любил, когда кто-нибудь из них крестился: так, он крестил много болгар, жидов и язычников⁴²⁹.

В числе последних находился один яс именем Анбал: этот Анбал пришел к Андрею в самом жалком виде, князь принял его в свою службу и дал место ключника⁴³⁰; в числе приближенных к Андрею находился также другой человек именем Ефрем Моизич, которого отечество Моизич, или Моисеевич, указывает на жидовское происхождение⁴³¹. Эти-то восточные рабы, разумеется не имевшие характера доблестных дружинников, умевших великодушно умирать за вождей своих, а не умерщвлять их, совершили до сих пор неслыханное на Руси злодейство, убили своего князя и благодетеля.

До сих пор, если некоторые князья погибали насильственной смертью, то вследствие междоусобий,— Андрей же погиб от своих приближенных.

К двоим вышеупомянутым людям присоединился еще боярин Яким Кучкович, ближний родственник в. князя. Мы видели, каким повелительным тоном говорил Андрей даже и с князьями: разумеется, он был повелителем и строг с окружавшими его. Один из Кучковичей, брат Якима, был казнен смертью по повелению в. князя. До сих пор при постоянной борьбе князей приближенным их была возможность при первом неудовольствии переходить от одного князя к другому; но теперь кто из князей смел принять боярина, навлекшего гнев могущественного князя северного? Вот почему Кучкович решился злодейством освободиться от строгого господина; он говорил сообщникам: «Нынче казнил он брата, а завтра казнит и нас»⁴³².

Андрей был умерщвлен самым варварским образом: рабы сперва украли у него меч, а потом зарезали безоружного; по совершении убийства кинулись грабить княжескую казну, захватили и оружие, желая быть готовыми на случай прихода владимирцев, к которым послали сказать: «За что вы на нас поднимаетесь, мы хотим с вами урядиться мирно; ведь и среди вас есть наши соумышленники». Владимирцы благородно отвечали: «Кто был с вами в думе, тот пусть и идет к вам, а нам не надобен», и послали в Боголюбов за телом Андрея, которое встретили со слезами и с честью погребли в основанной покойным князем церкви Богоматери⁴³³. Так погиб Андрей Боголюбский, но дух его перешел к остальным Юрьевичам, преимущественно ко Всеволоду, в княжение которого еще резче обозначилось различие между северными и южными князьями.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ВСЕВОЛОДЕ III И ПО СМЕРТИ ЕГО ДО ВСТУПЛЕНИЯ НА СТАРШИЙ СТОЛ СЫНА ЕГО ЯРОСЛАВА

Я не буду говорить здесь о событиях, последовавших за смертью Андрея, ибо не хочу повторять того, что сказано было в предыдущем моем исследовании⁴³⁴. Здесь замечу только одно, что торжество младших Юрьевичей, Михаила и Всеволода, над племянниками Ростиславичами было торжеством старого представления о старшинстве всех дядей над сыновьями от старшего брата.

Всеволод III провел молодость свою изгнанником в Греции и потом жил в Южной Руси. Здесь не могло его не поразить господство противогосударственных отношений и отсутствие наряда, оттого проистекавшее, и когда он возвратился на север, то ему легко было уразуметь различие между Северной и Южной Русью и воспользоваться им для усиления новых отношений.

Между тем дела на юге шли обычным порядком, т. е. здесь ссорились Мономаховичи с Ольговичами или, помирясь на короткое время, ходили вместе на половцев: явления, не представляющие нам ничего нового в развитии княжеских отношений, и потому мы коснемся их слегка, обратив все внимание наше на отношения южных князей к северному в. князю.

Мы оставили в Киеве Ярослава Изяславича: видя, с одной стороны, опасность от Святослава Черниговского, а с другой — нерасположение Ростиславичей, Ярослав отказался от Киева

и уехал в свой Луцк; племянник его Роман Владимиро-Волынский не объявлял своих притязаний на Киев, и, таким образом, Ростиславичи, свободные и от Юрьевичей вследствие северных усобиц, могли распоряжаться в Руси, т. е. воевать или рядиться с Ольговичами. Они опять посадили в Киеве старшего своего брата Романа⁴³⁵.

После междоусобий, вовсе не важных в своих подробностях, Святославу Всеволодичу удалось наконец утвердиться в Киеве: Ростиславичи признали его старшинство и поместились в ближних к Киеву городах русских, выжидая смерти Святослава, чтоб опять предьявить свои права на старший из русских городов⁴³⁶. Двое из них в это время сошли с поприща: знаменитый Мстислав умер, как жил, — героем и защитником старых городов, старого порядка вещей. Скоро после Мстислава умер и брат его Роман Смоленский, памятный в народе необыкновенною кротостию⁴³⁷.

Мы должны также заметить на юге участь Переяславля Русского: мы видели, как доискивался его Юрий Ростовский; теперь, когда сыновья его покинули юг и утвердили старший стол на севере, Переяславль Русский остается, однако, постоянно во владении одного из Юрьевичей. Так, Глеб Юрьевич, заняв по приказу брата Андрея Киев, отдал Переяславль сыну своему Владимиру, который остался там и по смерти отца; он княжил спокойно в стольном городе Мономаха среди усобиц Ростиславичей и Ольговичей: никто не смел тронуть его, ибо скоро Всеволод III показал, что намерен быть подобно брату старейшим, т. е. по новым северным понятиям сильнейшим, князем, и южные князья должны были признать его старшинство, или, лучше сказать, его силу.

Мы уже упомянули раз, что Всеволод по возвращении из Греции жил в Южной Руси, именно в Чернигове, у Святослава Всеволодича. Вот почему последний, надеясь на его благодарность, думал, что с севера ему опасаться нечего, когда там княжит прежний гость его. Но Всеволод, в своем стремлении к цели, указанной Боголюбским, умел забыть личные отношения, и, когда черниговский князь послал своего сына Глеба на помощь к некоторым из рязанских князей, бывших во вражде со Всеволодом, последний схватил молодого князя и в оковах отослал во Владимир⁴³⁸. Раздраженный Святослав немедленно собрал полки и вошел в Суздальскую землю.

Тогда обнаружилась перемена, происшедшая в характере князя на севере. До сих пор князь был по преимуществу предводитель дружины, храбрый из храбрых. При встрече с неприятелем его место было впереди всех, след., до сих пор необыкновенная личная храбрость, отважность простого воина необходимо требовалась от князя: таковы были все герой-князья старой, Южной, Руси. Но Всеволод III отличался уже другим характером: встре-

тившись с черниговским князем недалеко от Переяславля Залеского, на берегах реки Влены, он выбрал выгодное положение, укрепился станом и не хотел вступать в решительную битву с южными полками, отличавшимися своею стремительностью в нападениях.

Святослав послал сказать ему: «Брат и сын! Я сделал тебе много добра и не думал получить от тебя такой благодарности; но если уже ты умыслил на меня зло, взял моего сына, то тебе недалеко искать меня: отступи немного от этой речки, дай мне путь, я перееду к тебе поближе, и Бог нас рассудит; если же не хочешь мне дать пути, то я тебе дам, переезжай на эту сторону, и здесь Бог нас рассудит»⁴³⁹. Такие слова, отзывавшиеся южнорусскими понятиями о битве, как о суде Божиим, не понравились северному князю: он велел взять послов Святославовых и отправил их во Владимир, а князю их не дал ответа; тогда последний, постояв еще несколько дней и боясь оттепели, принужден был покинуть стан на жертву суздальцам и удалиться.

Таким образом, Всеволод первый перестал полагаться на битвы, как на суд Божий, первый начал предпочитать осторожность в битвах решительности, и он достиг своей цели, ибо тот же самый Святослав Черниговский, который прежде, надеясь на свою старость и добро, оказанное им Всеволоду, вздумал было называть северного князя сыном, тот же самый Святослав в 1194 году, когда хотел идти войною на рязанских князей, должен был сперва послать ко Всеволоду попросить позволения воевать с Рязанью, и в князь владимирский отказал в просьбе⁴⁴⁰.

В это время область Рязанская была разделена между многими князьями, потомками Ярослава Святославича; как везде, так и здесь родовые отношения завязали споры; как везде, так и здесь в описываемое нами время шла борьба между дядьми и племянниками, с тем только различием, что в княжестве Рязанском эта борьба не могла принять характера войны междоусобной, потому что по слабости своей Ярославичи всегда были ротниками какого-нибудь сильнейшего князя; теперь они признавали старшинство Всеволода, который не любил позволять младшим своим самоуправства; след., князьям рязанским в их борьбе оставалось одно средство вредить друг другу, именно возбуждать друг на друга нелюбье в князя.

В 1207 году, когда Всеволод предпринял поход против Ольговичей Черниговских и послал приказ рязанским князьям явиться в его стан, двое из них, Глеб и Олег Владимировичи, и двоюродный дядя их Давид Юрьевич Муромский донесли на остальных своих родичей, что они передавались Черниговским⁴⁴¹. Всеволод, поверив доносу, велел схватить обвиненных вместе с их думцами и отвести во Владимир, а Рязань отдал сыну своему

Ярославу; но, узнав, что рязанцы неохотно повинуются чужому князю, явил пример неслыханной до тех пор строгости: он велел жителям Рязани выйти из города, который был превращен в пепел. Ту же участь имел и Белгород Рязанский. Не пощадив князей и народа, северный князь не пощадил и духовенства: епископ Арсений был приведен пленником во Владимир⁴⁴².

Еще замечательнее были отношения Всеволода к южным Мономаховичам. В это время Южная Русь наслаждалась спокойствием, потому что могущество северного князя сдерживало в ней все междоусобия. Ольговичи не смели трогать Мономаховичей, потому что боялись Всеволода, который как Мономахович вступился бы за своих. С другой стороны, Мономаховичи южные не смели трогать Ольговичей, ибо вовсе не полагались на доброжелательство Всеволода, который не хотел усиливать своих родичей на счет Ольговичей, потому что такое усиление было для него столь же опасно, как и могущество Ольговичей; напротив, как видно, Всеволод III хотел держать оба враждующие рода в равновесии, держать в страхе один посредством другого, что необходимо давало ему самому важное пред ними преимущество. Такое поведение Всеволода, сдерживая усобицы на Руси, давало ей возможность обратить все свои силы на половцев: вот почему это время ознаменовано самыми блестящими успехами русского оружия в степях подонских.

Но скоро сцена военных действий переносится с востока на запад, поводом к чему послужило прекращение Ростиславова рода, княжившего в Галиче. Я не могу останавливаться долго на галицких происшествиях; всего важнее для нас будет указать на причины различия, скоро обнаружившегося между Галицким княжеством и остальными областями русскими.

На Руси дружинники, благодаря непрерывному переходу князей из одной области в другую, не могли нигде основаться в качестве постоянных землевладельцев, нигде не могли приобрести аристократического характера с особым сословным интересом, и потому в отношениях между князьями бояре не могли играть важной роли; если они появляются на сцену, то не как лица независимые, действующие в смысле своего сословного интереса, но всегда только как побочные деятели при князе; так, напр., бояре являются постоянными советниками, неразлучными спутниками князя, но здесь они действуют постоянно в интересах князя и никогда в интересе сословном; если боярин, перейдя от одного князя к другому, поссорит их, то чрез это он имеет влияние на события, однако и здесь опять этот боярин действует в личном интересе, а не в сословном.

Не так было в Галиче: эта страна, ставшая владением Ростиславичей, князей, исключенных из старшинства в роде Ярослава I, равно как из владения остальною родою собственностию, по

этому самому не переменяла князей своих, с другой стороны — не дробилась на мельчайшие волости в роде Ростиславичей, ибо Владимиру удалось избавиться от всех родичей и стать единовластителем в Галиче, которое единовластие продолжалось и при единственном сыне его Ярославе. Таким образом, когда остальная Русь представляла зрелище непрерывного движения и перехода, в княжестве Галицком не было никакого движения, никакого перемещения князей, вследствие чего и боярам княжеским была возможность установиться в стране, получив значение постоянных землевладельцев, приобрести великое влияние на дела страны. Вот почему галицкие бояре имеют другой характер, чем бояре в остальной Руси. Касательно различия между обоими можно выразиться так: бояре в остальной Руси были бояре князей, бояре галицкие были бояре княжества.

Таким образом, на двух концах — северо-западном и юго-западном, в Новгороде и Галиче, — обнаруживаются в формах быта отмены против быта в остальной Руси, а именно: в Новгороде вследствие непрерывной смены князей усиливается народовластие, тогда как в Галиче вследствие оседлости, неподвижности князей усиливается боярство, причем, разумеется, соседство Венгрии и Польши не могло остаться без влияния.

Бояре галицкие показали свою силу еще над самим Ярославом Осьмосмыслом, которого могущество так славилось на Руси. Этот князь дурно жил с женою своею, дочерью Юрия Долгорукого, следуя внушениям любовницы своей, которой одно имя (Настасья) осталось в летописи. Несчастливая княгиня не могла долго терпеть поведения мужа и, сопровождаемая многими боярами, недовольными господством княжеской любовницы, удалилась из Галича вместе с сыном Владимиром. Но около князя оставались еще другие бояре, враги Настасьи: они схватили князя вместе с любовницею, перебили ее доброжелателей и княжеских любимцев, после чего возвратили бежавшую княгиню с сыном, а ненавистную Настасью сожгли живую; сын ее Олег был отослан в заточение, а князь Ярослав принужден дать клятву, что будет хорошо жить с женою⁴⁴³. Но эта клятва была вынужденная: по смерти своей Ярослав отдал галицкий стол не Владимиру, законному своему сыну, которого не любил за дурной нрав и непослушание, но Олегу, рожденному от Настасьи, причем взял клятву с Владимира не искать стола под братом, а с бояр — повиноваться Олегу.

Но мы уже имели случай заметить, что в старой, Южной, Руси на предсмертные распоряжения князей мало обращали внимания. Так и в Галиче тотчас по смерти Ярослава встал страшный мятеж: бояре, которых ненависть к матери перешла и на сына, преступили клятву, выгнали Олега и провозгласили князем Владимира⁴⁴⁴. Но они скоро увидели, что ошиблись

в своем выборе: Владимир, не подражая отцу своему в хорошем, подражал ему только в дурном. «Он любил только пить,— говорит летописец,— а не любил думать думу с мужами своими, отнял жену у попа и обвенчался на ней; мало того, если понравилась ему чья-либо жена или дочь, брал себе насильем»⁴⁴⁵.

В это время ближайшим соседом Галичу на столе волынском сидел Роман Мстиславич, внук знаменитого Изяслава. Мы имели уже случай заметить совершенное бездействие его при всех событиях, имевших место на Руси по смерти отца его Мстислава. Причины такого бездействия не лежали в характере Романа: напротив, это был один из самых энергических князей наших, который умел не дрогнуть ни перед какою, даже самую насильственную, кровавою мерою, если она была необходима для достижения его цели. Страшные поражения, которые он нанес половцам, прославили имя его на Руси, и варвары страшали им детей своих⁴⁴⁶. Не менее страшен был Роман и для других варваров, соседей своих литовцев: подражая всем князьям русским, предшественникам своим, в старании распространять пределы гражданственности на счет варваров, пролагать пути в стране, прежде непроходимой, строить города на месте дремучих лесов и обращать пустыни в хлебородные поля, Роман, говорит предание, запрягал пленных литовцев в плуги и заставлял их таким образом вырывать дикие корни и приготавливать землю для пашни.

Что же заставляло такого князя, каков был Роман, спокойно смотреть на дела между князьями русскими? Старший из правнуков Мстислава Великого, он мог бы, по новому представлению о старшинстве, предъявить свои права пред детьми второго Мстиславича, и особенно уже пред младшим сыном четвертого из Мономаховичей. Но это новое представление о старшинстве старших племянников было низложено вследствие торжества Боголюбского и могущественного брата его: самый младший дядя, Всеволод Юрьевич, был признан не только старшим, но и сильнейшим из князей: сила севера видимо тяготела над разединенным югом; Роман понял это и начал стремиться к тому, чтобы усилиться в свою очередь.

Желая поддержать себя на столе отеческом среди сильнейших его князей, Роман вступил с ними в брачные союзы: женился на дочери Рюрика Ростиславича, а свою дочь выдал замуж за одного из сыновей Владимира Галицкого⁴⁴⁷. Несмотря на такое близкое родство с галицким князем, дурное поведение последнего и неудовольствие могущественных бояр внушили Роману мысль овладеть богатым наследием Ростиславичей: он начал сноситься с боярами, подучая их на Владимира и предлагая себя на его место. Бояре приняли совет Романов, утвердились крестом между собою и послали сказать Владимиру: «Князь! Мы не на тебя

восстали, но не хотим кланяться попадье, а хотим ее убить». Так говорили они, ведая, что Владимир сильно любит жену свою и ни за что ее от себя не отпустит, и потому грозились убить ее, чтоб поскорей прогнать князя. И точно так случилось, как они думали: Владимир испугался, взял семейство и уехал в Венгрию; Роман приехал на его место княжить в Галиче⁴⁴⁸.

Но если князь волынский хотел воспользоваться волнениями в Галиче, чтоб утвердиться там, то и другой сосед, Бела, король венгерский, также хотел воспользоваться этими волнениями и приобрести Галич для себя. Он немедленно вступился за изгнанного Владимира, пошел с войском на Галич, выгнал Романа, однако не восстановил Владимира, а распорядился сам в Галиче и посадил там князем сына своего Андрея⁴⁴⁹. Несчастный Владимир был посажен в башню. Через несколько времени ему удалось убежать из заключения и пробраться к императору немецкому Фридриху Барбароссе. Фридрих, узнав, что Владимир был родной племянник в князю Всеволоду, принял его с великою честью и обещался помочь ему с условием, однако, ежегодной дани в 2000 серебра. Собираясь в крестовый поход, император послал Владимира к старшему из польских князей, Казимиру Справедливому, с повелением восстановить его на отеческом престоле. Казимиру легко было исполнить желание императора, ибо галичане, терпя жестокие насилия от венгров, горько раскаивались в том, что выгнали родного князя. Вот почему они с радостью приняли возвратившегося Владимира и выгнали королевича.

Но Владимир боялся вторичного изгнания от соседей, которым всем нравилась богатая волость его, и потому обратился с просьбою о помощи к старейшему и сильнейшему из князей русских, дяде своему по матери Всеволоду III. «Отец и господин! — писал он к нему. — Удержи подо мною Галич, а я Божий и твой со всем Галичем, и в твоей воле всегда!» Тогда Всеволод послал ко всем князьям, и русским и польским, и взял с них клятву не искать Галича, пока там княжит племянник его. После этого Владимир утвердился в Галиче, и никто не смел против него вооружиться: так все боялись Всеволода Суздальского!⁴⁵⁰

В 1194 году умер Святослав Всеволодич Киевский, самый старый из князей русских; Русь снова перешла к Ростиславичам; самый старший из них, Рюрик, сел в Киеве, назывался великим князем в Руси, но по воле другого великого князя: Всеволод III прислал в Киев бояр своих, которые и возвели Рюрика на стол⁴⁵¹.

Последний повестил братьям, что они теперь старшие в Русской земле, и начал делать ряды с ними касательно областей⁴⁵², как вдруг пришло к нему грозное слово с севера от Всеволода Владимирского. Брат Боголюбского велел сказать

Ростиславичам: «Вы назвали меня старшим в племени Владимира; а теперь ты, Рюрик, сел в Киеве, а мне не дал части в Русской земле, роздал волости другим, младшим братьям своим; если мне нет части в Русской земле, то блюди и стереги ее с теми, кому роздал волости; увидим, как-то ты удержишь ее с ними, а мне не надобно!»⁴⁵³

Не ничтожных городков добивался могущественный князь севера, у него были другие замыслы: он требовал у киевского князя именно только тех 5 городов, которые Рюрик отдал зятю своему Роману Волынскому; тщетно Рюрик предлагал ему другие, Всеволод не хотел ничего слушать⁴⁵⁴. Цель его при этом ясна: для него были опасны Ростиславичи на юге, сильные своим братским единодушием и личными доблестями, и потому он хотел поссорить их с храбрым и деятельным Романом, питавшим родовую ненависть к Юрьевичам.

Рюрик по совету митрополита взял города у Романа и отдал их непреклонному Всеволоду. «Что делать,—говорил киевский князь,—нам без Всеволода нельзя быть!»⁴⁵⁵ Но Всеволод, получив города, отдал один из них сыну Рюрикову, своему зятю, а в другие послал посадников. Этим распоряжением владимирский князь совершенно достигал своей цели, ибо Роман тогда легко мог подумать, что Рюрик нарочно отнял у него города, дабы чрез Всеволоды руки передать их своему сыну. Так и случилось: тщетно Рюрик уверял зятя в невинности своих намерений; Роман не хотел ничего слышать, кипел гневом на тестя и начал ссылаться с Ольговичами, подушая их на Ростиславичей.

Отсюда начинаются опять междоусобия на юге, в семье Мономаха, теперь уже между самими Мстиславичами, т. е. между внуком Изяслава Романом и Ростиславичами; в этой борьбе опять, как прежде, берут участие Ольговичи с прежнею целию достигнуть киевского стола, вытеснить Мономаховичей с западной стороны Днепра.

Ясно, что в этой борьбе Всеволод III как старший в роде Мономаха не мог остаться спокойным зрителем. Как же он действовал? На словах он был постоянно за Ростиславичей, посылал вместе с ними к Черниговским с требованием, чтоб они отреклись навсегда от Киева⁴⁵⁶; но как скоро начиналась война, Всеволод медлил помощью и если выступал с войском, то тотчас же принимал мирные предложения Ольговичей⁴⁵⁷, вовсе не желая их конечным падением усилить опасных Ростиславичей. Последние горько жаловались на такое небратское поведение Всеволода. «Сват! — писал к нему Рюрик. — Ты мне крест целовал на том, что кто мне враг, тот и тебе враг; а в Русской земле части просил у меня, и я тебе дал волость лучшую не от обилья, но отняв у братьи своей и у зятя своего Романа ради тебя; а теперь Роман мне враг, а ни за кого другого, как все за тебя же; потом

ты обещал сесть на коня и помочь мне, но перевел все лето и зиму, а теперь и сел на коня, но как помог? А мне от Ольговичей какая обида была? Про тебя же я с ними во вражде, и воевал с ними, и волость свою пожег»⁴⁵⁸.

Недовольный Рюрик отнял у Всеволода города, которые прежде дал ему; но северному князю нужны были не города на Руси, ему нужна была вражда и бессилие князей ее.

Между тем как Ростиславичи не могли ожидать себе ревностной помощи от северного князя, своего старшего, гроза скоплялась над ними с запада: Владимир Галицкий умер без потомства⁴⁵⁹. Тогда Роман Волынский с помощью приятелей своих князей польских утвердился вторично в Галиче.

Усилившись таким образом, Роман не думал оставить в покое врага своего, киевского князя. В этой усобице Киев несколько раз переходил из рук в руки и был страшно опустошаем своими и половцами. Наконец Роману удалось захватить в свои руки все семейство Рюрика: самого в. князя он постриг в монахи, равно как дочь его, свою жену, которую ненавидел; однако принужден был отдать Киев сыну Рюрика Ростиславу, потому что тот был зятем Всеволода III.

В 1205 году Роман нашел себе смерть в битве с поляками. Мы видели, каков был характер этого князя. Вступив в управление Галичем, он увидел здесь необыкновенное для русского князя явление, а именно страшную силу и своеволие бояр, и, сообразно своему характеру, предпринял против них самые крутые, кровавые меры. «Не раздавивши пчел, меду не есть»,—говаривал Роман.

Смерть сильного и строгого Романа была знаком к страшным волнениям в Галиче: бояре опять подняли головы и начали продавать отечество то тому, то другому из соседних владельцев, которые наперерыв старались приобрести себе богатое княжество мимо законных наследников — двоих малолетних сыновей Романа, Даниила и Василька.

Борьба за Галич усилила распри в Южной Руси, потому что Ростиславичи и Ольговичи равно хотели достать себе это княжество⁴⁶⁰. Старший между Ольговичами был тогда сын покойного Святослава Всеволод Чермный: он беспрестанно воевал с Ростиславичами и несколько раз захватывал Киев; между тем и Галич достался на время Ольговичам, именно сыновьям Игоря Северского, знаменитого своим походом на половцев. Игоревики подобно Роману видели единственное средство успокоить страну в обуздании бояр, чего не умели достигнуть иначе, как только насильственной смертью последних. Тогда некоторые бояре, видя беспрестанное убийство своих собратий князьями, удалились в Венгрию и выпросили у короля помощь молодому Даниилу Романовичу. Игоревики не могли сопротивляться венграм, были

взяты в плен и повешены озлобленными боярами; это явление, чуждое остальной Руси, возмутило ее.

В то время как Юго-Западная Русь была зрелищем таких волнений и злодейств, Русь Северо-Восточная лишилась Всеволода III. Княжив 37 лет с постоянною удачею, Всеволод при конце жизни подобно брату Андрею должен был испытать, как еще силен был старый порядок вещей, против которого они боролись. Как замыслы Андрея рассеялись пред доблестями Мстислава Храброго, так замыслы Всеволода разрушены были сыном этого Мстислава — Мстиславом Торопецким, или Удалым.

Всеволод привел в свою волю В. Новгород; граждане последнего, желая избавиться себя от самовластия владимирского князя, призвали на помощь Мстислава. Всеволод, осторожный даже и в молодости, не хотел искушать судьбы в битве с храбрейшим из князей русских и уступил Мстиславу Новгород, довольствуясь тем, что торопецкий князь признал себя сыном его. Таким образом, при конце жизни своей, Всеволод должен был уступить старому порядку вещей, войти к новгородскому князю в родственные отношения, поддержания которых требовали князья старой Руси и уничтожения которых домогались князья новой.

Кроме этого на смертном ложе Всеволод должен был испытать новую неприятность, и опять от старого порядка вещей, который нашел себе поборника в самой семье в. князя: именно, старший сын его Константин, напитавшись старыми понятиями сперва в Новгороде, а потом в Ростове, хотел непременно возвратить последнему городу старшинство пред Владимиром. Всеволод разгневался на ослушного сына и, созвав собор, объявил в. князем и старшим в роде второго сына, Юрия, дал ему Владимир со всеми боярами и со всеми людьми, укрепил к нему всех крестным целованием и поручил ему младших братьев.

Но князь ростовский не думал отказываться от старшинства в пользу младшего брата, и тотчас же по смерти Всеволода, последовавшей в 1212 году, открывается борьба между братьями, которая опять принимает характер борьбы между старым и новым порядком вещей. На помощь старшему князю, который преследовал интересы старого города, явился, как и следовало ожидать, представитель старой Руси — Мстислав Удалой: это случилось при посредстве старшего из городов русских, В. Новгорода.

Ярослав Всеволодович, брат Юрия, принятый новгородцами, вздумал поступать у них по примеру отца и по примеру дяди Андрея, утвердить свой стол в пригороде Торжке, где его не беспокоило вече. Удалой тотчас явился помешать такому дерзкому намерению и соединился с Константином Ростовским, тогда как на помощь Ярославу пришел Юрий. Младшие князья, представлявшие новый порядок вещей, не наученные опытом Андрея

и Всеволода, дали битву (при Липице) храброму из храбрых и потерпели поражение⁴⁶¹. Константин получил старшинство, Новгород, в свою волю, но ненадолго.

Константин скоро умер, и Юрий снова получил старшинство и снова начал теснить Новгород, распространяя в то же время пределы своей области на востоке, строя города и равнодушно смотря на старые усобицы на юге между Мономаховичами и Ольговичами то за Киев, то за Галич⁴⁶²: старая Русь с господством родовых отношений видимо клонилась к своему падению, ибо, несмотря на доблести князей своих, преклонялась пред могущественным собственником севера, признавала, что она не может обойтись без этого собственника.

Это признание, произнесенное Рюриком Ростиславичем и повторенное чрез несколько веков позже гетманом Зиновием Хмельницким, служит самым лучшим оправданием нового порядка вещей, зачавшегося в Руси Северо-Восточной.

Какие же явления характеризуют описанный период времени от вступления на владимирский стол Всеволода III до гибели сына его Юрия в битве при Сити? Новое стремление, начатое Боголюбским, стремление утвердиться на севере, приобрести силу и посредством ее изменить родовые отношения в государственных, неуклонно преследуется братом его Всеволодом, что видно из поведения его касательно Новгорода, Рязани, князей южных, с которыми он избегает столкновения в чистом поле, зная их неодолимую храбрость и слабость в битвах северного народонаселения, не окрепшего в усобицах⁴⁶³, и однако умеет заставить южных князей признаться, что они не могут обойтись без него. Представление о старшинстве всех дядей над племянниками, по-видимому, торжествует, ибо старшинство держит самый младший сын четвертого из Мономаховичей; но этот старший живет на севере, где господство понятия о собственности ведет неминуемо к торжеству представления о старшинстве старшего племянника над всеми дядьми, что показал разительный поступок Всеволода, который как собственник и самовластец отнимает старшинство у старшего сына и отдает его младшему; этот младший с другими младшими братьями идут против прав старших, основываясь на своей силе. Распоряжение отца — собственника, имевшего, след., право располагать своею собственностью, и сила — вот права младших Всеволодичей. «Перемоги нас, — говорят они старшему брату, — и тебе вся земля!»⁴⁶⁴

Итак, теперь вследствие понятия об отдельной собственности является понятие о праве силы без уважения к старым родовым обычаям. Отсюда уже тотчас же является недоверчивость младших к старшим, ибо они знают, что старший сильнее их, знают притом, что сила богатого собственника заставляет его увеличивать эту собственность на счет слабейших, и потому младшие

при первом подозрительном движении старшего вооружаются, заключают союз, чтоб отразить силу силою; так, в 1229 году летописец говорит, что Ярослав Всеволодич *усомнился* в своем старшем брате Юрии и поспешил соединиться против него с Константиновичами Ростовскими: насилиу Юрий успел разуверить родичей насчет своих замыслов⁴⁶⁵. В следующих главах мы увидим только повторение этих явлений.

ГЛАВА III

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ВСТУПЛЕНИЯ НА ВЛАДИМИРСКИЙ СТОЛ ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДИЧА ДО НАЧАЛА БОРЬБЫ МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ НЕВСКОГО

Во время нашествия монголов на Северо-Восточную Русь в Киве сидел младший брат в. князя Ярослав Всеволодич. Едва узнал он о гибели Георгия при Сити, как тотчас оставил юг, чтоб принять великое княжение Владимирское: так потомки Долгорукого предпочитали уже опустошенный север еще не тронутому югу! Новый в. князь отдал брату своему Святославу Юрьевскому Суздаль, а другому, Ивану,— Стародуб Северный⁴⁶⁶.

Любопытнее для нас распоряжения, имевшие место между князьями ростовскими, детьми и внуками Константина Всеволодича: в это время оставался в живых Владимир Константинович с племянниками от двух умерших братьев — Василька и Всеволода, но старший стол ростовский видим во владении не дяди Владимира, но сына от первого брата, Бориса Васильковича, а Владимир владеет Угличем⁴⁶⁷.

Так легко принялось на севере старшинство сына от первого брата над дядьми, именно вследствие того, что на севере уделы (здесь это слово имеет свое настоящее значение) неотъемлемы, даются на всю жизнь и в потомство; из Константиновичей: Василько был посажен в Ростове, Всеволод — в Ярославле, Владимир — в Угличе: они так и остаются навсегда и те же самые столы передают детям своим; один только стольный город великокняжеский еще переходит к старшему в роде, но и это скоро прекращается.

Скоро Ярослав по зову Батяя принужден был отправиться в Орду; от Батяя в. князь возвратился с честью, пожалован старшинством⁴⁶⁸; но потом должен был отправиться к самому великому хану на берега Амура. Здесь начались интриги: какие-то люди, желавшие получить земли Ярослава, приобрели благосклонность старой ханши, матери в. хана, и с ее помощью томили несчастного Ярослава. Кто были эти люди? Разумеется, кто-нибудь из князей русских, вероятнее всего Константиновичи Рос-

товские. Летописцы, умалчивая о князьях, называют одного боярина, Федора Яруновича, который был при этом главным действующим и клеветал хану на в. князя; когда клевета не удалась вполне, то прибегнули к легчайшему средству освободиться от Ярослава: он был отравлен из рук самой ханши ⁴⁶⁹.

По кончине Ярослава Всеволодича, по старому еще обычаю в. князем стал брат его Святослав, который утвердил племянников своих, сыновей Ярослава, на уделах, завещанных им покойным князем, след., здесь уже не имел места ряд старшего с младшими, но приведено в исполнение завещание ⁴⁷⁰. Но на другой же 1248 год один из младших сыновей Ярослава ⁴⁷¹ Михаил по прозванию Хоробрит, князь московский, отнял у дяди Святослава в. княжение и сам заступил его место.

Это явление чрезвычайной важности, ибо здесь мы видим совершенный произвол, совершенное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное преобладание права сильного. Михаил мог бы еще утверждаться на известном представлении о праве племянника от старшего брата над дядьми, если бы сам был старшим сыном Ярослава, но этого условия не было; итак, Михаил Ярославич действовал здесь вполне независимо от всяких родовых отношений, он действовал здесь против дяди, как независимый князь, владетель против другого независимого владетеля ⁴⁷².

Михаил погиб в битве с литовцами, в то время как старшие братья его Александр и Андрей были в Орде. Получив известие о делах в Руси и о смерти Михаила, они возвратились в отечество, будучи утверждены ханом— Андрей на столе владимирском, Александр на киевском. Изгнанный дядя Святослав ездил в Орду; неизвестно, требовал ли он у хана возвращения великокняжеского достоинства или нет; известно только то, что не получил его и скоро умер ⁴⁷³.

Оставался князь, который мог предъявить свои права на в. княжение: именно Владимир Углицкий, сын Константина Ростовского, старшего из детей Всеволода III; но кто мог думать о праве Владимира в то время, когда Михаил Московский не обращал никакого внимания ни на свое бесправие, ни на право дяди: Ярославичи были сильнее углицкого князя, этого было довольно, чтобы заставить позабыть о последнем. Владимир умер в 1249 году ⁴⁷⁴.

Но раздел между Ярославичами не был мирен. Татищев говорит, что Александр с Андреем имели в Орде большой спор, кому быть во Владимире, кому в Киеве, и будто хан отдал Киев Александру, а Владимир Андрею, основываясь на завещании покойного в. князя Ярослава.

Что же могло заставить Ярослава завещать старшему Александру Киев, а младшему Андрею Владимир? Быть может,

особенная любовь к Андрею, который оставался всегда при нем; быть может также, что Ярослав, желая удержать и Южную Русь в своем роде, отдал Киев Александру как более способному, по своим доблестям, удержать его. Но если подобное завещание существовало в самом деле, то оно исключало необходимо брата Святослава; но летописец говорит прямо, что Святослав утвердил племянников на уделах, как распорядился покойный Ярослав. Впрочем, есть средство согласить оба свидетельства: Ярослав при жизни назначил Александра в Киеве, Андрей оставался на севере; по изгнании Святослава Михаилом и по смерти последнего Андрей, желая получить владимирский стол, настаивал на том, что уже старший брат его получил старший стол — Киев и Русскую землю по распоряжению покойного отца, и тем убедил хана⁴⁷⁵. Но Александр как старший⁴⁷⁶ не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство над Киевом касательно старшинства, давно уже киевские князья не могли быть без владимирских; теперь особенно, когда вся Южная Русь была опустошена, когда Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестно. Вот почему Невский имел полное право сердиться на младшего брата, видеть в нем хищника прав своих.

В 1252 году Александр поехал в Орду к новому хану Сартаку жаловаться на брата⁴⁷⁷; хан, давши старшинство Невскому, отправил на Андрея трех полководцев своих; недалеко от Переяславля Андрей встретил татар, был разбит в злой сече, побежал в Новгород, не был там принят и удалился ко врагам Александровым, шведам, которыми вследствие этого был принят с радушием. Кроме сознания прав своих Александр не мог терпеть Андрея на великокняжеском столе и по другим причинам, а именно: из слов летописца видно, что Андрей по совету бояр своих (и, вероятно, жены, дочери Даниила Галицкого) хотел свергнуть татарское иго, что доказывает выступление его навстречу к полкам ханским и злая битва с ними. Но Александр видел всю необдуманность этого намерения, которое могло подвергнуть Русь только новому нашествию и тягчайшему игу⁴⁷⁸. Александр приехал во Владимир. Андрей также возвратился в отечество, примирился с братом и получил в удел Суздаль⁴⁷⁹.

Александр умер в 1263 году; брат его Андрей Суздальский скончался весной следующего года. У Татищева⁴⁸⁰ сохранилось известие, что Андрей по смерти брата снова хотел занять престол владимирский, но что брат его Ярослав перенес дело на решение хана, и тот утвердил Ярослава мимо Андрея, вероятно помня прежнее непослушание этого князя. Свидетельство Татищева подтверждается тем, что в летописях вступление Ярослава на великокняжеский престол означено не тотчас по смерти Александра в 1263, но уже по смерти Андрея в 1264 году⁴⁸¹. Неизвестно, где

Невский имел свое пребывание, в отчинном ли городе Переяславле Залесском⁴⁸² или во Владимире, по крайней мере погребен был в последнем; брат же его Ярослав не оставил своего наследственного города, Твери⁴⁸³, и был похоронен в нем⁴⁸⁴.

Ярослав подобно всем князьям северным хотел приравнять В. Новгород к пригородам⁴⁸⁵. В этой крайней опасности Новгород был спасен не князем Южной, старой, Руси, но родным братом в. князя Василием Ярославичем Костромским. Этот князь вступился за старый город не по сочувствию с его бытом, но из соперничества с братом, ибо как князь костромской Василий боялся усиления князя тверского, каковое усиление грозило не только правам его на в. княжество Владимирское, но даже независимости его княжества Костромского. Вот почему Василий отправился к хану сам и представил несправедливость Ярослава и правоту новгородцев; тогда Ярослав, оставленный монголами, на помощь которых надеялся, должен был уступить новгородцам.

В 1271 году умер Ярослав Тверской; по старому порядку вещей в. княжество переходило к брату его Василию Костромскому; но старший сын Невского Дмитрий, князь переяславский, объявил себя соперником дяди и прислал в Новгород просить княжения. Этот поступок Дмитрия как будто указывает нам, что представление о старшинстве дядей дошло до той границы, на которой остановилось местничество и которую далеко перешли отношения княжеские, а именно: Дмитрий ищет Новгорода под дядю Василием, ибо последний был ему 4-й дядя, тогда как тот же Дмитрий отвечал прежде новгородцам, призывавшим его против Ярослава: «Не хочю взяти стола перед стрьем своим»⁴⁸⁶, ибо Ярослав был еще только третий дядя⁴⁸⁷. Но между князьями, как уже выше замечено, самые младшие дядья не думали уступать старшим племянникам, и потому Василий, опираясь на свое право, утвержденное постоянным торжеством младших дядей над старшими племянниками, послал в Новгород наместников с приказанием отвергнуть грамоты брата своего⁴⁸⁸. След., и костромской князь хотел привести в исполнение намерение отца и братьев, имея более нужной к тому твердости характера, чем покойный Ярослав Тверской: вооруженною рукою он принудил племянника оставить Новгород, который привел в свою волю. Костромской князь восторжествовал, достиг своей цели, но умер преждевременно в 1276 году.

Таким образом, мы видели, что при разрушении родственной связи, при постоянном стремлении каждого в. князя усилить во что бы то ни стало собственное княжество жребий—усилиться пред прочими княжествами и стать чрез это сосредоточивающим пунктом Руси—выпал сперва Твери, но слабохарактерность Ярослава Тверского и соперничество Василия

воспрепятствовали усилению Твери; Василий Костромской, едва получил в [елико] княжескую область, как начал действовать точно таким же образом, какой осуждал в брате, подобно ему привел татар на вольных людей, тогда как прежде заступился за последних и отклонил от них татарское нашествие; но кратковременное пятилетнее правление не позволило ему усилить Костромское княжество, и очередь перешла к Переяславлю Залесскому, которого князь Димитрий Александрович получил старшинство с областью в княжества Владимирского по всем правам. Но против него вооружился меньшей брат его Андрей Городецкий вопреки всем правам — явление, после поступка Михаила Московского, чрезвычайной важности!

ГЛАВА IV

БОРЬБА МЕЖДУ СЫНОВЬЯМИ НЕВСКОГО

Обыкновенно у наших историков мы находим возгласы против Андрея Городецкого как разорителя отечества, злодея, истреблявшего христиан руками монголов. Но пришла пора взглядеться попристальнее в явления. В это время все прежние понятия о праве старшинства исчезли; в князья показали, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получив область в княжества Владимирского, старается увеличить свою собственность, упрочить силу в своей семье, на счет других князей, других княжеств. Но мы знаем, что и в прежнее время младшие князья как скоро видели, что старший разрознивает свои интересы с интересами рода, то восставали против него, и каждый заботился о себе. Теперь же, когда преобладание собственности, отдельности владения заставляло каждого в князя неминуемо заботиться только о самом себе, теперь все остальные князья не могли уже более доверять родственной связи, должны были также заботиться о самих себе, всеми средствами должны были стараться приобрести силу, потому что им оставалось на выбор: быть жертвою сильнейшего или других сделать жертвами своей силы. Вот почему мы видим теперь восстания князей на великого с попранием всех старинных прав, всех родовых отношений.

Димитрий, присоединив к Переяславлю в княжение Владимирское, показал, что идет по примеру своих предшественников. Он выпросил у новгородцев позволение поставить крепость Копорье на их земле⁴⁸⁹; новгородцы согласились, думая, что эта крепость будет оплотом для них от врагов внешних; но скоро увидели, что ошиблись в своем ожидании. Димитрий построил крепость для себя и ввел в нее свою дружину. Новгородцы воспротивились этому поступку, в князь пришел на них с пол-

ками и заставил согласиться на свою волю: дружина его осталась в Копорье.

Вероятно, этот поступок Димитрия, вполне обличавший его стремление к усилению себя на счет других, послужил Андрею знаком к восстанию на брата; впрочем летописцы указывают на бояр его, и преимущественно на одного из них, Симеона Тонилевича, как главного виновника этого восстания. Как бы то ни было, Андрей отправился в Орду, «имея споспешника себе и помощника Семена Тонилевича, и иных многих»⁴⁹⁰ — кого именно, летопись не говорит.

Это известие также чрезвычайно важно: оно показывает нам, как бояре, члены старшей дружины князя, теперь двора, усевшись вместе с князем в одном владении, приобрели от этой оседлости более важности, значения; но вместе с усилением своего значения бояре получили от оседлости постоянные интересы; их судьба теперь тесно соединена с судьбою известного княжества. Прежние бояре если интриговали, то с целью не быть вытесненными от пришлой дружины; теперь бояре хотят усиления своего князя, своего княжества на счет других, ибо ясно видят, что при уничтожении равенства между князьями должно уничтожиться и равенство между боярами их, что если князья из равных родичей станут подручниками в князя, то ясно, что и бояре их должны занять второстепенное место пред боярами сильнейшего князя. Все сказанное теперь нами объяснится впоследствии из деятельности бояр московских.

Андрей с своими помощниками, задарив хана, получил ярлык на Владимир и войско против Димитрия, потому что последний не думал повиноваться слову ханскому и нужно было принудить его к тому силою, след., здесь отношения татарские вполне совпадают с прежними отношениями половецкими: князь, желая воевать против другого, идет в Орду, как прежде на снем к половцам, и нанимает у татар войско. Любопытно, что все князья, ближние и дальние родственники, соединились с Андреем против Димитрия⁴⁹¹.

Мы не станем натягивать событий, не скажем, что Димитрий обнаружил своевластие, дурно обходился с ними; пусть Димитрий был добрый, кроткий князь (что, впрочем, мы будем иметь случай после отвергнуть): для нас важна здесь недоверчивость князей к в. князю владимирскому, эта постоянная оппозиция их против каждого князя, присоединившего к своему уделу область Владимирскую.

Димитрий, видя союз князей и татарские полки против себя, бежал к Новгороду; новгородцы злобились на него более других за Копорье, они не позволили ему остаться в своей области. Несчастный князь принужден был бежать за море⁴⁹², Андрей получил Владимир. Но скоро Димитрий возвратился из-за моря

(с наемными войсками)⁴⁹³, засел в своем Переяславле, начал там укрепляться и собирать войска. Андрей услышал об этом, будучи в Новгороде; окруженный войсками преданных новгородцев, он пробрался в свою отчину Городец и оттуда в Орду, опять вместе с Семеном Тонилиевичем, жаловаться хану на брата и просить помощи; а между тем в его отсутствие князя Святослав Ярославич Тверской, Даниил Александрович Московский и новгородцы с своими посадниками, двинулись на Дмитрия (на этот союз также нельзя не обратить внимания): враждебные ополчения сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мире, и наконец заключили его, неизвестно, на каких условиях⁴⁹⁴. Здесь мы заметим также один раз навсегда, как редко на севере князя вступают в битвы друг с другом: обыкновенно, сошедшись, они заключают мир и расходятся без битвы.

Между тем Андрей пришел из Орды с полками татарскими; Дмитрий бежал вторично, но на этот раз уже не за Балтийское море, а к берегам Черного: там в степях раскинулась другая орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской, Орда ногайская. Повелитель ее, знаменитый Ногай, из соперничества с ханом Золотой Орды принял с честью Дмитрия и дал ему свои полки; на этот раз Андрей должен был уступить и возвратил брату великое княжение Владимирское.

Как же Дмитрий воспользовался своею победою? В 1283 году двое переяславских бояр, Антоний и Феофан, явились в Кострому, схватили тайно Семена Тонилиевича и начали допытываться у него о прежних и настоящих намерениях его князя. Городецкий боярин отвечал: «Напрасно допрашиваете меня; мое дело служить верою и правдою своему князю; если же были между ним и братом его какие раздоры, то они сами лучше знают причины их». — «Ты поднимал ордынского царя, ты приводил татар на нашего князя», — говорили переяславские бояре. «Ничего не знаю, — отвечал Семен, — если хотите узнать подробности об этом, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тот ответит вам на все ваши вопросы». — «Если ты не расскажешь нам о всех намерениях твоего князя, — продолжали Дмитриевы бояре, — то мы должны убить тебя». — «А где же клятва, которою клялся ваш князь моему, — отвечал Семен, — клятва мира и любви? Неужели ваш князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояр нашего господина?» Переяславские бояре исполнили поручение своего князя — убили Семена Тонилиевича⁴⁹⁵.

Весть об этом гнусном убийстве поразила Андрея; сильно горевал он о благородном и верном боярине⁴⁹⁶ и начал ссылаться с новгородцами. В Торжке Андрей и вольные люди обменялись клятвами стоять друг за друга против Дмитрия. Но последний был силен, Андрей уступил и на этот раз — и даже

нашелся принужденным вместе с Дмитрием и его татарами опустошать волости новгородские⁴⁹⁷. После этого Андрей обратился опять к татарам и привел на Дмитрия какого-то царевича из Орды: но когда варвары рассеялись для грабежа, Дмитрий собрал большую рать и ударил на них (вот как уважали татар!): царевич убежал в Орду, бояре Андрея попались в плен, и городецкий князь должен был опять уступить⁴⁹⁸.

Прогнав татар, смилив городецкого князя, Дмитрий хотел смирить самого храброго и самого предприимчивого из князей — Михаила Ярославича Тверского, который получил княжение по смерти брата своего Святослава. Но Михаил не думал уступать: он выставил свои полки навстречу полкам Дмитрия; последний не захотел вступить в бой, и дело кончилось, по северному обычаю, мирными переговорами⁴⁹⁹. Но в следующий 1288 год Дмитрий вместе с братьями Андреем и Даниилом и с князем ростовским вступил в области тверские, опустошая их огнем и мечом, но, когда двинулся к Твери, опять увидел перед собою сильные полки Михайловы, и опять дело, по обычаю, не дошло до битвы, а кончилось миром⁵⁰⁰.

Всех этих явлений нельзя оставить без внимания: летописец говорит глухо, причин вражды не объявляет; но нельзя не усмотреть, что идет сильная борьба, в которой каждый князь и каждое княжество беспокойно стерегут движения других князей и порознь или вместе с другими стараются предупредить движение противника, ибо дело идет о том, быть государем всей Русской земли или слугою этого государя; при таком вопросе нельзя было разбирать прав и средств: каждый пользовался первым удобным случаем, первым попавшимся средством, чтоб выиграть шаг вперед при достижении одной общей цели. В такой борьбе каждый из князей имел право на своей стороне — право самосохранения, и, кто бы из них ни осилил — московский или переяславский, городецкий или тверской, следствие было одно и то же — соединение и могущество Руси. За что же мы будем проклинать Андрея Городецкого исключительно пред Дмитрием Переяславским или Михаилом Тверским? За что же мы будем проклинать кого бы то ни было из них? Благословим лучше всех участников в этой великой борьбе, всех — победителей и побежденных в благодарность за то, что пользуемся плодами их борьбы, плодами их трудов и бедствий.

Что Дмитрий Переяславский не был чужд современных стремлений, что, след., брат его Андрей имел право противиться этим стремлениям, доказательством служит постоянный союз князей против Дмитрия: не один Андрей восставал против него!

В 1293 году 6 князей отправились к хану Ногаю жаловаться на Дмитрия Переяславского, а именно: Андрей Городецкий, Дмитрий Борисович Ростовский с братом Константином

Углицким, двоюродный брат их Михаил Глебович Белозерский, тесть последнего Федор Ростиславич Ярославский, Иван Дмитриевич Ростовский вместе с епископом того же города Тарасием⁵⁰¹. Ногай выслушал жалобы и отправил с ними брата своего Дюденыя с многочисленным войском; Андрей Городецкий и Федор Ярославский с татарами выгнали Димитрия из Переяславля во Псков и поделили добычу: Андрей взял великокняжескую область Владимирскую и Новгород, Федор получил Переяславль⁵⁰², откуда сын Димитрия Иван должен был удалиться в Кострому⁵⁰³.

Димитрий думал было пробраться из Пскова в Тверь (вероятно, Михаил Тверской не хотел усиления князей городецкого и ярославского и вступился за Димитрия), но на дороге обоз его был захвачен Андреем, сам Димитрий достиг Твери и оттуда послал с поклоном к брату. Городецкий князь послушался увещаний тверского епископа Андрея и помирился с братом; как видно, последнему был отдан Переяславль, ибо сказано, что Федор Ярославский пожег этот город⁵⁰⁴, вероятно, с досады, что должен был отступить от своего приобретения, и после видим в Переяславле сына Димитриева. Но сам Димитрий не достиг своей отчины: он умер на дороге в Волок в 1294 году, погребен же, по обычаю, в своем Переяславле.

Мы обозревали борьбу Димитрия с другими князьями и братом Андреем: но в отдельных княжествах происходили события замечательные, ибо обнаруживали те самые современные стремления, стремления усиливаться на счет других, приобретать собственность, с совершенным презрением прежних родственных отношений. Под 1279 годом читаем у летописца⁵⁰⁵: «Князь Дмитрий Борисович Ростовский поотнимал волости у князя Михаила Глебовича Белозерскаго з грехом и с неправдою, и тако брата своего изобиде и знасильствова». В 1281 году страшная крамола и вражда господствовала между князьями ростовскими, едва епископ и в. князь Димитрий успели примирить их⁵⁰⁶.

Но еще замечательнее было событие в семье князей ярославских. По смерти смоленского князя Ростислава осталось трое сыновей: Глеб, Михаил и Федор; Глеб и Михаил обидели Федора, давши ему один только Можайск. Между тем в Ярославле умер князь Василий Всеволодич, оставив только одну дочь. Тогда на Руси произошло явление, до сих пор неслыханное: до сих пор княжество не считалось собственностью князей, но собственностию целого рода, и если какой-нибудь князь умирал, не оставив сыновей, то волость его, по воле в. князя и всех родичей, передавалась другому; но теперь понятие собственности, отдельности владения так утвердилось на севере, что удел за неимением сыновей переходил к дочери покойного князя, вследствие чего дочь Василия Всеволодича начала княжить в Ярославле с мате-

рю, которая выбрала ей в мужа Федора Ростиславича Можайского. Этот князь был рад приобрести такую богатую собственность, каков был Ярославль, и таким образом один из Ростиславичей смоленских получил в приданое за женою собственность суздальских Юрьевичей⁵⁰⁷.

ГЛАВА V

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ПРИ АНДРЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

Андрей заступил место брата и потому при тогдашних обстоятельствах не мог оставить других князей в покое, ни сам остаться от них в покое. Мы видели, что Андрей был в тесном союзе с Федором Ростиславичем Ярославским и что этот союз усиливал обоих на счет остальных князей. Последние не могли смотреть на это равнодушно и составили другой союз, членами которого были: Михаил Тверской, Даниил Московский и Иван Дмитриевич Переяславский.

В 1296 году в присутствии ханского посла Неврюя князь собрался во Владимире для окончания своих споров; этих съездов княжеских нельзя смешивать с прежними съездами родственников: теперь князья являлись не как братья, но как отдельные, независимые владельцы; старшего, отца, между ними не было больше. Владимирский сейм кончился ничем⁵⁰⁸; в том же году Андрей пошел с войском на враждебных князей, но не был допущен ими к Переяславлю и принужден остаться⁵⁰⁹ в покое.

Однако это спокойствие не могло быть продолжительно: каждое движение князя было опасно для всех остальных; ибо каждое движение было посягательством на чужую собственность. Так, в 1301 году Даниил Московский явился с войском под стенами Переяславля Рязанского, взял город и пленил князя изменою боя⁵¹⁰.

В это же время важный вопрос занимал князей, именно — кому из них достанется богатое наследство после бездетного Ивана Дмитриевича Переяславского. Мы уже имели случай заметить, что со времен Ярослава Всеволодовича его удел Переяславль Залесский вследствие неотчуждаемости уделов постоянно переходил к старшему сыну в прямой нисходящей линии, точно так, как после Мскова при постоянном дроблении области княжества всегда переходит к старшему сыну последнего владельца. След., все князья, потомки Ярослава Всеволодовича, т. е. Андрей Городецкий и в. князь владимирский, Даниил Московский и Михаил Тверской должны были смотреть на Переяславль как на старший удел в своем роде, как на удел своего родоначальника

(любопытно, как Переяславль северный совпадает в своем значении с Переяславлем южным): из этого легко понять, какое важное значение придавал он тому князю, которому доставался после Ивана, и вместе с тем какое могущество, потому что был один из богатейших и сильнейших городов. След., в великом вопросе: кому из князей быть сильнее всех, т. е. кому из князей подчинить себе всех прочих, Переяславль должен был играть значительную роль.

Сюда присоединялся еще важный вопрос: каким образом можно было получить Переяславль по смерти Ивана? Кто из князей имел право на это богатое наследство? Как родовая собственность Переяславль по пресечении прямой линии Ярослава Всеволодовича должен был перейти к представителю старшей из боковых линий, т. е. Андрею Городецкому, который должен был распорядиться им по общему совету со всеми родичами, сделать с ними ряд, по старому выражению. Но на севере родовой собственности не знали, знали только собственность частную, и каждый князь как частный собственник, отделенный от рода, имел право завещать свою собственность, кому хотел.

В 1301 году князья снова съехались в Дмитров: Андрей, Даниил, Иван уладили свои дела, но Иван и Михаил Тверской разъехались в распре — знак⁵¹¹, что на этих новых съездах каждый князь толковал отдельно о своих отдельных интересах и, уладивши дело с одним, мог не уладиться с другим. В следующем 1302 году знаменитый переяславский вопрос решился, как следовало ожидать, по новым северным понятиям: Иван Дмитриевич завещал свою собственность мимо старшего дяди Андрея младшему — Даниилу⁵¹².

Эта передача старшего из уделов в роде Ярослава II, передача, можно сказать, прихотливая, происходившая от произвола Ивана Дмитриевича, основанная на праве его располагать своею собственностью, имела, однако, еще другое значение: Переяславль, перейдя к московскому князю по завещанию последнего собственника, не был присоединен, однако, к Московскому княжеству, ибо после считался всегда принадлежностью в. княжества Владимирского; след., переходя к Даниилу, Переяславль давал ему вместе с силою и старшинство, право на великое княжение. Эта передача была понята так, что Иван, отдавая Переяславль Даниилу, признавал старшинство последнего перед Андреем и Михаилом Тверским; след., московский князь, овладев Переяславлем, этим самым предьявил свои права на в. княжение, этим самым вооружился против Андрея, как Андрей вооружился прежде против Димитрия. Когда после Юрий не отдал Переяславля Андрею — это была точно такая же попытка, ибо, повторяю, Переяславль никогда не считался городом московским, но в. княжества Владимирского⁵¹³.

Андрей хотел было силою вступить в свои права и тотчас по смерти Ивана отправил в Переяславль своих наместников, но Даниил не думал уступать: он выгнал наместников Андреевых и посадил своих. Андрей отправился в Орду, вероятно, за татарскою помощью⁵¹⁴.

В следующем 1303 году умер Даниил Александрович. Старший сын его Юрий был совершенно в уровень своему веку: приобретать и усиливаться во что бы то ни стало было единственною его целию. Тотчас же по смерти отца он пошел с братьями на Можайск, взял город, пленил князя и отвел его в Москву⁵¹⁵, и, когда Андрей возвратился из Орды с милостивым ярлыком ханским, Юрий не уступил ему Переяславля⁵¹⁶.

В 1304 году умер Андрей⁵¹⁷; смерть его служила знаком к великой борьбе между Москвою и Тверью.

ГЛАВА VI

БОРЬБА МЕЖДУ МОСКВОЮ И ТВЕРЬЮ ДО ИВАНА КАЛИТЫ

По прежнему обычаю старшинство принадлежало Михаилу Тверскому, потому что он был внуком Ярослава Всеволодича, а Юрий Московский правнуком, притом же сыном третьего, младшего Александровича, и, наконец, отец его Даниил не держал старшинства при жизни. Но соперничество по праву старшинства отыграло свою роль; теперь соперничество шло только по праву силы: Юрий Московский был столь же силен, если еще не сильнее Михаила Тверского и потому считал себя вправе быть его соперником. Как прежние князья соперники обращались к половцам, так теперь обращаются к монголам. Юрий сговорился с татарскими вельможами, которые сказали ему: «Если ты дашь выход больше князя Михаила, то мы дадим тебе в княжение»⁵¹⁸. Михаил отправился в Орду, Юрий начал собираться туда же; митрополит Максим уговаривал его не ходить и не затевать усобицы с Михаилом. Юрий обманул митрополита. «Я иду в Орду так, по своим частным делам, отец мой, и вовсе не имею намерения искать в княжения»⁵¹⁹, — говорил он ему.

Но бояр тверских нельзя было обмануть, они решились силою не пускать Юрия в Орду. Здесь опять важными действующими являются бояре; тверские бояре, именно потому, что тверские бояре, а не бояре князя Михаила Ярославича, в отсутствие князя дружно и сильно действуют в интересах своего княжества с целию дать ему первенство и силу, т. е. первенство и силу самим себе. Тверские бояре, посланные Михаилом во Владимирскую великокняжескую область, поставили всюду заставы, чтоб не

пропускать Юрия в Орду; но хитрый князь пробрался другим путем.

Кроме древней области великокняжеской шла еще борьба за удел покойного Андрея Городецкого, умершего бездетным; брат московского князя Борис Данилович захватил Кострому, но здесь был захвачен тверскими боярами и отослан в Тверь.

У Юрия в Москве оставался еще другой брат, знаменитый после Иоанн Калита. Иоанн, видя сильную и дружную деятельность бояр тверских, поспешил занять Переяславль, но едва вступил в этот город, как под стенами его явился с войском тверской боярин Акинф: мы должны обратить внимание на это лицо. По смерти в. к. Андрея бояре его, из которых главным был именно означенный Акинф, перешли на службу к московскому князю; но в Москву пришел в то же время на службу знаменитый киевский боярин Родион Нестерович с сыном и привел собственный двор, состоявший из 1700 человек. Ясно, как должны были обрадоваться московские князья такому служебнику: они дали ему первое место между своими боярами. Этим оскорбился городецкий боярин Акинф: он отъехал к сопернику московского князя Михаилу Тверскому и, как уже сказано, явился с войском под Переяславлем и три дня держал Калиту в осаде; но на четвертый день явился на выручку Родион, зашел тверичам в тыл, Иоанн сделал вылазку из города, Акинф, потерпевший поражение, был убит собственноручно Родионом, который, воткнув голову его на копье, представил Калите со следующими словами: «Се, господине, твоего изменника, а моего местника глава»⁵²⁰.

В 1305 году Михаил возвратился из Орды с ярлыком на в. княжение, Юрий — без успеха⁵²¹. Узнав о смерти боярина своего Акинфа, Михаил пошел на Юрия⁵²², и хотя поход кончился ничем, однако борьба не могла прекратиться. Юрий видел вражду соперника и спешил усилиться: двое братьев его принуждены были бежать в Тверь⁵²³; желая усилиться на счет Рязани, он убил князя ее, плененного отцом его Даниилом⁵²⁴, и хотя не успел в своем намерении касательно всего княжества, однако удержал за собою Коломну. Можно себе представить, какими глазами смотрел на все это князь тверской: в 1308 году он приступил с многочисленным войском к Москве, но был отражен⁵²⁵; в 1312 году летописец извещает о походе сына Михаила Димитрия на Юрия; молодой князь должен был, однако, удержаться от войны по увещанию митрополита Петра⁵²⁶.

В 1313 году умер хан Тохта, которому наследовал сын его Узбек; перемена хана заставила тверского князя отправиться в Орду. Новгородцы, притесненные Михаилом⁵²⁷, воспользовались этим отсутствием и обратились к сопернику Михайлову князю московскому с просьбою избавить их от насилия тверских

бояр. Юрий согласился; но между тем Михаил успел пожаловаться хану на Юрия, и последний был позван в Орду⁵²⁸. Он действовал там успешно, не только оправдался в обвинениях Михаила, но умел сблизиться с семейством самого хана и женился на сестре его. При таких связях Юрий мог вступить в борьбу с тверским князем. Он привел с собою троих послов ханских, из которых главный был Кавгадый; но Михаил не думал уступать: он собрал сильное войско, снесся с другими князьями и вышел навстречу Юрию; последний не осмелился вступить с ним в бой и отказался от притязаний на в. княжение⁵²⁹. Но Михаил знал, что Юрий отложил борьбу только на время, и потому спешил укрепить свою Тверь на случай нападения ханского⁵³⁰ зятя; теперь обстоятельства переменялись: он уже не смел более идти на Москву, где княгинею была Узбекова сестра, и ждал соперника в свои владения; ожидания не обманули его.

Мы видели, что князья давно привыкли подозревать великих, или сильнейших, князей в замыслах стеснить их, усилиться на их счет, и потому были в постоянной оппозиции против князя, владевшего великокняжескою Владимирскою областью; мы видели, какую деятельную помощь находил в них Андрей Городецкий в борьбе со старшим братом Димитрием; то же самое случилось и теперь: Михаил был сильнее Димитрия и потому еще опаснее для князей; в первый раз они дали ему помощь против Юрия, но когда Михаил восторжествовал над последним, то князья принимают сторону московского князя против могущественного Михаила; они соединились с ним в Костроме; за 40 верст от Твери Михаил встретил врагов и наголову разбил их: Юрий спасся бегством, но жена его, брат и татарские послы достались в плен победителю⁵³¹.

Ханский посол Кавгадый действовал с Юрием заодно без Узбекова приказа, как после сам признался Михаилу. Юрий начал войну с тверским князем точно так, как прежде Михаил начал войну с ним после первой поездки в Орду. Решения ханские не сдерживали междоусобий, не устанавливали отношений; когда Михаил вооруженною рукою воспротивился Юрию, то последний уступил ему великое княжение, причем не обратился к хану с просьбою о помощи на Михаила как на послушника, который вопреки ханскому ярлыку не отдает ему в. княжение, но обратился к другим князьям русским, чтобы соединенными силами низложить Михаила. Когда же и это не удалось, когда Михаил и здесь остался победителем, Юрий опять не обратился к хану, но, собрав новгородские полки, пошел тою же зимою на Михаила: соперник встретил его на Волге; Юрий опять отчаялся победить его и заключил мир, при котором оба князя условились идти в Орду и там решить спор: это было последнее средство, к которому прибег Юрий, ибо видел, что силою взять нельзя; при

том же мирном договоре было положено освободить пленных брата и жену Юрьеву⁵³²; но последняя умерла в Твери: разнеслась весть, что она была отравлена⁵³³.

Был ли Юрий уверен, что жена его точно отравлена, или хотел только воспользоваться этим слухом для пагубы противника, решить трудно; известно только то, что Михаил, испуганный, вероятно, следствиями кончины Агафиной и слухами о злобе Кавгадыя, отправил в Москву к Юрию посла Александра Марковича с мирными предложениями; Юрий не хотел теперь слышать о мире и велел убить посла⁵³⁴; после этого все было кончено между князьями, только смерть одного из них могла положить конец вражде.

Юрий отправился в Орду, надеясь всего более на Кавгадыя, которого теперь собственная безопасность заставляла искать гибели Михайловой: он должен был обвинить последнего, дабы оправдать свой поступок, свое участие в войне Юрия против тверского князя; он сам признавался Михаилу, что боится ханского гнева за это участие⁵³⁵. Михаил был обвинен пред ханом в следующих преступлениях: в том, что он был горд и непокорен, позорил посла Кавгадыя, сражался с ним и побил его татар; сбирал дань для хана и между тем брал ее себе и с казною своею хотел бежать к немцам, отправил уже сокровища свои к римскому папе и, наконец, уморил Юрьеву жену отравою⁵³⁶.

Сперва Михаил послал вместо себя в Орду сына своего Константина. Кавгадыю не хотелось видеть Михаила в Орде из боязни, что этот князь обнаружит перед ханом поведение его в России, и потому он уговаривал хана отправить войско на Михаила, говоря, что этот гордый ослушник никогда не явится в Орду⁵³⁷. Узбек согласился и велел было схватить Константина и уморить его голодом; но некоторые из приближенных, или благоприятствуя Михаилу, или будучи по крайней мере равнодушными, дали голос послать сперва за Михаилом и не делать Константину никакого зла, ибо, узнав о гибели сына, Михаил, разумеется, не пойдет в Орду⁵³⁸.

Хан послушался этого совета; посол его Ахмыл встретил тверского князя во Владимире и объявил ему зов ханский и необходимость послушаться этого зова; Михаил решился отправиться в Орду; тогда Кавгадый послал отряд монголов перенять в князя на пути и убить его⁵³⁹, но и это не удалось. Михаил явился в Орде. К его несчастью Узбек не имел охоты сам заниматься судом между русскими князьями; он только заставлял вельмож несколько раз следовать дело для большей достоверности⁵⁴⁰.

Кавгадый пересилил в суде, Михаил был обвинен и казнен, Юрий получил в княжение, но знал, что ярлык ненадежен, и потому старался принять другие меры. Прежде всего он пошел на

князя рязанского и принудил его к миру⁵⁴¹; обезопасив свои границы с этой стороны, он двинулся на тверского князя Дмитрия Михайловича и вынудил от него 2000 рублей серебра и обещание не домогаться великого княжения. Несмотря, однако, на это обещание, Дмитрий поехал в Орду и выхлопотал себе ярлык; есть известие, что он объяснил хану всю неправду Юрия и особенно Кавгадыя и что хан велел казнить последнего, а Дмитрию дал великокняжеское достоинство, узнав от него, что Юрий собирает ханскую дань и удерживает ее у себя⁵⁴².

Тверь взяла перевес: Юрий видел необходимость идти опять в Орду и упросил новгородцев проводить его туда, зная, что новгородские гривны имеют большой вес у хана⁵⁴³; но на пути из Новгорода Юрий был захвачен врасплох братом Дмитриевым Александром, казна его была отнята, он едва спасся во Псков, откуда опять возвратился в Новгород. Здесь граждане заставили его идти на немцев, тогда как злая тоска съедала сердце несчастного князя⁵⁴⁴; наконец явился посол из Орды и потребовал Юрия пред хана, тот повиновался.

Дмитрий Тверской знал, как опасно пускать соперника одного в Орду, и поспешил туда сам. Мы не знаем подробностей о встрече двух врагов; летописец говорит, что Дмитрий понадеялся на благоволение ханское⁵⁴⁵ и убил участника в убийстве отца своего. Узбека поразил этот поступок: он долго думал, наконец велел умертвить Дмитрия, но великое княжение отдал брату его Александру: след, Тверь не теряла ничего ни от смерти Михаила, ни от смерти Дмитрия; в третий раз первенство и, след., сила перешла к ее князю; но Тверь теряла все вступлением на братий стол Александра, а соперница ее Москва выигрывала тем перед нею, что место Юрия занял брат его Иоанн: две противоположные личности правителей в то решительное время, когда оба княжества были одинаково сильны и, след., ждали только одного внешнего, случайного обстоятельства для решения своего спора, две противоположные личности правителей были именно этою могущественною случайностию.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ОТ ИОАННА КАЛИТЫ ДО ИОАННА III

ГЛАВА I

ОБ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КНЯЗЬЯМИ ВООБЩЕ

Приступая к третьему отделу нашей истории, мы должны сделать то же самое, что сделали в начале первого ее отдела, именно: изложить те принятые правила, те обычные формы, которыми князья наши руководствовались в сношениях друг с другом; мы должны здесь снова приступить к этому изложению по следующим причинам: во-первых, потому что прежние родовые отношения князей, изложенные в первой главе первого отдела, значительно изменились, во-вторых, потому что в третьем отделе нашей истории, т. е. начиная с Иоанна Калиты, происходит важная перемена в источниках, из которых почерпаем мы известия о княжеских отношениях, а именно — вместо скудных, недосказанных известий летописи мы получаем богатое собрание духовных княжеских грамот и договоров⁵⁴⁶.

Князь, умирая, обыкновенно *приказывал* младших сыновей своих и княгиню старшему сыну; это слово: *приказывать* объясняется выражением, которое всегда следует за ним в духовных грамотах, а именно, что старший брат должен быть *печальником*, т. е. заступником, защитником младших. В договорах в. князя, или старшего брата, с младшими братьями, удельными князьями, они обязывались быть всегда за один, младшие клянутся чтить старшего брата *во отцово место*, держать его великое княжение *честно и грозно* и хотеть ему добра во всем. Братья должны иметь одних друзей и врагов; старший брат, или в. князь, не должен заключать ни с кем договоров (не доканчивать ни с кем) без ведома младших, и, наоборот, младшие не должны ни с кем сноситься без ведома старшего. Братья обязуются взаимно, услышав о чьих-нибудь вредных замыслах против одного из них, объявить о том немедленно *в правду, без примышления, по крестному целованию*. Если кто начнет посеять раздоры между братьями, *сваживать* их, то они не должны, поверя злым людям, держать нелюбье друг на друга, но исследовать дело, *учинить исправу*, и смутника казнить по исправе. Младшие

обязаны садиться тотчас на коня, как скоро в князь выступит в поход; если даже сам не пойдет, но пошлет одних удельных, то и тогда последние должны идти без ослушания. Если во время похода случится ошибка (просторожа) со стороны в князя, или со стороны удельных, или от тысяцкого великокняжеского, или от наместника удельных князей, то братья должны также исследовать дело, а нелюбья не держать друг на друга.

Бояре и слуги вольные имели право переходить от одного князя к другому не только между удельными князьями, но также от великого к удельным и наоборот, и за принятие отъезжих бояр князья обязывались не держать нелюбья друг на друга, ни на самих бояр. Если какой-нибудь князь, старший или младший, заведет тяжбу с боярином другого (будет чего искать на боярине), то оба князя высылают для исследования и решения дела по боярину (те тому делу учинят исправу); если же оба боярина не уладятся между собою (сопрутся), то должны положиться на решение третьего, кого сами изберут (ехати им на третий). Если боярин отъедет от одного князя с кормления, не отслужив службы, то получает кормленье только за то время, какое пробыл на службе, или, если хочет получить полное кормление, то должен остаться до окончания срока службы.

Касательно поместий встречаем в духовной Калиты следующее распоряжение: «А что есмь купил село в Ростове Богородичское, и дал есмь Бориску Ворькову, аже иметь сину моему которому служити, село будет за ним; не имели служити детям моим, село отнимуть».

Что же касается наследственных владений боярских, до отчин, то бояре могли иметь их в разных уделах, вследствие чего боярин, служивший у одного князя, мог жить в уделе другого, причем князья обязывались блюсти таких бояр, как и своих, и дань взяти как и на своих. Даже отъезжие бояре сохраняли свои отчины во владениях прежнего князя. Впрочем, князья понимали невыгоду подобного положения: через своего боярина, жившего в чужом уделе, князь мог удобно знать все, что делалось в этом уделе, такие бояре всего легче могли быть смутниками между князьями: притом всякому князю было неприятно видеть земли своего удела во владении слуг чужого князя, особенно в случае вражды с последним: вот почему князья обязывались в договорах, чтоб бояре не покупали сел в чужих уделах без позволения князей этих уделов. Однако это средство мало помогало, и боярские отчины постоянно были рассеяны по разным уделам, что происходило следующим образом: уделы несколько раз соединялись в одно княжество и потом снова разделялись; боярин Донского мог свободно покупать села на всем пространстве владений этого князя, но когда по смерти Донского его область разделилась на несколько уделов между его сыновьями, то села

боярина необходимо стали принадлежать к разным уделам. При этом ненадобно забывать также вышеозначенного обстоятельства, что отъезжие бояре сохраняли свои отчины во владениях прежнего князя.

Если в. князь посылал на рать своих воевод, то бояре его и дети боярские, жившие в уделах, должны были ехать с воеводою удельного князя того удела, в котором жили; и наоборот, бояре удельных князей, жившие в области в. князя, должны были ехать с воеводою последнего⁵⁴⁷. Но это положение является исключением в договорах, обыкновенно же имеет место следующее условие: «А где будет итьти нашим ратем, и хто живет в наших отчинах, и кто кому служит, тот с своим осподарем и едет. А где яз к. в. пошлю своего воеводу котораго города, а которые люди тебе служат того города, и тем людям итьти под твоим воеводою, а твоему воеводе итьти с моим воеводою, опрочь бояр введенных и путников; а хто служит мне в. князю, и жывет в твоей отчине, и где пошлем своих воевод, и тем людям итьти под моим воеводою, и твоим воеводам итьти с моими воеводами. А городная осада, где хто живет, тому туто и сидети, опричь бояр введенных и путников».

Здесь представляется вопрос, кто же эти были бояре введенные и путники, которые исключались из общей обязанности? Введенным наз. боярин, которого князь вводил во владение известным городом, известною областью; так, о Логгине Михайловиче Кикине говорится, что он был у в. к. Дмитрия Ивановича боярин введенный и города державец; держал города Волок и Торжок без отнимки⁵⁴⁸. Ясно, что боярин введенный не мог идти в поход с воеводою князя, ибо должен был оставаться в городе, ему вверенном, в управление которым он был введен; равно во время осады он не мог оставаться на том месте, где случайно жил, имея там собственность, но должен был спешить в свой город.

Теперь надобно решить, что такое боярин *путный*, или *путник*. *Путем* наз. право пользоваться чем-нибудь; так, старейший путь означал право старшего, или в., князя пользоваться гораздо большими доходами против младших братьев: «А сына своего князя Василья благословляю на старший путь в городе и в стенах моего удела двою жеребьев половина... А на старший путь сыну моему кн. Василью Василцево сто и Добрятиньская борть с селом з Добрятинским»⁵⁴⁹. Отсюда выражение: конюший путь, сокольничий, ловчий и т. д. Самым лучшим подтверждением сказанному могут служить следующие места с. г. г. и д. (т. I, стр. 76): «А дети мои брат в братень удел и в матери моей удел не въежжают на свою утеху, оприче того, аже ся *путь* получить поперег удела ехати», т. е. если получить право, позволение охотиться в чужом уделе. В Акт. юридич. (стр. 194): «И Сидору

на том жребииу двор поставить и землю распхать и огороды огородить, и впусте не покинут тое двенадцатые доли обежные; да в том ему и *путь дали*». На стр. 195 там же: «И Офонасью на том участки на верху жить, и двор поставить, и землю распхать, и огород городить, и впусте не покинуть, и в том ему на тот участок и *путь дал*».— След., боярин путный был такой боярин, который получил право пользоваться известною волостью, податями в известном городе и т. п.; дворецкий с путем был такой дворецкий, который получал известный доход в каком-нибудь городе или области: «А в *путь пожаловали велели ему* (кн. Львову Ярославскому) *дать и владети в Ярославле на посаде Ловецкими слободами; а оброчныя деньги с тех слобод имати на него боярина нашего и дворецкаго*» и пр.⁵⁵⁰

Почему путный боярин исключался также из общей обязанности идти с воеводою в поход и сидеть в осаде на том месте, где жил, объяснить можно двояким образом: 1) он должен был подобно введенному защищать то место, где имел *путь*; 2) должен был находиться при князе во время войны; был слишком знатен⁵⁵¹, чтоб становиться под знамена другого воеводы, ибо и после звание дворецкого с путем было чрезвычайно важно: простой дворецкий мог быть иногда ниже окольных, тогда как в дворецкие с путем жаловался всегда боярин за какие-нибудь отличные заслуги. То же самое разумелось и о других придворных должностях с путем⁵⁵².

Примеч. В некоторых договорах (напр., стр. 94) говорится о боярах вообще, что они не садятся в осаду в том месте, где живут: «и городная осада, где кто живет, туто тому и сести, опроче бояр и путников». Но вероятно здесь пропущено: введенных.

Боярин обязан был давать дань со своей отчины тому князю, в уделе которого она находилась; равно все судные дела подлежали тому князю, в уделе которого находилась отчина: «А судом и данью потянути по уделам, где кто живет». Или: «А судом и данью потянуть по земле и по воде; а на холопех дани не имати, на которых ключники целуют; а которых бояр и слуг села, а имут жити в вашей отчине, взяти вы на них дань и суд, как и на своих».

Бояре обязаны были данью не только с отчин, но даже с кормлений и путей; но эта последняя дань требовалась только в чрезвычайных случаях, т. е. при сильном запросе из Орды; в к. обыкновенно договаривался с удельными: «А *коли* ми взяти дань на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих также по кормленью и по путем, да дати ти мне». Иногда в. князь обязывает удельного в случае нужды доставить ему дань с известного числа бояр: «А *коли* нам взяти на своих боярех на путных, и тебе взяти на своих боярех на десяти»⁵⁵³.

По прекращении усобицы князья обязывались не держать нелюбья на боярах, служивших им в этой усобице. Иногда князья

взаимно обязывались не принимать к себе боярина, *вшедшего в коромолу* к одному из них⁵⁵⁴. Касательно князей служебных владетельные князья, великий со своими удельными, обязывались не принимать их в службу друг от друга с отчинами, в случае же если служебный князь отъедет от одного владетельного князя к другому, то лишается своей отчины, которая остается за тем князем, от которого отъехал.

Удельные, или младшие, князья имели свои жребии в главном городе княжества: так было в Московском в. княжестве, так было в Рязанском⁵⁵⁵, след., имеем право заключить, что так было и в остальных. Касательно земельной собственности и доходов с нее князья — старший и младшие были в своих уделах особными, полновластными, совершенно независимыми владетелями: князь, по выражению грамот, владел своим уделом с волостями и с погосты, с околицами, слободами, отъездными месты, станами, дворами городскими, селами, путми, лавками, дворами гостиными, торговыми, бортью, тамгою, пудом и померным, мытом, осмничим, оброки, со всеми пошлинами и со всем, что к нему потягло, также с прикупамы, промыслами и починками. Касательно слова: волость должно заметить, что оно означало всякое владение и пользование чем бы то ни было, напр.: «А из городских волостей даю княгини своей осмничее; а тамгою и иными волостми городскими поделаются сынове мои».

Князья обязываются взаимно в договорах: в уделы друг к другу не вступаться, приставов своих не всылать, судов не судить, дани не брать, грамот жалованных не давать, закладней и оброчников не держать, сел не покупать. В Москве для удобства князья пользовались доходами, или своими жеребьями, сменяясь по годам⁵⁵⁶; в Москве и других местах, подлежавших общему владению, сборщики податей (данщики), посылаемые удельными князьями, должны были собирать вместе с данщиками великокняжескими, а не порознь.

Касательно дворов, которыми удельные князья владели в Москве, встречаем следующее распоряжение в духовной Ивана III: «А что есмь подавал детям своим селца у Москвы з дворы з городскими на посадах: и дети мои в тех дворех торгов не держат, ни жытом не велят торговати, ни лавок не ставят, ни гостей с товаром иноземцов, и из Московские земли и из своих уделов в своих дворех не велят ставити; а ставятся гости с товаром иноземци, и из Московские земли и из их уделов на гостиных дворех, как было при мне; а дети мои у моего сына у Василья в те дворы в гостиные и в те пошлины не вступаются. А кто учнет в детей моих селцех и в дворех в городных торговати съестным товаром: и сын мой Василей тех торгов не велит сводити, а пошлину полавочную с них берет сына моего Васильев прикащик, как было при мне».

Торгов, или ярмарок, князья не могли переводить (сводить) из одного удела в другой, не могли запретить купцам своих уделов ездить на торги, находившиеся в чужих владениях. Иван III говорит в завещании: «А что есмь свел торг с Холопья городка на Мологу, и тот торг торгуют на Молозе съезжаяся; как было при мне; и сын мой Дмитрий емлет пошлины, как было при мне, а лишних пошлин не прибавливает ничего; а сын мой Василей и мои дети того торгу на свои земли не сводят, не заповеди в своих землях не чинят к тому торгу ездити».

Касательно народонаселения, князья в своих договорах делят его на два разряда, народонаселение свободное и несвободное. Из первого в духовных и договорах княжеских упоминаются: во 1) граждане, люди городские, преимущественно торговые, гости и суконники; касательно московских граждан князья обыкновенно заключают следующее условие: «А гости и суконников и городских людей блюсти ны с одного, а в службу их не примати». Рать, набранная из московских граждан, ходила в поход особо под своим тысяцким, а по уничтожении этого сана — под особыми воеводами великокняжескими, и князья обязывались не принимать московских ратников в свои дружины: «А московская рать хто ходил с воеводами те и нонеча с воеводами, а нам их не примати». «А московская рать ходит с моим воеводою великого князя, как было переже сего». 2) *Черные люди*, свободные граждане, не принадлежавшие ни к какому известному, определенному разряду; касательно их князья обязывались: «Тых в службу не примати, но блюсти их с одного, а землю их не купити». Подобное же обязательство существовало и относительно 3) *численных людей*, или *числяков*. Численными они назывались потому, что подлежали числу, т. е. поголовной переписи для платежа дани: дань в это время, несмотря на монгольскую перепись, взималась не с души, но с капитала, с приравнением всех промыслов к сохе; те же люди, которых занятия не были приравнены к сохе, подлежали поголовной подати, числу⁵⁵⁷. 4) Ордынцы и делюи. Под именем первых разумелись пленники, выкупленные князьями из Орды; под именем вторых — деловые, мастеровые люди; касательно их князья обязывались: «А что наши ординцы и делюи, а тымь знати своя служба, как было при наших отцех, а землю их не купити». Подтверждением сказанного мнения об ордынцах служит следующее место из договора Симеона с братьями: «А которые люди по нашим волостем выиманы нын... воины... нам к себе не примати: а которых людей отец наш к. в. выимал из... (т. е. из Орды) в службу, те так и знают свою службу, в которую кто уряжен, а нам их к себе не примати»: распоряжение, совершенно одинакое с приведенным распоряжением об ордынцах. 5) *Слуги, которые потягли к дворскому, кто будет под дворским слуг*. Они отличаются от слуг вольных,

которые подобно боярам имели право отъезда: «А бояром и слугам, кто будет не под дворьским, вольным воля»⁵⁵⁸. «А кто будет под дворьским слуг, тех дети мои промежи себя не принимают, ни от сотников; а кто тех выйдет из уделов детей моих и княгини моей, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чей будет удел». След., слуги вольные подобно боярам и детям боярским могли отъезжать от одного князя к другому, удерживая свои земли, а слуги под дворским теряли их посредством отъезда, ибо эти земли были данные от князей. Земель, этим слугам принадлежащих, равно как земель, черным людям принадлежащих, князья обязывались не покупать⁵⁵⁹.

В духовных завещаниях князей упоминаются люди несвободные, доставшиеся князю разным образом и приставленные к разным должностям в княжеском хозяйстве, которых князья делили между собою. Так, упоминаются бортники и оброчники купленные. Калита пишет в завещании: «А что моих бортников и оброчников, которые в котораго (т. е. сына) росписи, то того; а что мои люди купления в великом свертце, а теми ся поделять сынове мои». Деловых же людей и отправлявших разные почетные службы князья обыкновенно перед смертью отпускали на волю⁵⁶⁰. Князья обыкновенно обязывались в договорах не покупать в Москве человека с двором; обязывались также не замышлять *выводов*, т. е. не выводить, не переманивать народа из чужих уделов.

Касательно торговли между уделами князья обязывались не замышлять рубежа, обязывались держать мыты старые, пошлые, и новых мытов не замышлять, ни пошлин: «а мыта с воза и в городех всех пошлин денга, а с пешохода мыта нет; а тамги и всех пошлин от рубля алтын, а с лодьи со дски по алтыну, а с струга с набой по два алтына, а без набой денга». Ладьи в князей освобождались от пошлин: «а со князей великих лодей пошлин нет»⁵⁶¹.

Касательно спорных дел между самими князьями, между подданными разных уделов и касательно судопроизводства в Москве, в которой имели участки все родичи, в договорных грамотах встречаем следующие положения: «А которая дела учиняться межю нами, и нам отослати своих бояр, ини переговаряться; а о чем сопруться, ини едут к митрополиту; а не будет митрополита в сей земле, ине на третей, кого себе изберут: а которые бояре умолвят (в др.—и котораго князя бояр умолвят, т. е. котораго князя бояр убедят в неправде их дела), то подоймет князь, котораго умолвят (в др.— тот князь подыметь), а бояром вины нет».

Касательно распрей между подданными разных уделов: «А даному, положенному, поручному, заемному, кабалному, холопу, робе суд по исправе; а татя, разбойника, душегубца, рубежника (кто сведет, переменит рубеж), беглеца по исправе выдати.

А пошлина за беглеца с семьи 2 алтына, а с одинца алтын. А суженаго не посужати; а суд нам держати межи своих отчин по старен, в правду, бес перевода». В. князь договаривался с удельным: «А буду опроче Москвы, а ударить ми челом москвитин на москвитина, пристава ми дати, а послати ми к своим наместником, ини исправу учинять, а твои наместники с ними: а ударит ми челом хто из в. княженья на москвитина на твоего боярина, и мне пристава послати по него, а тебе послати за своим своего боярина. А ударит ми челом мой на твоего, хто живет в твоём уделе, и мне послати к тебе, и тебе ему исправа учинити: а ударит ти челом твой на моего, хто живет в моем уделе и в. княженьи, и тебе послати ко мне, и мне ему исправа учинити; а за ними слати нам своих бояр». В случае несогласия судей с обеих сторон назначался третейский суд: «А о чем судьи наши сопрутся, ини зовутся на третей, а берут себе третьего из моих бояр в. князя дву бояринов, а ис твоих, брате, болшого боярина одного, а воименует третьего тот, хто ищет, а тот берет, на ком ищут: а не изберут себе судьи третьего ис тех трех бояринов, ино им третий яз князь велики, ини придут перед меня перед в. князя, и мне им велети брати ис тех же трех бояринов третьего, на которых ся звали; а не всхочет тот, на ком искали, ис тех трех бояринов третьего, на кого ся звали, и мне в. к. того обвинити, и велети на том доправити». Третий не мог назначаться из другого в. княжества, напр., если дело шло между подданными уделов Московского в. княжества, то третий не мог быть избран из Рязанского в. княжества⁵⁶². Касательно московского суда в. князь договаривался с удельным: «А судов ти московских без моих наместников не судити, а яз иму московский суд судити; тем ми с тобою делити». Или: «А городьских судов и станowych, что к городу тянет, того ми без твоего наместника не судити; ни тебе без наших наместников не судити»⁵⁶³.

Относительно ханов в. князь предоставлял себе исключительное право *знать Орду*, т. е. удельные князья должны были давать ему со всех уделов дань, которую он и отвозил в Орду. Издержки ордынские, которые поднимали все князья сообща, были следующие: 1) *ордынская тягость*, т. е. количество денег, даваемое в выходе, или дань; это количество денег определялось или в завещаниях князей при распределении уделов между сыновьями, или в последующих договорах между братьями, напр., Донской пишет в завещании: «А коли детям моим взяти дань на своей отчине, чем есмь их благословил, и сын мой князь Василий возмет с своего удела с Коломны и со всех коломенских волостей триста рублей и сорок и два рубли. А князь Юрьи возмет с Звенигорода и со всех звенигородских волостей двесте рублей и семьдесят рублей и два рубли. А князь Андрей возмет с Можайска» и т. д. Так как количество выхода не было определено, а зависело

или от прихоти ханов, или от различных отношений к ним в. князей, то, след., и количество дани с уделов должно было изменяться; вот почему в договорах князя обыкновенно прибавляют: «а прибудет ли убудет ли, ино по розочту». Уже начиная с Димитрия Донского встречаем постоянно в договорах условие, что если Бог освободит от Орды и не будет более выхода, то деньги, собираемые с уделов, будут идти в казну их князей. С словом *дань* в договорах постоянно соединяется другое слово — *ям*: «дань и ям, а коли придет дань или ям»; «а дань и ям давати ти мне с своее отчины из Галича с волостями по давному... а переменит Бог Орду, не иму давати татаром, и тебе имати дань и ям с своее отчины собе»⁵⁶⁴. Как *дань* происходит от *давать*, так *ям* происходит от *имать*, *емлю*.

2) *Протор*, издержки, употребляемые в. князьями для поездки в Орду, подарков хану, ханшам, князьям ордынским и мурзам, для приема послов и т. д. Когда между в. князем и удельным было нелюбие и последний принужден был выезжать из своей отчины и не пользовался доходами с нее, то по заключении мира удельный князь выговаривал, чтоб с него не брать татарских проторей, которым подвергался в. князь во время отсутствия удельного из отчины своей. Равно удельный князь не обязан был участвовать в тех татарских проторях, которые в. князь понес для получения ярлыка на собственные примыслы; и наоборот, в. князь не участвовал в издержках удельного, которые тот понес для примыслов к своему уделу⁵⁶⁵.

3) *Долг*. Часто в. князья для удовлетворения требованиям из Орды должны были занимать деньги; долг разделялся на бесерменский, т. е. деньги, занятые в самой Орде у купцов бесерменских и вообще у иностранцев, и долг русский, деньги, занятые у русских подданных⁵⁶⁶. Но когда прекратилась ордынская тягость, и тогда в. князья не переставали требовать с удельных денег не в выход уже, но для содержания служебных татарских царевичей.

Касательно татарских нашествий и завоеваний в договорах и духовных грамотах встречаем условие: если татары отнимут у одного из братьев какую-нибудь волость, то должен иметь место новый дележ для вознаграждения князя, потерявшего волость.

При заключении мирных договоров между князьями одного в. княжества имели место следующие условия: все взятое в неприятельском уделе во время розмирья возвращалось сполна, кроме съестного и пограбленного во время битвы и у пленников; если же взявшие не отдавали добровольно, то имели место суд и исправа⁵⁶⁷. Пленники также возвращались без выкупа; если они были отданы на поруки, или даны были на них кабалы, или взято с них крестное целование, то поруки сводились, кабалы уничто-

жались и крестное целование снималось. Иногда в. князь требовал, чтоб удельный выкупил пленников, проданных за границу княжества, и возвратил их ему⁵⁶⁸. Управление наместников и волостей, сидевших в областях, отнятых в неприятельском уделе, долженствовало по заключении мира быть предано рассмотрению, и если окажется, что они взяли что-нибудь несправедливо, то должны возвратить⁵⁶⁹. Иногда, впрочем, князья условливались, чтоб все пограбленное во время войны было предано с обеих сторон забвению⁵⁷⁰.

В заключение мы должны обратить внимание на положение женщины в княжеском семействе касательно владения собственностью. Умиравший князь обыкновенно завещал вдове своей известные волости *до ее живота*, а по смерти ее эти волости переходили или к старшему сыну, или к тем сыновьям, из уделов которых они были выделены. Но в каждом уделе были села *княгининские пошлые*, постоянно назначавшиеся на содержание жене князя; эти села по смерти князя находились во владении у вдовствующей княгини до тех пор, пока старший сын ее женится, и тогда она должна была передать их своей снохе⁵⁷¹. Кроме сел княгининских пошлых и волостей, которые князь давал княгине своей до ее живота, он давал ей иногда волости в полное владение с правом распоряжаться ими как хочет, завещать их кому хочет: такие волости назывались *оприщинною*⁵⁷². Равно княгиня могла покупать волости или делать примыслы и этими примыслами располагать по произволу⁵⁷³. Во всех своих участках княгиня была полною, независимою владительницею. пользовалась всеми теми правами, какие имели и удельные князья⁵⁷⁴. Все князья-братья сообща должны были заботиться о боярах княгини матери своей⁵⁷⁵.

ГЛАВА II

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИОАННЕ КАЛИТЕ

Иван Калита Московский продолжает поведение брата своего Юрия, т. е. будучи проникнут господствовавшею в то время мыслию — усилить во что бы то ни стало свое княжество на счет других, он примышляет к своему владению земли, делает это с меньшим насилием, но не с меньшею пользою и прочностью. Кто приобретает, тот дорожит своим приобретением и не рискует им; такой характер бережливого хозяина, который трепещет за свою собственность, за свои приобретения и потому избегает мер решительных, был необходим в наших князьях вследствие нового

порядка вещей, именно вследствие понятия о собственности, вследствие того, что все северные князья были собственниками: отсюда этот хозяйственный характер, господствующая мысль о приобретении и сбережении, избежание решительных мер, которые отличают большинство северных князей, и преимущественно князей московских, от Даниила до Иоанна III, последнего князя-хозяина и первого государя.

Разумеется, что такой хозяйственный характер северных князей лишен той прелести, того блеска и благородства, которыми отличался характер князей южных, героев, предводителей дружин, которые не собирали себе ни золота, ни серебра, но все раздавали дружине — и расплодили Русскую землю. Точно, наши древние князья своею отвагою, своею беспокойною деятельностью расплодили Русскую землю, наметили границы ее европейской государственной области, неутомимо пробегая ее пустынные пространства, строя города, прокладывая пути через леса и болота, населяя степи, соединяя расточенное народонаселение: но здесь и оканчивается их благодетельная деятельность, ибо прочности, крепости всему этому они дать не могли по своему характеру; для этого необходим был хозяйственный характер северных князей — собственников. Южные князья до конца удержали прежний характер, и Южная Русь веками бедствий должна была поплатиться за это и спаслась единственно с помощью Северной Руси, собранной и сплоченной умным хозяйством князей своих.

Я сказал, что большинство северных князей отличалось этим хозяйственным характером; были исключения: к ним принадлежал Александр Михайлович Тверской, князь храбрый и благородный, но далеко не предусмотрительный и покорный первому внушению. Такой соперник не мог быть опасен Калите, и торжество Москвы было бесспорно; но еще прежде Иван постарался упрочить это торжество.

В 1299 году митрополит Максим оставил опустошенный Киев, где не мог найти безопасности, и перешел на жительство во Владимир. Последний город был столицею великих, или сильнейших, князей только по имени, каждый из них жил в своем наследственном городе: однако пребывание митрополита во Владимире при тогдашнем значении и деятельности духовенства сообщало этому городу вид столицы более, чем предание и обычай. После этого ясно, как важно было для какого-нибудь города, стремившегося к первенству, чтоб митрополит утвердил в нем свое пребывание: это необходимо давало ему вид столицы всея Руси, ибо единство последней поддерживалось в это время единым митрополитом: мало того, способствовало его возрастанию и обогащению, ибо туда со всех сторон стекались лица, имевшие нужду до митрополита, как в средоточие церковного управления;

наконец, митрополит необходимо должен был действовать постоянно в пользу того князя, в городе которого имел пребывание.

Калита умел⁵⁷⁶ приобрести расположение св. митрополита Петра, так что этот святитель жил в Москве больше, чем в других местах⁵⁷⁷, умер и погребен в ней. Гроб св. мужа был для Москвы столь же драгоценен, как и пребывание живого святителя; выбор Петра казался внушением Божиим; разнеслось пророчество его о будущем величии Москвы, и новый митрополит Феогност уже не хотел оставить гроба и дома чудотворцева; другие князья хорошо видели важные последствия этого явления и негодовали⁵⁷⁸, но помочь было уже нельзя.

В то время как московский князь сделал в престоле митрополичьем такое приобретение для своего княжества, которое было важнее многих областей, Александр Тверской легковерием своим погубил себя и все княжество.

В 1327 году явился в Тверь посол ханский именем Шевкал, или Шелкан (как называют его наши летописцы), племянник Узбека, и по обыкновению всех послов татарских позволял себе и людям своим всякого рода насилия. Вдруг в народе разнесся нелепый слух, что Шевкал хочет погубить в. князя со всем семейством, а жителей обратить в магометанство.

Я назвал этот слух нелепым, ибо татары отличались веротерпимостию, необыкновенным уважением ко всякой чужой религии и никогда не были ревнителями магометанства. Известно, что они получили от Чингисхана предписания, носящие имя Тунджин, или Яса-Намэ, т. е. Книги Запретов, где Темучин предписывал терпимость и уважение ко всем религиям вообще. Вследствие этого монгольские ханы были всегда окружены людьми всех вер, которые свободно отправляли свое богослужение; в Сарае Русская церковь имела свое епископство; русское духовенство пользовалось большими правами, данными ему от ханов. Узбек, по приказу которого должен был действовать Шевкал, покровительствовал христианам в Кафе, позволил католическому монаху Ионе Валенсу обращать в христианство ясов и другие народы по берегу Черного моря; он же, как видели, выдал сестру свою за Юрия Московского и позволил ей креститься⁵⁷⁹.

Из всего приведенного легко усмотреть, как неоснователен был слух, разнесшийся в Твери о намерениях Шевкала; но Александр вполне ему поверил; он созвал граждан, вооружился и пошел на Шевкала, целый день бились с остервенением, к вечеру тверичи одолели, Шевкал бросился в дом князя Михаила, где был сожжен вместе с остальными татарами, даже купцы восточные, пришедшие с ними, были истреблены⁵⁸⁰.

Можно было предвидеть, что Узбек не оставит этого дела без мести. Зная соперничество между князьями тверскими

и московскими, зная также лично Ивана, который уже бывал в Орде, хан послал за ним⁵⁸¹. Калита понял, об чем идет дело, и отправился немедленно; понял свое положение и несчастный Александр и послал в Новгород просить убежища; новгородцы отказали сыну злейшего врага своего и приняли наместников Калиты, которого братья так ревностно бились за их выгоды⁵⁸².

Иван возвратился из Орды с 5 темниками (50 000 войска), присоединил к себе князя суздальского и пошел на Тверь. Вся область была страшно опустошена, и это опустошение было одною из причин, почему Тверь после не могла успешно бороться с Москвою⁵⁸³. Александр убежал во Псков, братья его — в Ладогу.

Опустошив Тверское княжество, Иван отправился в Орду. Однако хан не был доволен одним опустошением Александровых областей: он отдал их брату его Константину (доказательство, что татары ничего не переменяли из старого), а Калите велел отыскать Александра и прислать в Орду. Вследствие этого приказа Калита вместе с другими князьями — тверским и суздальским и с новгородцами двинулся ко Пскову; послы в князя и В. Новгорода явились к Александру с убеждениями идти в Орду; «лучше тебе одному пострадать, чем губить всю Русскую землю», — говорили они. Александр отвечал горькими словами: «Правда, я должен пострадать за всех; но и всем вам надобно бы было единодушно стоять друг за друга, за Русскую землю и за православие, а вы вместо того наводите татар и братию свою предаете им»⁵⁸⁴.

Благородные псковитяне не могли стерпеть, чтоб Александр пошел от них на явную смерть; сдружившись с опасностью в беспрестанных битвах с немцами и литвою, псковитяне приобрели это благородство, это высокое умение жертвовать благому делу собственною корыстью и спокойствием; они сказали Александру: «Не ходи в Орду за напрасною смертью, но сиди во Пскове, а мы все за тебя головы свои сложим». Тогда союзные князья начали советоваться, как помочь делу: им страшна была решительность псковитян, им страшны были соседние немцы, с которыми в крайности псковитяне могли соединиться⁵⁸⁵; наконец придумано было средство: князья уговорили митрополита Феогноста наложить церковное запрещение на псковитян. Тогда Александр объявил на вече, что не хочет подвергать граждан святительскому проклятию, и удалился в Литву. Союзные князья были довольны таким окончанием дела и оставили псковитян в покое.

Пробыв полтора года в Литве, Александр снова явился во Пскове, и граждане объявили его князем своим⁵⁸⁶. Но Александр не мог обещать себе безопасности во Пскове, ни псковичи иметь

самостоятельного князя с одними своими силами, и потому решились признать зависимость от могущественного уже тогда Гедимины, князя литовского. Чтоб разорвать совершенно связь с Новгородом, псковитяне с Александром и Гедимином хотели иметь особого епископа, на что, однако, митрополит Феогност никак не хотел согласиться⁵⁸⁷.

10 лет княжил Александр во Пскове, но тосковал по своей родной Твери, особенно видя, что Псков по формам своего быта не мог быть наследственным княжеством для сыновей его; касательно же родной области он знал старой обычай, что дети изгнанного князя лишаются наследства⁵⁸⁸. В 1337 году Александр явился в Орде, удостоверившись прежде чрез сына Феодора, что есть надежда на прощение. Ханы любили тщеславиться великодушием, благосклонно принимали и отпускали славных князей русских, Даниила Галицкого, Александра Невского, тогда как гибелью их могли более укрепить свое господство в Руси; Узбеку приятно было видеть русского князя, смелого истребителя татар, теперь покорно молящего о милости. Слова Александра, отзывавшиеся восточными понятиями, были способны тронуть варвара. «Я сделал много зла тебе,—сказал ему тверской князь,—но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что Бог возвестит тебе»⁵⁸⁹. Узбек сказал окружавшим: «Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти» и позволил ему возвратиться в Тверь снова на великокняжеский (т. е. тверской) стол; брат его Константин не смел ослушаться хана и уступил княжество.

Возвращение Александра служило знаком к возобновлению борьбы между Москвою и Тверью; непримиримая родовая вражда не могла уснуть в Александре. Скоро встречаем в летописи известие, что тверской князь не мог поладить с московским и не заключили они между собою мира⁵⁹⁰. Еще прежде видим, что бояре тверские отъезжают от Александра к Ивану⁵⁹¹. Последний видел, что спор мог кончиться только гибелью одного из них, и решился предупредить противника. В 1339 году Калита отправился с 2 сыновьями в Орду, и тотчас Александр получил приказ явиться туда же; этот зов последовал *думою* Калиты, говорит летопись⁵⁹². Александр предпочел смерть вторичному изгнанию, отправился в Орду и был там убит вместе с сыном⁵⁹³. Иван остался без соперника.

Мы видели, что князья хорошо понимали, к чему поведет усиление одного княжества на счет других при исчезновении родовых отношений, и потому старались препятствовать этому усилению, составляя союзы против сильнейшего. Что предугадывали они, то и случилось. Московский князь, ставши силен и без соперника, спешил воспользоваться этою силою, чтоб примыслить сколько можно более к своей собственности. Начало

княжения Калиты было, по выражению летописца, началом насилия для других княжеств, где московский собственник распоряжался своеволью.

Горькая участь постигла знаменитый Ростов Великий; три раза проиграл он свое дело в борьбе с презренными пригородами, и хотя после перешел как собственность, как опричина в род старшего из сыновей Всеволодовых, однако не помогло ему это старшинство без силы: ни один из Константиновичей Ростовских не держал стола великокняжеского, ни один, след., не мог усилить свой наследственный Ростов богатыми примыслами, и скоро старейший из городов северо-восточных должен был испытать насилия от младшего из пригородов «Отъялась от князей ростовских власть и княжение, имущество, честь и слава!»⁵⁹⁴ — говорит летописец. Приехал с Москвы боярин именем Василий, прозвищем Качева, да с ним еще другой — Миняй, и не было конца гонениям, которые должны были претерпеть от них граждане: самые первые бояре не были пощажены, и многие из них должны были выселиться из родного города⁵⁹⁵.

Историк не может принять вполне этого известия: он слышит здесь только один голос обвиняющий и, не имея оправданий со стороны обвиненного, не может приступить к суду беспристрастному. Впрочем, насилий со стороны Москвы не могло не быть, ибо не могло быть добровольного, тихого подчинения старых, независимых княжеств одному из самых младших городов.

Со стороны утесненных князей также не обошлось без сопротивления. Так, в. к. встретил врага в зяте своем Василии Давидовиче Ярославском, который, видя, какою гибелью грозит усиление Москвы другим княжествам, взял сторону Александра Тверского и помогал ему в Орде⁵⁹⁶. Чем кончилась эта вражда, неизвестно; знаем только, что Василий был вызван ханом вместе с Александром, но что возвратился благополучно из Орды и пережил Калиту. По смерти Александра и Тверь не избежала насилий Москвы: так, в 1338 году Калита велел снять от св. Спас колокол и привезти в Москву⁵⁹⁷.

В 1340 году умер Калита⁵⁹⁸. Знаменитый хозяин, богатый собственник, он должен был распорядиться своею собственностью, своими примыслами, оставить завешание. И точно, до нас дошли две духовные грамоты Ивана Даниловича, обе писаны в 1328 году⁵⁹⁹. Все братья Калиты, которых было четверо⁶⁰⁰, умерли прежде него и без потомства; след., он мог приказать сыновьям своим все Московское княжество со всеми старыми примыслами. Между 3 сыновьями и женою поделил Калита свое движимое и недвижимое имение: старшему Семену отдано 26 городов и селений, в числе которых примыслы Юрия Даниловича — Можайск и Коломна; второму сыну, Ивану, — 23 города и селения, из них главные Звенигород и Руза; третьему, Анд-

рею,— 21 город и селение, из них известнее Серпухов; княгине с меньшими детьми — опять 26. Здесь замечательно, что величина уделов следует старшинству; след., самый старший и материально сильнее, притом города его значительнее, напр., Можайск был прежде особым княжеством; притом княгиня вдова, как увидим из последующих завещаний, пользовалась уделом своим по жизнь, а по смерти ее он переходил к старшему же сыну⁶⁰¹.

ГЛАВА III

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ СИМЕОНЕ ГОРДОМ

По смерти Калиты все русские князья отправились в Орду; хан объявил Симеона Московского в князем владимирским; благодаря усилению Москвы это уже не был теперь пустой титул, но чего опасались князья еще со времен Мстислава Храброго, то исполнилось: они перестали быть родичами и стали подручниками: «и все князи русские под руце его даны»⁶⁰².

Мы видели, что с уничтожением родового единства все старшие князья отдельных родов необходимо принимают титул великих, который именно и означал только старшего в известном роде; Симеон, князь московский и владимирский, взяв под свои руки всех других князей великих, называет уже себя в князем всея Руси и таким образом отделяет родовые понятия от государственных, оставляет другим князьям название великих, но себе берет титул начальника не рода княжеского, но всей Русской земли, государства. И прежние сильные духом в князья повелевали младшими, которые должны были ездить подле их стремена и приходиться по первому зову, но тогда они повиновались как дети отцу; теперь в князь Симеон требует безусловного повиновения, но требует как государь, и тяжело было для князей подобное повиновение: они прозвали Симеона Гордым. Есть известие⁶⁰³, что Симеон, созывая князей для известных целей своих, напоминал им, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья беспрекословно повиновались старшему, и что теперь только таким же беспрекословным повиновением ему, Симеону, они могут надеяться освобождения от татарского ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношениями, знали, к чему поведет такая покорность. Говорят⁶⁰⁴, что Симеон и личным характером своим был способен возбудить почтение, умел остерегаться от того гнусного порока, который был тогда общим, от пьянства, и не терпел его в других; ненавидел

крамолу и неправду и строго наказывал за них; он умел приобрести уважение и тем, что, довольный богатым наследством, не собирал всякими средствами имения, но расточал его на выкуп пленных; мало того, Симеон хотел показать князьям, что они могли только выиграть, признав себя его подручниками, так, напр., исходатайствовал в Орде для разоренного тверского княжения свободу не платить дани монголам⁶⁰⁵.

Княжение Симеона необыльно событиями: при нем не было сильных междоусобий, ибо князья не могли тронуться из страха пред в. князем всея Руси; при нем не было татарских нашествий, ибо ханы и князья ордынские чтили молодого, но умного князя московского: 5 раз ходил Симеон в Орду и всякий раз приходил оттуда «со мною честию и с пожалованием». Только в 1351 году летописец упоминает о походе Симеона к Смоленску, кончившемся скорым миром; причины неизвестны: вероятно, смоленский князь не хотел признать себя подручником московского⁶⁰⁶.

Я сказал, что в княжение Симеона Русь не испытала ни кровавых усобиц, ни татарских нашествий; но зато в 1352 году явилась страшная язва под именем черной смерти, которая опустошила русские области сильнее, чем междоусобия и монголы; в 1353 г. она поразила в Москве митрополита Феогноста, самого в. князя, двоих сыновей его и брата Андрея Ивановича. Симеон умер еще очень молод, 36-ти лет; он также оставил завещание, в котором отказал удел свой и все движимое и недвижимое имущество жене, по смерти которой все это перешло к брату Симеонову в. князю Ивану Ивановичу: это явление важно в том отношении, что два удела Московского княжества соединились в один и таким образом сделали в. князя Ивана вдвое сильнее. Третий сын Калиты Андрей умер в одно время с Симеоном, и уже по смерти его родился сын, знаменитый после Владимир; по новому понятию об отдельной собственности послерожденный младенец вполне получил удел отца своего, но, разумеется, не мог иметь притязаний на удел дяди Симеона⁶⁰⁷.

В завещании Симеона любопытно следующее наставление братьям, из которого оказывается оседлость бояр вследствие нового порядка вещей, явление старых отцовских бояр, которых мы так мало видим прежде⁶⁰⁸: «А по отца нашего благословенью, что нам приказал жити за один, такоже и яз вам приказываю своей братьи жити за один; а лихих бы есте людей не слушали, и хто иметь вас сваживати, слушали бы есте отца нашего владыки Олексея, также старых бояр, хто хотел отцо нашему добра и нам. А пишу вам се слово того деля, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла».

Еще замечательнее для нас другая грамота, оставшаяся от княжения Симеона,— это договор его с братьями. Теперь, когда

родовая связь рушилась, являются договоры даже между родными братьями, знак, что они уже не смотрят более на себя, как на братьев, уже не верят родственному союзу, видят друг в друге отдельных владельцев. Нас не обманут здесь выражения из мира прошедшего: так, в начале договора младшие братья обещают чтить Симеона «во отцево место». Младшие родичи постоянно требуют поддержания прежних родовых отношений, мы увидим, что они будут требовать этого до самого пресечения Рюриковой династии; но уже то одно обстоятельство, что они заключают договор со старшим, показывает тщету их требований.

Прежде князья не иначе называли друг друга, как брат, отец, сын: в нашем договоре младшие братья, обещая, что будут иметь Симеона во отцево место, не смеют, однако, или не хотят, или, скажу более, не умеют назвать его: *отче*, но: *господине, князь великий!* Младшие братья более всего толкуют о собственности, о своем участке, чтобы старший не обидел, чего не отнял у них, также: «кто из нас что примыслил или прикупил, или кто по семь что кто прикупить или примыслить чужее (к) своим волостем, и того блюсти, а не обидети». Каждый, след., предоставляет себе право действовать отдельно, прикупать и примышлять собственно для себя, к своему участку.

Показав отношения в роде Калиты, мы должны обратиться к другим родам княжеским, в которых происходят также любопытные явления. По смерти Александра Тверского стол его занял по-старому брат Константин Михайлович; но если племянники, по-новому, не медлили вооружиться против дядей, то и последние, с своей стороны, спешили предупредить племянников: так, Константин Михайлович начал теснить вдову Александрову и сына Всеволода Холмского; замечательно средство, избранное им для этого угнетения: он угнетал бояр и слуг их. Всеволод Александрович, не могши сносить этого, ушел сперва в Москву к Симеону, а потом в Орду; Константин отправился за ним вслед туда же, но умер прежде решения дела. Всеволод получил ярлык; но другой дядя (четвертый), Василий Михайлович Кашинский, не захотел подчиниться племяннику; в отсутствие последнего он захватил дани в Холмском уделе и отправился с ними к хану в надежде золотом перебить ярлык у Всеволода; на дороге оба соискателя встретились, и племянник ограбил дядю, след., сделал поездку его в Орду невозможной⁶⁰⁹. Можно догадаться, что вражда между тверскими князьями этим не кончилась: «И сотворися межи ими нелюбие, и мало кровопролития не бысть межи их, а людем тверским (сотворися) тягость, и мнози люди тверския того ради настроения разыдошася»⁶¹⁰.

В 1348 году тверскому епископу Феодору удалось примирить князей; тронутый его увещаниями, племянник уступил великое княжение дяде (четвертому!): «И приеха во Тверь князь Василей

Михайлович на великое княжение, и нача жити с братаничем своим со князем Всеволодом Александровичем Холмским тихо, и кротко, и мирно; в любви мнозе. И поидоша к ним людие отвсюду во грады их, во власти и во всю землю Тверскую, и умножишась людие и возрадовашась радостию великою»⁶¹¹.

Я нарочно привожу собственные слова летописца, дабы показать, в каком брожении находилось тогда общество: когда князья начинают ссориться, люди стремятся вон из их области; когда мирятся, приходят снова, кочуют из одного княжества в другое; ясно, какие огромные толпы людей бездомных должны были образоваться в это время, которые привыкли к жизни кочевой, к бездомовью, ко внеобщественному положению: отсюда усиление казачества. Ясно также, что при этих непрерывных насилиях и от своих, и от чужих народ отвыкал от собственности, от удобств жизни, скрывал имущество, становился сам скрытным и диким; женщина, спасаясь от оскорбления, запиралась в отдаленные покои, не выходила из дому, не по восточному, не по греческому обычаю, но единственно вследствие необходимости скрыться от оскорблений; женщины дичали, запертые в теремах, мужчины дичали вследствие их отсутствия,—и между тем так сильна была общественная связь, в основании которой лежало христианство, что, несмотря на все препятствия, общество не распалось, но претерпело до конца и спаслось. Даже в самых бедствиях, описанных нами, которые принуждали граждан к беспрестанным переселениям, были свои выгоды для общества: эти переселения, эти движения уничтожали местные, областные различия, областные народности, уничтожали враждебные отношения между жителями разных княжеств; вот одна из причин, почему разные княжества так легко примкнули к Московскому, почему сопротивление было только со стороны князей, никогда со стороны народонаселения.

Любовь и мир между дядею и племянником были непродолжительны; как скоро в 1351 году Василий Михайлович получил подтверждение от хана, так начал опять теснить племянника: «и нача братанича своєю обидити чрез докончание, и бояр его, и слуг его тягостию данною оскорбляти, и бысть межи их неимоверство и нелюбие, по бесовскому злодейству»⁶¹².

Посредничество св. митрополита Алексея не помогло несчастному Всеволоду, равно как и поездки в Орду; он был выдан ханом дяде: «И бысть князю Всеволоду от дяди его томление велие, покаже (?) и бояром его и слугам, и продажа, и грабление велие на них; также и черным людем данная продажа велия»⁶¹³. Подобные отягощения были для сильных князей самым лучшим средством принуждать области слабых князей к отложению от них, что увидим и после.

Не одно, впрочем, Тверское княжество было сценою подобных явлений: они повторялись везде, ибо везде родовая связь руши-

лась, и каждый князь стремился к усилению себя на счет других во что бы то ни стало, не разбирая средств. Еще в 1339 году встречаем у летописца известие, что один из Ольговичей, князь козельский Андрей Мстиславич, был убит племянником своим Васильем Пантелеичем⁶¹⁴. В Рязанском княжестве две линии князей — рязанских и пронских враждовали друг с другом. Князь рязанский Иван Коротопол, происходя из старшей линии, считал себя вправе быть единственным в. князем и знать Орду исключительно пред другими; но князь пронский Александр Михайлович хотел быть также старшим, или в. князем в своем роде и знать Орду независимо от князя рязанского. В 1340 году Иван Коротопол, возвращаясь из Орды, встретил Александра Пронского, отправлявшегося туда же с выходом, ограбил его, привел в Переяславль Рязанский и там предал смерти⁶¹⁵. В 1342 году сын убитого Александра Ярослав Пронский выхлопотал себе ярлык на Рязань и выгнал Коротопола, который, однако, после опять овладел Рязанью и был убит там неизвестно кем⁶¹⁶. Ему наследовал сын его знаменитый Олег Иванович.

ГЛАВА IV

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПРИ ИОАННЕ ИОАННОВИЧЕ

События, описанные нами в конце предыдущей главы, не имели места в Московском княжестве при наследнике Симеона. Вначале он встретил себе соперника в князе суздальском Константине, который также пошел в Орду за ярлыком на великое княжение Владимирское. Какое право имел Константин, хотя бы даже по старинным родовым счетам? Правда, он был троюродный брат Калиты, след., дядя сыновьям его; но такое старшинство и прежде было недействительно, если оно ограничивалось известными обстоятельствами, которые здесь имели место. Андрей Ярославич похитил старшинство и был свергнут Невским, по смерти последнего в. князем не был, сын его Василий также: но мы знаем, что если отец не был старшим в роде, то сын считался постоянно младшим и не способным к наследованию старшинства⁶¹⁷. След., Константин Суздальский искал в. княжения не по старому, но по новому порядку вещей, т.е. всякий князь имел право в том случае, если был богат и силен — богат, чтобы купить ярлыки, силен, чтобы поддержать себя против соперника. Для покупки ярлыка суздальский князь был довольно богат не собственными средствами, а новгородскою помощью; однако московский князь был щедрее, и ярлык отдан ему. Но ни князь суздальский, ни новгородцы не хотели обращать внимания на

ярлыки: Константин примирился с Иваном только в 1354 году; тогда же и новгородцы приняли наместников московских.

Княжение Ивана II замечательно также продолжением вражды с Рязанью. Мы видели, что эта вражда началась при Данииле насильственным движением со стороны Москвы, захватом городов и князя, потом убийством последнего при сыне Данииловом. Только что умер Симеон, как рязанцы начали с своей стороны наступательные движения и захватили Лопасню: здесь в первый раз упоминается молодой князь их, знаменитый Олег Иванович. Лопасня и 6 других мест были потеряны: вместо Лопасни Владимиру Андреевичу дан Новый Городок на устье Поротли⁶¹⁸; но этот урон был вознагражден другими приобретениями в Рязанской области, что видно из слов Ив[ана] Ив[ановича] в завещании: «А то ся ми достали места рязанская на сей стороне Оки, и с тых мест дал есмь князю Владимиру в Лопастны места, Новый городок на усть Поротли; а иная места рязанская отъменьная сыном моим, поделятся на полы без обиды».

Всего замечательнее княжение Ивана следующим в Москве происшествием: мы имели уже случай говорить, что вследствие оседлости князей бояре должны были приобрести большее значение в княжестве; по той же самой причине и тысяцкий как член княжеской дружины, как боярин приобрел важное значение на северо-востоке. Теперь, при оседлости князей и переходе княжества от отца к сыну, тысяцкий получил возможность отправлять свою важную должность при нескольких князьях сряду без смены, след., будучи посредником между князем и городовым народонаселением, имел возможность приучить народ к себе, приобрести его расположение не только для себя, но и для потомства своего, почему князья назначили в тысяцкие сына умершего чиновника для удовольствия народного: отсюда наследственность должности в одном доме⁶¹⁹. Ясно, что такая сила могла быть опасна прежде всего другим боярам, которых влияние стеснялось влиянием тысяцкого, а потом могла быть опасна и самой власти княжеской: отсюда интерес бояр, равно как интерес самого князя, требовал уничтожения сана тысяцкого.

В описываемое нами время должность московского тысяцкого отправлял знаменитый боярин Алексей Петрович; гордый народным к себе расположением, он поднял крамолу против Симеона Гордого, но был изгнан и лишен своих волостей; все три брата — Симеон, Иван и Андрей поклялись не принимать в свою службу мятежного боярина⁶²⁰, и, несмотря на то, он является тысяцким при в. князе Иване. Зимой, 3 февраля 1357 года, рано, во время заутрени тело Алексея Петровича было найдено на площади со всеми признаками насильственной смерти. Никто не видал, как совершилось убийство, но слух шел, что бояре соби-

рали на тысяцкого тайный совет и ковали ковы, и погиб он от своих товарищей, общию всех дуемою, как погиб Андрей Боголюбский от Кучковичей⁶²¹. Сильный мятеж встал в народе, озлобленном гибелью любимого сановника, и большие московские бояре должны были отъехать в Рязань с женами и детьми⁶²². Сам ли князь, оскорбленный злодеянием, заставил удалиться бояр или уступил требованиям граждан, неизвестно; известно только то, что в следующем году Иван перебрал к себе опять из Рязани двоих бояр⁶²³.

В 1359 году умер Иван, также еще очень молод, 33-х лет, оставив 2 малолетних сыновей Димитрия и Ивана и малолетнего племянника Владимира Андреевича. След., Московское княжество по смерти Ивана находилось точно в том же положении, как и по смерти Калиты, а именно — разделялось на три участка: старший сын Димитрий получил удел дяди Симеона⁶²⁴, младший, Иван, участок отца своего Ивана, а двоюродный, Владимир, удержал волость отца своего Андрея. Но Иван скоро умер, и Димитрий опять соединил два участка; Владимир Андреевич имел только один участок отцовский, борьба между братьями была невозможна, и Владимир должен был подчиниться распоряжениям Димитрия, как увидим впоследствии. В завещании в. к. Иван приказывает отчину свою Москву обоим сыновьям своим только, но Владимир Андреевич удерживает треть городских доходов как отеческое состояние, ибо Андрей получил эту треть по завещанию Калиты.

Ранняя смерть Ивана, казалось, была гибельна для Москвы, ибо малютка сын его мог ли хлопотать в Орде, мог ли отбивать притязания других князей на Руси? И точно, когда все князья явились в Орду и недоставало одного московского, хан отдал великокняжескую Владимирскую область князю суздальскому. По какому праву? Мимо всех прав: это явление было совершенно в новом духе, ибо и по старым понятиям Владимир мог принадлежать одному князю московскому; князь суздальский получил его не по отчине и не по дедине, повторяет летописец⁶²⁵. Еще замечательнее здесь то, что выпросил у хана ярлык не старший из суздальских — Андрей, но младший — Димитрий. Андрей, говорит летописец, не захотел взять ярлыка⁶²⁶; Татищев прибавляет причину — Андрей говорил⁶²⁷: «Доискиваться ярлыка — потратить только деньги, а потом, когда вырастет законный наследник Димитрий Московский, то надобно будет воевать с ним; притом должно нарушить клятву, данную отцу его Ивану».

Димитрий не был так умен: он поехал во Владимир и, чтобы упрочить его за собою, остался жить в этой древней столице великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Бояре ее, которые в продолжение 3 княжений были боярами сильнейших князей, князей всея Руси, не хотели сойти на низшую степень

и старались достать ярлык своему князю. Малютка Дмитрий отправился в Орду, но там нельзя было ничего добиться при страшных смятениях, когда один хан сменял другого; Дмитрий спешил возвратиться в отечество. Скоро Орда разделилась между двумя ханами: Абдулом, именем которого правил сильный темник Мамай, и Мюридом; московские бояре отправили послов к последнему, и он дал ярлык Дмитрию. Есть известие, что за московского князя ходатайствовали в Орде родственники его, князья ростовские и тверские⁶²⁸, вероятно думавшие, что гораздо безопаснее для них видеть на владимирском столе малютку, чем взрослого. Тогда бояре посадили на коней всех трех малолетних князей своих — Дмитрия, Ивана и Владимира и выступили с ними на Дмитрия Константиновича. Последний не мог противиться московским полкам, и внук Калиты получил в княжение Владимирское.

ГЛАВА V

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУСИ

Мы оставили знаменитое Галицкое княжество среди беспрестанных войн и крамол боярских, последовавших за смертью Романа Великого. Сыну его Даниилу удалось наконец утвердиться в нем; он оставил Червонную Русь, безопасную извне, умиренную внутри, сыновьям своим: Льву, Шварну и Мстиславу, княжеством же Владимиро-Волынским продолжал владеть брат Данилов — Василько.

Должно обратить внимание на это разделение. Мы видели, что Галицкое княжество было особным владением Ростиславичей, след., не входило в общую родовую собственность потомства Ярослава I. Отделенная этим самым от остальной Руси и окруженная чуждыми государствами, в которых господствовал совершенно иной порядок вещей, область Галицкая необходимо с самого начала должна была иметь свою особую историю и не могла не подпасть чуждому влиянию. Семья Ростиславичей, отрезанная от рода Ярославова, не развивалась сама в род со всеми теми отношениями, какие мы видим на Руси.

Владимирко Володаревич, нудимый своим положением, стремится к усилению себя, отделяется от родичей насильственными средствами и остается единовластителем. Это единовластительство передает он сыну своему Ярославу Осьмосмыслу, тот своему сыну: таким образом, изначала Галич привык переходить от отца к сыну. По пресечении Ростиславовой линии им овладевает Роман Волынский: это его собственность, его при-

мысл. По смерти Романа, после страшных войн и смятений, он достается сыну его Даниилу, другой сын, Василько, получает Волынь.

Но Даниилу стоило тяжкого труда утвердиться в Галиче; он был его завоевателем, мало того, он был возобновителем, творцом своего княжества, след., более, чем отец Роман, имел Даниил права смотреть на Галич как на свою собственность и не делиться ею ни с кем; при этом не должно упускать из виду, что Галич и Волынь входят в самые тесные отношения с западными государствами: Даниил ходил на запад, в Богемию, так далеко, как никто еще из его предшественников, Даниил хотел приобрести сыну своему герцогство Австрийское посредством брака на сестре последнего герцога, наконец, Даниил принял новый, чуждый Древней Руси титул короля (гех.). Ясно, что при таких отношениях древнерусские родовые понятия должны были исчезнуть в Галиче, и король Даниил не мог смотреть глазами старинных князей русских, но смотрел на право наследства, как смотрели на него короли соседние; народонаселение галицкое также не могло смотреть иначе: бояре давно приняли характер чуждый, что доказывает быстрое их ополячение, городское же народонаселение состояло преимущественно из немцев, жидов и армян, толпы стекавшихся в богатую область.

Таким образом, те же самые понятия о собственности, о преемстве от отца к сыну, о праве завещания, которые явились в Северо-Восточной Руси изнутри, развились из ее собственного организма, в Галич были занесены извне, но привились и утвердились необходимо, вследствие обстоятельств исторических. Так, по смерти Даниила сыновья его наследуют области галицкие, Василько остается на своем прежнем столе и после себя передает его сыну своему Владимиру. Роман Данилович, искатель австрийского престола, умер, но другой брат его, Шварн, также вследствие брака на дочери литовского, получил богатое наследство — Литву. К несчастью, Шварн скоро умер бездетным, и Литва отложилась от Руси, выбрав князей из своего народа.

По смерти Шварна последовало любопытное явление в Галиче: Галицкий удел покойного достался весь старшему брату Льву, младший Мстислав не получил ничего; но еще замечательнее поступил Владимир Василькович Волынский: почувствовав приближение смерти, он завещанием своим, прочитанным всенародно в церкви, отказал свое владение младшему двоюродному брату Мстиславу⁶²⁹ мимо старшего, след., распорядился своею собственностью совершенно по произволу, точно так, как на севере распорядился ею Иван Дмитриевич Переяславский.

Мстислав умер бездетным, и сын Льва Юрий соединил снова Галич и Волынь и потому назывался гех *Russiae, princeps Lodomeriae*; после Юрия известны сыновья его Андрей и Лев,

duces totius terrae Russiae, Galliciae et Lodomeriae⁶³⁰; после них Юрий-Казимир, dux totius Russiae minoris⁶³¹. Юрий-Казимир умер бездетным в 1337 году, и владения его достались родственнику его Болеславу, князю мазовецкому. Развратная жизнь Болеслава, его презрение к русской народности и стремление ввести латинство заставили галичан отделаться от него ядом; тогда Казимир Великий, пользуясь несогласием галичан касательно выбора князя, успел овладеть Галициею, а Волынь досталась вместе с остальной Южной Русью князьям литовским Гедиминова рода, к истории которого теперь и обратимся.

Изначала судьба Литвы была тесно связана с судьбою Руси. Начиная со 2-й половины XIII века, мы видим, что литовские князья усиливаются в Юго-Западной Руси, женятся на русских, принимают христианство православного исповедания, окружают себя русскими боярами⁶³², говорят русским языком, одним словом, совершенно русятся.

Выше было упомянуто, что Литва вследствие прекращения Миндовгова дома перешла на время в род князей галицких, но по смерти Шварна Даниловича отложились и выбрали собственных князей. Последний из них Витен был убит конюшим своим Гедимином, который похитил его власть и начал думать об усилении своего рода над всеми соседними родами княжескими. Его обыкновенно называют завоевателем русских областей: какой же был характер этого завоевания? Он заставил всех князей Юго-Западной Руси, потомков св. Владимира, признать свое первенство точно так, как прежде они признавали первенство северного князя владимирского, и князья литовские рода Гедиминова исполнили в отношении к Юго-Западной Руси только то, что начали Юрьевичи Владимирские, т. е. сначала заставили южных князей признать свое первенство, заставили признаться, что они не могут быть без них, потом мало-помалу привели их в подручные отношения и наконец сделали вполне служебными, одним словом, род Гедиминова относительно Юго-Западной Руси играет точно такую же роль, какую род князей московских играет относительно Северо-Восточной: Литва собирает Юго-Западную Русь точно так, как Москва собирает Северо-Восточную. Как здесь, так и там родовой быт, господство родовых отношений между князьями рушится: здесь — вследствие преобладания новых городов и произникшего оттуда понятия об отдельной собственности, там — вследствие того, что в челе князей рода св. Владимира стал чуждый род Гедиминов, стремившийся к приобретению могущества, к увеличению своей собственности на счет других владетельных родов, и это же самое стремление не позволило Гедиминовичам утвердить русских родовых отношений и друг к другу: они видели, что для сохранения приобретенного могущества необходимо постоянное сосредоточение власти

в руках одного, и потому всегда сильнейший из них гнал, истреблял братьев; сюда нужно прибавить еще могущественное влияние государственных идей Запада, с которым литовские владельцы с самого начала вошли в тесную связь.

Мы сказали, что литовские князья имеют для Юго-Западной Руси то же самое значение, какое князья московские для Северо-Восточной, т. е. значение собирателей земли Русской; но как скоро обе Руси собрались в два сильных тела, то необходимо должны были вступить в борьбу между собою; трудно, невозможно было разъединить, разнять на две половины страну, единую по своему географическому положению, происхождению народа, его языку, вере, истории; князья литовские и московские хорошо понимали невозможность дележа и потому, принявши оба титул князей русских, тем самым вызвали друг друга на отчаянный бой.

Эта борьба между обеими половинами Руси началась, как и следовало ожидать, при сыне Гедимины Ольгерде и сыне Калиты Симеоне Гордом, князе всея Руси. Любопытно, что летописцы наши приписывают обоим соперникам почти одинаковые похвальные качества, в обоих прославляют необыкновенную по тому времени трезвость и деятельность неусыпную в делах правления, чему приписывают их силу и то уважение, которое питали к ним другие князья и города⁶³³.

Ольгерд начал наступательное движение на Северо-Восточную Русь: в 1341 году, в первый год вступления своего и Симеона на отцовские престолы, Ольгерд явился под Можайском, опустошил окрестности, осадил, но города взять не мог⁶³⁴. Скоро Ольгерд с братом Кестутием вздумали захватить владения других братьев; Наримант Гедиминович принужден был бежать в Орду, другой, Евнутий, в Москву, где и крестился⁶³⁵.

Таким образом, мы видим, что князья литовско-русские, теснимые сильнейшим, перебегают в Москву, а восточнорусские князья и бояре — в Литву; явление для нас не новое: ибо и прежде имел место непрерывный переход князей, бояр и городов то к южным, то к северным сильнейшим князьям.

Ольгерд, которого великому коварству удивляются летописцы, чувствуя, что еще нельзя одними собственными силами подчинить всю Московскую Русь, вздумал ступить ее в князя с татарскою помощью. В 1349 году он отправил брата своего Кориада к хану возбуждать его против Симеона Московского. Последний, узнав об этом, тотчас послал сказать хану: «Ольгерд опустошил твои улусы и вывел их в плен; теперь то же хочет сделать и с нами, твоим верным улусом, после чего, усилившись непомерно, восстанет и на тебя самого». Хан был столько умен, что понял всю справедливость слов Симеоновых, задержал Кориада и выдал его князю московскому⁶³⁶.

Ольгерд присмирел на время и отправил послов в Москву с дарами и челобитьем, прося освободить брата: Симеон исполнил просьбу. Мало того, оба брата, Ольгерд и Любарт, женаты и прежде на князях русских, но овдовевшие, в один год прислали к Симеону просить за себя двух его родственниц: Любарт — племянницу, княжну ростовскую, а Ольгерд свояченицу, княжну тверскую. Симеон спросился митрополита, и тот разрешил эти браки, имея в виду пользу, какая могла произойти от них для православной Юго-Западной Руси⁶³⁷: там Любарт Волынский боролся с Казимиром Польским, который в Галиче угнетал православие⁶³⁸.

Между Русью Московскою и Литовскою находилось княжество Смоленское; одним из первых примыслов Москвы был Можайск, город этого княжества; Литва, с своей стороны, смотрела на Смоленск, как на богатую добычу: для обеих важно было не уступить его сопернице. Вот почему, когда Симеон с огромною ратиею двинулся к Смоленску, Ольгерд отправил к нему навстречу послов с богатыми дарами и уговорил оставить в покое смоленского князя; Симеон *не оставил Ольгердова слова*, говорит летописец, ибо опасно было не уважить такого ходатая⁶³⁹. При наследнике Симеона Иване Ольгерд постоянно преследовал свои планы касательно Смоленского княжества, несмотря на беспрестанные родственные связи с князьями Северо-Восточной Руси⁶⁴⁰. Он завладел Брянском, войско его заняло Ржев⁶⁴¹; тверичи и жители Можайска вытеснили было оттуда литовцев, но Ольгерд снова взял его, равно как два другие города — Мстиславль и Белый, и осаждал самый Смоленск⁶⁴³. С таким-то сильным и предприимчивым врагом должен был бороться молодой Димитрий Московский.

ГЛАВА VI

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ДИМИТРИЯ ДОНСКОГО

Димитрий Московский, т. е. бояре его, хотели угодить обоим ханам и потому приняли ярлык и от соперника Мюридова; последний, раздраженный таким колебанием, прислал ярлык снова Димитрию Суздальскому; тот обрадовался и занял опять Владимир, но Димитрий Московский опять выгнал его, преследовал до Суздаля и заставил отказаться от своих притязаний. Освободившись от соперника, Димитрий начал упрочивать себе успех и на будущее время, т. е. усиливать свое княжество примыслами: так присоединил он окончательно Ростов, Галич, Стародуб; изгнанные князья удалились к Димитрию Константиновичу Суз-

дальскому⁶⁴³, но время удачных союзов многих князей против великого прошло: суздальский князь два раза уже испытал силу Москвы и не хотел отваживаться на третий; он отказался даже от ярлыка, принесенного ему в третий раз в 1365 году.

В 1364 году страшный мор опустошил почти всю Россию, истребив много князей, между прочим Ивана, брата князя московского; тогда открылось любопытное зрелище: умирающие князья завещают свои владения — один племяннику мимо дяди, другой младшему брату мимо старшего⁶⁴⁴.

Начались споры, и еще другое любопытное явление: обиженные князья требуют помощи и посредничества у князя московского! Спор князей суздальских решили московские полки тем, что оба брата поделились выморочным уделом третьего⁶⁴⁵, ибо Москва не хочет усиливать одного князя на счет другого. Неужели молодой Димитрий сам так умно поступал?

Бояре, умные отцовские слуги, которые деду нашему и отцу добра хотели, по выражению Симеона Гордого, бояре действуют за князя; но бояре действуют тайно, чрез князя: кто же явно действует за Москву, кто является везде на первом плане? Это духовенство, митрополит, который живет в Москве. Митрополит посылает св. пустытника Сергия к нижегородскому князю с приказом явиться в Москву на суд, и, когда тот отказывается, Сергий затворяет все церкви в Нижнем⁶⁴⁶. Так и в споре князей тверских митрополит приказал рассудить соперников епископу тверскому Василию, и тот оправдал племянника, сына старшего брата, пред дядьми, по обычаю новому⁶⁴⁷.

Но в этом оправданном князе, Михаиле Александровиче, Димитрий Московский скоро встретил соперника, опаснейшего, чем князь Димитрий Суздальский; вступив в брак с дочерью последнего, московский князь думал, что для него уже нет теперь соперников, и замыслил докончить дело, начатое предками, привести всех русских князей в свою волю: «князь великий Димитрий Иванович заложи град Москву камени и начаша делати безпрестани, и всех князей русских привожаше под свою волю, а которые не повиновахуся воле его и на тех нача посягати»⁶⁴⁸. В числе последних был Михаил Александрович Тверской: не желая уступить притязаниям московского князя, Михаил уехал за помощью к Ольгерду Литовскому, женатому на сестре его. Тогда проигравшие прежде свое дело дядья подняли головы; получив помощь от Димитрия Московского, они начали опустошать Михайловы области, а епископ Василий был позван в Москву к митрополиту на суд, зачем решил дело в пользу Михаила? «И тако на Москве про тот суд владыце Василью сотворися протор велик, а во Твери житейским людем нужно бысть»⁶⁴⁹. Пришел Михаил с Литвою и начал новое опустошение; наконец дядья с племянником помирились.

Мы уже и прежде имели случай говорить о бедствиях, причиняемых народу этими междоусобиями; они выводили из терпения даже бесстрастного летописца и заставляли его произносить гневные, но высокие слова; так, описывая примирение тверских князей, он прибавляет: «И радовахусь бояре их, и вси вельможи их, такоже гости и купцы и вси работники, людие роды и племяна Адамови; вси бо сии един род и племя Адамово, и цари и князи и бояре и вельможи и гости и купцы и ремесвенницы и работнии людие, един род и племя Адамово; и забывшеся друг на друга враждуют и ненавидят и грызут и кусают отстояще от заповеди Божиих, еже любити и искреннего своего яко сам себе»⁶⁵⁰.

Примирение между тверскими князьями было ненадолго: скоро один из дядей отъехал в Москву. Тогда в Москве замыслили дурное дело: Михаил Тверской был позван туда с любовию, дабы при личном свидании прекратить всякую неприязнь, порешить все споры; ему сказали, что будет суд третейский, что третьим выбран св. митрополит Алексей, пастырь великий, пред которым благоговела вся Русь: Михаил приехал и был задержан со всеми боярами; княжеские думцы, которые затеяли это гнусное дело, не имели смелости кончить его: узнав о приближении татар, они выпустили Михаила, выпустили, разумеется, непримиримым врагом своему князю⁶⁵¹.

Московский князь спешил предупредить тверского и выслал против него свои полки; Михаил знал, что один, окруженный враждебными родичами, не может противиться Москве, и удалился опять к Ольгерду. Не просьбы жены, сестры Михайловой, тронули коварного и бесстрастного старика: Ольгерду захотелось переведаться с Москвою, попробовать, кто сильнее, кому быть князем всей Руси на самом деле. Ольгерд велел собираться полкам: ни свои, ни чужие, никто не знал, куда готовится рать, знал один князь литовско-русский.

В Москве узнали о движениях Ольгерда, когда уже он был на границе; послали собирать войска, но Литва уже обступила Москву; новопостроенная крепость, Кремль, спасла великого князя и митрополита; Ольгерд 3 дня стоял под нею и отступил, довольный страшным опустошением⁶⁵²; Димитрий отдал Михаилу все захваченное из его областей.

Но борьба не могла этим кончиться: московский князь не мог оставить в торжестве Тверь, и потому при первом удобном случае полки его входили в Михайлову область и опустошали ее; Михаил не мог противиться один, имея врагов в дядьях своих, и потому при первом появлении московских полков убежал в Литву. Еще два раза приходил Ольгерд на Северо-Восточную Русь — однажды выстоял 8 дней под Москвою, но испугался, когда узнал, что Димитриево войско собралось, и запросил мира; Димитрий охотно дал его ему: мы уже имели случай упоминать

о характере войны в Северной Руси: тот же самый характер носит борьба между князьями московскими и литовскими, потому что оба князя суть собственники, собиратели земли Русской, и потому оба боятся вступить в решительный бой, от которого может зависеть судьба их, на котором могут потерять все собранное с таким трудом.

В другой раз, узнав, что Михаил Тверской с литовскою помощью удачно воюет московские владения, Ольгерд двинулся было также на Москву, но Дмитрий изготавился встретить его с многочисленным войском и разбил уже сторожевой полк литовский: и тут два в. князя всея Руси стояли несколько дней друг против друга, не осмелились вступить в битву и разошлись, помирившись⁶⁵³. Этот мир заключен был на короткое время, от 31 июля до 26 октября, грамота дошла до нас⁶⁵⁴. Из нее любопытно видеть, как Русь делилась тогда на 2 половины — Московскую и Литовскую: Ольгерд включает в договор всех князей, которые в имени его; здесь князь смоленский называется великим и на стороне Литвы, князья тверской и брянский также на стороне Ольгерда; на стороне Дмитрия 3 князя рязанские, которые все называются великими; в этом договоре Ольгерд отказывается помогать Михаилу Тверскому, если тот «иметь что пакостити или грабити» в московских владениях.

Михаилу не осталось надежды на Литву, и потому он обратился к Орде; еще прежде 2 раза выхлопывал он себе ярлык у хана на в. княжение Владимирское, но Дмитрий не обращал на это внимание; теперь Михаил в третий раз выхлопотал ярлык посредством московских отъезжиков. Тогда Дмитрий в 1375 году решился покончить с ним: собрав всех князей, которые были в его имени, он двинулся на Тверь и осадил ее, страшно опустошая окрестности; литовская помощь не смела вступить в дело с московскими полками, и Михаил принужден был согласиться на все условия, которые были довольно тягостны⁶⁵⁵: Михаил признал себя младшим братом Дмитрия, т. е. стал к нему в такую же зависимость, в какой находился Владимир Андреевич, к которому Михаил и приравнен в договоре: таким образом, в. князь тверской делается равным удельному князю московскому! Ставши младшим братом Дмитрию, Михаил должен был обязаться, что как скоро в. князь московский или брат его Владимир Андреевич выступит в поход, то и Михаил немедленно должен садиться на коня, если же Дмитрий посылал своих воевод, то и тверской князь обязан был высылать своих воевод. Михаил отказался навсегда от притязаний на в. княжение Владимирское, и, что всего замечательнее, княжество Кашинское объявлено было независимым от Тверского! Так Москва старалась раздроблением соперничающих княжеств обессилить их! Важно также следующее выражение в договоре: «будем ли

мы в мире с татарами — это зависит от нас; дадим ли выход — это зависит от нас; не захотим дать — зависит также от нас. Если же татары пойдут на нас или на тебя, то нам биться вместе, если же мы пойдём на них, то и тебе идти с нами вместе». Так уже московский князь, привыкший с малолетства не уважать ханских ярлыков, не только считал возможною войну оборонительную, но и наступательную! Против Литвы также оборонительный союз; любопытно, что и в. к. смоленский включен в этот союз: Москва никак не хотела видеть Смоленск на стороне Литовской Руси.

Это было последним делом Москвы с Тверью в княжение Дмитрия; и хотя после Михаил сделал еще раз попытку достать у хана ярлык в 1382 году, но она осталась без последствий, тем более что дела в Литве переменялись.

В 1377 году умер Ольгерд, сын его Ягайло хотел быть самовластцем Литовской земли и потому начал отделяться от родичей; дядя его, знаменитый Кестут, хотевший, по старым русским понятиям, присвоить себе старшинство в роде, был убит коварным образом; сын последнего, еще более знаменитый Витовт, убежал в Пруссию, родные братья Ягайла, Андрей и Дмитрий, угрожаемые тою же участию, обратились к московскому князю. Тогда Дмитрий решился начать наступательное движение и с помощью Ольгердовичей взял несколько русских городов у Литвы. Оба Ольгердовича вступили в службу московского князя; о Дмитрии сказано в летописи, что он: «прииде на Москву в ряд к великому князю Дмитрию Ивановичу, и урядися у него в ряд, и крепость взя. Князь великии ж дав ему крепость и ряд и прия его с честию великою, и со многю любовию, и даде ему град Переяславль и со всеми пошлинами»⁶⁵⁶. Ольгердовичи служили верную службу Дмитрию и славно бились на Куликовом поле.

С первого взгляда странно кажется, что литовскому князю отдан такой важный удел, каков был Переяславль; но здесь виден очень умный расчет в. князя: приняв Ольгердовичей, Дмитрий имел самое сильное средство действовать против Ягайла или по крайней мере грозить ему, ибо у братьев его были связи в Литве; с другой стороны, Ольгердович, владея Переяславлем, не мог быть несколько опасен Дмитрию по народному нерасположению к нему как иноплеменику, доказательства которому увидим впоследствии; Ольгердович, видя это, мог быть только самым верным слугою своего благодетеля, чем он и был на самом деле.

Ясно, что после всех этих поступков московского князя Ягайло не мог быть к нему расположен; мы видели, что уже Ольгерд домогался с помощью хана овладеть Северо-Восточною Русью; Ягайло хотел воспользоваться раздором московского князя с Мамаем, чтоб достигнуть того же; он вступил в союз с Мамаем,

который обещал ему половину Северо-Восточной Руси; но Куликовская битва лишила его этой надежды, а скоро дела польские совершенно не дали ему возможности преследовать виды предшественников своих на восточные русские области. В нашей летописи встречаем следующее известие: «И бысть Ягайло обладая всею землею Литовскою, и потом по четырех летех оженись в Лятцкой земле, взял за себя некоторую королицу не имущу ни отча ни матери, ея же ради досталось ему королевство в Лятцкой земле; и тако Ягайло жены своея ради наречен бысть король Лятцкой земли, и оттуду бысть король»⁶⁵⁷. Эта королица была Ядвига, дочь Людовика Венгерского. Приглашенный панам на престол польский, Ягайло обещал Витовту полное вознаграждение за все утраченное; тот согласился на предложение и возвратился в отечество, где получил от Ягайла часть Владимир-Волынской области, или Лодомирию. Но сын Кестута не хотел ограничиваться этим и после двух- или трехлетней войны, в которой русское народонаселение помогало ему, успел утвердиться в в. княжестве Литовско-Русском как совершенно отдельный и независимый государь.

В таком положении находилась Юго-Западная Русь, когда Северо-Восточная под знаменами Москвы напрягла все свои силы для борьбы с Ордою: тогда-то обнаружился исполнский шаг вперед, какой сделало русское общество на пути государственном, тогда-то открылось все превосходство нового порядка вещей, вся заслуга Москвы. По слову московского князя сонм служебных князей явился, каждый князь с своими полками; на Калке котора между родичами сгубила войско и Русь: на Дону, где Димитрий встретил Мамай, никто из князей не смел котороваться в присутствии великого, и монголы были разбиты.

В это время один только потомок Святослава Черниговского не мог понять нового порядка вещей, не мог поверить, чтоб подчиненность государственная и вместе с нею единство, сила возможны были между потомками Ярослава, и за это неверие наказан проклятиями, наказан слишком строго: я говорю об Олеге Рязанском.

Мы упоминали о начале вражды между Москвою и Рязанью; впрочем, еще гораздо прежде появления Московского княжества Рязань испытала на себе неприязнь северных Юрьевичей; Рязань вместе с Муромом помогала старому порядку вещей в борьбе его с новым, помогала Ростову против Владимира, Ростиславичам против Юрьевичей; мы видели, как страшно Всеволод III отомстил Рязани за это: здесь уже легло начало вражды, которая усилилась еще более при постоянно неприязненных столкновениях с Москвою; мы видели, кто был зачинщиком, видели поступки Даниила и Юрия Московских с рязанскими князьями: Москва примыслила к себе часть Рязанской земли, Олег хотел силою

возвратить отнятое силою же; он отнял Лопасню у отца Димитриева, но должен был отдать взамен ее другие города. Олег думал, что эту сделкою прекращается вражда, и в то время, когда страшный Ольгерд стоял под Москвою, рязанские полки спешили для ее защиты⁶⁵⁸. Какую же благодарность получила Рязань?

В 1371 году Димитрий как скоро возвратился из Орды, как скоро обезопасил себя со стороны хана, так тотчас же послал войско на Олега.

Любопытно встречать в летописи враждебные отзывы жителей одного княжества о жителях другого; дурно отзываются обыкновенно москвитяне о новгородцах и рязанцах, в свою очередь новгородцы и рязанцы не щадят москвитян, что обличает долговременную вражду между ними, т. е. вражду между старою и новою Русью. Любопытно при этом, что новгородцы и рязанцы отзываются дурно о храбрости москвитян, и в самом деле народонаселение старых русских областей имело некоторое право делать подобные упреки народонаселению новых. Период старой Руси можно назвать геройским периодом в истории нашего народа; князья были один другого храбрее, дружины были похожи на князей, и шум оружия не умолкал; но во всех этих дивных подвигах храбрости новая, Северная, Русь не принимала участия, и когда вступала в борьбу с Русью старой, Южной, то мы видели, на чьей стороне оставалась победа; стоит только вспомнить борьбу Андрея со Мстиславом, Липецкий бой, осторожность Всеволода III, с какою он избегал битвы с южными полками, осторожность, которую легко было принять за робость. Отсюда понятно, почему новгородцы и рязанцы упрекают москвитян в трусости, а москвитяне, с своей стороны, упрекают новгородцев и рязанцев в противоположной крайности, именно в гордости и дерзости. Новгородцы говорят о москвитянах, что они небывальцы в битвах⁶⁵⁹ и что бегут, еще не видя неприятеля; москвитяне расточают новгородцам названия суровых, непокорных, упрямых, непостоянных, свирепых крамольников⁶⁶⁰ и т. п. Точно то же видим и в отношении к рязанцам: по свидетельству летописи, рязанские воины говорили друг другу, идя на москвитян: «Не нужно брать нам ни доспехов, ни щитов, никакого другого оружия, возьмем только веревки вязать москвитян, которые так слабы и робки». Московский летописец поблагодарил их за такое мнение в следующих выражениях: «Рязанцы ж люди сурови, свирепи, високоумни, гордии, чаятельныи, вознесиши умом и возгордевшии величанием, и помыслиша в високоумии своем палоумныя и безумныя людища, аки чудища»⁶⁶¹.

Несмотря, однако, на предполагаемую трусость москвитян, полки рязанские были разбиты, Олег бежал и должен был на

время уступить Рязань своему родичу и зятю и вместе родовому врагу и сопернику — князю пронскому; однако скоро он выгнал его и утвердился снова в Рязани⁶⁶². Наши историки, следуя примеру Московского летописца, щедро наделяют Олега названиями жестокого, коварного и т. п. Но сам Димитрий Московский совершенно не так думал об Олеге: доказательством служит то, что, заключая вышеозначенный договор с Михаилом Тверским, Димитрий требует, чтобы при затруднениях в смешанном суде дела московитян и тверичей отдавались на решение Олега Рязанского.

Олег, которого московский князь преследовал то полками, то доверенностию своею, с другой стороны терпел от татар: два раза он должен был бегать перед их толпами, два раза княжество его было страшным образом опустошено. Когда в 1380 году Мамай двинулся против Димитрия, Олег не знал, что делать; на него первого должно было пасть мщенье хана; в таких обстоятельствах рязанский князь принял обычную роль всякого слабого в борьбе двух сильных: он думал, что исполняет свою обязанность в отношении к Руси, послав сказать Димитрию о татарском нашествии, а между тем вступил в сношение с Мамаем для предохранения своего княжества при несомненном, по его мнению, торжестве татар.

След., вся вина Олега состоит в том, как уже сказано выше, что он не поверил в могущество новой Руси и был, как следует ожидать, жестоко наказан за свое неверие. После Куликовской битвы Олег знал, что ему уже нечего ожидать добра от московского князя, и потому, приказав по возможности препятствовать возвращению московских войск чрез свою землю⁶⁶³, сам убежал в Литву. Димитрий послал было в Рязань своих наместников, но увидал, что еще трудно будет удержать ее против Олега, и потому примирился с последним, заключив договор, который дошел до нас. Олег, подобно Михаилу Тверскому, признает себя младшим братом Димитрия и равным Владимиру Андреевичу, след., и рязанский в. князь приравнялся к удельному московскому⁶⁶⁴.

Во время Туктамышева нашествия захваченный врасплох князь Димитрий Нижегородский, тесть и союзник московского, поспешил отправить к хану сыновей с просьбою о помиловании своего княжества, и один из этих нижегородских княжичей склонил московских граждан сдать Туктамышу, поцеловав крест, что хан не сделает им никакого зла. Олег Рязанский последовал примеру князя нижегородского и обвел татар мимо своей области, указав броды на Оке⁶⁶⁵: но о князе нижегородском в наших историях не сказано по этому случаю ничего дурного, а Олег Рязанский величается жестоким, вероломным изменником. Однако челобитье Олега Туктамышу не помогло: на возвратном пути татары опустошили Рязанское княжество и заставили бежать

Олега; но, едва Туктамыш выступил из рязанских пределов, московские полки явились в Рязани и разорили то, что не было тронуту татарами⁶⁶⁶.

Такая ожесточенная вражда со стороны Москвы не могла не вывести Олега из терпения: в 1385 году рязанский князь, собравшись с силами, напал нечаянно на Коломну, взял и разграбил ее; Димитрий отправил против него войско под начальством Владимира Андреевича, но москвитяне потерпели поражение и потеряли много бояр и воевод⁶⁶⁷. Тогда Димитрий увидал, как опасно доводить врага до отчаяния, и поспешил примириться с Олегом.

Но при такой ожесточенной вражде обыкновенные средства примирения были бы бесполезны; и потому московский князь прибег к средствам религиозным: по просьбе Димитрия пошел в Рязань св. Сергий, основатель Троицкого монастыря. Летописец говорит, что этот чудный старец тихими и кроткими речами много беседовал с Олегом о душевной пользе, о мире и любви; князь Олег переменял свирепство свое на кротость, утих и умилился душою, устыдясь такого святого мужа, и взял с Димитрием Московским вечный мир и любовь⁶⁶⁸. Этот мир был скреплен даже семейным союзом: сын Олега женился на дочери Димитрия.

Из отношений между князьями в других областях русских замечательны для нас нижегородские: здесь по смерти Димитрия Константиновича Туктамыш отдал ярлык по старине брату его Борису; но племянники, сыновья Димитрия, вооружились, по новому, против дяди и с помощью зятя своего, Димитрия Московского, принудили его к уступке. Летописец говорит, будто Борис, видя тяготеющую силу Москвы, пророчил племянникам, что и они будут плакать от врагов своих⁶⁶⁹. Пророчество это исполнилось, как увидим впоследствии.

С именем Димитрия Донского в нашей истории неразлучно имя двоюродного брата его Владимира Андреевича, который называется также Донским и Храбрым. Так как родовые отношения потеряли смысл, то оба брата почли необходимым определить свои отношения клявными договорами; таких договоров между Димитрием и Владимиром до нас дошло 3.

Первый написан в 1362 году⁶⁷⁰. Оба брата клянутся быть за один, Димитрий быть старшим, в отца место, Владимир — младшим и держать под ним княжение великое честно и грозно; но эти старинные выражения: *младший и старший, в отца место* объясняются гораздо понятнее по новому порядку вещей: «А тебе брату моему младшему мне служити без ослушания по згадце, како будет мне слично и тебе брату моему младшему: а мне тебе кормити по твоей службе». Это уже звучит не по старине! Владимир обязывается не искать под Димитрием удела Симеонова: этим утверждается новый обычай, что выморочный удел

поступает прямо к в. князю без раздела с родичами. Большая статья посвящена боярам. Несмотря на допущение перехода бояр от в. князя к удельному и наоборот, старший брат уже делает попытку распространить свое влияние на бояр младшего; к этому он приступает следующим образом: «А коли ми будем где отпущати своих воевод из великого княжения, тебе послати своих воевод с моими воеводами вместе без ослушанья; а кто ся ослушает, того ми казнити, а тебе брату моему со мною. А кого коли оставити у тебе бояр, про то ти мене доложити, то ны учинити по згадце: кому будет слично ся остати, тому остатися; кому ехати, тому ехати». Здесь в. князь выговаривает себе право казнить бояр брата своего, если они ослушаются идти на службу, требуемую государственною пользою; мало того, в. князь выговаривает себе право назначать из бояр брата способнейших к известной службе: важный шаг на поприще государственного развития! Теперь не целый род владеет землей, но одно лицо, один в. князь всея Руси; этот в. князь, принимая на себя одного ответственность в управлении государством, должен по этому самому заботиться и о средствах к лучшему достижению государственных целей, должен иметь влияние на выбор людей, назначаемых для достижения этих целей.

В 1371 году был заключен второй договор⁶⁷¹ между братьями; здесь опять важная прибавка: Владимир обязуется не искать московской отчины Димитриевой и в. княжения Владимирского не только под Димитрием, но и под детьми его. На это условие вовсе не должно смотреть как на торжественное подтверждение нового права старшего племянника над дядьми, ибо по старому обычаю Владимир Андреевич как послерожденный сын князя, никогда не бывшего старшим между братьями, не имел ни малейшего права на старшинство; приведенное условие показывает только, что в это время старый обычай потерял всю силу и смысл, племянники стали вооружаться против дядей и дяди против племянников мимо всех прежних ограничений, и потому Димитрий, видя нарушение старого обычая из примера князей суздальских, искавших старшинства не по отчине и не по дедине, требует с двоюродного брата клятвы не поступать подобным образом и не искать старшинства под детьми его.

Мы видели, что в первом договоре с братом в. князь выговорил себе право наказывать Владимировых бояр в известном случае. В 1389 году Димитрий захотел воспользоваться этим правом, хотя, впрочем, неизвестно, имело ли здесь место выговоренное обстоятельство, т. е. ослушание бояр идти с великокняжескими полками; быть может, в. князь был недоволен боярами Владимира, подстрекавшими своего князя не уступать старшинства племяннику: мы позволяем себе такое предположение, основываясь на том, что подобные явления имели место

впоследствии, а именно, что бояре дядей, желая быть боярами великокняжескими, побуждали своих князей к поддержанию древнего порядка старшинства. Как бы то ни было, Димитрий велел схватить старших бояр Владимировых и развести розно по городам, где держал под крепкою стражею, под надзором жестоких приставников⁶⁷². Владимир, с своей стороны, начал неприязненные действия⁶⁷³; наконец оба брата помирились, и заключен был третий договор⁶⁷⁴.

В этом договоре окончательно и ясно определены отношения Владимира к семейству старшего брата — знак, что предшествовавшие смуты происходили именно вследствие притязаний Владимира на старшинство. Димитрий называет себя уже не старшим братом, но отцом Владимиру; старший сын великого князя Василий называется старшим братом Владимира, второй сын Юрий — просто братом, т. е. равным, а меньшие сыновья — младшими братьями. В остальных статьях этот договор сходен с первым; замечу только следующие выражения, которые показывают также новые отношения между родичами: «И ты мне челом добил отцом моим Алексеем митрополитом всея Руси, и яз тебя пожаловал, дал ти есмь Лужу и Боровеск». Прежде каждый родич считал себя вправе получить от старшего известную часть родовой собственности; теперь он бьет челом чрез митрополита в князю как полновластному господину о милости, и тот жалует ему просимое.

При описании княжеских отношений при Донском мы должны упомянуть об уничтожении сана тысяцкого в Москве, которое имеет связь с ними. Мы видели стремление отделаться от этого опасного сановника еще при отце Димитрия; при Димитрии было поступлено гораздо благоразумнее. В 1374 г. умер тысяцкий Василий Васильевич Вельяминов; после него другого тысяцкого в князь не назначил.

Тогда двое знатнейших граждан, недовольные новым порядком вещей, решили искать средств извне для восстановления старого: то был сын покойного тысяцкого Иван Вельяминов и Некомат Сурожанин, т. е. купец, производивший торговлю драгоценными южными товарами. Они отъехали в Тверь ко врагу московского князя Михаилу Александровичу, который нашел в них самых ревностных слуг для исполнения своих враждебных замыслов против Димитрия: он отправил их в Орду к хану поддерживать неприязнь его к Москве⁶⁷⁵. Беглецы действовали успешно, и Некомат явился в Твери с послом Мамай, который привез ярлык Михаилу. Иван Вельяминов остался в Орде, но продолжал свои происки в стенах московских; летописец говорит глухо: «Много нечто нестроения бысть»⁶⁷⁶. В битве на Воже с Бегичем русские поймали какого-то попа, шедшего с татарами из Орды по поручению Ивана Вельяминова; у этого попа отыска-

ли какие-то ядовитые корни, допросили его и сослали в заточение. В 1378 году Вельяминов сам решился явиться в Русь; в. князь, который в это время заботливо сторожил все движения хана, не мог не сведать о приближении Вельяминова; его следы были открыты, он схвачен в Серпухове и приведен в Москву. На Кучковом поле, где теперь Сретенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и был казнен сын первого сановника в княжестве; летописец говорит: «Бе множество народа стояще, и мнози прослезисяш о нем и опечалишася о благородстве его и о величестве его»⁶⁷⁷. Как важен был сан тысяцкого, как знаменит был род Вельяминовых, видно из того, что летописец, говоря о смерти последнего тысяцкого, высчитывает его генеалогию, что делает, только говоря о князьях. Даже и после, несмотря на измену и казнь Ивана Вельяминова, семейство его не потеряло своего значения и уважения: последний сын Донского Константин был крещен Марьею, женою Василия Вельяминова-тысяцкого⁶⁷⁸; мало того, Николай Вельяминов, родной брат казненного Ивана, был женат на родной сестре в. княгини московской, дочери Дмитрия Константиновича Суздальского, почему Донской в своих грамотах и называет Василия Вельяминова-тысяцкого дядею⁶⁷⁹. Мы еще после будем иметь случай упомянуть об этой фамилии. Товарищ Ивана Вельяминова Некомат подвергся также смертной казни, только гораздо позже, в 1383 году⁶⁸⁰.

В 1389 году умер Дмитрий Московский. Куликовская битва поставила его наряду с величайшими героями Русской земли. Средства к явному восстанию против татар были приготовлены для Дмитрия его предшественниками. Младенцем остался Дмитрий после отца, но интересы Московского княжества, интересы рода Калиты были тесно связаны с интересами бояр московских: привыкнув быть боярами великокняжескими, они не хотели принять роль второстепенную; с другой стороны, наследственные слуги дяди и отца Дмитриева, они не хотели переезжать к новому в. князю в Нижний или Тверь, где не могли играть первостепенной роли, вытеснить из благосклонности князя дедовских бояр его. Вот почему московские бояре так умно воспользовались силами Москвы, приготовленными Калитою и Симоном, чтоб удержать великое княжение Владимирское за своим малолетним князем; при этом не должно упускать из виду великого влияния митрополита Алексея, митрополита всея Руси, но жившего в Москве.

Если князья предшествовавшие были воспитаны в понятии о необходимости уважать Орду, то Дмитрий, наоборот, был воспитан в неповиновении хану: еще малюткою бояре водили его на нижегородского князя вопреки ханскому ярлыку; впечатления молодости суть самые сильные, и Дмитрий, возмужав, не побоялся выйти против Мамаю. Другая главная мысль, которой

он напитался от бояр в младенчестве, была наследственная мысль московских князей усиливать во что бы то ни стало свое княжество, дабы иметь возможность и бороться с татарами, и пресечь навсегда притязания других князей на господство; Димитрий остался верен этой наследственной мысли: вот заслуга его!

Но мы не должны забывать заслуги бояр, которые, пусть по своим корыстным целям — нет нужды, умели утвердить в молодом князе эти две благодетельные мысли. Сам Димитрий не остался неблагодарен своим умным воспитателям; для доказательства я приведу следующие места из жития ⁶⁸¹ его, которые обнаруживают всю степень влияния бояр на события Димитриева княжения. Чувствуя приближение смерти, Димитрий, по словам автора жития, дал сыновьям следующее наставление: «Бояры своя любите, честь им достойную воздавайте противу служению их, без воли их ничтоже не творите». Потом умирающий князь обратился к боярам с такими словами: «Ведаете каков обычай есть мой и нрав, родихся пред вами, и при вас взрастох, и с вами царствовах; и мужествовах с вами на многи страны, и противным страшен бых в бранех, и поганья низложих Божию помощь и врагы покорих; великое княжение свое велми укрепих, и мир и тишину земли Русьской сътворих, отчину свою с вами сблюдох, еже ми предал Бог и родители мои, и вас честь и любовь даровах, под вами города держах и великия власти, и чада ваша любих, никому же зла сътворих, ни силою что отъях, ни досадих, ни укорих, ни разграбих, ни избежьчествовах, но всех любих и во чьсти держах, и веселихся с вами, и с вами поскорбех, вы же не нарекостеся у мене бояре, но князи земли моей».

Кто же были эти бояре, без совета с которыми Димитрий не велел сыну своему ничего предпринимать, которых называл «князьями земли своей»? 10 из них подписали имена свои под духовным завещанием в. князя; фамильные прозвища не были еще в то время в употреблении, бояре подписались только именами отечественными: Димитрий Михайлович, Тимофей Васильевич, Иван Родивонович, Семен Васильевич, Иван Федорович, Александр Андреевич, Федор Андреевич, (Федор Андреевич), Иван Федорович, Иван Андреевич. Замечательнее всех по влиянию был Федор Андреевич Кошка и сын его Иван Федорович, особенно при наследнике Димитрия; о знатности боярина Кошки свидетельствует то, что в. к. тверской Михаил Александрович женил своего сына на его дочери ⁶⁸².

Теперь обратимся к духовному завещанию Донского, которое представляет много любопытного ⁶⁸³. Неслыханная прежде новость — московский князь благословляет старшего сына Василия в. княжением Владимирским, которое зовет своею отчиною! Дон-

ской уже не боится совместников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля; он уверен и в согласии хана, потому что в случае отказа московский князь так силен, что может обойтись и без хана, а в случае согласия так богат, что благодарность его будет гораздо ценнее, чем благодарность какого-нибудь другого князя. Кроме Василия у Донского оставалось еще 5 сыновей: Юрий, Андрей, Петр, Иван и Константин; но двое последних были малолетны, Константин родился только за 4 дня до смерти отцовской, и потому в. князь поручает свою отчину, Москву, только 4 сыновьям. В этой отчине, т. е. в городе Москве и в станах, к ней принадлежавших, Донской владел двумя жребиями, жребием отца своего Ивана и дяди Симеона, третьим жребием владел Владимир Андреевич, он остался за ним и теперь.

Из 2 своих жребиев в. князь половину отдает старшему сыну Василью, *на старший путь*, другая половина разделена на 3 части между остальными сыновьями: из этого видно, как усилена собственность старшего. Остальные города Московского княжества разделены между 4 сыновьями: Коломна — старшему Василью, Звенигород — Юрию, Можайск — Андрею, Дмитров — Петру. Благословляя старшего Василия целою областью в. княжения Владимирского, Димитрий, как бы для вознаграждения, отдает остальным 3 сыновьям города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только им: Юрию — Галич, Андрею — Белоозеро, Петру — Углич.

Усилив старшего сына не в пример пред прочими областью в. княжения, областью, уже теперь верною, переходившею как отчина в потомство последнего, Донской счел справедливым ограничить несколько обогащение старшего в пользу младших и потому уступил, по-видимому, прежним родовым понятиям, а именно, в случае смерти старшего сына Василия бездетным, владение его, т. е. московская часть, вместе с в. княжением переходили к старшему по нем, а удел последнего как праздный делился снова между братьями; след., здесь поступлено вопреки неотчуждаемости раз полученной собственности, и князь Юрий, получив удел старшего брата, должен был отказаться от своего наследственного удела, который подвергался дроблению; равно Донской завещал, что если кто умрет из младших сыновей бездетным, то выморочный удел также делится между оставшимися в живых братьями.

Но здесь, как уже сказано, только видимая уступка прежним родовым понятиям; все братья имеют право на выморочный удел, но это право ограничено произволом княгини-матери: «А вы дети мои слушайте свое матери; что кому даст, то тому и есть». След., здесь мы видим уступку не прежним родовым понятиям, но уступку произволу собственника, что совершенно несогласно с прежними понятиями: в. князь как собственник

передает свое право располагать своею собственностью по произволу жене; выморочный удел не разделяется прямо между всеми сыновьями, но отдается в распоряжение княгини-матери, распоряжение совершенно произвольное. Завещание было написано прежде рождения самого младшего сына Константина, и потому на его счет сказано следующее: «А даст ли Бог сына, и княгини моя поделит его, возмя по части у большие его братьи».

Вообще здесь любопытно заметить то огромное влияние, которое уступлено умирающим князем жене своей, знак, что женщины в древнем русском обществе никогда не теряли должных им прав, что они заключались в терема вследствие отсутствия безопасности в обществе, но чрез это заключение жены и матери не лишились своих прав, своего влияния, не сделались рабынями мужей своих, как на Востоке, не были постоянно под опекою мужчин, как у народов древности.

Предпоследний сын Иван сильно обделен: ему ничего не назначено из собственно московской отчины, удел его ничтожен в сравнении с уделами других братьев. Такую, по-видимому, несправедливость объясняют слова завещателя: «А в том уделе волен сын мой князь Иван, который брат до него будет добр, тому даст». Из этих слов видно, что князь Иван был болен и не мог иметь надежды на потомство; вот почему Донской дает ему право распорядиться своим маленьким уделом в пользу того брата, который будет до него добр: в самом деле — Иван умер тотчас по смерти отца⁶⁸⁴.

ГЛАВА VII

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ ДИМИТРИЕВИЧА

В княжение Донского отношения ордынские стоят на первом плане и закрывают собою все прочие; княжение Василия Димитриевича характеризуется отношениями между обеими частями Руси, Русью Литовскою и Русью Московскою, характеризуется великою борьбою между ними, в которой московскому князю принадлежит честь за то, что он умел отстоять независимость Северо-Восточной Руси против Витовта и тем самым решил борьбу в пользу Москвы, ибо после Витовта Литовская Русь не могла более думать о наступательном движении на Московскую. Во сколько эту честь Василий Димитриевич должен разделить с своими боярами, увидим после.

Донской завещал сыну в княжение Владимирское как отчину: в самом деле, соперников не было, и хан немедленно утвердил нового в. князя. Последний тотчас показал, что он правнук

Калиты, и ознаменовал начало своего княжения богатым примыслом. Он отправился сам в Орду, где был со всеми знаком, жив долго прежде заложником у Туктамыша. Хан принял прежнего своего заложника с такой честью, какой не оказывал в Орде ни одному русскому князю. Василий тотчас воспользовался такими благоприятными обстоятельствами: он подарил хана и всех к нему приближенных и выпросил ярлык на Нижний Новгород, Городец, Мещеру, Торусу и Муром⁶⁸⁵.

Возвратясь из Орды, Василий послал бояр своих и ханского посла взять Нижний у князя Бориса Константиновича. Любопытны подробности, сообщаемые летописцем об этом взятии. Мы несколько раз уже имели случай заметить, как усилилось значение бояр вследствие оседлости их в известных княжествах. Мы видели старание бояр каждого княжества усилить его на счет других; когда эта попытка удалась только боярам московским, то бояре остальных княжеств, видя невозможность бороться с Москвою, видя, что рано или поздно их княжества должны подчиниться Москве, спешили соблюсти собственные выгоды и даже увеличить их оставлением своих несчастных князей и переходом в службу князя московского: это не считалось изменою, потому что удерживалось еще старое право бояр свободно переходить от одного князя к другому.

Когда нижегородский князь Борис Константинович узнал о приближении татарского посла и бояр московских, то созвал бояр своих и начал их упрашивать со слезами: «Господа мои и братья, бояре и друзья, вспомните свое крестное целование и любовь мою к вам, и не покиньте меня!» Но старший из бояр Василий Румянец уже передался московскому князю; он отвечал Борису: «Не печалься, князь, мы все готовы сложить за тебя свои головы»; но когда Борис хотел вооружиться против московских бояр, Румянец отклонил его от этого намерения, и московские бояре были впушены в город. Они звуком колоколов созвали жителей и объявили им, что отныне князем их будет Василий Дмитриевич Московский. Несчастный Борис обратился было опять к боярам своим, но Румянец сказал ему: «Князь, теперь на нас уже не надейся, мы больше не твои, и стоим не за тебя, но против тебя»⁶⁸⁶. Бориса взяли со всем семейством и со всеми добротами и держали в тесном заключении; племянники его, сыновья Дмитрия Константиновича, след, родные дядя по матери московскому князю, были также лишены своих уделов; один из них, по свидетельству летописца, «8 лет служил по ряду в Орде не почивая четверем царем, а все поднимая рать на князя великаго, како бы нелезти свое княжнье»⁶⁸⁷. Но все усилия были тщетны. Так рушилось княжество Суздальское, отданное Невским брату своему и сопернику Андрею, которого потомки не оставляли никогда притязаний на в. княжение; мы увидим их

после в рядах бояр московских: и тут один из них, Василий Шуйский, вздумал по пресечении потомства Невского возобновить старинные притязания и стать царем московским, но и здесь не удалось суздальскому князю: новая, Московская, Русь не терпела старых притязаний.

В то время как московский князь примышлял к своей собственности на востоке, князь Литовской Руси Витовт действовал точно так же на западе. Есть предание, что, когда Витовт еще был изгнанником в чужой стране, он захватил молодого наследника московского престола Василия, когда тот окольными путями пробирался из Орды в отечество; Витовт взял с своего пленника обещание жениться на дочери его Софье. Когда Василий стал московским князем, он сдержал обещание жениться на литовской княжне. Брак казался выгодным обоим сторонам: Витовт еще не утвердился в Литве, опасался двоюродного брата своего, польского короля Ягайла; Василий надеялся, что в Витовте найдет верное орудие против замыслов того же Ягайла. Но как скоро Витовт успел вырвать у польского короля литовско-русские области, то в значении князя Южной Руси не мог иметь к московскому князю и всея Руси других отношений, кроме сопернических.

Легко достался Нижний московскому князю; Витовт так же легко хотел овладеть Смоленском; в 1395 году во время сильной ссоры между смоленскими князьями Витовт предложил им себя в посредники; неосторожные князья явились к нему все на третейский суд вместе с боярами, и все были захвачены, кроме одного Юрия, бежавшего в Рязань к тестю своему Олегу; в Смоленске начали править наместники Витовта. Тогда против последнего вооружился не князь московский, но знаменитый Олег Рязанский: он вступил в литовские области. Василий Дмитриевич спешил прекратить эту войну: с одной стороны, московский князь уговаривал Олега окончить враждебные действия, с другой — два раза имел свидание с тестем, один раз в Смоленске, другой — в Коломне, когда тот возвращался из Рязанского похода⁶⁸⁸.

Витовт видел, что трудно вступить в открытую вражду с князем, которого отец разбил Мамай и который сам не побоялся выйти навстречу к Тамерлану, и потому решился действовать подобно предшественникам, т. е. старался овладеть Восточною Русью с помощью татар. Туктамыш в это время был изгнан из Орды Темир-Кутлум, именем которого правил Эдигей. Изгнанный хан обратился к Витовту с просьбою о помощи: литовский князь принял Туктамыша под свое покровительство с условием, что если он восстановит его в Орде, то хан поможет ему овладеть Восточною Русью⁶⁸⁹; и в то же самое время между обоими русскими князьями, между тестем и зятем, шла дружелюбная переписка, и княгиня московская гостила у отца в Смоленске, осыпаемая дарами.

В 1399 году Витовт с литовскими и русскими полками, подкрепленный татарами Туктамышша, польскими, немецкими и вооруженными отрядами, встретился с полками Темир-Кутлуга и Эдигея на берегах Ворсклы. Здесь в страшной битве, какие давно уже забыла Западная Европа и какие могли иметь только место на границах Европы с Азией, Витовт потерпел сильное поражение: больше 20 князей, потомков св. Владимира и Гедиминовичей, легло в битве⁶⁹⁰.

Тогда Юрий, изгнанный князь смоленский, и Олег Рязанский, тесть его, узнав, что часть смоленских жителей не доброхотствует Витовту, двинулись к Смоленску и взяли город; Юрий устался в нем княжить; попытка Витовта изгнать Юрия не удалась. Ободренный этим Олег решил действовать наступательно и отправил сына в древние Черниговские области, принадлежавшие Литве, но княжич рязанский был разбит и взят в плен Витовтом⁶⁹¹; в том же 1402 году умер Олег Рязанский, и в следующем Витовт осадил Смоленск⁶⁹², но опять безуспешно.

Тогда князь Юрий, зная, что ему не будет покоя от литовского князя, поехал в Москву и предложил Василию свое подданство. Василий отвергнул опасное предложение: взять Смоленск значило объявить войну Витовту, который имел право доискиваться этого города, как уже прежде ему принадлежавшего⁶⁹³; притом московский князь надеялся на необыкновенную крепость Смоленска, отразившего уже два раза приступ Витовта. В самом деле, при тогдашнем несовершенстве ратного дела Смоленск мог быть взят только изменою; мы видели, что московский князь овладел Нижним с помощью бояр; Витовт овладел Смоленском с их же помощью. Мы имели уже случай заметить, что интерес бояр заставлял их переходить от слабых князей к сильнейшим; в Смоленске к этой причине присоединилась еще другая: князь Юрий, человек жестокий и безнравственный, навлек ненависть бояр, и в то время, как он жил в Москве, склоняя Василия принять его под свою защиту, бояре сдали Смоленск Витовту. Московский князь, сведав об этом, изъявил сильное негодование: не зная поведения Юрьева в Смоленске, он сначала обвинил было его самого в измене, будучи уверен, что без измены взять Смоленска нельзя⁶⁹⁴. Хитрый Витовт привязал к себе Смоленск поведением, совершенно противоположным Юрьеву, осыпая граждан льготами⁶⁹⁵. Так пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстиславова.

Взятие Смоленска ободрило Витовта совершенно: он начал снова наступательные действия на Московскую Русь, именно на области Псковские; тогда Василий Дмитриевич двинулся сам с полками на Витовта⁶⁹⁶, и как последний хотел овладеть Москвою с помощью татар, так и Василий заключил союз с ханом Шадибеком, который прислал к нему на помощь отряд монголов⁶⁹⁷. Князья московский и литовский сошлись близ

Крапивны, в нынешней Тульской губернии, для решительной битвы, но оба боялись ее, начали переговоры, заключили перемирие и разошлись⁶⁹⁸.

Скоро московский князь нашел верных союзников в собственных областях Витовта, в Литовской Руси. В 1406 году приехал к нему из Литвы на службу князь Александр Нелюб, и в. князь отдал ему Переяславль в кормление⁶⁹⁹. В следующем 1407 году неприятельские действия возобновились: оба князя взяли друг у друга по городу; но против Витовта вооружился двоюродный брат его Свидригайло Ольгердович, князь северский, любимый русским народом; этот князь стоял в числе недовольных Витовтом и как глава православной партии был в тесном союзе с Москвою: Свидригайло не пустил Витовта далее в Московские области⁷⁰⁰, и опять был заключен мир под Вязьмой.

В 1408 году Свидригайло отъехал в Москву, с ним вместе отъехал черниговский епископ, 6 князей и целая толпа бояр Южной Руси; Василий не знал, чем изъявить свое радушие этому драгоценному союзнику; он дал ему на кормление Владимир со всеми волостями, Переяславль⁷⁰¹, Юрьев, Волок Ламский, Ржеву, половину Коломны. Такая щедрость сильно оскорбила московский народ. Народ не понимал смысла великой борьбы, которую вел Василий с Витовтом; ему гораздо опаснее казались татары, и, видя союз своего князя с Ордою против Витовта, народ с ужасом думал, что татары нарочно ссорят зятя с тестем, дабы воспользоваться их междоусобием. Я приведу это замечательное место в летописи, где выражено негодование народа на щедрость в. князя к Свидригайлу⁷⁰²; приписав литовскую войну изущению Эдигея, летописец продолжает: «И начаша воевати Литву, имуще рать татарскую ссобою, а Литва воеваше москвич, и кровь многа проливашесь а татарове полоном и именем обогатеша, и московтиши бояре и воеводы и вельможи веселяхуть, старцы же старые сего не похвалиша глаголюще, несть добра дума бояр наших, иж приводят на помощь себе татар. Не бяше бо в то время на Москве бояр старых, но юнии совещевающие о всем, и размирием и ратем и кровопролитию радуясь, тем и многа в них нестроения бываху. Едигеи же непрестанно ссоры творяше межи обоих видяше бо яко ближники суть, сеи тесть а сеи зять, и не зело хотят к брани, и не желательны кровопролитию но миру и любви; а в то время прислах князь Свистригаило Олгердович на Москву к великому князю Василью Дмитревичу хотя с ним с единого на Витовта. Свистригаило ж лях бе верою но устроен к брани, муж храбр и крепок на ополчение; и рад бысть ему князь великий со всеми бояры своими, и вдаша ему грады мнози, мало не половину великого княжения московского, и славнии град Владимир. И сия вся ляху пришелцу дано быша, темже и беды многи постигоша нас».

В надежде на Свидригайла Василий в том же году двинулся на Витовта: полки московские и литовские сошлись и, по обычаю, не решились на битву; после продолжительных переговоров заключен был окончательный мир⁷⁰³, по которому река Угра назначена границей между Литовскою и Московскою Русью, причем три города отошли от Витовта к Василию. Свидригайло мог быть недоволен умеренностью Василия, ибо надеялся с его помощью свергнуть Витовта; с другой стороны, он вошел в тесную дружбу с братом в. князя Юрием⁷⁰⁴, который уже тогда был в размолвке с Василием, не желая уступить старшинства племяннику: этим объясняется поступок Свидригайла, который во время Эдигеева нашествия не оказал в. князю никакой помощи и скоро отъехал назад в Литовскую Русь, обнаружив свою вражду к Москве тем, что на дороге ограбил Серпухов⁷⁰⁵.

Едва Василий кончил дело с Литвою, как Орда напомнила ему о себе. После Куликовской битвы ханы уже не надеются более явным нашествием сокрушить могущество московского князя; вот почему Эдигей, собравшись в поход, послал сказать Василию, что идет на Литву, и вдруг явился в пределах Восточной Руси. Василий, захваченный врасплох, выехал из Москвы; Эдигей осадил ее, но весть о вторжении врагов в собственную Орду заставила его снять осаду и выйти из пределов Руси.

С дороги он прислал в. князю письмо⁷⁰⁶, замечательное для нас тем, что в нем раскрыты внутренние отношения Московского княжества, о которых молчит летописец, именно — влияние известных бояр на дела. Мы видели уже, что и летописец жалуется на смену старых бояр молодыми в думе в. князя; Эдигей упоминает о том же: «Добрые нравы и добрая дума и добрые дела были к Орде от Федора от Кошки — добрыи был человек, — которые добрые дела ордынские, то и тебе воспоминал, и то ся минуло; а ныне у тебя сын ево Иван, казначей ивой и любовник, старешина, и ты ныне не того слова, не того думы не выступишь. Ино тою думою учинилось твоему улусу пакость и крестьяне изгибли, и тыб опять тако не делал, а молодых не слушал, и собрал бы еси старейших своих бояр Илию Ивановича, Петра Костянтиновича, Ивана Микитича, и хочеш на своем улусе княжити, и тыбе тех бояр, да иных многих старцов воземских, да думал бы еси с ними добрую думу». Если сравним эти слова с вышеприведенными словами летописца об отношениях литовских, то можем заключить, что бояре Донского, которых главной заботой были дела ордынские и которые были напуганы нашествием Туктамышша, не могли переменить господствующего направления своей деятельности, не могли стать в уровень с настоящими потребностями и потому, не понимая всей важности отношений литовских, всей опасности, которая грозила с запада, отвлекали внимание в. князя от замыслов Витовта и обращали

его преимущественно на дела Орды, советуя, как старики, меры осторожные в отношении к последней; но бояре молодые, в челе которых стоял Иван Федорович Кошка, уразумели, что отношения литовские должны играть главную роль, что Москва должна напрочь все силы для сопротивления замыслам Витовтовым, тогда как опасность от издыхающей Орды, в сравнении с последними, разумеется, была ничтожна. Вот почему Василий сначала, когда руководился советами старого Федора Кошки, не полагал никакой преграды замыслам Витовтовым и позволил ему овладеть Смоленском⁷⁰⁷; но после, когда получил влияние молодой Иван Кошка, то в. князь как бы пробудился от прежнего бездействия и сильными, решительными мерами заставляет Витовта отложить свои замыслы касательно примыслов в Московской Руси⁷⁰⁸.

Показав отношения в. к. московского к Литве при Василии Дмитриевиче, обратимся теперь к другим княжествам русским. С Рязанью не было вражды при Василии; с сыном и преемником Олега Федором заключен был договор в 1402 году⁷⁰⁹. В. князь рязанский признал себя младшим братом московского и обязался обо всех сношениях своих с Ордою объявлять Василию. Любопытно также то, что московские князья, прикупая и примышляя земли, никогда не отступались от этих примыслов, но от других князей требовали уступки прежних прикупов: так, в означенном договоре Василий требует, чтоб в. к. рязанский отказался от прикупов отца своего в земле Мещерской. Мы уже имели случай упоминать о наследственной вражде между в. князьями рязанским и пронским: она не прекращалась и теперь. В. к. московский ставит себя посредником между враждующими князьями и вносит в договор следующее условие: «А со князем с великим с Иваном Володимеровичем (Пронским) взяти любовь по данным грамотам. А что ся учинит межы вас какова обида, и вам отъслати своих бояр, ини учинят исправу; а о чем ся сопрут, ино им третий митрополит: а кого митрополит обинит, ино обидное отдати; а не отдасть, ино мне в. к. Василью Дмитриевичю отпавити, а то ми не в измену, тако же на обе стороне». Несмотря на это посредничество, вражда между князьями рязанским и пронским не стихала: в 1409 году Иван Владимирович пришел с татарами на Федора Ольговича, выгнал его из Рязани и сам сел на обоих столах; изгнанный Ольгович явился с воеводами Василия Московского отыскивать свою отчину, но был наголову разбит пронским князем; несмотря, однако, на эту победу, последний должен был уступить Рязань опять Федору, без сомнения вследствие угроз в. к. московского⁷¹⁰.

В 1399 году умер тверской князь Михаил, последний опасный соперник московского князя. Почти за год до смерти он заключил договор с Василием⁷¹¹, по которому становится в такое же отношение к в. князю московскому, как и Федор Рязанский,

обязывается быть с ним заодно во всех войнах с татарами, Литвою, немцами, ляхами, обязывается не искать в княжения Владимирского за себя, за детей, за внучат и за племянников.

По смерти Михаила в тверском княжении начались усобицы: я не стану входить в их подробности, потому что они имеют уже известный нам характер. В. к. тверской Иван Михайлович по праву сильного теснит удельных, отнимает у них земли, выгоняет, даже лишает свободы; удельные, с своей стороны, мимо всех прав ищут в княжения под Иваном⁷¹².

Любопытны отношения этого Ивана Михайловича к Москве: он знал, что борьба с нею невозможна, даже в том случае, если бы как-нибудь хан утвердил на время свою власть над нею. Так, когда Эдигей во время осады Москвы послал к Ивану сказать, чтоб тот шел к нему со всею ратюю, то в. князь тверской показал вид, что послушался приказа, и поехал к Эдигею только один, без войска; а потом под предлогом болезни возвратился с дороги. Современники считали этот поступок тверского князя мастерским делом; вот что говорит летописец: «Таковым коварством перемудрова, ни Едегея разгнева; ни князю великому погруби, обоим обоего избежа; се же створи уменски, паче же истински»⁷¹³. Такая похвала не показывает большой возвышенности в понятиях современников, что было, однако, необходимо при тогдашних обстоятельствах, когда в борьбе между сильными слабые видели единственное средство спасения в ловком двоедушии.

Из отношений между московскими князьями великими и удельными первое место занимают отношения Василия к дяде его Владимиру Андреевичу. Последний отказался от старшинства в пользу племянника; но это явление не могло не иметь неприятных последствий по самой новости, неловкости положения обеих сторон.

Владимир, несмотря на то, что признал себя младшим братом, не мог забыть, что он дядя, и потому должен был требовать уважения и уступок больших, чем какие мог оказывать ему племянник по своему новому положению. Отсюда в первый же год Васильева княжения обнаружилась вражда между племянником и дядею; Владимир выехал из Москвы сперва в свой наследственный город Сернухов, а потом в Новгородскую область, в Торжок.

Но Василий спешил прекратить эту вражду, опасную уже тем одним, что отвлекала внимание в. князя от важнейших отношений; Владимиру дали два города — Волок и Ржеву, и заключен был договор, который дошел до нас⁷¹⁴.

В. князь выговаривает себе право посылать дядю в поход, и тот должен садиться на коня без ослушания. Любопытно для нас следующее условие, которое показывает, до какой степени дошла недоверчивость между родичами: «Такоже и городная

осада, оже ми, брате, самому сести в городе, а тебе ми послати из города; и тебе оставити своя княгини, и свои дети, и свои бояре: а будет ми тебе оставити в городе, ехати ми из города; и мне брате, оставити своя мати, и свою братью молодшую, и свои бояре». Смысл таков: если в. князь, оставив дядю в Москве, уедет на север или куда бы то ни было со всем семейством и двором, то не будет более заботиться о дяде, и наоборот, если Владимир, посланный из города, уедет со всем семейством и двором, то не будет заботиться о в. князе, оставленном в осаде, и станет преследовать только свои выгоды.

Около 1405 года заключен был второй договор⁷¹⁵ с Владимиром, по которому в. князь дал ему в отчину другие города вместо прежде уступленных, а Владимир, с своей стороны, обязался в случае смерти Василия перенести свои отношения к нему и на сына его, т. е. быть младшим братом и дядей внука.

В 1410 году умер Владимир Андреевич. Он также оставил завещание⁷¹⁶, которое сходно с завещанием князей великих; Владимир приказывает в. к. Василию своих детей и бояр, просит его печаловаться об них; в случае споров между детьми должна решить княгиня — мать их, а в. князь должен привести в исполнение приговор ее, причем завещатель прибавляет любопытные слова, отражающие дух и потребность времени: «А вотчине бы их было и их уделом без убытка». В случае смерти одного из сыновей Владимир возобновляет древнее распоряжение; мы видели, что в Северной Руси дочь наследует отцу, если нет сыновей, как, напр., было в Ярославле, но Владимир завещал: «А не будет сына, а останется дчи, и дети мои вси брата своего дчерь выдадут за муж, а брата своего уделом поделятся вси ровно». К такому распоряжению привела Владимира мысль, что его удел и без того раздробился уже на 5 участков по числу сыновей, и если позволит переход этих участков чрез дочерей в чужие роды, то его собственный род совершенно обессилеет.

Мы имеем договорные грамоты Василия Димитриевича также с родными его братьями⁷¹⁷. В них нет отмен против прежних подобного же рода грамот. Для объяснения последующих событий важно заметить, что князья Андрей и Петр Димитриевичи обязываются в случае смерти Василия блюсти в. княжение и под сыном его, тогда как в договорной грамоте Юрия этого условия не находится.

Замечательные были отношения в. князя к самому меньшему брату его Константину. Он родился незадолго до смерти отца, так что ему в духовной Донского не было назначено никакого удела, и Василий Димитриевич дал ему маленький удел⁷¹⁸, взявши, по отцовскому завещанию, по несколько волостей у братьев⁷¹⁹. Так как этот Константин остался малюткой на руках старшего брата, то в. князь называет его братом и сыном. Но когда Василий в 1419 году потребовал от братьев, чтоб они

отреклись от прав своих на старшинство в пользу племянника, то Константин оказал явное сопротивление. «Несть сия от начала бывало»,— говорил молодой князь ⁷²⁰. Василий рассердился, отнял у него удел, и Константин удалился в Новгород, убежище всех недовольных князей; однако скоро он уступил требованиям старшего брата и возвратился в Москву.

В 1425 году умер Василий Дмитриевич. До нас дошло 3 его духовные грамоты. Первая ⁷²¹ написана в 1406 году, когда еще у него был жив сын Иван, а Василий не родился еще. В это время в. князь еще не был уверен, достанется ли в княжение Владимирское, равно как богатые примыслы — Нижний и Муром, сыну его, и потому говорит предположительно: «А даст Бог сыну моему князю Ивану княженъ великое держати... А даст Бог сыну моему князю Ивану держати Новгород Нижний да Муром».

Вторая духовная грамота Василия относится к 1423 году ⁷²². Здесь уже в. князь благословляет сына Василия утвердительно своею вотчиною великим княжением; о Новгороде же Нижнем говорит опять предположительно: «А оже ми дастъ Бог Новгород Нижний, и яз и новым городом Нижним благословляю сына моего князя Василия»; и только в 1424 году утвердительно благословляет сына примыслом своим — Новгородом Нижним и Муромом ⁷²³.

Но замечательнее всего для нас в этих духовных то обстоятельство, что в. князь приказывает своего сына тестю Витовту, братьям Андрею, Петру и Константину, равно как четвероюродным братьям, сыновьям Владимира Андреевича; но ни в одной грамоте не говорится ни слова о старшем из братьев, Юрии Дмитриевиче,—знак, что этот князь еще при жизни Василия Дмитриевича постоянно отрицался признать старшинство племянника, основываясь на древних родовых отношениях и на криво толкуемом завещании Донского, где последний говорит, что в случае смерти Василия удел его переходит к старшему по нем; но здесь, как и во всех других завещаниях, разумеется кончина беспотомственная, ибо речь идет о целом уделе Василия, которого отчинная часть по крайней мере, если исключим в. княжение Владимирское, необходимо должна была переходить к сыновьям покойного ⁷²⁴.

ГЛАВА VIII

ИСТОРИЯ КНЯЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРАВЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО

Тотчас по смерти Василия Дмитриевича митрополит Фотий послал за старшим дядею Юрием, чтоб тот явился в Москву и признал старшинство племянника ⁷²⁵; но Юрий не поехал

и прислал в Москву с угрозами. Юрий не хотел войны открытой и вместе не хотел мира с племянником, ибо при заключении мирного договора он должен был бы отказаться от своих притязаний; но требовал единственно перемирия, выжидая удобного времени, движения с востока или запада или внутренних смут в самой Москве, чтоб напасть с успехом на племянника, которого не мог осилить в борьбе открытой. Так, когда Юрий вздумал было собирать войско, то Василий (т. е. по воле бояр, ибо в князю было только 10 лет) двинулся на него, заставил бежать из наследственной области, и, если верить известиям некоторых летописцев, Юрий был спасен единственно одним из братьев своих, которому в князь поручил преследовать неприятеля и который, *норовя* Юрию, не хотел деятельно за ним гнаться⁷²⁶; известие вероятное, ибо Юрий, поддерживая старинные права дядей, с тем вместе поддерживал право всех Дмитриевичей.

После этой неудачной попытки Юрий хотел опять только перемирия, но Москва хотела мира. Митрополит Фотий ездил в Галич к Юрию, но успел уговорить его только к тому, что он обещался не думать о кровопролитии и отдать дело на решение хана⁷²⁷. И это была только одна уловка, одно средство продлить нерешительное положение, ибо если и прежние князья мало обращали внимание на решения ханские, то могли ли повиноваться им сын и внук Донского?

Вот почему долго после того ни дядя, ни племянник не думали ехать в Орду, и Юрий, отчаявшись в успехе своего дела, заключил в 1428 году договор с Василием, по которому признавал себя младшим братом племянника и обязывался подобно другим своим братьям не искать в княжения под Василием⁷²⁸. Но в 1431 году кто-то постарался снова поссорить родственников; Юрий прислал означенный договор вместе со складною грамотою⁷²⁹, и тут только, для избежания кровопролития, оба соперника решились ехать в Орду на третейский суд, ибо другого значения ханский суд в то время иметь не мог.

В челе московского боярства стоял тогда старый боярин Иван Дмитриевич, хитрый, ловкий, находчивый, одним словом — образец тех московских бояр, которые при отце, дяде и прадеде Василье умели удержать за Москвой первенство и дать ей могущество. Когда неосторожный Юрий, прибыв в Орду, уехал в Крым к своему приятелю мурзе Тегине, Иван Дмитриевич подольстился к остальным мурзам, возбудил их ревность к могуществу Тегини, и они так настроили хана Махмета, что тот грозил Тегине смертию, если он вымолвит хоть слово за Юрия⁷³⁰. Начался суд: Юрий основывал свои права на древнем родовом обычае, доказывал летописями и, наконец, ссылался на ложно толкуемое завещание Донского. За Василия говорил Иван Дмитриевич, он сказал хану: князь Юрий ищет в княжения по

завещанию отца своего, а князь Василий — по твоей милости; ты дал улус свой отцу его Василию Дмитриевичу, и тот, основываясь на твоей милости, передал его сыну своему, который уже столько лет княжит и не свергнут тобой, след., княжит по твоей же милости⁷³¹. Эта лесть, замечательная для нас тем, что в ней отзывается совершенное презрение, забвение старины, на котором основалось Московское государство, эта лесть произвела свое действие: хан дал ярлык Василию; однако дяде Юрию, в угоду другу его Тегине, уступили Дмитров, выморочный удел брата его Петра. Так окончился суд в Орде: разумеется, он не мог потушить распри; Юрий не мог забыть неудачи, Василий не мог не воспользоваться своим торжеством для окончательного низложения соперника. Вот почему в том же году встречаем известие, что Юрий побоялся жить в новом своем уделе Дмитрове и уехал в далекий Галич, а Василий тотчас же выгнал его наместников из Дмитрова и захватил город⁷³². Юрий должен был опасаться еще большего насилия со стороны счастливого соперника, как вдруг дела в Москве неожиданно приняли благоприятный для него оборот.

Иван Дмитриевич в награду за услуги, оказанные им Василию в Орде, надеялся, что в князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкой в то время, когда князья часто женились на дочерях боярских и выдавали за бояр дочерей своих. Дочь Ивана Дмитриевича происходила по матери также от княжеской крови и была поэтому в родстве с в. князем; последний, будучи в Орде, дал свое согласие на этот брак. Но по приезде в Москву дела переменились: мать в. князя Софья Витовтовна имела другие понятия: она не согласилась на брак своего сына на боярской дочери и настояла, чтоб он обручился на княжне Марье Ярославне, внучке Владимира Андреевича Храброго. Тогда Иван Дмитриевич, так сильно ратовавший в Орде против старины княжеской, вспомнил старину боярскую и отъехал от московского князя. Он боялся прямо ехать к Юрию, опасаясь гнева его за недавнюю обиду; и потому кинулся сперва к Константину Дмитриевичу, надеясь пробудить в нем старинные замыслы, потом к тверскому князю⁷³³, наследственному сопернику Москвы: но все это уже была старина, над которою сам боярин так недавно наругал в Орде; новым, действительным было могущество Москвы, против которого никто не смел тронуться, могущество, утвержденное с помощью предков Ивана и его самого. Наконец, боярин решился явиться к Юрию и был принят радушно: все прежнее было забыто между двумя заклятыми врагами московского князя.

Но между тем как старый боярин подговаривал старого князя возобновить старинные притязания, в Москве молодые князья, сыновья Юрия Василий Косой и Димитрий Шемяка, пировали на

свадьбе в князя с Марьей Ярославною. Но и здесь нашелся старик, который вспомнил старину, и его напоминовение смутило веселый пир и имело страшные следствия. Князь Василий Косой явился на свадьбу в богатом поясе; старый боярин Петр Константинович рассказал историю этого пояса матери в. князя Софье Витовтовне, историю, любопытную и для нас. Знаменитый пояс был дан суздальским князем Дмитрием Константиновичем в приданое за дочерью Евдокией, шедшей замуж за Дмитрия Донского; последний тысяцкий Василий Вельяминов, который должен был играть важную роль на княжеской свадьбе, подменил этот пояс другим, меньшей цены, а настоящий отдал сыну своему Николаю, за которым была старшая дочь кн. Дмитрия Суздальского Марья. Николай Вельяминов отдал роковой пояс также в приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина Ивана Дмитриевича; Иван отдал его в приданое за дочерью же князю Андрею Владимировичу, сыну Храброго, и по смерти последнего, обручив его дочь, а свою внучку за Василия Косого, подарил жениху пояс, в котором тот и явился на свадьбу в. князя⁷³⁴. Софья Витовтовна, узнав, что за пояс был на Косом, не постыдилась при всех снять его с князя как собственность своего семейства, беззаконно перешедшую в чужое. Юрьевичи, справедливо оскорбленные таким позором, тотчас выехали из Москвы, и это послужило знаком к войне.

В Москве только тогда узнали о движениях Юрия, когда уже он был недалеко с многочисленным войском. В. князь, захваченный врасплох, не мог думать о сопротивлении; он послал бояр своих просить мира у дяди, которого они нашли в Троицком монастыре; но Иван Дмитриевич не дал и слова молвить о мире. «И бышь,—говорит летописец,—межи обоих бояр брань велика и слова неподобныя»⁷³⁵. Тогда Василий, собравши наскоро сколько мог людей, выступил против дяди, но с своею малочисленною и нестройною толпою был разбит наголову сильными полками Юрия за 20 верст от Москвы и бежал в Кострому, где был захвачен в плен. Юрий въехал в Москву и стал в. князем.

Какие же могли быть следствия этого события? Старина, возобновленная Юрием, была новостью в Москве, и потому победитель находился в затруднительном положении, не знал, что делать с побежденным. Сперва, при господстве родовых отношений, сын в. князя при жизни отца имел свою волюсть, и когда старший в роде заступал место покойного в. князя, то сын последнего оставался на своем столе или переменял его на другой, лучший, что было тогда легко. Но теперь Василий при жизни отца не имел особого удела, его удел была Москва и в. княжение; вытеснив его из Москвы, Юрий, чтобы поместить его где-нибудь, должен был разрушить порядок вещей, установленный завещаниями князей предшествовавших; притом жители Москвы любили Василия как у них взрослого и забыли Юрия.

Далее представлялся вопрос: по смерти Юрия, которая была недалеко по причине его старости, кто долженствовал быть в князем? По старому порядку вещей — Константин Димитриевич, единственный из оставшихся в живых сын Донского, а после него опять Василий как сын старшего брата. Московский боярин Иван Дмитриевич и сыновья Юрия думали не так: они позабыли старину и знать ее не хотели. Их право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василия из Москвы, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старых родовых счетов с кем бы то ни было; они хотели, по новому порядку вещей, наследовать своему отцу точно так, как Василий наследовал своему, след., эту знаменитую московскую борьбу дяди с племянником никак нельзя смешивать с подобными войнами в старой Руси: в московской борьбе право старшинства было только пустым предлогом, и победитель, который осиливал во имя этого права, тотчас же стремился нарушить его в свою пользу, тотчас возобновлял поведение противника, против которого вооружился. Московский боярин Иван Дмитриевич и сыновья Юрия, повторяю, смотрели на борьбу с Василием с новой точки зрения и хотели воспользоваться своею победою, чтоб тотчас же избавиться от последнего: они не видали в нем родича, с которым хотели считаться правами; они видали в нем независимого владельца, которого собственность дало им в руки военное счастье, и в этой собственности они видели примысл, которым не хотели делиться ни с кем.

Но отец их Юрий был более совестлив или, по крайней мере, не имел столько твердости в характере, чтоб решиться на насильственные меры против племянника. Скоро последний нашел за себя пред ним ревностного ходатая. У Юрия был старинный любимый боярин Семен Морозов; появление ловкого Ивана Дмитриевича при дворе Юрия и перевес, который он взял надо всеми по своим талантам, не могли не оскорбить прежнего любимца: выражаясь местническим языком, Иван Дмитриевич *здохал* Морозова, оттеснил его на низшую ступень: вот почему Морозов находил удовольствие в том, чтоб противоречить советам Ивана Дмитриевича, и, когда последний вместе с молодыми князьями настаивал на жестоких мерах против Василия, Морозов заступался за несчастного пленника и уговорил Юрия отдать ему в удел Коломну, постоянно переходившую к старшему сыну в князя московского ⁷³⁶.

Но едва прежний в. князь прибыл в свой удел, как начал призывать к себе отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться к нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь от Юрия, которого не знали; одним словом, около Василия собрались все те, которые пришли бы к нему и в Москву по первому зову, но не успели этого сделать, потому что Юрий застал

племянника врасплох и этому только был обязан своим торжеством. Тогда Юрьевичи, увидя исполнение своих опасений, обратили ярость на главного виновника отцовской ошибки и убили Семена Морозова во дворцовых сенях, приговаривая: «Ты злодей, крамольник, ты ввел отца нашего в беду, и нам издавна крамольник и лиходей»⁹³⁷. Избегая отцовского гнева, убийцы удалились из Москвы; тогда Юрий, видя себя оставленным москвитянами и собственными детьми, послал к Василию звать его обратно на великое княжение, а сам уехал в Галич, сопровождаемый только пятью человеками⁷³⁸. Так торжественно была показана невозможность восстановления старины! Но борьба этим не кончилась.

Удалясь из Москвы, в пылу негодования на двоих старших сыновей Юрий отделил их дело от своего и заключил с Василием Васильевичем договор, в котором за себя и за младшего сына, Дмитрия Красного, отказался принимать к себе Косого и Шемяку⁷³⁹; отказался от выморочного удела брата своего Петра — Дмитрова, за что взял Бежецкий Верх с разными другими волостями: но здесь, разумеется, выгода была на стороне Василия, который утверждал право в. князя наследовать выморочные уделы без дележа с родичами. Юрий не выговорил ничего в пользу Ивана Дмитриевича: все села его были взяты в казну Василия *за его вину*.

Но Юрий не мог долго сдерживать своих обещаний: когда пришла весть, что Василий послал войско на Косого и Шемяку, то старику жаль стало сыновей, и он послал к ним на помощь свои полки: узнав о таком нарушении данного слова, в. князь пошел на дядю, но тот успел остеречься, соединился со старшими сыновьями и разбил Василия; последний побегал сперва в Новгород Великий, а потом в Нижний и, настагаемый Юрьевичами, собрался уже в Орду, как вдруг узнал о скоростижной смерти Юрия, случившейся в Москве в том же 1434 году. Оставленная Юрием духовная написана прежде, а именно — тотчас по приходе из Орды, когда еще он владел Дмитровом⁷⁴⁰.

Любопытны договорные грамоты, заключенные перед этим временем в. князьями Василием и Юрием с удельными князьями — сыновьями Андрея Дмитриевича, внуками Владимира Андреевича и с в. князем рязанским⁷⁴¹. Они начинаются: «Божиею милостию» или: «Божиею милостию и Пречистыя Богородицы»; внуки Владимира Андреевича называют в. к. Василия Васильевича старшим братом и отцом, дядю его Константина — дядею; в. к. Рязанский Иван Феодорович называет себя племянником Юрия Дмитриевича, как он и был действительно, ибо его мать, жена Федора Ольговича, была дочь Донского; но какой же смысл имеет это выражение: «Имети ти мене себе братеничем?»

Это определение отношений, несмотря на то, что родственное, заимствовано, однако, не из прежнего родового быта: преж-

де существовали только отношения отца и брата, старшие для младших были отцами, младшие для младших — братьями, племянник для дяди был сыном, ибо при единстве рода различия между ближайшими и отдаленнейшими родичами не могло быть; след., различия между сыном и племянником не было, отношения сына к отцу и племянника к дяде были совершенно одинакие, и потому мы видим, что в Древней Руси дядя обыкновенно говорит племяннику: *сыну!* а племянник дяде: *отче!* Так, сыновья Андрея Дмитриевича, заключая договор с дядею Юрием, прямо называют его отцом, что понятно и определено: «Целуй ко мне крест к своему *отцу* в. к. Юрию Дмитриевичю и к моим детям: имети вам мене себе отцем; а мне в. князю вас держати в сыновстве и во чти, без обиды».

Итак, что же хочет сказать в. к. рязанский, называя себя племянником князя московского, а не сыном? Он хочет сказать то, что между ними существует кровная связь, вследствие которой он будет уважать Юрия как брата своей матери, а тот должен любить и защищать его как сына своей сестры, безо всяких, однако, родовых отношений, которые уже теперь служили сильнейшим князьям для достижения государственных целей; так, если бы рязанский князь назвался сыном московского, то этим самым, по новому порядку вещей, поступил бы к нему в подручное отношение, тогда как название племянника ни к чему его не обязывало.

По смерти Юрия престол московский занял старший сын его Василий Косой мимо всех родовых прав, по новому обычаю престолонаследия от отца к сыну. Но братья его, два Димитрия — Шемяка и Красный, поспешили доказать ему, что и они действуют по-новому, т. е. преследуют свои личные интересы, а не интересы рода; они послали сказать Косому: «Если Богу не угодно, чтобы княжил отец наш, то тебя сами не хотим»⁷⁴² и в то же время послали к Василию Васильевичу в Нижний звать его на в. княжение в Москву: они знали, что брату их не удержаться в Москве, и потому поспешили добровольным признанием Василия получить расположение последнего и прибавки к своим уделам. Василий Васильевич точно отдал Шемяке удел умершего дяди Константина Дмитриевича — Ржев и Углич, но зато удержал за собою удел дяди Петра — Дмитров и удел Косого — Звенигород⁷⁴³, Косой был изгнан из Москвы и лишен удела: ему не оставалось ничего, кроме самых отчаянных средств, которые, след., условливались его положением и притом еще личным характером.

Вообще, чтоб уяснить себе вполне характеры Косого и Шемяки, надобно войти в их положение; несчастные притязания отца вовлекли их во вражду с Василием Московским, из которой им не было выхода. Когда отец их овладел в первый раз Москвою,

они стояли за насильственные средства против особы Василия, зная, что других средств быть не могло в это время, во время такой борьбы, в которой примирение было невозможно, в которой один из соперников должен был необходимо погибнуть. Теперь, когда восторжествовал Василий Васильевич, Юрьевичи чувствовали, что победитель должен употребить против них те же самые средства, какие прежде они сами хотели употребить против него, и если они примиряются с ним, то это примирение вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обе стороны пользуются таким перемирием для отыскивания средств к возобновлению борьбы.

Но во имя чего же идет эта борьба: во имя ли старых и новых прав? Какое старое право поддерживают Юрьевичи против Василия? Борьба идет во имя права самосохранения: доведенные до отчаяния, озлобленные неудачей, Юрьевичи, можно сказать, повинуются одному животному инстинкту самосохранения, забывают человечность в своих поступках, становятся зверями; но ожесточение Юрьевичей необходимо вызывает ожесточение со стороны Василия, вызывает также насильственные меры.

Косой бежал из Москвы, захватив казну великокняжескую; с помощью последней он не мог иметь недостатка в людях, которые за деньги готовы были служить всякому, не разбирая средств. С толпами таких наемников Косой бросался из одной области в другую, как зверь свирепствуя против тех, со стороны которых встречал хотя малейшее сопротивление ⁷⁴⁴.

Особенно верных помощников нашел себе Косой в жителях Вятки: этот город был основан буйными толпами новгородских выходцев; потомство основателей не утратило их характера, притом болотистая страна была постоянно убежищем беглецов, отверженников общества ⁷⁴⁵; смелые разбойники, равно страшные иноплеменникам и своим, вятчане признавали очень слабую зависимость от в. князей. Вятка была причислена к уделу Юрия Дмитриевича; по смерти его Василий Васильевич не хотел уступить ее Юрьевичам ⁷⁴⁶, зная, что эти усобицы будут постоянно находить себе там готовую дружину. Несмотря на это, вятчане видели в Косом достойного себе предводителя и дружно помогали ему.

Пораженный войском Василия Московского в области Ярославской на реке Которости, Юрьевич бросился в Костромскую область, но и там был достигнут соперником, однако разлившаяся весною река не допустила их до битвы, и они взяли мир ⁷⁴⁷: договор дошел до нас ⁷⁴⁸. В. князь отдал Косому в удел Дмитров; почему же не прежний удел его Звенигород? Почему и прежде Василий не дал этого удела Шемяке, а уступил удел Константина Дмитриевича? Поступок этот объясняется легко из последующих: и после в. князья стараются переменять владения князей

удельных, дабы последние, постоянно пребывая в одном уделе, не могли приучить к себе жителей его, приобрести их любовь; вот почему и теперь в. князь не хотел отдать Косому его отчину Звенигород. Юрьевич вступил к Василию в отношения младшего князя и обязывался отдать всю казну, увезенную им из Москвы, равно казну покойного дяди Константина. В этом же договоре встречаем любопытное известие о том, как в это время люди всех сословий, не одни бояре и слуги княжеские, при первом неудовольствии перебегали из одного княжества в другое; в грамоте в. князь выговаривает следующее: «А которые гости суконники вскоромолили на меня на великого князя и на мать мою на великую княгиню, да вышли с Москвы во Тферь в наше розмирие, а тех ти не приимати».

Косой скоро увидал действительность меры в. князя в перемене удела: он прожил в Дмитрове не более месяца и отправился на север к Галичу в удел брата своего Шемяки⁷⁴⁹, что не могло быть сделано без согласия последнего; там пришли к нему вятчане, и он пошел с ними разорять великокняжеские области, а между тем Шемяка приехал в Москву звать в. князя к себе на свадьбу: этот зов в то время, когда Косой в уделе Шемяки набирал войска, не мог не показаться подозрительным: Василий велел задержать Дмитрия и стеречь в Коломне на все время войны с братом его; такая подозрительность в. князя оправдывается последующими поступками Юрьевичей, которые как слабейшие, не надеясь на силу, прибегали ко всякого рода коварствам для получения успеха; третий же Юрьевич, Дмитрий Красный, по своему кроткому характеру не мог возбудить подозрений и был в войсках в. князя. Последний встретился с Косым в Ростовской области; Юрьевич хотел употребить хитрость, чтоб схватить врасплох в. князя, но последний своею смелостию и решительностию избегнул опасности, Косой был совершенно разбит, взят в плен и отвезен в Москву, и когда союзники его вятчане схватили в Ярославле воеводу великокняжеского князя Александра Брюхатого, взяли с него богатый окуп и, несмотря на это, все-таки отвели к себе в плен⁷⁵⁰, то раздраженный Василий решил покончить дело с Косым и велел ослепить его. Этот поступок нельзя называть неслыханным злодейством, ибо ожесточенная борьба, в которой решался вопрос о том — быть или не быть, давно уже шла между князьями, борьба, которая, по означенному характеру, должна была решаться гибелью одного из соперников; так, борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью 4-х князей тверских: московские князья убили их в Орде посредством хана, но не менее того убили; теперь же, в борьбе между московскими князьями, соперники были поставлены в положение гораздо опаснейшее: прежде вопрос шел только о в. княжении Владимирском; торжество одного князя еще не грозило такою близкою

гибелью побежденному: он, его сыновья и внуки могли существовать как владельцы независимые, тогда как теперь обстоятельства были уже не те: Косой обнаружил свой характер и свои цели, показал, что, пока он жив, Василий Васильевич не будет спокоен; ханы в это время потеряли прежнее значение, их уже нельзя было употреблять орудием для гибели соперника, и князьям было предоставлено разделяваться самим друг с другом.

По ослеплении Косого в. князь выпустил брата его Шемяку из Коломны в прежний удел и заключил с ним договор, совершенно одинаковый с предыдущим. В 1440 году встречаем новый договор с Юрьевичами⁷⁵¹, где между прочим сказано следующее: «Так же и нынеча што будете взяли на Москве нынешним приходом у меня и у моей матери, и у моих князей, и у бояр у моих и у детей у боярских, и што будет у вас, и вам то отъдати». Это место ясно указывает на неприятельский приход Юрьевичей к Москве; летописцы молчат об этом приходе Шемяки под 1440 годом и помещают приход его под 1442, которому предшествовал поход в. князя на Юрьевича и бегство последнего в Новгородскую область⁷⁵²; причиную вражды в. князя к Шемяке в этом случае было то, что Юрьевич послушался его зова и не пошел помогать Москве, когда она была осаждена ханом Улу-Махметом в 1439 году; соперники были примирены троицким архимандритом Зиновием. Если мы предположим, что в летописи перемешаны года и этот поход 1442 года должно отнести к 1440, после которого и был заключен наш договор, то все объяснится легко и естественно: в 1439 году Улу-Махмет осаждал Москву, Шемяка не явился на помощь, за что тотчас же в. князь пошел на него и прогнал в Новгородскую область; потом Шемяка, оправившись, явился сам под Москвою и заключил мир.

Как бы то ни было, мы уже сказали, что подобные борьбы оканчиваются только гибелью одного из соперников. В 1445 году Шемяка мог думать, что благоприятная ему судьба внезапною, неожиданною развязкою борьбы освобождает его навсегда от соперника. Недавно установленная в Казани Орда своими грабительствами не давала покоя восточным пределам московских владений, областям нижегородским и муромским. В 1445 году, узнав о движениях казанцев, в. князь с малым отрядом войска и князьями, двоюродными братьями Андреевичами и одним из внуков Владимира Храброго, выступил против хищников, причем посылал к Шемяке до 40 послов (?), зовя его на помощь. Шемяка не явился⁷⁵³. Близ Суздаля в. князь встретился с многочисленными татарскими полками, вступил в битву и, несмотря на отчаянное мужество, был подавлен числом врагов и весь израненный взят в плен⁷⁵⁴.

Казанский хан Махмет, доставши в руки в. князя и зная отношения его к Шемяке, отправил к последнему посла для

переговоров насчет участи пленника. Шемяка обрадовался, принял посла с великою честью и отпустил его, по выражению летописца, «со всем лихом на в. князя», отправив в то же время в Казань своего дьяка хлопотать о том, «чтобы в. князю не выйти на в. княжение»⁷⁵⁵. Но хан хотел кончить дело как можно скорее и как можно скорее получить выгоды от своей победы, выгоды, разумеется, денежные, ибо о политической зависимости Москвы от Казани он не мог и мечтать; думая, что посол его, долго не возвращавшийся от Шемяки, убит последним, Махмет вступил в переговоры с своим пленником и согласился отпустить его в Москву. Касательно условий освобождения свидетельства разногласят: в большей части летописей сказано: «Царь Улу-Махмет и сын его утвердиша в. князя крестным целованием, что дати ему с себя окуп, сколько может»⁷⁵⁶. Но в некоторых означена огромная, по тогдашнему времени, сумма — 200 000 рублей⁷⁵⁷; намекается также и о других каких-то условиях, напр., в Новгороде: «а иное Бог весть, и они в себе». Вероятно, что хан выговорил себе также и земли в России на случай нового изгнания, ибо власть его в Казани не была утверждена вполне⁷⁵⁸; по крайней мере нельзя согласиться, чтоб окуп в. князя был *умеренный*, как говорит Карамзин.

Летописи единогласно говорят, что с в. князем выехали из Орды многие князья татарские со многими людьми⁷⁵⁹; и прежде Василий охотно принимал татарских князей в службу и давал им кормления — средство превосходное противопоставлять варварам варваров же, заставляя их биться за гражданственность, средство, которое Россия должна была употреблять и употреблять вследствие самого своего географического положения. Мы, разумеется, можем только хвалить Василия за употребление этого средства, но современники думали не так: мы видели, как они роптали на отца Василиева за то, что он давал литовским князьям богатые кормления; еще более возбудили их негодование подобные поступки Василия с татарами, ибо в них не могла погаснуть страшная ненависть к этим врагам, которые еще не оставляли тогда притязаний на господство над Русью, т. е. на безнаказанное насилие над ее жителями, и когда к тому еще огромные подати наложены были на народ, чтоб достать деньги для окупа, то негодование на в. князя обнаружилось в самых стенах Москвы: им спешил воспользоваться Шемяка.

Теперь более, чем когда-либо, Юрьевич должен был опасаться Василия, потому что послы его к хану казанскому были перехвачены и в. князь знал об его замыслах; но, занятый отношениями татарскими, он не мог еще думать о преследовании Димитрия: последний спешил предупредить его. Узнав, что в Москве образовалась партия людей, недовольных в. князем и, след, благоприятных ему, Шемяка начал сноситься с князем Борисом

Тверским и сыном Андрея Димитриевича Иваном Можайским, у которого и прежде было нелюбие с в. к. Василием⁷⁶⁰. Он сообщил им слух, который носился тогда об условиях Василия с казанским ханом, условиях, преувеличенных до нелепости неблагонамеренными людьми. шла молва, будто в. князь обещал отдать хану все Московское княжество, а сам удовольствоваться Тверью⁷⁶¹. Князья тверской и можайский поверили, или сочли полезным для себя поверить, и согласились действовать заодно с Шемякой и московскими недовольными, в числе которых были бояре, гости и даже чернецы⁷⁶². Главными действующими при этом были бояре покойного князя Константина Дмитриевича.

Московские изменники дали знать союзным князьям, что Василий безо всякого опасения поехал молиться в Троицкий монастырь⁷⁶³, Шемяка и Можайский овладели врасплох Москвой, потом также нечаянно схватили в князя у Троицы, привезли в Москву, ослепили и сослали в Углич. Шемяка поступил таким образом с Василием не из мщения за брата; он поступил с ним теперь точно так же, как поступил бы прежде, при первом торжестве отца своего Юрия, если б Морозов не уговорил последнего к снисходительности. В одной летописи, впрочем, приведены причины, по которым ослеплен был в. князь, они любопытны: «Почто еси татар привел на Русьскую землю и города подавал еси им и волости в кормление; а татар и язык их паче меры любишь, а христиан без милости томишь, и золото и серебро татарам даешь? И за тый гнев, что ослепил Василья Юрьевича»⁷⁶⁴.

Торжество Шемяки, бывшее следствием заговора немногих недовольных, осмелившихся действовать во имя всех, не могло быть продолжительно. Двое малолетних сыновей Василия были спасены из Троицкого монастыря верными людьми и сданы на руки князьям Рязполовским, которые скрылись с ними в Муроме. Шемяка уговорил рязанского епископа Иону отправиться в Муром и вытребовать малюток у Рязполовских с обещанием дать им богатый удел; Иона уговорил Рязполовских уступить желанию Шемяки, поручившись святительским словом в исполнении его обещания, несмотря на то, Шемяка отослал их к отцу в Углич.

Тогда Рязполовские начали думать о средствах, как бы освободить в. князя. В самом начале торжества Шемяки брат жены Васильевой князь Василий Ярославич отъехал из Московского княжества в Литву, мы видели литовских князей в Москве, теперь видим обратное, и в. князья литовско-русские принимают московских выходцев точно так же, как московские принимали литовско-русских,—с честью, дают им богатые кормления: так, князю Василию даны были в Литве 4 города и многие иные места⁷⁶⁵. Но в самой Москве оставались люди, верные Василию. Сначала застигнутый врасплох, изумленный столь внезапным

торжеством Шемяки и несчастьем Василия, двор последнего присягнул было Юрьевичу; но уже и тут некоторые дружинники оказали сопротивление: Федор Басенок не захотел служить похитителю; Шемяка велел заковать его в железа, но отважный дружинник успел вырваться из них, убежать в Коломну, подготовил там многих людей, разграбил с ними Коломенский уезд и ушел в Литву к князю Василию Ярославичу; туда же отъехал и другой князь, Семен Оболенский: Ярославич поделился с ним и с Басенком своим кормлением⁷⁶⁶.

Когда Рязполовские задумали освободить в. князя, в той думе на Москве были с ними кн. Оболенский Стрига, Иван Ощера с братом Бобром, Юшка Драница, храбрый пришлец, литвин⁷⁶⁷, благородный дружинник, первый известит князя о беде, первый сложит за него голову⁷⁶⁸; Семен Филимонов, Русалко, Руно и множество других детей боярских, след., все члены младшей дружины⁷⁶⁹. Они сговорились сойтись к Угличу в Петров день в полдень. Иван Филимонов пришел ровно в срок, но Рязполовские не могли этого сделать, потому что были задержаны отрядом Шемяки, за ними посланным; они побили отряд, но, зная, что уже опоздали, двинулись назад по Новгородской области в Литву, где соединились с прежними беглецами, а Филимонов пошел опять к Москве⁷⁷⁰.

Тогда Шемяка, видя, что у Василия так много доброжелателей, и докучаемый укорами Ионы в несдержании данного слова, захотел примириться с в. князем. Он сам поехал в Углич и выпустил Василия; последний от радости не знал, что говорить, как благодарить Шемяку, называл его старшим братом, винился, что изгубил много православного христианства и еще хотел изгубить⁷⁷¹. Шемяка, с своей стороны, винился перед слепцом и дал ему в удел Вологду, укрепив его, однако, прежде крестным целованием и проклятыми грамотами не искать в. княжения⁷⁷². Но друзья Василия ждали только его освобождения: они толпами кинулись к нему⁷⁷³. Затруднение состояло в проклятых грамотах, данных на себя Василием: кирилловский игумен Трифон снял их на себя, когда в. к. приехал из Вологды молиться в его монастырь⁷⁷⁴.

После этого Василий двинулся к Твери: тверской князь Борис Александрович видел, что Шемяке не устоять против Василия, и потому спешил сблизиться с последним: он обещал ему помощь с условием, однако, совершенного равенства между в. князьями тверским и московским; также для упрочения союза Борис Александрович требовал, чтоб Василий обручил своего старшего сына и наследника Ивана, которому было тогда только 7 лет, на дочери его Марье. Василий согласился и с тверскою помощью пошел на Шемяку к Москве⁷⁷⁵.

Между тем князь Василий Ярославич и другие московские беглецы, жившие в Литве, еще не зная об освобождении в. князя,

двинулись для этой цели из своего убежища; с другой стороны явились в московских пределах двое татарских царевичей, искавших того же Василия «за прежнее его добро и за его хлеб, потому что много добра его до них было»⁷⁷⁶. Шемяка с кн. Иваном Можайским выступил к Волоку навстречу Василию, но в его отсутствие Москва так же внезапно и легко была захвачена приверженцами в. князя, как прежде приверженцами Шемяки⁷⁷⁷. Узнав об этом, последний побегал далее на север в свой наследственный Галич; в. князь двинулся за ним; в Костроме начались переговоры и кончились миром: такие же проклятые грамоты теперь дал на себя Шемяка не искать в. княжения, какие в Угличе дал ему Василий; но если этот не побоялся нарушить их, то не побоится и Шемяка: мир был только перемирием.

Теперь мы должны обратиться несколько назад и посмотреть, что сделал Шемяка, сидя в Москве на великокняжеском столе? Мы уже видели, что его положение было незавидное: отовсюду окруженный людьми подозрительной верности, доброжелателями Василия, он не мог и думать о преследовании целей прежних московских князей, должен был в сношениях с другими князьями пренебречь интересами Московского княжества. Обязанный успехом своим содействию Ивана Можайского, он отдал ему Суздальское княжество, богатый примысл Василия Дмитриевича; но правнуки Димитрия Константиновича, законные наследники Суздальской области, были еще живы: они воспользовались шатким положением Шемяки и Можайского и заставили последнего отступить от Суздаля; до нас дошел договор их с Шемякою, самый выгодный, какой когда-либо князья заключали с в. к. московским⁷⁷⁸.

Оба суздальские князя, старший брат Василий Юрьевич и младший — Федор Юрьевич выговаривают, чтобы Шемяка держал их — первого сыном, второго племянником; мы видели, что держать одного сыном, а другого племянником не имело смысла в старину, но теперь имеет, потому что родовая связь рушилась, и ближние родственники имеют другое значение, чем отдаленные; держать одного сыном, а другого племянником значит давать первому более прав, чем второму. Далее в договоре следует статья, довольно невыгодная для московского князя. Суздальский князь говорит: «А сыну ти, господине, своему князю Ивану Дмитриевичу держати меня князя Василия Юрьевича братом равным». След., в случае смерти Шемяки суздальский князь, будучи равным сыну его и наследнику, имеет равное с ним право на великое княжение Владимирское. Шемяка обязуется не вступаться в праднину, днину и отчину князей — Суздаль, Новгород Нижний, Городец и Вятку. Здесь нарочно прибавлено *праднина*, чтоб показать давность права князей на эти области. Потом Шемяка уступает Суздальским важнейшее право независимых

великих князей — ведаться самим с Ордою: «А Орда нам, господине, знати собою». Шемяка обязуется также не заключать никаких договоров с в.к. Василием без ведома князей суздальских. Касательно оборонительного и наступательного союза обязанности равны: если сам Шемяка поведет войско, то и князь суздальский должен сесть на коня; если же пошлет сына, то и князь суздальский посылает только сына или брата. Доказательством, что Шемяка считал великое княжение Владимирское себе непрочным, служит следующая статья «А что будем где грабили наши бояре и наши люди в твоей отчине в великом княжене: ино тому всему дерть по та места, какоже дасть ти Бог, велит достати свое отчины великого княженя».

Уже давно жители Руси отвыкли от княжеских переходов из одной области в другую, давно уже князья постоянно сидели в одном уделе с боярами своими, и потому интересы князя и дружины его были тесно связаны с интересами княжества, с интересами остального народонаселения; вот почему граждане уже давно отвыкли от грабительства чуждых бояр и отроков, как то было в Древней Руси; но при внуках Донского это явление возобновилось: Юрий Дмитриевич и дети его овладевают несколько раз Москвой, городом, для них и для дружины их чуждым, москвитяне, которые жаловались на Василия Васильевича за то, что он обременяет их налогами для уплаты выкупа в Казань, увидали, что при Шемяке, князе чуждом и приведшем чуждую дружину, положение их не улучшилось. *Шемякин суд* остался для потомства выражением суда несправедливого, точно такого, каким был для древних киевлян суд Ольговичей, для владимирцев суд Ростиславичей. Но если киевляне и владимирцы не могли снести управления Ольговичей и Ростиславичей в то время, когда переход князей был освящен обычаем, то ясно, что москвитяне не могли стерпеть Шемякина суда в то время, когда уже они привыкли к другому обычаю притязания Юрия Дмитриевича и сыновей его имеют ту важность в нашей истории, что они всего лучше показали невозможность возвращения старины, уяснив для народа, что настоящее его положение гораздо выше прежнего.

Мы видели, как владычество Шемяки в Москве было губительно для чести и пользы Московского княжества, как же скоро возвратился законный владелец, дела пошли по-прежнему: Шемяка и Можайский добились челом своему господину, брату старшему Василию Васильевичу князьями, которые оставались ему верны Михаилом Андреевичем Верейским, Василием Ярославичем Боровским и Борисом Александровичем Тверским⁷⁷⁹. Оба князя отступались от пожалованных в князем волостей, просили только своих отчин, и то не всех; обещались возвратить все взятое ими из казны великокняжеской, особенно грамоты и ярлыки.

Но всего любопытнее для нас высказываемое в договоре их с в. князем недоверие, которое ясно показывает, что мир между князьями не мог быть искренним, что он вынуждался только обстоятельствами: Шемяка и Можайский просят, чтобы в. князь не вызывал их в Москву до тех пор, пока не будет там митрополита, который один как общий отец мог дать им ручательство в безопасности. Эта недоверчивость видна и из других мест договоров. Можайский повторяет: «А што ся, господине, тебе от нас сстало: а того ти, господине князь великий, мне не помнити, не поминати, ни мститися, ни на сердце не держати, ни твоей матери великой княгине, ни твоей в. княгине, ни твоим детем мне и моим детем, и до нашего живота»⁷⁸⁰. Бьет челом, чтоб дети в. князя сами целовали к нему крест, как скоро исполнится им по 12 лет.

Василий Васильевич исполняет все эти требования; князей, оставшихся ему верными, щедро награждает; так, напр., князя Михаила Андреевича Вереяского, брата Ивана Можайского⁷⁸¹, князя Василия Ярославича Боровского⁷⁸², который потерпел для него изгнание и потом оказал такую деятельную помощь, даже у Ивана Можайского не отнимает всех прежних пожалований⁷⁸³.

Но все эти князья входят к нему в прежние отношения, остаются младшими братьями, клянутся держать и сына Васильева в. князем вместо отца; по приказу в. князя садиться на коня без послушания, и хотя князья выговаривают себе право примысла⁷⁸⁴, но это право бесполезное, ибо у них отняты средства к промыслению: в. князь обязывает их, чтоб они не принимали служебных князей с вотчинами⁷⁸⁵; не прикупать волостей в чужих княжествах они также обязались договорами; оставалось одно средство для примысла — завоевание у иноплемеников, но для этого удельные князья были слишком слабы. Один только в. к. московский имел право и возможность делать примыслы, и вот сами враги дают ему самый лучший к тому предлог.

Шемяка не исполняет договора, ибо не верит, что в. князь, с своей стороны, может исполнить его: везде, в Новгороде и Казани, между князьями удельными и в стенах самой Москвы, отчаянный Юрьевич заводит крамолы, везде хочет возбудить нелюбье к Василию; он не переставал сноситься с Новгородом, называя себя в. князем и требуя помощи от вольных людей, повторяя старое обвинение Василию, что по его поблажке Москва в руках татар. Не прекратил сношений и с прежним союзником своим Иваном Можайским: последний не скрывал этого союза от в. князя, послы его прямо говорили Василию: «Толко пожалуеш ты, князь великий, князя Дмитрия Юрьевича, ино ты еси и мене князя Ивана пожаловал; а толко не пожалуеши князя Дмитрия, иное то если и мене князя Ивана не пожаловал»⁷⁸⁶. Отказавшись в договоре с Василием от всякой власти над Вяткою, Шемяка

между тем посылал подговаривать ее беспокойное народонаселение на Москву; поклявшись не сноситься с Ордой, Шемяка держал у себя казанского посла, и легко было догадаться, какие переговоры вел с ханом, потому что последний сковал посла великокняжеского; когда же от хана Большой Орды пришли послы в Москву и в. князь послал к Шемяке за выходом, то он не дал ничего, отозвавшись, что хан Золотой Орды не имеет никакой власти над Русью; поклявшись возвратить все захваченное им в Москве через месяц, Шемяка не возвращал и по истечении 6 месяцев, особенно не возвращал ярлыков и грамот.

Далее, в договоре находилось условие, общее всем княжеским договорам того времени: что бояре, дети боярские и слуги вольные своих переходить от одного князя к другому, не лишаясь своих отчин, так что боярин одного князя, покинув его службу, перейдя к другому, мог жить, однако, во владениях прежнего князя, и тот обязывался блюсти его, как своих верных бояр. Но Шемяка не мог смотреть равнодушно, что бояре его отъезжают в Москву, и вопреки клятве грабил их, отнимал села, дома, все имущество, находившееся в его уделе. Здесь необходимо заметить, как вольный переход бояр и дворян вообще также содействовал к усилению Московского княжества; боярину гораздо лестнее было служить сильнейшему, т. е. великому князю, чем удельному, и потому он с охотой переходил к первому, тем более что отчины его оставались за ним, тогда как на переход от в. князя к удельному боярин мог решиться только в случае крайности, ибо, несмотря на взаимное обязательство, сильнейший князь всегда имел более возможности отомстить неверному боярину захвачением или даже притеснением его отчины. Мы упоминали уже, и после будем иметь случай упомянуть, что сильнейшие князья, или великие, нарочно теснили бояр удельных, чтоб они переходили к ним в службу.

Далее, начиная от завещания Калиты, младшим сыновьям давались части в самом городе Москве, и каждый из них держал тиуна в своей части: Шемяка посылал к своему тиуну в Москве Ватазину грамоты, в которых приказывал ему стараться отклонять граждан от Василия на сторону его, Шемяки: эти грамоты были перехвачены. Тогда в. князь отдал свое дело на суд духовенству.

Если русское духовенство в лице своего представителя, митрополита, так сильно содействовало возвеличению Москвы, то еще более содействовало утверждению единовластия, ибо одно духовенство в это время могло сознательно смотреть и вполне оценить стремление московских князей. Проникнутое понятиями о власти царской, власти, получаемой от Бога и не зависящей ни от кого и ни от чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебном положении со старым

порядком вещей, с родовыми отношениями, и когда московские князья начали стремиться к единовластию, то их стремления совершенно совпали со стремлениями духовенства; можно сказать, что вместе с мечом светским, великокняжеским против удельных князей постоянно был направлен меч духовный. Мы видели, как митрополит Фотий в самом начале Василиева княжения восстал против замыслов дяди Юрия, как потом кирилловский игумен Трифон разрешил Василия от клятвы, данной Шемяке; но теперь, когда Шемяка не соблюдал своей клятвы и в князь объявил об этом духовенству, то оно вооружилось против Шемяки и отправило к нему грозное послание, чрезвычайно замечательное по необыкновенному для того времени искусству, с каким написано, по умению соединить цели государственные с целями религиозными.

Послание написано от лица пяти владык, двух архимандритов, которые поименованы, и потом от лица всего духовенства⁷⁸⁷. Здесь прежде всего обращает на себя наше внимание порядок, в каком следуют владыки один за другим: они написаны по старшинству городов, и первое место занимает владыка ростовский. Ростов Великий, давно утративший свое значение, давно преклонившийся пред пригородами своими, удерживает свое прежнее место относительно церковной иерархии и напоминает, что область, в которой находится теперь историческая сцена действия, есть древняя область Ростовская; за ним следует владыка суздальский, и уже третье место занимает нареченный митрополит Иона, владыка рязанский, за которым следуют владыки коломенский и пермский. Второе, что останавливает нас здесь, это единство, всеобщность русского духовенства; нет духовенства областного, рязанского, тверского, московского. Есть только духовенство всероссийское, чуждое постоянно всяких областных интересов: так, Иона, епископ рязанский, ревностно поддерживает государственное стремление московского князя, и московский князь не медлит дать свое согласие на возведение этого епископа в сан митрополита, зная, что рязанский владыка не принесет в Москву областных рязанских стремлений; исключением здесь является один только архиепископ новгородский, преследующий постоянно интересы своего города, и оттого мы замечаем нерасположение митрополита к архиепископам новгородским, ибо митрополит требует, чтоб духовенство было выше всех областных частных интересов.

В первых уже строках послания духовенство высказывает ясно свою основную мысль о царственном единодержавии: оно сравнивает грех отца Шемяки Юрия, помыслившего незаконно о в. княжении, с грехом праотца Адама, которому сатана вложил в сердце желание равнобожества. Сколько трудов перенес отец твой, говорит духовенство Шемяке, сколько истомы потерпело

от него христианство, но великокняжеского стола все не получил, «что ему Богом не дано, ни земскою из начальства пошлиною». Последними словами духовенство объявляет себя на стороне нового порядка престолонаследия, называя его земскою из начальства пошлиною. Упомянув о поступках и неудачах Юрия и Василия Косого, духовенство обращается к поступкам самого Шемяки и укоряет его тем, что он никогда не являлся на помощь к в. князю в борьбе его с татарами. Упомянув об изгнании и ослеплении в. князя, духовенство делает страшный запрос Шемяке, который, разумеется, оно одно во имя Христа, главы Церкви, могло сделать и пред которым исчезали все другие вопросы: «И разсуди себе, *которое благо сотворил еси православному христианству?* Ища и желая большего, и меньшее свое изгубил еси. А Божию благодатию и неизреченными его судьбами, брат твой старейший к. в. опять на своем государстве: понеже кому дано что от Бога, и того не может от него отнять никто». Потом приводится последняя целовальная грамота Шемяки к в. князю и показывается, что Юрьевич не соблюл ни одного условия в договоре. Любопытно видеть, как духовенство отстраняет упрек, делаемый в. князю за то, что он держит в службе татар: «А что татарове во христианьстве живут, а то ся чинить все твоего же деля с твоим братом старейшим с в. к. неуправленья, и те слезы христианские вси на тебе же. А котораго часа с своим братом старейшим с в. к. управиши во всем чисто, по крестному целованью; ино мы ся в том имаем, что тогож часа к. в. татар из земли вон отшлет». В заключении духовенство говорит, что оно по своему долгу било челом за Шемяку в. князю, что тот послушал святительского слова и хочет мира с своим двоюродным братом, назначая ему срок для исправления договора. Если же Шемяка не исполнит и тут условий, в таком случае духовенство отлучает его от Бога, от церкви Божией, от православной христианской веры и предаёт проклятию.

Шемяка не обращал внимания на угрозы духовенства: в 1449 году он начал неприятельские действия приступом к Костроме, которой, однако, не мог взять; в. князь двинулся против него, с войском вместе шел митрополит и епископы⁷⁸⁸: Шемяка испугался и заключил мир. Но на следующий год неприятельские действия возобновились: полки Василия под предводительством князя Оболенского встретились с Шемякою у Галича, в злой сече последний был разбит наголову и бежал в Новгород, откуда явился снова в северных областях и засел в Устюге⁷⁸⁹; изгнанный оттуда, опять убежал в Новгород. В знаменитый 1453 год, год падения Восточной империи, Шемяка своею смертью упрочил покой и могущество новой империи, наследницы Византийской. «Прииде весть к в. князю,— говорит летописец,— что князь Дмитри Шемяка умер напрасно в Новгороде, а пригнал с тою

вестью подъячей Василеи Беда, а оотоле бысть дьяк»⁷⁹⁰. Другой летописец говорит подробнее: в. к. послал в Новгород дьяка Степана Бородатого с ядом. Бородатый подговорил боярина Шемякина, Ивана Котова, а тот подговорил повара: Юрьевич умер, поевши курицы, напитанной ядом⁷⁹¹.

Шемяка умер под клятвою церковною: духовенство исполнило свои угрозы. Иона, посвященный в митрополиты, неутомимо действовал против клятвопреступного князя: в конце 1448 года он писал окружную грамоту ко всем: «Благородным и благоверным князем, и паном, и бояром, и наместником, и воеводам, и всему купно христоименитому Господиному людству»⁷⁹². Извещая о поставлении своем в митрополиты, Иона пишет, чтобы православные христиане пощадили себя от телесной и еще более от душевной гибели и покорились в. князю, и заключает послание угрозою: «Коли вашим ожесточеньем еще кровь христианская прольется, тогда ни христианин кто будет именуясь в вашей земли, ни священник священствуя, но вси Божьи церкви в нашей земли затворятся от нашего смирения». Когда Шемяка жил в Новгороде, не переставая враждовать против Москвы, то Иона писал к новгородскому владыке, чтоб тот уговорил Юрьевича к раскаянию и челобитью пред в. князем⁷⁹³.

Вторая грамота Ионы к тому же архиепископу написана уже гораздо резче⁷⁹⁴. Митрополит отрицает, что никогда в своих посланиях он не называл Шемяку сыном, напротив, говорит он, я не велю ни тебе, ни всему Новгороду с ним ни пить, ни есть, «занеже сам себе от христианства отлучил. А яз как прежде того тебе, сыну, писал, так и ныне с своими детьми с владыками, да и с всем великим Божиим священством наша земля, имеем князя Дмитрея неблагословена и отлучена Божией церквю». Любопытно видеть, что новгородский архиепископ напоминает митрополиту о старине, еще любопытнее ответ митрополита на это: «А что ми, сыну пишешь в своей же грамоте, что прежде того русские князи приезжали в дом святяга Софея, в великий Новгород, и честь им въздавали по сим, а прежнии митрополиты таких грамот с тягостию не посылавали, ино, сыну, ты ми скажи: прежде сего князи и которые, с таким лихом, что учинили над своим братом над в. князем, чрез крестное целование к вам приехав, или б таки также княгиню свою и дети и весь свой кош оставя у вас в Великом Новгороде, да от вас ходя в великое княжение христианство губил и кровь проливал? Как прежде того не бывало в нашей земле братоубийства, а к вам с таким лихом князь не приеживал, так и прежнии митрополиты в В. Новгород таких грамот с тягостию не посылавали».

Сын Шемяки ушел в Литву, где, как прежде враги отца его, нашел себе почетный прием и кормление: политика литовско-русских князей не могла измениться, потому что обстоятельства

не переменялись. Но кроме Шемяки в Московском княжестве оставалось еще много князей удельных: ото всех от них Василий должен был избавиться; он начал с Ивана Можайского, как и следовало.

В 1454 году «к. в. Василей поиде к Можайску на князя Ивана Андреевича за его неисправление; онже, слышав то, выбрався з женою и с детми и со всеми своими побеже к Литве; а князь великой пришед к Можайску взять его и умилосердився на вся сушая в граде том пожалова их, и наместники своя посадив, возвратився к Москве»⁷⁹⁵.

Какое было неисправление Ивана Можайского, узнаем из письма митрополита Ионы к смоленскому епископу⁷⁹⁶: «Ведаете, сыну, и прежде, что ся състало от того князя Ивана Андреевича над нашим сыном, а над его братом старейшим, а не рку, над братом, но над его осподарем, над в. князем». Здесь глава русского духовенства ясно говорит, что родовых отношений между князьями более не существует, что князья удельные не суть братья великому, но подданные! Вина Ивана Можайского, по словам Ионы, состояла в том, что во время двукратного нашествия татар митрополит посылал к этому князю с просьбой о помощи в. князю, но Иван не явился. Из этих слов видна также тогдашняя деятельность митрополита: не в. князь, но он приглашает удельных князей на войну против неверных. Цель письма — через посредство смоленского владыки внушить литовско-русскому правительству, чтоб оно, приняв беглеца, удовольствовалося этим и не позволяло ему враждовать против Москвы, что необходимо должно вызвать неприязненное движение и со стороны Василия Васильевича.

Но не одно послушание Ивана явиться с войском на зов митрополита навлекло на можайского князя гнев великого; была другая причина вражды, о которой Иона не почел приличным говорить смоленскому епископу, подданному Казимира Литовского: в 1448 году, когда Шемяка не переставал враждовать с Василием, Иван Можайский чрез посредство тестя своего, князя Федора Воротынского, вошел в сношения с Казимиром, требуя помощи последнего для овладения московским престолом⁷⁹⁷; за что обязывался писаться всегда Казимиру братом младшим, уступить Литве Ржеву, Медынь, не вступаться в Козельск и помогать во всех войнах, особенно против татар. Казимиру, занятому польскими отношениями, некогда было помогать Можайскому, однако Василий Московский не мог терпеть подле себя такого родича и потому при первом предлоге поспешил от него отделаться.

Из остальных удельных князей всех опаснее, всех беспокойнее был Василий Ярославич Боровский, именно потому, что оказал большие услуги в. князю и, след., имел большие притязания на

благодарность и уступчивость последнего; эти притязания стояли в прямой противоположности со стремлениями Василия Васильевича: отовсюду необходимо враждебные столкновения с боровским князем. Недоразумения обнаружались скоро между обоими родственниками, что доказывается повторением договорных грамот ⁷⁹⁸.

Эти грамоты замечательны тем, что в них отстраняется всякое родственное приравнение удельных князей к семье в. князя, отстраняется, след., всякое притязание первых на в. княжение: Василий Ярославич Боровский обязуется и с детьми своими считать старшим не только в. князя Василия и старшего сына его Ивана, но и всех младших сыновей, и последних держать так же честно и грозно, как самого в. князя.

Мы видели, что в благодарность за услуги в. князь дал Василию Боровскому Дмитров, но после он выменял его на два города — Звенигород и Бежецкий Верх. Что принудило в. князя к такой мене, нам теперь решить трудно: вероятно, он не хотел видеть чужого владения на пути в северо-восточные области, недавно принадлежавшие заклятым врагам его Юрьевичам, и откуда, след., он мог ждать сопротивления при удобном случае ⁷⁹⁹.

Несмотря, однако, на повторение договоров, неприязнь между шурьями продолжалась, и в 1456 году Василий Ярославич был схвачен в Москве и заточен в Углич, откуда после переведен в Вологду, где и умер; той же участи подверглись и меньшие его дети, старший же вместе с мачехой убежал в Литву ⁸⁰⁰. Летописцы не объявляют вины боровского князя, одна только Степенная книга глухо говорит: «За некую крамолу» ⁸⁰¹. Что со стороны Василия Ярославича была крамола и что в. князь принужден был прибегнуть к такой строгой мере, доказательством служит, что Михаил Андреевич Верейский, брат Ивана Можайского, спокойно владел своим уделом, осыпанный пожалованиями в. князя ⁸⁰².

Сын Василия Боровского Иван встретился в Литве с прежним врагом своего отца Иваном Андреевичем Можайским; общая ненависть к в. князю московскому примирила их, и они клятвенным договором обязались действовать заодно ⁸⁰³, доставать своих отчин и дедин и пленного отца Иванова, причем Иван Андреевич вошел к сыну боровского князя в отношения старшего брата. В изгнании, лишённые почти всякой надежды, эти князья мечтали о в. княжении; их договор служит самым лучшим оправданием насильственных мер в. князя: если б он не предпринял этих мер, то их предприняли бы против него; сын боровского князя говорит можайскому: «И даст Бог, не по нашим грехом, князя великого побием или сгоним, а даст Бог, господине, достанешь великого княженья». Изгнание и убийство грозило в. князю от князей удельных, которые готовы были на всякую меру, ибо

предвидели скорое и необходимое изгнание или убийство от сильнейшего. Замыслы изгнанников не осуществились; попытка некоторых верных дружинников освободить боровского князя также не удалась: они были схвачены и казнены в Москве⁸⁰⁴.

Обращаемся к отношениям в. князей московских к другим в. князьям; начнем с рязанского. Мы заметили уже раз, что русские княжества составляли две группы — литовскую и московскую. Рязанское княжество принадлежало к последней группе; но во время малолетства Василия Темного, когда в роде Калиты возникли междоусобия и не было решено, кто выйдет из них победителем, рязанский князь признал нужным примкнуть к литовской группе, дабы обезопасить себя со стороны Витовта, против которого теперь нечего ему было ожидать помощи из Москвы.

До нас дошел договор рязанского в. князя Ивана Федоровича с Витовтом, заключенный около 1439 года⁸⁰⁵ в следующих выражениях: «Господину осподарю моему в. к. Витовту, се яз князь велики Ив [ан] Фед [орович] Рязанский, добил есми челом, дал ся есми ему на службу (потому что в родственные отношения к чужеродцу войти не мог), и осподарь мой в. к. Витовт принял меня князя великого Ив. Фед. на службу служити ми ему верно безхитростно, а быти ми с ним за один ва всякого, а с кем он мирен, а с тем и яз мирен, а с кем он не мирен, с тем и яз не мирен; в. к. Витовту мене бронити от всякого, а без князя великого ми воли Витовтовы ни с кем не доканчивати ни пособляти».

Таким образом, чего с одной стороны не успевала сделать Москва, то с другой доканчивала Литва, и, когда последняя обессилила, Москва воспользовалась тем, что сделано было ее соперницею: от служебных отношений к в. князю литовскому рязанский в. к. легко, естественно переходил в служебные отношения к в. князю московскому; это была уже для него не новость. В то же время в. князь пронский заключил точно такой же договор с Витовтом «служить ему верно без всякия хитрости»⁸⁰⁶.

Но когда Витовт умер и Литва ослабела от междоусобий, а в Москве Василий Васильевич взял явный верх, тогда рязанский князь приступил опять к московской группе, признал Василия старшим, заключил с ним оборонительный союз и признал посредничество его в сношениях своих с в. князем пронским⁸⁰⁷. Этот князь Иван Федорович умер в 1456 году, отдал восьмилетнего сына своего на руки в. к. Василию; последний перевез малютку вместе с сестрою к себе в Москву, а в Рязань послал своих наместников⁸⁰⁸. Такая доверенность, оказанная московскому князю, продлила еще, как увидим, на несколько времени существование Рязанского княжества с тенью независимости.

Другой характер имеют в это время отношения в. к. московского к тверскому. Во время малолетства Васильева и смут

московских в. к. Борис Александрович подобно в. к. рязанскому примкнул к Литве, хотя на гораздо выгоднейших условиях: в 1427 году он заключил с Витовтом договор следующего содержания⁸⁰⁹: «Се яз князь великий Борыс Александрович Тферский взял есми любовь такову за своим господином зъ дедом, зъ великим князем Витовтом, литовским и многих русских земель господарем: быти ми с ним за-один, *при его стороне*, и пособляти ми ему на всякого, не выимая; а господину моему деду в. к. Витовту мене в. к. Борыса Александровича, своего внука, боронити от всякого, думою и помочью, а в земли и в воды и вовсе мое великое княжение Тферское моему господину деду, в. к. Витовту не вступатися». В. к. тверской не позволяет Витовту никакого вмешательства в отношении свои к князьям удельным, знак, что в это время все в. князья в отношении к удельным преследовали одинакие цели, все стремились сделать их из родичей подручниками, подданными: «А дядем моим, и братьи моей, и племени моему, князем, быти в моем послуше: я к. в. Борыс Александрович волен, кого жалую, кого казню, а моему господину деду в. к. Витовту не вступатися; а который въсхочеть к моему господину деду, в. к. Витовту со отчыною, и моему господину деду, в. к. Витовту со отчыною не приимати: пойдеть ли который к моему господину деду, к в. к. Витовту, и он отчыны лишон; а у отчине его волен я в. к. Борис Александрович, а моему господину деду, в. к. Витовту не вступатися»⁸¹⁰.

Но когда по смерти Витовта начались усобицы в Литве и поляки выставили против известного уже нам Свидригайла ничтожного брата Витовта Сигизмунда, имевшего слабость присягнуть в верности королю и королевству Польскому⁸¹¹, то в. князь тверской увидал, что ему не для чего быть более на литовской стороне, и заключил оборонительный союз с Василием Московским, причем является совершенно равным и независимым в. князем⁸¹²; оба в. князя называют себя только братьями, не более; Борис Александрович выговаривает, чтоб московский князь не принимал тверских областей в дар от татар: пример Суздальского княжества был еще в свежей памяти! Оба князя клянутся быть за один на татар, на ляхов, на Литву, на немцев; Борис обязывается сложить целование к Сигизмунду Литовскому, объявив ему, что он стал одним человеком с в. к. Московским, и без последнего не заключать договоров ни с каким владетелем литовским. Как независимый в. князь Борис выговаривает для себя, для детей и внучат своих право беспрепятственно сноситься с Ордою⁸¹³.

Но когда в 1449 году в. к. Василий Васильевич заключил договор с Казимиром Литовским, тверской в. к. объявлен снова на стороне литовской, об отношениях же его к в. к. московскому сказано, что он с ним в любви и в докончаныи⁸¹⁴. В том же году

мы встречаем договор Бориса Александровича с Казимиром, в котором тверской князь обязывается: «пособляти ему нам везде, где будет ему надобе; где будет нам близко, ино ми пойти со свею силою самому, а с ним ми стояти заодно противу всех сторон, никою не выймуючы, хто бы коли ему не мирен был»⁸¹⁵.

И после 1454 года, вероятно вследствие тесного родственного союза, опять встречаем договор тверского князя с московским, в котором оба князья будут за один на татар, на ляхов, на Литву и на немцев⁸¹⁶.

Так Тверь подобно Новгороду колебалась между Литвою и Москвою, соперничеству между которыми одолжена была продлением своей независимости. В означенном договоре замечательно следующее условие: «А што от тебе отступил князь Иван Можайской, да князь Дмитрив сын Шемякин князь Иван, или которой ти иный брате згрубит: и мне в.к. Борису и моим детем, и братье моей молодой к собе их не примати; а быти нам с тобою на них за один и с твоими детми. Також, брате, которой мой брат молодой и из меншии моее браты згрубят мне в.к. Борису Алекс[андровичу], и моему сыну князю Михайлу, и меншим моим детем, кого ми Бог даст, и тебе в.к. Василию, и твоим детем в.к. Ивану и князю Юрью, и меншим твоим детем тех вам к себе не примати; а быти вам со мною с в. князем Борисом и с моими детми на тех за один». Оба свата обязываются в заключении: «А отъимет Бог котораго из нас; и вам, брате, печаловатися нашими княгинями и нашими детми».

И в сношениях с князем тверским митрополит Иона принимает деятельное участие. До нас дошло послание его к тверскому епископу⁸¹⁷ о том, чтобы он убедил своего князя подать помощь в.к. Василью против татар. Из этого послания открывается, какою могущественною связующею силою было в Древней Руси духовенство и как неутомимо преследовало оно мысль государственного единства, общности русских интересов. «И благословляю тебя,—пишет митрополит к епископу,—чтобы еси о том сыну моему в.к. Борису Алекс[андровичу] говорил, и бил челом и докучал твердо, по своему святительскому долгу, чтоб сын мой в.к. Бор. Алекс. к в.к. Василию Васильевичу своих воевод послал на тех безбожных. Занеже сыну, ведомо тебе, что тамо учинится, великим Божиим милосердием, тому в. государю в. князю которое что добро, к строению христианьскому и тишине, и то обеих тем великих государей и всего нашего православнаго христианьства общее добро».

Василий поправил ошибку Шемяки касательно примысла отца своего — Нижегородского княжества. Суздальский князь Иван Васильевич видел, что ему не удержать дара Шемяки против

Василия, и потому заключил с последним договор⁸¹⁸, в котором добровольно отказался от Суздаля и Нижнего, возвращал в князю все ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и сам брал от Василия в виде пожалования один Городец да несколько сел в Суздальской области с условием, что если он отступит от в. князя, то эта вотчина переходит к последнему, а он, Иван, подвергается церковному проклятию.

В заключение мы должны обратиться к событиям в Литовской Руси, во сколько они касаются отношений между Рюриковичами Василий Димитриевич, умирая, поручил своего сына покровительству Витовта: но это была только одна родственная учтивость. Вместо покровительства 80-летний Витовт два раза входил в пределы Московской Руси, один раз в Псковскую, другой — в Новгородскую область, и взял огромные суммы денег и с той, и с другой; мы видели, что он принял в службу князей рязанского и пронского в явный ущерб своему внуку. К счастью последнего, Витовта гораздо более занимали дела на западе, а смерть его, последовавшая в 1430 году, была знаком к усобицам в Литовской Руси и положила конец наступательному движению ее князей на Русь Московскую.

Православно-народная сторона в Литовской Руси выбрала в преемники Витовту известного уже нам Свидригайла⁸¹⁹; поляки выставили против него брата Витовтова Сигизмунда, которому и удалось ограничить Свидригайла одною Волинью и частию Подола. Но Сигизмунд, поддерживаемый поляками, навлек всеобщее негодование своею жестокостию и был убит князьями Черторыйскими. Тогда на его место был выслан из Польши 14-летний Казимир; поляки думали и в нем иметь орудие для исполнения своих замыслов, но ошиблись; Казимир, несмотря на молодость, окруженный литовскими и русскими боярами, начал действовать в интересах Литовско-Русского княжества и примирился с дядею своим Свидригайло. Увидев это, поляки противопоставили ему Михайла, сына убитого Сигизмунда.

Разумеется, что для Василия Московского было выгодно поддерживать междоусобия между Гедиминовичами, точно так как для последних было выгодно поддерживать их в роде Калиты; и таким образом выгоды Юго-Западной Руси продолжали и теперь находиться в противоположности с выгодами Северо-Восточной. Усиление Свидригайла, благодетельное для Южной Руси, было вредно для Василия Московского, потому что Свидригайло был побратим дяди Юрия⁸²⁰; вот почему Василий благоприятствовал Сигизмунду и сыну его Михаилу в борьбе с Свидригайло и Казимиром, а убийца Сигизмунда князь Черторыйский жил у Шемяки и вместе с ним приходил воевать на Москву⁸²¹. В 1444 году, когда Михаил вместе с Болеславом

Мазовецким воевал с Казимиром, и московские полки входили в литовские области, за что литовцы отомстили вторжением в следующем году⁸²²; означенный Михаил Сигизмундович умер в Москве.

Но значительных военных действий между Москвою и Литвою не могло быть: князьям обеих было много дела у себя дома, и потому гораздо деятельнее шли между ними мирные переговоры, и в 1449 году был заключен между обоими в князьями договор, о котором уже было отчасти упомянуто выше⁸²³. Здесь Казимир и Василий клянутся быть везде за один и взаимно помогать друг другу на всех врагов, особенно на татар; обязываются в случае смерти одного из них печаловаться детьми покойного; Казимир обещается не принимать Димитрия Шемяки, Василий — Михаила Сигизмундовича; любопытно видеть, как установлены отношения обоих в князей к Новгороду и Пскову: «В Новгород Великий и во Псков, и во вси новгородские и во псковские места, тебе королю и в. к. не вступатися, а и не обидети их; а имуть ли ти ся новгородцы и псковичы давати, и тебе королю их не прыймати. А в чом тебе королю и в. к. Казимиру новгородцы и псковичы згрубят, и тебе мене великого князя Василья обослав да с ними ся ведати, и мне в. к. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе, а в земли и в воды новгородские тебе королю и в. к. Казимиру не вступатися. А с немцы ти, брате, держати вечный мир; а с новгородцы опришный мир, а со псковичы опришный мир, а некоторыми делы имуть межи себе воеватися и тебе королю и в. к. межи ими не вступатися. А коли мне в. князю Василью новгородцы и псковичы згрубят, а всхочу их показнити: и тебе королю Казимиру за них не вступатися». Московскому князю нет дела до вечников, которые величают себя вольными людьми: если они поссорятся с Казимиром, то тот может делать с ними, что хочет, лишь бы не вступался в земли и воды новгородские, отчину московского собственника!

Не менее замечательно установлены в договоре отношения обоих в. князей — литовского и московского — к в. князю рязанскому: «А брат мой младший, к. в. Иван Федорович Рязанский со мною с в. к. Васильем в любви, и тебе королю его не обидети, а в чом тебе, брату моему, королю и в. к. Ив. Фед. Ряз. згрубят, и тебе королю и в. к. мене обослати о том: и мене его всъчюнути, и ему ся к тебе исправили; а не исправиться к тебе, моему брату, рязанский: и тебе королю рязанского показнити, а мене ся в него не вступити. А всхочет ли брат мой младший в. к. Иван Федорович, служити тебе, моему брату, королю и в. к. и мене в. к. Василью про то на него не гневаться, ни мстити ему». Должно быть, Василий очень был уверен в преданности рязанского князя, что допустил подобное условие⁸²⁴.

Несмотря, однако, на договор, прочного мира между Москвою и Литвою быть не могло: мы уже выше сказали, что Михаил Сигизмундович был принят в Москве, где и умер: это было противно обязательствам; с своей стороны, Казимир принял сына Шемяки и потом Ивана Андреевича Можайского и Ивана Васильевича Боровского; первые два получили от него богатые волости: Шемячич — Рыльск и Новгород Северский⁸²⁵, Можайский — сперва Бранск⁸²⁶, потом Стародуб и Гомей⁸²⁷. Уже на другой год по заключении приведенного договора между Москвою и Литвою начались недоразумения, подавшие повод к новым переговорам, причем митрополит Иона должен был принять роль посредника⁸²⁸.

Мы не должны забывать тех Рюриковичей, которые остались в Юго-Западной, старой, Руси, и отношений их к в. князьям литовско-русским. В описываемое время они все уже вошли в служебные и подданнические отношения к Гедиминовичам, что доказывают следующие дошедшие до нас грамоты: 1) Договорная грамота князя Федора Львовича Новосильского и Одоевского с в.к. литовским⁸²⁹ Казимиром 1442 г.; она написана в следующих выражениях: «Милостью Божию и *господаря в.к. Казимера*, королевича, я князь Федор Лвович Новосильский и Одоевский бил есмь челом в.к. Казимиру королевичу, иж бы мене принял у службу: и в.к. Казимир королевичъ, по моему чолобитью, мене пожаловал, прынял мене у службу, по князя великого Витовтову доконьчанью. А мне ему служити верне, без всякое хитрости, и во всем послушному быти; а мене ему во чьсти и в жалованьи и в доконьчаньи держати; потому ж, как дядя его мене держал *господар в.к. Витовт* во чьсти и в жалованьи. *А полетнее мене давати по старыне*. А быти мне по великого князя Казимирове воли: с кем в.к. Казимир мирен, ино и я с ним мирен; а с ким в.к. Казимир не мирен, с тым и я немирен; а в.к. Казимиру боронити мене от всякого, как и своего. А без в.к. Казимировы воли, мене ни с ким не доканьчивати, а ни пособляти никому, ни которыми делы. А нешто смыслит Бог над в. князем Казимиром, ино мене и моим детем служыти Литовьской земли, который будет дерьжати Литовьское княженье, или его наместнику. хто будеть после него дерьжати княженье Литовьское. А в.к. Казимиру, по моем животе, к моим детем и к моему наместнику, у— в отчыну князя Федора Лвовича, в земли и в вод не въступатися, поколь рубеж Новосильской земли и Одоевской, его отчыне, опроче того што давно отошло. А што смыслить Бог над князем Федором Лвовичем, а хто останется детей его, тому вся его отчына дерьжати; а в.к. Казимиру, по моем животе, и грамоту доконьчальную такову ж дати, как ся грамота, и дерьжати ему из потомуж, как мене в.к. принял в службу и доконьчал со мною. А толко хто не въсхочет правды дати

и грамоты свое таковыж не въсхочет дати, а потому ж их не въхочет держати: ино снять целованье долов, а нам воля. А суд и управа в.к. Казимиру королевичу давати нам о всех делах, суд без перевода. А зъехався судьям в. князя з нашими судьями, судити целовав крест, без всякой хитрости, в правду, на обе стороне; а о што сопрутья судьи о которых делах, ино положити нам на господаря в.к. Казимира; а кого обвинит, тое судьям ненадобе, а виноватый истецъ заплатит. А зъ в. князем московским, хто будетъ Московское княженье великое держати, и с в. князем переславским (т. е. рязанским), хто будетъ Переславское княженье великое деръжати, и со князем великим проньским, хто будетъ княженье Проньское великое деръжати; ино им межы сбе суд по старьвне; а чога межы себе не въправять, ино положыти на в.к. Казимирове воли, и в.к. Казимиру того досмотри и въправити, коли тыи три князи великии, верьху писаныи, зъ великим князем Казимиром будутъ в доконьчаныи, или зъ его сыном, или наместником, который будетъ держати после его великое княженье Литовьское. А о чем коли мы сами князи Новосельскии супремься, и нам положыти на господаря в.к. Казимира; и в.к. Казимиру межы нас то управити». 2) Князь Федор Воротынский в 1448 году взял от Казимира в наместничество город Козельск и поклялся: «Тот город деръжати на господаря на своего на короля, к в. княженью Литовьскому»⁸³⁰. 3) В 1455 году Казимир подтвердил и детям кн. Федора Воротынского право на волости, пожалованные отцу их: «А узревши его верную службу к нам то учинили. И его детем також с того верно нам служити»⁸³¹. 4) В 1459 г. князя новосельские и одоевские, Иван Юрьевич, Федор и Василий Михайловичи заключили договор с Казимиром, совершенно сходный с приведенным выше⁸³². Московский беглец Иван Можайский также должен был войти к Казимиру в служебные отношения⁸³³.

В 1462 году умер Василий Темный. Дабы предотвратить все споры касательно великокняжеского наследства, Василий еще при жизни назвал сына своего Ивана в князем и начал писать имя его подле своего в грамотах. Соединив в одно все уделы Московского княжества, кроме Верейского, Василий снова дал уделы меньшим сыновьям, но эти уделы были ничтожны в сравнении с огромным участком старшего сына, в. князя Ивана, который получил Коломну, Владимир, Переяславль, Костром, Галич, Устюг, Вятскую землю, Суздаль, Нижний, Муром, Юрьев, Боровский удел Василья Ярославича и часть удела Ивана Можайского⁸³⁴. Любопытно, что богатые примыслы отца своего — Суздаль, Нижний и Муром — Темный отдал сполна старшему сыну. В завещании Василья в первый раз область великого княжества Владимирского смешивается с областями княжества Московского, Владимир, Переяславль, Кострома входят в счет

уделов старшего сына наравне с городами московскими и другими примыслами. И в духовной Темного уступлена большая власть княгине-матери: ей поручено поделить того сына, у которого каким-нибудь случаем отнимется удел: «А дети мои из ее воли не вымутся»⁸³⁵. Завещатель приказывает меньшим сыновьям слушаться старшего брата, как отца, а последнему держать младших в братстве, без обиды, но эти обычные и неопределенные выражения не могли ни к чему обязать ни старшего, ни младших: теперь нужны были точнейшие определения прав и обязанностей, и старшему дана была полная возможность определить их в свою пользу.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОТ ИОАННА III ДО КОНЧИНЫ ИОАННА IV

ГЛАВА I

ИОАНН III

В год вступления своего на московский великокняжеский престол Иван III подтвердил договор отца своего с в.к. тверским⁸³⁶. В этом договоре Михаил Борисович подобно отцу своему обязывался быть на ляхов и на Литву за один с московским. Но русским князьям и городам кроме Литвы не было другого спасения от могущественной Москвы: Новгород, перед падением своим, решился передаться Литве; князь тверской, видя страшное усиление Москвы при Иване III, прибегнул к тому же средству, тем более что Тверь издавна союзом с могущественными князьями литовскими поддерживалась против Москвы. Михаил Борисович женился на внучке Казимира и заключил с ним союз⁸³⁷: это было явным нарушением договора с Москвою, и в князь двинул войска свои на Тверь; испуганный Михаил прислал епископа к Ивану и добил ему челом на всей воле его⁸³⁸. Заключен был новый договор⁸³⁹, в котором в. князь тверской обязался держать в.к. московского старшим братом, равно как и сына его в.к. Ивана, и был приравнен к меньшому брату московского князя, удельному Андрею Васильевичу, обязался прервать союз и всякое сношение с Казимиром и быть с ним в тех отношениях, в каких захочет князь московский, сноситься с Ордою должен был также с согласия Ивана; наконец, последний взял с него клятвенное обещание: «А в его (Казимирово) ти имя с своею землею не датися, ни твоим детям, ни твоей братье молодой: а от нас вам от в. князей к литовскому ни которыми делы не отступати».

Может показаться странным, однако, что тверской князь не испытал никакого средства к защите; по крайней мере он мог отчаянною борьбою затруднить завоевание, особенно для Ивана III, который всегда уклонялся от решительной борьбы. Но мы уже имели случай заметить, каких сильных союзников в каждом княжестве имел князь сильнейший; мы видели, что княжество Суздальское и Смоленское пали вследствие измены бояр, та же участь постигла и Тверское.

Тверские бояре, видя опасное положение своего князя, спешили передаться Московскому; чтоб заставить их решиться на это, Иван употребил обыкновенное средство сильных князей: он начал теснить тверитян, показывая им всю выгоду быть московскими подданными; вот как летописец говорит о поведении Ивана III относительно Твери: «Приехали изо Тфери служити к в.к. князь Ондрей Микулинский и князь Осиф Дорогобужский. Тогда же бояре вси приехаша тверьскийи служити к в. князю на Москву, не терпяще обиды от в. князя; занеже многы от в. князя и от бояр обиды и от его детей боярских о землях, где межи сошлись с межами: где ни изобидят московские дети боярские то пропало, а где гфериичи изобидят а то князь велики с поношением посылает и с грозами к тверскому, а ответом его веры не иметь, а суда не дасть»⁸⁴⁰.

Видя такие поступки со стороны Ивана, Михаил Тверской завел опять тайные сношения с Казимиром; но могло ли быть что-нибудь тайно, когда тверского князя окружали люди, уже передавшиеся московскому: гонец Михаила был схвачен, и грамота его доставлена Ивану, который послал в Тверь с грозными укорительными речами. Михаил спешил умиловить его, отправил владыку бить челом за вину: в. князь не принял челобитья владыки; Михаил отправил других послов: в. князь не пустил их к себе на глаза и повел войско на Тверь, а когда Иван III вел войско, это значило, что битвы не будет. Когда московские полки обступили город и зажгли посады, тверские крамольники, по выражению летописца⁸⁴¹, т. е. передавшиеся на сторону Москвы князья служебные и бояре, приехали в стан к Ивану и били ему челом в службу. Тогда несчастный Михаил убежал ночью в Литву, где и умер без потомства⁸⁴²; город его был сдан в.к. московскому, который посадил в нем старшего сына и наследника Ивана⁸⁴³.

Обратимся к отношениям рязанским. Мы видели, что при Василии Темном малолетний рязанский князь Василий, отданный умирающим отцом на руки московскому князю, воспитывался в Москве, а Рязанью управляли наместники, назначенные Темным. В 1464 году Иван III отпустил молодого князя в Рязань, который в том же году женился на сестре в.к. московского Анне; свадьба была в Москве⁸⁴⁴.

В 1483 году умер в.к. рязанский Василий, оставя двоих сыновей — Ивана и Федора; в том же году первый как в. князь заключил с Иваном Московским и с родичами его договор⁸⁴⁵. В.к. рязанский обязывается считать себя младшим братом Ивана III и сына его и приравнивается к удельному московскому князю Андрею Васильевичу, обязывается быть за один на всех врагов Москвы и не сноситься с лиходеями ее князя. Теперь в договорах наших князей место ордынских отношений заступа-

ют отношения к служебным татарским царевичам, появившимся, как мы видели, со времен Темного. В. к. рязанский обязывается по примеру деда и отца давать известное количество денег на содержание царевичей, которые обороняют всю Русскую землю, причем в. князь московский выговаривает: «А со царевичем с Доньяром, или кто будет иный царевич на том месте, не канчивати ти с ними, ни съсылатися на наше лихо; а жити ти с ними по нашему докончанию. А учнут тебя чем обидети, и нам за тебя стояти и боронити». След., татарские царевичи находятся в службе одного московского в. князя как князя всея Руси: его одного знают, с ним одним свершают докончания. В. к. рязанский обязывается не только не принимать служебных князей московского, но обязывается также добывать их без хитрости, если они побегут от Ивана, и, добыв, выдать ему.

Любопытнее для нас договор между князьями рязанскими, родными братьями — в. князем Иваном и удельным Федором. Этот договор также служит доказательством, что в одно и то же время во всех княжествах русских касательно отношений княжеских происходили точно те же явления, какие мы видели в Московском княжестве. Договор между великим и удельным рязанскими князьями совершенно, слово в слово, одинаков с договорами князей московских, великих с удельными⁸⁴⁶. В. к. рязанский, который в договоре с Иваном III приравнен к удельному московскому, в договоре с своим удельным, с своим младшим братом, требует, чтоб тот его великое княженье держал честно и грозно без обиды, «а мне в. князю гобя жаловати, и печаловати ми ея тобою и твоею отчиною. И тебе подо мною в. княженье не хотети, ни твоим детем под моими детми». Доказательством, как ослабели родовые понятия и как на их место усилились понятия о собственности, о произволе собственника, служит то, что рязанские князья считают необходимым укрепить клятвенным договором самое естественное право наследства брата после брата: «А не будет у мене детей, и мне в. князю в. княженьем благословити тебя своего брата; а не будет у тебя детей, и тебе моему брату своей отчины не отдати ни которою хитростью мимо меня в. князя». Несмотря, однако, на это условие, удельный Федор, умирая бездетным, завещал свой удел в. князю московскому⁸⁴⁷.

В 1500 году умер в. к. рязанский Иван, оставя пятилетнего сына, именем также Ивана, под опекою матери и бабки: опять доказательство, как сильно было влияние женщин в Древней Руси. Каковы были отношения Рязани на Москве в это время, видно из следующего наказа, данного Иваном III Якову Телешову, который провожал чрез Рязань кафинского посла. Телешов должен был поклониться в. княгине Агриппине и сказать ей от в. князя московского: «Твоим людем служивым, бояром и детям боярским и сельским, быти всем на моей службе; а торговым

людям лутчим и середним и черным быти у тебя в городе, и ослушается и пойдет кто (на Дон), их бы велела казнити и не учнешь казнити, ино их мне велети казнити и продавати»⁸⁴⁸. Здесь в. князь московский распоряжается силами в. княжества Рязанского; мало того, объявляет, что будет наказывать тех из рязанских подданных, которые ослушаются его приказа.

Кроме Твери при Иване III окончательно присоединены княжества Ростовское и Ярославское. В 1463 году ярославские князья, сохранявшие до сих пор в своем уделе права владетельные, уступили свою отчину в. князю: это дело уладил московский дьяк Алексей Полуехтович⁸⁴⁹. Князья ростовские удерживали еще в своем владении половину города Ростова, тогда как другая половина была присоединена к Москве при Калите; в 1474 году два ростовские князя продали Ивану III и остальную половину⁸⁵⁰.

Иван постарался уничтожить в Московском княжестве последний удел, не принадлежавший потомкам Василия Димитриевича, удел Верейский. Мы видели, что Михаил Андреевич Верейский благодаря своему миролюбивому характеру, чуждому всяких притязаний, успел сохранить свой удел при Василии Темном. В начале княжения Ивана III он возобновил с в. князем договор на прежних основаниях⁸⁵¹. Это было в 1463 году; в 1465 был заключен другой договор⁸⁵², по которому Михаил должен был вернуть в. князю несколько волостей, пожалование Темного. Однако Иван III не думал удовольствоваться этою уступкою; в том же году мы видим еще новый договор⁸⁵³, в котором верейский князь обязывается считать себя моложе всех братьев великокняжеских, даже самых младших. В 1482 году новый договор: верейский князь уступает по смерти своей в. князю отчину свою Белоозеро⁸⁵⁴. Ясно, что Иван III такими требованиями хотел вывести Михаила из терпения, чтоб сопротивление последнего дало ему предлог захватить Верейский удел вооруженною рукою; но Михаил уступал без сопротивления. Скоро, однако, в. князь нашел средство кончить дело, как ему хотелось: за сыном верейского князя Василием была замужем греческая княжна, племянница в. княгини Софии Фоминишны Палеолог. Софья дала за племянницею в приданое вещи, принадлежавшие первой жене Ивана Марии Тверской; в. князь, обрадованный рождением внука Димитрия, хотел подарить невестку Елену этими бриллиантами и, узнав, что они переданы верейскому князю, послал забрать у него все женино приданое и, обрадовавшись случаю обвинить его в преступлении (в котором если кто и был виноват, то, разумеется, в. княгиня Софья, а не верейский князь), грозился посадить его в заключение вместе с женою: Василий, оскорбленный и напуганный, уехал в Литву⁸⁵⁵.

Этого только и хотелось Ивану III: по древнему праву старшего в роде отбирать удел у провинившегося младшего князя,

в. князь при жизни старика Михаила отнял отчину его Верею за мнимую вину его сына и в виде уже пожалования возвратил ее опять Михаилу, обязав его следующим договором⁸⁵⁶: «А с сыном ти своим со князем с Василием не ссылатися никотороу хитростью, а кого к тебе пришет с какими речми, и то ти мне в. князю сказати в правду, по сему крестному целованью; а того ти ко мне прислати, ково к тебе пришет. И что яз к. великий пожаловал тебя *своею* вотчиною Вереєю, что взял есмь в своей вине у твоего сына у князя у Василия: и то все тебе кн. Михайлу держати за собою до своего живота. А отоймет Бог тебя моего брата молодшего к. Мих[аил] Андр[еевич] ино после твоего живота та вся твоя вотчина мне в. князю; а мне в. князю и моему сыну, которому дам ту твою вотчину после своего живота, поминати нам твою душу». Есть что-то страшное в последних словах: прогнать сына от отца, заставить последнего вместо родного сына отказать владение его гонителю и за все за это обещать: «а мне в. князю и моему сыну, которому дам ту твою вотчину после своего живота, поминати нам твою душу!»

В 1485 году умер несчастный старик Михаил Верецкий; в своей духовной он говорит, т. е. принужден сказать⁸⁵⁷: «Что моя отчина, чем мя благословил отец мой, и яз благословил дал есмь ту свою вотчину господину и *государю* в. князю Ивану Васильевичу всея Руси». Здесь слово: *благословил* звучит также как-то страшно! Важно здесь также выражение: *государю*, ибо господин было неопределенное выражение учтивости, тогда как государь указывало на отношения служебные, подданные; южные Рюриковичи опередили в этом отношении северных: они прежде начали называть в. князя литовского *осподарем*, что одно и то же с словом «государь»: оба означают собственника, хозяина. Даже движимое имение свое Михаил отказывает Ивану III и сыну его. Не смея думать о сыне, несчастный князь умоляет в духовной: «да чтобы господин мой кн. вел. пожаловал, после моего живота судов моих не посудил. А что мои люди, кого буду чем пожаловал жалованьем и деревнями: и государь бы мой к. вел. после моего живота моего жалованья не порушил, чтобы мои люди после моего живота не заплакали, а мене бы государь мой кн. в. во всем в том не положил, занеже тебе государю моему в. князю приказана душа помянути и долг заплатити»⁸⁵⁸.

Когда дело было кончено, Верецкий удел присоединен к Москве, в. князь позволил себе склониться на просьбы жены и сына и согласился принять бежавшего Василия Михайловича опять в Московское государство, но только на службу, в качестве служебного князя, не более; вот письмо, отправленное сыном великокняжеским Василием Ивановичем к изгнаннику в 1493 году⁸⁵⁹: «Присылал еси ко отца нашего сыну боярскому к Ивану к Микитину сыну Беклемишова,

своего человека Шулепа Васюкова сына Усатаго; а велел еси ему нам бити челом, что бы мы о тебе били челом матери своей в княгине, что бы мати наша в.к. пожаловала, да и мы печаловались о тебе к государю отцу своему в.к., что бы отец наш пожаловал, похотел твоей службы. И мати наша в княгини, да и мы, государю отцу своему в.к. о тебе били челом, и отец наш к.в. тебя жалует, хочет твоей службы; и ты бы ко отцу нашему к в.к. поехал». Но изгнанник не поехал на службу к московскому государю по причинам, нам неизвестным; как и где жил он, как и где умер, также ничего не известно.

Но известна нам судьба родных братьев Ивана III. До 1472 года Иван III жил мирно с братьями; однако около означенного года мы встречаем первый договор его со вторым братом Андреем Васильевичем Углицким, или Большим⁸⁶⁰. Этого обстоятельства нельзя упустить из виду, ибо появление договора столь долгое время спустя по восшествии на престол Ивана III могло произойти только вследствие каких-нибудь столкновений, тем более что договор был заключен с одним только Андреем Углицким, который и после является главным деятелем в борьбе с в. князем. В договоре нет ничего нового против известных нам договоров удельных князей с великими.

В 1472 году умер старший из братьев Юрий, князь дмитровский, бездетным; в духовной, которая дошла до нас⁸⁶¹, он делит по церквам, монастырям и родным села, движимое имущество, совершенно как частный человек, не говоря ничего о богатом уделе своем, Дмитрове, Можайске, Серпухове. Причина такого молчания ясна: благословить поровну всех братьев значило разгневать в. князя; отказать все в. князю значило обидеть остальных братьев: Юрий промолчал. В. князь взял удел себе; братья — Андрей Углицкий и Борис Волоцкий объявили старые притязания на ровный раздел между родичами⁸⁶²; на этот раз дело кончилось, однако, перемирием: Иван III отдал Борису Вышгород, взятый перед тем у Михаила Верейского; Андрею Меньшому Вологодскому, который не представлял никаких притязаний, дал Торусу, одному Андрею Большому не дал ничего сам, уже мать его Мария, очень любившая Андрея, дала ему свою куплю, Романов городок на Волге. Из этого распоряжения видно также, что в.к. злобился всего более на Андрея как на зачинщика и, удовольствовав остальных братьев, не дал ему ничего сам: пусть, думал он, мать, которая так его любит, и награждает сама своего любимца. В это же время с обоими братьями Андреем Углицким и Борисом Волоцким были заключены договоры на обычных условиях⁸⁶³, причём и Андрей, и Борис обязались не думать об уделе Юрия. Ясно, что эта сделка была совершенно не в пользу братьев: выморочный удел остался за в. князем, они лишались

своего права, подтвердив клятвою обязательство не вступаться в означенный удел, и таким образом давали старшему брату право на все выморочные области, какие будут вперед: мир, в котором одна сторона оскорблена, но не обессилена еще окончательно, такой мир ненадежен; оба брата утаили негодование до удобного времени; случай к разрыву не замедлил представиться.

Право бояр отъезжать от одного князя к другому подтверждалось еще во всех договорах между князьями; но оно могло оставаться ненарушимым только тогда, когда существовало несколько независимых княжеств; когда же все княжества поникли пред московским, когда все князья признали старшинство московского, то переход бояр мог иметь место только от первых к последнему: в самом деле, каким образом младший брат, удельный, подчиненный князь, мог принять к себе боярина, навлекшего на себя гнев в. князя, сохраняя по-прежнему свои родственные отношения, не возбуждая нелюбья старшего брата и государя? Это противоречило естественному порядку вещей, противоречило здравому смыслу. Опираясь на это-то странное, несвоевременное право, Андрей Углицкий и Борис Волоцкий снова вооружились против Ивана III.

В 1479 году в. к. отнял Великолуцкое наместничество у князя Ивана Оболенского Лыка по жалобе граждан, обвинявших его в притеснениях⁸⁶⁴. Иван III нарядил суд, и кн. Оболенский должен был выплатить гражданам все, что взял у них неправдою. Но граждане, говорит летописец⁸⁶⁵, видя, что в. князь взял их сторону, начали взводить напраслины на бывшего наместника, а в. князь потакал им. Оболенский, раздосадованный этим, отъехал к волоцкому князю Борису; Иван послал к брату вытребовать отъехавшего боярина; Борис не выдал и велел сказать старшему брату: «Если кому есть дело до Оболенского, то оно должно быть исследовано в суде». Тогда в. князь решился показать невозможность отъезда от старшего к младшим: он велел тайно схватить Оболенского, сковать и привезти в Москву, что и было исполнено.

Теперь уже Борис, начавший трудное дело, не мог перенести оскорбления, которое было слишком явно; он послал в Углич к старшему из удельных Андрею жаловаться на в. князя. «Неслыханные насилия должны терпеть мы,—говорили князья,—уже теперь нельзя никому отъехать к нам; старший брат кн. Юрий умер—кн. вел. досталась вся его отчина, а нам не было никакого подела; Новгород В. с нами взял, но все досталось ему одному, нам не дал жребия; а теперь уже дошло дело и до насилий: кто отъедет от него к нам, тех берет без суда, ставит нас ниже бояр своих, позабыв отцовское завещание».

Князья не удовлетворялись одними жалобами; это время было для них самое благоприятное; страшный заговор в Новгороде

занимал все внимание в князя, король Казимир был заодно с новгородцами, хан Ахмат — заодно с Казимиром: тогда недовольные братья предложили Новгороду также свое участие. Только необыкновенная решительность и деятельность великого князя помогли ему выйти из затруднительного положения⁸⁶⁶: он поспешил двинуться к Новгороду, заставил его сдать ее на всю его волю, схватил главных заговорщиков и, выпытав у них об участии братьев, поспешил в Москву предупредить последних. Князья уже обнаружили свои замыслы движением к Новгороду⁸⁶⁷; народ, который едва успел отдохнуть от междоусобий, находился в необычайном страхе; Иван боялся более всего открытой, неверной борьбы, особенно теперь, когда еще с двух других сторон грозили ему Литва и Орда: он послал к братьям уговаривать их возвратиться и как прежде разорвал их союз, удовлетворив одного Бориса, так теперь обещал Андрею Калугу и Алексин, не давая ничего Борису; таким способом он сберегал волости, давая одному вместо двоих и вместе ссорил братьев, разделяя их интересы. На этот раз, однако, хитрость не удалась: братья запрашивали слишком много; они снеслись уже с Казимиром, который дал семействам их для прожития Витебск; Иван III сердился на мать, которую подозревал в единомыслии с любимцем ее Андреем Углицким, и прервал все сношения с братьями.

Но в это самое время нагрянул Ахмат: нашествием его воспользовалась княгиня-мать для примирения сыновей; Иван III в крайности обещал⁸⁶⁸ все, мать уговорила Андрея и Бориса возвратиться и с помощью двух владык — знаменитого Вассиана Ростовского и Филофея Пермского примирила их со старшим братом⁸⁶⁹.

По уходе Ахмата Иван III выполнил обещания по-своему: он удовольствовал одного Андрея, дав ему Можайск⁸⁷⁰, а Борису не дал ничего⁸⁷¹. В то же время умер бездетным кн. Андрей Васильевич Меньшой Вологодский, в духовном завещании он отказал весь удел в князю, дав остальным братьям только по селу⁸⁷². На этот раз братья не могли жаловаться: завещание собственника должно было быть свято исполнено.

Но Иван III не мог простить Андрею Большому того, что он, воспользовавшись затруднительными обстоятельствами, принудил его поделиться выморочным уделом Юрия. В 1484 году умерла мать московских князей инокиня Марфа; как она любила Андрея, доказательством служит множество волостей, которые она ему надавала⁸⁷³. Смертию княгини-матери разрывался последний и самый крепкий узел между братьями; после этого видим между ними только одну взаимную недоверчивость, которая должна была повести к печальной развязке. В 1486 г. в князь взял с обоих братьев клятвенные грамоты не вступаться в уделы выморочные Юрия и Андрея Меньшого, ни в удел Верейский, ни

в область Новгородскую и Псковскую, и в примысл в князя — Тверь⁸⁷⁴; также не сноситься ни с Казимиром, ни с изгнанным в. к. тверским, ни с панами литовскими, ни с Новгородом. ни со Псковом.

Как велика была недоверчивость между братьями, всего лучше доказывает следующее происшествие: в 1488 году боярин Андреев Образец объявил своему князю, что старший брат хочет схватить его; Андрей тотчас же собрался бежать в Литву, но одумался и послал спросить в. князя, за что он держит на него гнев; Иван III поклялся ему небом и землею и богосильным Творцом всяя твари, как сказано в летописи, что у него и в мысли того не бывало⁸⁷⁵. Начали доискиваться, откуда разнесся такой слух, и нашли, что великокняжеский сын боярский Мунт Татищев, желая подшутить над Образцом, сказал ему эту новость. Татищева высекли кнутом, хотели даже отрезать язык, да митрополит отпечаловал.

После этого в 1491 году, узнав, что на союзника его Менгли-Гирея Крымского идут татары с востока, Иван III выслал свои полки к нему на помощь, веля и братьям отправить также своих воевод, на что имел полное право по договорным грамотам. Борис послал свои полки вместе с великокняжескими, но Андрей не послал⁸⁷⁶ и таким поступком, с одной стороны, возбудил гнев в. князя, не терпевшего послушания, с другой — еще более возбудил недоверчивость его, так что Иван решился покончить с ним дело. В 1492 году Андрей приехал в Москву; в. к. позвал его обедать и, когда тот явился, велел схватить его и посадить в заключение, где он и умер, равно как двое сыновей его⁸⁷⁷; уделы его были присоединены к Москве.

В одном летописце сохранены слова в. князя в ответ митрополиту, когда тот печаловался ему об заключенном Андрее: «Жалми добре брата моего и не хочу изгубити его, а на себя порока положити, а свободити не могу: про то что ниединою зло на мя замышлял и братию свободил, а потом клялся и ныне паки начал зло замышляти и люди моя к себе притягати, да то бы и ничто, а когда я умру то ему доставати великое княжение, а внук мой кому великим князем быти, и он коли собою того не достанет, то смутит дети моя и будут воеватися межи собою, и татара пришед видя в нестроении будут землю Русскую губить, жечи и пленить, и дань возложат паки, и кровь христианская будет литися, яко бе прежде, и что аз толико потрудихся а то будет ни во что, и вы будете раби татаром»⁸⁷⁸. Из этих слов видно во 1) что Андрей, кроме послушанья, возбудил еще недоверчивость в. князя переманкою к себе людей его, во 2) Иван III всего более опасался Андреевых замыслов по смерти своей, предвидя, что и без того будут необходимо ушибыцы между внуком Димитрием и сыном Василием. Другой летописец

говорит⁸⁷⁹, что Иван III, узнав о смерти Андрея, приносил слезное покаяние духовенству, которое нескоро простило его; но опровержением такому известию служит то, что двое сыновей Андреевых оставались в заключении, след., в. князь не раскаивался в своей мере.

Бориса Волоцкого не тронули, ибо не было предлога; он скоро умер, оставя удел двоим сыновьям — Феодору и Ивану. Из отношений Ивана III к этим князьям замечательно следующее: в 1497 году⁸⁸⁰ они били ему челом чрез митрополита Симона, чтоб он выменял их села, рассеянные в областях великокняжеских, на Тверские волости, ближайšie к их уделу: из этого мы видим стремление удельных князей округлить свои владения. В 1504 году меньшей из волоцких князей Иван умер; в своей духовной⁸⁸¹ он завещает брату своему несколько сел, а удел свой Рузу и половину Ржевы передает в. князю, равно как служилую рухлядь, доспехи и коней.

Обращаясь теперь к самому любопытному явлению, имевшему место в семье Ивана III, к спору о наследстве между сыном и внуком его. От первого брака на тверской княжне Марии Иван III имел сына именем Ивана, прозванием Молодого. Чтоб отстранить притязание братьев и других родичей, в. князь еще до 1471 года объявил сына своего также в. князем и, заключая договоры, не отделял имени сына от своего: договоры писались от имени двух в. князей — Ивана Васильевича и Ивана Ивановича. Этот Иван Молодой, женатый на Елене, дочери знаменитого молдавского господаря Стефана, умер рано, при жизни отца, оставив сына именем Димитрия. Но уже Иван III был в это время женат на Софии Палеолог, дочери Фомы, деспота морейского, племяннице последнего восточноримского императора Константина, и от этого брака имел сына Василия. Теперь рождался важный вопрос: кому наследовать — сыну или внуку?

Если бы Иван III захотел обратить внимание на старый русский обычай, если б справился с летописями, то нашел бы, что внук должен быть отстранен от старшинства, потому что отец его умер прежде своего отца, не был старшим в роде, и, след., Димитрий не был братом своему дяде, но только племянником, или сыном. Но, во-первых, отец Димитрия Иван был при жизни отца уже в. князем, равным отцу, след., старшим в роде, и потому даже по прежним родовым счетам преждевременная смерть Ивана Молодого не лишала сына его права на старшинство; во-вторых, московскому государю не было нужды до старых родовых счетов, все предки его шли наперекор им, отдавая преимущество племяннику над дядею; Иван III, верный преданию, должен был также отдать преимущество внуку Димитрию пред сыном Василием. Но последний имел за собою также важные преимущества: он был сын Софии Палеолог, от царского

корня; ему, разумеется, а уже никак не Димитрию принадлежал герб Римской империи, и София была способна внушить сыну высокое мнение о своем происхождении, своих правах, была способна поддержать эти права. Мы должны обратиться к этому знаменитому лицу, имеющему такое важное значение в нашей истории.

До сих пор главною заботою московских князей было собиране Русской земли, примыслы, прибитки; из князей—вождей дружины северные князья, преимущественно московские, стали князьями-собственниками, хозяевами; но эти князья, которые кланялись в Орде не только хану, но и вельможам его, от которых родичи еще требовали родственного, равного обхождения, эти князья не были еще окружены тем величием, которым были окружены другие монархи Европы как преемники цезарей, как помазанные свыше. У нас, несмотря на стремления духовенства, в князю трудно было получить царственное значение именно вследствие родового быта, так долго господствовавшего и затруднявшего развитие идей государственных. Чтоб Церкви успеть в своем стремлении сообщить в князю царственное величие, нужна была помощь извне, и как на Западе на помощь Церкви пришли предания империи, так точно и у нас на Руси эти предания империи принесены к московскому двору Софиею Палеолог.

Исследуйте движения, перемены, имевшие место при Иване III, и вы увидите, что все движется, изменяет форму для принятия каких-то новых, неизвестных идей. Византийская царевна хочет быть царицею: для этого ей нужен двор по образцу византийского, и этот двор является при Иване III; но прежде всего царевне нужно где жить, и вот в этой бедной Москве, наполненной лачужками, являются дворцы, соборы, тронные палаты, для построения которых вызываются иностранные художники, а для этого заводятся связи с иностранными государствами; наши послы отправляются к западным дворам, просят прислать художников своему государю; император и короли хотят воспользоваться этим случаем для достижения своих целей, предлагают союзы, крестовые походы, браки; московский князь не прочь ни от чего, но хитрый правнук Калиты преследует во всем ближайшую цель, не заходит далеко, не обязывается никакими обещаниями: он не спускает глаз с Орды, Литвы и Польши, для чего пересылается с императором и вместе ищет дружбы султана. Вот следствия появления греческой царевны в Москве для распространения наших иностранных сношений; но гораздо важнее были перемены внутренние, под ее влиянием произведенные.

Никто лучше сметливого Ивана III не мог воспринять тех идей, которые принесла Софья: вот почему он так легко является грозным государем на московском великокняжеском столе; он

первый получил название Грозного⁸⁸², потому что первый явился для двора и народа монархом, требующим беспрекословного повиновения и строго карающим заслушание, первый возвысился до царственной, недосыгаемой высоты, перед которою боярин, князь, потомок Рюрика и Гедимины должны были благоговейно преклониться наравне с последним из подданных.

Такая перемена в характере в. князя не могла не возбудить сильного негодования в толпе князей и бояр: Иван III посягнул на важнейшее их право, право отъезда, и по первому мановению грозного самодержца головы крамольных князей и бояр лежали на плахе; отсюда та страшная ненависть князей и бояр к новому порядку вещей, начавшемуся с Ивана III, отсюда та страшная ненависть их к виновнице этой новизны, в. к. Софье.

Для доказательства сказанного раскроем Курбского, адвоката старины и прав князей и бояр; вот откуда все зло в Русской земле, по его мнению: «В предобрый русских князей род всеял диавол злые нравы, наипаче же женами их злыми и цародейцами, яко и во израильских царех, паче же которых поимовали от иноплеменников»⁸⁸³. Вот обвинения Ивану III и Софье от Курбского: «Також и дед твой (обращается к Ивану IV) со гречкою бабою твоею, сына предоброго Иоанна, от первыя жены своя, от тверские княжны *святыя* Марии рожденна, наимужественнейшаго и преславнаго в богатырских исправлениях, и от него рожденнаго, *боговенчаннаго* внука своего, *царя* Димитрия, с матерью его *святою* Еленюю, ового смертоносным ядом (?), а того многолетным заключением темничным, последи же удавлением погубиши (все это Иван III с Софьею?), отрекшись и забывши любви сродства. И не удволясь тем! К тому брата единоутробнаго, Андрея Углицкаго, мужа зело разумнаго и мудраго, тяжкими веригами в темнице за малые дни удавил, и двух сынов его, от сосец матерних оторвавши, о умиленно ко услышанию и тяжко ко изречению! Человеческая злость в толикую презлость провозрастаема, пачеже от христианских начальников! Многолетним заключением темничным нещадно поморил. Князя же Симеона, глаголемаго Ряполовскаго, мужа зело пресильнаго и разумнаго, влекомаго от роду Владимира (!), главным посечением убил. И других братию свою, ближних ему в роду, овых разогнал до чуждых земель, яко верейскаго Михаила (?) и Василя Ярославича (??); а других во отроческом веку еще сущих (bis) такоже темничным заключением, на скверной и проклятой заветной грамоте о увы! О беда! Ко слышанию тяжко! Заклинающе сына своего Василья, повелел неповинных погубити неотрочне⁸⁸⁴. Також сотворили и иным многим, их же, долготы ради писания, zde оставляется»⁸⁸⁵. Какой дух принесли служебные князья ко двору московскому, какие чувства питали они к московским князьям, всего яснее видно из следующих слов Курбского: «обычай есть

московским князем издавна желати братий своих крови и губити их, убогих ради и окоянных отчин, несытства ради своего»⁸⁸⁶.

Но кроме Курбского мы имеем еще другой боярский отзыв о новом порядке вещей, принесенном Софьею. Уже в княжение сына ее Василия боярин Берсень так говорил Максиму Греку: «А как пришли сюда грекове, ино и земля наша замешалася; а дотол земля наша Русская жила в тишине и в миру. Как пришла сюды мати великого князя в. княгини Софья с вашими греки, так наша земля замешалася, и пришли нестроения великие, как и у вас во Царегороде при ваших царех». На слова Максима: «Господине, мати в. князя в. княгини Софья с обе стороны была роду великого, по отце царский род царегородских, а по матери великого дуксуса ферарийского Италейские страны» Берсень отвечал: «Господине, какова ни была, а к нашему нестроению пришла. Которая земля переставливает обычи свои, и та земля не долго стоит; а здесь у нас старые обычи в. к. переменял; ино на нас котораго добра части?» В чем же, по мнению боярина, состояла эта перестановка обычаев? Вот в чем: «Лутче старых обычаев держатися, и людей жаловати, и старых почитати; а ныне деи государь наш запершыся сам третей у постели всякие дела делает»⁸⁸⁷.

Итак, перестановка обычаев состояла в том, что в. князь отстранил влияние бояр, начал думать особо свою думу, и теперь уже бояре не могли сказать ему: «О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали»⁸⁸⁸, потому что московские князья, «желая крови братий своих, несытства ради своего», изгубили родичей, овладели их уделами, и боярам некуда уже было более отъехать.

Не одни недовольные князья и бояре оставили нам свидетельства о великом влиянии Софьи на перестановку обычаев в Русской земле; есть другие свидетельства, более беспристрастные: Герберштейн, бывший в Москве в княжение сына Софьи, говорит об ней: «это была женщина необыкновенно хитрая, по ее внушению в. князь сделал многое». И наши летописцы подтверждают это, говоря, напр., что Софье принадлежит окончательный разрыв с Ордуо при Иване III⁸⁸⁹.

Если князья и бояре и по смерти Софьи питали ненависть к ее памяти, называя ее виновницею перемены, перемены к худшему, по их мнению, то ясно, что они не могли быть расположены к ней при жизни ее. Против Софьи были знатнейшие бояре; они поддерживали Елену, вдову Ивана Молодого, и сына ее Димитрия; на стороне же Софьи и сына ее Василия стали члены младшей дружины, дети боярские, и дьяки.

Узнав, что боярская сторона пересиливает и в. к. думает отдать престол внуку, дети боярские и дьяки, сторонники Василия, начали будто бы уговаривать его бежать из Москвы.

захватить великокняжескую казну в Вологде и на Белоозере и действовать силою против Димитрия. Такое безрассудное намерение могло прийти в голову только удальцам, которые готовы решиться на все, лишь бы не оставаться в покое; даже с достоверностию можно положить, как видно из последующего, что это намерение никогда бы и не было приведено в исполнение, что оно существовало только в горячих головах молодых дружинников, у которых вырвались неосторожные слова; но этого было довольно для врагов Софьи: они поспешили объявить Ивану III о страшном заговоре сына его Василия; заговорщиков схватили, пыткою вынудили признание и казнили, в том числе двух дьяков — Стромилова и знаменитого Владимира Елизарова Гусева, составителя Судебника; множество других детей боярских было брошено в тюрьмы⁸⁹⁰.

Сторонники Елены спешили воспользоваться своим торжеством и донесли Ивану III, что Софья принимает к себе женщин-чародеек, которые приносят к ней смертные зелья; женщин схватили, обыскали и утопили ночью в Москве-реке⁸⁹¹. Бояре достигли своей цели: в. князь удалился от жены и велел приставить стражу к сыну Василию.

Но, удалившись от Софьи, Иван не удалился от мыслей, внушенных ею; отстранив сына ее от престолонаследия, он спешил дать царственное помазание сопернику его, внуку Димитрию, но понятие об этом помазании и значении его внушено было Софьею, и бояре, ненавидевшие Софью за принесение новых понятий, пользуются, однако, ими и называют Димитрия царем помазанным в укору Василию и его сыну⁸⁹². Иван III торжественно венчал внука на в. княжение, причем сам возложил на него венец⁸⁹³.

Но боярам трудно было бороться с Софьею, недаром они называли ее чародейкою. В следующем же 1499 году она успела открыть мужу глаза касательно настоящих стремлений враждебной себе стороны, и тогда-то московский в. князь явился грозным перед боярами и князьями, потомками Рюрика и Гедимины.

В челе тогдашнего московского боярства стояли две фамилии, связанные между собою тесным родством, фамилия князей Патрикеевых и князей Ряполовских: Патрикеевы были потомки Гедимины, Ряполовские — потомки Всеволода III. Иван Юрьевич Патрикеев находился в родстве с в. князем, потому что был родной внук в. к. Василия Димитриевича от дочери его Марии; отец Ряполовского спас Ивана III от Шемяки; ни родство, ни заслуги не помогли. В. князь, испытав подробно все бывшие *крамолы*⁸⁹⁴, т. е. причинившие опалу Софьи и сына ее, нашел измену бояр⁸⁹⁵ — князя Ив. Юр. Патрикеева, двоих сыновей его и зятя, кн. Семена Ряполовского, и приговорил их к смертной казни: кн. Ряполовскому отрубили голову на Москве-реке; прось-

бы духовенства спасли жизнь Патрикеевым: отец со старшим сыном должен был постричься в монахи, младший сын остался под стражею в доме⁸⁹⁶.

С опалюю этих вельмож должны были перемениться и семейные отношения в князя; он начал *нерадеть* о внуке⁸⁹⁷ и объявил сына своего Василия в князем Новгорода и Пскова; псковитяне, не понимавшие, к чему идет дело, испугались и отправили в Москву послов бить челом в князю, чтоб не отделял их от Московского государства и оставил под державою Димитрия; тогда Иван III произнес эти замечательные слова, которые показали, что старый обычай на Руси исчез и отныне воля самодержца будет решать вопрос о престолонаследии; но если прежние родовые обычаи не стесняли уже более в князя, то тем менее могла стеснять его воля старого вечевого города, он сказал послам: «Чи не волен я в своем внуке и в своих детех? Ино кому хочю, тому дам княжество»⁸⁹⁸ и велел заключить послов дерзкого веча; псковитяне напрасно беспокоились: Иван не хотел делить Московского государства, не хотел раздирать его междоусобиями, которые могли кончиться только гибелью одного из соперников, и потому решился предупредить борьбу, пожертвовав внуком сыну: железная природа Ивана III делала его способным к такому делу.

В 1502 году в князь велел посадить под стражу Елену вместе с сыном, 18-летним Димитрием, не велел называть последнего в князем, ни поминать на ектениях, а сына Василия «пожаловал благословил и посадил на в. княжение Володимирьское и Московское и всея Руси самодержцем, по благословиению Симона Митрополита всеа Руси»⁸⁹⁹. Из приведенных слов видно, что благословение Василия было также торжественно, после которого уже ему не нужно было венчаться в другой раз. С этих пор имя в.к. Василия является в грамотах подле отцовского, причем Иван III называется в отличие в. князем большим⁹⁰⁰.

Елена умерла в 1505 году. Об участи Димитрия известия разногласят; один и тот же летописец говорит⁹⁰¹, что Иван III «внука своего посадил в камень, и железа на него возложил», а после говорит, что уже в.к. Василий «посади в железа племянника своего и в полату тесну посади». Гораздо яснее становится нам положение Димитрия из духовной⁹⁰² его, из которой видно, что при нем оставалось множество сел, завещанных им разным монастырям и церквам, богатая казна, много драгоценных вещей, золотых и серебряных сосудов, из которых многие подарены ему были в князем Василием; наконец, в духовной Димитрий упоминает о своих боярах, детях боярских, дьяках, постельничих: ясно, что узник, которому позволяли жить с такою царскою пышностью, не мог быть заключен в оковы в камне. Димитрий умер в 1509 году⁹⁰³.

Пожертвовав внуком для предотвращения междоусобий, Иван III хотел предотвратить их, по возможности, между старшим и младшими сыновьями своими; для этого в 1504 году он велел нареченному в князю Василию заключить договор с братом Юрием Ивановичем⁹⁰⁴. Этот договор начинается так: «Милостию Божиею и пречистые его Матери, и по благословению и по повелению *государя* и отца нашего Иоанна, Божиею милостию *государя* *всяя Руси* и в князя володимерского, и московского, и новгородского, и псковского, и блггарского и иных»: вот титул, принятый Иваном III! Договор совершенно сходен с прежними договорами между в. князьями и удельными.

Замечательны также отношения Ивана III к Рюриковичам Юго-Западной, Литовской, Руси. Мы видели, что Рюриковичи южные подчинились сильному в. князю литовскому, признали его господарем, обязались платить *полетнее*, с тем чтоб этот сильный владетель оборонял их отчины. Но когда литовские князья продали свое могущество за престол польский, то Рюриковичи, их служебники, увидав обессиление государей своих, начали искать другого защитника: таковым явился для них в. князь московский Иван III, потомок того Всеволода III, без которого предки их не могли обойтись.

В 1492 году князь Семен Федорович Воротынский прислал Александру, наследнику Казимиру, отписку следующего содержания: «Яз, господине, служил есми отцу твоему, господарю своему, в. королю Казимиру, и был есми у отца твоего, господаря моего, у крестном целованьи, на том, что было отцу твоему, осподарю нашему, за отчину нашу стояти и боронити от всякого: ино, господине, сведомо тебе, что отчина моя отстала, и отец твой господине, господарь наш, за отчину мою не стоял и не боронил⁹⁰⁵, а мне, господине, против отчины моее, городов и волостей не измыслил. И к тебе есми, господине, посылал бити челом боярина своего Ивана Карповича, чтобы твоя милость, господарь наш, пожаловал мене потому ж, в докончанье и в крестное целование, как отец твой мене жаловал, города бы еси, господин, мене обмыслил против моей отчины, чем бых мел тебе, осподарю своему, служити: и твоя милость, господине, мене не жаловал, города не дал, и в докончанье не приял, и за отчину за мою не стоял, а бояр моих, господине, не жаловал, не чтил, как отец твой наших бояр жаловал, чтил. Ино господине, не я выступил, твоя милость, осподарь! Ино господине, отца твоего, господаря нашего, крестное целованье и твое с мене долов; заньже, господине, в листу стоит в докончалном отца твоего, осподаря нашего: «А по нашем животе, а кто будет держати в. княжество Литовское наших наместников, ино им приняти кн. Семена Федоровича в таком докончанье; а не имут жаловати и не примут в докончанье, ино со князя Семена Федоровича крестное целованье до-

лов, а ему воля». Ино, господине, отца твоего, господаря великого короля, и твое в. к. Литовского крестное целованье с мене со князя Семена Федоровича долов»⁹⁰⁶. Пославши такую грамоту к Александру, кн. Семен Федорович с племянником Иваном Михайловичем отъехали в Москву, где били челом Ивану III своею отчиною; этого мало: дорогою они заняли на имя в. князя московского литовско-русские города Серпейск и Мещовск, которые хотя скоро и были опять заняты литовскими войсками, однако Иван III не любил уступать раз занятого на его имя и, послав сильное войско, захватил в другой раз эти города⁹⁰⁷.

Князя Семен и Иван Воротынские не были первые отъезжики в Москву: еще при Казимире кн. Василий Кривой Воротынский враждовал во имя Москвы с Литвою⁹⁰⁸; его примеру последовали князь перемышльский и князь белевский с двумя братьями⁹⁰⁹. По приезде Воротынских в. князь послал воевод своих добыть Вязму, и они добыли ее и привели князей вяземских в Москву: Ивану III нужно было, чтоб литовско-русские князья не боялись московского завоевания, и потому он пожаловал князей вяземских, возвратил им их отчину с обязательством служить государю московскому, как прежде служили господарю литовскому⁹¹⁰.

Такое великодушие не было без выгоды для Ивана: в том же 1493 году явился к нему на службу кн. Мих [аил] Ром [анович] Мезецкий, или Мещовский, и привел с собою в виде пленников двоих братьев, хотевших остаться верными Литве⁹¹¹. Тогда Иван III послал к Александру объявить: «Што служили тебе князь Сем [ен] Фед [орович] Воротынский, да кн. Андрей, да князь Василей Белевский, да кн. Мих. Ром. Мезецкий, да князь Андрей Юрьевич Вяземский, и они нынеча нам били челом служити со отчинами: и тебе бы то ведомо было. Штоб еси приказал своим князьям и всим своим людем, штобы нашим слугам (вышеименованным князьям) и их отчинам обиды от них никоторые не было». Александр отвечал: «Што еси к нам присылал посла своего и всказывал до нас о наших слугах, иж они тебе били челом служити и з отчинами; то есть тебе гораздо зведомо, штож тых князей, наших слуг, деды, отцы и они сами потому доконьчали отцу нашому, королю его милости, и записалися и присягу на том дали, и на нас на детей его, штож им служити нам, к нашому господарству, к в. княжеству Литовскому неотступно, а мимо нас иньшого господаря им не искати. И дивуем ся тому, иж ты, мимо тьи дела, прыймуешь наших слуг: про то мы их с тое присяги не выпускаем... и ты бы тых наших слуг к себе не прыймал и в отчины бы еси их не вступался, бо они з давна суть наши слуги... А как есми до тебе нашего посла выправили и послали о некоторых наших делех, ино в тьи часы люди твои многии города наши

и волости, Мезецк, а Серпееск, а Масалеск, а Городечну; а Опаков огнем пожгли, а людей наших, которые на tych наших городех были, в полон повели со всеми их животы и статки; и теж город наш Вязму взяли, и слуг наших князей Вяземских головами звели; а тыи города и волости из века отчина наша, в княжества Литовского земли и воды. Ино сам того посмотри, гораздоль ся то дееть? Коли бы тебе хто у-в отчине твоей шкоду вчинил, жаль бы тебе своего было; а нам нашего по томуж жаль: заньже ты хочешь свою отчину в целости мети. А нам дал Бог сести на отчине нашей, на в князьстве Литовском, а мы потому ж хотим отчину нашу в целости мети, как было за предков наших»⁹¹².

Страшное посягание на эту отчину обнаружил московский князь в самом титуле своем, называя себя государем всея Руси, тогда как такая значительная часть Руси была за Литвою. Литовская рада писала первому московскому боярину кн. Ив[ану] Юрьевичу Патрикееву: «Господарь ваш в листе своем к нашему господару написал себе имя свое высоко не по старине, не подлуг того как издавна обычай бывал. Сам же того, княже, посмотри, гораздоль ся то дееть? Старину оставляете, а в новые дела вступае»⁹¹³. Но московский собственник помнил также свою старину и отвечал литовскому князю, что Южная Русь издавна достояние потомков св. Владимира, что Гедиминовичи овладели ею, пользуясь невзгодою последних. Александр ясно видел, что эта невзгода теперь на стороне Литвы, и спешил заключить мир с Иваном.

Московский князь написался в договоре⁹¹⁴ государем всея Руси; касательно князей положены следующие условия: «обе в князю (Александру) не вступатися в мене и в моих детей, в нашу отчину, в город Вязму и в города и в волости и во вси земли и в воды вяземский, што к Вязме потягло, а князей ти вяземских к себе не прыймати. Также и Федора Блудова и Олександрова Борисова сына Хлепенскаго и князя Романова Фоминьского и их братии и братаничов, Юрева доля Ромейковича и князя Федорова места Святославича: tych отчины, города и волосты и што к ним потягло, земли и воды вси мои, в князя Ивановы, и моих детей, к нашему в княжеству. А князи новосильские и одоевские и воротынские и перемышльские и белевские, вси мои, в князя Ивановы, и моих детей, и со всеми отчинами к нашему в княжеству. А тебе в.к. Александру в них и в их отчины и што к их отчинам потягло, не вступатисе ни чым и не обидити и не прыймати с их отчинами; и мезецкий князи, князь Михайло Романович и князя Иванова дети Федоровича Одыревскаго⁹¹⁵, кн. Василей и князь Федор, служат мне в.к. Ивану и моим детем, со всеми отчинами, што к их делницам в городе Мезецку и в волостех. А тебе в.к. Александру их не обидити и не

прыймати с их отчынами. А што служат тебе, в. к. Александру, мезецкий князи, кн. Федор Сухий, да кн. Василей, а князя Федоры дети Андреевича, и тыи князи в Мезецку в городе и в волостех ведают свои отчины, делницы свои; а мне в. к. Ивану и моим детем их не обидити и не прыймати их с их отчынами. А што у мене в нягтстве мезецкий князи, кн. Семен Романович и кн. Петр Федорович, и мне тых князей отпустить в Мезецк на их отчину, и они кому похотят, тому служат с своими отчынами⁹¹⁶, што их делницы в городе в Мезецку и в волостех; и вчнут служить мне и моим детем, ино их тебе не прыймати с их отчынами; а вчнут служить тебе, ино их мне и моим детем не прыймати с их отчынами. А князь великий Иван Васильевич Резанский и брат его, князь Федор и с своими детьми и с своею землею *в моей стороне*, у в. князя, Иванове. А тебе в. князю их не обидити, ни в земли их ти не вступатисе. А в чом тебе в. князю к. в. Иван Резанский и брат его кн. Федор согрубят и тебе о том прислати ко мне к в. к. Ивану, и мне то тебе направити; а которые князи служат мне в. князю Ивану и моим детем с твоих отчин, и тебе в. к. Александру с своих отчин, и мне в. князю Ивану и моим детям их блюсти и необидити⁹¹⁷; а который имет обидити князей служебных своего брата, и нам о том сослати судей, они тому вчынять исправу без переводу; *а князей нам служебных по та места на обе стороны с отчынами не прыймати*. А што у тебе у в. к. Александра наших здрадец дети князя Ивановы Можайского и князя Ивановы дети Шемячыча и кн. Иван Ярославича сын и их дети, также и князь Михайло Борисович Тферский и князя Михайлов сын Андреевича князь Василей: и тебе в. князю на нашо лихо их не отпущати никуды; а пойдут от тебе прочь, и с земли тебе их опять не прыймати, а жити со мною, с своим братом, и с моими детьми на них везде заодин».

Желая обезопасить себя совершенно от притязаний в. князя московского на обладание всею Русью, Александр объявил ему свое желание вступить в брак с его дочерью Еленою, дабы посредством этого союза, как говорили послы Александровы, между Москвою и Литвою водворилась такая же приязнь, какая была между в. к. Витовтом и зятем его Василием Дмитриевичем⁹¹⁸. — Станный, роковой намек! Разве Александр позабыл, что, несмотря на кровный союз между Витовтом и Василием, страшная борьба на жизнь и на смерть шла между Москвою и Литвою? Желание Александра исполнилось: между Москвою и Литвою возобновились те же самые отношения, какие имели место при Витовте и Василии, с тем только различием, что теперь сила была на стороне Москвы и Иван III не хочет пожертвовать спокойствию дочери своею главною целию отнять у Литвы свою отчину, старую, Юго-Западную, Русь.

Иван с своею необыкновенною сметливостию ясно видел, какою могущественною связью служило для обеих половин Руси

православие; он видел, как эта связь была ослаблена Витовтом чрез избрание особого митрополита для Киева, и старался предупредить дальнейшее ослабление. С этою целию он согласился на брак своей дочери Елены с в. к. литовским, думая, что православное народонаселение найдет в ней твердую опору и представительство⁹¹⁹. Вот почему первым, необходимым условием брака он положил, чтоб Елена оставалась в греческом законе, и когда Александр вздумал было внести в условия оставить выбор веры на волю самой в. княгини Елены, то Иван грозился прервать переговоры и настоял на том, что Александр обещался никак не беспокоить жену насчет веры; он приказывал к зятю, чтобы тот не только не уговаривал его дочь к перемене религии, но противился бы этой перемене, если бы даже сама Елена хотела ее, объявляя ясно, что только строгим соблюдением этого условия может поддерживаться доброе согласие между обоими государствами⁹²⁰. В дальнейших переговорах, веденных между послами Александровыми и московскими боярами, было условлено, чтобы венчать Елену с Александром киевскому митрополиту или какому-нибудь другому православному архиерею, поставить в. княгине греческую церковь во дворце, наконец, чтобы она была окружена слугами и служанками греческого закона⁹²¹. О том же самом приказывал Иван к Александру чрез своих послов; другие послы, отправленные Александром, утверждали, что все будет исполнено так, как условлено между боярами и первыми послами⁹²², и ничего не было исполнено.

На требование в. князя, чтоб Елене была поставлена церковь во дворце, Александр отвечал, что у них запрещено строить вновь греческие церкви; ответ оскорбительный для Ивана, которому давали знать, что распространению православия в Литовской Руси положена твердая преграда; еще оскорбительнее была следующая прибавка от Александра: «А кнегини нашой ее милости церковь греческаго закону в городе есть близко: коли ее милость всхоchet до церкви: и мы ей в том не бороним»⁹²³; дочь в. к. московского должна наравне с последнею из своих подданных, исповедующих гонимую религию, ходить в приходскую церковь! Вот на какое унижение послал дочь свою Иван, который надеялся послать в ней покровительницу православия!⁹²⁴ Насчет слуг греческой веры Александр отвечал: «Кого ся нам видело к нашей великой княгини приставили, которые ся к тому годили, тых есми к ее милости приставили; а ведь жо тым ее милости закону греческому ничего переказы нет»⁹²⁵.

В. к. литовский не думал выполнять и другого важного условия, не хотел писать Ивана государем всея Руси, отговариваясь то тем, что хочет соблюдать те же самые формы, в каких писал отец его Казимир к Ивану, то тем, что в. к. московский не отказывается от Киева, то, наконец, тем, что не дает управы его подданным в пограничных ссорах⁹²⁶.

Все это в высочайшей степени раздражало Ивана, избалованного счастьем, привыкшего к немедленному исполнению своих желаний.

Наконец, московский князь получил весть о том, чего он более всего опасался, о попытках литовского князя обратить жену и православных подданных в латинство. Подьячий Федор Шестаков, бывший при Елене, прислал к вяземскому наместнику кн. Туреню-Оболенскому грамоту, в которой извещал его, что в Литве идут сильные волнения по поводу религии, что Иосиф, владыка смоленский, вместе с Сапегою, изменившим православию, уговаривали в.к. Елену перейти в католицизм, равно как и других православных русских, подданных литовского князя⁹²⁷. Еще Иван мог бы усумниться в верности донесения Шестакова, могшего преувеличить дело из ревности к своему государю и православию; но скоро явился в Москву Гедиминович, кн. Симеон Бельский, и бил челом в князю в службу с отчиною, потому что в Литве настает гонение на православие; он подтвердил донесение Шестакова о старании владыки смоленского Иосифа распространить католицизм между русскими, прибавив, что в том содействуют ему виленский епископ и монахи бернардинские⁹²⁸.

Вслед за Бельским явился в Москву князь хотетовский и бояре мценские бить челом в службу по причине гонений за веру; Иван III принял их всех; Александр прислал жаловаться на такое явное нарушение договора, по которому оба князя обязались не принимать к себе князей служебных с отчинами⁹²⁹, оправдываясь, что никогда не думал неволить своих подданных к перемене веры. Иван отвечал: «Так то князь великий ни кого не нудит к римскому закону? К дочери нашей посылает, и к панам русским и князьям, и ко всей Руси, чтоб приступили к римскому закону. А теперь начал делать новое насилье Руси, чего прежде при отцах его и предках не бывало: сколько велел поставить божниц римского закона в русских городах, в Полоцке и в иных местах; мало того: жен от мужей, и детей от отцов отнимая, силою крестят в римской закон: все это он не нудит Руси к римскому закону? Что же касается до нашего обязательства не принимать служебных князей с отчинами, то мы приняли князя Семена единственно по причине притеснений за веру».

Наконец, в 1500 году прислали проситься в службу к московскому государю князья: Василий Иванович, внук Шемяки, и Семен Иванович, сын Ивана Андр[еевича] Можайского. Что могло заставить этих заклятых врагов московского князя решиться на такое дело? Разумеется, уже только одна опасность, грозившая их вере. Отцы их были приняты Казимиром и наделены волостями; Александр подтвердил Можайскому отцовское пожалование, объявлял о верной службе Ивана Андреевича и сына его⁹³⁰. И точно, когда в первое размирье князья из Литовской

Руси толпами переходили на сторону московского государя, Семен Можайский ревностно боролся с ними в пользу Литвы⁹³¹. Просьба Шемячича и Можайского, извещавших также о притеснениях за веру⁹³², не оставляла более Ивану III никакой возможности сомневаться в последних: он специал предупредить опасность и послал к Александру объявить, что принял Шемячича и Можайского с их отчинами, и вместе вручить складные грамоты⁹³³.

У меня нет намерения входить в подробности этой войны, славной и счастливой для Московского государства, которое вполне показало свое могущество, свой перевес над Литовскою Русью, даже соединенною с Польским королевством. Александр видел свою слабость, понимал стремления в князя московского, стремления естественные и необходимые; посол литовский, отправленный просить помощи у брата Александра, венгерского короля Владислава, говорил так последнему: «Государь мой заключил с московским князем мир и кровный союз для упрочения покоя и приязни; но тот прикрыл этим только свои замыслы, выжидая времени, в которое бы мог удобно привести их в исполнение, замыслы же его состоят в том, чтоб овладеть всем нашим государством. Ваша королевская милость должны оказать помощь государю моему не только вследствие родства, но и для святой христианской веры, которая там, в Литовской земле, вкоренена великим трудом и попечением славной памяти деда вашего Владислава (Ягайло). Начиная с тех самых пор до нашего времени Русь покушается изгладить ее, не только Москва, но и некоторые князья, подданные нашего государя: единственная причина всех восстаний их против отца вашего, короля Казимира, и на вас самих есть святая вера. Когда государь наш узнал об их крамолах, то против некоторых были употреблены строгие меры, другие убежали к московскому князю, который вместе с ними и восстал на землю нашу, выставив предлогом к войне гонение за веру»⁹³⁴.

Эти слова указывают нам на ту сильную внутреннюю борьбу, которая произведена была в Литовской Руси безрассудным поведением Ягайла и его преемников, указывают на восстание князей русских за веру, на строгие меры, употребленные против них в князьями литовскими; из этих слов ясно открывается, что князья Рюрикова и Гедиминова рода отъезжали в Москву именно вследствие насилий и гонений, для избежания казней, открывается, след., вся правота московского государя в его отношениях к Литве. Иван III не скрывал своих намерений, ясно говорил, что вся Русская земля есть отчина потомков св. Владимира, а не Гедиминова и что он хочет стоять за свою отчину; так, он велел отвечать папе на ходатайство последнего о мире с Александром: «Мы надеемся, что папе то гораздо ведомо, что короли Владис-

лав и Александр отчичи Полского королевства да Литовския земли от своих предков; а Русская земля, от наших предков, из старины, наша отчина. А коли есмь имали dokonчанье с своим зятем с в. к. Александром, и мы были тогда те свои вотчины переступили, свойства дяля; а коли нам зять наш, к. в. Александр, ни в чем не учал правити: и нам, уповая на Бога, о чем свою отчину оставливати и за нее не стояти»⁹³⁵. То же самое говорил он послам польским и венгерским⁹³⁶. Когда Александр, истомленный безуспешною и опасною борьбою, запросил мира на прежних основаниях, то московские бояре отвечали послам его: «Тому ся так не лъзя сстати, как вы говорите, что бы по старому dokonчанью быти любви и братству: то ся уж минуло. Коли государь ваш похочет с нашим государем любви и братства, и он бы государю нашему отчины их Русские земли все поступил-ся»⁹³⁷.

При таких требованиях мир был невозможен — заключили перемирие на шесть лет: земли всех князей, отъехавших из Литвы, остались за Московским государством. В перемирной грамоте Иван не позволил писать Киева и других русских городов отчинами в князя литовского⁹³⁸. И теперь Иван III повторил свое неотступное требование, чтоб Александр исполнил все свои обязательства касательно в. княгини Елены, выстроил ей греческую церковь во дворце и приставил к ней панов и паней все греческого закона. На это требование послы Александровы отвечали ему: «Государь наш никогда не нудил жены своей к перемене веры; но папа беспрестанно присылает к нему, требуя присоединения в. княгини к Римской церкви, и теперь посол папин еще у него; государь наш не дал ему никакого ответа, желая объявить об этом твоей милости. Теперь у тебя также находится посол от папы: не угодно ли будет тебе с этим послом сказать что-нибудь св. отцу насчет веры твоей дочери или, может быть, тебе угодно будет отправить в Рим особого посла по этому делу. Папа объявил, что королеве не нужно перекрещиваться, что она, равно как все другие русские, может сохранить вполне все греческие обряды; лишь бы только оказала послушание папе, признала Флорентийское соединение». Иван в ответ повторил старое требование, чтоб Александр исполнил в точности все прежние обязательства касательно жениной веры, прибавив: «И нам о своей дочери, о том деле, о чем к папе посылати своего посла? О том нам деле, о своей дочери, к папе не посылати».

Иван III, зная только одного Александра и свои договоры с ним, не хотел знать папы и входить⁹³⁹ с ним в сношения касательно соединения Флорентийского, о котором уже порешил отец его Василий Темный. В то же время Иван наказывал своей дочери: «И ты бы, дочка, памятовала Бога, да и наше родство и наш наказ, а держала бы еси свой греческой закон во всем

крепко, а к римскому бы еси закону не приступала некоторыми делы, ни церкви бы еси Римской, ни папе послушна ни в чем не была, ни к церкви бы еси к римской не ходила, душею бы еси никому не норовила, мне бы еси тем и себе и всему нашему роду нечти не учинила, а толкось нешто по грехом станет, ино в том тебе и нам и всему нашему роду велика нечесть, и закону нашему греческому укоризна, и хотя будет, дочка, про то тебе и до крови пострадати, и ты бы пострадала, а того бы еси не учинила. А нешто, дочка, по грехом, поколыблешься, а приступишь к римскому закону, своею ли волею, неволею ли, и нам того зятю своему не перепустити; то межн нас с ним будет беспрестанная рать, а ты, дочка, от Бога душею погинешь, а от нас не в благословеньи будешь. А и мати твоя, отходя сего света, приказала тебе то, чтобы еси, дочка, держала свой греческой закон во всем крепко, а от нее тебе мир о Христе, и благословение, и прошение, а только деи дочка, нешто поколыблешься о греческом законе, и похочешь приступити к римскому закону, и мати твоя тебе приказала, что тебе про то неблагословляет, да и мне тогда тебя про то не благословити». Таков был явный наказ, данный в.к. московским своей дочери, но кроме него был еще другой наказ, который послы должны были сообщить Елене наедине.

Елена, явно посылая к отцу красноречивые грамоты⁹⁴⁰, где писала, что не терпит ни в чем стеснения, где укоряла Ивана в безжалостном поведении его относительно к ней и умоляла примириться с мужем ее, которого во всем оправдывала, тайно чрез преданного ей канцлера Ивана Сапегу⁹⁴¹ доносила в Москву, что хотя ей от мужа касательно веры и мало насилия, но зато терпит большие оскорбления от архиепископа краковского Фридриха, от епископа виленского Войцеха и от панов литовских, которые говорят ей в глаза, что она не крещена, и поносят греческую веру; что при жизни Александра она в совершенной безопасности, но по смерти его боится насилий. Для предупреждения последних Елена просила отца вытребовать у Александра новую утвержденную грамоту, в которой бы тот обязался не принуждать ее к перемене веры, причем заставить также архиепископа краковского и епископа виленского приложить к этой грамоте свои печати. Иван похвалил дочь за береженье души, своего и родительного имени и поспешил исполнить ее желание⁹⁴².

Так действовал знаменитый правнук Калиты относительно старой, Южной, Руси: достойная дочь его Елена свято выполнила наказ отцовский и завещала его, в свою очередь, старославной отчизне Рюриковичей, где она была представительницею общерусских интересов⁹⁴³; и старая Русь также свято выполнила наказ Ивана III: когда пришлось и до крови пострадать за веру отцов, и она пострадала, а нечести имени своему и роду своему не

учинила. Шестилетнее перемирие между Иваном III и Александром было заключено с тем, чтобы в это время переговариваться о вечном мире; но вместо того присылались беспрестанно жалобы с обеих сторон на пограничные разбои, на притеснения торговли и т. п. Храбрые сыны старой Руси не переставали переходить на сторону единоверной Москвы⁹⁴⁴, чего не мог сносить равнодушно в.к. литовский: все ясно показывало, что обе половины Руси, насильственно разъединенные под две различные династии, могли заключить вечный мир только при вечном соединении.

В 1505 году умер Иван III. В духовной своей⁹⁴⁵ он приказывает детей меньших «Юрья з братьюо сыну своему Василью, а их брату старейшему, и вы дети мои Юрьи, Дмитрий, Семен, Андрей, дръжите моего сына Василья, а своего брата старейшего, в мое место своего отца, и слушайте его во всем; а ты сын мой Василей дръжити свою братьюо младшую Юрья з братьюо во чти без обиды». Это место повторено в заключении с следующей прибавкою: «А которой мой сын не учнет сына моего Василья слушати во всем, или учнет под ним подыскивати в княжеств или *под его детьми*, или учнет от него отступати; или учнет съсылатися с кем ни буди тайно или явно на его лихо, или учнут кого на него подымати, или с кем учнут на него одиначитися: ино не буди на нем милости Божией и пречистые Богоматери, и святых чюдотворец молитвы, и родитель наших и нашего благословения и в сий век и в будущий». Таким заклинанием Иван III хотел предотвратить все те явления, которые имели место в его собственное княжение. Он благословляет «сына своего старейшаго Василья своею отчиною в княжестве, чем мя благословил отец мой, и что ми дал Бог»; эти в княжества суть: Московское, Владимирское, Новгородское, Псковское и Тверское. В таком огромном участке, данном Василию, остальные братья его получили по нескольку городов, рассеянных здесь и там: Юрий получил 6, Дмитрий 7 с половиною, Семен 3, Андрей 5; уделы младших сыновей, все вместе взятые, совершенно ничтожны перед областью Василия. Иван III, подобно предкам, дал младшим сыновьям части в Москве и села около ее, но уже на правах только частных владельцев, т. е. без права суда уголовного⁹⁴⁶. Далее, в своих уделах младшие братья потеряли важное право независимых владельцев, право бить монету, которое предоставлено одному в. князю как государю всея Руси, равно младшие братья потеряли право откупа⁹⁴⁷. Князья служебные, имеющие во владении города, как, напр., все недавно присоединившиеся — воротыньские, одоевские и другие, зависят исключительно от в. князя и если вздумают отъехать к младшим братьям, то отчины их отбираются на в. князя; сделано даже ограничение для отъезда бояр и детей боярских: «а бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями

от моего сына от Василья не отъехати никому никуда; а хто отъедет, и земли их сыну моему». Наконец, важное установление: «А которого моего сына не станет, а не останется у него ни сына ни внука: ино его удел весь в Московской земле и в Тферской земле, что есми ему ни дал, то все сыну моему Василью; а братьи его у него в тот удел не вступают; а останутся у него дочери, и сын мой Василий те его дочери наделив подает замуж». Этим распоряжением Иван III окончательно отстраняет притязания родичей на выморочные уделы, которые причиняли ему самому столько беспокойства.

ГЛАВА II ВАСИЛИЙ ИОАННОВИЧ

Сын Софьи умел воспользоваться всеми преимуществами, уступленными ему по завещанию отца. Уничтожив родовластие во Пскове, сперва пригороде Новгородском, но после успешнее устроить свой быт по образцу старшего города, Василий уничтожил особый быт в княжестве Рязанского, последней независимой отчины Святославова потомства. Мы видели, что рязанские князья: великий — Иван и удельный — Федор договаривались, чтобы в случае беспотомственной смерти одного из них другой был наследником области покойного; но в князь московский имел возможность изменять в свою пользу договоры рязанских князей, и Федор, умирая бездетным, отказал свой удел Ивану III⁹⁴⁸; таким образом, часть самого города Рязани и место — Старая Рязань принадлежали к Москве уже при Иване III, и сын его Василий еще прежде окончательного присоединения в княжества Рязанского уже назывался рязанским⁹⁴⁹. Мы видели, как Иван III распоряжался Рязанью во время малолетства в. князя ее Ивана Ивановича; Василий продолжал поведение отца. Когда в. князь рязанский вырос, то увидал себя не больше, как наместником московского князя, причем всякое покушение с его стороны возвратить себе права независимого владельца неминуемо вело его ко враждебному столкновению с последним, который не любил отказываться от раз приобретенного. Рязанскому князю оставалось на выбор: или добровольно снизить на степень служебного князя, или отчаянными средствами попытаться возвратить прежнее значение: первое было так унижительно, так тяжело для правнука Олегова, второе так лестно, что он решился на него.

Василию было донесено, что в. князь рязанский вошел в тесные сношения с крымским ханом, для скрепления которых хочет даже жениться на дочери последнего. Василий послал звать рязанского князя в Москву; тот сначала не хотел ехать, предвидя

участь, его ожидавшую; но что случилось с князьями нижегородским и тверским, то же самое случилось и с рязанским: приближенный боярин его Семен Крубин предался на сторону Василия и уговорил несчастного Ивана отправиться в Москву, где тот был схвачен и отдан под стражу; мать его заключена в монастырь, Рязанское княжество, за исключением области Пронской, теперь уже все присоединено к Московскому. С рязанцами, которые отличались смелым, непреклонным характером и более, чем жители других княжеств, питали нелюбья к Москве, было поступлено так же, как с новгородцами при Иване III и псковичами при Василии: многочисленными толпами переселяли их в другие области. После рязанский князь, пользуясь впадением татар, ушел из Москвы в Литву, где и умер безвестно⁹⁵⁰.

Вслед за Рязанью пала другая знаменитая отчина Святославова рода, княжество Северское. Но в это время здесь уже не было Ольговичей: их уделы держали потомки Ивана Калиты Московского, два Василия: один — внук Ивана Можайского, князь стародубский, другой — внук Шемяки, князь Новгорода Северского.

Потомки московских усобиц не могли жить мирно в отечестве котор, в старой русской области. Прежде князья губили друг друга в битвах междоусобных, потом губили друг друга посредством татарского хана; теперь, когда не стало хана, могущественный московский князь, господарь всея Руси, заменил его место для князей с тем различием, что московский в. князь воспользовался сознательно их междоусобиями для достижения великой государственной цели. Князья стародубский и новгород-северский питали друг к другу непримиримую ненависть; не смея затевать усобиц, они посылали доносы к в. князю в Москву; Шемячич, по некоторым известиям⁹⁵¹, уже сгубил несколько князей своими наветами; но скоро и сам пал жертвою доноса: заклятый враг его Василий Стародубский, к которому присоединился еще князь пронский, не дремал.

Еще при жизни Ивана III отец стародубского князя Семен обговаривал Шемячича; Василий Стародубский продолжал отцовские обговоры; ненависть его к Шемячичу была так велика, что он говорил: «Одному чему нибудь быть: или уморю князя Василья Ивановича, или сам подпаду гневу государеву»⁹⁵². Стародубский и пронский князья прислали с доносом в Москву на Шемячича; последний, узнав об этом, отправил в Москву своего посланца умолять в. князя, чтоб позволил ему приехать к себе и оправдаться. Тон записи, по которой должен был говорить в. князю посланец Шемячича, очень для нас любопытен; он показывает, на какую низкую степень сошли владетельные князья перед московскими господарями всея Руси. «И тыб господарь,— пишет Шемячич в. князю,— смиловался ныне пожаловал велел

мне своему *холопу* у себя самому ныне быти, о том бити челом себе, чтоб перед тобою перед господарем стал с теми с очи на очи, что которых ныне брат мой, князь Вас[илий] Семенович, к тебе ко господарю на меня прислал с теми безлепицами. И обьщешь, господарь, в том мою вину, ино в том волен Бог да ты господарь мой, голова моя готова перед Богом да перед тобою; а не обьщешь, господарь, моей вины в том, и тыб, господарь, смиловался пожаловал мене в том, уж ныне от моего брата от кн. Вас. Семен. в тех безлепицах пооборонил, как тебе господарю Бог положит по сердцю, занеже господарь, брат мой наперед сего колко меня обговаривает тебе господарю⁹⁵³ теми безлепицами и остужает, а хочяти меня тем у тебя у господаря уморити, чтоб тебе не был слугою». Что были частые искушения со стороны Литвы и что, след., постоянная подозрительность московских князей имела основание и совершенно оправдывается, доказательством служат слова Шемячича: «Да и то тебе господарю ведомож, каковы наперед того ко мне из Литвы присылки о том (т. е. об отъезде) ни бывали, и яз, господарь, отца твоего в. князя да и тебя господаря ни в чом не утаивал».

В. князь согласился на просьбу Шемячича, дал ему *правду*, или опасную грамоту, для приезда в Москву, где тот и оправдался. В. князь велел сказать ему: «Мы у слуги у своего у кн. Василья на тебя речей никоторых не слухали. И мы как наперед того безлепичным речем не потакали, так и ныне тому не потакуем, а тебя есмя слугу своего как наперед того жаловали, так и ныне жалуем и вперед тебя, слугу своего, жаловати хотим своим жалованьем; а опытали есмя, что то речи на тебя безлепичные, и мы им и ныне не верим». Один из доносчиков был выдан обвиненному головою; когда же Шемячич просил выдачи и другого доносчика, человека князя стародубского, то в. князь велел отвечать ему: «Тот человек был в Литве полонен, а слышал те речи в Литве, ино было ему того как нам не сказать? И нам тебе того человека выдати нелзе».

Несмотря на уверения, сделанные Шемяке, что доносов на него от князя стародубского не слухали, в. князь, когда еще отправлял чиновников своих звать Шемячича в Москву, наказал им: «Да ехали бы есте ко князю к Вас. Семеновичу, да говорили бы есте ему от нас речь о береженье, да похвальную бы есте ему речь говорили».

Шемячич был отпущен из Москвы с честью в свое княжество: это было в 1517 году. Но в 1523 году Шемячич был опять позван в Москву и заключен в темницу. Шел слух, что причиною заключения было письмо северского князя к наместнику киевскому, в котором он предлагал подданство польскому королю⁹⁵⁴. Что заключение не было без причины, доказательством служит прежнее оправдание. Говорят, будто во время заключения северского

князя какой-то юродивый ходил по городу с метлою в руках и на вопрос проходящих, зачем он взял метлу, отвечал: «Владения государя не совершенно еще очищены: пришло удобное время вымести последний сор». Удел князя стародубского присоединен был еще прежде к Москве при посредстве Шемячича, который выгнал своего врага из отчины, вероятно обговорив его в измене пред государем московским⁹⁵⁵. При Василии же присоединен и удел Волоцкий, ибо Федор Борисович умер в 1513 году бездетным⁹⁵⁶.

Теперь обратим внимание на отношения Василия Ивановича к родным братьям. Несмотря на старание Ивана III определить отношения между сыновьями так, чтоб неприязненные столкновения не могли иметь места, Василий не жил в ладу с братьями. Последние не могли забыть старины, прежних родственных отношений к старшему брату и не могли сносить новых государственных. К несчастью, в это время нашлось много людей, которым выгодно было напоминать удельным князьям о старине. Государственные отношения удельных к в. князю уничтожали возможность отъезда, в котором заключалось единственное право бояр и вообще двора, след., интересы бояр были тесно связаны с интересами удельных князей, с поддержанием их прежних отношений к в. князю. Последний, в свою очередь, зная это, опасаясь беспрестанно неприязненных движений со стороны братьев, потеряв к ним всякую доверенность, которая не может существовать при совершенной разрозненности интересов, имел нужду в людях, которые бы следили за всяким словом, за всяким движением братьев; если при дворе в. князя была толпа людей, благоприятствовавших князьям удельным, то при дворе последних были также бояре, дети боярские, преданные в. князю, доносившие ему обо всем, что у них делалось.

В 1511 году в. князь узнал, что брат его Семен Калужский хочет бежать в Литву, что двор его, бояре и дети боярские, разделяют умысел князя⁹⁵⁷. Василий велел Семену явиться в Москву; последний, сведав об открытии своего умысла и зная, что готовится ему в Москве, начал просить старшего брата о помиловании посредством митрополита, владык и других братьев. В. князь простил Семена, но переменял у него всех бояр и детей боярских.

Касательно отношений Василия к другим его братьям, именно к Димитрию Ивановичу, до нас дошел любопытный акт, наказные речи Ивану Шигоне, как тот должен был говорить Димитрию от имени в. князя наедине⁹⁵⁸: «Брате! Положи на своем разуме, гораздо ли так делаешь? Помнишь, как нам отец наш наказывал меж себя быти? И яз, брате, к тебе о которых делех о своих приказывал с своими детми боярскими, чтоб еси нам в козельских делех и в Ушатого управу учинил, и ты нам не токмо

в тех делах управы не учинил, но еще еси сверх того на Ушатого землю посылал, а велел еси Ушатого деревни грабити; а нам еси, с нашими детми боярскими, ответ не потому учинил, как было пригоже тебе нам ответ учинити. А которую есмь свою грамоту послали к тебе с Федорцом с Борисовым, и ты нам против тое грамоты и ответа никакого не учинил; а ныне еси, брат наш, того болшы нам непригожее учинил, прислал еси к нам паробка такого, какого было тебе паробка к нам не пригоже послати, а писал еси к нам в той грамоте, о таких о великих делах нам вычитаа. И яз, брате, того не ведаю, которую есми тебе нечесть и обиду учинил? А ты ко мне так отвечивал с нашими детми боярскими, а в грамоте еси своей к нам писал: ино, брате, так ли *отцу* отвечивают и в грамотах пишут?»

Из этого акта видно, что в. князь более всего негодует на брата за несоблюдение форм, за недостаток должного уважения к нему, главе государства; ибо, как мы уже прежде сказали, стремление выделиться и во внешности, взойти на высоту, недостижимую ни для кого другого, становится одним из главных стремлений московских государей со времени Ивана III, чего прежде именно недоставало нашим князьям. Вот почему Василий оскорбляется, что младший брат прислал к нему непригожего паробка и неучтиво писал в грамотах; в. князь основывается на завещании отцовском, где Иван III велит младшим сыновьям держать старшего в отца место: «ино, брате, так ли отцу отвечивают и в грамотах пишут?»

Касательно отношений в.к. Василия к брату его Юрию Ивановичу мы имеем также любопытный акт: это челобитная какого-то Ивана Яганова⁹⁵⁹, заключенного в оковы в начале княжения Ивана IV за донос на князя Юрия. Яганов пишет в челобитной: «Наперед сего служил есмь, государь, отцу твоему в.к. Василью: что слышав о лихе и о добре, и яз государю сказывал, а которые дети боярские князь Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, государь, те все дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся жаловать своим жалованьем; а ковати меня государь и мучивати про то не веливал, и велел ми государь своего дела везде искати, и яз, государь, ищучи государева дела и земскаго, да с дмитровцы неколко своего животишка истерял». Из этих слов мы узнаём, что Иван Яганов был отряжен в Дмитров, удел князя Юрия Ивановича, для розысков о поведении этого брата великокняжеского: узнаём, что при дворе Юрия были дети боярские, которые чрез Яганова доносили в. князю о всех замыслах его брата.

Как Яганов искал земскаго и государева дела в Дмитрове, показывает нам рассказ его о том деле, за которое он посажен в оковы при Иване IV: «А что яз, государь, слышал у тех же детей

боярских пыочи жестоку речь с Яковом (сын боярский кн. Юрия) вместе, и яз и Яков ту речь сказали твоим бояром; того, государь, не ведаю, сопяна говорили или вздурясь, мне было, государь, в те поры уши свои не смолою забить: яз, государь, что слышал, то сказал, потомуж как есми, государь отцу твоему служил и сказывал, а не сказати было мне тех речей, жестоких речей, тебе государю, и ктоб те речи тебе государю мимо меня сказал, и мне было быти кажнени от тебя от государя. Не сказали жестоких речей на Якова на Дмитриева отцу твоему Башмак Литомин да Губа Дедков, и отец твой хотел их казнити. А в записи, государь, в твоей целовальной написано: «слышев о лихе и о добре сказати тебе государю и твоим бояром». Ино, государь, тот ли добр, которой что слышал да не скажет? А не хотел бы яз тебе государю служити, и яз бы, государь, и у князя у Юрья выслужил. Государь князь великий! Отец твой какову речь кто ему скажет, будет сойдетца и он ее ставил в дело, а будет не сойдется на дело, и он пушал мимо уши; а кто скажет, тому пени не чинил и суда ему не давал в своем деле. Яз, государь, тебя государя и твою мать, благоверную в. княгиню Елену, от некоей смертоносных пакостей избавлял: яз же нынеча в тебе кончаю нужною мукою живот свой».

И этому-то брату Юрию, на которого доносили в. князю, что он замышляет против него великие, страшные, смертоносные дела, Василий должен был оставить престол за неимением собственных детей: в. княгиня Соломония, урожденная Сабурова, была бесплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла все суеверные средства, обмывалась навороженною водою, прыскала ею белье в. князя, чтоб по крайней мере не дать остынуть любви его к себе, терлась наколдованным маслом, призывала к себе отовсюду колдунов и знахарок⁹⁶⁰ — все понапрасну! Детей не было, исчезала и любовь мужа. Наконец в 1525 году в. князь с разрешения митрополита Даниила развелся с Соломонию и в следующем году женился снова на Елене Глинской. Явление не новое: Симеон Гордый поступил точно так же.

Но около Василия было много людей, которые во всяком поступке сына ненавистной Софьи видели преступление, злодейство; знаменитые бояре, потомки владетельных князей, иноки, прежде также бояре, постриженные Иваном III за придворные крамолы, восстали против развода, и Соломония, жертва тиранства Василиева, начала слыть у них святою наравне с Еленою, матерью Димитрия внука, а Елена Глинская разделила участь Софьи Палеолог, жены-чародейки, от которой пошло все зло.

Василий не мог заслужить любви бояр и потомков владетельных князей, потому что, по словам Герберштейна, совершил то, что отец его начал, и явился монархом, каким не был ни один монарх на всем земном шаре⁹⁶¹. Вот почему Курбский называет

Василия «прелютым князем, от чародейцы греческия рожденным»⁹⁶². Опальный боярин Берсень говорил: «Добр деи был отец в. князя Васильев к. в. Иван и до людей ласков, и пошлет людей на которое дело, ино и Бог с ними; а нынешней государь не потому, людей мало жалует». Другой опальный, дяк Федор Жареный, говорил: «Пропал деи есми; печалника не могу добыти; а государь, по моим грехом, пришел жесток, а к людем немилостив». Тот же Берсень жаловался: «Государь деи упрям и вьстречи против себя не любит, кто ему встречю говорит и он на того опалается». И Берсень, и Жареный поплатились за эти речи: первого казнили смертью, второго били кнутом и отрезали язык⁹⁶³.

Но у бояр, и вообще у всех дружинников и слуг вольных, против жестокости в. князя оставалось важное право, право отъезда к другим князьям; в Северо-Восточной Руси исчезли независимые князья, от братьев в. князя нельзя было ожидать покровительства отъехавшему из Москвы боярину; оставался один отъезд, в Литовскую Русь, к в. князю литовско-русскому, и недовольные дружинники стремятся туда.

Для прекращения этого явления из старого, родового, быта московские государи придумывают средство, а именно берут с подозрительных бояр присягу не отъезжать от них: со времен Ивана III, первого государя в Москве, первого князя, который восстал против отъезда боярского, появляются эти клятвенные записи; они умножаются при сыне его Василии, еще более их при внуке его Иване Грозном — признак постоянно усиливавшейся борьбы между двумя правами: правом государя на вечную покорность подданного и обетшавшим правом дружинника переменить вождя, переходить из одной дружины в другую, правом, которое так долго поддерживалось родовыми отношениями княжескими и теперь долженствовавшим исчезнуть вследствие смены их отношениями государственными. При Иване III мы знаем только одну подобную запись: она дана знаменитейшим из бояр его, героем Новгорода и Казани, потомком тверских князей, кн. Даниилом Холмским.

Холмский по случаю какого-то неудовольствия на в. князя вздумал воспользоваться правом отъезда; но его намерение было узвано, его схватили и посадили под стражу. В это время, время столкновения и борьбы различных прав, прав великого князя, князей-родичей и дружинников, духовенство имело также свое право, право великое, священное, право своим посредничеством предотвращать кровавые следствия этого враждебного столкновения прав, предупреждать насилия, при такой отчаянной борьбе неизбежные. Начиналось ли нелюбие между в. князем и одним из младших братьев, митрополит с епископами спешили предупредить его своим ходатайством; опальный боярин прибегал к мит-

рополиту, и тот считал своею обязанностью печаловаться за него пред в. князем, и в. князь уважал печалование святительское. Так, когда князь Даниил Холмский был взят под стражу, митрополит с другими епископами печаловался за него, и в. князь выпустил Холмского на поруки духовенства, взяв с него присяжную запись; все эти записи имеют одинаковую форму, с некоторыми малыми по обстоятельствам изменениями, вот она: «Се яз князь Данило Дмитревич Холмъски, что есмь бил челом своему господину и осподарю в. князю Ивану Васильевичу за свою вину своим осподином Геронтьем митрополитом всея Руси, и его детми и сослужбники, епископы (след [уют] имена); и осподарь мой к. в. меня своего слугу пожаловал, нелюбье свое мне отдал. А мне кн. Данилу своему осподарю в. к. Ив. Вас. и его детем служити до своего живота, а не отъехати ми от своего осподаря от в. к. И [вану] В [асильевичу], ни от его детей к иному ни х кому. А добра ми ему и его детем хотети везде во всем, а лиха ми своему государю в. к. и его детем мне кн. Данилу не мыслити, ни хотети никакова; а где от кого услышу о добре или о лихе государя своего в. князя, и о его детях о добре или о лихе, и мне то сказати государю своему в. к. и его детем в правду, по сей моей укрепленной грамоте, бесхитростно. А в том во всем по сей моей грамоте ялся помне осподарю моему в. к. И. В. и его детем и до моего живота господин мой Геронтей митр [ополит] всея Руси, и с теми с своими детми и с служебники, со владыками и с архимандриты, которые в сей моей грамоте писаны. А чрез сию мою грамоту яз кн. Данило Дм. что иму думати и починати, или явится что которое мое лихо пред моим осподарем пред в. к. И. В. и пред его детми: ино не буди на мне милости Божье и пречистые его Матери, и св. чудотворцев Петр [а] митр [ополита] и Леонтия епископа ростовского, и всех святых; также ни благослования осподина моего Геронтия митр. всея Руси, и его детей владык и архимандритов тех, которыми есми бил челом своему осподарю в. к. И. В., не буди на мне ни в сий век, ни в будущий; и осподарь мой к. в. и его дети надо мною по моей вине в казни волен. А крепости деля, яз кн. Данило Дм. Хол [мский] осподарю своему, в. к. И. В. целовал есми честный и животворящий крест, и дал есми на себя сию свою грамоту за подписью и за печатью осподина своего Геронтия митроп. всея Руси»⁹⁶⁴.

Но московские государи, начиная с Ивана III, не довольствовались порукой духовенства и проклятыми грамотами: они требовали ручательства более вещественного и потому заставляли других бояр и дворян ручаться за провинившегося боярина, что он не отъедет, а в случае отъезда поручившийся должен был внести князю известную сумму денег; так, по князе Холмском поручился И. Н. Воронцов, что он в случае его отъезда внесет 250 рублей⁹⁶⁵.

При Василии Ивановиче сын Даниила Холмского не был так счастлив: схваченный и заключенный в темницу, он умер в заключении⁹⁶⁶; однако много было взято записей с других бояр: с Вас. Вас. Шуйского, который обещался: «От своего государя и от его детей из их земли в Литву, также ми и к его братье ни инуды никуды не отъехать и до своего живота»⁹⁶⁷. С кн. Д. Ф. Бельского⁹⁶⁸; с И. Ф. Бельского⁹⁶⁹; с И. М. Воротынского⁹⁷⁰; с кн. Ф. М. Мстиславского⁹⁷¹: запись последнего любопытна; она показывает, до какой степени доходило государственное зло, которое князья и дружинники считали своим правом; отъехать из Литвы в Москву и потом опять из Москвы в Литву для них ничего не стоило; кн. Мстиславский говорит в начале грамоты: «Се яз кн. Фед[ор] Мих[айлович] Мстиславской, присылал есми из Литвы к государю Василию, Божию милостию ко государю всеа Русии и в. князю, бити челом, чтобы государь пожаловал велел мне ехать к себе служить; и в. государь меня холопа своего пожаловал, прислал ко мне воевод своих, а велел мне к себе ехать. И как яз приехал к своему государю; и государь меня пожаловал, велел мне себе служить, и жалованьем своим пожаловал. И опосле того сказали государю моему, что язмышлю ехать к Жигмонту королю; и государь меня к. в. пожаловал, опалы своей на меня не положил, и меня пожаловал: а яз государю своему ввел по себе порукою господина своего Данила митроп[олита] всеа Русии и весь священный собор, и целовал крест у гроба у чудотворца Петра, и дал есми на себя грамоту за господина своего Данила митроп. вс[ea] Рус[ии] печатью, что мне от государя своего к Жигмонту королю, и к его братье, и к их детем, ни к иному ни х кому никак не отъехать, а служить мне государю своему, в. к. Василью, и добра ему хотети; а государь мой пожаловал меня своим великим жалованьем, дал за меня свою сестричну княжну Настасью. И яз кн. Федор, преступив крестное целованье, и не памятуючи того, что есми государю своему ввел по себе порукою господина своего Данила митр. всеа Русии, и забыв жалованье государя своего в. князя, хотел есми ехать к его недругу к Жигмонту королю; и государь мой, в. г[осударь], по моей вине на меня за то опалу свою положил. И яз кн. Фед. Мих. Мстиславский за свою вину, что есми перед государем своим проступил, и забыв крестное целованье и господина своего Данила митроп. вс. Рус. и всего священного собора по себе поруки, за ту за свою вину бил челом государю своему, в. госуд. Василью, Б[ожию] м[илостию] г[осударю] вс. Рус. и в. к.: отцом его, господином своим, Данилом митр. вс. Рус., и его детми, своими господами (след[уют] имена); и государь мой, в. гос. Василий, Б. м. г. вс. Рус. и в. к., для прошенья и челобитья отца своего Данила митр. вс. Рус. и архиепископов и епископов, и всего для священного собора, меня своего холопа

кн. Фед. Мстиславского пожаловал вины мне отдал». Мстиславский обязуется в грамоте: «А думы мне государя своего и сына его кн. Ивана не проносити никому: а судити ми суд всякой в правду; и мне дела государей своих беречи и делати прямо без всякие хитрости».

Но М. А. Плещеев, которому также в.к. отдал вины его по ходатайству митрополита, обязуется в своей записи: «Кто нибуди учнет мне говорити какие речи нибуди на государя моего лихо и о его в.к. Елене, и их детех; и о зелье о лихом кто станет говорити, чтобы дати государю моему, в.к. Василью, или его в.к. Елене или их детем какое зелье лихое, или иное что лихое дело похочет кто учинити: и мне ко государя своего лиходеем никак не приставати, и с ними о том не говорити, и не думати, и не делати мне того самому и проч.»⁹⁷².

И Василий, по примеру отца, не довольствовался одною порукою духовенства, но требовал денежного ручательства: так, кн. Глинского выручили три боярина в 5000 рублях, и за этих троих выручителей поручились еще 47 человек⁹⁷³. Такое же двойное ручательство взято и за Шуйских⁹⁷⁴. Умножение клятвенных записей при Василии ясно свидетельствует об усилении борьбы за старое дружинное право отъезда; но эта борьба при Василии ничто в сравнении с тою страшною, кровавою борьбою, которая обнаружилась при сыне его Иване IV.

ГЛАВА III ИОАНН IV

Мы достигли в нашей истории того времени, когда оба порядка вещей, родовой и государственный, дали друг другу последнюю отчаянную битву, которою знаменуется царствование Грозного. Господство родовых отношений между князьями имело, как необходимо следует ожидать, могущественное влияние на весь общественный состав Руси, имело могущественное влияние на быт городов, на положение дружины: когда, след., родовые отношения между князьями начали сменяться государственными, то эта смена должна была отозваться во всем общественном организме, должна была повлечь изменения и в быте городов, и в положении дружины, двора. Отсюда ясно, что в. князья в своих государственных стремлениях должны были встретить сопротивление не со стороны одних князей-родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытие или, по крайней мере, поддерживалось родовыми княжескими отношениями.

Здесь первое место занимает возможность вольного, безнаказанного перехода от одного князя к другому, существовавшая

для городов, для членов дружины, для людей из остального даже народонаселения при господстве родовых княжеских отношений и прекращавшаяся при сменении их государственными. Эту-то возможность перехода, являющуюся для некоторых в виде права (напр., для дружинников и вообще слуг вольных), для других в виде освященного обычая, старины (напр., для старых городов), старое общество поддерживало всеми силами против государственных стремлений московских в. князей, которые справедливо видели в ней несообразность, беззаконие, измену.

Вот смысл борьбы, начавшейся давно в Северной Руси, но обнаружившейся с большою силой при Иване III и дошедшей до крайности при внуке его Иване IV. Если справедливо, что, как говорят, Иван IV был помешан на измене, то вместе с этим должно допустить, что старое общество было помешано на переходе, или отъезде. Из вышесказанного ясно, как несправедливо видеть в строгих мерах Грозного исключительное противоборство каким-то аристократическим, боярским стремлениям, факты противоречат этому: Иван IV вооружался не против одних бояр, ибо не одни бояре были заражены закоренелюю болезнию старого русского общества — страстию к переходу, или отъезду.

Иван III и сын его Василий имели одинакий характер, отличающий более или менее всех князей московских, их предшественников: главные черты этого характера — рассудительность, расчетливость, преобладание головы над сердцем; прямые наследники Калиты Иван III и сын его Василий не увлеклись никогда чувством.

Совершенно иная была природа Ивана IV: это был бесспорно самый даровитый государь, какого только нам представляет русская история до Петра В, самая блестящая личность из всех Рюриковичей; но с необыкновенною ясностью взгляда, ловкостью в речах и поступках, качествами, полученными в наследство от предков, в Иване было развито в высшей степени другое противоположное начало, женственное, — чувство: сколько Иван был умен и проницателен, столько же был страстен, восприимчив, раздражителен, способен увлекаться, доходить до крайности. Можно легко угадать, какой характер должна была принять борьба такого государя с неисцелимым злом старинных притязаний. Притом Иван III и сын его Василий не были еще так далеки от старого порядка вещей, смотрели на него еще исторически, и потому в борьбе своей с ним были необходимо хладнокровнее и умереннее; но Иван IV был уже третий государь на престоле московском, в этом смысле порфирородный, рожденный и воспитанный уже монархом.

Напитанный в детстве высокими понятиями о власти государя, он еще более укрепил эти понятия своею обширною начитан-

ностию, изучением священной, церковной, римской истории; он хотел быть тем же на московском престоле, чем Давид и Соломон были на иерусалимском, Август, Константин и Феодосий — на римском; Иван IV стал первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый сознал вполне все значение царской власти, первый составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть только практически.

И вот Иван IV, который хочет вести свое происхождение от Августа кесаря (и точно ведет его, только духовно, а не естественно), Иван IV с глубоким убеждением о святости, неприкосновенности своих прав, окружен толпою князей и дружинников, которые толкуют о происхождении своем от князей ярославских, суздальских, смоленских, о том, что государь не должен ничего делать без совета со старшими членами дружины, как водилось прежде, о праве безнаказанного отъезда. Но этого мало: оскорбленный такими противогосударственными притязаниями как государь, Иван IV был глубоко оскорблен лично как человек недостойными поступками окружавших его во время детства и потом трижды еще оскорблен в своей доверенности и в своих чувствах как отец и как муж. Вот почему в борьбе своей со старыми притязаниями Иван IV не только преследует противогосударственные стремления как государь, но вместе преследует врагов своих как человек лично оскорбленный.

Наконец, для такого государя, как Иван IV, с природою в высшей степени восприимчивую и страстно, нужно было самое острое, глубоко обдуманное воспитание, надобно было допускать для него только одни благие впечатления — и вместо того от раннего детства его окружали только самыми недостойными сценами и как бы нарочно раздражали самым безумным образом. Что же были за причины подобного воспитания? Мы знаем, что Димитрий Донской, сын его и внук вступали на великокняжеский престол в ранней молодости, когда еще не могли управлять сами, и между тем в начале их княжений мы вовсе не видим тех оскорбительных явлений, которые имели место во время малолетства Ивана IV: напротив, мы видим необыкновенно умное, дружное и деятельное управление бояр для блага князя и княжества; откуда же происходит такая разница?

При Донском, сыне и внуке его интересы князя и бояр были тесно соединены; ни князь, ни бояре не обнаруживали еще противоположных стремлений; бояре московские дружно отстаивали права своего князя и княжества против притязаний других князей, потому что этого требовали их собственные выгоды. Но со времен Ивана III интересы в. князя и бояр разрознились: князь начал руководствоваться идеями государственными, бояре

выставили свои несовместимые с этими идеями притязания. По смерти Василия Ивановича опекуншею малолетнего сына его Ивана осталась жена его Елена, уже ненавистная боярам; она не отступала от поведения своего мужа, след., не уменьшила этой ненависти. Не могли управлять одна, Елена вверилась известному лицу из бояр же и таким образом внесла этим предпочтением разделение между последними; отсюда ненависть к любимцу, старание свергнуть его какими бы то ни было средствами, партии между боярами, борьба между партиями. Наконец, еще одно важное различие: при Донском и его преемниках между московскими боярами не было князей ни Рюрикава, ни Гедиминова рода; во время малолетства Ивана IV они наполняли двор, куда принесли свои притязания и свою ненависть к московским государям, лишившим их уделов, сведшим их со степени независимых владельцев на степень слуг своих.

Иван остался после отца 3-х лет. До нас не дошло завещание в. к. Василья вполне; но в летописях сохранены следующие предсмертные слова в. князя касательно сына и государства: «Приказываю своего сына, в. к. Ивана, Богу и пречистые Богородици и св. чудотворцом, и тебе отцу своему Данилу митрополиту всея Руси, и даю ему свое государство, которым меня благословил отец мой, Гос. к. в. Ив[ан] Вас[ильевич] всея Руси; а вы бы моя братия, князь Юрьи и кн. Андрей, стояли крепко в своем слове, на чем есмь крест целовали и крепости промежь нами»⁹⁷⁵. Из крепостей, данных братьями и о которых упоминает в. к. Василий, мы знаем один договор с кн. Юрием, заключенный в 1531 году, подобный совершенно предыдущим договорам в. князей с удельными, причем повторено условие: «А бояром и детям боярским и слугам промежь нас волным воля». В. князь обязал брата: «А благословлю сына своего Ивана своими великими княжествами: и тебе сына моего Ивана держати в мое место своего господина и брата старейшего; а великих ти княжеств под ним и под моею в. княгинею, и под нашими детми блюсти и не обидити, не вступатися, ни подыскивати ни какими делы, ни которою хитростью»⁹⁷⁶. Но в. князь знал, что слово братьев ненадежно, если бояре будут благоприятствовать их притязаниям, и потому, отпустив митрополита и братьев, остался с одними боярами и так говорил им: «Ведаите и сами, кое от в. к. Владимира Киевского ведется наше государство Владимирское и Ноугородское и Московское, мы вам государи прирожденные, а вы наша извечная бояре: и вы, братье, постоите крепко, что бы мой сын учинился на государстве государем, были бы в земле правда и в вас бы розни ни которые не было; да приказываю вам М[ихаила] Л[ьвовича] Глинскаго, человек к нам приезжей, держите его за здешняго уроженца, за не же мне он прямой слуга,

и были бы есте все вобче и дела земскаго и сына моего дела берегли и делали за один; а ты бы, князь Мих. Глинской, за моего сына в.к. Ивана, и за мою в.к. Елену, и за моего сына князя Юрья кровь свою пролиял и тело свое на раздробление дал»⁹⁷⁷.

Из этих слов в. князя видно все беспокойство его относительно судьбы сына и государства, в котором порядок престолонаследия не был еще утвержден; в. князь должен был напоминать боярам свое происхождение от Владимира Киевского, о том, что он и сын его — их прирожденные государи, отъезд от которых есть измена; Василий знал также, что в случае торжества братьев должны повториться те же явления, какие имели место при деде его Василии Темном, и что малюткам детям его не будет пощады от победителя: вот почему он закликает кн. Глинского как ближайшего родственника хранить великокняжеское семейство и не шадить для него жизни своей. Как было велико нелюбие бояр к этому знаменитому пришельцу, видно из того, что в. князь не мог ввести его в думу без их предварительного согласия, и то единственно под предлогом близкого родства его с в. княгиней⁹⁷⁸.

Опасение Василия сбылось. Едва прошла неделя после похорон его, как в.к. Елена была извещена о крамоле; летописцы оставили нам об ней два разноречивые свидетельства: одни говорят, что к. Андрей Шуйский вздумал отъехать к дяде в. князя Юрию, что его замысел был открыт, его посадили под стражу, и бояре для прекращения подобных попыток присоветовали Елене схватить и заключить кн. Юрия⁹⁷⁹. Но это известие, в котором вся вина сложена с кн. Юрия на Шуйского, кажется, придумано после вследствие всеобщей ненависти к Шуйским, что видно из тона рассказа, напр.: «диавол вниде во князя Шуйскаго Андрея», и потом: «он же злодей паки помысли ко князю Юрию отъехать и на в. княжение его поднять, а у князя сего на мысли небывало, понеже бо крест целовал в. князю, как было ему изменить!» Ясно, что последнее обстоятельство вовсе не могло воспрепятствовать князю Юрию к измене: и кн. Андрей Шуйский также крест целовал — как было ему изменить?

Гораздо вероятнее другое известие⁹⁸⁰: «Присылал князь Юрья Иванович дьяка своего Третяка Тишкова ко князю Андрею Шуйскому, а говорил ему Третяк ото князя, чтобы поехал ко князю Юрию служить. И князь Андрей Третяку сказал: князь ваш вчера крест целовал в. князю, что ему добра хотети, а ныне от него людей зовет. И Третяк князю Андрею молвил: князя Юрья бояре приводили заперши к целованию, а сами князю Юрию за в. князя правды не дали, ино то какое целование, то невольное целование. Князь Андрей то сказал князю Бор[ису] Ив[ановичу] Горбатому, и кн. Борис то сказал боярам. И бояре сказали в. княгине; и в. княгиня, берегучи сына и земли, приказала

боярам: вчера есте крест целовали сыну моему, в. к. Ивану на том, что ему служити, и во всем добра хотети; и вы потому и чините, коли является зло, ино бы ся не распространило. И велела в. княгиня кн. Юрья поймати, и оковав посадити за сторожи в полату, где наперед того кн. Дмитрий внук сидел».

Я отдаю преимущество этому известию по следующим причинам: оно находится в Царственной книге, которая вовсе не потворствует боярам и, однако, не обвиняет во всем кн. Андрея Шуйского; во-вторых, рассказ здесь краткий, холодный, без оскорбительных эпитетов, без приведения от себя причин, как, напр.: «он крест целовал — как ему изменить». Далее, рассказ, при краткости, подробнее; упоминается даже по имени лицо, кто приезжал от кн. Юрия уговаривать Шуйского к отъезду. Впрочем, первый рассказ, в окончании, дополняет рассказ Царственной книги: по нему кн. Андрей сказал брату своему кн. Борису Горбатову, что кн. Юрий зовет его и что он хочет к нему ехать, и звал Горбатого; тот не согласился: тогда Андрей пошел к в. княгине и обговорил Бориса, но последний оправдался, и Андрей был заключен⁹⁸¹. Как бы то ни было, Юрий умер в заключении «страдальческою смертию голодною», прибавляет летописец⁹⁸².

Оставался другой дядя, князь Андрей Старицкий. В начале княжения Ивана IV Андрей дал на себя племяннику целовальную запись⁹⁸³ держать его господином старейшим в. князем; обещался: «А кто захочет от тебя ко мне ехать, князьли, или боярин, или диак, или сын боярской, или кто нибуди на ваше лихо: и мне того никак не принять». Здесь право принятия отъезжиков от в. князя ограничивается, или, лучше сказать, совершенно уничтожается выражением: «на ваше лихо», потому что при всяком почти отъезде предполагалось нелюбие отъехавшего к князю, особенно в то время; почему в. князь мог знать, что боярин отъехал к дяде на его лихо или нет; при всяком отъезде он мог подозревать, что на лихо, и требовать выдачи отъехавшего. Но мы видели, как затруднительно было в то время положение и в. князя, и удельных по взаимной недоверчивости, беспрестанно умножаемой людьми, которые находили в том свою выгоду: правительнице доносили, что Андрей сердится и хочет бежать, Андрея извещали, что его ждет участь брата.

Чтоб прекратить такое тягостное положение, Елена послала звать Андрея в Москву для личного объяснения; Андрей, взяв с нее клятву, что ему не сделают в Москве никакого⁹⁸⁴ зла, приехал; в. княгиня уверила его, что она ничего против него не имеет, и просила указать на тех людей, которые мулят между ними; но Андрей не был откровенен, не назвал никого, а сказал, «что на него пришло мнение»⁹⁸⁵.

По возвращении Андрея в свой удел отношения его к московскому правительству не изменились: он продолжал питать

прежнюю недоверчивость⁹⁸⁶, продолжал слушать доносы, и, когда по случаю казанской войны в. княгиня послала звать его в Москву, Андрей отказался по причине болезни и просил прислать лекаря. В. княгиня исполнила просьбу; но лекарь, возвратившись, объявил, что болезнь ничтожная; тогда Еленой овладело подозрение, и она отправила разузнать настоящее положение дел в Старице: ей донесли, что у князя Андрея есть прибылые люди и что он притворился больным нарочно, боясь ехать в Москву. Елена прислала вторично звать его к себе, и вторично та же отговорка болезнью; она послала в третий раз, и в третий раз тот же ответ, который дошел до нас⁹⁸⁷.

В этом ответе дядя государев, удельный князь, называет себя *холопом* в. князя; несмотря, однако, на такой униженный тон, удельный князь не может удержаться, чтоб не напомнить племяннику старины, он пишет к нему: «И ты, г [осу]д [а]рь, нынеча приказал к нам с великим запрещением, чтобы нам однолично у тебя быти, как ся ни иметь; и в том, гдрь, нынеча нам скорбь и кручина великая о том, что тебе, гдрю, наша немочь неверна, и по нас посылаешь неотложно; *а прежде сего, гдрь, того не бывало, что нас к вам, гдрем, на носилках волочили*. И яз, гдрь, грехом своим, своею болезнью и бедою, с кручины отбыл ума и мысли. И ты бы, гдрь, пожаловал показал милость, огрел сердце и живот холопу своему своим жалованьем, как бы, гдрь, мочно и надежно холопу твоему, твоим жалованьем, вперед быти бесскорбно и без кручины, как тебе, гдрю, Бог положит на сердце»⁹⁸⁸.

Мы не раз уже замечали, что при дворах удельных князей находились люди, предавшиеся в. князю и изведавшие его обо всем, что у них делалось; один из таких московских приверженцев при дворе старицкого князя, кн. Василий Голубой-Ростовский, прислал тайно ночью к любимцу правительницы боярину кн. Телепневу-Оболенскому с известием, что наутро кн. Андрей собирается бежать⁹⁸⁹. Тогда Елена отправила к Андрею трех духовных особ⁹⁹⁰, которые должны были говорить ему от имени митрополита: «Слух к нам пришел, что деи хочешь оставити благословенье отца своего, и гробы родителей своих, и святое свое отечество, и жалованье и бреженье гдря свого в. к. Василья и сына его. И поехал бы еси ко гдрю и ко гдрне без всякого сумнения, а мы тебе благословляем и емлем тебя на свои руки». В случае, если Андрей не послушает слов митрополита, посланные должны были наложить на него проклятие⁹⁹¹. Не полагаясь, однако, на действительность церковных увещаний и угроз, правительница выслала полки к Волоку наблюдать за движениями старицкого князя и в случае бегства перехватить его.

Андрея тотчас известили об этом движении великокняжеских войск, будто бы прямо посланных захватить его; удельный князь

поверил и ускорил бегством, уже заранее приготовленным: он хотел засесть в Новгороде, воскресить там старину и во имя ее ратовать против московского князя. С этою целию Андрей разослал грамоты к помещикам, детям боярским, где говорил: «Князь в. молод, государство держат бояре, у кого вам служить, а я вас рад жаловать»⁹⁹². На этот зов отозвались многие дети боярские и приехали служить Андрею.

Узнав об этом, правительница велела князю Никите Оболенскому спешить к Новгороду, занять его прежде Андрея и защищать до последней крайности, а другой кн. Оболенский, Иван Овчина, любимец Елены, отправился с полками вслед за удельным князем и нагнал его; сперва Андрей выстроил было свои полки против великокняжеских, но скоро оробел и начал ссылаться с московским воеводою, обещая кончить борьбу, если Оболенский даст ему клятву, что в. князь не лишит его свободы и не наложит на него опалы; Оболенский, невзирая на то, что у него не было такого полномочия, дал требуемую клятву и поехал вместе с Андреем в Москву. Здесь он был встречен жестоким выговором от правительницы за то, что перешел границы своей власти и дал своевольно клятву; кн. Андрей был заключен в оковы⁹⁹³, в которых через полгода умер; семейство его подверглось также заключению; бояр его, ведавших думу своего князя, казнили смертью; дети боярские, отозвавшиеся на призыв Андрея, были перевешаны по Новгородской дороге в известном расстоянии друг от друга: такими страшными средствами должно было Московское государство тушить междоусобия, лечить язву, завещанную ему старой Русью, родовым бытом; к несчастью, зло было так велико, что и эти насильственные меры были недостаточны для окончательного подавления старых притязаний: они вызвали меры ужаснейшие.

Правление Елены ознаменовано твердостью, мудростью, успехом. При государе-младенце, при внутренних волнениях, окруженное со всех сторон врагами — Литвою, крымскими и казанскими татарами, Московское государство не потерпело никакого ущерба ни в силе, ни в достоинстве своем: дипломатические сношения с европейскими государствами продолжались по-прежнему; заключены договоры с Швециею и Ливонским орденом, набеги татар остановлены; война с Литвою, веденная с примерною твердостью, окончилась счастливым миром; границы государства ограждены новыми крепостями и возобновленными старыми, исправлена монета, выкуплено множество пленных. Елену упрекают в сердечной слабости, но предмет этой слабости был человек достойный; из всех окружавших ее правительница выбрала лучшего, конюшего боярина кн. Ивана Овчину Телепнева-Оболенского. Если он имел большое влияние на дела правительственные, то означенные успехи внутри и вне не позволят упрек-

нуть его в недостатке благоразумия; кроме того, он дважды с успехом водил передовые полки в глубь Литвы, успешно кончил борьбу с удельным князем; что Оболенский был чужд насильственных мер, доказательством служит поступок его с Андреем Старицким, за который он подвергся строгому выговору.

Бояре не могли упрекнуть Елену даже в оскорбительном для них самовластии: она ничего не решала без совета с ними, даже в делах церемониала придворного⁹⁹⁴. Несмотря на то, Елена была правительница; если она спрашивала боярского совета, то имела при этом право принять или отвергнуть его; боярам, т. е. самым могущественным по влиянию, хотелось владеть самим, преследовать свои личные отношения друг к другу, которые необходимо сдерживались присутствием главы государства; они надеялись повелевать во время малолетства в. князя и между тем принуждены были повиноваться, повиноваться женщине, которой главным думцем был один из них.

Двор разделился на партии, главой каждой был могущественный боярин, окруженный своими друзьями и клевретами, или целая сильная фамилия, напр., Шуйских, Бельских, Глинских. Как после эти фамилии сменяли друг друга в управлении, так теперь они подыскивались под князем Оболенским, которого привязанность Елены поставила в челе управления; против него вооружился родной дядя правительницы кн. Михаил Глинский, который по своему близкому родству больше других надеялся управлять государством; но Оболенский осилил в борьбе, и Глинский был заключен в темницу, где и умер⁹⁹⁵; соумышленник его М. С. Воронцов был удален от двора.

Между тем отъезды не были забыты: во время разрыва с Польшею двое воевод, отправленных в Серпухов для заготовления полков, кн. Семен Бельский и Иван Ляцкий, отъехали к Сигизмунду; двое других воевод, князя Ив. Бельский и Воротынский, были также заподозрены в соумышлении с отъехавшими и посажены под стражу⁹⁹⁶.

Пример Глинского научил бояр, что удачная борьба с Оболенским невозможна, пока жива Елена, что для свержения Оболенского надобно прежде отделаться от правительницы, и они отделались от нее, в 1538 году Елена умерла от яду⁹⁹⁷.

Тогда боярам открылось свободное поприще сменять одни других в правлении. Первая победа досталась князьям Шуйским, потомкам суздальских князей, которые так долго боролись с Москвою. И, вошедши в число московских бояр, кн. Шуйские не потеряли своего значения и как прежде имели притязания на старшинство между князьями, так теперь хотели старшинства между боярами. При отце Ивана IV кн. Василий Васильевич Шуйский занимал первое место в думе⁹⁹⁸, удержал его при Елене и первый воспользовался ее смертью для свержения Оболенского:

в седьмой день по кончине правительницы Оболенский вместе с сестрою его боярынею Челядниною, находившейся при малолетнем Иване, были взяты под стражу за то, говорит летописец, что их государь в приближеньи держал. Оболенский умер от недостатка в пище и тяжести оков, сестру его постригли в монахини; заключенные прежде князя Ив. Фед. Бельский и Андр. Мих. Шуйский были освобождены.

Но Шуйским не хотели уступить другие; не менее могущественна, не менее сильна связями была фамилия Бельских, на стороне которой был митрополит Даниил. Бельские мимо Шуйских выпросили у малютки государя повышение двоим из своих друзей, одному боярство, а другому окольниковство. За это произошел явный разрыв между двумя фамилиями: Шуйские переселили, Иван Бельский был заключен в темницу, советник же его дьяк Мишурин — обезглавлен: Вас. Шуйский не смел еще свирепствовать против своего товарища, знаменитого боярина, и выместил свою злобу на дьяке; но по смерти Василия Шуйского брат его Иван начал действовать смелее и свергнул митрополита Даниила, на место которого был возведен Иоасаф. Но мы заметили уже, как русское духовенство было выше всех частных стремлений, и потому не было духовенства Шуйских, Бельских или Глинских, было только русское духовенство и митрополит всея Руси. Вот почему новый митрополит Иоасаф, обязанный своим саном Шуйским, стал, подобно предшественнику, за Бельских, потому что торжество последних обещало перемену к лучшему.

Торжество Шуйских было торжеством фамилии и партии, при котором все члены фамилии и партии хотели поделить выгоды с главным боярином; если глава фамилии и партии стал в челе управления, то его родственники и клевреты должны были получить богатые наместничества, причем спешили наживаться на счет граждан, и правитель не смел укрощать их, потому что, возбуждая их негодование, обессиливал свою партию. Таким образом, когда сам Иван Шуйский грабил великокняжескую московскую казну⁹⁹⁹, родственники и клевреты его грабили области, доставшиеся им в управление¹⁰⁰⁰. С другой стороны татары безнаказанно пустошили русские области: боярину, занятому интересами своего рода и партии, некогда было заботиться о делах государственных. «Промежь их,—говорит летописец,—бьяше вражды о корыстех, и о племянех их, всяк своим печется, а не государским, ни земским»¹⁰⁰¹.

Тогда митрополит Иоасаф стал просить в князя, чтоб дал приказ мимо Шуйских выпустить из заключения Ивана Бельского, что и было исполнено. Бельский явился снова в думе; Иван Шуйский, пораженный такою внезапною переменою, не мог противиться и был удален от двора: его послали воеводою во

Владимир¹⁰⁰², где он выжидал случая снова усилить свою сторону и низложить противную. Его оставили в покое, равно как всех его сторонников; перемена произошла безо всяких насилий и казней; чему должно приписать это: умеренности ли Бельского или страху пред могущественными Шуйскими — решить трудно.

Как бы то ни было, Бельский ознаменовал свое правление милостями к заключенным: сын Андрея Старицкого Владимир с матерью был освобожден из темницы: ему позволили жить на дворе отца его¹⁰⁰³. Вспомнили и об Дмитрии, несчастном сыне Андрея Васильевича Углицкого, брата Ивана III: его освободили из оков: милость неравная! Неужели боялись от полумертвеца Дмитрия старых притязаний потому только, что он был дядя в князю? Гораздо опаснее было освобождение Владимира Андреевича, и особенно его матери Евфросинии, питавшей злой удельный дух, который довел ее и все семейство ее до гибели: дело объясняется тем, что у старицкого князя было много доброхотов, тогда как участь Дмитрия никого уже не занимала.

Между тем Иван Шуйский, воедуя во Владимире, усиливал свою сторону в Москве между боярами и детьми боярскими. Что побудило бояр подняться против Бельского и перейти на сторону Шуйского? То же самое, что прежде побудило их встать против князя Оболенского; летописец выражается теми же самыми словами: «Поиман бысть в князя боярин, кн. И[ван] Ф[едорович] Бельский, без в. князя ведома, советом боярским, того ради, что его государь к. в. у себя в приближении держал, и в первосоветниках, да митрополита Иоасафа, и бояре о том вознегодоваша на кн. Ивана, и на митрополита; и начаша зло советовати с своими советники»¹⁰⁰⁴.

Недовольные бояре начали пересылаться с Шуйским, который во Владимире взял клятву со многих детей боярских держать его сторону; заговорщики назначили срок 3 января 1542 года для исполнения своего намерения, и в ночь на это число Бельский был схвачен и посажен под стражу; в ту же ночь явился в Москву Иван Шуйский из Владимира. Любопытно читать в летописце, что важное участие в этом заговоре принимали новгородцы: «а в том совете быша новгородцы В. Новагорода все городом»¹⁰⁰⁵. Бельский был сослан на Белоозеро и там, по словам летописца, «тайно без в. князя ведома, боярским самовольством кн. Ивана Бельскаго убили»¹⁰⁰⁶. Сторонников его также разослали в заточение по разным городам; митрополит Иоасаф потерпел страшные ругательства от заговорщиков, даже жизнь его была в опасности: камни летели в его кельи; тщетно искал он безопасности во дворце, заговорщики с шумом преследовали его и туда и наконец сослали в Кириллов Белозерский монастырь. На его место был поставлен знаменитый Макарий, архиепископ новгородский, потому что новгородцы все городом

участвовали в низвержении Бельского, и по старинной приязни к фамилии Шуйских¹⁰⁰⁷. Но и Макарий остался верен преданию митрополитов всея Руси: он отстранился от партий боярских, предоставив себе право в борьбе этих партий вступаться за побежденных, предотвращать насилия, дерзости победителей, а в насилиях и дерзостях не могло быть недостатка в правление Шуйских.

Князь Иван, по-видимому, не пользовался своим торжеством: остальные два года жизни он провел в удалении от дел по причинам, для нас неизвестным; правление было в руках родичей его, троих Шуйских — Ивана и Андрея Михайловичей и Федора Ивановича. Что же делал в это время в. князь, каково было его положение?

По смерти матери Иван был совершенно предоставлен самому себе касательно умственного и нравственного развития. Пытливый ум ребенка требовал пищи: он жадно схватил все, что могли предложить ему век и общество; масса сведений была невелика, делать выбора было не из чего, молодой князь взял все, прочел все, что мог достать прочесть: след, в деле умственном Иван еще обойтись без руководителя. Но не так было в деле нравственном: среди эгоистических стремлений партий царственный младенец был предоставлен в руководство одному собственному эгоизму; Иван с ранней юности был окружен людьми, которые в своих стремлениях не обращали на него никакого внимания, непрерывно оскорбляли его: отсюда Иван необходимо должен был привыкнуть — имея в виду только собственные интересы, не обращать внимания на интересы других, не уважать человеческого достоинства, не уважать жизни человека; если он, как начал себя помнить, не встречал ниоткуда не только сочувствия, даже внимания, то как хотеть, чтоб он сочувствовал другим, обращал внимание на других? Пренебрегали развитием хороших склонностей ребенка, подавлением дурных, оставляли его предаваться чувственным животвенным стремлениям, потворствовали ему, хвалили за то, за что надобно было порицать, и в то же время, когда дело доходило до личных интересов боярских, молодого князя оскорбляли в самых лучших, самых святых его интересах, именно в привязанности к людям, оскорбляли вдвойне, оскорбляли как государя, потому что не слушали его приказаний, оскорбляли как человека, потому что не слушали его просьб, не обращали внимания на его слезы: от этого сочетания потворств, ласкательств и оскорблений, которым непрерывно подвергался Иван, в нем развились два чувства: презрение к рабам ласкателям и ненависть ко врагам, ненависть к строптивым вельможам, беззаконно похитившим его права, и ненависть личная за личные оскорбления.

Таким образом, употребляю слова Курбского, в предобрую душу Ивана были всеяны злые нравы, но не дьяволом и не

женами злыми и чародейками — сам Курбский говорит, кем и как были всеяны злые нравы: «Питаша его величые гордые паны, по их языку боярове, его на свою и детей своих беду, ретяшеся друг пред другом, ласкающе и угождающе ему во всяком наслаждении и сладострастию. Егда же начал приходити в возраст, аки лет в дванадесять, начал первее бессловесных крови проливати, с стремнин высоких мечюще их, також и иныя многия неподобныя дела творити, авляющи хотящее быти немилосердое произволение в себе. Егда же уже приходяще к пятомунадесять лету, и вяще, тогда начал человек уроняти. И собравши четы юных около себя детей и сродных оных предреченных сигклитов, по стогнам и по торжищам начал на конех с ними ездити и всенародных человек, мужей и жен, бити и грабити, скачуще и бегающе всюду неблагочинне. И воистинну, дела разбойническия самыя творяше, и иныя злыя исполняше, их же не токмо глаголати излишно, но и срамно; ласкателем же все таковое на свою беду восхваляющим: о храбр, глаголюще, будет сей царь и мужествен! Егда же прииде к седьмомунадесять лету, тогда теж прегордые сигклитове начаша подущати его и мстити им свои недружбы, един против другаго»¹⁰⁰⁸.

Так этим ужасным потворством раздражительная, восприимчивая природа Ивана была приучена к чувственным наслаждениям; эта привычка в летах зрелых повела к разврату и к той страшной внутренней борьбе, которая происходила в душе царя, вполне сознававшего падение свое в нравственном отношении. В адвокатских письмах своих к Курбскому он еще старается оправдать это падение; но пред лицом религии, которой требования он знал лучше других, он не смел оправдываться и в отчаянии обнаруживал страшные язвы души своей. Человек прыжок видеть в теле своем и его страстях начало внешнее и враждебное: отсюда стремление подавлять телесные страсти телесными же, внешними подвигами благочестия, отсюда пристрастие Грозного к этим подвигам; но тело очищается чистотою душевною, и телесные страсти умолкают тогда, когда душа исполнена высоких помыслов, а душа Грозного постоянно волновалась гневом, подозрением, презрением: при таком состоянии души успешная борьба его с испорченной в детстве телесной природой была невозможна. К бесстыдным ласкателям, жившим на счет его слабостей, к этим Вяземским и Грязным, царь не мог не питать презрения; но в то же самое время он не мог равнодушно сносить не только гласного укора, но даже грустного молчания людей, оскорбленных его поведением, потому что в этом он видел посягновение на свои права, которые отстаивал от притязаний старины; он не мог отделить укора на безнравственность человека от восстания на власть царя, потому что боярин, укорявший его, не был чист от старинных притязаний, и укор, следствие

благородного негодования, доброжелательства к царю, казался последнему дерзостию дружинника, который думал, что царь не мог ничего делать без его совета; боярин выразил свое неудовольствие, а единственное право дружинников, за которое они стояли так упорно, было при первом неудовольствии отъезжать: вот почему Грозный, как скоро встречал недовольное лицо боярина, уже видел в нем человека, замыслившего отъезд, и спешил предупредить изменника.

Я привел слова Курбского для показания поблажек, ласкательств, которыми развращали Ивана в молодости; теперь, с другой стороны, слушаем самого Ивана для показания тех оскорблений, которые ожесточили его в детстве. В ответном письме своем к Курбскому, высчитав оскорбления, нанесенные ему партиями боярскими, убийство людей, ему близких и приятных, свержение двух митрополитов, Иван обращается к тем оскорблениям, которые были для него всего чувствительнее, к бесчинству бояр в его присутствии, забвению его царственных прав, ненависти, выраженной к его отцу и матери¹⁰⁰⁹: он помнил, как бояре при переносе вещей покойной Елены не могли удержаться, чтоб не обнаружить своей ненависти самым мелочным образом: они пихали ногами вещи покойной княгини. Но дадим говорить самому Ивану: «Нас же с единокровным братом, святопочившим Георгием, питати начаша яко иностранных, или яко убожайшую чадь. Яковож пострадах во одеянии и во алкании! Во всем бо сем воли несть; но вся не по своей воле и не по времени юности. Едино воспоминаю: нам бо в юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский седит на лавке, локтем опершися отца нашего о постелю, ногу положив; к нам же не приклонялся не токмо яко родительски, но еже властелински, яко рабскоеж, ниже начало обретеса: и таковая гордыня кто может понести! Какож исчести таковыя бедне страдания многая, яже в юности пострадах! Многожды поздно ядох не по своей воле. Что же убо о казне родительскаго ми достояния? Вся восхитиша лукавым умышлением, будто детям боярским жалованье, а все себе у них поймаша во мздоимание; а их не поделу жалуючи, верстая не по достоинству¹⁰¹⁰; а казну деда и отца нашего бесчисленную себе поймаша; и тако в той нашей казне исковавши себе сосуды злати и сребряни и имена на них родителей своих подписаша, будто их родительское стяжание; а всем людям ведомо: при матери нашей и у князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояр зелен на куницах, да и те ветхи; и коли бы то их была старина, и чем было сосуды ковати, ино лучше бы шуба переменить, да во излишнем сосуды ковати. Чтож о казни дядь наших и глаголати? Все себе восхитиша! По сем на грады и села наскочиша, и тако горчайшим мучением, многоразличныя беды, имения ту живущих без милости пограбиша. Соседствующим же

от них напасти, кто может исчези? Подвластных же всех аки рабы себе сотвориша, свояжь рабы аки вельможа устроиша; правити же мянщесь и строити, и вместо сего, неправды и нестроения многая устроиша, мзду же безмерную от всяких избирающе, и вся по мзде творяще и глаголюще»¹⁰¹¹.

Подобные явления повторились при вторичном торжестве Шуйских, что вывело тринадцатилетнего Ивана из терпения и заставило его действовать наступательно; какой же будет образ его действия? Такой, какому научили его воспитатели: насилия, казни.

В 1544 году в сентябре Шуйские с своими сторонниками, ненавидя Ф. С. Воронцова за то, как говорит летописец, что его в. государь жаловал и берег¹⁰¹², вздумали отделаться от него явным насилием; во дворце в столовой комнате в присутствии в. князя и митрополита они схватили его, били по щекам, изорвали платье и хотели убить; едва митрополит, посланный государем, вместе с другими боярами успели уговорить их оставить жизнь Воронцову; государь упрашивал Шуйских, что если уже они не хотят видеть Воронцова в Москве, то послали бы его на службу в Коломну; но Шуйские не тронулись просьбами в. князя и отослали Воронцова в Кострому. Это насилие было последним. В декабре того же года в. князь велел схватить Андрея Шуйского и предать его смерти, сторонников его разослать, «и от тех мест начали бояре от государя страх имети и послушание»,— говорит летопись¹⁰¹³.

Но это было только начало борьбы: боярам трудно было отстать от старых привычек, в. князь также хорошо помнил их прежнее поведение. В следующий год был посажен под стражу кн. Ив. Кубенский, сторонник Шуйских, участник в насилии Воронцову; какому-то Бутурлину отрезали язык за невежливые слова¹⁰¹⁴; Кубенский был прощен, потом подвергся опять опале вместе с другими, и опять прощен по ходатайству митрополита¹⁰¹⁵.

Этих частых опал и частых прощений не должно упускать из виду: они ясно показывают борьбу молодого государя с притязаниями окружавших его, которые беспрестанно обнаруживались. Вместе с Кубенским подвергся опале и старинный любимец государя Воронцов, которого прежде он так отстаивал от Шуйских и которого после падения Шуйских опять приблизил к себе; но Воронцов тотчас обнаружил свои стремления: ему хотелось занять место Шуйских, овладеть волею молодого Ивана; летописец кратко и наивно описывает поведение Воронцова: «и кого государь пожалует без Федорова ведома, и Федору досадно»¹⁰¹⁶. Эти досады честолюбивого боярина вывели из терпения Ивана: он положил опалу на Воронцова вместе с Кубенским и вместе с Кубенским простил; но милость была непродолжительна.

В 1546 году в. князь выехал на охоту около Коломны: вдруг окружили его человек 50 новгородских пищальников с какими-то просьбами; это было вовсе не время для челобитья, притом Иван не мог жаловать новгородцев, хорошо помня, что они все городом помогли Шуйским против Бельского: он велел отослать челобитчиков; новгородцы вспомнили старинное вече и вместо того, чтоб послушаться приказа государева, начали бить колпаками и бросать грязью в его посланцев. Иван отправил отряд своих дворян для отсылки дерзких: новгородцы не уступили и тем; когда раздраженные дворяне хотели употребить силу, пищальники вооружились и начали стрелять в дворян, загорелась битва, и с обеих сторон было убито человек по шести; государь не мог проехать прямо к своему стану и принужден был пробраться окольными дорогами.

Легко представить, какое впечатление должна была произвести такая дерзость на ревнивого к своим правам Ивана; он не знал характера новгородцев, не знал их старых привычек и думал, что бояре подучили их к сопротивлению. Ожесточенный последними и потеряв к ним всякое доверие, Иван с ранней молодости начал дарить своею доверенностью людей новых, без родовых преданий и притязаний, — дьяков; в это время в особенной милости был у него дьяк Василий Захаров: ему государь поручил розыскать о причинах поступка новгородцев. Дьяк донес, что новгородцев подучили бояре, кн. Кубенский и Федор Воронцов с братом Васильем. Тогда Иван велел предать означенных бояр смертной казни¹⁰¹⁷. Летописцы говорят¹⁰¹⁸, что дьяк клеветал бояр: это очень вероятно, ибо в интересах дьяков, людей новых, было поддерживать нелюбье государя к старинным родам.

В 1547 году Иван торжественно венчался на царство: в. князь московский, государь всея Руси, принял титул царя, которым прежде на Руси величали только двоих императоров — византийского и римско-германского, да ханов монгольских. Мы заметили уже прежде, что слово царь значило у нас гораздо выше, чем князь, и было синонимом самодержца: этим названием московский государь окончательно выпутывался из родовых отношений, ибо титул в. князя все еще напоминал только старшего в роде князей.

Скоро после венчания на царство Иван женился на дочери покойного окольного Романа Юрьевича Захарьина; царю было тогда 17 лет. Самыми приближенными к нему особами были дяди его Глинские и потом новые родственники по жене Романовы: им только мог доверять вполне царь по единству интересов; вот почему обе эти фамилии возбудили против себя ненависть остальных бояр. К несчастью, старые и новые родственники, Глинские и Романовы, соперничали между собою, а, с другой

стороны, Глинские успели раздражить и народ, потворствуя насилиям слуг своих¹⁰¹⁹. Вследствие этого в 1548 году бояре, ненавидевшие Глинских и не могшие теперь свергнуть их ни насильем, ибо не имели более силы, ни посредством царя, ибо тот не доверял им, воспользовались страшным пожаром для возмущения народа против Глинских. Юрий Глинский был умерщвлен разъяренною чернию, которая бросилась было и в село Воробьево, где жил тогда царь, с требованием выдачи других Глинских; но была разогнана строгими мерами, принятыми Грозным¹⁰²⁰.

До сих пор Иван был занят только отношениями к боярам; но теперь бояре вздумалиосоюзиться с народом, употребить народ для достижения своих целей: царь увидал опасность и хотел прервать этот союз. После похода на Казань, продолжать который помешала ему оттепель, Иван в 1549 году велел «собрать свое государство из городов всякаго чину»¹⁰²¹. В воскресенье царь вышел с крестным ходом на Лобное место и после молебна начал говорить митрополиту следующее: «Умоляю тебя, святой владыко, будь моим помощником и поборником любви; потому что я знаю всю твою ревность к благу общему. Тебе известно, что я остался от отца четырех лет, а от матери осьми; родственники мною пренебрегали, бояре и вельможи не радели обо мне и самовластвовали, восхитив сами себе саны и почести моим именем, и некому было возбранить им в том. Лихоимцы, хищники и судьи неправедные! Какой ответ дадите нам теперь за столько слез, от вас пролитых, *но я чист от всех их беззаконий*, которые пусть падут на одни их главы». Потом Иван поклонился на все стороны и продолжал: «Люди Божии, дарованные нам Богом! Умоляю вас во имя веры вашей в Бога, во имя любви вашей к нам: теперь мне нельзя вознаградить вас за все ваши обиды, раззорения, налоги, претерпенные вами во время моей беспомощной молодости от бояр моих; умоляю вас, оставьте друг другу прежние вражды, забудьте прежние оскорбления, кроме разве таких, которых снести невозможно, а вперед я вам сам буду судья и оборона. сам буду раззорять неправды и возвращать похищенное».

Давно уже молодой государь приблизил к себе бедного дворянина Алексея Адашева и сделал своим ложничим: знак полной доверенности от подозрительного государя в то ужасное время крамол¹⁰²². Этого-то бедного дворянина молодой царь поставил после себя стражем правосудия; до нас дошли высокие слова, сказанные Иваном Адашеву: «Алексее! Взял я тебя от нищих и от самых молодых людей. Слышах о твоих добрых делах, и ныне взысках тебе выше меры твоея, ради помощи души моей; хотя и твоего желания на сие нет, но обаче аз возжелал, не токмо тебе, но иных таких, чтоб печаль мою утолил и на люди моя, Богом врученныя нам, призрел. Вручаю тебе челобитные приимати у бедных и обидимых, и назирати их с рассмотрением. Да не

убоишися силных и славных, восхитивших чести на ся, и своим насилием бедных и немощных погубляющих, ни бедного слезам ложным и клеветающих напрасно на богатых, хотящих ложными слезами неправедно оболгати и правым быти; но вся испытно рассмотрят и к нам истинну приносят, бояся суда Божия, и избрати судей правдивых от бояр и от вельмож»¹⁰²³.

Не одного Адашева взыскал царь ради помощи душе своей; сильную помощь этой растерзанной, озлобленной душе оказал вначале Сильвестр, священник Благовещенского дворцового собора, родом новгородец. По своему званию священника дворцовой церкви Сильвестр беспрестанно был на глазах у Ивана, а замечательная личность этого человека, резко выдававшаяся из толпы людей, занятых одними мелкими интересами и крамолами, не могла не обратить на него внимание государя. Что влияние Сильвестра началось давно, доказательством служит известие, что по мысли его было освобождено из темницы семейство князя Андрея Старицкого¹⁰²⁴, а это освобождение имело место еще в 1541 году¹⁰²⁵. Чем более вырастал Иван и приходил в сознание своего положения, тем более прилеплялся к Сильвестру и усиливалось влияние последнего на дела.

Странно было бы представлять себе Сильвестра каким-то загадочным сверхъестественным существом, явившимся в первый раз пред царя во время большого московского пожара и так напугавшим воображение Ивана, что тот совершенно подчинился его влиянию. Не надобно также упускать из виду расстояний времени, протекшего от одного события до другого; так, напр., если мы поместим тотчас за пожаром и появлением Сильвестра созвание выборных и речь царя на Лобном месте (тогда как пожар был в 1547 году, а созвание выборных имело место в 1549), то этим сокращением времени скроем естественное, постепенное развитие умственных и нравственных сил царя: чего он не мог сознать вполне и совершить в 17 лет, то он сознает и совершает в 19: это ясно! Но при этом ясно также, что поступки Ивана были следствием его естественного, самостоятельного развития, а не совершались под исключительно чуждым влиянием.

Сильвестр и Адашев были давно в глазах царя, но не имели большого влияния на дела, потому что сам царь еще не имел его; с возрастаньем же Ивана возрастало влияние этих двух людей, которых он взыскал на помощь душе своей, по его собственному выражению. Нравственное влияние обоих — и Сильвестра, и Адашева — на царя, нравственная помощь от них душе его беспорна; сильная религиозность Ивана давала особенно Сильвестру большую власть над ним по самому сану его: в делах, касающихся религии и нравственности, Иван слушался Сильвестра, как добрый христианин слушается духовного отца¹⁰²⁶, достойного служителя алтаря¹⁰²⁷.

Привыкнув советоваться и слушаться Сильвестра в делах религиозных и нравственных, питая к нему доверенность неограниченную, царь не мог не советоваться с ним и в делах политических: но здесь-то и начало борьбы между царем и Сильвестром. Сильвестр относительно ясности политического взгляда был несравненно ниже Ивана; но, привыкши требовать исполнения своих религиозных и нравственных советов от него как от частного человека, Сильвестр требовал исполнения и своих политических советов; тогда как царь не мог своих светлых государственных мыслей принести в жертву уважению своему к Сильвестру: отсюда тягость, которую начал чувствовать государь от несправедливых притязаний Сильвестра; напр., Иван первый зачал в себе великую мысль, что Россия может утвердить свое могущество и не бояться Востока только тогда, когда усвоит себе плоды европейской цивилизации, для чего необходимо непосредственное сношение с Европою, которому неодолимую преграду поставлял Ливонский орден, не пускавший в Россию ученых и художников из справедливого опасения ее могущества; отсюда твердое намерение царя покорить Ливонию. Против этого намерения восстала вся дума и особенно Сильвестр: они советовали царю завоевать Крым, что необходимо должно было повлечь к борьбе с Турциею, которой трепетала еще вся Европа и против которой у тогдашнего Московского государства, разумеется, не было никаких средств к сопротивлению; Иван понимал всю безрассудность этого совета и отверг его, преследуя войну ливонскую¹⁰²⁸.

Как же поступил Сильвестр в этом случае? Он не постыдился говорить царю, что болезнь его, его жены и детей есть Божие наказание за то, что он не слушается его советов¹⁰²⁹. Так употреблял во зло Сильвестр доверенность Ивана! Мало того: он употребил во зло глубокое религиозное чувство царя, позволив себе обмануть его какими-то ложными видениями¹⁰³⁰. Кто изучал сколько-нибудь душу человеческую, тот знает, что все возможные оскорбления прощаются гораздо легче, чем обман, потому что при последнем оскорбитель рассчитывает на слабоумие оскорбляемого, а такой расчет простить трудно! Вот почему и частные люди, и цари, и целые народы так жестоко, кроваво мстят за обман. Наконец, неблагоразумие Сильвестра и его стороны нанесло самый тяжкий удар сердцу царя.

В 1553 году Иван опасно занемог: ему предложили сделать духовную и взять клятву в верности сыну своему, младенцу Димитрию, с кн. Владимира Андреевича Старицкого и бояр¹⁰³¹. Но тут-то обнаружилось, с одной стороны, притязания родичей, князей удельных, с другой—притязания бояр; двоюродный брат царский Владимир Андреевич не замедлил выставить свои права на престол по смерти Ивана мимо племянника

Димитрия, вопреки новому обычаю престолонаследия, за который так стояли все московские князья. Что удельный князь выставил устарелое право, тут нет еще ничего удивительного — есть предания, есть понятия, от которых нельзя освободиться, которые родятся с нами и умирают с нами вместе: так удельные предания вымерли только с последним удельным князем; но удивительно то, что Сильвестр стал на стороне старых притязаний, на стороне удельного князя, руководствуясь мелким духом партий. Сильвестр, пользуясь неограниченной доверенностью царя в выборе людей, необходимо, если б даже и не хотел того, должен был составить при дворе и во всех частях управления многочисленную и сильную партию людей, которые, будучи обязаны ему своим возвышением, своими должностями, разделяли с ним одни стремления; так, из дошедших до нас актов известно, что царь, избирая какого-нибудь сановника, посылал Сильвестра поговорить с ним, изведать его ум и нравы¹⁰³².

Ясно, что доверенность царя к Сильвестру разделяли все сторонники последнего. Влияние этой партии могло встретить препятствие только в одном близком к царю семействе Романовых: отсюда ненависть Сильвестровых сторонников к царице Анастасии и ее родственникам, ненависть, которая, разумеется, не могла не вызвать и со стороны Романовых подобного же чувства. Сторонники Сильвестра сравнивали Анастасию с Евдокией, женою византийского императора Аркадия, гонительницей Златоуста, разумея под Златоустым Сильвестра¹⁰³³; Курбский называет Романовых клеветниками и нечестивыми губителями всего Русского царства¹⁰³⁴. И вот в случае смерти царя и во время малолетства сына его правительницею будет Анастасия, которая, разумеется, даст большое влияние своим братьям, и сторонники Сильвестра объявляют решительно, что они не хотят повиноваться Романовым и потому признают наследником престола Владимира Андреевича.

Князь Владимир Воротынский и дьяк Ив. Мих. Висковатый явились к старицкому князю и потребовали от него присяги Димитрию; Владимир Андреевич «почал кручиниться прятко», говорит летопись; удельный князь вспомнил старину, вспомнил свое прежнее значение и с гневом отвечал на настойчивые требования Воротынского: «Ты бы де со мною не бранился, ни мака (пак?) бы де ты мне и не указывал; а против меня и не говорил». Воротынский дал ему заметить, что теперь уже не та пора, что они оба равны по государственному отношению своим к царю, оба его слуги: «Я дал душу государю своему царю и сыну его: что мне служить им во всем в правду и с тобою мне, и служу им государем своим, а тебе служить не хочу и за них государей своих с тобой говорю; а будет где доведется по их государей своих велению, и драться с тобою готов».

Между боярами началась страшная брань, крик и шум. Большой царь все это слышал: он призвал их к себе и напомнил клятву служить ему и детям его, причем выразил идею государства, олицетворенного в особе государя, идею, которой никто, кроме его, не понимал: «кто не хочет служить государю младенцу, тот не захочет служить и взрослому». Надобно было пройти многим векам постоянного государственного развития, чтобы потомок варяга, вождя сбродной дружины, мог произнести слова, что подданный должен служить не человеку, который может быть взрослый и младенец, но государству, олицетворенному в государе. «И коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах»,— заключил царь свое увещание. Против царских речей, речей с государственным смыслом, возвысил голос потомок суздальских, кн. Ив. Мих. Шуйский; Шуйскому еще было извинительно говорить, Шуйский говорил по священным преданиям предков; но после него послышался голос человека, которого сына царь самодержавною властью из ничтожества возвысил над князьями и боярами, голос Федора Адашева, отца государева любимца. «Тебе государю и сыну твоему крест целуем,—говорил старик Адашев,—а Захарьиным нам Даниилу с братией не служить; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Даниилу с братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды ведали многие».—«И бысть мятеж велик,—прибавляет летопись,—и шум, и речи многие во всех боярех, а не хотят пеленичному служить».

К вечеру царь успел привести к присяге нескольких бояр, но остальные пели свою старую песню: «Ветъ де нами владеть Захарьиным, а чем нами владеть Захарьиным, а нам служити государю младу, и мы учнем служити старому князю Владимиру»: как в этих словах еще отзываются старые дружинные понятия о службе взрослому вождю преимущественно пред младенцем!

Государь велел написать целовальную запись, по которой приводить к присяге кн. Владимира Андреевича, и как скоро последний пришел к больному, тот потребовал у него присяги, но старицкий князь явно отказался дать ее. Эта запись замечательна тем, что в ней право отъезда совершенно уничтожено: «А князей ми служебных с вотчинами и бояр ваших не приимати, также ми и всяких ваших служебных людей, без вашего веленья, не приимати к себе никого»¹⁰³⁵. Бояре, исполнившие волю царя, присягнувшие Димитрию, начали уговаривать сторонников Сильвестра, чтоб последовали их примеру, но те отвечали им жестокою бранью, «говорячи им, что они хотят сами владети, а они им служить, и их владения не хотят».

Между тем Владимир Андреевич и мать его собирали к себе своих боярских детей и давали им деньги, чтоб после смерти царя

иметь в них помощь для исполнения своих замыслов. Верные царю бояре, узнав об этом, выговаривали старицкому князю за неприличие его поступков и не стали пускать его к больному Ивану: тогда Сильвестр начал противиться верным боярам и осмелился даже сказать им: «Зачем вы не пускаете к государю князя Владимира: он ему доброхотствует». Бояре настаивали на своем, и оттоле, говорит летопись, «бысть вражда межи бояр и Селивестром, и его советники».

На другой день после взятия присяги с бояр ближних царь призвал опять всех остальных бояр и опять потребовал от них присяги; обратившись к боярам, поцеловавшим крест, он говорил им: «Пожалуйте, попомнятуйте, на чем есте мне и сыну моему крест целовали; не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычай, побежите с ним в чужую землю где Бог наставит»; потом сказал Романовым: «А вы Захарьины чего испужались; али чае бояре вас пощадят; вы от бояр первые мертвецы будете, и вы бы за сына за моего да и за мать его умерли; а жены моей на поругание бояром не дали». Из этих слов видно, что Романовы испугались сильного сопротивления враждебной стороны, и царь напоминал им, что их судьба тесно связана с судьбою царицы и царевича, что если они поддадутся требованиям противной стороны и присягнут Владимиру вместо Димитрия, то и в таком случае пощажены не будут. Из слов царя бояре ясно увидели, как он хорошо понимал их, как хорошо предвидел будущую участь своего семейства, которое будет *изведено*, как была изведена мать самого Ивана — Елена; летопись говорит, что бояре испугались этих слов царя, в которых был вызов на смертельный бой, по высказании которых примирения уже быть не могло, и бояре испугались: они пошли в переднюю комнату целовать крест.

Приводить к присяге начал кн. Воротынский; когда кн. Турунтай Пронский подошел ко кресту и увидел подле него Воротынского, то не утерпел, чтоб не начать боярской которы, он сказал Воротынскому: «Твой отец да и ты по смерти в. к. Василья первый изменник, а теперь приводишь ко кресту!» Воротынский отвечал: «Я изменник, но привожу тебя ко кресту, чтобы ты служил государю и его сыну; ты прямой человек, а креста не целуешь и служить им не хочешь!» Пронский не нашел, что возразить на это, и присягнул. Но один из самых близких бояр, и даже родственник царский, кн. Д. Ф. Палецкий, которого дочь была за родным братом царя Юрием Васильевичем, Палецкий, который один из первых присягнул Димитрию, послал торговаться с Владимиром Андреевичем и его матерью: «Если вы дадите зятю моему Юрию (неспособному царствовать) хороший удел, то я готов служить вам». Верные бояре насильно взяли клятву с Владимира Андреевича: они сказали ему, что не выпустят его из дворца до тех пор, пока не присягнет; к матери его

царь посылал трижды с требованием, чтоб привесила свою печать к целовальной записи сына; «и много речей бранных говорила», — прибавляет летописец ¹⁰³⁶.

Но все эти крамолы остались тщетными: царь выздоровел. Он встал с постели здоровый телом, но жестоко больной душой, жестоко оскорбленный как государь сопротивлением бояр государственному уставу престолонаследия, оскорбленный как отец, как муж, наконец, как человек, обманувшийся в чувствах людей, которых считал к себе близкими, к которым питал полную уверенность ¹⁰³⁷. Оправившись от болезни, царь, по обещанию, отправился на богомолье в Кириллов Белозерский монастырь; но при этом у него была еще другая цель.

Еще начиная с княжения Ивана III, монахи Иосифова Волоцкого монастыря играют важную роль в делах московского двора. Св. Иосиф Волоцкий прославился своею борьбою с жидовской схариевою ересью, начавшеюся при Иване III в Новгороде, перешедшею оттуда в Москву и утвердившеюся при дворе: отсюда дело этой ереси совпадает с придворными переменами, имевшими место в княжение Ивана III. В княгиня Елена, вдова Ивана Молодого и мать Димитрия, принадлежала к схариевой ереси ¹⁰³⁸; но за Елену стояли бояре, Курбский называет ее святой; пока Елена и ее партия были в силе, до тех пор была в силе и ересь: еретик Зосима, симоновский архимандрит, стал митрополитом; увещаний Иосифа Волоцкого не слушали, с открытыми еретиками в Новгороде обошлись милостиво.

Падение Елены и ее партии было знаком к преследованию еретиков и торжеству Иосифа, след., последний, борясь против ереси, должен был вместе бороться против Елены и ее партии, т. е. партии боярской, и с тем вместе необходимо был на стороне Софьи и ее сына Василия. Отсюда ненависть бояр к монахам Иосифова Волоцкого монастыря, которые постоянно находятся на стороне Василия в борьбе его с боярами; вот почему Курбский называет этих монахов, или осифлян, по его выражению, подобными в злости в князю Василию, скорыми помощниками его и во всех злых потаковниках и подражателями ¹⁰³⁹. Игумен Иосифова монастыря Даниил был возведен при Василии в сан митрополита, другой монах того же монастыря Вассиан Топорков — сделан епископом коломенским: оба, верные преданию своего монастыря, стояли на стороне Василия в борьбе его с древними притязаниями, и оба потому были ненавидимы боярами.

Курбский называет Даниила прегордым и лютым ¹⁰⁴⁰; Берсень говорил об нем: «Яз того не ведаю, есть ли митрополит на Москве: учителна слова от него нет никотораго, а не печалуется ни о ком; а прежние святители сидели на своих местах в манатях и печаловались государю о всех людех» ¹⁰⁴¹. Но этот упрек

Берсень митрополиту Даниилу в том, что он пренебрегал своею обязанностию печаловаться у государя за опальных бояр, несправедлив: до нас дошло 6 записей боярских, в которых Даниил является печальником за провинившихся бояр и своим ручательством освобождает их от опалы¹⁰⁴².

Как бы то ни было, по смерти Василия и Елены бояре воспользовались своим торжеством, чтоб свергнуть Даниила и Вассиана; но последний пережил боярщину и в описываемое нами время находился в Песношском монастыре: к нему-то, к этому ненавистнику бояр, спешил Иван. Партия Сильвестра предвидела всю опасность для себя от этого свидания и спешила воспрепятствовать ему. В Троицком Сергиеве монастыре жил тогда знаменитый Максим Грек, враг Даниила и Вассиана, заточенный при Василии за сопротивление разводу с Соломонию, освобожденный при Иване старанием Сильвестровой стороны, которая теперь употребляет его средством для отклонения царя от поездки, т. е. от свидания с Вассианом. Когда царь по пути заехал в Троицкий монастырь и зашел к Максиму, тот начал уговаривать его отложить дальнейшую поездку; Максим говорил Ивану, что вместо путешествия он должен озаботиться вдовами и сиротами воинов, падших под Казанью; совет был прекрасен, но царь не мог понять, почему исполнение обета съездить в Кириллов монастырь может помешать ему озаботиться семействами убитых под Казанью воинов, почему одно было несовместно с другим? «Если ты меня не послушаешь,—грозил ему Максим,—если позабудешь осиротелые семейства и поедешь с упрямством, то сын твой не возвратится живой с дороги». Такая настойчивость могла только возбудить или усилить уже возбужденные подозрения Ивана, и он отправился на свидание с Вассианом. Странники Сильвестра, сопровождавшие царя, заметили, как Вассиан шептал что-то царю на ухо, знали, что совет его не может быть для них благоприятен, и с ужасом видели, что царь изъявил за него Вассиану живейшую благодарность¹⁰⁴³; Курбский пишет, будто Вассиан сказал царю: «Если хочешь быть самодержцем, то не держи себе советника мудрейшего». Разумеется, это одна только догадка бояр, потому что если кто шепчет на ухо, то верно не с намерением, чтоб другие это слышали.

Смерть царицы Анастасии, последовавшая в 1560 году, повела к окончательному разрыву между царем и Сильвестровою партией. Самое естественное чувство после потери любимого человека — это усиленная привязанность к тому, что любил покойный, и усиленная вражда к тому, чего не любил; но Иван знал вражду, существовавшую между Анастасией и Сильвестровою стороною; враги последней не замедлили дать знать царю, что смерть Анастасии была чрезвычайно выгодна для врагов ее;

Иван помнил, что мать его была отравлена, и не мог не заразиться подозрением, особенно в то ужасное время; кто, подобно Курбскому, с такой щедростью расточает другим обвинения в отраве, тот не должен жаловаться, что его и друзей его подозревали в том же!

Предмет и пределы нашего сочинения не позволяют нам войти в подробности кровавой борьбы, которую вел Иван Грозный с древними притязаниями дружинников и потомков князей-родичей. Ужасы этой борьбы преувеличены пристрастными писателями, но только преувеличены, а не вымышлены; казней, предсказаний в Москве, Новгороде, Твери отрицать нельзя, сам Иван об них свидетельствует¹⁰⁴⁴. Историк не должен быть адвокатом того или другого исторического лица; его обязанность при описании подобной борьбы состоит в том, чтобы, основываясь на актах несомненных, уяснить смысл борьбы, ее значение в истории народа. Обратимся же к этим несомненным актам.

В 1547 году двое князей, Мих. Вас. Глинский и Ив. Турунтай-Пронский, замыслили отъезд, были схвачены, прощены и дали записи не отъезжать ни к польскому королю, ни к папе римскому, ни к угорскому королю, ни к цесарю, ни к френцовскому королю, ни в Крым, ни в Ногаи, ни в Астрахань, ни в Казань, ни к братьям царским¹⁰⁴⁵; 34 человека поручились за Пронского¹⁰⁴⁶. В 1554 году были пойманы на отъезде кн. ростовские¹⁰⁴⁷; главного из них зачинщика, Семена, сослали на Белоозеро. Год спустя по смерти Анастасии взята запись с кн. Вас. Мих. Глинского, который также *проступил*¹⁰⁴⁸. В том же 1561 году царь счел нужным взять клятвенное обещание с 8 бояр в случае его смерти служить сыну его Ивану, мимо которого иного государя не искать, и ни к кому не отъезжать¹⁰⁴⁹. В 1562 году 29 человек поручились по кн. Ив. Дмитр. Бельском, что ему не отъехать ни в которые государства, ни в уделы, и за этих поручников поручились еще 120 человек¹⁰⁵⁰; и в том же году тот же Ив. Дмитр. Бельский уже снова бил челом за свою вину, что «преступил крестное целованье, и забыв жалованье государя своего изменил, з Жигимонтом Августом королем ссылался, и грамоту от него себе опасную взял, и хотел бежати от государя своего». Несмотря на это, царь Иван Грозный «холопа своего пожаловал, вины ему отдал»¹⁰⁵¹. В записи Бельский обещается. «Служити мне государю моему, и по нем сыну его большому, которой на государстве будет. А которые дети государя моего на уделех будут, и мне к ним не отъехатижь; также ми и к удельным князем ни х кому не отъехати». В следующем 1563 году Бельский с 6 другими боярами выручал другого отъезжика, кн. Александра Ив. Воротынского¹⁰⁵²; за поручников поручились, по обыкновению, еще 56 человек. В следующем 1564 году выручен был Ив. Вас. Шереметев также двойным ручательством¹⁰⁵³. В 1565 году бил челом

боярин Яковлев за проступку¹⁰⁵⁴ и прощен за поручительством. В том же году был выручен из-под опалы Лев Андр. Салтыков с 2 сыновьями¹⁰⁵⁵ и кн. Вас. Сем. Серебряный с сыном¹⁰⁵⁶. В 1566 году бил челом за проступку знаменитый воевода кн. Мих. Ив. Воротынский и выручен двойным ручательством¹⁰⁵⁷. В том же году выручен был кн. Ив. Петр. Охлябинин и обещался никуда не отъехать и в чернецы не постригаться¹⁰⁵⁸; в том же году был выручен боярин Очин-Плещеев¹⁰⁵⁹.

Любопытнее предыдущих запись Ив. Фед. Мстиславского: в 1571 году крымский хан Девлет-Гирей пошел к Москве; царские воеводы Бельский, Морозов, Мстиславский, Шереметев, Воротынский, Татев, Темкин, вместо того чтоб отразить хана от столицы, расположились в ее предместьях и позволили татарам сжечь Москву. Дорогу хану к Москве указали изменники — 6 детей боярских¹⁰⁶⁰. Царь в речи своей послам ханским говорил: «Брат наш (Девлет-Гирей) сослався с нашими изменники с бояры, да пошел на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестью встречю, а люди наши с ним не бились, и пришел Москву зжег»¹⁰⁶¹. Можно было бы подумать, что Иван напрасно обвинял воевод, хотя поведение их в самом деле было очень подозрительно; но вот что говорит сам кн. Мстиславский в записи, данной им после этого случая: «Се яз кн. Ив [ан] Мстиславской, что есми Богу, и св. Божьим церквам и всему православному крестьянству веры своей не соблюл, а государю своему ц[арю] и в.к. И[вану] В[асильевичу] всяя Руси и его детям, и его землям, и всему православному крестьянству и всей Русской земле изменил, навел есми с моими товарищи безбожнаго крымскаго Девлет-Кирея царя»¹⁰⁶². По ходатайству митрополита Кирилла и 24 других духовных особ царь простил Мстиславского, взявши с него означенную проклятую грамоту за поручительством троих бояр, которые обязались в случае отъезда Мстиславского внести в казну 20 000 рублей, за поручников поручились еще 285 человек¹⁰⁶³. Через 10 лет после этого тот же Мстиславский опять бил челом с двумя сыновьями, что они пред государем «во многих винах преступили»¹⁰⁶⁴. Всех дошедших до нас записей, данных боярами при Грозном, 23!

Но всего любопытнее для нас переписка отъехавшего боярина, кн. Андрея Курбского, с царем. В письмах своих к Ивану, равно в истории его царствования, Курбский вполне обнаруживает старинные притязания дружинников, и преимущественно потомков князей-родичей; с своей стороны, в ответных письмах царь высказывает свои понятия о царской власти, свою теорию об ней. В этой драгоценной переписке перед нами говорят старая и новая Русь, Русь с родовым бытом и Русь с бытом государственным, говорят в лице своих представителей — Курбского, отъезжего боярина, потомка ярославских князей, и Ивана в.к.

московского, первого царя. Таким образом, вместо сухой, мертвой летописи, где летописец очень часто опускает самое важное для нас, в сочинениях Курбского, и особенно в его переписке с царем, мы имеем живую, страстную речь двоих борцов, двоих представителей противоположных стремлений; вместо летописца, который так часто скрадывает причины явлений, Курбский и царь высказывают нам свои задушевные мысли, свои чувства, руководившие их поступками, раскрывают тайные пружины борьбы.

Разумеется, беспристрастия в истории Курбского и в переписке его с царем искать нельзя: оба — и царь, и Курбский суть не иное что, как адвокаты своего дела; речь их страстна, они щедры на сильные эпитеты, щедры на неумеренную брань чужим, на неумеренную похвалу своим.

Мы упоминали уже о старинных притязаниях дружинников, вынесенных ими из Древней Руси, о притязаниях на *обычай совета и право отъезда*. Адвокат этих дружинных притязаний Курбский ясно высказывает их в своих сочинениях¹⁰⁶⁵: рассказав о свидании царя с Вассианом Топорковым и о совете, который последний будто бы дал Ивану, не слушаться бояр, Курбский обращается к Вассиану с следующей апострофою: «О глас воистинну диаволой! Всякия злости и презорства и забвения преполон! Ты забыл, епископ, что написано во 2-й книге Царств: когда Давид советовался с своими вельможами, желая исчислить народ израильский, и все вельможи советовали не считать, но царь не слушал советников своих; ты забыл, какую беду навел Бог за непослушание Синклитскому совету? Чуть весь Израиль не погиб! Ты забыл, что принесли безумному Ровоаму гордость и совет юных, и презрение совета старших?» Приведши многие другие места Св. Писания, подтверждающие его мысль, Курбский выражает ее так: «Царь же аще и почтен царством, а дарований которых от Бога не получил, должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советников, но и у всенародных человек: понеже дар духа дается не по богатству внешнему и по силе царства, но по правости душевной; убо не зрит Бог на могоутство и гордость, но на правость сердечную, и дает дары, сиречь елико кто вместит добрым произволением». Потом Курбский хвалит Ивана III, который совершил такие великие подвиги только потому, что слушался советников своих; мы видели в другом месте, что Курбский называет Ивана III злым тираном, истребителем родичей и дружины: но ни Курбский, ни Иван IV не обращали внимания на такие противоречия, очень естественные в людях, пишущих под влиянием страсти и стремящихся во что бы то ни стало защитить свою основную мысль. Что Курбский был потомком князей-родичей и не забывал этого, видно также из его сочинений. Говоря о вельможах, падших

жертвами Ивана Грозного, отца его и деда, Курбский не преминет прибавить их родословную, не преминет сказать, что то были благородные княжата, потомки таких-то и таких-то князей; в одном из писем своих к царю Курбский говорит: «И уже не разумею, чего уже у нас хоцещи? Уже не токмо единоплеменных княжат, влекомых от роду великаго Владимира, различными смертми поморил еси, и движимыя стяжания и недвижимыя, чего еще был дед твой и отец не разграбил; но и последнии срации, могу рещи со дерзновением, по Евангельскому словеси, твоему *прегордому и царскому* величеству не возбранихом»¹⁰⁶⁶.

Из этих слов видно, что борьба Грозного с боярами своими была продолжением борьбы предков его с князьями-родичами; из этих же слов видно, что потомкам князей-родичей не нравился новый титул царя, принятый Иваном, потому что этот титул, как уже сказано выше, выпутывал его окончательно из родовых отношений, и потому Курбский сопоставляет свои слова так: «твоему *прегордому и царскому* величеству». Но самым лучшим доказательством той ненависти, которую потомки князей-родичей питали к московским в. князьям, служат следующие слова Курбского¹⁰⁶⁷: оправдываясь в обвинении, взводимом на него царем, будто он участвовал в отравлении царицы Анастасии и в умысле возвести на престол Владимира Андреевича, Курбский пишет: «Аще и зело много грешен есмь и недостоин, но обаче рожден бых от благородных родителей, от племени ж в князя смоленскаго Феодора Ростиславича; яко и твоя царская высота добре веси от летописцев русских, иже тое пленицы княжата не обыкли тела своего ясти и крове братии своей пити, яко есть *некоторым* издавна обычай, яко первее дерзнул Юрий Московский в Орде на святаго в. князя Михаила Тверскаго, а потом и прочие, сущие во свежей еще памяти и пред очима, что Углицким учинено и Ярославичем и прочим единыя крови, и како их всеродне заглажено и потреблено... еже ко слышанию тяжко, ужасно! От сосцев матерних оторвавши, во премрачных темницах затворенно и многими леты поморенно, и внуку оному блаженному и *присно Боговенчанному!* А тая твоя царица, мне, убогому, ближняя сродница. А о Владимире брате воспоминаешь, аки бы есть мы его хотели на царство: воистину, о сем не мыслих: понеже и недостоин был того. А тогда ж есмь угадал грядущее мнение твое на мя, когда еще сестру мою насилуем от меня взял еси за того-то брата твоего, наипаче же могу поистине рещи со дерзновением, *в тот ваш издавна кровопивственный род*».

Мы видели, как московские в. князья, начиная с Ивана III, старались уничтожить вредный обычай отъезда клятвенными записями, чтоб в случае нарушения последних иметь право смотреть на отъезжиков как на изменников; так смотрел Иван Грозный, так любил называть бояр своих, которые все больше или

меньше не были чисты от притязаний на право отъезда, единственное право, завещанное им стариною.

Теперь посмотрим, какое мнение имели дружинники об этих проклятых грамотах, которыми они принуждались отрекаться от их драгоценного права. Вот что отвечает отъезжий боярин князь Курбский царю: «А еже пишеши, имянующи нас изменники для того, иже есмя принуждены были от тебя по неволе крест целовати, *яко тамо есть у вас обычай*, аще бы кто не присягнул, горчайшею смертию да умрет; на сие тебе ответ мой: все премудрые о сем згажаются, аще кто по неволе присягает или кланяется, не тому бывает грех, кто целует, но паче тому, кто принуждает, аще бы и гонения не было; ащели же кто, прелютаго ради гонения, не бегаёт, аки бы сам себе убойца, противящися Господню словеси: аще, рече, гонят вас во граде, бегайте в другой; аки тому и образ Господь Бог наш показал верным своим, бегающе не токмо от смерти, но и от зависти богоборных жидов»¹⁰⁶⁸.

Прежде мы упоминали также о том, что царь Иван, с малолетства озлобленный на бояр, дарил своею доверенностию дьяков как людей новых, без старинных притязаний; при нем дьяки заведовали не только письменною и правительственною частью, но являются даже воеводами, каковы, напр., были дьяки Выродков¹⁰⁶⁹ и Ржевский; вот что говорит о дьяках Курбский: «Писари же наши русские, им же кн. великий зело верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичев, или от простаго всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих»¹⁰⁷⁰.

Но касательно проклятых грамот и дьяков кроме Курбского мы имеем еще свидетельство другого отъезжика: это письмо стрелецкого головы¹⁰⁷¹ Тимофея Тетерина к деритскому наместнику Мих. Яковл. Морозову. Тетерин, постриженный царем в монахи, свергнул с себя иноческий образ и отъехал; на укорительное письмо воеводы Морозова он отвечал следующее¹⁰⁷²: «Называешь, господине, нас изменники неподельно, и мыб, господине, и сами так, подобяся собаке, умели против лаяти, да не хотим того безумия сотворити, а были бы мы, господине, изменники тогда, коли бы мы, малыя скорби не претерпев, побежали от государева жалованья: а то, господине, и так виновати, что не исполнили долго Христова слова и апостольскаго, и не бежали от гонителя, а побежали уже во многих нестерпимых муках и от поругания ангельскаго образа. И ты, господине, бойся Бога, паче гонителя, и не зови православных христиан, без правды мучимых и прогнанных изменники. А твое, господине, честное Юрьевское наместничество не лучше моего Тимохина чернечества; был еси наместник пять лет на Смоленске, а ныне тебя государь даровал наместничеством Юрьевским с пригороды — что Турский Мутьянскаго (Волошского) воеводством; жену у тебя взял в заклад¹⁰⁷³,

а доход тебе не сказал ни пула; велел тебе две тысячи проести занявши, а Полукашину заплатити нечем; а невежливо, господине, молвити: чаю недобре тебе и верят! Есть у великаго князя¹⁰⁷⁴ новые верники дьяки, которые его половиною кормят, а большую себе емлют¹⁰⁷⁵, которых отцы вашим отцам в холопство не пригожались, а ныне не токмо землею владеют, но и головами вашими торгуют. И Бог за грехи у вас, государь, ум отнял, что вы над женами и над детками своими и над вотчинами головы кладете, а их губите, а тем им не пособите. Смеем, государь, вопросити: каково тем женам и деткам, у которых мужей или у детей отцов различными смертями побили без правды?»

Теперь обратимся к ответам Ивана Грозного. Прежде всего мы должны заметить, что положение царя в отношении к Курбскому было чрезвычайно выгодно: Курбский в свое оправдание не мог сказать даже того, что сказал Тетерин, Курбский не претерпел никакого гонения от царя; он покинул знамена отечества потому только, что сторона, которой он был членом, партия Сильвестра потеряла свое значение при дворе, подверглась опале, Курбский бежал потому, что друзья уведомили его об одном гневном слове, сказанном против него Иваном¹⁰⁷⁶; но одного отъезда мало: Курбский становится предводителем польских войск, пустошит русские области; сын православной Церкви разрушает храмы православные.

В начале ответа Иван говорит о своем праве на престол, праве древнем, неизменном, неутраченном: «Самодержавства нашего почин от св. Владимира, родихомся во царствии, а не чужое восхитихом»¹⁰⁷⁷. Это свое право противопоставляет он устарелому, утраченному праву Курбского на княжество Ярославское. Что Курбский имел действительно притязания по крайней мере на титул князя ярославского, доказывает его переписка со многими лицами в Польше, где он величает себя князем Андреем Ярославским. Так как основные положения Курбского суть следующие: царь должен слушаться совета бояр, бояре имеют право отъезда, то основные положения царя, наоборот, суть следующие: царь не должен находиться ни под чьим влиянием; боярин, имеющий притязание на право совета, есть изменник: «Се ли совесть прокаженная, яко свое царство во своей руце держати, а работным своим владети не давати? И се ли сопротивен разуму, еже не хотети быти работными своими владенну? И се ли православие пресветлое, еже рабы обладаему и повеленну быти? Русское самодержавство изначала сами владеют всеми царствы, а не бояре и вельможи»¹⁰⁷⁸. Последними словами царь намекает на образ правления в Польше, куда отъехал Курбский. Как защитник нового порядка вещей, как потомок государей московских Иван в ответ потомку ярославских князей высказывает цель своего правления и превосходство нового порядка вещей, превосходство единовластия; приводя слова апостола Павла, царь

сравнивает старую и новую Русь с ветхим и новым заветом: «И аще убо, якоже вместо креста, обрезание тогда потребно быша; тако и вам вместо царскаго владения потребно самовольство. Тщужеса со сердием люди на истину и на свет наставити, да познают единаго истиннаго Бога, в Троице славимаго, и от Бога даннаго им государя; а от междоусобных браней и строптиваго жития да престанут, ими же царствия растлеваются. Аще убо царю не повинуются подовластные, никогда же от междоусобных браней престанут. Или се сладко и свет, яко благих престати и злое творити междоусобными браньми и самовольством?»¹⁰⁷⁹

В этих словах самое высокое понятие о царской власти: истина и свет для народа — да познает Бога и от Бога данного ему государя. Но кроме государственного смысла эти слова имеют еще смысл исторический: неужели новый порядок вещей, при котором Русь приводилась в сознание своего единства в едином царе, при котором явился наконец наряд и смолкли усобицы, неужели этот новый порядок вещей хуже прежнего времени, времени кровавых междоусобий и нестроений: «или се сладко и свет, яко благих престати и злая творити междоусобными браньми и самовольством!»

При таком сознании своего царского достоинства Иван хорошо понимал, что ответ его на письмо Курбского есть недостойная царя слабость; но, как уже выше сказано, Иван был человек чувства и потому не выдержал; раскаяние в этой слабости видно из некоторых слов царя, напр.: «О провинении же и прогневании подовластных наших перед нами: доселе русские владетели неизтязуемы были ни от кого же, но повольны были подовластных своих жаловати и казнити, и не судилися с ними ни перед кем; и аще же и не подобает рещи о винах их, но выше реченно есть»¹⁰⁸⁰.

На обвинения в жестокости царь отвечает: «Жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольныж есмя»; на обвинение в облыгании своих подданных изменою Иван отвечает: «И аще аз облыгаю: о ином же истина о ком явится? Чесо ради нам сих облыгати? Власти ли своих работных желая, или рублища их худа; или коли бы их насыщатися?»¹⁰⁸¹

Но выставляя права своей власти, вооружаясь против старинных притязаний, Иван должен был вооружиться еще против других притязаний: Курбский принадлежал к той партии, которой главою был священник Сильвестр; мы упоминали уже, как неограниченная доверенность и уважение царя к Сильвестру подали последнему повод вмешиваться в политические дела, идти в них наперекор Ивану, которого превосходства умственного Сильвестр, к несчастью для себя и для своих, не сознал. Вот почему, когда притязания Сильвестра повели к борьбе, когда неблагоприятное поведение его во время болезни

царской поселило в душе Ивана вместо любви и доверенности ненависть и недоверчивость, то с тем вместе уважение уступило место презрению, и царь в письмах к Курбскому называет Сильвестра невеждою: «Или мниши сие быти светлость благочестивая, еже обладатися царству от попа невежи? Нигдеже бо обрящеши, иже не разорится царству, еже от попов владому. Ты же убо по что ревнуеши? Иже во грехех царствие погубивших и турком повинувшихся? Сию убо погибель и нам советуеши?»¹⁰⁸²

Мы видели, что Курбский, защищая дружинный обычай совета, мастерски выбрал примеры из Св. Писания; царь, отстаивая свои права от притязаний сторонников Сильвестра, не менее удачно пользуется библейскими примерами; он пишет Курбскому: «Вспомяни же, егда Бог, изводяше Израиля из работы, егда убо постави священника владети людьми, или многих рядников? Но единого Моисея, яко царя, постави владетеля над ними; священствовати же ему не повеле, но Аарону брату его повеле священствовати, людскаго же строения ничего не творити; егда же Аарон сотвори людские строи, тогда и от Бога люди отведе. Смотри же сего, яко не подобает священником царская творити. Тако же Дафан и Авирон хотеша восхитити себе власть, и сами погибоша; и какову Израилю погибель наведоша? *Еже вам бояром прилично!* После того же, бысть судия Израилю Исус Навин, священник же Елеазар; отголе, даже и до Илии жреца, обладаху судии: Иуда и Варак, и Иефоае, и Гедеон и инии многии, и каковы советы и победы на противные поставляху и Израиль спасаху! Егда же Илия жрец взя на ся священство и царство, аще сам праведен бяше и благ, но понеже обоюду припадши богатству и славе, како сынове его Офни и Финеес заблудиша от истины, и как сам и сынове его злою смертию погибоша и весь Израиль побежден бысть до дни Давыда царя. Видиши ли, яко священство и рядничество не прилично царским владети»¹⁰⁸³.

Я сказал прежде, что Иван, начитавшись Библии и римской истории, хотел быть таким же царем на Руси, каким были Давид и Соломон в Иерусалиме, Август, Константин и Феодосий в Риме. При таких стремлениях ему, разумеется, был чрезвычайно оскорбителен грубый тон боярина князя Курбского, помнившего свое происхождение от одного родоначальника с царем; вот почему Иван в неумеренно гневных выражениях напоминает Курбскому о должном уважении к особе царя примером из византийской истории: «И может ли сие невежда разумети, яко ж ты, собака, и того не рассудишь, како три патриарси собрашася со множеством святителей к нечестивому Феофилу царю, и многосложный свиток написаша, таковая ж хуления, яко же ты, не написаша, аще и нечестив бяше царь Феофил»¹⁰⁸⁴.

Я упомянул также, что в переписке своей и Курбский, и царь иногда проговариваются, высказывают свои душевные мысли

и чувства; так, в письмах Курбского высказался вполне потомок лишенных владения князей; Иван не раз обнаруживает главную причину ненависти своей к боярам, именно не признание царем сына его Димитрия. Оправдываясь в казни бояр, царь говорит, что они превзошли всех изменников древней истории, говорит, что св. Константин казнил родного сына, св. Феодор Ростиславич, предок Курбского, пролил в Смоленске множество крови в самую Пасху, что Давид казнил своих изменников, и, след., московские бояре должны быть также казнимы, потому что они «Богом им даннаго и рождшагося у них на царстве, царю преступив крестную клятву, отвергоша, и елико возмогоша злая сотвориша, всячески, словом и делом и тайными умышлениями; и чемому убо они сих неподобнее злейшим казем?»¹⁰⁸⁵ В другом месте царь говорит: «Како же убо доброхотных сих изменников наречеши? Яко же убо во Израили, еже со Авимелехом от жены Гедеоновы, сиречь наложницы, лжею согласившеся и лесть сокрывше, воедино день избиша семдесят сынов Гедеоновых, еже убо от законных жен ему быша, и воцариша Авимелеха: тако же убо и вы собацким своим, изменным обычаем хотесте во царствии царей достойных истребити, и аще не от наложницы и от царствия расстояща колена хотесте воцарити. И се ли убо доброхотны есте и душу за мя полагаете, еже подобно Ироду сушаго млека младенца, смертию пагубною хотесте света сего лишити, чюжого же царствия воцарствити? Се ли убо за мя душу полагаете и доброхотствуете?»¹⁰⁸⁶ В другом месте, описав явления, имевшие место во время его болезни, Иван заключает: «Се убо нам живым сущим такова от своих подовластных доброхотства насладихомся: что же убо по нас будет?»¹⁰⁸⁷

Если Курбский, боярин и потомок ярославских князей, ведет начало зла от Ивана III, если он называет кровопийственным весь род московских князей, то Грозный, с своей стороны, знает также старину, знает, откуда, когда и как началась борьба, которую ему суждено было довести до такой ужасной крайности; если Курбский называет Ивана «лютоостию, рожденною в законопреступлении и сладострастии»¹⁰⁸⁸, то Грозный, с своей стороны, считает себя вправе называть Курбского рождением исчадия ехидного, изменником прирожденным. «Извыкосте,—говорит царь,—от прародителей своих измену чинити, яко же дед твой князь Михайло Карамыш со князем Андреем Углицким на деда нашего, великого государя Ивана умышлял изменные обычаи; также и отец твой князь Михайло с в. к. Дмитрием внуком на отца нашего, блаженный памяти великаго государя Василия, многи пагубныя смерти умышляли, также и мати твоя дед Василий и Иван Тучко, многая пакосная и укоризненная словеса деду нашему в. государю Ивану износили; также и дед твой Михайло Тучков, на преставление матери нашей, великия царицы

Елены, дьяку нашему Елизару Цыплятеву многая надменная словеса изрече, и понеже еси рождение исчадия ехиднаго, посеми тако и яд отрыгаеши»¹⁰⁸⁹.

Мы видели, что Курбский и подобные ему отъезжики считали проклятые грамоты недействительными как вынужденные; царь же, с своей стороны, утверждает, что отъезжики нарушением записей губят не только свои, но и прародителей своих души. «Како же неусрамишися раба своего Васьки Шибанова,— пишет Иван к Курбскому,— еже бо он благочестие свое соблюде, и пред царем и предо всем народом, при смертных вратах стоя, и ради крестнаго целования тебе не отвержеса, и похваляя и всячески за тя умрети тщашеса. Ты же убо сего благочестия не поревновал еси: единого ради моего слова гневна, не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси: понеже Божиим изволением, деду нашему, великому государю, Бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детем, приказали служити и деда нашего детем и внучатом»¹⁰⁹⁰.

В заключение я должен обратить внимание на те места в письмах царя, где он, по-видимому, сам признается, что при Сильвестре он не имел никакой власти, что все делал Сильвестр с своими сторонниками и, след., можно заключить, что первая блестящая половина его царствования принадлежит не ему, а Сильвестру. Но я уже заметил раз, что оба — и Курбский, и царь — пишут под влиянием страсти, вследствие чего впадают в противоречия; если основная мысль Курбского состоит в том, что царь должен слушаться советников, то основная мысль Ивана, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться к подчинению царской воли воле собственной; такое стремление есть величайшее из преступлений, и всею тяжестью его Иван хочет обременить Сильвестра и его сторонников, вот почему он приписывает им самое преступное злоупотребление его доверенности, самовольство, самоуправство, говорит, что вместо его они владели царством; тогда как он сам облек их неограниченную свою доверенностью; вот эти знаменитые места: «И паче вы растленны, что не токмо повинны хотесте мне быти и послушны, но и мною владесте, и всю власть с меня сняте, и сами государилися, как хотели, а с меня все государство сняли: словом аз бых государь, а делом ни чего не владел»¹⁰⁹¹. Впрочем, эти строки не должны отделять от предыдущих, из которых оказывается, что самовластие, в котором обвиняет царь Сильвестрову партию, являлось только как стремление, вызывавшее противоположное стремление со стороны царя: «Выль растленны, или аз? Что аз хотел вами владети, а вы не хотели под моею властию быти, и аз за то на вас опалялся?»¹⁰⁹²

В другом месте царь, щеголявший остроумием, ловкостью в словопрениии, низлагает Курбского следующею уверткою, не

думая, что после можно будет употребить его адвокатскую тонкость против него же самого: «А еже убо речеши, яко ратных ради отлучений, мало зрех рождышия тя, и жены своя, отлучения ради, не познах, и отечество оставлях, но всегда в дальних и окольных градах наших против врагов наших ополчахся, претерпевал еси естественныя болезни и ранами учащен еси от варварских рук, в различных бранех, и сокрушенно уже ранами все тело имеешь:—и сия тебе вся сотвориша тогда, егда вы с попом и Алексеем владесте. И аще не годно, почто тако творили есте? Ащеж творили есте, то почто, сами своею властью сотворив, на нас воскладаете?»¹⁰⁹³

Наконец, гдеть место, которое можно привести в доказательство, что поход на Казань предпринят не Иваном, что сторонники Сильвестра везли его туда насильно: «Таже, но Божию изволению, со крестоносною хоруговию всего православнаго христианскаго воинства, православнаго ради христианства заступления, *нам двигшимся* на безбожный язык казанский, и тако неизреченным Божиим милосердием, иже над тем бесерменским языком победу давше, со всем воинством православнаго христианства здраво во свояси возвратихомся: чтоже убо изреку от тебе нарицаемых мученик доброхотство к себе? Тако убо: аки пленника всадив в судно, везяху с малейшими людьми сквозе безбожную и неверную землю: аще небы всемогущая десница Вышняго защитила мое смирение, то всячески живота гонзнул бы»¹⁰⁹⁴. Приводя это место, во 1) не должно упускать из виду начальных слов: *нам двигшимся*, что уже совершенно противоречит невольному везению как пленника; во 2) царь говорит, что это везение как пленника имело место уже на возвратном пути, по взятии Казани, след., не под Казань, а из Казани бояре везли царя, как пленника! Ясно, что Иван жалуется здесь на бояр, которые не берегли его во время дороги чрез неприятельскую землю, что здесь слово *пленник* вовсе не означает невольного похода, но относится к выражению «безбожная и неверная земля»: «меня везли сквозь неприятельскую землю с малым отрядом, как будто бы я был взят в плен». Сюда же относятся и слова Курбского, который говорит, что когда царь во время казанской осады, видя бегство своих, потерял дух, то в эту решительную минуту бояре велели поставить христианскую хоругвь у городских ворот, «и самого царя, хотяща и не хотяща, за бразды коня взяв, близь хоругви поставиша»¹⁰⁹⁵.

Но разве можно верить Курбскому, которого основная мысль состоит в том, что все хорошее сделано советниками царя, а не им самим, разве можно верить Курбскому, который не стыдится обвинять Ивана III в смерти собственного его сына? Кто верит в беспристрастие показаний Курбского, тот не имеет никакого права отвергать показаний царя, а царь вот что говорит: «И егда

начало восприяхом, за Божию помощию, еже брани на варвары, егда первое послахом на Казанскую землю воеводу своего, князя Сем[ена] Ив[ановича] Микулинского с товарищи, како вы глаголали? Се яко мы в опале своей их послали, казнить их хотя, а не своего для дела! Ино, се ли храбрость, еже служба ставити в опалу? И тако ли покоряти прегордые царства? Таже, сколько хождения не бывало в Казанскую землю, когда не с понуждением, с хотением ходисте? Но и всегда аки на бедное хождение ходисте! Егда же Бог милосердие свое яви нам и тот род варварский христианству покори, и тогда како не хотесте с нами воеватися на варвары, яко более пятинадесять тысяч, вашего ради нехотения, с нами тогда не быша! Како же и в тамошнем пребывании всегда развращенная советовасте, и егда запасы истопиша, како три дни стояв, хотесте во своя возвратитися? И повсегда не хотесте во многопребывании надобна времени ждати, ниже глав своих щадяше, ниже бранныя победы смотряюще, точию: или победив, наискорейше побежденным бывшим, скорейше во своя возвратитися. Таже и войны многоподобныя, возвращения ради скорога, остависте, еже последи от сего много пролития крови христианския бысть¹⁰⁹⁶. Како, еже убо и в самое взятие города, аще бы не удержал вас, како напрасно хотесте погубити православное воинство, не в подобно время брань начати?¹⁰⁹⁷ Та же убо по взятии града Божиим милосердием, вы же убо, вместо строения на грабление те косте!»¹⁰⁹⁸

Кому же верить: царю или Курбскому? Ни тому, ни другому: оба не беспристрастны, оба преувеличивают, оба противоречат самим себе. Надобно верить одним несомненным фактам, а эти факты показывают: во 1) что Иван был не трус (хотя личная храбрость в государе не есть еще важное достоинство, часто даже недостаток) и что его вовсе не нужно было везти в поход как пленника и удерживать от бегства «хотяща и не хотяща». Этот же самый Иван взял Полоцк, когда уже при нем не было людей, могущих везти его как пленника; правда, после Иван не водил сам полки в поход и удалялся при первом известии о приближении неприятеля: но это было уже тогда, когда воеводы начали признаваться в записях, что они наводили врагов на Русскую землю; во 2) что когда Сильвестр владел полною доверенностию царя, и тогда последний не был слепым орудием в руках Сильвестра и его сторонников, но всегда сохранял полную свободу следовать и не следовать советам той стороны, и когда следовал, то с ясным сознанием их пользы, и, след., все добро, сделанное Сильвестром и его стороною, принадлежит царю, который сознательно, с полною свободой принимал советы и отвергал безрасудные.

Я уже упоминал о войне ливонской, которую Иван предпринял против желания Сильвестровой стороны, хотевшей покорить

ния Крыма; но вот еще другие примеры: после взятия Казани, говорит Курбский¹⁰⁹⁹, *все мудрые и разумные*, т. е. Курбский с товарищи, советовали царю остаться еще несколько времени в Казани, дабы совершенно окончить покорение страны, но царь «совета мудрых воевод своих не послушал; послушал же совета шурей своих (т. е. Романовых)». Это ясно показывает, что Иван имел полную свободу поступать по совету тех или других, не находясь под исключительным влиянием какой-нибудь стороны¹¹⁰⁰. Потом, когда в 1555 году царь выступил против крымского хана и пришла к нему весть, что одно русское ополчение уже разбито ханом, то многие советовали ему возвратиться, но храбрые настаивали на том, чтоб встретить татар, и царь склонился на совет последних¹¹⁰¹, т. е. на совет сторонников Сильвестра, потому что когда Курбский хвалит, то хвалит своих; причем надобно заметить, что это событие имело место уже после болезни царя, когда он потерял расположение к стороне Сильвестра.

Таким образом, мы видим, что Иван в одном случае действует по совету одних, в другом — других, в некоторых же случаях следует независимо своей мысли, выдерживая борьбу с близорукими советниками. Но нам не нужно много распространяться об этом предмете: никакое подыскивание под слова Ивана с целью отнять у него славу великого государственного деятеля и приписать ее советникам его, никакое подыскивание подобного рода не может устоять против свидетельств современников и людей, близких к ним, иностранцев и русских, которые все единогласно величают великий ум царя, его неутомимую деятельность, его правосудие¹¹⁰².

До сих пор нас занимала борьба Ивана IV с притязаниями бояр, преимущественно потомков князей-родичей; теперь обратимся к борьбе домашней, с удельным князем, двоюродным братом царя Владимиром Андреевичем. Мы видели замыслы и поступки Владимира во время болезни царя; такие поступки забыть было трудно, тем более что Владимир и мать его Евфросиния не давали забывать старых своих поступков, повторяя их, не оставляя своих удельных притязаний. Я упоминал о клятвенной записи, насильно взятой с Владимира в 1553 году; в следующем 1554 году после рождения другого царевича, Ивана, государь взял с двоюродного брата другую запись держать этого Ивана вместо царя в случае смерти последнего¹¹⁰³. До какой степени Иван не доверял брату, доказывает следующее обещание Владимира: «А жити ми на Москве в своем дворе; а держати ми у себя во дворе своих людей всяких... а боле ми того людей у себя во дворе не держати; а опричь ми того, служилых людей своих всех держати в своей отчине».

О предусмотрительности царя насчет движений со стороны удельных князей свидетельствует следующее обещание, взятое

с Владимира: «А хоти которой брат родной учинитца недругом сыну твоему царевичю Ивану, и огступит от него: и мне с тем его братом в дружбе не быти, ни ссылатися с ним. А пошлет мя сын твой царевич Иван на того своего брата, которой от него отступит: и мне на него ити, и делати над тем его братом всякое дело без хитрости, по приказу сына твоего царевича Ивана. А князей ми служебных с вотчинами и бояр, и дьяков, и детей боярских и всяких людей сына твоего к себе никак не примати. А которые ми бояре, и дьяки ваши и всякие люди чем низгубили при тебе государе моем царе и в. к. Иване: и мне тех им грубостей не помстити никому ни чем. А без бояр ми сына твоего, никотораго дела не делати, которые бояре в твоей душевной грамоте писаны, и не сказав ми сыну твоему и его матери, никакова дела не вершити; как ми прикажет сын твой и мать его, потому ми всякие дела вершити. А по грехом, мать моя княгини Ефросинья учнет мя наводити на которое лихо сына твоего царевича Ивана, или на мать его лихо учнет мя наводити: и мне матери своей княгини Ефросиньи в том ни в чем не слушати, а сказати ми тее речи сыну твоему царевичю Ивану, и его матери в правду без хитрости. А хоти мя мать моя и не учнет наводити на лихо, а изведаю, что мать моя сама захочет которое лихо учинити, или умышляти учнет которое лихо над сыном твоим царевичем Иваном, и над его матерью, или над его бояры и дьяки, которые в твоей государя нашего душевной грамоте писаны: и мне то лихо матери своей сказати сыну твоему ц[аревичю] Ивану и матери его в правду без хитрости, а не утаити ми того никак некоторыми делы, по сему хрестному целованью. А возметь Бог и сына твоего ц. Ивана, а иных детей твоих государя нашего не останеться: и мне твой государя своего приказ весь справити твоей царице в. к. Анастасие¹¹⁰⁴, по твоей государя своего душевной грамоте и по сему крестному целованью, о всем по тому, как еси государь ей в своей душевной грамоте написал».

В следующем месяце того же года взята была со Владимира третья запись с некоторыми против прежней дополнениями¹¹⁰⁵: удельный князь обязуется не держать у себя на московском дворе более 108 человек.

Несмотря на все эти записи, Владимир Андреевич не оставлял своих притязаний: в 1563 году, говорит летопись¹¹⁰⁶, «положил гнев свой (царь) на княгиню Ефросинью, да на сына ея, потому что прислал к царю в слободу княж [ий] Володимиров Андр. дьяк Савлук Иванов память, а писал многие государские дела, что кн. Ефросинья и сын ее многие неправды к царю чинят, и того для держать его скована в тюрьме; а царь велел Савлука к себе прислати — и по его слову многие сыски были, и тех неисправления сысканы; и пред митрополитом и владыки царь кн. Ефросинье и сыну ея неправды их известил». После этого Ефросинья постриглась, но смуты не прекратились.

В 1566 году царь переменял брату удел: вместо Старицы и Вереи дал ему Дмитров и Звенигород¹¹⁰⁷. Еще в 1564 году, после Савлукова доноса, царь переменял Владимиру всех бояр и слуг: мы видели, что и отец Ивана употреблял те же средства для удержания удельных от восстания. Наконец, в 1569 году Владимир погиб от яду, как говорят некоторые¹¹⁰⁸ иностранцы, но не от тайной отравы, как погиб Шемяка от прадеда Иванова Василия Темного; говорят, будто Грозный, укоряя двоюродного брата в умысле отравить его, заставил его самого выпить яд. Другие иностранцы говорят иначе о смерти Владимира¹¹⁰⁹; в наших летописях сказано только, что царь «повеле убити брата своего»¹¹¹⁰.

Считаю приличным окончить описание борьбы Грозного с притязаниями старины следующими словами царя, в которых он высказывает свое право, бесправие удельных, стремление дружины восстановить старину, вызвавшее со стороны его отчаянные меры; царь пишет к Курбскому: «Аз восхищением ли, или ратью, или кровью сел на государство? Народился есми, Божиим изволением, на царстве; и не помню того, как меня батюшка пожаловал благословил государством, и взрос есми на государстве. А князю Владимиру почему было быти на государстве? От четвертаго удельнаго родился. Что его достоинство к государству? Которое его поколение? Разве ваша измены к нему, да его дурости? Что вина моя перед ним: что ваши же дяди и господа отца его уморили в тюрьме, а его и с матерью также держали в тюрьме. И я его и мать от того свободи и держал в чести и в дружестве, а он было уже от того и отшел. И яз такия досады стерпети не мог: за себя есми стал! И вы почали против меня больше стояти, да изменяти; и я потому жесточайше почал против вас стояти: яз хотел вас покорити в свою волю, и вы за то как святыню Господню осквернили и поругали! Осердясъ на человека, да Богу ся приразили»¹¹¹¹. В этих словах: «И вы почали против меня больше стояти, да изменяти; и я потому жесточайше почал против вас стояти» заключается разгадка ужасов царствования Грозного, разгадка борьбы, начавшейся при Боголюбском и при Иване IV доведенной до крайности, борьбы между старою и новою Русью, между родовым и государственным бытом.

Но в своей ожесточенной борьбе против обветшалых прав и притязаний Иван IV должен был встретиться с обычаем великим, священным. Несколько раз уже упоминал я об участии духовенства в означенной борьбе между старою и новою Русью; мы видели, что духовенство стояло за государственный быт против родового, могущественно способствовало торжеству первого, но, верное идее христианства, духовенство русское предоставило себе священное право среди отчаянной борьбы

сдерживать насилия, не допускать торжествующее начало употреблять во зло свою победу на счет побежденного; усердно помогая московскому государю сломить губительные для отчества притязания князей и дружинников, духовенство в то же самое время брало этих князей и дружинников под свой покров, блюло над их жизнью как членов Церкви, как членов тела Христова: такой великий смысл имел обычай митрополита и вообще духовенства печаловаться за опальных. Когда Иван Грозный, по его собственному выражению, почал жесточайше стояти против бояр, когда в отчаянной борьбе со стариною он придумал средство оторваться от этой ненавистой старины, отделившись от государства, от земли, окружив себя выборною дружиною, в челе которой вел открытую войну с изменниками своими, т. е. людьми, верными старине, с князьями, боярами, новгородцами, в это время царь необходимо должен был встретиться с правом митрополита печаловаться за опальных; легко догадаться, какой исход должно было иметь это столкновение царя с правом митрополита в самом пылу отчаянной борьбы, не допускавшей ни мира, ни даже перемирия. Митрополит с характером более уклончивым, видя такую борьбу, отстранился бы от нее; царь мог бы также отстранить духовенство от вмешательства в борьбу, выбрав человека, способного забыть предания предшественников.

Но к славе Грозного историк должен сказать, что это был царь в высокой степени добросовестный, царь вполне сознававший свои права, но с тем вместе сознававший и свои обязанности; добросовестность Грозного не могла допустить его поставить в челе Церкви человека недостойного, и таким образом Иван, отыскивая митрополита достойнейшего, отыскивал себе сильного противника — и нашел его: то был знаменитый Филипп.

С островов Белого моря, из Соловецкого монастыря царь вызвал Филиппа в Москву и объявил, что он должен быть митрополитом; Филипп отказывался от этой чести, царь настаивал; тогда соловецкий игумен сказал ему, что он не может быть митрополитом при опричнине.

До сих пор митрополит всея Руси ревностно помогал московскому князю стать государем всея Руси, собирать Русскую землю, утвердить в ней единство; но теперь опять это единство было нарушено опричиною, которая, по самому назначению своему, должна была стоять во враждебном отношении к земщине, и Филипп, верный преданиям русской митрополии, не хочет терпеть опричнины. «Аще царство разделится, запустеет», — говорил он Ивану¹¹¹²; царь отвечал: «Восташа на мя мнози... того ли не веси, яко моиже меня хотят поглотити». Наконец Филипп уступил и дал запись: «в опришнину ему и в царьской домово́й

обиход не вступатися, а по поставленьи, за опришнину и за царьской домовой обиход митрополю не отставливати»¹¹¹³.

Но отказавшись от вмешательства в опричнину, Филипп не отказался от права печаловаться. Тщетно царь избегал свиданий с митрополитом, боясь печалований: столкновения были неизбежны, Филипп не уступил своего священного права и непобежденный пал в борьбе, к вечной славе Русской церкви, которая чтит в нем одного из величайших своих представителей.

В 1584 году умер Иван Грозный. Из нескольких упоминаемых духовных завещаний до нас дошло одно 1572 года¹¹¹⁴. В этой любопытной грамоте ясно обнаруживается состояние души царя, который был вполне убежден, что он и семейство его непрочны на московском престоле, считал себя изгнанником, а государство в военном положении до тех пор, пока он со своею опричиною не истребит враждебные начала и не утвердится снова на престоле; при этом он не предвидел еще близкого конца борьбе и в духовной делает наставления сыновьям, как они должны жить до ее окончания.

Завещание начинается исповедью царя, в которой замечательны следующие слова: «Тело изнеможе, болезнует дух, струпии телесны и душевны умножишася, и не сущу врачу исцеляющему мя, ждах, иже со мной поскорбит, и не бе, утешающих необретох, воздаша ми злая во благая, и ненависть за возлюбление мое».

Наставление детям начинается словами Христа: «Се завещаю вам, да любите друг друга... А сами живите в любви, а воинству поелику возможно навькните. А как людей держати и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и выб тому навькли же; а людей бы есте, которые вам прямо служат, жаловали и любили их, ото всех берегли, что бы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат; а которые лихи, и выб на тех опалы клали не вскоре, по рассуждению, не яростию. А всякому делу навькайте, и божественному и священному и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, и как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет: то бы есте сами знали. Также и в обиходах во всяких, как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере кто держится, тому б есте всему научены были: *ино вам люди не указывают, вы станете людям указывати, а чего сами не знаете, и вы не сами станете своими государствами владети, а люди* А что, по множеству беззаконий моих, Божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния, и скитаюся по странам, а може Бог когда не оставит, и вам есми грехом своим беды многия нанесены: Бога ради не пренегайте в скорбех... *А докудова вас Бог помилует, свободит от бед*, и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас за

один служили, и земля бы за один, и казна бы у вас за один была: ино то вам прибыльнее. А ты, Иван сын, береги сына Федора, а своего брата, как себя, чтоб ему ни в каком обиходе нужды не было, а всем бы был исполнен, что бы ему на тебя не в досаду, что ему не дашь удела и казны. А ты, Федор сын, у Ивана сына, а своего брата старейшаго, *докудова устройтись*, уделу и казны не прося, а в своем бы еси обиходе жил, смекаясь, как бы Ивану сыну не убыточнее, а тебя б льзе прокормити был, и оба бы есте жили за один и во всем устраивали, как бы прибыточнее. А ты бы, сын Иван моего сына Федора, а своего брата младшаго, держал и берег и любил и жаловал его и добра ему хотел во всем, так как себе хочешь и на его лихо ни с кем не ссылался, а везде бы еси был с Федором сыном, а своим братом младшим, и в худе и в добре один человек... и ты б его берег и любил и жаловал как себя, а хотя буде в чем пред тобою и проступку какую учинит, и ты б его понаказал и пожаловал, а до конца б его не разорял; а ссоркам бы еси отнюдь не верил, занеже Каин Авеля убил, а сам не наследовал же. А Бог благоволит вам, тебе быть на государстве, а брату твоему Федору на уделе: и ты б удела его под ним не подыскивал, а на его лихо ни с кем не ссылался; а где по рубежам сошлась твоя земля с его землею, и ты б его берег и накрепко бы еси смотрел правды, а напрасно бы еси не задирался, а людским бы вракам не потакал: занеже аще кто и множество земли приобрящет и богатства, а трилактна гроба не может избежать, и тогда то все останется. А ты сын мой Федор, держи сына моего Ивана в мое место отца своего и слушай его во всем, как мене, и покорен буди ему во всем и добра хоти ему, как мне родителю своему, во всем, и во всем бы еси Ивану сыну непрекословен был, так как мне отцу своему, и во всем бы еси жил так как из моего слова; а будет благоволит Бог ему на государстве быти, а тебе на уделе, и ты б государства его под ним не подыскивал, и на его лихо не ссылался ни с кем, а везде бы еси с Иваном сыном был в лихе и в добре один человек; *а докуды, по грехом, Иван сын государства не достигит, а ты удела своего*, и ты б с сыном Иваном вместе был за один, и с его бы еси изменники и с лиходеи некоторыми дела не ссылался; а будет тебя учнут прельщать славою и богатством и честию, или учнут тебе которых городов поступать, или повольность которую учинят мимо Ивана сына, или на государство учнут звати, а ты б отнюдь того не делал и из Ивановой сыновниной воли не выходил, как Иван сын тебе велит, так бы еси был, ани на что бы еси не прельщался; а где тебя Иван сын пошлет на свою службу, или людей твоих велит тебе на свою службу послати, и ты б на его службу ходил и людей своих посылал, как коли сын мой Иван велит; а где по рубежам Иванова сыновня земля сошлась с твоею землею, и ты б берег

того накрепко, смотрел бы еси правды а напрасно бы еси не задирался и людским бы еси вракам не потакал: занеже аще кто множество богатства или земли приобретает, а трилакотнаго гроба не может избежать... И ты б, Федор сын, сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, во всем покорен был и добра ему хотел во время, так как мне и себе и во всем в воли его буди до крови и до смерти; ни в чем ему не прекослови; а хотя будет на тебя Иванов сыновен гнев, или обида в чем ни будь, и ты бы сыну моему Ивану, а своему брату старейшему, *непрекословен был, и рати никакой не вчинял, и собою ничем не боронился*, а ему еси бил челом, чтоб тебя пожаловал, гнев свой сложить изволил и жаловал тебя во всем, по моему приказу; а в чем будет твоя вина, и ты б ему добил челом, как ему любо — и послушает челобитья, ино добро, а не послушает, и ты б собою не оборонялся ж».

В этом наказе наше внимание обращает, во-первых, желание царя, чтобы дети его не разделялись до тех пор, пока старший из них Иван не сломит всех крамол и не утвердится на престоле; ибо в противном случае удельный князь будет самым верным орудием в руках недовольных. Во-вторых, в своем завещании Грозный не довольствуется уже, подобно предшественникам, одним неопределенным приказом младшему сыну держать старшего в отца место, он определяет, в чем должно состоять то сыновнее повиновение: младший должен быть в воле старшего до крови и до смерти, ни в чем не прекословить, а в случае обиды от старшего не сметь поднимать против него оружие, не сметь обороняться: этим приказом Грозный уничтожает *de jure* междоусобия в царском семействе, ставит младшего брата в совершенно подданические отношения к старшему, теперь уже младшие братья не смеют сказать старшему, подобно древним Ольговичам: «Ты нам брат стариший, аже ны не даси, а нам самем о собе поискати». Одним словом, этим приказом Грозный дорушивает родовой быт, родовые отношения между князьями.

Что Грозный еще не был уверен в счастливом для своего семейства окончании борьбы, свидетельствуют следующие слова завещания: «Нас же родителей своих и прародителей, не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будете, *но аще и в гонении и во изгнании будете*, в божественных литургиях, и в пониждах и в литиях, и в милостынях к нищим и препитаниях, елико возможно не забывайте».

Грозный благословляет старшего сына своего Ивана «царством Русским (достоинством), шапкою Мономаховскою и всем чином царским, что прислал прародителю нашему *царю* и великому князю Владимиру Мономаху царь Константин Мономах из Царяграда; да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими и чином царским, что аз промыслил, и посохи

и скатерть, а по немецки центурь. Да сына же своего Ивана благословляю своим царством Русским (областью), чем меня благословил отец мой князь великий Василей и что мне Бог дал» Здесь встречаем важную отмену против распоряжений прежних государей: удельный Федор не имеет никакой части в городе Москве. Ему в удел дано 14 городов, из которых главный Суздаль; но Федор получил эти города уже не на прежних удельных правах, потому что в духовной прибавлено: «а удел сына моего Федоров ему ж (царю Ивану) к великому государству». Если родится сын от царицы Анны, то Грозный завещает ему 6 городов, из которых главный Углич: вероятно, это тот самый удел, который был отдан после св. Димитрию: Углич, Устюжна, Холопий городок, Кашин, Ярославец, Веряя.

При Грозном были еще князья, владевшие отчинными своими городами, напр., в духовной говорится: «А князь Михайло Воротынский ведает треть Воротынска, да город Перемышль, да город Одоев Старое, да город Новосиль, да Остров, Черну со всем потому как было исстари, а Иван сын в то у него вступается А князи Одоевские, Оболенские, Воротынские, Трубецкие, Мосальские, и их сынове, своими вотчинами сыну же моему Ивану к великому государству, и служат все сыну моему Ивану; а которой тех князей и их детей отъедут от сына моего Ивана к сыну моему Федору, или куды нибудь, и тех вотчины сыну моему Ивану»; то же самое распоряжение сделано касательно тех князей, бояр и детей боярских, которых вотчины в уделе Федора.

Однако Грозный не хотел видеть князей владельцами старых их отчинных городов, особенно князей Воротынских, близких к Литве, и потому переменял кн. Михаилу Ив. Воротынскому его старые отчинные города — Одоев и другие — на отдаленный северный Стародуб, прежнюю отчину Рязполовских¹¹¹⁵.

Наконец, касательно опричнины Грозный говорит так сыновьям в завещании: «А что есми учинил опришнину, и то на воле детей моих Ивана и Федора, как им прибыльнее и чинят; а образец им учинен готов».

Но в 1584 году уже не было в живых царевича Ивана; оставался Федор и малолетний брат его от седьмого брака Димитрий, который получил в удел Углич. Там в 1591 году последний из удельных погиб страшную смертью.

ПОЛОЖЕНИЯ

I.

Выражения: удельный период и удельная система не могут быть допущены в истории княжеских отношений, потому что приводят к ложному, обратному представлению, выставляя господство удела, отдельной собственности в то время, когда господствовали родовые отношения при нераздельной родовой собственности.

II.

Выражение: монгольский период должно быть исключено из русской истории, ибо мы не можем приписать монголам самого сильного влияния на произведение тех явлений, которыми отличается русская история начиная с XIII века: новый порядок вещей начался гораздо прежде монголов и развивался естественно, вследствие причин внутренних, при пособии разных внешних обстоятельств, в числе которых были и монгольские отношения, но не под исключительным их влиянием.

III.

Борьба отношений родовых с отношениями государственными составляет существенный характер древней русской истории.

IV.

Главными двигателями в истории родовых княжеских отношений были два представления о старшинстве между членами рода, из которых одно основывалось на старшинстве физическом, другое исходило из отношения старшего брата к младшим, который по смерти отца заступал для них его место.

V.

Существование права мести между родичами не может быть допущено в древнейшем периоде русской истории.

VI.

Период от смерти Ярослава I до смерти Мстислава Великого характеризуется борьбой различных линий княжеских вследствие исключения некоторых из них из старшинства и из владения родовой собственностью.

VII.

Период от смерти Мстислава В. до Андрея Боголюбского характеризуется борьбой князей вследствие двух различных представлений о старшинстве.

VIII.

Период от Андрея Боголюбского до разделения Южной Руси от Северной характеризуется борьбой южных и северных князей вследствие явившегося на севере понятия об отдельной собственности.

IX.

Период от разделения Южной Руси от Северной до Иоанна III характеризуется стремлением князей усилиться на счет других с презрением прежних родовых отношений.

X.

История всех княжеств Северо-Восточной Руси представляет нам те же явления в отношениях в. князей к удельным, какие имели место и в княжестве Московском.

XI.

Период времени от Иоанна III до пресечения Рюриковой династии характеризуется последнею ожесточенною борьбою между родовыми и государственными отношениями.

XII.

Характер дружины южных князей различен от характера дружины князей северных: это различие основывается на различии в отношениях между самими князьями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. об этом мое исследование: Об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 26 и след. // *Соловьев С. М.* Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1845 (после двух косых линий здесь и далее при первой ссылке автора на какое-либо сочинение следует примечание издательского редактора с указанием того издания, которым пользовался С. М. Соловьев, и (или) более позднего. Цитаты и сноски воспроизводятся без изменений и корректировок, по тексту издания 1847 г.— *Примеч. ред.*).

² Ипатьев[ская летопись, стр.] 145 // Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. II. СПб., 1843; см. также: ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908; ПСРЛ. Т. II. М., 1962.

³ Там же, с. 85.

⁴ Там же, с. 1.

⁵ Ипатьев. стр. 7.

⁶ Там же, стр. 8.

⁷ Там же, [стр.] 94.

⁸ Кенигсб[ергская летопись]. стр. 152 // Библиотека Российская историческая, содержащая древние летописи и всякие записи, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен. Часть I: Летопись Несторова с продолжателями, по Кёнигсбергскому списку, до 1206 года. СПб., 1767; см. также: ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989.

⁹ Ипатьев. стр. 73.

¹⁰ Там же, стр. 39.

¹¹ Там же, стр. 32.

¹² Кенигсб. стр. 23.

¹³ Ипатьев. стр. 75.

¹⁴ Там же, стр. 88.

¹⁵ Там же, стр. 202.

¹⁶ Ипатьев. 79.

¹⁷ Там же, стр. 149.

¹⁸ Ипатьев. стр. 41.

¹⁹ Кенигсб. стр. 158.

²⁰ Ипатьев. стр. 12 и 15.

²¹ Кенигсбер. стр. 156.

²² Ипатьев. стр. 108.

²³ Там же, стр. 38.

²⁴ Ипатьев. 18, 19.

²⁵ Там же, 39.

²⁶ Там же, 109.

²⁷ Кенигсбер. 115.

²⁸ Ипатьев. 74.

²⁹ Там же, 122.

³⁰ Там же, 119.

³¹ Ипатьев. 110.

³² Там же, 125.

³³ Там же, 50.

³⁴ Там же, 61.

³⁵ Там же, 77.

³⁶ Лавр[сентьевская летопись, стр.] 94 // ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846; см. также: ПСРЛ. Т. I. Вып. 1, 2. Л., 1926—1927.

³⁷ Ипатьев. 23.

³⁸ Там же, 66.

³⁹ Там же, 43.

⁴⁰ Там же, 46, 58.

⁴¹ Там же, 49.

⁴² Ипатьев, 61.

⁴³ Там же, 118.

⁴⁴ Ипатьев. 57.

⁴⁵ «Перваго брата сын четвертому дяде в версту». См. в Синбир. Сбор. исследов. о местничестве Д. Валуева (*Валуев Д.* Введение к разрядной книге (1559—1604 гг.) // *Синбирский сборник. Часть историческая.* Т. I. М., 1844; см. также: *Валуев Д.* Исследование о местничестве. М., 1845. С. 19—20.— *Примеч. ред.*). См. также попытку г. Погодина уяснить родовые княжеские счета счетами местническими в его статье: о старшинстве между князьями древней Руси, напеч. в Ж. М. Н. П. 1844 г. № 6 // *Погодин М. Н.* О старшинстве между князьями древней Руси: Статья вторая // *Журнал Министерства народного просвещения.* 1844. № 6.

⁴⁶ Ипатьев. 80.

⁴⁷ De legum quoque varietate facta est contentio, fuereque qui dicerent, quia filii filiorum non debent computari inter filios hereditatemque cum filiis sortiri, si forte patres eorum obiissent, avis superstitibus; unde exiit edictum a rege, ut universalis populi conventio fieret apud villam quae dicitur Stela, factumque est ut causa inter arbitros judicaretur debere examinari. Rex autem, meliori consilio usus, noluit viros nobiles et senes populi inhoneste tractari. Sed magis rem inter gladiatores decerni jussit. Vicit igitur pars qui filios filiorum computabat inter filios, et firmatum est ut aequaliter cum patris hereditatem dividerent, pacto sempiterno // *Видукинд Корвейский.* Деяния саксов. М., 1975 (с латинским текстом).

⁴⁸ Собр. г. г. и д. [ч.] IV, № 147 // *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.* Ч. I—V. М., 1813—1864.

⁴⁹ Место, найденное г. Беляевым в уставе в [еликого] к [нзя] Всеволода, хранящемся в библиотеке г. академика Погодина. См. Исследования Погодина, т. III, стр. 408 // *Погодин М. П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. I—V. М., 1846—1857.

⁵⁰ De bello vandal[ico]. I, 5 // *Procopii Caesariensis Opera omnia.* Vol. 1. Lipsiae, 1962. P. 305—352; см. также: *Проконий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. С. 176—315.

⁵¹ Ипатьев. 54.

⁵² Ипатьев. 62.

⁵³ Собр. г. г. и д. т. II.

⁵⁴ Ипатьев. 79: «В то же время Ростислав Мьстиславичъ, смоленский князь, целова крест с братьею своею с рязанскими князи, на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имеяхуть ѝ отцем себе».

⁵⁵ Там же, стр. 32. В. к. Изяслав говорил брату Ростиславу: «Пойди семо ко мне, а тамо наряди новгородци и смолняны, ать удержать Гюргя, и к ротником ся сли, и в Рязань, и всамо». Стр. 36: «Брате! Тебе Бог дал верхнюю землю, а ты тамо поиди противу Гюргеви, а тамо у тебе смолняне и новгородци и кто родников твоих». Стр. 87: «Изяслав же вборзе сгадав с дружиною, пойма ротьники своя и поеха изъездом к Чернигову».

⁵⁶ Там же, 79: «Бежа Володимирич, сыновець Изаславль (Изяслава Давидовича Черниговскаго), из Березаго во Вщижь, и зая у него все города Подеснеская, Всеволожь, не створив извета хрестьному целованию к стрьви своему, и яся по Ростислава по смольнскаго князя а от строя отступив».

⁵⁷ Ипатьев. 43.

⁵⁸ Там же, 103.

⁵⁹ Там же, стр. 64. Князей называли царями для большей учтивости, напр. Даниил Загочник пишет к Долгорукому: «Помилуй мя, сыне великаго царя Владимира!» Памятн. Словес. XII в. стр. 231 // Памятники российской словесности XII в., изд. К. Калайдовичем. М., 1821; см. также: Слово Даниила Заточника по редакции XII и XIII вв. Л., 1932. С. 11.

⁶⁰ См. об этом мою статью «О нравах и обычаях, господствовавших в древней Руси, от времен Ярослава I до нашествия монголов». В Чтениях в Императорском Обществе истории и древностей, № 1 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 1.

⁶¹ Лавр. по изд. Арх. Комиссии, стр. 8: «И избравшася 3 братья с роды своими».

⁶² Там же, стр. 9: «И раздая мужем своим грады».

⁶³ Там же.

⁶⁴ Лавр. 13, 20.

⁶⁵ Там же: «Умершу Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, от рода ему суца, въдав ему сын свой на руце Игоря; бысть бо детеск вельми». — Обычай отдавать на руки упоминается и после, напр. под 1197 годом читаем: «Давыд же (Смоленский) столь свой дал сыновцю своему Мьстиславу Романовичю, а сына своего Костянтина в Русь посла, брату своему Рюрикови на руце». Ипатьев. стр. 151.

⁶⁶ Лавр. стр. 12.

⁶⁷ Объяснение выражения: «хожаше по Олзе» находим у Гримма (*Deutsche Rechtsaltert.* стр. 409) // *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer.* Bd I. Cassel, 1828. S. 409; см. также: *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer.* Bd I. Berlin, 1956. S. 565: «Es war Gebrauch des Alterthums, daß in öffentlichem, feierlichem Gang die Frauen voraustraten, die Männer nachfolgten und wiederum, daß die Töchter der Mutter voraus, die Söhne aber dem Vater nach gingen» («В древности существовал обычай, что в публичных праздничных шествиях женщины выступали впереди, мужчины следовали за ними и, с другой стороны, что дочери шли впереди матерей, однако сыновья — позади отцов», *пер. с нем. — Примеч. ред.*).

⁶⁸ Лавр. 10; см. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, примеч. 75.

⁶⁹ Лавр. стр. 12.

⁷⁰ Там же, стр. 19.

⁷¹ Там же, стр. 25.

⁷² Там же, стр. 9.

⁷³ Там же, стр. 10.

⁷⁴ Почему требовались уклады именно на эти города, почему пропущены Белоозеро, Муром, Смоленск? Потому, вероятно, что только в этих городах сидели князья-родичи, а в остальных — простые мужи.

⁷⁵ Лавр. 29.

⁷⁶ Я сказал: не могло быть резкого различия, ибо различие все-таки было, что видно из слов Рогнеды о Владимире: «не хочю розути робичича» (Лавр. 32). Впрочем, даже по принятии христианства резкое различие между законными и незаконными детьми не могло скоро утвердиться: мы знаем, что на Западе незаконность рождения не мешала Арнульфю занять престол Германии, а Вильгельму наследовать отцу своему в Нормандии; у нас Ярослав Галицкий завещал стол свой побочному сыну Олегу мимо законного Владимира; незаконные сыновья Святополка Изяславича называются князьями и получают волости. — Летописец говорит, что Малуша была ключница Ольгина: это однозначно с понятием рабы, ибо, по Русской Правде, вольный человек, привесивший ключ, ставший у кого-нибудь ключником, по этому самому становился холопом обельным. Вероятно, холопство ключника считалось самым лучшим ручательством за бескорыстное отправление его должности.

⁷⁷ И после между князьями был ряд, что боярин отвечает за вину головою, а князь волостью. Ипат. стр. 119.

⁷⁸ Лавр. 32: «И молвяше всегда Ярополку Свенальд: «Поиди на брат свой и прими волость его», хотя отмстити сыну своему».

⁷⁹ Лавр. 32.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Лавр. 32: «Поприрай ми; аще убью брата своего, имети тя хочу во отца места, и многу честь возьмешь от меня; не яз бо почал братью бити», но он «аз же того убоявьяся придох нань».

⁸² Никонов. [Ч.] I, 62 // Русская летопись по Никонову списку. Ч. I. СПб., 1767; см. также: ПСРЛ. Т. IX—XIII. СПб., 1862—1906, ПСРЛ. Т. IX—XIII М., 1965.

⁸³ Лавр. 33.

⁸⁴ Татищ. [кн.] I, стр. 36 и след // *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. I—V. М., 1768—1848; см. также: *Татищев В. Н.* История Российская: В 7 т. М., 1962—1968.

⁸⁵ «Можно ли сказать, чтоб и здесь было что-либо невероятное?—говорит автор «Истории христианства в России».—Ярополк, точно, был сердца мягкого и кроткого, как видно и из летописи препод. Нестора. Склонность к христианству, при таких естественных свойствах, он мог получить во время своего воспитания от благочестивой бабки своей—Ольги; а поддерживать эту склонность и расположенность к христианам могла христианка, похищенная отцом его из какой-то греческой обители и отданная ему в супружество. И не здесь ли объяснение одного довольно необъяснимого в нашей церковной истории события—именно того, что в 1044 году вел. князь Ярослав повелел отрыть кости Ярополка и Олега, окрестить их и положить в церкви Св. Богородицы? Ярослав не имел ли достовернейших сведений, что оба эти дяди его были искренно расположены к христианству и христианам и не крестились только по тесным обстоятельствам?»—История христ. в России, архимандрита Макария, стр. 329 // *Макарий.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. СПб., 1846.

⁸⁶ См. Краледвор. рукопись, Záboj, Slavoj, Ludiek // Краледворская рукопись: Собрание древних чешских эпических и лирических песен / Пер. Н. Берга. М., 1846; Прага, 1851.

⁸⁷ Лавр. стр. 24.

⁸⁸ «В печатном житии Владимира повествуется, что он повелел в это время приводить на поклонение идолам самих христиан, и тех, которые не покорялись его воле, предавать смерти. Посему некоторые из верующих нашли вынужденными скрывать свою веру, другие бежали из Киева, третьи будто бы даже снова обращались к языческому нечестию. Между тем идолопоклонники, пользуясь покровительством вел. князя, разрушили в Киеве все христианские церкви. Не знаем, откуда почерпнуты эти известия св. Димитрием; но только, без всякого сомнения, из источников, прежде него существовавших, и, судя по ходу тогдашних обстоятельств, не содержат в себе ничего несообразного с ними».—[*Макарий.*] Истор. христ. в Рос. стр. 330.

⁸⁹ Иоак [им] у Татищ. I, 40, примеч. 47.

⁹⁰ Лавр., стр. 52.

⁹¹ Там же, стр. 34.

⁹² Татищ. I, 40.

⁹³ Лавр. 57.

⁹⁴ Лавр 34: «От Чехине Вышеслава, а от другое Святослава и Мьстислава».

⁹⁵ Там же, 55: «Преставися Мальфредь. В се же лето преставися и Рогънедь, мати Ярославля».—Ясно, что здесь говорится о двух женщинах, женах Владимира, а Никоновская летопись из женщины Малфреды сделала мужчину Малфреда сильного (I, III). Татищ. II, 87: «Преставися Малфреда, чехиня, мать Святославля».

⁹⁶ Соф. врем. I, 87 (Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. Ч. I, II. М., 1820—1821; см. также: ПСРЛ. Т. V, VI. СПб., 1851—1853; ПСРЛ. Т. V. Л., 1925 — *Примеч. ред.*); Никон. I, 93; Соф. [врем. I,] 80.

⁹⁷ II, Примеч. 191.

⁹⁸ Летопис. содрерж. Рос. истор. от 852—1598 года, стр. 40: «А трех у себя остави: бе бо млади, Станислав, Судислав, Позвизд» // Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852—1598 г. М., 1819; см. также: Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М., 1950.

⁹⁹ II, Примеч. 184.

¹⁰⁰ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 41 и 42.

¹⁰¹ Дитмар прямо говорит, что Владимир оставил престол двоим сыновьям своим, т. е. Борису и Глебу. Кн. VII, 244: «Integritatem haereditatis suae duobus relinquens filius // Thietmari Chronicon a. 919—1018. Lib. VII // Monumenta Germaniae Historica, scriptorum. T. III. Hannoverae, 1839. P. 859.

¹⁰² Дитмар. VII, 244. В нашей летописи сказано только, что Владимир не любил Святополка, Лавр. 33

¹⁰³ Лавр. 56: «Умре же (Владимир) на Берестовем, и потаише и, бе бо Святополк Кыеве».

¹⁰⁴ Там же. 60.

¹⁰⁵ Лавр. 57.

¹⁰⁶ Там же, 60: «И нача помышляти: «Яко избью всю братью свою, и приму власть Русьскую един»».

¹⁰⁷ Лавр. 61: «О люба моя дружина, юже вчера' избих, а ныне быша надобе».

¹⁰⁸ Там же: «Аще, княже, братья наша исечена суть, можем по тебе бороти»

¹⁰⁹ Там же: «Зане без вины проляя кровь Борисову и Глебову праведною: еда и мне сице створить».

¹¹⁰ Лавр. 61.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Новгород. перв., стр. 1 // ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841; см. также: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

¹¹³ Никон. I, 125.

¹¹⁴ Лавр. 62.

¹¹⁵ Лавр. 62, 63. Первоначальное сравнение братоубийцы Святополка с братоубийцею Каином распространено после и украшено с нравственной целью в урок последующим князьям русским, раздиравшим землю усобицами: «Се же Бог показа на наказанье князем русьским да аще еще сице же створят, се слышавшие, ту же казнь примут, но и болши сея, понеже ведая се, створить также злоубийство».

¹¹⁶ Лавр. 63.

¹¹⁷ Там же, 64, 65.

¹¹⁸ Татишев (II, 102) говорит, что он и требовал и что Ярослав дал ему Муром, но Мстислав не был доволен.

¹¹⁹ Лавр. 64.

¹²⁰ Лавр. 65.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же, Псков. стр. 5 // Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских при Московском университете М. Погодиным. М., 1837; см. также: Псковские летописи / Под ред. А. Н. Насонова. Вып. 2. М., 1955: «Разгнеवासя Ярослав в [еликий] к [нязь] на меньшого брата своего Судислава, и всади его в поруб в Плескове в темницу до живота своего, оклеветан бо бе». Оклеветан, след., в каких-нибудь замыслах.

¹²³ Кенигсберг. стр. 186: «И созва (Владимир) бояры и поведа им; они же рекоша: «Уже не уби ея (Рогнеды) дитяти деля сего, но воздвигни отчину ея, и дай ей со сыном своим». Владимир же устрои город и да има»; и проч.

¹²⁴ Кто отделяется от семейства, тот теряет и право свое на семейное имущество, которое достается оставшимся в семействе... Кто жил в своем семействе, тот имел право на семейное имущество, кто же отделился, тот становился ему чужим и терял всякое право на общее имение.— История древнего наследственного права у славян Иосифа Губе, в Сборнике исторических и статистических сведений о России, изд. Д. В[алуевым]. стр. 68, 81 // Губе И. История древнего

наследственного права у славян // Сборник исторических и статистических сведений о России. Т. I. М., 1845.

¹²⁵ Карамз. т. II, примеч. 50 // Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I—XII СПб., 1816—1829; см. также: Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 1—5. М., 1989—1993 (издание продолжается); Карамзин Н. М. История государства Российского: В 3 кн. М., 1988.

¹²⁶ т. II, гл. IV.

¹²⁷ Никон. II, стр. 29.

¹²⁸ II, стр. 106.

¹²⁹ Кенигсб. 115: «Преставись Вячеслав, сын Ярославль, в Смоленске, и посадиши Игорь в Смоленску, из Володимира выведиши».

¹³⁰ Кенигсб. 113, 114. Лавр. 69.

¹³¹ Кенигсб. 157. Лавр. 112.

¹³² Карамз. т. II, примеч. 50.

¹³³ Кенигсб. стр. 147.

¹³⁴ Соф. врем. I, стр. 161.

¹³⁵ II, 117.

¹³⁶ Ипатьев. 100: «Вниде Ярослав в Киев, и седе на столе деда своего и отца своего. Святослав же нача слати к Ярославу с жалобою, река ему: «На чем еси целовал крест, а помяни первый ряд: рекл бо еси, оже я сяду в Киеве, то я тебе наделю, паки ли ты сядеши в Киеве, то ты мене надели; ныне же ты сел еси, праволи, криволи — надели же мене». Он же нача ему молвити: «Чему тебе наша отчина? Тобе си сторона не надобе». Святослав же нача ему молвити: «Я не угрин, ни лях, но одиного деда есми внуци, а колко тебе до него, толко и мне; аще не стоишь в первом ряду, а волен еси!». Стр. 146: «Сослався Рюрик со Всеволодом, сватом своим, и с братом своим Давыдом, послаша мужи своя к Ярославу, и ко всем Олговичем, рекше ему: «Целуй к нам крест со всею своею братьею, како вы не искати отчины нашае Киева и Смоленьска, под нами, и под нашими детми, и под всем нашим Володимирим племенем: како нас разделил дед наш Ярослав по Днепре, а Киев вы не надобе». И Олговичи же сдумавше и пожалиша себе, рекше ко Всеволоду: «Ажь ны еси вменил Киев, то же ны его блюсти под тобою и под сватом твоим Рюриком, то в том стоим; аж вы лишитися его велишь отъинудь, то мы есмы не угре, ни ляхове, но одиного деда есми внуци, при вашем животе не ищем его, ажь по вас, кому Бог даст»».

¹³⁷ Кенигсб. 133, Лавр. 92. Здесь ясно видно позднейшее сочинение, когда уже один из Ярославичей овладел Киевом насильством.

¹³⁸ Кенигсб. 115. Лавр. 70.

¹³⁹ Лавр. 70: «Бежа Ростислав Тмутараканю, сын Володимирь, внук Ярославль, и с ним бежа Порей и Вышата, сын Остромирь воеводы новгородскаго». Кенигс. 106: «Бежа Ростислав Тмутороканю». Соф. врем. I, 158: «Бежа Ростислав Тмутороканю, сын Володимирь, внук Ярославль, и с ним бежа Порей Вышата, сын Остромирь, воеводы новгородьского». В Воскр. I, 191 (Русская летопись с Воскресенского списка. Ч. I, II. СПб., 1793—1794; см. также: ПСЛР. Т. VII, VIII СПб., 1856—1859.— Примеч. ред.) также нет, откуда бежал; но так как во всех списках помещено, что с Ростиславом бежал Вышата, сын воеводы новгородского, то в некоторых прибавлено: из Новгорода, см. Никон. I, 152. Но любопытно, что в Новгородской летописи нет известия о бегстве Ростислава из Новгорода. Татищ. II, 117: «Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославль, которому по смерти отцовою дан был во владение Ростов и Суздаль, а по смерти Игоря переведен дядьями во Владимир на Волынь, и не хотя тем доволен быть, пришед взял Тмутаракань, а Глеба сына Святослава выгнал, с ним же были Порей и Вышата дети Стромилы Новгородского».

¹⁴⁰ Лавр. 71. Соф. врем. I, 159: «И пришед, выгна Глеба из Тмутаракани, а сам седе в него место. Иде Святослав на Ростислава, Ростислав же отступи кроме града, не убоясь его, но не хотя противу стрьеви своему оружию взяти; Святослав же пришед Тмутаракани, и посади сына своего Глеба, и възвратися опять. Ростислав же пришед паки выгна Глеба, а сам седе Тмутаракани; и прииде Глеб к отцу своему».

¹⁴¹ Лавр. 71. Соф. врем. I, 159: «Ростиславу сушу в Тмуторокани, и емлюще дань у Касог и иных стран, сего убояшася Греци» и проч. Татищ. II, 119: «Княгиня же его (Ростиславова), уведав о сем (след., оставалась во Владимире или, по крайней мере, не была вместе с мужем), хотела и с детьми в Венгры к отцу отъехать, но Изяслав в. князь детей ей не дал, а самой ехать не воспретил». — Вот почему Ростиславичи после говорили Святополку Изяславичу. «По смерти отца нашего мы хотя малы остались, но отец твой и Святослав, помня свою к отцу нашему роту, Владимира у нас не отнимали». Татищ. II, 189.

¹⁴² Летописец (Кениг. 185, 186) приписывает эту ненависть тому, что Изяслав был выделен отцом, почему он и потомство его потеряло право на общую родовую собственность, доставшуюся Ярославичам: «Володимир же устрои город и да има (Рогнеде с Изяславом), и нарече имя граду тому Изяславль, и оттоле меч взимают Роговоложи внуцы противу Ярославлим внуком». Здесь нельзя думать, что Изяславичи полоцкие ненавидели Ярославичей, мстя за деда своего Роговолода и мать, потому что и Ярослав был также от Рогнеды, след. Ярославичи также внуки Роговолоды.

¹⁴³ Новгород. перв. стр. 2. «Приде Всеслав и възя Новгород, с женами и с детьми; и колоколы съима у святыя Софие, о велика бяше беда в час тыи! И понекадила съима».

¹⁴⁴ См. Слово о Полку Игореве // Слово о полку Игореве. М., Л., 1950, Кенигсб. стр. 117. Лавр. 72.

¹⁴⁵ Кенигсб. стр. 117 и 118. Лавр. 72.

¹⁴⁶ Ипатьев. стр. 119, 133: «Себо на ны Бог попусти поганых, и не яко милуя их, но нас кажа; се бо есть батог его».

¹⁴⁷ Кенигсб. стр. 115.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Соф. врем. I, 162.

¹⁵⁰ Кенигсб. стр. 118, 119.

¹⁵¹ Слово о полку Игореве.

¹⁵² Кенигсб. стр. 119, 120, 121.

¹⁵³ Там же, стр. 126, 127.

¹⁵⁴ Слово о полку Игореве.

¹⁵⁵ Кенигсб. стр. 121. Новгород. перв. стр. 2: «Опять приде Всеслав к Новгороду; новгородци же поставиша пълк противу их, у Зверинця, на Къземли, и пособи Бог Глебу князю с новгородци». — Каким образом Глеб Святославич попал в Новгород? Карамзин (II, примеч. 118) на основании летописи XV в. (в Синодал. библиот. № 349 // Государственный Исторический музей. Синодалное собрание), где сказано: «В Новгороде Изяслав посади сына своего, Мьстислава и победиша и на Черехе, и бежа к Киеву, и по взятии града преста рать», догадывается, что Мстислав, будучи побежден Всеславом, ушел в Киев; и точно, мы видим его на юге: он разделяет изгнание отца, его Изяслав посылает прежде себя для наказания киевских возмутителей. Вероятно, Изяслав после этого уступил такое отдаленное и опасное владение Святославу, который и послал туда своего сына Глеба, лишенного Тмуторакани.

¹⁵⁶ Кенигсб. 122: «Воздвиже дьявол котору в братьи сей Ярославичех, бывши распри межи ими».

¹⁵⁷ Там же. 122, 123. «Святослав же бе начало выгнанию Изяславлю, желая большая власти; Всеволода бо прельсти, глаголя: «Яко Изяслав сватается со Всеславом, мысля на него, аще его не важиве, иматъ нас прогнати, и так возостри Всеволода на Изяслава». Вообще мы должны с большою осторожностью верить обвинениям летописца из Святослава, ибо нам известно, какую вражду питали киевляне к его роду и какую любовь — к роду Всеволода.

¹⁵⁸ Кенигсб. 123. «Изяслав же иде в ляхи с именем многим, глаголя: «Яко сим налезу воя» еже все възяха ляхове у него, и показаша ему путь от себя». — Что ляхи взяли не все, доказывают дары, поднесенные Изяславом императору; что взяли однако, доказывает письмо папы к королю.

¹⁵⁹ Карамз. II, примеч. 128.

¹⁶⁰ Карамз. II, примеч. 129.

¹⁶¹ Кенигсб. 123. «Прийдоша послы из немец ко Святославу; Святослав же величашася показа им богатство свое; они же видевшя безчисленное множество злата и сребра, и паволоки, и реща: «Се ни во что же есть, лежить бо мертво; сего суть кметие лучше, мужи бо ся доишут и болши сего»».

¹⁶² Никон. I, 173: «Сиде ся похваля Иезекий царь иудейский Навходносору царю асирийску, его же вся взята бывша в Вавилон; тако и по его смерти вся имения разсыпашась розно».

¹⁶³ Сравни прежние слова летописи об Изяславе: «Изяслав же иде в ляхи со именем многим, глагола «яко сим налезу воя»».

¹⁶⁴ См. общую формулу для похвалы добрым князьям в статье: «О нравах и обычаях в древней Руси», в Чтениях Императорского Общества истории и древностей российских 1846 г. № 1.

¹⁶⁵ Письмо папы Григория VII к Изяславу, в Актах, собранных Тургеневым, т. I, № 1 // Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым. Т. I, II. СПб., 1841—1842: «Filius vester limina apostolorum visitans ad nos venit, et quod regnum illud dono Sancti Petri per manus nostras vellet obtinere, eidem beato Petro apostolorum principi debita fidelitate exhibita, devotis precibus postulavit, indubitanter asservans illam suam petitionem vestro consensu ratam fore, ac stabilem, si apostolicae auctoritatis gratia ac munimine donaretur. Cujus votis et petitionibus, quia justa videbantur, tum ex consensu vestro, tum ex devotione poscentis tandem assensum praebuimus, et regni vestri gubernacula sibi ex parte beati Petri tradidimus, ea videlicet intentione atque desiderio charitatis, ut beatus Petrus vos et regnum vestrum omniaque vestra bona sua apud Deum intercessione custodiat, et cum omni pace, honore quoque et gloria idem regnum usque in finem vitae vestrae tenere vos faciat, et hujus militiae finito cursu, impetret vobis apud supernum regem gloriam sempiternam. Quin etiam nos paratissimos esse, noverit vestrae nobilitatis serenitas, et ad quaecumque justa negotia hujus sedis auctoritatem pro sua necessitate petierit, proculdubio continuo petitionum suarum consequetur effectum. Praeterea ut haec et alia multa quae litteris non continentur cordibus vestris arctius infingantur, missimus hos nuncios nostros quorum unus vester notus est et fidus amicus, qui et ea quae litteris sunt, diligenter vobis exponet, et quae minus sunt viva voce explebunt. Quibus pro reverentia beati Petri, cujus legati sunt, vos mites et affabiles praebeatis, et quicquid vobis dixerint ex parte nostra patienter audiat, atque indubitanter credatis, et quae ibi ex auctoritate apostolicae sedis negotia tractare voluerint et statuere nullorum malo ingenio turbare permittatis, sed potius eos sincera charitate favendo juvetis. Omnipotens Deus mentes vestras illuminet, atque per temporalia bona faciat vos transire ad gloriam sempiternam. Data Romae quintodecimo Kalendas Maij indictione tertia decima (1075)» («Взойдя на пороги апостольские, явился пред нами сын ваш, желающий принять правление из рук наших как дар св. Петра. И сему блаженному Петру, князю апостолов, подобающе высказав свою верность, обратился он с покорными просьбами, уверяя, что правление сие будет одобрено вашим согласием, и что власть, если даруют ее милость и покровительство апостольские, стоять будет прочно. Сочтя справедливыми просьбы его и прошения, как ввиду согласия вашего, так и вследствие преданности просящего, мы выразили свое одобрение и передали ему из удела блаженного Петра кормило правления вашего, дабы сей блаженный Петр сохранил и ваше владение, и все достойные ваше своим пред Богом заступничеством и дабы дал он вам держать ваше владение в мире, в чести и славе, а по скончании вашего служения да вымолит он вам у небесного Царя вечную славу. И да знает ваша благочестная светлость о нашей всегдашней готовности ей услужить, так что, с какими бы праведными делами ни прибегла она, побуждаемая нуждою, к суду престола сего, на все таковые прошения воспоследует незамедлительный ответ и помощь. И дабы все сие, а также прочее иное, в письме не изложенное, в сердцах ваших надежнее впечатлелось, послали мы сих нунциев наших, из коих один — знакомец ваш и верный друг; оные же не одно лишь то вам изложат, что содержит письмо, но и прочее растолкуют изустно. И да будете вы с ними ласковы и приветливы, почитая блаженного Петра, коего они суть посланцы. И все что бы те

от имени нашего ни говорили, то терпеливо выслушайте и верьте тому, не колеблясь. И какие бы дела они ни пожелали там решать и вершить, никому не позволяйте по неразумию чинить им помехи, но скорее благотворствуйте им искренне и с любовью. Да просветит ваши помыслы всемогущий Бог и да возведет Он вас от благ переходящих к славе вечной. Дано в Риме в день 15-й от майских календ 13-го индиктиона (1075)», *пер. с лат.—Примеч. ред.*

¹⁶⁶ Там же, № 2.

¹⁶⁷ Союз был заключен Мономахом, см. Лавр. стр. 103. О походе см. там же, равно Кенигсб. 123.

¹⁶⁸ II, 130.

¹⁶⁹ После вторичного изгнания Изяслава Всеволод получил Чернигов; так следовало, потому что Чернигов был старшим столом после Киева (см. Степен. кн. I, 235 // Книга Степенная царского родословия, содержащая историю Российскую с начала оных до времен государя, царя и великого князя Иоанна Васильевича, изд. Г. Ф. Миллером. Ч. I, II. М., 1775; см. также: ПСРЛ. Т. I—2. СПб., 1908—1913), и Святослав, заняв последний, должен был отдать Чернигов старшему по себе; след., нет никакого основания отвергать известие Татищева об этом (II, 127).

¹⁷⁰ Что был выгнан Мономахом, говорит один Татищев (II, 131). Но кем же другим? Татищев называет Бориса Святославичем: здесь он введен в заблуждение некоторыми списками летописи; из дошедших до нас эта ошибка находится в Софийском, стр. 137. Где был прежде Борис, летописи не говорят, один Татищев говорит, что в Вышграде (II, 127).

¹⁷¹ См. мое исследование «Об отношениях Новгорода к в. князьям», примеч. 105.

¹⁷² Лавр. 103: «и Олег приде (в Чернигов) из Володимеря выведен».

¹⁷³ Всеслав опять приступал к Новгороду тотчас по смерти Святослава. См. духов. Мономаха, 32, 33 // Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученьем. СПб., 1793; см. также: ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846; ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Л., 1926.

¹⁷⁴ Кенигсб. 124.

¹⁷⁵ Духов. Моном. 33; Кенигсб. 124.

¹⁷⁶ Кенигсб. 124, 125, 126.

¹⁷⁷ Ипатьев. 13.

¹⁷⁸ Кенигсб. 126: «Бе же Изяслав муж взором красен, телом велик, незлобив нравом, крива ненавня (а между тем обманом и клятвопреступлением захватил Всеслава), любя правду, клюки же в нем не бе, ни лъсти, но прост умом, не воздая зла за зло; колико бо ему сотвориша кияне, самого выгнаша, а дом его разграбиша, и не возда противу тмоу зла».

¹⁷⁹ Лавр. 92.

¹⁸⁰ Там же: «Се же Кыеве княжа, быша ему печали болше, паче неже сядящу ему в Переяславли. Седашю бо ему Кыеве, печаль бысть ему от сыновець своих яко начаша ему стужати, хотя власти, ов сея, ов же другое; се же смиривая их, раздаваше волосте им. В сих печали всташа и недужи ему, приспеваше старость к сим»).

¹⁸¹ Лавр. 93.

¹⁸² Там же, 87.

¹⁸³ Так говорю я на том основании, что по кончине Всеволода и по принятии киевского стола Святюполком в летописи сказано, что Мономах возвратился в Чернигов, а Ростислав в Переяславль. Лав. 93.

¹⁸⁴ Лавр. 103.

¹⁸⁵ II, 130.

¹⁸⁶ Лавр. 87. Причину убийства приводит один Татищев. II, 136.

¹⁸⁷ Кенигсб. 127.

¹⁸⁸ Лавр. 87: «Всеволод же посади посадника Ратибора Тмуторакани».

¹⁸⁹ Там же: «Бежа Игоревич Давыд с Володарем Ростиславичем, месяца мая 18 день, и придоста Тмуторакани».

¹⁹⁰ Там же, 88: «Приде Олег из Грек Тмуроканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и седе Тмурокани; и сече козары, иже беша светници на убьенье брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти».

¹⁹¹ Там же: «Приходи Ярополк ко Всеволоду на Велик день. В се же время выбегоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка; и посла Всеволод Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери».

¹⁹² Олесье, теперь Алешки, соответствующее Геродотовой: ὀλιχά.

¹⁹³ Кенигсб. 128: «Давыд зая гречники в Олешьи, и зая у них все имение; Всеволод же посла приведе и, и дасть ему Дорогобуж».

¹⁹⁴ Лавр. 88: «Ярополк же хотяше ити на Всеволода, послушав злых советник; се уведа Всеволод, посла противу ему сына своего Володимера, Ярополк же оставив матерь свою и дружину Лучьске, бежа в Ляхы. Володимеру же пришедшо Лучьску, и вдашася лучане; Володимер же посади Давыда Володимери, в Ярополка место».

¹⁹⁵ Лавр. 88.

¹⁹⁶ Там же, 88 и 89: «Многы беды прим, без вины изгоним от братья своя, обидим, разграблен, прочее и смерть горькую прият... моляше Бога всегда, глаголя: «Господи Боже мой! Приими молитву мою, и даждь ми смерть, якоже двема братома моима Борису и Глебу»... его же прошенья не лиши его бламый Бог».

¹⁹⁷ Лавр. 109: «Давыд же емь веру лживым словом, нача молвити на Василка, глаголя: «Кто есть убил брата твоего Ярополка? А ныне мыслить на мя и на тя»». Что Ростиславичи являются главными участниками в убийстве Ярополка, объясняется тем, что они прежде были в явной войне с ним и потому не могли надеяться, чтоб он теперь оставил их спокойно владеть в Червенских городах.

¹⁹⁸ Лавр. 89: «В се же лето ходи Всеволод к Перемышлю».

¹⁹⁹ Таково было последнее распоряжение Всеволода; на нем основываются князья при Любечском съезде.

²⁰⁰ Лавр. 87: «И възвратися Роман с половци вспять, и убиша и половци месяца августа 2 день, суть кости его и доселе тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля».

²⁰¹ Там же. 102: «Всегоже паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его; аще будет повинен смерти, а душа не погубяете никакая же хрестьяны».

²⁰² Лавр. 100: «Устреташа бо мя слы от братья моя на Волзе, реша: «Потеснися к нам, да выженем Ростиславича и волость их отъемем; иже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе» и рех: «Аще вы ся гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити»».

²⁰³ Есть известие, что киевляне по смерти Всеволода просили Мономаха быть у них князем. Татищ. II, 116.

²⁰⁴ Лавр. 93: «Володимер же нача размышляти, река: «Аще сяду на столе отца своего, то имам рать с Святополком взяти, яко есть стол прежде от отца его был. И размыслив посла по Святополку Турову, а сам иде Чернигову, а Ростислав Переяславлю»». — Эти слова показывают, что ему было предложение от киевлян, и след. Татищев прав.

²⁰⁵ Там же: «В се время поидоша половци на Русьскую землю, слышавше, яко умерл есть Всеволод, послаша слы к Святополку о мире. Святополк же не сдумав с болшею дружиною отнею и строя своею, но съвет створи с пришедшими с ним, изымав слы всажи и в истобьку; слышавше же се половци, почаша воевати. И придоша половци мнози, и оступиша Торцийский град. Святополк же нача сбирати вое, хотя на не. И реша ему мужи смыслени: «Не кушайся противу им, яко мало имаши вои». Он же рече: «Имено отрок своих 800, иже могут противу им стати». Начаша же друзии несмыслени глаголати «пойди, княже». Татищев (II, 147 и 151) говорит, что Святополк не хотел мира с половцами от скуности, ибо должен был дать им дары; и напоследок, чтоб не купить мира дарами,

придумал другое средство повыгоднее, и женился на дочери хана их Тугоркана. Если мы сообразим другие поступки Святополка, то поверим Татищеву.

²⁰⁶ Обо всем этом см. в Печерском Патерике // Печерский Патерик. Киев, 1783; см. также: Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911.

²⁰⁷ Лавр. 115: «Святополк же посади в Володимери Мстислава, иже бе ему от наложнице».

²⁰⁸ Татищ. II, 211.

²⁰⁹ Лавр. 104; 96: «Приде Олег с половци, из Тьмутороканя приде Чернигову, Володимер же затворися в граде, Олег же приде к граду и поже около града и монастыре поже, Володимер же створи мир с Олгом, и иде из града на стол отень Переславлю, а Олег вниде в град отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбранящю, бе бо сам повелел им воевати. Се уже третьи наведе поганья на землю русьскую; его же греха дабы и Бог простил, занеже много хрестьян изгублено бысть, а другии полонени и расточени по землям».

²¹⁰ См. выше.

²¹¹ II, 157.

²¹² Лавр. 97, 98: «Иде Давыд Святославичь из Новгорода Смоленську; Новгородци же идоша Ростову по Мьстислава Володимерича, поемши ведоша и Новугороду, а Давыдови рекоша: «Не ходи к нам»; пошел Давыд, воротися Смолинську и седе Смолинське, а Мьстислав Новегороде седе. В се же время приде Изяслав, сын Володимерь, из Курска к Мурому; прияша и муромци, и посадника я Олгова».

²¹³ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 55, примеч. 106.

²¹⁴ Лавр, стр. 97.

²¹⁵ Там же, 98.

²¹⁶ См. письмо Мономаха к Олегу, при Духов[ной] стр. 48 и след.

²¹⁷ Лавр. 98.

²¹⁸ См. письмо Мономаха к Олегу. След., Татищев прав, II, 159.

²¹⁹ Лавр. 98: «Бысть межю ими брань люта, и стояша около града дний 30 и 3, и изнаемаху людя в граде. И вылезе Олег из града, хотя мира, и власта ему мир, рекъше сице: «Иде к брату своему Давыдови, и придита Киеву на стол отень наших и дед наших, яко то есть старейшей град в земли во всей Киев, ту достойно снятися и поряд положить»; Олег же обещаая се створити, и на сем целоваша крест».

²²⁰ Садиться на один ковер для рассуждения о делах было в обычае у родичей. Лавр. 116.

²²¹ Лавр. 109: «Придоша Святополк, Володимер, Давыд Игоревичь, и Василко Ростиславичь, и Давыд Святославичь, и брат его Олег, и сняшася Любичи на устроенье мира, и глаголаша к собе, рекуще: почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще? А половци землю нашу несутъ розно, и ради суть, оже межю нами рати; да ноне отселе имемъся в едино сердце и блюдемъ русьские земли».

²²² Вместе с областью Смоленскою и Ростовскою. В Смоленске был посажен Святослав Владимирович, умерший в 1114 году, Ипатьев. 4.

²²³ Там же.

²²⁴ Он умер в 1092 году.

²²⁵ Лавр. 113: «И нача ми глаголати (Василко какому-то Василию, которого рассказ внесен в летопись): «Се слышно, оже мя хочеть дати ляхом Давыд; то се мало ся насытил крове моя, а се хочеть боле насытитися, оже мя вдасть им, аз бо ляхом много зла творих (см. Лавр. 92), и хотел есмь створити и мстити Русьской земли (отомстить за поход Болеслава), и аще мя вдасть ляхом, не боюся смерти; но се поведаю ти: по истине яко на мя Бог наведе за мое возвышенье, яко приде ми весть, яко идуть ко мне берендичи, и печенези, торци, и рекох в уме своем: оже ми будутъ берендичи и печенези и торци, реку брату своему Володареви и Давыдови: дайта ми дружину свою молодшую, а сама пейта и веселитася;

и помыслих: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лето и возму землю Лядскую, и мыщу Русьскую землю; и посем хотел есм переяти болгары дунайские, и посадити я у себе; и посем хотех проситися у Святополка и у Володимера ити на половци, да любо налезу себе славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю».

²²⁶ Лавр. 109: «И приде Святополк с Давыдом Киеву, и ради быша людье вси; но токмо дьявол печален бяше о любви сей, и влезе сотона в сердце некоторым мужем, и почаша глаголати к Давыдови Игоревичу, рекуще сице: «Яко Володимер сложился есть с Василком на Святополка и на тя». Лавр. 113: «Ве не придохове (говорят Ростиславичи владимирцам) на град ваш, ни на вас, но на врагы своя, Туряка, и на Лязяря, и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда, и тех есть послушал Давыд и створил се зло».

²²⁷ Там же, 109: «И на том целоваша крест, «да аще кто отसे на кого будеть, то на того будемь вси и крест честный», рекоша вси: «Да будет нань крест честный и вся земля Русьская».

²²⁸ Лавр. 110: «И реша бояре и людье: «Тебе княже достоить блюсти головы своея; ад еще есть право молвил Давыд, да примет Василко казнь; ащели не право глагола Давыд, да примет месть от Бога и отвечает пред Богом». И уведеша игумени, и начаша молитися о Василке Святополку; и рече им Святополк: «Ото Давыд».

²²⁹ Лавр. 111, 112.

²³⁰ Лавр. 114: «Святополк же прогнав Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глагола: «Яко се есть волость отца моего и брата».

²³¹ Там же: «Давыд затворися в граде, чая помощи в лясехе. Беша бо ему рекли: «Яко аще придут на тя русские князи, то мы ти будем помощники»; и солгаша ему, емлюше злато у Давыда и у Святополка».

²³² Там же, 115.

²³³ Лавр. 116, 117.

²³⁴ Племянник его Мстислав ушел варяжничать на море (Лавр. 116), но после возвратился и ходил с нашими князьями на половцев.

²³⁵ Святополку скоро удалось отделаться от племянника Ярослава Ярополчича, князя брестского. Ярослав преждевременною смертию отца был также исключен из владения родовою собственностью; несмотря, однако, на обычай, подобно всем исключенным князьям не довольствовался одним Брестом, но имел притязания на всю отчину свою, т. е. Волынь, и хотел оружием поддержать эти притязания. Святополк взял его в плен и в окопах привел в Киев; упрощенный духовенством, в князь снял оковы с племянника, оставя его в Киеве; но Ярополчич нашел средство убежать из этого города, однако был схвачен двоюродным братом Ярославом и заключен вторично в оковы.— Лавр. 117. У него остался другой брат Вячеслав.— Лавр. 118.

²³⁶ Лавр. 416, 417: «И тогда послаша слы своя к Володареви и к Василкови: «Поими брата своего Василка к себе, и буди ваю едина власть, Перемышль; да аще любо, да седита, аще ли ни, да пусти Василка семо, да его кормим зде, а холопы наша выдайта и смерды». И не послуша сего Володарь, ни Василко».

²³⁷ Ипатьев. 4: «И плакашися по нем бояре и дружина его вся».— И только, о духовенстве и остальном народонаселении ни слова, несмотря на то, что Святополк отличался наружным благочестием: «так бо обычай имяше Святополк: коли идаше на войну, или инамо, поли поклонивься у гроба Феодосьева и молитву взем у игумена, ту сущаго, то же идяше на путь свой». Лавр. 120.

²³⁸ Там же: «Княгини же его много раздели богатство монастырем и попам и убогим, ако дивитися всем человеком, яко такая милости никто же может створити».

²³⁹ Татищев. II, 212.

²⁴⁰ Ипатьев. 4.

²⁴¹ Лавр. 118: «И послата ко Олгови и Давыдови, глаголюща: «Поидита на половци, да любо будем живи, любо мертви». И послуша Давыд, а Олег не всхоте сего, вину река: «Не сдравлю»».

²⁴² Там же, стр. 7: «Приходи Володимер на Глеба: Глеб бо бяше воевал дреговичи и Случеск пожег, и не каешься о сем, ни покоряешься, но боле противу Володимеру глаголаше, укоряя и». Лавр. 104: «и потом к Меньску ходихом на Глеба, оже ны бяше люди заял».

²⁴³ Ипатьев. 7: «И нача ся молити Глеб Володимеру, шля от себе послы; Володимер же съжалиси тем, оже противашеться кровь в дни постынья великого поста, и власть ему мир; Глеб же, вышед из города с детьми и дружиною, поклонися Володимеру, и молвиша речи о мире, и обещася Глеб по всему послушати Володимера. Володимер же, смилив Глеба и наказав его о всем, власть ему Менеск, а сам възвратися Киеву».

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Лавр. 118.

²⁴⁶ Ипатьев. 4.

²⁴⁷ Другая сестра его, Предслава Святополковна, была замужем за сыном Коломановым.

²⁴⁸ Ипатьев. 8: «Иде Володимер на Ярослава к Володимерю, и Давыд Ольговичь, и Володарь, и Василко, и оступиша и у городе Володимери, и стояша дний шестдесят, и створи мир с Ярославом, Ярославу покорившюся и вдарившю челом перед стрьем своим Володимером; и наказав его Володимер о всем, веля ему к собе приходити, «когда тя позову», и тако в мире разидошася каждо в свояси».

²⁴⁹ Никон. II, 53.

²⁵⁰ Лавр. 104: «И потом ходихом к Володимерю на Ярославця, не терпяче злоб его».

²⁵¹ Ипатьев. 8: «Посла Володимер Андрея с погаными на ляхы, и повоеваше е».

²⁵² Там же.

²⁵³ Там же, 9.

²⁵⁴ Ипатьев. 9.

²⁵⁵ Он родился в 1104 году, Лавр. 119.

²⁵⁶ Лавр. 130, 131.

²⁵⁷ Жена Святополка умерла в 1124 году, Лавр. 129.

²⁵⁸ Ипатьев. 15.

²⁵⁹ Олег умер в 1115 году. Ипатьев. 7; Давыд в 1122, там же, 9.

²⁶⁰ Ипатьев. 11.

²⁶¹ Ипатьев. 4. г. 1114: «Посади сына своего Святослава в Переяславле, и Вячьслава у Смоленьске».—г. 1115: «преставися Святослав, сын Володимерь, и положен бысть в Переяславле, ту бо отец ему дал стол выведы и из Смоленьска».

²⁶² Курск был отнят у Черниговских. Мономаховичи посадили здесь храброго Изяслава, дабы он препятствовал соединению Ольговичей с половцами. Лавр. 130: «Мстислав же с Ярополком совокуписта во е, хотяще ити на Всеволода про Ярослава; и Всеволод послася по половце. И приде их 7 тысящ со Селуком и (с Ташем), и стаха у Ратьмире дубровы за Вырем. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша их опять, Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадил Курьске».

²⁶³ Всеволодка Давыдович, внук Игоря Ярославича, за ним была дочь Мономаха. Догадка Карамзина.

²⁶⁴ Карамзин (т. II, гл. VIII) думает, что это сын Ярослава Святополковича, бывшего князя владимирского: Ярослав женился в 1112 году (Ипатьев. 3); положим, что Вячеслав был первенец и родился через год—и тогда в 1127 году ему было только 14 лет! Впрочем, в это время князей водили в походы очень молодыми.

²⁶⁵ Лавр. 130.

²⁶⁶ Там же, 131.

²⁶⁷ Ипатьев. 15: «зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли е зовяшеть в Русскую землю в помощь, но паче молвяху Бонакови шелудивому во здоревье,

и про се ся Мьстислав разьгневался на не и хотяше на ня ити, но не лзе бо бошеть ити, зане бяху бо тогда налегли половци на Русь, и тому стояшеть бься с ними ся перемагаеся. И упорозьняся Мьстислав от рати, и помяну, первей посла по кривитьстен князе, по Давыда, по Ростислава и Святослава и Рогьволодича два, и усажа у три людьи и потоми й Царю-граду, за неслушание их, а мужи свои посажа по городом их».

²⁶⁸ Ипатьев. 12: «Преставися благоверный князь Мстислав, Володимер сын, оставив княжение брату своему Ярополку, ему же и дети свои с Богом на руде предасть».

²⁶⁹ Лавр. 132.

²⁷⁰ Ипатьев. 10: «Ольгович Всеволод я стрья своего Ярослава Чернигове, изъехав й, а дружину его изсече и разьграби.. Мьстиславу бо боли належашу на Всеволода... Всеволод же нача ся молити Мьстиславу, и бояры его подьзчивая и дары дая, моляшеться им; и тако пребысть все лето до зимы. И прииде Ярослав из Мурома к Мьстиславу, клняся ему моляшеться, река: «Хреть еси целовал ко мне, пойди на Всеволода».—Всеволод же болма моляшеться Мьстиславу. Бяшеть бо в ты дни игумень святого Андрея Григорий, любимь бо бе преже Володимером, чтен же ото Мьстиславу и ото всех людей, тог бо не владыше Мьстиславу встати ратью по Ярославе, река: «Тоти менше есть, онже переступив хретьное целование на рать не встанешь, неже кровь пролити хретьяньскую». И с въкупивше сбор иерейский, митрополита же в то время не бяше, и рекоша Мьстиславу: «На ны будеть тот грех». И створи волно их, и съступи хреста Мьстислав к Ярославу, и плакался того вся дни живота своего».

²⁷¹ Лавр. 132: «Ярополк приведе Всеволода Мстиславича из Новгорода, и да ему Переяславль по хретьному целованью, акоже ся бяше урядил с братом своим Мстиславом, по отчю повеленью, акоже баше има дал Переяславль с Мстиславом».

²⁷² См. предыдущее примечание. След., Мстислав считался князем переславским, а жил только в Белгороде, чтоб быть поближе к Киеву, на случай отцовской смерти, и еще, вероятно, для того, чтоб стоять настороже против покушений Ярослава Святополчича из Владимира.

²⁷³ Новгород. пер. 6.

²⁷⁴ Лавр. 132, Ипатьев. 12.

²⁷⁵ Лавр. 132, Ипатьев. 12. «И седе Гюрги дний 8, и выведе и Ярополк хретьнаго ради целованья, и посла по другаго Мстиславича в Полтеск, и приведе и с клятвою». В Никон. (II, 66) все перепутано.

²⁷⁶ Там же: «Полочане же рекша: «Лишается нас», и выгнаша Святополка». О последнем см. Арцыбаш. Повеств. о России, т. I, кн. II, стр. 74, примеч. 451 // *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. I—III. М., 1838—1843.

²⁷⁷ Лавр. 132, Ипатьев. 12. «Видев же то Ярополк, уладися с братьею и да Переяславль Вячеславу, а Изяслава выведе с нукою; тое же зимы даша Изяславу Туров и Пинск к Меньску, то бо башеть его осталось передьние волости его; и тако хреть целоваша, и поча лишатися Вячеслав Переяславля, и дошед Городица воротися опять. В лето 6642 выиде Вячеслав из Переяславля, и иде опять Турову, не послушав брата своего Ярополка. В лето 6643 Георгий князь Володимерич испроси у брата своего Ярополка Переяславль, а Ярополку вда Суждаль, и Ростов, и прочюю волость свою, но не всю».

²⁷⁸ Подробности см. в моем исследовании об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 64 и след.

²⁷⁹ Лавр. 130: «Мстислав же с Ярополком совокуписта вое, хотяше ити на Всеволода про Ярослава; и Всеволод послася по половине. И приде их 7 тысящ с Селуком (и с Ташем), и стаха у Ратьмире дубровы за Вырем. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша их опять, Ярополчи бо бяхуть посадници по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадил Курьск». Что Курск с посемскими городами принадлежал точно Ольговичам, свидетельствует следующее место летописи Ипатьев. 45: «И посла (Юрий) по Володимира по Давыдовича Чернигову, и приеха Володимер к Гюргеви и поклониси ему; а Святослав Оль-

гович нача ему молвити: «Держиши *отчину мою*», и тогда взя Курск и с Посемем, и Сновскую тысячу у Изяслава, и Случьск, и Кльчск, и вси Дреговиче». — Курск, как мы видели, был отдан Мстиславом сыну своему Изяславу, а Клечск — одному из потомков Изяслава I, Вячеславу, см. выше.

²⁸⁰ Ипатьев. 13: «Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отец держал при вашем отци, того же и мы хотим; аже не вдасть, то не жалуйте что ся удеете, то вы виновати, то на вас буди кровь».

²⁸¹ Ипатьев. 13.

²⁸² Это было в 1135 году, а Юрий ушел к себе в Ростов только в 1137 году (Ипатьев. 14); след., он долго оставался в Руси и жил, вероятно, в Городке, который вместе с некоторыми другими городами постоянно оставался за ним. См. Ипатьев. 65, 66. Лавр. 135: «поима города Гюргевы Ольговичь». Ипатьев. 17.

²⁸³ Ипатьев. 14: «Ярополк же бяше събрал множество вой нань изо всех земель, и прием рассмотрение в сердце, не изиде нань противу, ни створи кровопролития: но убоявся суда Божия, створися мний в них, хулу и укор прия на ся от братье своея и от всех, по рекшему: любите враги ваша. И створи с ними мир в 12 генваря, и целоваше крест межу собою, ходячю межи ими чьстному Михаилу митрополи-ту со крестом, и вда Ярополк Ольговичем отчину свою, чего и хотели».

²⁸⁴ Лавр. 133: «Послаша Ольговичи по половци, и начаша воевати по Суле; Андрееви же не могущу супротивитися им, а от братьи не бысть ему помощи, и всхоте лишитися Переяславля; и тако уведевше Ольговичи, яко Андрееви не бысть помощи от братье, и лестными словесы аки без печали й створиша».

²⁸⁵ Ипатьев. 15: «И владившея целоваша чьстный крест, разидошася кождо в свояси». Лавр. 133: «И посла (Всеволод) с покореньем к Ярополку, испроси мир, и целоваше чьстный крест, и створиша мир, и разидошася славяще Бога, и по семь паки створиста мир Ярополк со Всеволодом Ольговичем, и дары многы межу собою даяше, и идоста разно всояси».

²⁸⁶ Ипатьев. 15, Лавр. 134.

²⁸⁷ II, 259: «Всеволод же Ольгович, ведая, что Вячеславу Юрий слабости его ради владеть не даст и опасаяся, чтоб Мстиславичи ко стрьям своим не пристали, созвал братию свою Игоря и Святослава Ольговичев, Владимира и Изяслава Давидовичев, и объявил им намерение свое, что хочет достать себе великое княжение, требуя их помощи, а за сие их наградит владениями: Давидовичам отдать Чернигов, Игорю Переяславль, Святославу Курск, а Северу и Вячю до времени себе оставил со всеми областями, и согласясь потом послал на скоро к Изяславу Мстиславичу с тем представлением: «Хотя тебе по отце Киев надлежит (это мог сказать Всеволод, выгнавши дядю); но дядя твой, а паче Юрий, не дадут тебе удержатъ, как сам знаешь, что и прежде вас изгоняли, и естли бы не я, то бы вы никакого удела от Юрия получить не могли; того ради ныне хочу я Киев взять, и вас, яко братию, содержать, не токмо ныне надлежащими владениями вас удовольствую, но и по смерти моей Киева мимо тебя ни сыну моему не отдам, токмо вы не собирайтесь противо меня со стрьями вашими». Что Изяслав принял себе за полезное, крестным целованием сей договор утвердили». — Этим только можно объяснить равнодушие киевлян к занятию Ольговичем их города: они видели, что Изяслав Мстиславич, которого они считали представителем любимого Мономахова рода, заодно со Всеволодом и будет его наследником; как же скоро они обманулись в последнем, то не захотели Ольговичей и призвали Изяслава. См. ниже.

²⁸⁸ Ипатьев. 15: «Всеволод же вниде в Киев, с чьстью и славою великою, и приде к нему Игорь, бе бо Игореве обещал из давна дати под собою Чернигов; и не да ему, но да и Давыдовичю Володимеру, и свادي братью, и тако отпусти е».

²⁸⁹ Ипатьев. 77; 58. — Новгород. перв. 8: «Приде Гюрги князь из Суждали Смоленську, и зваша Новгородде на Киев на Всеволодка, и не послушаша его, и тогда бежа Ростислав Смоленську к отцу из Новгорода; и разгневался Гюрги, идя опять Суждалю».

²⁹⁰ Ипатьев. 16: «Седши Всеволоду Киеве, и тогда нача слатися к Володимеричем и ко Мстиславичема, хотя мира с ними, и вабяше князя Изаслава

Мстиславича из Володимеря; и не всхотеша ко Всеволоду того створити, но съслахуся сами межю собою, хотяче нань пойти Киеву». — Татищев (II, 261) пишет, будто Изяслава уведомили, что зять хочет схватить его.

²⁹¹ См. Стрыйковского, [с.] 84, 85 // *Strykowski M. Kronica Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. T. I. Warszawa, 1846.*

²⁹² Ипатьев. 16: «Василькович же и Володаревич Галичский князь привабиша к собе Изяслава Мьстиславича, и не върядивъшеся възвратишася. Изяслав же иде с сынома и воева волость Вячеславлю, и възратися опять, ялхове же Володимерскую волость, помогаюче Всеволоду». Здесь ошибка или в имени князя, или в имени волости: Изяслав не мог воевать волость своего дяди, ибо в это время дело у них было общее.

²⁹³ Там же, 17: «И посла Вячеслав и Изяслав Мьстиславич послы свои к Всеволоду, с речми, рядитися; Всеволод же не хоте учинити воле их, и последе съдумав оже ему без них нелзе быти, и дав им прошение их и крестъ к ним целова». Там же, 16: «Пришед же Всеволод к Переяславлю, хотя выгнати Андрея, а брата своего посадити, Андрееви рекуче: «Курьску изволи ити». И Андрей тако рече, сдумав с дружиною своею: «Лепши ми того смерть и с дружиною на своей отчине и на дедине взяти, нежели Курьское княжество, отецъ мой Курьске не седел, но в Переяславли, хочю на своей отчине смерть прияти; оже ти, брате, не досити волости, всю землю Русскую держачи (т. е. одну Киевскую область, которая и была собственно Русская земля), а хочещи сеа волости, а убив мене, а тебе волость, а жив не иду, и проч. И стояше на Днепре Всеволод, и посла Всеволод брата своего Святослава с полкы к Переяславлю, и усретоша Андреева дружина и бишася с ним; и поможе Бог Андрееви на Святослава... И за утра мир створиста Всеволод с Андреем, и целова крест Андрей, Всеволод же бяше не целовав креста еще, и на ту ночь загореся Переяславль; Всеволод же исполнився страха Божия и не посла к городу никогоже. На утра же Всеволод почю молвити к Андрееви: «Видиши яко я к тебе креста еще не целовал, а то ми был Бог дал, оже ся есте сами зажгли, аже бы лиха хотел, то чтобы ми годно, то же бы створил, а ныне целовал еси крест ко мне, аже исправишь, а то добро, не исправишь ли, а Бог будет за всми». Из этого видно, что Всеволоду нужно было только, чтоб Андрей исполнил клятву признавать его старшинство и не соединяться с родичами, ибо главная цель в. князя — разъединение Мономаховичей.

²⁹⁴ Ипатьев. 17. Мое исследование об отношениях Новгорода к в. к., стр. 71.

²⁹⁵ Брат его Владимир также не остался в Бресте, ибо сначала Всеволод дал этот город им обоим: «Всеволод же, не хотя переупустити Новгорода Володимерю племени, призва шюрина своя, да им Берестий». Ипатьев. 17; а потом мы видим, что в. к. отдает уже Брест братьям своим, стр. 18.

²⁹⁶ Ипатьев. 17, 18.

²⁹⁷ Ипатьев. 18.

²⁹⁸ Ипатьев. 18, 19: «Всеволод же не хотя того, оже ся братья съвкупила в едину мысль, посла к Давыдовичема, рка има: «Отступита вы от брату моею: аз ваю наделю»; она же переступиша хрестъное целование, отступиста от Игоря и от Святослава к брату Всеволоду, Всеволод же рад быв разлученью их, и уладивсь о волость, и да Берестий, Дорогичин и Выжижь, Ормину (т. е. Давыдовичам), а братама послав и да има, Игореву Городечь Гюргев (т. е. Городец, отнятый им у Юрия Ростовского) и Рогачев, а Святославу Клеческ и Черторьск — и тако разидошася».

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же: «Изиде Изяслав к стрьеви своему Гюргеви Суждалю, и не уладивсь с ним, иде к брату своему Ростиславу Смоленську, и оттоле иде к другому брату своему Святополку Новгороду».

³⁰¹ Ипатьев. 20: «Роскаторостася Всеволод с Володимерком про сына, оже седе сын его Володимири, и почаства на ся искати вины; и Володимерко възверже ему грамоту хрестъную, Всеволод же с братьею иде нань».

³⁰² Там же.

³⁰³ Ипатьев. 22.

³⁰⁴ Там же, 21: «Посла Всеволод по братью свою, по Игоря и Святослава, и по Давыдовича по Володимера и Изяслава, и придоша Киеву... «и нам Володимир посадил Мьстислава сына своего по себе в Києв, а Мьстислав Ярополка брата своего; а се я мольвлю: оже мя Бог поиметь, то яз по себе даю брату своему Игореву Києв». И много замышлявшу Изяславу Мстиславичю, мужа бысть целовати крест. И седшим всей братьи в Всеволода на сенех, и рече им Всеволод: «Игорю! Целуй крест, яко имети братью в любовь, а Володимир, и Святослав, и Изяслав, целуйте крест ко Игореву, что вы начнеть даяти, но по воле, а не по нужи» — и целоваша на всей любви крест».

³⁰⁵ Там же, 23: «Ты наш князь, поеди, Олговичь, не хотим быти акы в задничи», — говорили они Изяславу.

³⁰⁶ См. мое исследов. об отношениях Новгорода к в. к., стр. 25.

³⁰⁷ Воскр. I, 283: «Игорь же тако обещася и якоже обещася вниде в Києв и не поча потому чинити якоже людие хотяху и не угодно бысть им».

³⁰⁸ Ипатьев. 23: «И не угоден бысть Кияном Игорь, и послашася к Переяславлю к Изяславу, рекуче: «Пойди княже к нам, хощем тебе». Изяслав же, собрав вся на поли и хрестьяны и поганья, и рече им: «Братье! Всеволода есмь имел в правду брата старшаго, за неже ми брат и зать старей мене яко отець; а с сими како ми Бог дасть и сила животворящего креста, да любо си голову положю перед вами, любо си налезу столь деда своего и отца своего».

³⁰⁹ Там же: «Пришлашася к нему чернии клобуци и все Поросье, и рекоша ему: «Ты наш князь, а Олговичь не хочем; а поиди вборзе, а мы с тобою». И поиде Изяслав к Дерновому, и ту совокупишася вси клобуци и поршане: том же месте прилашася к нему белогородчии и василевци, тако же рекуче: «Пойди, ты наш князь, а Олговичь не хочем»; том месте приехаша от киян мужи, нарекуче: «Ты наш князь, поеди, Олговичь не хотим быти акы в задничи, где узрим стяг твой, ты и мы с тобою готовы есмь».

³¹⁰ Там же: «Игорь же посла к братома своима, Володимиру и Изяславу, и рече: «Стоита ли, брата, у мене у хрестьяном целовании?» Она же и вспросиста у него волостей много. Игорь же им вда, и повеле има ити к себе; она же поидоста. Игорь же позва Улеба и Ивана Воитишича и Лазаря Саковского, и рече има: како еста была у брата моего, такоже будета и у мене; а Улебови рече: «Держи ты тысячо, как еси у брата моего держал». Всекозненный же дьявол, не хотя любви межю братьею, и вложи в сердце злым советом Улебови тысячьскому, Иванови Воитишичю, иже совещаща съвет зол с кияны на князя своего (иже бяху велику честь приимали от Всеволода и от брата его, ти же почаша лстити под князем своим). — Поведеление этих бояр объяснить легко: они видели всеобщую ненависть к Ольговичам, знали, что им не удержаться, и потому спешили соединиться с гражданами, чтоб удержать их расположение и благосклонность нового князя, которому они доставляли стол. — Там же: «Начальники же быша съвету злomu тому, о них же переже рекохом, Улеб тысячкою же, Иван Воитишичь и Лазарь Саковский, а в Святославли полку Василь Полочанин и Мирослав Хиличь внук».

³¹¹ Ипатьев. 24: «Изяслав же с великою славою и честью въеха в Києв; и приведе к себе Святослава, и рече ему: «Свой ми еси сестричичь» — и поча и водити подле ся».

³¹² Там же, 25: «И посластася к Изяславу: «Игорь како то тебе зол был, тако и нама, а держи твердо» — а к Святославу посласта, рекоста: «Пойди из Новгорода Путивлю, а брата ся Игоря лиши». Святославль же рече: «Ни волости хощю, ни иного чего, разве толико пустите ми брата» — она же рекоста: «Целуй к нама крест, яко не просити брата ни его взищещи, а волость держи». Там же: «Давыдовича рекоста: «Се есве зачала дело зло, а свершивше до конца братоубиство; поидиве, искоренив Святослава и переимеве волость его; сгдаша же то и вспросиша Изяслава ити на Святослава Новгороду». — Здесь, кажется, киевский летописец влагает от себя такие ужасные слова в уста Давыдовичей. Впрочем, какую ненависть питали Давыдовичи к Ольговичам можно видеть также из следующего: (Ипатьев. 27): «И розьяривса (Изяслав Давыдович) рече братьи

своей: «Пустите мя по нем (по Святославе), аче сам утечеть мене, а жену и дети от него отбоюму, имение его възхыщю». Или: (там же, 29): «съззавша (Давидовичи) вятиче и реша им: «Се есть ворог нама и вам, а ловите его убита лестию и дружино его избити, а имение его на полон вам»».

³¹³ Им управляли бояре: Ипатьев. 25.

³¹⁴ Там же, 61.

³¹⁵ Там же, 49.

³¹⁶ Ипатьев. 25.

³¹⁷ Ипатьев. 30; Лавр. 138.

³¹⁸ В Рязанском княжестве происходила также борьба между дядею и племянником: Ростислав Ярославич не хотел дать волости племяннику Владимиру Святославичу, тот, бежав от него, находился в стане врага его, Святослава Ольговича. Ипатьев. 25

³¹⁹ Ипатьев. 31: «Кияне же рекоша: «Княже! Ты ся на нас не гневай, не можем на Володимере племя руки възнати; оляя же Олговичь хотя и с детми»». В 1147 жители Курска отвечали таким же образом Изяславу: «Оже се Олгович, радися, за тя бьем и с детьми, а на Володимере племя на Гургевича не можем руки подъяти». Там же, 35.

³²⁰ Там же: «Изяслав же рече им: «А тог добр, кто помне поидеть!» и то рек, съвъкупи множество вои и поиде».

³²¹ Там же: «Кияне же слышавше рекоша: «Княже! Не ходи с Ростиславом на стрья своего, лепле ся с ним улады, Олговичем веры не ими, ни с ними ходи в путь»».

³²² Там же, 32. Они сами говорят Изяславу: «Брат! Целовали еси крест к Святославу Олговичю, жаль бо ны есть, брата нашего держиши Игоря, а он уже чернець и скимник, а пусти брата нашего».

³²³ Там же. 31: «Тогда же Всеволодичь Святослав держаше у Изаслава Божьский, Мечибожие, Котелницу, а всех пять городов; и приеха к Изяславу, поча ся у него просити, река: «Отче! Пусти мя Чернигову наперед, тамо ми жизнь вся, у брату (которые были ему дядья) моею у Володимира и у Изяслава хочю волости просити»»

³²⁴ Там же, 32: «Се Володимер Давыдовичь и Изяслав и Всеволодичь Святослав, ему же аз много добра створих, целовали ко мене кресть, ныне же целовали потай мене хрест к Святославу Олговичю, и к Гургевии ся послали, а надо мною леть учинили, хотели мя любо яти, любо убити про Игоря, но Бог мя заступил и хрест честный, его же ко мене человали; ныне же, братье кияне, чего есте хотели, чим ми ся есте обещали, пойдите по мне к Чернигову на Олговичь, доспевайте от мала и до велика, кто имеет конь, кто ли не имеет коня, а в лодьи, ти бо суть не мене одного хотели убити, но и вас искоренити».

³²⁵ Ипатьев 33.

³²⁶ Там же, 35: «Изаслав же слышав то, и прослезився и рече: «Аще бых ведал, оже сяко сему быти, то аче бы ми и далече того блюсти отслати, а могл бых Игоря съблюсти», и рече Изяслав своей дружине: «То мне есть порока всякого от людий неуйти, тем есть речи: Изяслав велел убити; но тому Бог послуш, яко не повелел, ни науцив; а то уже Богови судити... и жалова на кияны».

³²⁷ Там же, 37.

³²⁸ Там же, 39: «Тако на том целоваша хрест у святом Спасе ворожду про Игоря отложити, а Руской земли блюсти и быти всим за один брат».

³²⁹ Ипатьев. 39. Лавр. 138. «Поиде Ростислав Гургевич из Суждаля с дружиною своею, в помощь Олговичем, на Изяслава Мстиславича, послан от отца своего. И сдумав Ростислав с дружиною своею, река: «Любо си ся на мя отцю гневати, не иду к ворогом своим, то суть были ворози и деду моему и строю моим; но поидем, дружино моя, к Изяславу, то ми есть сердце свое, ту ти дасть ны волость»; и послася к Изяславу. Изяслав же рад бых, посла противу ему мужи свои; и пришедшу ему, рад бысть Изяслав и створи обед велик, и да ему Божьский, ины города, а к Глебови послав рече: «Иде ко Олговичем, к тем еси пришел, ати ти дадут волость». И иде Глеб Чернигову,

а оттуда к отцу, а Ростислав иде в Городец, а по городом посажа посадники своя». См. выше, гл. I.

³³⁰ См. мое исследование об отношениях Новгор. к в к., стр. 73, 74

³³¹ Ипатьев. 41. «И начаша ему поведати на Поргевича на Ростислава, рекуче: «Много зла бяше замыслил, подмолвил на тя люди, берендиче и кианы; толико бы Бог отцю его помогл (т. е. во время Изяславова похода на него из Новгорода), и оному было ввехавши в Киев, и дом твой взяти, и брата твоего яти, и жену твою и сына твоего, а пусти и к отцю, то твой ворог, держиши на свою голову»».

³³² Там же: «Ростислав же пришед к отцю своему в Суждаль, и удари перед ним челом, и рече: «Слышал есмь, оже хочеть тебе вся Руская земля и черныи клобуки, и тако мольвят: и нас есть обезчестовал (т. е. Изяслав дурно поступил с ними); а поиди нань»».

³³³ Что некоторые из переяславских граждан и прежде не были довольны своим князем Мстиславом Изяславичем доказывает следующее место летописи (Ипатьев. 36, Лавр. 138): «Еха Поргевичъ Глеб и зая городок отень (т. е. Городец, принадлежавший прежде отцу его Юрию, отень — прилагательное) у Изяслава, и слышав Изяслав, посла к нему зовя Киеву к собе, обещава же ся ити к нему и не иде; послушав же Жирослава, рекуша ему: «Поиди Переяславлю, хотять тебе Переяславчи», послушав же его иде вборзе к Переяславлю Свитаюци дни, Мьстиславу же лежачю и дружине его, пригнавше сторожеве рекоша ему: «Не лежи, княже, Глеб пришел на тя вборзе». Събрав дружину, выступи противу ему из города, и стояв Глеб до заутрея воротися опать; Мьстислав же совокупивься с дружиною и с Переяславци, гна по нем и угони у Носова на Руде, изоймаша неколико дружины его, а сам иде в Городечь, а Мьстислав иде к Переяславлю». — Из этого видно также, что Изяслав переманивал к себе сыновей Юрия, обещаясь дать им волости на Руси и таким образом показать себя настоящим старшим в роде Мономаха, готовым блюсти интересы всех родичей.

³³⁴ Ипатьев. 41, 42

³³⁵ Там же, 43.

³³⁶ Там же.

³³⁷ Ипатьев 43.

³³⁸ Там же.

³³⁹ Там же, 44: «И бысть леть в Переяславчех, рекуче. «Гюрги нам князь свой, того было нам искати и далече», то рекуче и поскочиша; видивше же полци Изаслави и Ростислави, смятошася»

³⁴⁰ Там же, 44 и 45.

³⁴¹ Ипатьев. 45. «Гюрги же старейшаго сына своего Ростислава посади у Переяслави, Андрея Вышеграде, а Бориса в Белгороде, а Глеба в Канове, а Василка в Суждали»

³⁴² Ипатьев. 60, 61.

³⁴³ Там же, 48.

³⁴⁴ Сын Ярослава Святополчича или Ярополчича: кого именно из двоих, решить невозможно.

³⁴⁵ Ипатьев. 46, 47: «Изяслав же хотяше всех даний к Новугороду новгородцкых, акоже есть и пережи было — и тако не уладишася, и не послуша его Дюрги, прием светника Дюрга Ярославича, и не да даний, а Изяслав их не отступися. И тако створи Дюрги, оже уже ляхове воротихася и Угре, и рече: «Выжену Изяслава, а волость его всю перейму»... и в то время поиде Володимир из Галича полки своими, и пришед ста на Полоной межи Володимером и Луческом, и тако розъеха с... того дея межи ими ста, хотя е уладити межи ими... Володимеру же молящюся о Изяславе, Ростиславу же сыну Дюргеви с Дюргем Ярославичем не дадуцима миритися, Изяслав же паче молящюся о миру. Андрееви же Бог вложи в сердце, и нача молитися отцю, глаголя: «Не слушай Ярославича Дюрга, примири сыновца к собе, не губи отчины своея»».

³⁴⁶ Там же, 48: «Брате! Мирися, хочеши ли не уладивься пойти прочь, то ты ся прочь, а Изяслав мою волость пожьет».

³⁴⁷ Там же: «Юрий не давал и Ростиславу Смоленскому дани с тех Суждальских волостей, которая тянули данью к Смоленску». См. Уставные грамоты [оты] Ростислава епископии Смоленской 1150 года, в Дополн. к Актам Историч. т. I, № 4 // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологическою комиссиею. Т. I—XII. СПб., 1846—1875: «Суждали Залесская день, аже воротить Пюгри, а что будет в ней, из того Святей Богородици десятина».

³⁴⁸ Там же, 49: «Вы мне братья своя, до вас нету речи никоеяже; но обидить мя твой отец, а с нами не умееть жити».

³⁴⁹ Там же, 50: «И тако целоваста хрест у святою мученику на гробе, на том: Изяславу имети отцем Вячеслава, а Вячеславу имети сыном Изяслава—на том же и мужи его целоваше хрест, ако межи има добра хотети и чести ею стеречи, а не сваживати ею».—Последнее очень важно, ибо мы постоянно видим, что дружинники сорят князей.

³⁵⁰ Там же, 51.

³⁵¹ Ипатьев. 51.

³⁵² Там же.

³⁵³ Ипатьев. 54.

³⁵⁴ Там же, 55: «А мы поедем в свой Киев, а в сильный полк в киевский аже въедем в не, то аз веде, ти ся за ма биють».

³⁵⁵ Там же, 50: «Кияне же, услышавше Изяслава, изидоша противу ему с радостью»

³⁵⁶ Дочь Юрия была за сыном Владимира, Ярославом.

³⁵⁷ Ипатьев. 56.

³⁵⁸ Там же, 57: «Присла Вячеслав к Изаславу, и рече: «Сыну! Бог ти помози, оже на мене еси честь возложил, акы на своем отци; а яз паки, сыну, тебе молвлю: яз есмь уже стар, а всех рядов не могу уже рядити, то будеве оба Киеве; а чи нам будет который ряд или хрестьяных или поганных, а идеве оба по месту, а дружина моя и полк мой, а то буди обещаю нама, ты же ряди, а чи кде нам будет мочно обеимши ехати, а оба едеве, паки ли а ты езди с моим полком и с своим»».

³⁵⁹ Ипатьев. 60, 61: «Вячеслав же рече мужеву своему: «Поеди к брату Гюргеви, брата от мене целуй; а вы брата и сына, Изаслав и Ростислав, слушайта, перед вами и отряжю; тако молви брату моему: аз есмь, брате, тебе много молвил и Изяславу, обеима вама, не пролейта крови хрестьянъскы, не погубита Рускы земле, того вас есмь бороня и не правил себе, оже мя переобидила, и первое и другое безестье на мене еста положила, а полкы имею, а силу имею и Бог ми дал; но яз, Рускыя дела земли и хрестьян деля, того всего не поманул, но и еще то вам есмь явил, оже Изяслав еда биться с Игорем, тако молвит: «Яз Киева не себе ищю, но оно отец мой Вячслав брат старей, а тому его ищю—а то ти молвить биться еда—а и Бог ему помог, а он же Киев себе, и еще над тем и Туров и Пинск у мене отнял, то ти Изяслав мя тем приобидил; а ты паки, брате, поеда Переяславлю с Изяславом биться», такоже моловиши: «Яз Киева не себе ищю, оно у мене брат старей Вячслав яко и отец мне, и тому его ищю—а Бог ти помог, а ты же Киев себе, и еще над тем Пересопницю и Дорогобуж еси у мене отъял, а ты мя тако переобидил, а мне еси Вышегород один дал; яз же того всего не правил, Рускые деля земля и хрестьян деля, и еще ваю есмь утягывал, а вы мене не слушаеа, то ти ни мене еста не управляла, еже рекша, но Богови, и то ми еси молвил: противу моложьшему не могу ся поклонити, се же Изяславль аче и двоича ступил слова своего, се же ныне добыв Киева и поклонил ми ся, и честь на мне положил, и в Киеве мя посадил, и отцем мя назвал, а яз его сыном; даже еси рекл: моложьшему ся не поклоню, да се яз тебе старей есмь не малом, но многом, азъ уже бородат, а ты ся еси родил; паки ли хочещи на мое старшинство поехати, яко то еси поехал, да Бог за всим», и тако посла. Гюрги же противу тому присла свой посол, и рече к Вячславу: «Яз ся тебе, брате, кланяю; тако право есть ако то и молвиши: ты мне еси яко отец; аже ся хочещи со мною рядити, ать поедет Изяслав Володимерю, и Ростислав Смоленську, а ве ся сама урядиве». Вячеслав же рече: «У тебе сынов 7, а яз их от тебе не отгоню, а у мене одина два сына Изяслав и Ростислав, а инии моложьшии (т. е. Святополк

и Владимир Мстиславичи) суть же, но я, брате, тебе молвлю, Рускы деля земля и хрестьян деля, поеди же у свой Переяславль и в Курьск, и с своими сыны, а онамо у тебе Ростов великий, и Олговичи пусти домови, а сами ся урядим, а крови хрестьянскы не пролеймы; паку ли по своему замыслу пойдеш и проч.»».

³⁶⁰ Там же, 62.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Ипатьев. 62.

³⁶³ Там же, 63: «Съступившимся пълком, бысть сеча крепка».

³⁶⁴ Там же, 65.

³⁶⁵ Ипатьев. 65: «И Андрей испросися у отца наперед Суждалю, река: «Се нам уже, отце, zde у Руской земли на рати, ничтоже, а за тепла уйдем»». Лавр. 144: «Андрей же оттоле иде от отца своего Суждалю, а отцю же встягавшю его много; Андрей же рече: «На чом есмь целовали крест, ако поити ны Суждалю», и иде в свою волость Володимери».

³⁶⁶ Лавр. 345, 346.

³⁶⁷ Ипатьев 67, 68, 69, 71, 72, 73, 74.

³⁶⁸ Там же, 74.

³⁶⁹ Там же, 67.

³⁷⁰ Ипатьев 74.

³⁷¹ Там же, 75: «Вячеслав же видив Ростислава сына своего, и обрадовася радостью великою и рече ему: «Сыну! Се уже в старости есмь, а рядов всех не могу рядити; а сыну, даю тебе, якоже брат твой держал и такоже и тебе даю; а ты мя имей отцем и честь на мне держи, якоже и брат твой Изяслав честь на мне держал и отцем имел; а се полк мой и дружина моя, ты ряди». Ростислав же то слышав, и поклонися отцю своему Вячеславу и рече ему: «Велми рад, господине отце, имею тя отцем господином, яко же и брат мой Изяслав имел тя и в твоей воли был». И посадиша в Киеве Ростислава кнани, рекуче ему: «Яко же брат твой Изяслав честил Вячеслава, такоже и ты чести; а до твоего живота Киев твой»».

³⁷² Ипатьев. 75: «Ростислав же рече Святославу Всеволодичю сестричичю своему: «Се ти даю Туров и Пинеск про то, оже еси приехал к отцю моему Вячеславу и волости ми еси сблнул, то про то наделюю тя волостию». Святослав же поклонися Ростиславу и прия с радостью».

³⁷³ Там же, 76: «Мужи же боронахуть ему поити Чернигову, рекуче ему: «Се Бог поял строя твоего Вячеслава, а ты ся еси еще с людьми Киеве не утвердил; а поеди лепле в Киев же с людьми утверди; да аче стрый придет на тя Дюрги, поне ты ся с людьми утвердил будеш, годно ти ся с ним умирити, умиришися, паку ли а рать зачнеши с ним»».

³⁷⁴ Ипатьев. 25.

³⁷⁵ Там же, 45.

³⁷⁶ Ипатьев. 77.

³⁷⁷ Там же, 79: «А Володимир брат его (Ростислава Смоленского) седяше Володимири, и сыновца его Мьстислав и Ярослав».

³⁷⁸ Там же: «Тогда же и Мьстислав Изяславич еха изъездом на стрья своего на Володимира Володимирию, и я жену его и матерь его... а Володимир оттуда бежа в Угрь».

³⁷⁹ Ипатьев. 80: «Гюрги же Володимирия не себе искашет, но целовал бяшет хрест к брату своему Андрееви, в животе й еще, яко по животе его волость удержати сынови его, и потом к Володимеру к Андреевичю хрест целова, яко искати ему Володимирия; и про то поиде к Володимирию, ища Володимиру».

³⁸⁰ Там же: «Гюрги же пришед к Дорогобужю, и рече Володимиру Андреевичю: «Сыну! Яз есмь с твоим отцем, и с своим братом Андреем, хрест целовал потом, яко кто ся наю останеть, то тый будет обоим детям отель и волость удержати, а потом к тебе хрест целовал есмь имети тя сыном себе и Владимира ти искати; ныне же, сыну, аче ти есмь Володимирия не добыл, а се ти волость» — и да ему Дорогобужь и Пересопницу и все Погориньския города, а сыну своему Борисови вда Туров»

³⁸¹ Там же, 79.

³⁸² Там же, 77: «Тогда приеха к Святославу Ольговичу сыновець его Святослав Всеволодичь, и целова к нему хрест; тогда же приде ему 3 города, и Сновеск собе отья, и Корачев и Воротинск, занеже бе его отступил». Там же, 79: «Изяслав же (Давидович) поима я (половцы) и еха с ними к Березому, на сыновца своего на Святослава на Всеволодича». Издатель Ипатьевской летописи думает, что надобно читать [вместо] Всеволодича Владимировича, о котором была речь выше; но он не обратил внимания на следующие слова летописи (стр. 80): «Том же лете Святослав иде к брату своему Изяславу: ту стояща у Мьстиславля створиста мир с сыновцема своима», т. е. с Владимировичем и Всеволодичем, который, след, также был ратен с дядьми.

³⁸³ Там же, 81.

³⁸⁴ Ипатьев. 81: «И много зла створися втъ день. разграбиша двор его Красный, и другый двор его за Днепром разьграбиша, его же звашеть сам раем, и Василков двор сына его разграбиша в гороле; избивахуть Суждалци по городом и по селом, а товар их грабяче».

³⁸⁵ Ипатьев. 81, 87.

³⁸⁶ Ипатьев. 82.

³⁸⁷ Берладником он назывался потому, что, изгнанный из Руси, должен был проживать в Берладе, притоне всех изгнанников, князей и простых людей.

³⁸⁸ Ипатьев. 84, 85.

³⁸⁹ Там же, 90.

³⁹⁰ Из подробностей этой усобицы замечательны: Ростислав сначала заключил тесный союз с Ольговичами, князья пиروвали вместе и богато дарились (Ипатьев 86); но киевляне, постоянно питавшие ненависть к Ольговичам, не могли равнодушно смотреть на такую приязнь, и, когда в князь послал сына своего Рюрика на помощь к Ольговичам против Изяслава Давидовича, граждане киевские и варвары заставили его взять в заложники Всеволода, сына Святослава Всеволодича: «Ростислав бяше поял у Святослава Всеволода сына его, уверяя кияны и Берендее, бяху бо не верующе за свое съгрешение» (Ипатьев. 86). Желяя изгладить такую неприязнь и недоверчивость между гражданами и Ольговичами, Ростислав выпросил у Святослава Ольговича сына его Олега на житье в Киев: «ать познаеть кияны лепшия, и берендиче, и торкы» (Ипатьев, 89): Святослав согласился. Тогда киевские бояре, чтоб уничтожить этот ненавистный для них союз, наговорили Олегу, что Ростислав хочет схватить его, молодой князь поверил и без отцовского позволения перешел на сторону Изяслава, а между тем черниговские бояре, с своей стороны, поджигали Святослава ко вражде с Ростиславом, однако не успели в своем намерении вполне: Святослав, хотя охлажденный в любви к в. князю, все-таки остался на его стороне (Ипатьев. 89).— Любопытно также, что во время этой усобицы Андрей Юрьевич Боголюбский возобновляет вражду свою к Мстиславичам, выдает дочь за Святослава Владимировича Вщижского (который был на стороне дяди Изяслава Давидовича) и посылает сына своего Изяслава на помощь Давидовичу и Владимировичу против Мстиславичей и Ольговичей. Впрочем, Святослав Владимирович скоро вошел в сыновние отношения к Святославу Ольговичу (Ипатьев. 88).

³⁹¹ Ипатьев. 91, 92

³⁹² Там же, 92, 93. Дело не обошлось без вражды между двоюродными братьями, сыном Святослава Олегом и Святославом Всеволодовичем, потому что последний обижал Олега, не давая ему должных востостей, наконец через посредство в. князя Черниговские примирились в 1167 году.

³⁹³ Там же, 96: «По Ростиславли смерти начаша слати по Мьстислава брата, Володимир Мьстиславич, Рюрик, Давыд, и киане от себе послаша, черныи клубуки от себе послаши, Мьстислав же посла Володислава Воротиславича перед собою к Василкови к Ярополчичю вели ему седети Киеве до себе, и тиунь свой посла. И начаша приятели Мьстиславли поведати Василкови и Володиславу, оже Володимирь Мьстиславич, и Андреевич, и Ярослав Мьстиславль брат, и Рюрик и Давыд, целовали крест, яко же взяти им волость у Мьстислава по своей воли:

Володимиру к своей волости Торцьский с всим Поросьем, Андреевичю Берестий, Ярослав Володимирь».

³⁹⁴ Ипатьев, 96. Именно Ярослав Изяславич не получил Владимира и должен был остаться в Луцке, Юрий Ростиславич получил Овруч, Давыд Вышегород. См. там же, стр. 98.

³⁹⁵ Там же, 97: «И рекоша ему дружина его: «О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали». Володимир же рече, възрев на децкы: «А се будуть мои бояре»».

³⁹⁶ Там же, 98, 99.

³⁹⁷ Там же: «В то же время Володимир Андреевич нача припрашивати волости у Мьстислава. Мьстислав же уразумев, оже изветом у него просить волости, рече: «Брате Володимире! Ци давно еси хрест целовал ко мне, и волость взял еси у мене?» Он же разгневавсь иде Дорогобужю. В то же время бе Андрей Гюргевич в Суждали княжа, и ть бе не имея любви к Мьстиславу».

³⁹⁸ Ипатьев. 100.

³⁹⁹ Андрей умер в 1174 году, Татишев говорит, что 63 лет; Юрий женился в 1107 году (Лавр. 120); след., Андрей родился в 1111 году, когда Юрий уже должен был княжить в Ростовской земле, ибо князья не любили держать при себе взрослых, женатых сыновей.

⁴⁰⁰ Лавр. 140: «И придоша к Вячеславу в Пересопнищю Гюргевича два, Ростислав и Андрей» (Ипатьев. 46). Здесь в первый раз упомянуто имя Андрея в летописи.

⁴⁰¹ Ипатьев. 77: «Тогда же, сед, раздая волости детем: Андрея посади Вышегороде, а Бориса Турове, Глеба в Переяславле, и Василкови да Поросье». — Почему же Юрий посадил Андрея не в Переяславле? По той же причине, по какой Мономах посадил Мстислава в Белгороде, а не в Переяславле, хотя он и считался князем Переяславским (см. выше): Юрию нужно было иметь подле себя храброго Андрея, который бы защищал его от нападений Мстиславичей. Почему теперь посадил он в Переяславле не Бориса, но младшего Глеба? Потому что Глеб был воинственнее Бориса, что мы видим из предыдущих и последующих его подвигов, тогда как Борис вовсе не отличался ратным духом, а Переяславль был опасный стол по соседству с черниговскими князьями и половцами.

⁴⁰² Там же, 78: «Иде Андрей от отца своего из Вышегорода в Суждаль, без отче воле». — Не только Андрей, но и приближенные его не терпели юга: Карамз. II, примеч. 386: «В летописях (см. Синодал. библ. № 349, л. 224): в лето 6663 приде из Киева в град Володимирь князь великий Андрей Юрьевич без отча повеления, его же лестию подыаша Кучковичи». Но прежде, когда он несколько раз уговаривал отца оставить юг, неужели все Кучковичи поднимали его лестию?

⁴⁰³ Этим объясняется, почему старший сын его Ростислав раскоторовался с отцом и удалился на юг к Изяславу: Долгорукий не давал старшим волостей на севере, чтоб тем самым заставить их отыскивать волости на Руси.

⁴⁰⁴ Ипатьев. 81: «Сдумавши ростовци и суждальци и володимирци вси, пояша Андрея сына Дюргева старейшаго, и посадиша ѝ на отни столе, Ростове, и Суждали, и Володимирци». — Но мы видим, что владимирцы после отречения от этого, по их мнению, незаконного избрания.

⁴⁰⁵ Татиш. III, 135.

⁴⁰⁶ Никон. II, стр. 179.

⁴⁰⁷ Ипатьев. 91: «Идоста Гюргевичи Царюграду, Мьстислав и Василко, с матерью, и Всеволода молодого пояша со собою третьяго брата». — Но кажется и Михаил Юрьевич был также в Греции; это видно из следующего места в летописи (Лавр. 154): «и Михалка князя удариша ратнии двема копьема в стегно, а третьим копьем в руку: но Бог отца его молитвою избави его от смерти, якоже и прежде в Луце моря».

⁴⁰⁸ Ипатьев. 97: «И рекоша ему (Влад. Мст.) дружина его: «О собе еси, княже, замыслил; а не едем по тебе, мы того не ведали»».

⁴⁰⁹ Ипатьев. 91: «Выгна Андрей епископа Леона из Суждаля, и братью свою погна Мьстислава и Василка, и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего переднии. Се же створи хотя самовластецъ быти всей Суждальской земли».

⁴¹⁰ Ипатьев. 101.

⁴¹¹ Там же, 105: «Бе же ему болезнь крепка, и начаса слати к брату Ярославу, рядовы деля о детех своих. Урядився добре с братом и крест целовав, яко же ему не подозреи волости под детьми его, преставися князь Мьстислав» и проч.

⁴¹² Ипатьев. 107: «Посласта Давыд и Мьстислав по стрыя своего Доброгобужю, вабяче и Киев на стол; он же, преступив крест к ротником своим к Ярославу и ко Мьстиславичем, иде Киеву утаивше, а сына Мьстислава посади Дорогобужю».

⁴¹³ Там же: «Аньдрееви же не любо быше седенье Володимере Киеве, и посылаше нань, ведя ему ити из Киева».

⁴¹⁴ Там же.

⁴¹⁵ Ипатьев. 108: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и присла к ним Михна, река тако: «Выдайте ми Григоря Хотовича, и Степаныча, и Олексу Святославця, яко те суть умориле брата моего Глеба; а то суть ворозе всем нам»; сего же Ростиславичи не послушаша, и пустиша Григоря от себе».

⁴¹⁶ Там же: «и урядишася тако: Михалко бо вховоти к Торьскому Переяславль. И лишися Андрея брата своего и Святослава Всеволодича Черниговского, а к Ростиславьчем приступи, бе бо тогда Рюрик в Киеве».

⁴¹⁷ Там же, 109: «И се слышавше Ольговичи, ради быша. Святослав Всеволодич и вси братья его послаша муже свое к Андрееви, поводяче и на Ростиславиче, а рькуче ему: «Кто тебе ворог, то ти и нам; а се мы с тобою готови». Андрей же прим съвет их, исполнися высокоумья, разгорделся велми, надеяся плотной силе и множеством вой огородився, ражъгся гневом и посла» и проч.

⁴¹⁸ Там же: «Мьстислав бо от уности навылк быше не улоощитися никога же, но токмо Бога единого блюстися».

⁴¹⁹ Ипатьев. 109: «Андрей же то слышав от Михна, и бысть образ лица его попустнел, и възострися на рать и бысть готов».

⁴²⁰ Там же. Любопытно видеть, как летописец сохраняет порядок старшинства между городами.

⁴²¹ Там же.

⁴²² Там же: «Идушим же им мимо Смолнеск, казал бо бяшеть Романови пустити сын свой смолняны, тако Роман нужею пусти сын свой смолняны, на братью не хотяся объявити, бяше бо тогда в руках его; и полотьским князем пойти повел всем, и туровьским, и льньским, и городеньским. И пришедшим им ко Ольговичем и совокупившимся им обоим противу Киеву, ту же придоша к ним Дюрдевича Михалко и Всеволод, и Ростиславича Мьстислав и Ярополк, Глебовича, и переяславци вси — и перешедше Днепр и въехавше в Киев. Ростиславичи же не затворилися бяхуть в Киеве, но шлы бяхуть во свое городы: Рюрик в Белгороде затворися, а Мьстислава затвориша Вышегороде и с Давыдовым полком, а Давыд еха в Галичь к Ярославу помочи деля. Святослав же с братьею, и Михалко с братом с Всеволодом и со сыновци, и кыяны совокупивше, и берендеиче и Поросье и всю Рускую землю, полкы поидоша от Киева к Вышегороду; и бе всех князей боле 20, а всех бяше старей Святослав Всеволодичь».

⁴²³ Там же, 110.

⁴²⁴ Ипатьев. 110: «По сем же приде Ярослав Лучьский на Ростиславиче же, со всею Вольньскою землею, ища собе старешинства в Ольговицех — и не ступишася ему Киева. Он же сослався с Ростиславичи и урядися с ними о Киеве, и отступи от Ольгович».

⁴²⁵ Он приехал из Новгорода во Владимир Вол[ынский] в 1173 году, см. Ипатьев. 105.

⁴²⁶ См. выше гл. II. «А колко тебе до него, толко и мне»:

Ярослав I	Всеволод
Святослав	Владимир
Олег	Мьстислав
Всеволод	Изяслав
Святослав	Ярослав.

К объяснению такой уступчивости может вести только одно предположение, что Святослав исключал из счета деда своего, Олега, не сидевшего на старшем столе.

⁴²⁷ Ипатьев. 110, 111.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же, 115: «Иногда бо аче и гость приходил из Царягорода, и от иных стран из Руской земли, и аче латинин, и до всего хрестьянства, и до всее погани, и рече: в ведете и в церковь и да полати, да видять истинное хрестиянство и крестятся, якоже и бысть,—и болгаре и жидове и вся погань, видивше славу Божию и украшение церковное».

⁴³⁰ Там же, 114: «И прииде Амбал, ключник, Ясин родом, тот бо ключ держашеть у всего дому княжа, и надо всеми волю ему дал бяшеть... и рече Кузмище: «О еретиче! Помнишь ли, жидовине, в которых портах пришел бяшет? Ты ныне в оксамите стоиши, а князь наг лежит»».

⁴³¹ Воскр. II, 91. О жидовском происхождении Ефрема догадка Арцыбашева. П[овествование] о Р[оссии]. I, примеч. 1255.

⁴³² Ипатьев. 113: «И бе у него Яким слуга възлюбленный им, и слыша от некого, аже брата его князь велел казнить, и устремися дьяволим научением, и тече вопия к брати своей к злым съветником, якоже Июда к жидом, тесняя угодити отцо своему сотоне; и почаша молвити: «День того казнил, а нас заутра; а промыслимы о князе сем»».

⁴³³ Ипатьев. 114.

⁴³⁴ Об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 35 и след.

⁴³⁵ Ипатьев. 117: «Тогда же пришел башеть Роман из Смоленска, к брати своей в помощь; Ярослав же рече: «Привели есте брата своего Романа, а даете ему Киев» и поиде из Кыева в Луческ. Они же начаша слати по нем; вабяче опять в Кыев; он же не послуша их и поиде в Луческ. Роман же седе в Кыеве, на столе деда своего и отца своего».

⁴³⁶ Там же, 125.

⁴³⁷ Там же, 123.

⁴³⁸ Ипатьев. 122.

⁴³⁹ Там же, 123: «И выйде противу ему Всеволод, со всеми суждальскими полкы, и с рязаньскими полкы и муромьскими, и устрете и на Влени рече; и стаща оба полы реки Влены, 2 недели бяхуться обои об реку ту, бе бо река та твердо текущи, бережиста. Суждалци же стояху на горах, во пропаstech и ломох, акоже нелзи их дойти полком Святославлим. Святослав же посла попа своя во Всеволоду, река» и проч.

⁴⁴⁰ Ипатьев. 143: «Святослав позва братию свою и почаша с ними думати, хотя на рязаньский князи: бяхуть бо им речи про волости; и послашася ко Всеволоду в Суждаль, просящия у него на Рязань. Всеволод же их воде не створи».

⁴⁴¹ Летописец суздальский (Лавр. 182) говорит, что князья были точно виноваты; новгородский (стр. 30) называет Владимировичей клеветниками.

⁴⁴² Лавр. 183: «Посла великий князь Всеволод сына своего Ярослава в Рязань на столе, рязанци же леть имуще к нему, целоваша крест ко Всеволоду, и не управиша, и изымаша люди его и исковаша, а инех в погребех засыпавше измориша; Всеволод же слышав се, иде на Рязань с сынами своими, и пришед ста у града Рязаня, и Ярослав изиде противу отца своего, и целова и с радостью. И прислаша рязанци буюю речь, по своему обычаю и непокорьству; и повеле в. к. всем людем изити из града и с товаром, и яко изидоша вси, повеле зажещи град, и оттуду иде к Белугороду, и повеле и тзажещи. И възвратися Володимерь в. к. Всеволод со всеми своими полкы и с сыном своим Ярославом, поим по себе все рязанци и епископа их Арсенья».

⁴⁴³ Ипатьев. 106: «Выбеже княгини Ярославля из Галича с сыном с Володимиром... и устрете и весть от Святополка из Галича: «Поедь стряпать, отца ти есмь яли, и приятели его Чаргову чадь избиле; а се твой ворог Настаська». Галичине же накладеше огонь сожгоша ю, а сына ея в заточение послаша, а князя водивше ко кресту, яко ему имети княгиню въправду — и тако уладившеся».

⁴⁴⁴ Ипатьев. 136.

⁴⁴⁵ Там же: «Бе бо любезнив питию многому, и думы не любяшеть с мужми своими, и поя у попа жену и постави себе жену... где улюбив жену, или чью дочь, поймашеть насильем».

⁴⁴⁶ Там же, 187.

⁴⁴⁷ Ипатьев. 136.

⁴⁴⁸ Ипатьев. 137.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же, 138, 139: «Царь же уедав, оже есть сестричичь в. к. Всеволоду Суждальскому, и прия его с любовью и с великою честью, и приставя к нему мужь свой и посла его Казимиру в ляхи, веля ему доправити Галича, по своей воле: ял бо ся бьяше давати цареву по 2000 сребра до года. Казимир же приставя к нему мужь свой Миклая, и посла его в Галичь. Галичкийи же мужи сретоша его с радостью великою, князя своего и дедича, а королевича прогнаша из земли своая, а Володимир седе на столе деда своего и отца своего; и посла ко Всеволоду ко уеви своему в Суждаль, моляся ему: «Отце господине! Держи Галичь подо мною, а яз Божий и твой есмь всегда. Всеволод же Суждальский присла ко всем князем и ко королеви в ляхи, и води я ко кресту, на своем сестричиче Галича не искати николиже под ним. Володимир же утвердився в Галиче, и оттоле не бысть нань никоже»».

⁴⁵¹ Воскр. II, 119; Никон. II, 260: «Посла князь Великий Всеволод мужи свои к Киеву, и посади в Киеве Рюрика Ростиславича свата своего».

⁴⁵² Ипатьев. 144: «Посла Рюрик по брата своего до Давыда к Смоленску, река ему: «Брате, се ве осталася старейши всех в Руской земле, а поеди ко мне Киеву; что будеть о Руской земле думы и о братии своей, о Володимере племяни, и то все укончаеве, а сами ся во здорвьи видеве... Давыд же позва *великого князя Рюрика на обед*»» и проч.

⁴⁵³ Там же.

⁴⁵⁴ Там же, 145: «Но даяше ему другую волость; он же ее не бреже, но хотяше под Романом которые же просил башеть».

⁴⁵⁵ Там же: «Рюрик же рече ему (Роману): «Язь переже всех дал есмь тебе волость сю; но же Всеволод послал на мя, жалуся про тебя, ажь есми на нем чести не положили преже, я же есмь тебе являл вси речи его, ты же ми еси ее отступился по воле, а нам како любо ему было юдати; *а нам безо Всеволода нельзя быти*, положили есмы на нем старейшинство вся братья во Володимере племени»».

⁴⁵⁶ Ипатьев. 146.

⁴⁵⁷ Там же, 150.

⁴⁵⁸ Ипатьев. 150. Здесь летописцы северный и южный разногласят, каждый оправляя своего князя (Лавр. 174); но мы приняли рассказ киевского летописца, ибо суздальский слишком пристрастен к своему князю, для оправдания которого приводит такие события, какие никак не могли иметь места, напр., говорит, что Рюрик перешел на сторону Ольговичей; но это противоречит всему ходу событий: «То слышав в. к. Всеволод, оже Давыдов полк побежен и сват ему ать, и от Рюрика речь слышав, ту зиму перестряп, на лето вседе на конь про свата своего и под Рюриком твердя Киев, и поиде к Чернигову с рязаньскими князи и муромскими, и Давыд и Смоленска; Рюрик же неуправи свое речи, и приступи к Ольговичам».

⁴⁵⁹ По крайней мере мы ничего не знаем о сыновьях его, рожденных от попады.

⁴⁶⁰ Ипатьев. 158, 159.

⁴⁶¹ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 89—95.

⁴⁶² С каким презрением смотрели северные князья на Русь, на Киев видно из ряду между младшими Всеволодичами пред Липецкою битвою: «Внидоста в шатер с братьюю, и начаста делити городы, и рече князь Юрьи: «Мне, брате княже Ярославле, Володимерская земля и Ростовская, а тебе Новгород, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дай черниговским князьям, а Галичь нам же»».

⁴⁶³ Пол. собр. Рус. лет. т. I, стр. 213 // ПСРЛ. Т. I. СПб., 1846; см. также: ПСРЛ. Т. I. Вып. 2. Л., 1927: «И начаша думати князя (пред Липецкою битвою); Константин молвит: «Брате князь Мстислав и Володимере! Оже поидем мимо их,

и възмут ны в тыл, а другое мои люди к боеви не дерзи, тамо и разидутся в городы»»).

⁴⁶⁴ Там же, стр. 202.

⁴⁶⁵ Лавр. 192: «Ярослав усумнеся брата своего Юрия, слушая неких лести, и отлучи от Юрия Костянтиновича 3, Василка, Всеволода, Володимера, и мысляеть противитися Юрию брату своему; но Бог не попусти лиху быти, благоразумный князь Юрги призва их на снем в Суждаль, и исправивше все не любви межу собою, и поклонилася Юрию вси, имуще его отцем собе и господином».

⁴⁶⁶ Никон. III, 4.

⁴⁶⁷ Там же, стр. 18. Владимир был третий дядя, а не четвертый, след., это явление не подходит также под позднейший местнический обычай.

⁴⁶⁸ Лавр. 201: «Батый же почти Ярослава великою честью, и мужи его, и отпусти и, рек ему: «Ярославе! Буди ты старей всем князем в Русском языке»».

⁴⁶⁹ Плано-Карпини, кн. I, гл. 14 // *Johannis de Plano Carpini antivariensis archiepiscopi Historia Mongalorum quos nos tartaros appellamus* // *Recueil de Voyages et de mémoires, publiés par la Société de Géographie*. T. IV. Paris, 1839; см. также: *Иоанн де Плано Карпини*. История Монгалов. СПб., 1911.— Никон. III, 26: «К. в. Ярослав Всеволодич бысть в орде у Канович, да и оболжен бысть Феодором Яруновичем к царю (Батью), и много истомления приять от татар за землю Рускую; и отпустиша его уже изнемогша, и мало пошед от Канович и преставися нужною смертию в иноплеменищех». Ипатьев. 185: «Злобе бо их (татар) и лести несть конца: Ярослава великого князя суждальского зелием умориша».— Карамзин говорит: «Монголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, орудием злодеев слабых».— Хан и мог действовать мечом, мог казнить Ярослава; но здесь дело идет не о хане, а о тайной, женской интриге, о которой хан и не знал: Ярослава сперва хотели оклеветать у хана, и когда это не удалось, то прибегнули к отраве. Иначе как согласить всеобщее свидетельство источников, как своих, так и иностранных, о *нужной*, т. е. насильственной, смерти.

⁴⁷⁰ Никон. III, 27: «А братаничи свои посажа по городом, якоже уряди брат его к. в. Ярослав Всеволодич, он же примени слова его».

⁴⁷¹ 6-й сын: Александр, Андрей, Константин, Афанасий, Даниил, Михаил, Ярослав, Василий. Никон. III, 27.

⁴⁷² Никон. III, 30: «Тогоже лета князь Михаило нарицаемы Хоробрит Ярославль согна с великаго княжения Владимирскаго дядю своего в.к. Святослава, и сам сяде на великом княжении в Володимере».— Михаил назван московским князем в Ростовской летописи (Карамз. IV, примеч. 82); Михаил не был первым московским князем: «Того же лета (1213) Володимер, сын Всеволожь великого князя, еха в Москву. Того же лета во второе приходи Юрги с Ярославом к Ростову, и створша поряд с Костянтином, и идоста от Ростова к Москве Юрги с Ярославом; и извед Юрги из Москвы Володимера, и посла и в Руский Переяславль на стол на отчину свою». Лавр. 185. Вторым московским князем был Владимир Юрьевич. Лавр. стр. 196.

⁴⁷³ Летописцы ничего не говорят о цели поездки Святославовой.

⁴⁷⁴ Никон. III, 31. Лавр. 202: «Тоеже зимы Володимер князь Костянтинович преставися в Володимери; плакася над ним Олександр князь и с братьею много, и проводи и честно из золотых ворот, и везоша и в Угличе поле».

⁴⁷⁵ Татищ. IV, 22. Это место испорчено: вместо Михаила должно читать Андрей, ибо говорится же после смерти Михаила.

⁴⁷⁶ О старшинстве Александра см. Лавр. 200: «Тако и сих Бог избави от руки иноплеменик, благочестиваго и правовернаго великого князя Ярослава с благородными своими сыны, беже их 6: Олександр, Андрей, Костянтин, Офонасий, Данило, Михайло». О том же см. Никон. III, 3, 26, равно как надпись во владимирской приходской церкви великомученика Георгия: «Сия боголюбивая великая княгиня Феодосия, дщерь галическаго князя Мьстислава Мьстиславича, честнейшая супружница благовернаго великаго князя Ярослава Всеволодича Владимирскаго, с ним же благоговейно и благоугодно поживе, от него же семь сынов породы: Феодора, Александра, Андрея, Константина, Афонасия, Даниила,

Михаила, да дщери две Евдокии и Иулиянню». См. краткое известие о Владимирских древностях О. Калайдовича, в трудах Историч. Общ. т. I // *Калайдович П. Ф. О Владимирских древностях // Труды Общества истории и древностей российских. Ч. I. М., 1815.*—Также Дополн. к Акт. Историч. т. II, № 151. Соборное послание российских владык князю Василию Константиновичу Острожскому: «Великий государь наш (Василий Шуйский) из древных лет от корене великих государей великих князей российских... и от великого достохвального великаго князя Александра Ярославича, иже многие победы на всех вразах своих показавшаго, от него же великаго государя нашего прародителя на Суздальское княжение разделишася, якоже обычай в Российском государстве великих государей *меншим* братьям на уделы садитись». После этого непонятно, почему Карамзин считает Андрея старшим.

⁴⁷⁷ Татищ. IV, 24. Что Татищев не вымыслил этого события, доказательством служат: 1) Слова Андрея, помещенные в Никонов. сп[иске] (III, 33): «Господи! Что се есть, доколе нам меж собою браниться, и наводити друг на друга татар». 2) Александр был в это время в Орде и взял старшинство от хана: если б он не был против брата, то почему не умиловил Сартака, как умиловлял его после, по случаю восстаний народных? 3) Бегство Андрея в Швецию и радушный прием со стороны шведов показывает, что они видели в Андрее врага Александра.

⁴⁷⁸ Лавр. 202: «Иде Олександр князь новгородский Ярославич в Татары; и отпустиша и с честью великою, давшу ему старейшинство во всей братии его. В то же лето сдума Андрей князь Ярославич с своими бояры богаты, нежели царем служити, и побеже на неведому землю». Никон. III, 34: «И собрав воинство свое иде противу их, и сретшеся начаша битись, и бысть битва великая и одолена татарове». Степ. кн. I, 367: «Великий князь Александр паки прииде во Орду к новому царю Сартаку. Славный же град Владимир и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Он же аще и преудобен бе благородием и храбростию, но обаче правление державы яко поделие вмения, и на ловитвы животных упражняся, и советником младоумным внимая, от них же бысть зело много нестроение, и оскудение в людех, и тшета имению. Его же ради царь Сартак посла воеводу своего» и проч.

⁴⁷⁹ Татищ. IV, 27, г. 1256: «Сегож года возвратися князь Андрей из Немец, и прият его Александр с любовию, и хотяше ему Суздаль дати, но не смеяше царя... Поеха князь Андрей на Городец и в Новьград нижний княжити, князь же Борис Василкович иде в Татары со многими дары, такоже и князь Александр Ярославич посла послы своя в Татары со многими дары, просити за Андрея. Князь Борис Василькович Ростовский был у Лавчия и дары отдал, и честь многу прием, и Андрею прощение испроси, и возвратися со многою честью во свою отчину».

⁴⁸⁰ IV, 32.

⁴⁸¹ П. С. Р. Л. т. I, стр. 226: «В лето 6772. Преставися Андрей Суздальский. Того же лета седе Ярослав, брат его».

⁴⁸² Переяславль Залесский был уделом отца его Ярослава и потому по новому порядку вещей переходил постоянно к старшему по нисходящей линии; вот почему он достался старшему сыну Ярослава — Александру, потом старшему сыну последнего — Димитрию, наконец сыну Димитрия — Ивану, с которым пресекалась старшая линия Ярославова рода; что Невский был князем Переяславля Залесского, см. Никон. III, 13: «Розмолвиша новгородцы со Александром Ярославичем, и отиде Александр скоро к отцу своему, и мало пребыв у отца и иде в Переяславль на княжение, иже на Клешине озере». Стр. 14: «Новгородцы послаша с челобитьем к в. князю, просяща у него сына его князя Александра, иже в Переяславле на Клешине озере». — Новгород. стр. 53: «Выиде князь Олександр из Новагорода к отцу в Переяславль».

⁴⁸³ Новгор. 58.

⁴⁸⁴ Там же, 62.

⁴⁸⁵ См. об этом мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, стр. 104 и след.

⁴⁸⁶ Новгород. 61.

⁴⁸⁷ Исключая, разумеется, тех, которые умерли, не получив старшинства; иначе Ярослав будет 8-й, а Василий 9-й дядя.

⁴⁸⁸ См. мое исследование о Новгороде, стр. 106.

⁴⁸⁹ См. мое исследование о Новгороде, стр. 107.

⁴⁹⁰ Никон. III, 71.

⁴⁹¹ Никон. III, 72: «И многи дары даде царю и великим князем ординским и всех наполни богатством, и уговори и уласка всех; и испроси себе княжение великое владимерское у царя, под братом своим старейшим. И прииде ему весть из Руси, яко к. в. Дмитрей Александровичь собираеть рать и крепит град, не хочет цареву слову покоритись, и зступити сь великого княжения по цареву слову, и сказа сие царю. Царь же повеле ити с ним воеводам своим... И посла (Андрей) по князя Ивана Михайловича Стародубскаго, и по все князи Руския. Пришедшим же им и советовавшим, поидоша вси ратию в Переяславль на в. к. Дмитрея Александровича».

⁴⁹² Никон. III, 73.

⁴⁹³ Татищ. IV, 58.

⁴⁹⁴ Никон. III, 74, 75.

⁴⁹⁵ Никон. III, 76, 77.

⁴⁹⁶ Там же: «и тужаше зело о нем».

⁴⁹⁷ Новгород. 64.

⁴⁹⁸ Никон. III, 84: «Бывшим же татаром в розгонех семо и овамо, и тамо князь великий Дмитрей Александровичь собрався со многою ратию и иде на них, и побежа царевич в орду, а к. в. Д. А. бояр Андреевых переима».

⁴⁹⁹ Там же, 86.

⁵⁰⁰ Там же, 87.

⁵⁰¹ Никон. III, 90: «Идоша во Орду ко царю князи Рустии жаловатись на великаго князя Дмитрея Александровича Владимирского, брат его меншеи, князь Андрей Александровичь Городецкий, князь Дмитрий Борисовичь Ростовский, да брат его князь Костянтин Борисовичь Углечский; да из двоюродных брат их князь Михаило Глебовичь Городецкий, да тесть князя Михаило Глебовича Белозерский, да князь Федор Ростиславичь Ярославский и Смоленский, да князь Иван Дмитриевича Ростовскаго, да епискуп Тарасии Ростовский». — Здесь ошибкою вместо Белозерский написано Городецкий, и потом другая ошибка: «Да тесть князя Михаила Глебовича Белозерский, да князь Федор Ростиславичь Ярославский»; должно читать: «Михаило Глебовичь Белозерский, да тесть князя Михаила Глебовича Белозерскаго князь Федор Ростиславичь Ярославский». Что Михаил Глебович был князь Белозерский, см. Никон. III, 68; что он был зять Федора Ярославского, см. там же, стр. 65, 66. У Татищ. IV, 73 вторая ошибка поправлена.

⁵⁰² Никон. III, 91.

⁵⁰³ Там же, 92.

⁵⁰⁴ Никон. III, 92. Арцыбашев (II, примеч. 496) упрекает Карамзина в голословии; но мнение Карамзина имеет за себя все вероятности и основывается на выставленном мною месте летописи. — Карамзина (IV, примеч. 172) соблазняет свидетельство летописи, что Андрей пошел в Городец: но куда же ему было идти, когда он жил в Городец и, будучи в князем владимирским, как Ярослав, жил в Твери, Василий — в Костроме, Димитрий — в Переяславле, после Михаила — в Твери, Калита — в Москве.

⁵⁰⁵ Никон. III, 68.

⁵⁰⁶ Там же, 71.

⁵⁰⁷ Никон. III, 62.

⁵⁰⁸ Никон. III, 94.

⁵⁰⁹ Лавр. 208: «Приде Андрей князь из Татар, и совокупи вои, и хоть ити на Переяславль ратью, да от Переяславля к Москве и к Тфери. Слышав же князь Михаило Тферьский и Данило Московский князь, и совокупив вои, и пришедше и стага близь Юрьева на полчищи, Андрей в Володимери; и тако не даста поити Андрею на Переяславль, бяшетъ Иоан князь, сын Дмитриев, идя в орду,

приказал Михаилу князю блюсти отчины свои и Переяславля; и за мало бои не бысть промежи ими, и взяша мир и поидоша всвоюсяи.

⁵¹⁰ Никон. III, 98: «Князь Данило Александрович Московский приходил ратию на Рязань, и бишася у града у Переяславля, и князь великий Данило Александрович Московский одоле, и много бояр и людей избил, а князя их Костянтина Романовича Рязанскаго некое хитростию ял, кромолою их же бояр рязанских, и приведе его ссобою к Москве».— Воскрес. (II, 272) прибавляет: «И много татар избил», почему и полагают здесь первую победу русских над татарами; но во 1) избить еще не значит победить: Александр Тверской также избил дружину Шевкала, однако никто не согласится признать это победою; во 2) мы уже видели, что еще Димитрий Александрович заставил бежать татарского царевича, приведенного Андреем.

⁵¹¹ Никон. III, 99: «Бысть съезд всем князем в Дмитрове о княжениях, и бысть молва велия. Князь великий Андрей Александрович Володимерский, князь Михайло Ярославичь Ярославича Тверский, князь великий Данило Александрович Московский, князь Иван Дмитриевич, внук Александров Переславский, и поделишася вотчиною меж собою, и смиришася в любви о Христе; а князь Михайло Ярославичь Ярославича Тверский со князем Иваном Дмитривичем Александровича Переславским недоконча, и мира и любви о Христе меж собою не вземше разыдошася».

⁵¹² Там же, стр. 100: «благослови же в себе место вотчиною своею Переяславлем великого князя Данила Александровича Московского дядю своего, того бо любяще паче инех».

⁵¹³ См. духовные князей московских в I т. С. г. г. и д. Также Никон. III, 219.

⁵¹⁴ Никон. III, 100.

⁵¹⁵ Там же.

⁵¹⁶ Карамз. IV, примеч. 191: В Троицкой: «Тогожь лета (1303) осенью князь вел. Андрей вышел из орды с послы и с пожалованьем царевым, и съехашась на съезд в Переяславль вси князи и митрополит Максим, князь Михайло Тферский, князь Юрий Данилович с братьею, и ту чли грамоты, царевы ярлыки... князь Юрий прия любовь, и взя себе Переяславль». Сего нет в других летописях. (Слова Карамзина.)

⁵¹⁷ Андрей похоронен, по новому обычаю, где жил, т. е. в своем Городце.— Карамзин говорит: «Никто из князей Мономахова роду не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родительского». Поэтому и Димитрий Александрович, и Василий и Ярослав Ярославичи были недостойные дети отцов своих, потому что были погребены каждый в своем городе, далеко от священного праха родительского?

⁵¹⁸ Воскр. II, 281.

⁵¹⁹ Там же.

⁵²⁰ Карамз. IV, примеч. 324. Никон. III, 101, 102, 103.

⁵²¹ Список, которым пользовался Татищев, приводит следующий благородный поступок Юрия Московского: «Князем бывшим во орде и яко кийждо хотяще великое княжение уллучити, дающе дары многи хану и ханшам и князем ордынским, тий елико емлюще толико более другаго желлаху. Юрий же, слыша, яко Михаил хошет хану дань большую обещати, шед к нему рече: «Отче и брате, аз слышу яко хоцещи большую дань поступити и землю Русскую погубити, сего ради аз ти уступаю отчины моя, да не гибнет земля Руская вас (нас) ради, и шедше к хану, объявша ему о сем. Тогда даде хан ярлык Михайлу на великое княжение и отпусти я»» (Татищ. IV, стр. 86). Иначе чем объяснить торжество Михаила на этом аукционе? Дело дошло до обещаний выхода, Михаил набивал цену, Юрий также бы мог набивать; терял тот, кто отступался; но отступиться мог только тот, кто жалел отечество, ибо дело шло не о наличных деньгах, но о будущем выходе.

⁵²² Никон. III, 103: «И слышав бывшее о Акинфе и оскорбися зело... иде ратию к Москве, и бысть им брань многа и помале смиришася».

⁵²³ Там же, стр. 104.

⁵²⁴ Там же.

⁵²⁵ Никон. III, 105: «Ходи в другие к Москве ратию всею силою, и бысть бой у Москвы, и много зла сотвори; а града не взяв отъиде».

⁵²⁶ Воскр. II, 276. Львов. II, 69 // Летописец Руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича. Ч. II. СПб., 1792; см. также: ПСРЛ. Т. XX. СПб., 1910.

⁵²⁷ См. мое исследование о Новгороде, стр. 109 и след.

⁵²⁸ Никон. III, 109.

⁵²⁹ Там же, 112: «Прииде к в. Юрьи Данилович Московский на великое княжение изо орды женився, у царя сестру его поняв именем Кончаку; егда же крестися и наречено ей бысть имя Агафия, и приведе с собою послов татарских сильных зело, именем Кавгадыя и Астрабыла и Острова. Князь же Михаил Ярославич Тверский и совещався со князи Суздалскими, и собравшемся со многими силами идоша противу их, и сретоша их у Костромы, и стояше о Волзе долго время; также к в. Юрья Данилович Московский сслався с Кавгадыем и ступився великого княжения князю Михаилу Ярославичу Тверскому». — Что Юрий пришел на великое княжение, но без ярлыка ханского, свидетельствуют слова Кавгадыя Михаилу: «А приходили есмь на тебя со князем Юрьем бес поведения царева» (Никон. III, 114).

⁵³⁰ Там же: «И тако возвратися князь Михаил во свою отчину во Тверь и заложии болшии град Кремленин».

⁵³¹ Никон. III, стр. 113, 114. Борис Данилович был взят в плен, след., он уже помирился с братом и был в его войске.

⁵³² Новгород. перв. стр. 72: «и пришедше на Волгу, и докончаша с Михаилом князем мир: како ити в орду обема, а брата Юрьева и княгину пустити». — С. г. г. и д. т. I, № 14.

⁵³³ Новгород. (72) и Воскрес. (II, 279) утвердительно говорят, что Агафия была отравлена; Никон. (III, 114) с оговоркою: «Иниж глаголют».

⁵³⁴ Никон. III, 115.

⁵³⁵ Там же, 114.

⁵³⁶ Там же, 117: «горд еси и не покорлив царю нашему, и посла царева Кавгадыя соромотил еси и с ним бился еси и татар его побил еси, и дани царевы имал еси себе, а царю еси не давал, и в немцы с казною бежати хотел еси, и казну в Рим к папе отпустил еси, и княгиню Юрьеву зельем уморил еси, и князей и татар царевых побил еси». — Михаил ничего не отвечал против обвинения в отсылке казны к папе и в намерении бежать к немцам.

⁵³⁷ Воскрес. II, 285: «И бывшу ему (Михаилу) в Володимере и се приеха посол от царя из Орды именем Ахъмыл глаголя зовет тя царь, поиди в борзе буди за месяц, ащели не будеши, то уж воименова на тя рать и на твои городы; обадил ты есь ко царю Кавгадыя глаголя не бывати ему в орде».

⁵³⁸ Никон. III, 115: «И нецыи глаголаша Азбяку царю сице, аще убиеши сына его, отец его к тебе не приидеть никогдаже».

⁵³⁹ Там же: «Кавгадыи на переем посла многих татар, на князя Михаила Ярославича Тверского, и где его обрящут, тако (т. е. тамо) его смерти предадут».

⁵⁴⁰ Там же, 116.

⁵⁴¹ Новгород. перв. стр. 72: «ходи князь Юрьи ратью на Рязань, на князя Ивана Рязанскаго, и докончаша мир».

⁵⁴² Татищ. IV, 111.

⁵⁴³ Никон. III, 126.

⁵⁴⁴ Там же, 127.

⁵⁴⁵ Там же, 129: «Понеже царь Азбяк чтяше князя Дмитрея Михайловича Тверскаго, и он на то надеяся уби в. князя».

⁵⁴⁶ Из этого не следует, однако, заключать, что в два предыдущие отдела князья наши не заключали друг с другом договоров; в летописи встречаем на них указания, напр.: «А к Романови посла (Рюрик) ко зятю своему мужи своя, обличи и и поверже ему *крестныя грамоты*» (Ипатьев. 145). — Так как положения

междукняжеского права повторяются почти одинаково во всех грамотах, то я не буду здесь ссылаться на отдельные договоры, а цитирую один раз навсегда первый том Собрания государственных грамот и договоров.

⁵⁴⁷ С. г. г. и д. т. I, стр. 57.

⁵⁴⁸ Сибирский Сборник, родословная роспись рода Кикиных // Родословная роспись рода Кикиных: Грамоты и наказы // Сибирский сборник. Часть историческая. Т. I. Напрасно один из издателей Сборника думает, что *введенный* означало, «что такой-то и его род введен в общий родовой распорядок государства»: если б Логгин Кикин называл себя введенным в этом смысле, то зачем же сыну его Тимофею величать себя также введенным боярином (см. там же)? Если отец раз введен в общий родовой распорядок, то, разумеется, вместе с ним введено и все его потомство, и сына незачем вводить вторично.

⁵⁴⁹ С. г. г. и д. т. I. № 34.

⁵⁵⁰ Новик. Древ. Рос. Вивл. т. XV // Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся. 2 изд. Ч. I—XX. М., 1788—1791.

⁵⁵¹ Древ. Вивл. т. XX.

⁵⁵² Царь велел за стол сесть постельничему с путем да стряпчему с ключом, и стряпчий Старов бил челом на постельничего Безобразова, «что де мне осударь для того ниже Безобразова сидеть невместно, хотя он меня твоею милостью *честнее путем*». Исследование Валуева о местничестве, стр. 47.

⁵⁵³ С. г. г. и д. т. I. № 35.

⁵⁵⁴ Там же. № 23.

⁵⁵⁵ Там же. № 144: Иван III в духовной своей говорит: «А что ми дал сестричич мой кн. Фед. Васильевич Рязанской свою отчину, на Рязани в городе и в посаде свой жеребей, и Старую Рязань и Перевитеск с волостями и с путми и з селы, и з бортью и з тамгою и со всеми пошлинами, потому, как ся делил с своим братом со князем с Иваном: и яз ту его вотчину, жеребей в городе на Рязани и на посаде, и Старую Рязань и Перевитеск с волостями и с путми и з селы, и з бортью и з тамгою и со всеми пошлинами, со всем потому, как было за князем за Федором, даю сыну своему Василью».

⁵⁵⁶ С. г. г. и д. т. I, № 144, завещание Ивана III: «Да благословляю сына своего Василья, и детей своих меньших в Москве годом княж Константиновским Дмитриевича, что был дан брату моему Юрью, да годом княжым Петровским Дмитриевича, что был дан брату моему Андрею меньшому, да годом княж Михайловским Андреевича; а держит сын мой Василей, и мои дети меньшие Юрьи з братьею на тех годех на Москве своих наместников, переменяя пять лет, по годом. А что был дан брату моему Борису в Москве год княж Ивановской Андреевича, и тот год приходил брата моего Борисовым детем обема дръжати на Москве своего наместника на шостой год, и братанич мой Иван ту полгоду дал мне, и яз ту полгоду даю сыну своему Василью, и братанич мой Федор с сыном с моим с Васильем тот шостой год дръжат по полгоду: сын мой Василей дръжит своего наместника полгоду, а братанич мой Федор дръжит своего наместника полжегоду».

⁵⁵⁷ Отсюда выражение: взять дань по людям и по силе. С. г. г. и д. т. I, стр. 84.

⁵⁵⁸ С. г. г. и д. т. I, стр. 77.

⁵⁵⁹ «А сел ти не купити в моем уделе ни в в. княженъи, ни твоим детем, ни твоим бояром. А хто будет покупил земли данные, служни или черных людей, а те хто возможет выкупити, ине выкупят; а не возмогут выкупити, ине потянут к черным людям; а хто не всхочет тянути, ине ся земля съступят, а земли черным людям даром».

⁵⁶⁰ «А что моих людей деловых, или кого буди прикупил, или хто ми ся будет в вине достал, тако же мои тивуни, и поселские, и ключники и старосты, или хто ся будеть у тых людей женил, всем тем людям дал есмь волю, куды им любо; а братье моей, ни моеи княгине те люди не надобны». Или: «А хто будеть моих казначеев, или тивунов, или поселских, или хто будеть моих дяжков (на

стр. 51: деяков, от глагола: деять — говорить и делать), что от мене будет ведали прибыток ли который, или у тых хто будет женился, те люди не надобни моим детям, или моей княгини, дал есмь им волю. Также хто будет моих людий купленных, грамотных полных, дал есмь им свободу, куда им любо; а детям моим, ни моей княгини не надобни».

⁵⁶¹ Подробности и перемены: «На старых мытех имати пошлыны с воза денга, а косток с человека денга же; а поедет на версе с торговлею, ино денга же; а кто ся промытит, ино с воза промыты 6 алтын, а заповеди 6 алтын, колко бы возов ни было; а промыта то, кто объедет мыть; а проедет мыть, а мытника у завора не будет, ино промыты нет; а състижить его мытник, ин возмет свой мыт, а промыты и заповеди нет. А с лодьи пошлына с доски по два алтына, а болши того пошлын нет, а с струга алтын; а тамга и осмничее взяти, аже имет торговати; а поедет мимо, ин знает свой мыт да костьки, а боле того пошлын нет; а поедет без торговли, ино с того мыта нет и пошлын».

⁵⁶² «А обидному всему межи нас суд и исправа; а о чем ся судьи наши сопрут, ини собе третьего изберут в нашей отчине в в. княженьи, а ис земли вон на третей ся не зовут».

⁵⁶³ В договорах в князей с великими же имело место следующее условие касательно суда: «А нам князем великим в суды вопчие не вступатися: а судьям нашим сести судити, целовав крест в правду, по целованью. А что ся учинит меж нас наше дело князей великих, и нам отслати бояр, и зыхався учинят исправу; а чего не могут управити, о чем ся сопрут, ини едут на третей: а на кого помолвит третей, и виноватый перед правым поклонитца, а взятое отдаст; а не отдаст, ино у него отнять, а то не в измену. А рати не замышляти; а третей меж нас хто хочет, тот воименует три князя крестьяньские: а на ком ишут, тот себе изберет из трех одного; а судьи наши вопчии о чем сопрутца, ино им третей по томуж». — Подробности: «А суженого не посужати; а татя, разбойника, грабежника, душегубца где имут, туто судят; а иметь ся просити на извод, ино его на извод пустити. А кто имет холопа или должника, а поставит перед волостелем, в том ему вины нет; а выведет из волости, а перед волостелем не поставит, в том ему вина. А холоп и роба почнет ся тягати с осподарем, а пошлется на правду, а не будет по холопе и по робе поруки, ино их выдати осподарю, а по должнике не будет поруки, ино его обинити; а пошлыны с семьи три алтына, а з головы алтын; а кой ся не иметь тягати, с того пошлыны нет».

⁵⁶⁴ С. г. г. и д. т. I, стр. 87.

⁵⁶⁵ Так, в договоре в. к. Василия Дмитриевича с дядею Владимиром Андреевичем читаем: «А что ординская тягость и коломенский посол, коли еси был в своей отчине, а то нам по розочту; а володимерский послы, как ты выехал из свое отчины, а тот ти протор не надобе. А найду собе Муромь или Торусу, или иная места, тот ти протор не надобе: а что тебе Бог даст иных мест, оприч Мурома и Торусы, а тот протор нам не надобе».

⁵⁶⁶ Стр. 102: «А что есмь занял у гостей и сукольников шесть сот рублев, да заплатил есмь в твой долг в ординской Резеп-Хозе, да Абину в кабалы, и на кабалах есмь то серебро подписал: и тебе с мене тот долг ту шесть сот рублев сняти, а с теми гостьми ведатися тебе опроч мене самому; а мне тебе тех сказати, у кого есмь то серебро заимывал».

⁵⁶⁷ «А что мои люди грабили бояр твоих, или и нятцев твоих, или людей твоих опроч бою, ино то отъдати: а не отъдадут, ино тому суд и исправа, опроче състного».

⁵⁶⁸ Стр. 95: «А кто будет того полону запродан за рубеж или инде где, и тебе тот полон выкупити весь безхытственно, да отдати мне в. князю».

⁵⁶⁹ «А что мои наместници и волостели и посельския и их тивуну ведали твою отчину и села боярскии в твоей отчине, и о том нам отслати по боярину, и они о том учинят исправу; что будет взято право, то остало; а что будет взято криво, то отдати по исправе», стр. 87.

⁵⁷⁰ «А что были меж нас в наше нелюбие войны и грабежи, или дани иманы, или где что взято и положено, и тому погреб на обе стороне».

⁵⁷¹ «А што села княгининские пошлые, то ее и есть; а ведает те села пошлые княгининские дотоле княгини моя, доколе даст Бог женится сын мой, а потом ина даст те села сына моего княгине, своей сносе, которые были издавна за княгинями».

⁵⁷² Слово «опричина» явилось на севере вследствие разрушения родового быта и уничтожения понятия об общей родовой собственности; причина употребляется иногда в смысле удела, который принадлежит князю в полную, отдельную собственность и противопоставляется великокняжеской области Владимирской, переходящей к старшему в роде, напр. св. Михаил Тверской говорит Юрию Московскому: «Оже дал царь тебе великое княжение то и аз отступаю тебе. Княжи на великом княжении. Но в мою *опришину* (т. е. в Тверь) не вступайся» (Воскрес. II, стр. 282).

⁵⁷³ «А што ее примысл, в том волна, по душе ли даст, сыну ли даст; да к тому ей даю в *опришину* два села (имярек), в тех дву селех так же волна, по душе ли даст, сыну ли даст».

⁵⁷⁴ «А ис тех волостей и с сел, што есм писал княгине своей, хто ся имет жаловати на волостей, или на тиунов, ли на посельских, или на доводщиков, то судит княгини моя, или кому прикажет; а сыну моему князю в те суды не вступатися. А переменит Бог татар, и княгини моя емлет с тех волостей и с сел дань себе; а сыну моему князю Ивану также в ту дань не вступатися. А коли придет дань или ям, и княгини моя даст с тех волостей и с сел по розочту, што ся иметь». Или: «Дал есмь ей Лужу и со всеми слободами и с волостями и с околицами и с селы и з бортью, с тамгою и с мыты и с озеры и со всеми пошлинами... А на мытников и на таможников дети мои на Городецких матери своей приставов своих не дают, ни судят их, мытников своих и таможников судит их княгини моя: а в мыт и в тамгу дети мои не вступаются ни каковыми делами... А судит княгини моя удел свой и те села и бояре свои сама, а дети мои в то не вступаются... А учинится в Луже душегубство или в волостех в лужевских и в слободах и в околицах удела княгини моей, и те душегубства потянут к Луже; а дети мои в те душегубства не вступаются».

⁵⁷⁵ «А кто учнет бояр служитьи моеи княгине, а тех бояр дети мои блюдите с одинокого».

⁵⁷⁶ Никон. III, 136: «И бяше убо веселие непрестанно посреди обоих духовное, князю убо во всем послушающу, и честь велию воздающу отцу своему».

⁵⁷⁷ Там же, стр. 135: «И зело возлюбил его (Калиту) божий святитель, и начать больше инех мест жити во граде том».

⁵⁷⁸ Никон. III, 139, 140: «Иным же князем многим не много сладостно бе, еже град Москва митрополита имяше в себе живуша».

⁵⁷⁹ См. Исследование В. Григорьева: о достоверности ярлыков, данных ханам русскому духовенству, стр. 50 // *Григорьев В. О достоверности ярлыков, данных ханам Золотой Орды русскому духовенству. М., 1842.*

⁵⁸⁰ Никон. III, 137, 138.

⁵⁸¹ Там же, 138.

⁵⁸² Новгород. стр. 74.

⁵⁸³ Там же, 139: «Вся земля Тверская пуста, и все быша лесы и пустыни непроходимые».

⁵⁸⁴ Никон. III, 152.

⁵⁸⁵ Там же, 153: «аще поидем на князя Ал. Мих. Тверскаго и се псковичи вси яшася за него всею крепостию, и обещеваются вси умрети за него; близ же сууть их и немцы, и се им помощь».

⁵⁸⁶ Псков. летоп., изд. Погод. стр. 21.

⁵⁸⁷ Новгород. стр. 75: «Приидоша послове из Плескова от князя Александра, и от Гидимона послове, и от всех князей литовских к митрополиту, и приведоша с собою Арсения, хотяще его поставити на владычество в Плесков, а Новагорода не творя ничим, възнес бо ся высокоумием своим, нъ Бог и святая София низлагаеть всегда высокоумящих, зане псковичи изменили крестное целование к Новгороду, посадили себе князя Александра из литовския руки».

⁵⁸⁸ Никон. III, 163: «Князь великий Александр Михайлович Тверский нача тужити и скорбети живя во Пскове, глаголя сице: прииму смерть zde, что убо ми будет и детям моим! Видят бо вси языцы, яко отбежа княжения своего и смерть прия, и тогда дети мои лишени будут княжения своего».

⁵⁸⁹ Там же.

⁵⁹⁰ Там же, стр. 164.

⁵⁹¹ Никон. III, 164: «Тогож лета (1336) отъехаша бояре мнози от князя Александра Михайловича Тверскаго на Москву к великому князю Ивану Даниловичу». Карамз. IV, гл. IX: «Вероятно, что Александр, быв долгое время вне отчизны, возвратился туда с новыми любимцами, коим старые вельможи завидовали». — Догадка вполне, по нашему мнению, справедливая; это явление объясняется местничеством: новые бояре Александровы заехали старых тверских.

⁵⁹² Новгород. стр. 79.

⁵⁹³ Татишев (IV, 136) приводит известие еще о других виновниках гибели Александровой: «Бывшу же Александру Михайловичу в Немцах и Литве, мнози истязашу от него многие дары и обеты прирекающе ему помогати, но ничто полезно ему сотвориша. И он издав имения своя живяше во стране чужих в велием убожестве и нищете. И егда прият от хана княжение тверское, ничею, но токмо Божескою помощию и своею мудрою кротостию, тогда тии немцы и литовстии вельможи прошаху от него обетов. Он же яко ведый себе неповинна и неимуща что дати, разорено бо еще бе княжение его, отказа им, а иных проси да подождут до исправы. Тии же шедше во орду начаша хану Азбяку жаловатися и клеветати на князя Александра».

⁵⁹⁴ Никон. IV, 204.

⁵⁹⁵ Никон. IV, 204, 205: «Егда внидоста во град Ростов тогда возложиста велику нужу на град, да и на вся живущая в нем, и гонение много умножись, и не мало их от ростовец москвичем имения своя с нужею отдаваху, а сами противу того раны на телеси своем со укоризною взимающе, и тщиия рукама отхожаху, иже последняя бедства образ; яко не токмо имения обнажения быша но и раны наплоти своей подъяша, и язвы жалостно на себе носиша и претерпеша. И что подобает много глаголати толико дерзновенна над Ростовом содеяша, яко и самого того епарха градскаго, старейшаго боярина ростовского именем Аверкия стремглав обесиша, и возложиша на ня руке свои, и оставиша поругана точию жива, и бысть страх велик на всех слышащих сия, не токмо во граде Ростове, но и во всех пределех его и во властех, и в селех... и ростовския ради нужда и насилования и злоб разбегошась людие мнози».

⁵⁹⁶ Новгород. стр. 79: «Ходи князь велики Иван в орду, его же думою приславше татарове, позваша Александра, и Василия Давыдовича Ярославскаго, и всех князей, в орду. Князь же Александр послал бе преже себе в орду сына своего Феодора, чаа оттоле вести; и присла по него царь и поиде в орду, и Василий Ярославский, нань же посла князь Иван, тесть его, в 5-сот перемать, нь отбися их».

⁵⁹⁷ Никон. III, 170.

⁵⁹⁸ О прозвище Калита см. Карамз. IV, примеч. 321.

⁵⁹⁹ С. г. г. и д. т. I, № 21 и 22.

⁶⁰⁰ Юрий, Александр, Афанасий, Борис.

⁶⁰¹ Калита купил Углич, Белозерск и Галич; но ни в духовной самого Ивана, ни в духовной сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Донской говорит о них как о купле педана своего. — Карамзин (IV, гл. IX) делает предположение, что эти прикупы принадлежали не к Москве, но к великому княжению! Но как мог Калита прикупать к в. княжению, которое вовсе не принадлежало в собственность его роду и по смерти его могло перейти к князю тверскому или нижегородскому? Это значило бы обогащать других князей на свой счет. Дело объясняется тем, что Калита купил эти города у князей, но оставил еще им некоторые права владетельных, подчиненных однако в к. московскому, а при Димитрии Донском они были лишены этих прав. Сам же Карамзин (примеч. 327) говорит, что в 1339 году белозерский князь вместе с Александром Тверским ездил

в Орду и что галицкий князь Дмитрий был изгнан из этого удела Дмитрием Донским.

⁶⁰² Воскр. II, 312; Соф. врем. I, 324.

⁶⁰³ Татищ. IV, 146.

⁶⁰⁴ Там же, стр. 175.

⁶⁰⁵ Герберштейн у Старчевского: *Historiae Ruthenicae Scriptorum exterii t. I, p. 7 // Sigismundi Herbersteini rerum Moscovitarum commentarii // Historiae ruthenicae scriptores. Exteri saeculi XVI / Ed. Adalbertus de Starczewski. V. I. Berolini et Petropoli, 1841; см. также: Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908.*

⁶⁰⁶ Никон. III, 195.

⁶⁰⁷ Кажется, у Симсона оставался малолетний сын, который скоро умер; это видно из следующих слов завещания: «Приказываю своей братье свою княгиню и своего...» — С. г. г. и д. т. I, № 24.

⁶⁰⁸ Летописец упоминает об отцовских боярах как о редком, чрезвычайном явлении; так, описывая сношения Святослава Ольговича с Юрием Долгоруким, летописец говорит: «И бысть к велику дни на вербеницу, и ту преставися добрый старец Петр Ильич, иже бе отца его (Святослава) муж» (Ипатьев. 29). Также, говоря о воеводе Всеволода III Дорожае, летописец прибавляет: «То бо бяшетъ ему отънъ слуга» (Там же, 125). Вот все случаи, где летописец упоминает об отцовских боярах!

⁶⁰⁹ Никон. III, 184, 185.

⁶¹⁰ Там же, 190, 191.

⁶¹¹ Никон. III, 191, 192.

⁶¹² Никон. III, 196.

⁶¹³ Там же, 211.

⁶¹⁴ Воскр. II, 310.

⁶¹⁵ Никон. III, 170.

⁶¹⁶ Там же, 178.

⁶¹⁷ Карамзин (IV, примеч. 302) упоминает о летописи в Синодал. библиот. XV в., № 349, л. 226, где говорится, что Узбек поделил между Александром Васильевичем Суздальским и Иваном Калитой, причем Владимир достался первому и уже по смерти его перешел к в. к. московскому. — Это известие очень подозрительно, ибо у Александра не было никаких прав на Владимир; здесь может иметь место только одно предположение, а именно, что Калита уступил Владимир на время Александру, чтоб иметь в нем союзника против опаснейшей Твери, и точно — мы видим, что Александр постоянно ходит с войском Калиты.

⁶¹⁸ См. завещание Ив[ана] Ив[ановича]. См. также договорную грамоту Олега Рязанского с Дмитрием Донским в 1381 году, С. г. г. и д. т. I, № 32: «А что на Рязанской стороне за Окою, что доселе потягло к Москве, Почен, Лопастна, уезд Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Бродничъ с мesty, как ся отступили князи торуские Федору Святославичу, та места к Рязани». Здесь выражение: «доселе потягло к Москве» означает, что Донской снова присоединил их к Москве; князя тарусские и Федор Святославич были поверенные — первые со стороны Москвы, второй со стороны Рязани, — которые заключили мирный договор при Иване.

⁶¹⁹ «Приехав ис Чернигова в Тверь Борис Федорович, прозвище ему было Половой; и был в Твери боярин, у Бориса сын Федор и тот во Твери боярин же был, у Федора сын Михайло Шетен, а во Твери был тысяцкой. А у Михайла сын Константин Шетнев, а во Твери был тысяцкой же. А у Константина детей: Иван Шетнев, тот был во Твери тысяцкой же» (Москвит[янин]. 1843 г., № 1). — Тысяцкий был муж из дружины князя, назначался князем; быть назначену от князя тысяцким выражалось: *принять от князя тысячу* (Ипатьев. 180). Что тысяцкий был муж из дружины князя, видно из следующего места (Соф. врем. I, 120): «А се оставил великий князь Владимир Всеволодич Манамах, по Святополце созвав дружину свою на Берестовом: Ратибора тысяцкого киевскаго, и Прокопия тысяцкого белгородского, Станислава тысяцкого перяславльскаго». Если граждане брали от известного князя его тысяцкого, то это значило, что они

передаются этому князю. Будучи предводителем городского ополчения на войне, тысяцкий и во время мира сохранял важное значение среди граждан, был как бы посредником между ними и князем: так, мы видим, что князь посылает тысяцкого на вече с известными предложениями народу (Новгор. стр. 37). Князь, выходя из одной области в другую, брал своего тысяцкого с собою; могло случиться, что в новом городе он находил старого тысяцкого, после прежнего князя оставшегося; тысяцкий, пришедший с новым князем, сменял старого; но могло случиться, что князь, заметив, что прежний тысяцкий пользовался расположением граждан, оставлял его на прежнем месте, желая чрез то приобрести его расположение и вместе расположение граждан; так, напр., Игорь Ольгович по смерти брата своего в. к. Всеволода сказал тысяцкому Улебу: «Держи ты тысячу, как еси у брата моего держал» (Ипатьев. 23). Из особ светских тысяцких, после князя, играл первую роль в городе: в летописи имена тысяцких упоминаются вместе с именами князей, напр., такое-то событие случилось при таком-то князе и при таком-то тысяцком. Ипатьев. 33, Кёнигсберг. 129.

⁶²⁰ С. г. г. и д. т. I, № 23: «А что Олексе Петрович вшел в коромолу к в. князю, нам князю Ивану и князю Андрею к собе его не приимати, ни его детей, и не надеятись ны его к собе до Олексева живота; волен в нем князь великий, и в его жене и в его детех. А тебе господине к. в., к собе его не приимати же в бояре: а мне князю Ивану, что дал к. в. из Олексева живота, того ми Олексею не давати, ни его жене, ни его детем, ни иным ничим не подмагати их».

⁶²¹ Никон. III, 207. Карамз. IV, примеч. 381: здесь слово *дружина* знач[ит] товарищи, близкие, т. е. бояре, как прямо говорит Никон., а не дружина в военном смысле, что ввело в заблуждение Карамзина, который говорит: «Тысяцкий столицы, важнейший из чиновников и подобно князю окруженный благородною, многочисленною дружиною».

⁶²² Никон. III, 207, 208: «Убиение же его страшно и незнаемо и неведомо ни от кого же; точно обретется убиен лежа на площади егда завтреню благовестят. И нецни глаголют о нем, яко совет сей сотвориси или от бояр, или от иных в таине. И тако убиен бысть, якоже князь великий Андрей Боголюбский от Кучковичев; и бысть мятеж велии на Москве того ради убиства. И тако тоуже зими по последнем пути большии бояре московстии отъехаша на Рязань з женами и з детьми».

⁶²³ Там же, 210: «К. в. Ив. Ив. прииде из орды, и перезва к себе паки дву бояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михаило и зять его Василей Васильевич».

⁶²⁴ Но Симеон отказал свой участок жене своей Марье, которая еще была тогда жива, как видно из завещания Иванова, и владела многими местами в уделе Димитрия, почему сказано, что по ее смерти все ее владения переходят к Димитрию; но она же, по завещанию мужа, должна была владеть Можайском и Коломною? Стало быть, она уступила их после в. к. Ивану. В завещании последнего упоминается еще о какой-то княгине Ульяне, после которой владения разделяются между Димитрием, Иваном и Владимиром, ибо на то была воля Калиты, т. е. Калита дал кн. Ульяне волости с тем, чтоб по ее смерти они были разделены между его сыновьями, а теперь они должныствовали быть разделены между их потомством. Карамзин (IV, стр. 179) называет Ульяну женою Андреевою, что не может быть принято, ибо Андрей женился в 1343 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты, след., последний не мог распорядиться делами невестки, которой еще не было.

⁶²⁵ Никон. III, 215; Татищ. IV, 188.

⁶²⁶ Никон. там же.

⁶²⁷ Татищ. IV, 188.

⁶²⁸ Там же, стр. 195.

⁶²⁹ Ипатьев. 213, 214, 215, 216, 218.

⁶³⁰ Карамз. IV, примеч. 268.

⁶³¹ См. Зубрицкого — Повесть временных лет Галицкой, или Червоной, Руси, перевод с польского О. Бодянского, стр. 103 // *Зубрицкий Д.* Критико-историческая повесть временных лет Червоной, или Галицкой, Руси. М., 1845.

⁶³² Ипатьев. 202.

⁶³³ Никон. III, 174; Татищ. IV, 175.

⁶³⁴ Никон. III, 174.

⁶³⁵ Там же, 182.

⁶³⁶ Там же, 187.

⁶³⁷ Никон. III, 192.

⁶³⁸ Новгород. стр. 84.

⁶³⁹ Никон. III, 195.

⁶⁴⁰ Сын Константина Суздальского Борис женился на дочери Ольгердовой; в. к. Иван отдал дочь за Кориадова сына Дмитрия: Никон. III, 204, 206.

⁶⁴¹ Там же, 207.

⁶⁴² Никон. III, 213.

⁶⁴³ Никон. IV, 5: «Тогда вси князи отъехаша в Новгород Нижнии ко князю Дмитрию Костянтиновичу, скорбяще о княжениях своих». О князьях ростовских см. Арцыбашева п. о Р. II, примеч. 795.

⁶⁴⁴ Симеон Константинович Тверской приказал свой удел двоюродному брату Михаилу Александровичу мимо дядей Михайловичей (Древ. летоп. I, 240); Андрей Константинович Нижегородский отдал удел младшему брату Борису мимо старшего Дмитрия (Никон. IV, 8, 9).

⁶⁴⁵ Никон. IV, 10: Дмитрий отдал Борису Городец, а себе взял Нижний. Каким образом Городец, стольный город Андрея Александровича, перешел к суздальским князьям? Здесь два предположения: 1) или они захватили его, пользуясь борьбою московского князя с тверским; 2) или Калита уступил его им, не желая иметь и отсюда соперников: точно так, как уступил на время Владимир (см. выше).

⁶⁴⁶ Никон. IV, 10.

⁶⁴⁷ Там же, 12.

⁶⁴⁸ Там же, 15.

⁶⁴⁹ Там же.

⁶⁵⁰ Никон. IV, 16.

⁶⁵¹ Там же, 19.

⁶⁵² Никон. IV, 11, 22: «А преяя сего таково зло небывало к Москве от Литве, аще и от татар много зла бывало но от Литвы едино се зло сотворися, и то окаянно и всегубительно».

⁶⁵³ Летописец, содерж. Рос. Историю от 1206 до 1534 г. стр. 117 // Летописец, содержащий Российскую историю от 6174—1206 лета до 7062—1534 лета, т. е. до царствования царя Иоанна Васильевича, который служит продолжением Несторову летописцу. М., 1784; см. также: ПСРЛ. Т. XXIV. Пг., 1924.

⁶⁵⁴ С. г. г. и д. т. I, № 31: здесь ошибкою вместо 1372 г. поставлен 1371.

⁶⁵⁵ Там же, № 28; здесь год опять выставлен ошибочно.

⁶⁵⁶ Никон. IV, 84.

⁶⁵⁷ Никон. IV, 49.

⁶⁵⁸ Никон. IV, 27.

⁶⁵⁹ Северный князь Константин Ростовский сам признается Мстиславу Удалому, что его люди «к боеви не дерзи, тамо и розидутся в городы» (П. С. Р. Л. т. I, стр. 213). Вспомним отзыв венгерского полководца о южных русских полках: «Русь тциви суть на брань, да стерпим устремление их, не стерпими бо суть на долго время на сечю» (см. мою статью о нравах и обычаях в древней Руси, напечат. в Чтениях И. О. И. и Д. Р. № 1); вспомним, что теперь наши полки отличаются противоположным качеством: о русском солдате говорят, что его можно убить, но не сдвинуть с места; это солдат новой, Северной Руси. В означенной противоположности характеров древнего и нового войска нашего видно все различие между старою и новою Русью, Русью дружинною и Русью государственною: в первой должно было господствовать беспокойное, порывистое движение, во второй — прочность, твердость; в первой — завоевание, располжение земли, во второй — собиране, сплочение воедино и сохранение.

⁶⁶⁰ См. мое исследование об отношениях Новгорода к в. князьям, примеч. 283.

⁶⁶¹ Никон. IV, 31. Еще прежде под 1208 годом суздальский летописец выразился так о рязанцах: «И прислаша рязанци буюю речь, по своему обычаю и непокорьству» (Лавр. 183).

⁶⁶² Никон. IV, 32.

⁶⁶³ В договоре Василия Дмитриевича с Олеговым сыном Федором говорится о московских воинах, возвращавшихся с Дону и захваченных в земле Рязанской: «А будет в твоей отчине тех людей, з Дону которые шли, и тех ти всех отпустить» (С. г. г. и д. т. I, № 36).

⁶⁶⁴ С. г. г. и д. т. I, № 32.

⁶⁶⁵ Никон. IV, 132: «Князь Олег Рязанский сrete царя Тахтамыша на украинских своая земли Рязанская и доби ему челом, дабы не воевал ево земли, и обведе его около своей земли, и броды ему указа на Оце».

⁶⁶⁶ Там же, 138: «Землю его воеваша и огнем пожгоша, и плениша вся и пусто всю сотвориша; злее ему стало и Татарские рати».

⁶⁶⁷ Никон. IV, 146, 147.

⁶⁶⁸ Там же, 148.

⁶⁶⁹ Там же, 155, 156: «И рече им дядя их: милый мои сыновцы, ныне яз от вас плачу, потом же и вы восплачете от врагов своих».

⁶⁷⁰ С. г. г. и д. т. I, № 27.

⁶⁷¹ С. г. г. и д. т. I, № 29.

⁶⁷² Никон. IV, 157.

⁶⁷³ На эти неприязненные действия указывают следующие слова духовного завешания Донского: «А которые деревни отоимал был князь Володимер от Лыткиньского села княгини моее к Берендееве слободе».

⁶⁷⁴ С. г. г. и д. т. I, № 33.

⁶⁷⁵ Ник. IV, 41.

⁶⁷⁶ Там же, 80.

⁶⁷⁷ Там же, 85.

⁶⁷⁸ Никон. IV, 184.

⁶⁷⁹ Допол. к Актам Историч. т. I. № 8: «Се яз князь великий Димитрий Иванович пожаловал есмь Евсеевка Новоторжца, что идетъ из Торжку в мою вотчину на Кострому... а приказал есмь его блюсти дяде своему Василью тысяцькому».

⁶⁸⁰ Летопись, служащ. продолж. Нест. стр. 183.

⁶⁸¹ Соф. врем. I, 389. Пусть эта речь выдумана, изукрашена сочинителем: для нас важны не собственные слова в. князя, но то, как представлялись современникам отношения его к боярам.

⁶⁸² Никон. IV, 202.

⁶⁸³ С. г. г. и д. т. I, № 34.

⁶⁸⁴ Никон. IV, 191.

⁶⁸⁵ Никон. IV, 239 и след.

⁶⁸⁶ Никон. IV, 240 и 241.

⁶⁸⁷ Там же, 304.

⁶⁸⁸ Никон. IV, 265 и след.

⁶⁸⁹ Карамз. V, примеч. 177.

⁶⁹⁰ Никон. IV, 283.

⁶⁹¹ Там же, 298, 302, 305, 306.

⁶⁹² Там же, 308.

⁶⁹³ Никон. IV, 309.

⁶⁹⁴ Летоп. содерж. в себе Росс. ист. от 852—1598 г. стр. 123, 124: «И слышав князь великий Василий Дмитревичь, и рече князю Юрью: приехал еси с лестию, а смолняном велел датися за Витовта, и возложи нелюбье, и князь Юрье побже с Москвы в Великий Новгород».

⁶⁹⁵ Никон. IV, 310.

⁶⁹⁶ Летопис. содерж. Росс. ист. от 1206—1531 г. стр. 21.

⁶⁹⁷ Псков. стр. 43: «Псковичи биша челом князь великому Василию, абы им помогл. И князь великий Василий разверзе мир со князем литовским

с Витовтом, с тестем своим, псковския ради обиды: занеже неверник и отступник правыя веры Христовы повоева Псковскую волость и город Коложа взя на крестном целованьи».

⁶⁹⁸ Лет. содер. Рос. ист. от 1206—1531 г. стр. 221. Арцыб. п. о Р. II, примеч. 1141.

⁶⁹⁹ Никон. IV, 317.

⁷⁰⁰ Зубрицк. Повесть врем. л. стр. 234.

⁷⁰¹ Который, след., был взят у Нелюба.

⁷⁰² Никон. V, 21 и след.

⁷⁰³ Там же, 17.

⁷⁰⁴ Никон. V, 109: «Князь Юрьи князь великийи будет на Москве, а в Литве князь великий побратим его Ствистригаило».

⁷⁰⁵ Там же, стр. 30.

⁷⁰⁶ С. г. г. и д. т. II, № 15.

⁷⁰⁷ Вот что сказано в Супрасльской рукописи (стр. 136) о поблажке Василия замыслам Витовта // Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи, изд. М. А. Оболенским. М., 1836; см. также: ПСРЛ. Т. XVII. СПб., 1907: «Князь же Юрии (Смоленский) съехася с князем Василием с Московским, и выеха из Смоленска не во мнозе дружине, а княгиню свою и бояр оставив в граде и приказа ждати себя на срок на пръвый и на другый и на третий, а сам приеха на Москву и бил чолом князю великому Василию, прося в него помощи: князь же Василии обеща ему дати силу свою и удръжа его на тыя сроки, а норова тьстю своему Витовту».

⁷⁰⁸ Кроме Федора Кошки и сына его Ивана, в княжение Василия Димитриевича был знаменит также боярин Данило Федорович, год смерти которого записан летописцем, причем сказано: «Иже много служил в князю во орде и на Руси и по чужим землям». Никон. IV, 251.

⁷⁰⁹ С. г. г. и д. т. I, № 36.

⁷¹⁰ Никон. V, 14, 15.

⁷¹¹ С. г. г. и д. I, № 14.

⁷¹² Никон. IV, 297, 299, 307, 313; V, 9, 17, 43.

⁷¹³ Карамз. V, примеч. 207.

⁷¹⁴ С. г. г. и д. I, № 35.

⁷¹⁵ С. г. г. и д. [I], № 38.

⁷¹⁶ Там же, № 40.

⁷¹⁷ С. г. г. и д. I, № 37; Акты арх. эксп. I, № 10// Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. Т. I. СПб., 1836.

⁷¹⁸ С. г. г. и д. I, № 39.

⁷¹⁹ Там же, № 43, 44.

⁷²⁰ Никон. V, 73.

⁷²¹ С. г. г. и д. [I], № 39.

⁷²² С. г. г. и д. т. I, № 41.

⁷²³ Там же, № 42.

⁷²⁴ Что же касается до известия, сообщаемого Герберштейном (у Старчев.: Hist. Ruth. script. exteri saeculi XVI, vol. I, p. 8), будто Василий Димитриевич, подозревая жену свою Анастасию (в м[иру] Софию) в неверности, отказал в княжение не сыну Василию, но брату Юрию, то это сказка, выдуманная и рассказанная Герберштейну боярами, озлобленными на потомство Василия Темного.

⁷²⁵ Никон. V, 82.

⁷²⁶ Карамз. V, примеч. 257. Ср. Никон. V, 83.

⁷²⁷ Никон. V, 85.

⁷²⁸ С. г. г. и д. I, № 43 и 44.

⁷²⁹ Там же на обороте написано: «А сю грамоту кн. великому прислал съкладною вместе князь Юрьи, к Орде ида».

⁷³⁰ Никон. V, 109 и след.

- ⁷³¹ Никон. V, 110.
⁷³² Там же, 111.
⁷³³ Никон. V, 112.
⁷³⁴ Никон. V, 112.
⁷³⁵ Там же 113.
⁷³⁶ Никон. [V,] 114, 115.
⁷³⁷ Никон. V, 115.
⁷³⁸ Акты Историч. I, № 40 // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссиею. Т. I—V. СПб., 1841—1842.
⁷³⁹ С. г. г. и д. т. I, № 49 и 50.
⁷⁴⁰ С. г. г. и д. т. I, № 51.
⁷⁴¹ Там же, № 45, 46, 47, 48.
⁷⁴² Никонов. V, 118.
⁷⁴³ С. г. г. и д. т. I, № 52 и след.
⁷⁴⁴ О поведении Косога во время войн с Василием Московским см. Никон. V, 120: «И город Устюг взял; а воеводу великого князя Василия Васильевича князя Плева Ивановича Оболенского убил, а десятилка владычня ростовского Иева Булатова повесил, и многих устюжан сек и вешал». См. также Акты Историч. т. I, № 40: духовенство пишет к Шемяке: «И брат ваш старейший, князь Василий въсхоте княжения великого, и колико крови христианские пролья, и священников и черноризцев просече и извеша!»
⁷⁴⁵ Терберштейн у Старч. Hist. Ruth. script. ext. 1, p. 57: «Regio palustris et sterilis est, servorum fugitivorum velut asylum quoddam».
⁷⁴⁶ С. г. г. и д. т. I, № 52.
⁷⁴⁷ Никон. V, 119.
⁷⁴⁸ Акты Арх. Эксп. I, № 29.
⁷⁴⁹ Никон. V, 120.
⁷⁵⁰ Летоп. содер. в себе Рос. Ист. от 852 до 1598 г. стр. 147: «Приде же весть великому князю на Москву, что вятчана князя Александра и со княгинеею поимали, и на Вятку свели, и князь великий велел князю Василью Косому очи выняти».
⁷⁵¹ С. г. г. и д. т. I, № 60.
⁷⁵² Никон. V, 157. В послании духовенства к Шемяке, в Акт. Историч. I, № 40: «Егда приходил к Москве безбожный царь Махмет; и князь вел. Вас. Вас. колькое послов своих по тебе посылал, такоже и грамот, зовучи тебе к собе на помощь? И ты к нему не пошел».
⁷⁵³ Послание духовенства к Шем[яке]. Акт. Истор. I, № 40: «А по тебе брат твой старейший, князь великий посылал послов своих до четыредесяти, зовучи тебе к собе за христианство помогати: и ты ни сам к нему не поехал, ни воевод своих с своими людьми не послал». Кажется, здесь выражение «40 раз» употреблено вместо «много раз».
⁷⁵⁴ Никон. V, 197 и след.
⁷⁵⁵ Там же, 200; в Степ. книге: «Шемяка увеша Бигича, еже убиену быти в. князю».
⁷⁵⁶ Никон. V, 200; Карамз. V, примеч. 329.
⁷⁵⁷ Карамз. там же.
⁷⁵⁸ Там же.
⁷⁵⁹ Никон. V, 201.
⁷⁶⁰ С. г. г. и д. т. I, № 61, г. 1445. Андреевичи говорят в князю: «А что ти, господине князь велики, на нас на свою братью на молодшею было на сердце; и то ти, господине, по се наше докончанье заднее все нам оставити».
⁷⁶¹ Никон. V, 202.
⁷⁶² Там же: «Мнози же и от москвичь в думе с ними бяху бояре же и гости; беже и от чернцев в той думе с ними».
⁷⁶³ Там же, 203: «А ко князю Дмитрию Шемяке и Ивану Можайскому вести по вся дни посылаеми бяху с Москвы от изменников».
⁷⁶⁴ Карамз. V, примеч. 334.
⁷⁶⁵ Никон. V, 207.

⁷⁶⁶ Никон. V, 206.

⁷⁶⁷ Вероятно, южный русин.

⁷⁶⁸ Никон. V, 197, 213.

⁷⁶⁹ Там же, 208.

⁷⁷⁰ Там же, 209.

⁷⁷¹ Никонов. V, 210: «А князь великий пред ним смиряшеса, и во всем вину на ся возлагая: яко и не сие мне пострадати было грех ради моих и беззаконий многих, и преступлений пред вами пред всею старейшею братьею, и пред всем православным христианством, его же изгубих и еще изгубати хотел есмь».

⁷⁷² Летопис. содерж. Росс. истор. от 852—1598 г. стр. 152, 153.

⁷⁷³ Никон. V, 211.

⁷⁷⁴ Летопис. содерж. Росс. [истор. от] 852—1598 г. стр. 153: «Игумен же Трифон, и со всею братьею благослови великаго князя Василья Васильевича и его детей на великое княжение, а ркуче так: «Государь! Тот грех на мне буди и на моей братии и на главах наших, что еси целовал крест, и крепость дал на себя князю Дмитрею Шемяке, поиди государь с Богом, и с своею правдою, на свою вотчину, на великое княжение на московское»».

⁷⁷⁵ Там же, стр. 154.

⁷⁷⁶ Никон. V, 212.

⁷⁷⁷ Никон. V, 212, 213: «А князь Дмитрий Шемяка и князь Иван Можайской еше стояли тогда на Волоцке, а князь великий в ту пору послал к Москве изгоном боярина своего Михаила Борисовича Плещеева с малыми зело людьми как бы им мочно проити мимо рать Княжедмитриеви; и тако проидоша к Москве ношью противу Рожества Христова. В самую же завтреню приидоша к Николским воротам, а в ту пору во град ехала к завтрене княгиня Ульяна Княжевасильева Володимировича к празднику и вратом отвореном бывшим. Они же часа того внидоша во град, наместник же Княжедмитриев Федор Галичской и за пречистыя у заутрении убежа; а Княжеиванова наместника Василия Шигу бежаща из города на коне изымал истобничшко великие княгини Ростопчею звали, и приведе его к воеводам и сии сковаша его; а протчих Княжедмитриевых и Княжеивановых имеючи грабяху и коваху, а граждан приведоша к целованию за великаго князя Василья».

⁷⁷⁸ С. г. г. и д. т. I, № 62.

⁷⁷⁹ С. г. г. и д. т. I, № 67.

⁷⁸⁰ С. г. г. и д. т. I, № 63.

⁷⁸¹ Там же, № 64.

⁷⁸² Там же, № 71 и 72.

⁷⁸³ Там же, № 66.

⁷⁸⁴ Там же, № 69.

⁷⁸⁵ С. г. г. и д. т. I, № 64.

⁷⁸⁶ Акты Историч. I, № 40.

⁷⁸⁷ Акты Историч. I, № 40: «Господину князю Дмитрию Юрьевичу богомолци, господине, твоего брата старейшего великаго князя Василья Васильевича и вашего благородия общии, Ефрем владыка ростовский, Авраамий владыка суздальский; Иона владыка рязанский, Варлам владыка коломенский, Питирим владыка пермьский, и мы ваши нищи и молебници, Геронтий архимандрит симановский, Мартиниан игумен Сергиева монастыря и с прочими архимандриты и игумены, нашею братьею, всех святых обителей настоятели и со всем еше о Христе братством нашим, со всеми священно-иноки и со всеми священники всех святых Божиих церквей, челом бьем и благословляем».

⁷⁸⁸ Никон. V, 215.

⁷⁸⁹ Летописец, содерж. в себе Росс. историю от 852—1598 года, стр. 156, 157: «И князь Дмитрий Шемяка город Устюг засел, а земли не воевал, а людей добрых привел к целованию; а которые добрые люди не хотели изменити великому князю Василью, и они не целовали за князя за Дмитрея, и он их казнил, Емельяна Лузсково, да Миню Жугулева, да Давида Долгошеина, да Еуфимья Ежевину, метал их в Сухону реку, вязучи камение великое на шею им, един же от них

Ежевина Еуфимей на дне седе изрешись, и выплове вниз жив, и утече на Вятку. Тогож лета князь Дмитрий Шемяка поиде на Вологду, и Вологду воевав, и на Устюг приде, и жил на Устюзе два годы не полны».

⁷⁹⁰ Никон. V, 278.

⁷⁹¹ Летопис. содерж. Росс. ист. от 352—1598 г. стр. 159, 160; Львов. лет.

II, 348.

⁷⁹² Акты историч. I, № 43

⁷⁹³ Там же, № 53.

⁷⁹⁴ Акты Арх. эксп. I, № 372.

⁷⁹⁵ Никон. V, 278.

⁷⁹⁶ Акты Историч. I, № 56.

⁷⁹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I, № 49 // Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1848: «Се яз князь Федор Львович Воротынский записываюся господарю своему Казимеру, королю польскому и великому князю литовскому, русскому, жемойтскому и иных, и имаюся его милости по зяте своем, по князе Иване Андреевиче Можайском: коли его господарь мой король посадить на великом княженъ на московском, и ему писатся, господарю нашему королю в докончалных и во всяких грамотах братом младшым; а (с) своее отчины, з великого княженъ московского, дати имает зять мой, князь Иван, господарю нашему, королю и великому князю литовскому город Ржову да город Медын (а в Козелеск князю Ивану не вступатись). А коли где прыгодиться господарю нашему королю поити на войну, где будет кривда великому княженъ литовскому: ино князю Ивану, зятю моему, з его милостью, з нашим господарем с королем поити на его неприятеля, самому, своим животом и со всеми своими людьми, послати воевод своих и люди свои вси, без хитрости. А где будет надобе князю Ивану Андреевичу на его неприятеля, и господарю нашему королю боронити его потомуж, аж его не зайдет какое дело; а зайдет его што, и ему князя Ивана боронити своими воеводами и всеми своими людьми, как и великого князства Литовского. А особно боронитися мает князь Иван Андреевич, на границах, от Татар, з господарем нашим первореченным королем Казимером за-одно, обоюх земля их. А люди господара нашего короля, которыи зашли из Литовского княженъ в Московскую землю, князю Ивану Андреевичу выпустити добровольно, со всеми их статкы. А коли ся тое дело почнется межы господарем моим королем и межы князем Иваном Андреевичем, тогды господарь мой король маеть князю Ивану Андреевичу поцеловати крест честный, а князь Иван Андреевич Можайский маеть господарю нашему королю поцеловати крест честный, штож им на обе стороне сее дело, что в сей моей грамоте писано, правити. А посадить ли господарь мой Казимер, король польский, великий князь литовский, русский, жомойтский и иных, зятя моего князя Ивана Андреевича на великом княженъ: и я князь Федор Львович имаюся за своего зятя, за князя Ивана Андреевича Можайского, што ему тое верху писаное дело полнити; а некоторыми дель тое и не станет, а господар мой король зятя моего, первореченного князя Ивана Андреевича, на великом княженъ не посадить: ино ся моя грамота не грамотою, а дело не делом».

⁷⁹⁸ С. г. г. и д. т. I, № 78 и 79, 84 и 85.

⁷⁹⁹ До сих пор мы упоминали о князьях служебных; в договоре с боровским князем упоминаются в первый раз князья — бояре московские.

⁸⁰⁰ Русский временник, сиречь Летописец, содерж. Росс. историю от 862 до 1681 лета, ч. II, стр. 37 // Русский временник, сиречь Летописец, содержащий Российскую историю от 6370-862 до 7189-1681 лета, разделенный на две части. Ч. 2 М., 1820; Соф. врем. II, 227.

⁸⁰¹ II, 27.

⁸⁰² С. г. г. и д. I, № 75.

⁸⁰³ Акты Арх. эксп. [I,] № 70.

⁸⁰⁴ Никон. V, 289.

⁸⁰⁵ Акты арх. эксп. I, № 25.

⁸⁰⁶ Акты арх. эксп. I, № 26.

⁸⁰⁷ Акты арх. эксп. I, № 65: «А со князем пронским и с его братьею любовью звал еси ты князь велики Иван; а что ся промеж вас учинит, ино промеж вас управит мне в. к. Вас [илию] Вас [ильевичу], а вам мене слушати».

⁸⁰⁸ Никон. V, 284.

⁸⁰⁹ Акты, относ. к ист. Запад. Рос. I, № 33.

⁸¹⁰ Далее: «А рубеж отчыне моего господина деда, великого князя Витовта по старыне. А которые места порубежны потягли будут к Литве, или к Смоленску, а подать будут давали ко Тферы: ино им и нынечи тягнути по старому; а которые места порубежны потягли будут ко Тферы, а подать будут давали к Литве или к Смоленську: ино им и нынечи тягнути по давному, а подать давати по давномуж. А што вчиниться межы вашыми людьми и нашими, и волостели нашы вчинят исправу; а чому нашы волостели не вчинят исправы, и нам, зъехавсья, да вчинит исправа без перевода; а земли и воде и всему обидному делу межы нами суд обьчий. А што будет вчинилося в нашей любви и в наших перемирьях, тому всему суд и право без перевода; а судити судьям обьчим, целовав крест; а о што ся сопрутъ судьи, ино положити на моего господина деда, в. к. Витовта; а суженое, заемное, положеное, порученое отдати по исправе; а холопа, робу, должника, поручника, татя, разбойника выдати по исправе. А людем нашим, гостем, гостити межы нас путь чист, без рубежа и без пакости; а пошлыны имати з моих тферских людей в моего господина деда, в. к. Витовтове отчыне, у Смоленську, у Витебську, на Киеве, в Дорогобужы, у Вязме и по всему великому княженью, по давному, а нового не примышляти; а по моей отчыне к. в. Борыса Александровича пошлыны имати з людей моего господина деда, в. к. Витовта, у Тферы, в Кашине, в Горюдку, в Зубцове и по всему моему в. княженью, по давному, а нового не примышляти. А на сем на всем я к. в. Бор. Ал. дал еси правду своему господину деду, в. к. Витовту, и крест целовал к нему; а по сей ми грамоте правити».

⁸¹¹ Подробности см. у Зубрицк. Повесть врем. лет.

⁸¹² Акты арх. эксп. I, № 33.

⁸¹³ «А к Орде ти, брате, путь чист ко царю, и твоим детем и внучатом, и твоим людем».

⁸¹⁴ Акты, относ. к истор. Запад. Росс. I, № 50: «А к. в. Борис Александрович Тферский и со своею братьею и з братаничы своими в твоей стороне, а со мною с в. кн. Васильем в любви и в докончаны; а суд о земли и о воде мне с ним держати во всех обидных делех по старыне; а о чем ся судьи наши сопрут, и они положат на третей, хто будет обейма сторонам люб. А с новгородцы в. к. Борысу жити по старыне, а всем обидным делом давати им межы собою суд и исправа, на обе стороне, без перевода; а о чем ся сопрут, и они сложат на митрополита, кто будет обейма нама люб: и митрополит на кого помолвит, помолвитли на новгородца, а не исправитца, а ему послати ко мне, к в. к. Василью, и мне то оправити; а помолвит ли на тферытина, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. к. Казимира, и тебе то исправити». — Здесь мы видим даже, что касательно смесного суда между тверскими и новгородскими подданными дело идет непосредственно между в. князьями московским и литовским, как будто бы Новгород совершенно принадлежал Москве и Тверь Литве.

⁸¹⁵ Там же, № 51. В этом же договоре упоминается о недавней вражде, бывшей между в. к. литовским и тверским: «А што был еси взял подо мною Ржову, буда со мною не в любви, и я тебе в. князя перепросил, с тобою звал любов, и ты ся Ржовы мне отступил». — В остальных статьях договор сходен с прежним Витовтовым, прибавлено только «а бояром и слугам нашим волным воля межы нас».

⁸¹⁶ С. г. г. и д. т. I, № 76 и 77.

⁸¹⁷ Акты Историч. I, № 51.

⁸¹⁸ С. г. г. и д. т. I, № 80 и 81.

⁸¹⁹ Подробности см. в приведенном выше сочинении Зубрицкого.

⁸²⁰ Никон. V, 109.

⁸²¹ Там же, стр. 157.

⁸²² Там же, стр. 194; Зубрицк. стр. 343, 344.

⁸²³ Акты, относ. к истории Западной России, т. I, № 50: «По Божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се яз князь великий Василей Васильевич, московский и новгородский и ростовский и пермьский и иных (вот первоначальный титул московских государей!), а братья моя молодшая, князь Иван Андреевич; и князь Михайло Андреевич, и князь Василий Ярославич, чинимы знамени-то каждому, кто на сю нашу грамоту узреть, или тчучи услыштить, комуж будет того потребно ведати. Я князь великий Василей, и моя братья молодшая, дали есмо сесь запись брату нашему Казимиру, королю полскому и великому князю литовскому и русскому и жомойтскому и иных, што есмь взяли с ним братство и любовь и вечное dokonчанье. Жити нам с ним в любви, по сей грамоте, а быти нам с ним везде за один, а добра нам ему хотети и нашей земли, везде, где бы ни было. А хто будет ему друг, то и мне друг; а хто будет ему не друг, то и мне не друг... А князь Василей Иванович Торуский и з братьею и з братаничы служат мне в. к. Василью, а тебе королю и в. к. Казимиру в них ни вступатися; а Федора Блудова, и Александрова Борисова сына Хлепенского, и князя Романова Фоминского, и их братьи и братаничов отчины, земли и воды, все мое в. к. Васильевы; також Юрьева доля Ромейковича и княжа Федорова места Святославича, все за мною за в. к. за Васильем, и тебе, брате, всех тых мест блости, и не обидети и не вступатися, також и у вотчину мою в Мещеру не вступатися, ни прыймати их».

⁸²⁴ И точно, в. к. рязанский не жил в дружбе с Казимиром, см. о неудовольствиях между ними в Актах относ. к истории Западной России, т. I, № 58.

⁸²⁵ Карамз. VI, примеч. 480.

⁸²⁶ Акты, относ. к Запад. России, I, № 52.

⁸²⁷ Там же, № 139.

⁸²⁸ Акты арх. эксп. I, № 49. Послание митрополита Ионы польскому королю Казимиру: «Превысокому, благородному, славному, великому королю Казимиру полскому, и великому князю литовскому и русскому и жмуцкому и иных многих, богомолец, господине, великого вашего господства общий, Иона митрополит Киевский и всеа Русии, благословляет и челом бьет. Что еси, господине и сыну, прислал к нашему сыну, а к своему брату, в. к. Василью Васильевичю своего посла Германа с речьми и с листы о ваших делех о земьских, а ко мне еси своему богомолцу приказал же с ним, чтоб ваш богомолец общий попечение имел меж вас великих государей о вашем братстве и о любви и о прочном о добром житии, чтоб како дал Бог ваше братство и любовь прочна была: а яз господине и сыну, по твоему приказу, великого короля, своему сыну, а вашему брату, в. к. Василью Васильевичю твои речи говорил с благословением и с молбою; и князь великий, господине, брат ваш, велми хочет братства и любви и прочного доброго жития и беречи хочет всего господства, чтоб было неподвижно. А о которых еси делех к нему на своих листех написал и речми еси к нему с своим послом приказал, и брат ваш к. в. о всем к тебе на своем листу написал и речми к тебе с своим дяком (в некоторых списках: Степаном, т. е. Бородатым, отравителем Шемьяки и знаменитым знатоком летописей, которому Иван III после поручил перечислить новгородцам все их вины) приказал, и Бог даст, господине и сыну, на его листу и о всем великое ваше господство познает и от его посла послышиши. И благодарю и благословляю великое ваше господство, чтоб есте к своему брату, а к нашему сыну, в. к. Вас. Вас. братство и любовь свою имел по тому крестному целованию, на чем еси меж себе честный и животворящий крест целовали; а брат ваш, а наш сын в. к. того же хочет; а яз ваш общий богомолец, по своему святительскому долгу, Бога молити рад колико мочно и попечение свое имети, чтоб как дал Бог великаго вашего господства с твоим братом с в. к. любовь преисполнена была. А о великом вашем жаловании и о ваших поминках великого вашего господства благодарю и благословляю. А о чем ти, господине и сыну, и опричь сего нашего листу имет мой дяк Василей Карло говорить речми, и ты б тому о всем верил как и нам самим».

⁸²⁹ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 41.

⁸³⁰ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 48.

⁸³¹ Там же, № 57.

⁸³² Там же, № 63.

⁸³³ Там же, № 52: «Казимир король. Всим бояром брянским, и местичом и всим мужем бряньдом. Дали есмо Брянск, у вотчину, князю Ивану Андреевичу Можайскому, так как за нами был, а ему нам с того верно служити».

⁸³⁴ С. г. г. и д. т. I, № 86.

⁸³⁵ Духовенство поддерживало это значение княгинь-матерей в семействах княжеских; до нас дошло любопытное послание митрополита Ионы каким-то князьям, не повинующимся своей матери (Допол. к Акт. Истор. I, № 11): «Благословение Ионы митрополита всяя Руси о святем Дусе сыновом нашего смирения, благородным и благоверным князем... Била ми челом, сынове, на вас мати ваша, а моа дчи княгини... жалуася на вас, на своих детей; нечто по грехом, оплошнием ли вы своим, или диаволим навожением, или своею молодостию, живете, с нею не држите, да еще деи и обидите ее во всем: чим деи ее пожаловал был ваш отец, а ее муж, князь... что ей подавал во опришнину, чим ей было прожити, доколе ей Бог велит пожити, а по своем животе и души бы своей помощь учинити, а вас отец ваш, своих детей, опрично того жаловал, подавал вам ваши уделы, и вы деи, чрез то свое даное, да что ей дано и вы деи то у своей матери поотымали. Ино то, сынове, богопротивно дело делаете, на свою душевную погибель, и временно и будуще. Аще ли не поминаете словеси Господня, глаголющаго (след[ует] текст из Св. Пис.)... И благословяю вас своих детей, чтобы есте, сынове, нашей дчери, а своей матери... челом добили, а у нее бы есте себе прощенье взяли и честь бы есте к ней пошлую родительскую имели во всем, по Божию повелению и по божественных Писаний указанию и по нашему благословению, и были бы есте ей всячески послушливы во всем: а обиды бы есте ей не чинили ни в чем, а ее бы есте довольное ей отдали все, она бы ведала свое, а вы бы свое ведали, чим вас Бог помиловал, а отец ваш, а наш сын, вас своих детей благословил, тобы есте свое Богом данное вам и вашим отцем и знали. А как, сынове, с своею матерью, а с нашею дчерью, управитесь, и вы к нам отпишите: и мы за вас хотим и Бога молити, по своему святительскому долгу, а по вашему чистому к Богу покаянию. А чрез то пак сынове, то имете по старине Богом ненавидимое какое дело делати, а свою мать, а нашу дчерь, гневити и оскорбляти и обиду ей какову чинити: и мне, сынове, самому Бога боячись и по своему святительскому долгу, у нужи да посылати ми по своего сына, а по вашего владыку... и по иных по многих священников, и соборне възря в божественная правила священная, да по вашему непокорству и непокаянному вашему сердцю, а с своим сыном, с вашим владыкою, обговоря и разсудив, да учинити нам вам так, как бы есте наши дети, Бога познати и свое православное христианство и в чистое к Богу покаяние и умиление вошли, възложити ми на вас духовная тягость церковнаа и свое неблагословение и прочих священников, кому Бог повелит тогда с нашим смирением быти, а доколе Богом узаконеная нам делати; и то вам будет ни от кого, но самим от себе; да и дчери нашии, и вашии матери, на вас не токмо неблагословение, но и клятва, и в си век и в будущий, донележе в чюство приидете и в чистое к Богу покаяние».

⁸³⁶ С. г. г. и д. [I], № 88 и 89.

⁸³⁷ Соф. врем. II, 229; Карамз. VI, примеч. 272; Акты, относящ. к истории Западной России, т. I, № 79.

⁸³⁸ Соф. врем. II, 230.

⁸³⁹ С. г. г. и д. т. I, № 119 и 120.

⁸⁴⁰ Соф. врем. II, 231.

⁸⁴¹ Никон. VI, 120. Супрасльская рукоп. стр. 135: «Взя град Тферь в.к. московский Иван Вас., под великим князем Михаилом Борисовичем Тферьским израдою своих ему боярь».

⁸⁴² Последние известия о последнем из тверских князей суть следующие: 1) Упоминки князю Тверскому, 1489 г. «Князю великому тферскому дано в Кракове, мая в 10 день, индикта 7: два поставы сукна Махалского, а три поставы

сукна Новогоньского, а 30 коп. грошей из скарбу. В Кракове, мая 20 индикта 7, к. в. тферскому дано: 20 яловиц а 20 баранов з мыта Луцкого, а 20 яловиц а 20 баранов з мыта Берестейского, да колода меду пресного с ключа Луцкого, а другая колода меду с ключа Берестейского. Сентября 10, индикта 7, з Нового места послано к. в. тферскому: шуба соболья, волоочная аксамитом або адамашкою, а другая шуба кунья; а два поставы сукна Махалского, а три поставы Новогоньских с скарбу; а две колоде меду пресного с ключа Луцкого; а 50 бочек овса на кони тамъже, а 9 стирт сена з дворов Володимирских; а 30 коп. грошей из скарбу».—Акты, относ. к истор. запад. России, I, № 89. 2) Посольские речи Казимира Польского Ивану III, 1486 г. «Казимир, король польский и в. к. литовский, всказал: «Перво сего посылали есмо до тебе наши послы, маршалка нашего, наместника новгородского и слонимского пана Солтана Александровича, и писара нашего Петрашъка, о великом князе Михаиле Борисовичи Тферском, и уже тобе о том сведомо, за чим есмо до тебе послали».

Казимир, король и в. к., всказал: «Ино и самому тобе о том гораздо ведомо, што в. к. Михайло Борисович Тферский с нами в dokonчани и крестном целовани, приехал к нам до наше отчины до в. княжества Литовского, и мы его приняли. И бил нам чолом, абыхмо ему помогли. И мы обмыслили есмо о том, как бы он к отчине своей пришол добрым концем, без кровопролитья; а посмотрили есмо в dokonчани отца твоего, как есмо с ним dokonчали, ино на вас помочи есмо не дали ему, а хлеба и соли есмо ему не боронили: покуль была его воля, потуль у нас был; а как к нам в нашу землю добровольно приехал, так есмо его добровольно отпустили». 3) Жалованная королевская грамота 1505 года кн. Василию Глинскому на Лососинскую отчину: «Дали есмо ему тот двор наш Лососину со всем, потому как держал кн. Михайло Борисович Тферский. А што есмо придали были князю Михайлу Тферскому села Белавичи а Гошово, то есмо тыми разы привернули за ся к Слониму».—Акты, относящ. к истор. Запад. России, т. I, № 218.

⁸⁴³ Никон. VI, 120. Как благодарил Иван III тверских крамольных князей и бояр, показывает следующее известие: «Поима к. в. князя Михаила Холмскаго и взаточение на Вологду посла за то что отступил князя своего Михаила Тферского, и целовав ему крестъ, изменил, а в. князю на него лгал, рекучи: не добре верити тому, кто Богу лжет». См. мою статью: О продолжении истории Татищева, в Москвит [янинне.] 1845 г. № 10.

⁸⁴⁴ Никон. VI, стр. 2.

⁸⁴⁵ С. г. г. и д. т. I, № 115 и 116.

⁸⁴⁶ С. г. г. и д. т. I, № 127.

⁸⁴⁷ Там же, № 144.

⁸⁴⁸ Карамз. VI, примеч. 563.

⁸⁴⁹ Летопис. содерж. Росс. ист. от 852—1598 г. стр. 166.

⁸⁵⁰ Летописец, служащ. продолж. Нестор. стр. 284.

⁸⁵¹ С. г. г. и д. т. I, № 90.

⁸⁵² Там же, № 92.

⁸⁵³ С. г. г. и д. т. I, № 93.

⁸⁵⁴ Там же, № 113.

⁸⁵⁵ Соф. врем. II, 228.

⁸⁵⁶ С. г. г. и д. т. I, № 118.

⁸⁵⁷ С. г. г. и д. т. I, 121.

⁸⁵⁸ Там же, № 122.

⁸⁵⁹ С. г. г. и д. т. II, № 22.

⁸⁶⁰ С. г. г. и д. т. I, № 95.

⁸⁶¹ Там же, № 96.

⁸⁶² Летопис. служащ. продолж. Нестор. стр. 284.

⁸⁶³ С. г. г. и д. т. I, № 97 и 99.

⁸⁶⁴ О поведении кн. Ив. Лыка сохранилось известие в записи о Ржовской дани, напечат. в Актах, относящ. к истор. зап. России, [т. I,] № 71: «Как к. в. московский взял Новгород и вecho им сказил, ино възехал на Ржову кн. Ив. Лыко,

и ехал через Влицы, и судил и грабил люди, што хотел то на них брал, и оставил слуг своих Тимофея и Бурца; и тые его слуги судили и грабили люди, што хотели то брали: на Климку два рубли взяли, на Дениску Голубькиничу рубль взяли, на Одроне полтора рубля взяли, на Панкрате полтора рубля взяли, и на инших людех много побрали, на ком два, на ком три, на ком пять, того и не сести; а многии люди с тых грабежов разбеглися по заграничью, кое ко Пскову, кое инде где; а того всего слуги Лыковы взяли рублей на тридцать, ино по клетем ходечи грабили, што было в клетех то выграбили у людей... наехал кн. Лыко на Ржову и на Луки, и тут во Ржове почал судить и радить, и вины брати, и грабити, што хотел, то чинил, а владыще новгородскому и бояром не дал ничего их пошлин брати, вси на себе почал брати».

⁸⁶⁵ Соф. врем. II, 203 и след.

⁸⁶⁶ См. мою статью: О продолжении Истории Татищева, напечат. в Москвит.

1845 г. № 10.

⁸⁶⁷ Летопис., содерж. в себе Росс. историю от 852—1598 г. стр. 185 и след.

⁸⁶⁸ Соф. врем. II, 206.

⁸⁶⁹ Летопис., содерж. Росс. ист. от 852—1598 г. стр. 187.

⁸⁷⁰ С. г. г. и д. т. I, № 106.

⁸⁷¹ Там же, № 110.

⁸⁷² С. г. г. и д. т. I, № 112.

⁸⁷³ Там же, № 125.

⁸⁷⁴ Там же, № 123, 125.

⁸⁷⁵ Соф. врем. II, 232.

⁸⁷⁶ Там же, II, стр. 238.

⁸⁷⁷ Летопис., содерж. Росс. истор. от 852—1598 г. стр. 200 и след.

⁸⁷⁸ См. мою статью: О продолжении Истории Татищева, в Москвит.

1845, № 10.

⁸⁷⁹ Летопис., служаш. продолж. Нестор. стр. 339.

⁸⁸⁰ С. г. г. и д. т. I, № 129.

⁸⁸¹ Там же, № 132.

⁸⁸² Карамз. VI, примеч. 588.

⁸⁸³ Сказ. кн. Курб. изд. Устрял. 2-е, стр. 4 // Сказания князя Курбского. 2 изд. (Н. Г. Устрялова). СПб., 1842; см. также: Сочинения князя Курбского. Т. I // Русская историческая библиотека. Т. XXX. СПб., 1914.

⁸⁸⁴ Этими словами Курбский хочет сказать, что Иван III завещал сыну истребление родичей.

⁸⁸⁵ Курб. стр. 57.

⁸⁸⁶ Там же, стр. 127.

⁸⁸⁷ Акты Арх. Эксп. I, № 172.

⁸⁸⁸ Ипатьев.

⁸⁸⁹ По свидетельству одного из них, племянница Константина Палеолога так уговаривала мужа не давать более дани в Орду: «Отец мой и аз не хотехом дань давати лутче отчины лишихомся, и аз не хотя иных богатых и сильных князей и королей веры ради прияти, тебе причетахся, а се ныне хочешши *мя* и *моя дети даники учинити*, имашши воинство много и Бога по себе помосчника; почто хочешши *раб твоих слушати*, а не стаяти за честь свою и веру святую, почто боишися множества вой нечестивых ведуче яко той силен дати крепость и победу тебе, и яко первее отрек им, тако и ныне откажи недавать дани и выходов». Тот же летописец так оканчивает рассказ о княжении Ивана III: «Сей блаженный и дозтохвальный в. к. Иоан великий, Тимофей прежде нареченный, многи княжения к в. князю присвокоупи, и силу умножи, варварскую же нечестивую власть опроверже, и всю Рускую землю данничества и пленения избави, и много от Орды данники себе учини, многи ремесла введе, их же прежде незнахом, со многими далными государи любовь и дружбу и братство сведе, всю Рускую землю прослави, во всем же том помогаше ему благочестивая супруга его, в. к. Софья». См. мою статью: О продолжении Истории Татищева, в Москвит. 1845, № 10.

⁸⁹⁰ Соф. врем. II, 353: «Восполелся к. в. Ив. Вас. всеа Руси на сына своего, на князя Василья, и посади его за приставы на его же дворе; того ради, что он сведав от дьяка своего от Федора Стромиллова, что отец его в к. хочет пожаловати в. княжением Володимерским и Московским внука своего, кн. Дмитрея Ивановича, нача думати князю Василью второй сатанин предотеца Афанасий Арапченюк; бысть же в думе той и дьяк Федор Стромиллов, и Поярок Рунов брат и иные дети боярские, и иных тайно к целованию привелоша на том, чтобы князю Василью от отца своего в. к. отъехати да казна пограбити на Вологде и на Белоозере и над князем над Дмитрием израда учинити. И изведав то и обыскав к. в. Ив. Вас. злую их мысль и повелел изменников казнити; и казниша их на Москве на Рече по низ мосту шестерых, Афонасу Яропкину руки да ноги отсекли и голову ссекоша, а Поярку Рунову брату руки отсекиши и голову ссекоша, а дьяку Федору Стромиллову, да Володимеру Елизарову, да князю Ивану Палецкому Хрулю, да Щевью Скрябина сына Стравина, тем четверем главы ссекоша: и иных многих детей боярских велел к. в. в тюрьму пометати».

⁸⁹¹ Там же.

⁸⁹² См. Курб. в приведенном уже месте.

⁸⁹³ См. чин венчания в С. г. г. и д. II, № 25.

⁸⁹⁴ Степен. кн. II, 160.

⁸⁹⁵ Летопис., содерж. Российск. Истор. от 852—1598 г. стр. 215.

⁸⁹⁶ Карамз. VI, примеч. 454. Любопытен отзыв Ивана III о поведении кн. Ряполовского и одного из сыновей Патрикеева, Василья: давая наставления послам своим, отправлявшимся к польскому королю, Иван говорит им: «Чтобы о всем mezi вас было гладко, а пили бы есте бережно, не до пьяна; а где ни лучится вам пити, и вы бы себя берегли, пили бы есте бережно, чтобы вашим небреженьем, нашему имени нечти не было; ведь что учинити не по пригожу, ино нам нечесть, а вам нечесть же, и вы бы во всем себя берегли; а не так бы есте чинили, как князь Семен Ряполовский высокоумничал (с) князем Васильем княжим Ивановым сыном Юриевича». Акты, относящ. к истор. запад. России, т. I, № 192.

⁸⁹⁷ Степен. кн. II, 160.

⁸⁹⁸ Карамз. VI, примеч. 455. Иван III дал следующий наказ послам своим, ехавшим в Литву: «Спросит котораго (посла) дочь великого князя (Елена), или иной кто в Литве, про то: как князь в. пожаловал сына своего в. к. Василья великим княжеством? И Петру с товарищи говорити: пожаловал государь наш сына своего, в. к. Василья, учинил его государем так же: как государь сам на государствах своих, так и сын его, к. в. Василей, с ним на всех тех государствах государь. А взмолвят то: а ведь был к. в. наперед того пожалован в. княжеством внука своего, и он у внука взял ли великое княжество? И Петру с товарищи говорити: которой сын отцу служит, и норовит, ино отец того боле и жалует; а которой сын родителем не служит и не норовит, ино того за что жаловати? Да боле того, про то не говорити ничего.—А спросит дочь в. князя: да где ныне внук его и сноха? И Петру с товарищи говорити: внук его, госпоже, и сноха живут ныне у в. князя, потому же, как наперед того жили».—Акты, относ. к истор. Запад. России, т. I, № 192

⁸⁹⁹ Соф. врем. II, 269.

⁹⁰⁰ Акты, относящ. к истор. Запад. России, т. I, № 192: «А приказали с ними (послами) к королю оба великие князи и князь Семен, и князь Ондрей поклон; а дочери своей князь великий болшой, и князь великий Василей сестре своей, и князь Семен, и князь Ондрей приказали поклон».

⁹⁰¹ Летопис., содерж. Росс. Истор. 352—1598 г. стр. 206 и 214; Карамз. VI, примеч. 538.

⁹⁰² С. г. г. и д. I, № 147.

⁹⁰³ Никон. VI, 185.

⁹⁰⁴ С. г. г. и д. т. I, № 133.

⁹⁰⁵ Здесь князь указывает на опустошение Воротынской земли Ахматом: «И слышав то царь Ахмат, что к. в. смирился с братьею, и убоися братьи в. князя,

и побежа от Угры, не дождався короля, и бежачи нача восвати королевскую землю, Воротынеск, и иныя городки, и в полон поведе, сел, и волостей, и много поймав в полон поведе безчисленно множество». Летоп., соедерж. Росс. Ист. от 352—1598 г. стр. 187.

⁹⁰⁶ Акты, относящ. к истор. Запад. Рос. т. I, № 106.

⁹⁰⁷ Соф. врем. II, 242, 243.

⁹⁰⁸ Там же, стр. 234.

⁹⁰⁹ Там же, стр. 235.

⁹¹⁰ Соф. врем. II, 243.

⁹¹¹ Там же.

⁹¹² Акты, относ. к истор. Запад. России, I, № 109.

⁹¹³ Там же, № 110.

⁹¹⁴ Сборн[ик] Муханова, [1 изд. М., 1836]. № 41; Карамз. VI, примеч. 396.

⁹¹⁵ В Архив. списке, напечат. у Карамзина: Говдыревское.

⁹¹⁶ Они вступили в службу к Александру, см. Акты, относящ. к истор. Западной России, I, № 122.

⁹¹⁷ В архив списке: «А которые князи служат мне, в к. Александру, с своих вотчин и тебе и твоим детям их блюсти и необидети, а которые князи служат тебе и твоим детям с своих отчин, и мне их блюсти, а не обидети».

⁹¹⁸ «Была бы на то воля Божья, абы еси дал за нас девку свою, абыхмо в лепшой в кровной приязни и в лепшом житьи были с тобою, потому, как дед наш, в к. Витовт, в таком звезаньи был с твоим дедом с в. к. Васильем». Акты, относ. к истор. Запад. России, I, № 114.

⁹¹⁹ Иван говорил после чрез послов Елене: «А как ты наша дочи к нему пришла, и яз чьял того, что, как ты к нему придеши, ино тобою всей Руси, греческому закону, укрепление будет». Акты, относ. к истор. запад. России, I, № 192. Надеясь иметь чрез Елену и детей ее влияние на Литовскую Русь, свою отчину, Иван с неудовольствием услышал, что Александр хочет уступить часть ее брату Сигизмунду; вот что писал он к дочери по этому случаю: «Слышал я, каково было нестроение в Литовской земли, коли было государей много; а и в нашей земли, слыхала еси, каково было нестроение при моем отце, а опосле отца моего, каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь. И только Жыгимонт будет в Литовской земли, ино вашему которому добру быти? И яз приказываю то к тебе, того деля, что еси деля наше; и что ся не потому ваше дело почнете делати, и мне того жаль. А захочешь о том говорити с в. князем, а ты бы говорила с ним от себя, а не моею речью; да и ко мне бы еси о всем отказала, каково ваше дело».— Акты, относящ. к истор. запад. России, I, № 136. Здесь видно стремление Ивана III отстранить Ягеллонов—католиков от владычества над Литовскою Русью, что после явно выразил сын его Василий домогательством получить литовскую корону по смерти Александра мимо того же Сигизмунда.

⁹²⁰ «И ты бы, брат наш, на чом нам молвил и лист свой дал, на том бы еси стоял, штобы еси нашей дочери никоторыми деля к римскому закону не вернул и не нудил; а и похочет ли наша дочь приступити к римскому закону, и мы своей дочери воли не даем на то, а тыб ей на то воли не давал же, штобы межи нами про то любовь и прочьяя дружба не нарушилася, доколе дасть Бог, дерьжала бы наша дочь свой закон греческий».— Акты, относ. к истор. Запад. России, т. I, № 116.

⁹²¹ Там же, № 192: «А о дочери о нашей так уговорили его панове Петр и Станислав с нашими бояры, что нашей дочери, будучи за ним, дръжати свой греческой закон во всем, а ему ее к римскому закону не нудити ничем; а как дасть Бог, наша дочи будет у него в Вилне, ино ее венчати митрополиту, а не будет митрополита, ино владыце нашего греческаго закона; а церковь Божию греческаго закона поставити было ему дочери нашей у нее на сенех; а панов и паней приставити было ему к ней, все греческаго закона, а не римскаго; да и список у нас панове его Петр и Станислав взяли, какову ему нам о нашей дочери, о греческом законе, свою утверженную грамоту дати... А как прислал к нам по нашу дочь

своих панов, кн. Александра Олшаньского, пана виленского, да Яна Заберазского, пана троцкого; и они нам от в. к. Александра тож говорили, что нашей дочери, будучи за ним, дрѣжати свой греческой закон во всем, и ему ее к римскому закону не нудити ничем, а учинити ему о всем потому, как уговорили с нашими бояры его панове Петр и Станислав».

⁹²² Александр после заперался, что ничего не слышал об этом от своих послдов — «кабы о том которое слово або впомянанье было». — Акты, относ. к истор. запад. России, I, № 179. Но если бы даже послы ничего не говорили об этом с боярами, то Иван наказывал сам Александру: «Штоб еси, наш брат и зять, учинил *нас деяя*, велел нашей дочери, а своей великой княгини, поставити церковь нашу греческого закону на переходех, у своего двора, у ее хором, штобы ей близко к церкви ходити». (Там же, № 116). И потому Иван III имел и в этом случае полное право сердиться за презрение своей просьбы, тогда как он именно говорил: «*нас деяя*».

⁹²³ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 116.

⁹²⁴ Сама Елена, по-видимому постоянно державшая сторону мужа, писала к отцу: «А нас укоряют безпрестанно, а зовут нас некрестьми». Акты, относ. к истор. Запад. России, т. I, № 192.

⁹²⁵ Там же, № 134.

⁹²⁶ Там же, № 192: «А что еси нам говорил от в. к. Александра, что к нам наше имя, в своих грамотах, писал не по нашему с ним dokonчанию, а писал к нам так, как отец его писал: ино мне с отцем его с королем и dokonчание не бывало; а наперед того о нашем имени к нам приказал, с своими послы с Станиславом с Глебовым да с писарем с Ивашком с Сопегиным, что нашего имени по dokonчанию к нам не пишет, за тем, что Киев в наших dokonчаниях не написан; а веснось о нашем имени к нам приказал, с своими послы с Станиславом с Кишкою да с писарем с Федком, что нашего имени к нам по dokonчанию не пишет, за тем, будьто после нашего dokonчания, в коротком часе, из наших земель, от наших людей его людем почалися чинити великие кривды. И князь великий бы положил то на своем разуме: гораздо ли к нам так приказывает? Не хотя нам правити, да безлепичные речи к нам приказывает».

⁹²⁷ Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, 155: Письмо Шестакова к Оболенскому: «Государю моему, князю Борису Михайловичю. Здесь, господине, у нас сталося замятенья великое меж латыны и меж нашего христианства. В нашего владыку смоленского дьявол ся вселил, с Сопегою, отметником их, на православную веру: к великий неволил государыню нашу, в княгиню Олену в латинскую проклятую веру; и государыню нашу Бог научил, да помнила науку государя отца своего, и государыня в. княгиня отказала так: «Памятуешь государь с государем с отцом моим как еси рекл; и яз, государь, без воли осподаря отца своего, не могу того учинить, а обошлю государя отца своего, как мя научит». Да и все наше православное христианство хотят окстити, ино наша Русь велми ся с Литвою не любят. И тот бы список послал до государя, а государь сам того не разумет».

⁹²⁸ Соф. врем. II, 264: «Приде к в. князю Ивану Вас. бити челом кн. Семен Иванович Бельский о том, чтобы его пожаловал князь велики и с вотчиною взял служить, а сказывает: что по них пришла великая нужда о греческом законе; посыдал деи князь велики Александр к своей в. княгине Елене о том отметника православныя веры греческаго закона Иосифа владыку смоленского да бискупа своего виленского и чернцов Бернядинов, чтобы приступила к римскому закону; а к руским и к виленским восводичем и ко всей Руси; которые дрѣжат закон греческой, а нудят их приступити к римскому закону». — Князю Бельскому не было никакого неудовольствия на Александра; последний, по примеру отца, подтвердил ему отчину брата его Федора, отъехавшего прежде в Москву. См. Акты, относящ. к истор. Запад. России, I, № 126. След., одни причины религиозные могли побудить его к отъезду.

⁹²⁹ Александр писал о Бельском: «Он тебе, брату нашему, не умел правды поведати, как-то лихый человек а зрадца наш: мы вжо его третий год и очима не видали». Иван отвечал: «И есть дей ведомо дополна про то дело, что он не

хотя быти отступником греческаго закона и не хотя своей головы потерять, к нам поехал служить и с своею отчиною. Ино, которая его в том здрада?»— Акты, относ. к ист. Запад. Росс. I, № 179. Ян Юрьевич, воевода троцкий, писал к московскому боярину Якову Захарьичу, воеводе коломенскому: «Ино того посмотри: хто се-зде не верно служил, там ему приехавши как добро говорити? Ведь то ему и говорити, с себе складываа, а межи государей не житья хотя, штобы за государюм незгодю и не житьем сам прожил. А о Белских самому тебе явно, какии люди оны есть: перед тым брат его, и ныне он, которую веру через свои присяги государю нашему вказали? А што одному вчинили, другому тож вчинят. И чюл есми, штож ваш государь, в. к. Ив. Вас., у-в отказе пишет через пана Станислава Нарбутовича, будто наш государь посылал бискупа, а владыку смоленского к его дочери, а к своей великой княгини, нудячи ее, абы приступила к римскому закону. Ино, пане Якове, верь мне и присяже моей, што того ни коли не было, а ни пак наш государь ни в уме того држал, штобы свою в. княгиню с тым словом обсылал, а любо бы греческому закону силу чинил». Яков Захарьич отвечал ему: «Пане, то дело было не тайно, явно; ведомо то в вашего государя землях и в нашего государя землях всем людем, что посылал; а которые государя вашего панове радные в нястстве у государя нашего, и они тож сказывают: ино, пане Яне, коли межи великих государей их добрые люди хотят доброго дела, и они пишут межи собою правые дела, как бы межи государей, дал Бог, доброе дело състалося». Там же, № 192.

⁹³⁰ Там же, № 167: «Мы, впамятавши его к отцу нашему доброе памяти королю его милости и к нам верную службу, з ласки нашос, тыи вышей писанны замки, вслугу отца его, што выслужил на отцы нашем короли его милости Стародуб и Гомей, и теж што от нас выслужил замок Чернигов, и волости Карачов и Хотимль, потвержаем сим нашим листом, вечно ему и его княгини, и их детем и потом будучим их сцадком».

⁹³¹ Соф. врем. II, 242.

⁹³² Там же, стр. 264: «что на них пришла велика нужда о греческом законе».

⁹³³ Там же, стр. 265; Акты, относящ. к истории Западной России, т. I, № 180; Иван велел сказать Александру: «Наперед того, от твоих предков и от твоего отца, князем русским и всей Руси такая нужда их вере не бывала; и мы ныне князя Семена и князя Василья приняли к собе в службу и с теми города и волостями, которые они держат: и тебе ты то ведомо было». Александр отвечал: «О том ведает сам государь ваш, как тых князей отцы выехали от его отца к отцу господара нашего, королю его милости, и над его отцом и над ним самим которую здраду вчинили; и отец господара нашего их отцом подавал города и волости свои, им на поживенье, а о их городех и волостех господар наш не ведает, ведает его милость и держит свою отчину. А што ся дотычет о нужы римского закону, ино господар наш к ним князя бискупа и нареченного митрополита и владыку о том не посылавал. Много на его милости дворе княжат и панят греческого закона, а ни кому нужы его милость в законе неделаает, как же то бывало за предков и за отцы его милости; а тыи зрадцы чогу звыкли делати от отцов своих, то и тыми разы вчинили, и над государем вашим напотом тоеж вчинят».

⁹³⁴ Акты, относящ. к истор. Запад. России, т. I, № 188: «А то бы ваша королевская милость, таковую помоч его милости пану нашему, на тот час, не только для крове и братское милости вчинили, але и для веры светое христианское, которая ж есть там в земли Литовской вольно вщепена и з великою працою и печою, через славное памяти деда вашею яности, короля польского и в. князя литовского Владислава, есть вкоренена. Тако бо от оных лет, аж до нынешних часов, Русь покушаньясь ее сказити и зглядити, не только Москва, але и от подданных княжат земли нашего милостивого пана некоторые, яко часу щастное помети отца вашею милости, короля Казимера, на его милость, не для иного, ниж для веры святой, повстати умыслили, так и на вашу милость, сынов его милости, панов наших милостивых. О которых же его милость своею мудростью и опатрностью то поразумел, и некоторых з них за то скарал, а иные для того к тому ж москвитину збегли».

⁹³⁵ Акты, относящ. к истории Запад. России, т. I, № 192.

⁹³⁶ Там же: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина». И после повторял Александру: «То он (Александр) правду к нам приказал, что каждому отчина своя мила и каждому своего жаль. Ино ведь ведомо зятю нашему Александру королю и в. князю, что Русская земля вся, с Божьею волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их отчина — Лятская земля да Литовская; и нам чего дело тех городов и волостей, своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля, Киев и Смоленск и иные города, которые он за собою держит на Литовской земле с Божьею волею, из старины, от наших прародителей наша отчина».

⁹³⁷ Там же.

⁹³⁸ Акты, относящ. к истории Запад. России, т. I, № 192: «Да говорил, чтобы город Киев и иные города писати вотчинами; ино тому нельзя быти: писати Киев и иные города землями, как и в. князя города писаны землями».

⁹³⁹ Там же: «И ты, брате, памятуй: коли еси к нам присылал своих панов, дочери наши у нас просити, чтобы за тебя дочь свою дали, и тогда нам от тебя нашего брата твои панове о папе и слова никакова не говорили: и нам о своей дочери, о том деле, о чем к папе посылати своего посла? О том нам деле о своей дочери к папе не посылати».

⁹⁴⁰ Акты арх. эксп. I, № 138.

⁹⁴¹ Этому Сапеге Иван III доверял более, чем дочери; вот как он писал к нему: «Иоанн, Божьею милостью государь всеа Руси и в. князь, володимерский, и московский, и новгородский, и псковский, и тферский, и югорский, и пермский, и болгарский и иных, королеву Александрову и в. князя писарю и нашей дочери, королевы и в. княгини Олены канцлеру Ивашку Сопежичю. О котором еси нам деле от нашия дочери от королевы и в. княгини Олены говорил, и мы о том деле к дочери своей приказали с своими бояры: и ты бы то нашей дочери сказал, да молвил бы еси нашей дочери, чтобы к нам с нашими бояры отказала о своем деле, о всем подлинно, а не крылабыш от наших бояр ни в чем». — Акты, относящ. к истории Запад. России. I, № 192.

⁹⁴² Акты, относящ. к истории Запад. России, т. I, № 192: «А се речь, что говорити бояром в. княгине на-одине:

«Говорил ми от тебя твой канцлер Ивашко Сопега, что еси еще, по нашему наказу, в нашем законе греческом нерухома да и от мужа от твоего, от нашего зятя, в том тебе налога мало, а много тебе про наш закон про греческой укоризны от архиепискупа от краковского от Фредерика, и от епискупа от виленского, и от панов от литовских, а говорят деи тебе так, будто ты не кщена, да и иные деи речи не добрые, на укор нашего закона греческого, тебе говорят; да и к папе деи они же приказывали о том, чтобы папа к мужу твоему послал, а велел тебя привести в послушество Римской церкви и папе. А доколе, даст Бог, зять наш, а твой муж здоров, и ты дотоле не начашься ни которые нужи себе о греческом законе; а пасешья того, нешто, по грехом, мужа твоего, и нашего зятя, в животе не станет: ино нешто тогда архиепискуп и епискупы и панове о греческом законе тебе силу учинят. И нам бы ныне у своего зятя, а у твоего мужа зятю новаа грамота утверженнаа о тебе, о греческом законе, с его печатью, да чтобы и архиепискупу краковскому и епискупу виленскому к той грамоте велел печати свои приложить, да и руку бы епискупу виленской на той грамоте дал нашим бояром, на том что тебе нашей дочери держати свой греческой закон во всем, а зятю нашему, а твоему мужу тебя к римскому закону не нудити ничем; да и список бы мы при Сопеге написали, по его речем, как ты ему наказала, какове той грамоте быти: ино то, дочка, делаешь гораздо, что своей души бережешь да и имени своего, и наш наказ памятуешь и имени нашего бережешь».

⁹⁴³ В одной летописи сохранилось любопытное известие об условиях брака между Александром и Еленюю, из которых видно старание Ивана III отвратить

по возможности литовских Ягеллонов от латинства; вот эти условия: «детем их сыновьям в отцове, а дочери в материне вере, а буде князь Александр сыновеи крестит в православную веру, ино к. в. Иван Васильевич даст им по два города и суезды к Литве, коли князь в. Александр умрет, ино княгиню Елену отпустить со всем ее скарбом и людми, и денги ея щела отдать, да от Литвы дать столькоже, а даст ей к. в. Иван Васильевич денег 3000 рублей, а умрет в. к. Елена, ино к. великий денг ея, и кузни и порт не взысчет». См. мою статью о продолжении истор. Татищева, в Москвит. 1845 г. № 10.

⁹⁴⁴ Так перешел на службу к Ивану Евстафий Дашкович. Александр требовал его выдачи, на основании договора; Иван отвечал: «Которой тать, или разбойник, или душегубец, ли иное каково лихое дело учинив да сбежит на кого сторону, ино о тех людех писано, а и тех по исправе выдавати. А Остафей Дашкович у короля был метной человек, и воевода бывал от него во многих местах на украине, а лихого имени есмя про него не слыхали никакова, и держанья имел от него великие городы, и к нам приехал служить добровольно, а сказывает, что никому не учинив никоторые шкоты: а и наперед того, при нас и при наших предкех и при его предкех, меж нас на обе стороны люди ездили без отказов; Дашкович так же ныне к нам приехал служить, ино то есть наш слуга». — Там же.

⁹⁴⁵ С. г. г. и д. т. I, № 144.

⁹⁴⁶ «А что есми дал детем своим Юрью з братьею у города у Москвы селца з дворы з городскими, и учинится в тех селсех и в дворех в городных душегубство или поличное: и то судит наместник болшей сына моего Васильев. А что есми дал детем своим Юрью з братьею села в станех в московских и над теми селы суд и дань моих детей; а душегубством и поличным те села тянут к городу к Москве по старине, опричь того поличного, что будет в тех селах промеж их крестьян, то судят их приказщики, а докладывают наместника московскаго болшаго сына моего Васильева; а грамоты полные и докладные на Москве пишет дяк Ямьской сына моего Васильев, как было при мне; а опричь того на Москве грамот полных и докладных не пишет ниhto. А которые есми городы и волости подавал детем своим Юрью з братьею в вуделы, а тянули душегубством к городу к Москве: и те городы и уезды, и волости тех городов тянут душегубством к городу к Москве по старине; а дети мои Юрьи з братьею в то не вступаются». — След., над теми городами, которые не тянули прежде душегубством к Москве, удельные князья сохраняли право уголовного суда.

⁹⁴⁷ «А сын мой Юрьи з братьею по своим уделом в Московской земле и в Тферской денег делати не велят; а деньги велит делати сын мой Василей на Москве и во Тфери, как было при мне. А откуп ведает сын мой Василей, а в откуп у него мои дети Юрьи з братьею не вступаются». — Кажется, этот откуп относится также к битью монеты.

⁹⁴⁸ С. г. г. и д. т. I, № 144.

⁹⁴⁹ Карамз. VII, примеч. 243.

⁹⁵⁰ Вероятно, он жил в Москве на поруках: *liberis custodiis mandatus*, как говорит Герберштейн. Об деле рязанского князя см. Герберштейна, *Reg. Mosc. Com. у Старчевского: Hist. Ruth. Script. exteri, vol. I, p. 45*; Летописец, соерж. Росс. ист. от 852—1598 года, стр. 224; Акты Историч. I, № 127.

⁹⁵¹ Гербершт. стр. 45.

⁹⁵² Акты Историч. I, № 124.

⁹⁵³ Что и прежде были обговоры, см. С. г. г. и д. т. II, № 28 и 29 — «опасныя грамоты Шемяичу от в. князя и митрополита Симона для приезда в Москву с оправданием». Эти грамоты отнесены к генварю 1511 года: иначе и быть не могло, ибо митрополит Симон умер апреля 30 того же года, см. Соф. врем. II, 290 и Никон. VI, 190.

⁹⁵⁴ Гербершт. стр. 45.

⁹⁵⁵ Там же.

⁹⁵⁶ См. в завещании, в С. г. г. и д. т. I, № 151.

⁹⁵⁷ Никон. VI, 189.

⁹⁵⁸ Акты Историч. т. I, № 186.

⁹⁵⁹ Акты Историч. I, № 136.

⁹⁶⁰ Акты Истоп. I, № 130.

⁹⁶¹ Стр. II: «Imperio, quod in suos exercet, omnes facile universi orbis monarchas superat, et id quod pater incoeperat, ipse perfectit».

⁹⁶² Курб. стр. 127, 128.

⁹⁶³ Летоп., служащ. продол. Нестор. стр. 381.

⁹⁶⁴ С. г. г. и д. I, № 103.

⁹⁶⁵ Там же, № 104.

⁹⁶⁶ Никон. IV, 184.

⁹⁶⁷ С. г. г. и д. т. I, № 149.

⁹⁶⁸ Там же, № 152.

⁹⁶⁹ Там же, № 153.

⁹⁷⁰ Там же, № 154.

⁹⁷¹ Там же, № 159.

⁹⁷² С. г. г. и д. т. I, № 162.

⁹⁷³ С. г. г. и д. т. I, № 155.

⁹⁷⁴ Там же, № 156.

⁹⁷⁵ Соф. врем. II, 325.

⁹⁷⁶ С. г. г. и д. т. I, № 160.

⁹⁷⁷ Соф. врем. II, 326.

⁹⁷⁸ Соф. врем. II, 324.

⁹⁷⁹ Львов. IV, 6 и след.

⁹⁸⁰ Царств. кн. стр. 35 // Царственная книга, то есть летописец царствования царя Иоанна Васильевича, от 7042 году до 7061. СПб., 1769; см. также: ПСРЛ. Т. XIII. 2-я пол. СПб., 1906; Никон. V, 1.

⁹⁸¹ До нас дошла его челобитная новгородскому архиепископу Макарию о том, чтобы Макарий печаловался о нем пред государем и его матерью (Дополнен. к акт. Историч. т. I, № 27); сообщает ее здесь как образец подобных грамот: «Великому Архиепископу, святейшему пастырю, православному светилнику, церковному солнцу, святейшему отцу, блаженному учителю, святая соборная апостольския церкви светло сияющему просвещением, небесного разума озарения великого света яснозрительных херувимов блистаясь, чюдноумному и светлому серафиму, у престола всех царя трисвятую ему песнь принося о всех и за вся, государю архиепископу Макарию, озимствованный во тлю сени смертныя, в место озлобленое, в опале, идеже положен есмь ныне и оболочен смертною кожею, Ондрей Шуйской, сердечными слезами плачет и молит вашего святительства милости. Не может бо от человек данныя ти милости словом изрещи, аще кто и всех премудрости разум язык имать, но токмо еже от усердия веры плачася к тебе, всесвятейшему Божию, святый мужю! Простри ми, владыко, руку твою, погружаемому в опале сей горкой, и не остави мя, владыко; аще ты не потицися кто прочее поможет ми? Сам, государь, божественного писания разум язык имашь, аще достойного спасти, аще праведного помиловати, ничто же чюдно, грешного спасти то есть чюдно: ибо врач тогда чюдим есть, еда не врачюемый недуг исцелит, но и царь тогда чюдим и хвален есть, еда не достойным дарует что. Государь архиепископ Макарие! Пошли мне свою милость, православному государю в к. Ивану Василиевичу и его матери, гос. в. княгине Елене, печалуйся, что бы государи милость показали, велели на поруку дати. Божество вас соблюдет во многа лета, святейший и блаженнейший отец государь архиепископ Макарие В. Новгорода и Пскова». — Шуйский обратился к Макарию, а не к митрополиту Даниилу, потому что последний не был в ладах с этою фамилиею, как увидим после.

⁹⁸² Львов. IV, 82. Что в. княгиня Елена была вынуждена употребить такие меры против Юрия, доказательством служит поступок ее с Иваном Ягановым, которого заключили в оковы за пустой донос.

⁹⁸³ С. г. г. и д. т. I, № 163. Эта запись отнесена здесь к 1537 году ошибочно; в ней говорится: «А что ми слышав о твоём добре или о лихе... от брата ли своего». Но брат Андреев Юрий умер еще в 1536 г.

⁹⁸⁴ С. г. г. и д. т. II, № 31. Эта грамота помещена здесь не у места.

⁹⁸⁵ Никон. VII, 13 след

- ⁹⁸⁶ Царств. кн. стр. 65.
⁹⁸⁷ С. г. г. и д. т. II, № 30.
⁹⁸⁸ Там же.
⁹⁸⁹ Царств. кн. стр. 67.
⁹⁹⁰ Там же.
⁹⁹¹ С. г. г. и д. т. II, № 52, Акты Истор. I, № 139.
⁹⁹² Царств. кн. стр. 69.
⁹⁹³ Царств. кн. стр. 71.
⁹⁹⁴ Царств. кн. стр. 54.
⁹⁹⁵ Царств. кн. стр. 38.
⁹⁹⁶ Там же.
⁹⁹⁷ Гербершт. I, стр. 19 в изд. Старчевск. Одеборн там же // *Odeborn Paul. Johannis Basilidis Magni, Moskoviae ducis, vita // Historiae ruthenicae scriptores. Exteri saeculi XVI. V. 2. Berolini et Petropoli, 1842.*
⁹⁹⁸ Древ. Рос. Вивл. XX, 27.
⁹⁹⁹ Курб. стр. 183.
¹⁰⁰⁰ Псков. летоп., изд. Погод. стр. 188: «А А [ндрей] М [ихайлович] Шуйский, он был злодей; не судя его писах, но дела его зла на пригородех, на волостех, старья дела и суды наряжая, правя на людех, ово сто рублей, ово боле; а во Пскове мастеровыя люди все делали на него даром, а большии люди подаваша к нему з дары».
¹⁰⁰¹ Царств. кн. стр. 75.
¹⁰⁰² Курб. стр. 184; царь Иван пишет: «Не восхотел под рабскою властию быти, и того ради князя Ив. Вас. Шуйского от себя отослал на службу».
¹⁰⁰³ Львов. IV, 138 и след. Это было в 1541 году; чрез несколько времени в. князь допустил его к себе, возвратил ему отцовский удел, дал бояр и детей боярских, но не отцовских. Царств. кн. стр. 100.
¹⁰⁰⁴ Царств. кн. стр. 100.
¹⁰⁰⁵ Царств. кн. стр. 101.
¹⁰⁰⁶ Там же, стр. 103.
¹⁰⁰⁷ См. вышеприведенную челобитную Андрея Шуйского к Макарию о печаловании.
¹⁰⁰⁸ Курб. стр. 6 и 7.
¹⁰⁰⁹ Курб. стр. 182.
¹⁰¹⁰ Мы видели, для чего Шуйский жаловал и верстал детей боярских.
¹⁰¹¹ Курб. стр. 183 и 184.
¹⁰¹² Царств. кн. стр. 112.
¹⁰¹³ Царств. кн. стр. 114.
¹⁰¹⁴ Там же, стр. 119.
¹⁰¹⁵ Там же.
¹⁰¹⁶ Там же, стр. 124.
¹⁰¹⁷ Цар. кн. стр. 124; Курб. (стр. 8) говорит еще о других казнях.
¹⁰¹⁸ Львов. IV, 181; Никон. VIII, 49.
¹⁰¹⁹ Царств. кн. стр. 142.
¹⁰²⁰ Там же, стр. 143.
¹⁰²¹ С. г. г. и д. т. II, № 37.
¹⁰²² Курб. стр. 187: Царь пишет: «До того же времени бывшу сему собаке Алексею, вашему начальнику в нашего царствия дворе, в юности нашей, не вем, каким обычаем из батожников водворившуся, нам же такие измены от вельмож своих видевше, и тако взяв сего от гноища и учинил с вельможами, чающе от него прямыя службы».
¹⁰²³ С. г. г. и д. т. II, № 37.
¹⁰²⁴ Царств. кн. стр. 343.
¹⁰²⁵ Львов. IV, 138.
¹⁰²⁶ Я здесь употребляю это слово не в собственном смысле, потому что Сильвестр никогда не был духовником царским.
¹⁰²⁷ Курб. стр. 187 и след.

¹⁰²⁸ Курб. стр. 64. Курбский говорит: «Нашому тогда цареве советницы некоторые, мужие храбрые и мужественные, советовали и стужали, да подвигнется сам, с своєю главою, с великими войски на Перекопского... но наш царь о сем тогда мало радяше... Мы же паки о сем, и паки царю стужали и советовали: или бы сам потщился итти, или бы войско великое послал в то время на Орду; он же не послушал».

¹⁰²⁹ Там же, стр. 191: Царь пишет: «Та же убо наченшася война, еже на Германы, попу же убо Селивестру и с вами своими советники, о том на нас люте належаше, и еже убо, согрешений наших ради, приключоающихся болезней на нас и на царице нашей и на чадах наших, и сия убо вся вменяху, аки ради же нашего к ним непослушания сия бываху!» Стр. 200: «Брань, еже на Германы: тогда посылали есмя слугу своего и воеводу кн. М. В. Глинского с товарищи, Герман воевати, и от того времени от попа Селивестра и от Алексея и от вас какова отягчения словесная пострадах, их же несть подробно глаголати! Еже какова скорбного ни сотворится нам, то вся сия Герман ради случися!»

¹⁰³⁰ Там же, 229.

¹⁰³¹ Обо всем о том см. Царств. кн. со стр. 338.

¹⁰³² Акты Арх. эксп. т. I, № 238, стр. 246: «Государю преосвященному Макарию, митрополиту всеа Русии, и всему освященному собору, благовещенской поп Селивестришко челом бьет... А про Артемья, бывшего троицкого игумена, сказывает Иван (Висковатый), что мне с ним совет был: ино, государь, до троицкого игуменства никакож я его не знал, и как избирали к Живоначальной Троице игумена на Серапионово место, и того Артемья привезли из пустыни, и государь Артемью велел побыти в Чудове, а мне велел к нему приходити, и к себе его велел, призывать и смотреть в нем всякого нрава и духовныя пользы». Царь пишет (Курб. стр. 187, 188): «Он же (Сильвестр) восхитихся властию, яко Илия жрец, нача совокуплятися в дружбу подобно мирским... и вас начал причитати к вотчинам ко градом и к селам, еже деда нашего в г. уложением, которыя вотчины у вас вимали и которым вотчинам еже часть потреба от вас даятися, и те вотчины ветру подобно роздал неподобно, и то деда нашего уложение разрушил, и тех многих людей к себе примирил... ни единыя власти не оставиша, идеже своя угодники не поставиша, и тако во всем свое хотение уллучиша». В делах военных и гражданских такое же влияние имел Алексей Адашев, пользуясь неограниченною доверенностию царя касательно выбора людей; так, в местных русских делах читаем: «А Федор Ласкирев на государевы разряды слалжся, что он со князем Васильем с Хилковым не был, а бил челом на князя Ондreja на Хованскаго, и челобитье его записано, а в городничие в Казань послал был отца его по недружбе Олексей Одашев». Дела по местничеству, собр. Ивановым, и напечат. в Русск. Историч. Сбор. т. II, стр. 65, 66 // Русский исторический сборник. Т. II. М., 1838.

¹⁰³³ Курб. стр. 216.

¹⁰³⁴ Там же, стр. 38, 78.

¹⁰³⁵ С. г. г. и д. I, № 167.

¹⁰³⁶ Карамз. VIII, примеч. 380.

¹⁰³⁷ Вот как после сам царь описывал это событие (Курб. стр. 190): «Таже, нам прешедшим во царствующий град Москву, Божие милосердие к нам множащи и наследника нам тогда давши сына Димитрия,—малу же времени минувшу, еже убо владыкам быти случается, нам немощию одержиму быти и зельне изнемогшу; тогда убо еже от тебе нарицаемые доброхоты възшаташася, яко пьяни, с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем, имевше нас в небытии быти, забывши благоденний наших и еже и своих душ, еже отцу нашему целовали крест и нам, еже кроме наших детей, иного государя себе не искати: они же хотеша воцарити, еже от нас разстояшася в колене князя Володимира; младенца ж нашего, еже от Бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити, воцарив князя Володимира. По неже бо аще и во внешних писаниях древних речено, но обаче прилично есть: «Царь убо царю не кланяется; но единому умершему, другой обладает». Се убо нам живым сущим такова от своих подовластных доброхотства насладихомся: что же убо по нас будет!»

¹⁰³⁸ Св. Иосиф [Волоцкий] пишет: «И кн. вел. молвил: яз де ведал ересь их; да и сказал ми, которую дръжал Олексей протопоп ересь, и которую держал Федор Курицын; а Иван де Максимов и сноху у мене мою в жидовство свел».

¹⁰³⁹ Курб. стр. 5.

¹⁰⁴⁰ Там же, стр. 40.

¹⁰⁴¹ Акты арх. эксп. I, № 172.

¹⁰⁴² С. г. г. и д. т. I, стр. 414, 420, 423, 425, 433, 448.

¹⁰⁴³ Курб. стр. 42 и след.

¹⁰⁴⁴ Курб. стр. 217; см. также Синодик [опальных царя] Ивана Грозного // Вопросы истории СССР XVI—XVII вв. / Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. № 278. Л., 1965. С. 66—86 (текст Синодика подготовлен к изданию Р. Г. Скрынниковым на основе списка наиболее ранней редакции — Нижегородского Печерского монастыря. — *Примеч. ред.*).

¹⁰⁴⁵ С. г. г. и д. I, № 165.

¹⁰⁴⁶ Там же, № 166.

¹⁰⁴⁷ Курб. стр. 191: Царь пишет: «Таже по сем собака и изменник старый, ростовский князь Семен, иже по нашей милости, а не по своему досужству, сподобен быти от нас сигклитства, своим изменным обычаем литовским послом пану Станиславу, да Воину с товарищи нашу душу изнесе, нас укоряя и нашу царю и наших детей; и мы то его злодейство сыскавши, и еще милостиво казнь свою над ним учинили». То же самое говорит и летопись (Никон. VII, 211 и след.). — Впрочем, Семен недолго был в заточении, как видно из слов царя (там же): «И после того поп Селивестр и с вами злыми своими советники, того собаку начал в великом бережении держати и помогати ему всеми благами, и не токмо ему, но и всему его роду».

¹⁰⁴⁸ С. г. г. и д. I, № 172.

¹⁰⁴⁹ Там же, № 174.

¹⁰⁵⁰ Там же, № 175, 176.

¹⁰⁵¹ Там же, № 177.

¹⁰⁵² Там же, № 178, 179.

¹⁰⁵³ Там же, № 180, 181.

¹⁰⁵⁴ Там же, № 182.

¹⁰⁵⁵ Там же, № 185.

¹⁰⁵⁶ Там же, № 186.

¹⁰⁵⁷ Там же, № 189, 190, 191.

¹⁰⁵⁸ Там же, № 194.

¹⁰⁵⁹ Там же, № 195.

¹⁰⁶⁰ Карамз. IX, примеч. 352.

¹⁰⁶¹ Там же, примеч. 404.

¹⁰⁶² С. г. г. и д. I, № 195.

¹⁰⁶³ С. г. г. и д. I, № 198, 199.

¹⁰⁶⁴ Там же, № 201.

¹⁰⁶⁵ Курб. стр. 44.

¹⁰⁶⁶ Курб. стр. 220.

¹⁰⁶⁷ Там же, стр. 233.

¹⁰⁶⁸ Курб. 231.

¹⁰⁶⁹ Царств. кн. 290; Никон. VII, 167; Дополн. к Акт. Историч. т. I, № 91.

¹⁰⁷⁰ Курб. стр. 49.

¹⁰⁷¹ Вот доказательство, что старинными притязаниями были заражены не одни члены старшей дружины, или бояре: стрелецкий голова также отъехал и также толкует о праве отъезда. О Тетерине как стрелецком голове см. дополнен. к Акт. Историч. т. I, № 68.

¹⁰⁷² Курб. стр. 374.

¹⁰⁷³ Т. е. дабы муж не отъехал.

¹⁰⁷⁴ Отъезжикам не хочется называть Ивана царем.

¹⁰⁷⁵ Эти слова Тетерина подтверждаются грамотами царя к новгородским дьякам, в которых он выговаривает им за неисправную присылку доходов: дополн. к Акт. Историч. т. I, № 94: «И вы тое нашии ноугородские казны, бранья

нынешнего 64 году, к нам на Москву ко крещенью Христову не присылавали, да и после крещенья февраля по первое число не присылавали же: и вы то чините негораздо». Там же, № 101: «Писали есмь наперед в своих грамотах, не единова, к дияку Федору Сыркову да к тебе, к Казарину Дубровскому, чтоб есте прислали к нам на Москву таможенные новорусские и порховские тамги денги, прошлого лета 7062 году, и вы и посяместа тех наших таможных недоборных денег к нам на Москву не присылавали: и вы то чините не гораздо».

¹⁰⁷⁶ Курб. стр. 158, 160, 161.

¹⁰⁷⁷ Курб. стр. 157.

¹⁰⁷⁸ Там же, стр. 161.

¹⁰⁷⁹ Там же, 194, 195.

¹⁰⁸⁰ Курб. 195.

¹⁰⁸¹ Там же, 179, 180.

¹⁰⁸² Курб. стр. 171.

¹⁰⁸³ Курб. 172, 173.

¹⁰⁸⁴ Курб. стр. 210.

¹⁰⁸⁵ Курб. стр. 168.

¹⁰⁸⁶ Там же, 177, 178.

¹⁰⁸⁷ Там же, 190.

¹⁰⁸⁸ Курб. стр. 6.

¹⁰⁸⁹ Там же, стр. 178.

¹⁰⁹⁰ Курб. стр. 161.

¹⁰⁹¹ Курб. 214, 215.

¹⁰⁹² Там же, 189, 190.

¹⁰⁹³ Курб. стр. 224.

¹⁰⁹⁴ Там же.

¹⁰⁹⁵ Курб. стр. 32.

¹⁰⁹⁶ А Курбский обвиняет в том же самом царя, будто тот спешил возвращением.

¹⁰⁹⁷ См. об этом Царств. кн. стр. 295.

¹⁰⁹⁸ Курб. стр. 199, 207, 214.

¹⁰⁹⁹ Стр. 38.

¹¹⁰⁰ Царств. кн. (стр. 337) вот что говорит о поведении мудрых и разумных по взятии Казани: «Бояром приказал государь без себя о казанском деле промыслати, да и о кормлениях сидети: они же от великого такого подвига и труда утомишася, и малого подвига и труда не стерпеша докончати, и возжелеша богатства, и почаша о кормлениях седети; а казанское строение поотложиша».

¹¹⁰¹ Курб. стр. 52.

¹¹⁰² См. Палицына, Кубасова, Флетчера, Кельха // *Палицын Авраамий*. Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах. М., 1822; см. также: Сказание Авраамия Палицына. М., 1955; *Кубасов Сергей*. Гранограф, сиречь летописец от сотворения света // Русские достопамятности. Ч. I. М., 1815; *Fletcher G. Of the Russe Common Wealth*. L., 1594; см. также: *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906; *Kelch Christian*. *Liefländische Historia*. Reval, 1695.

¹¹⁰³ С. г. г. и д. т. I, № 168.

¹¹⁰⁴ В третьей записи прибавлено: «и твоему брату князю Юрию Васильевичю».

¹¹⁰⁵ С. г. г. и д. т. I, № 169.

¹¹⁰⁶ *Александро-Невская* у Карамз. т. IX, примеч. 86.

¹¹⁰⁷ С. г. г. и д. т. I, № 187, 188.

¹¹⁰⁸ Таубе и Крузе, см. у Эверса: *Beiträge zur Kenntn. Russlands*, стр. 213 и след. // *Zar Iwan der Grausame: Sendschreiben an Gotthard Kettler, Herzog zu Kurland und Semgallen, von Johann Taube und Elert Kruse* // *Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte* / Hrsg. von G. Ewers und M. Engelhardt. Dorpat, 1816; см. также: *Послание Иоганна Таубе и ЭлERTA Крузе* // *Русский исторический журнал*. Кн. 8. Пг., 1922.

¹¹⁰⁹ Гвиньини, у Старчев. Hist. Ruth. Script. ext. v. I, p. 40 // *Gvagnni Veronensis Alexandri. Omnium regionum Moscoviae descriptio* // *Historiae ruthenicae scriptores. Exteri saeculi XVI. V. I.*

¹¹¹⁰ Карамз. IX, примеч. 277. Пристрастные описыватели тиранств Грозного утверждают, что вместе с Владимиром погибли и сыновья его; но вот что говорит царь в своей духовной 1572 года: «А что был дал есми князю Володимеру Андреевичу, в мену против его вотчины городов и волостей и сел, городы и волости и села, и князь Володимер передо мною преступил, и те городы и волости и села сыну моему Ивану, а княж Володимерова сына князя Василья и дочери, посмотря по настоящему времени, как будет пригоже» (Дополн. к акт Историч. т. I, № 222).

¹¹¹¹ Курб. 224, 225.

¹¹¹² Житие св Филиппа, у Карамз. в примеч. к IX т. гл. II.

¹¹¹³ С. г. г. и д. т. I, № 193.

¹¹¹⁴ Дополн. к акт. Историч. т. I, № 222.

¹¹¹⁵ В дополнительных указах к Судебнику видим старание Грозного ограничить право князей и бояр располагать своими отчинами, равно как старание ограничить переход отчин по наследству ближайшими линиями. Так, читаем: «Которыя вотчины за князьями Ярославскими, за Стародубскими, за Ростовскими, за Суздальскими, за Тверскими, за Оболенскими, за Белозерскими, за Вологынскими, за Мосальскими, за Трубецкими, за Одоевскими, и за иными служилыми князьями вотчины старинныя, и тем князем вотчин своих не продавать, и не меняти, и за дочерьми своими и за сестрами в приданья не давати, а которого князя бездетна не станет, и те вотчины имати на государя. А который князь напишет в своей духовной грамоте вотчину своей дочери или родной своей сестре, и душу свою напишет с той вотчины строити: и тех вотчин дочерям и сестрам в приданья не давати, а отдавати в приданья и душу тех вотчичев поминати из животов их; а у котораго князя живота его, с приданое что за дочерью или за сестрою его дати и чем душа поминати, столко не будет, и государь разсудя по вотчине, что кому дати пригоже, велит дати из своа казны, а те вотчины велит государь имати на себя. А которой князь вотчину свою напишет брату своему родному, или двоюродному, или племяннику, своего родного брата сыну, или которому своему ближнему роду, опричь тех, как кому можно меж собою женитися: и государь того посмотря, по вотчине, и по духовной, и по службе, кому которую вотчину напишет, велит указ учинити... А которого князя не стало бездетна, а останется у него жена, а напишет ей муж ее духовную, что из своей вотчины, а ей на той вотчине жити до своего живота; а как ее не станет, а та вотчина на царя и в. князя, а душу ее велит государь из своа казны устроить. А которой будет князь напишет жене своей духовную, всю свою вотчину, а вотчина будет великая, и государь о той вотчине указ учинит. А которой князь напишет жене своей духовную, что из своей вотчины, и вольна она ту вотчину продати, и променяти, и по душе отдати; и той жити жене на той вотчине до своего живота, а после ее живота та вотчина государя царя и в. князя. А котораго боярина или сына боярскаго не станет бездетна, а ближняго роду и духовныя у него не будет; и та вотчина государя царя и в. князя; а жене его из тое вотчины государь указ учинит, как ей мочно прожить, и душу умершего государь велит устроить из своей казны». — Далее читаем: «Которой брат родной умрет бездетен, а останутся у него братья родные, и та вотчина родным братьям и детям и внучатам; а которой сын, или внук умрет бездетен, и те жеребы отдати братьям их родным, которые останутся, и дядьям, и племянникам, и внучатам; а дале внучат вотчин не отдавати роду; а которой внук умрет без денег, а останутся братья его меж собою в правнучатех, и та вотчина, тот жеребей, взяти на государя, а правнуку правнучьи вотчины не отдавати». — Акты Историч. т. I, № 154 — Какая страшная конфискация княжеских отчин имела место при Грозном, видно из его духовной, в которой завещатель, перечисляя села и деревни, назначаемые старшему сыну Ивану, постоянно прибавляет, что эти села и деревни были прежде за таким-то и таким-то князем.

**РУССКАЯ ЛЕТОПИСЬ
ДЛЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЧТЕНИЯ**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще в 1846 году профессор Редкин предложил мне поместить в издаваемой им *Новой Библиотеке для воспитания* несколько статей по русской истории, приспособленных к понятиям тех читателей, для которых назначалось его издание. Я не нашел ничего, более соответствующего этой цели, как представить извлечения из древней русской летописи до половины XIII века, на новом русском языке, но с возможным сохранением формы и духа памятника, извлечения не отрывочные, но с характером непрерывного повествования. Начиная этот труд, я руководился следующими побуждениями: во-первых, я думал, что нет ничего доступнее для молодых читателей, как простое и вместе с тем живое повествование древних наших летописцев, повествование безыскусственное о делах юного народа, только что начавшего общественную жизнь с ее первоначальными простыми отношениями; во-вторых, я считал полезным познакомить молодых русских читателей с самым важным памятником нашей древней литературы, тем более, что многие из них по своим специальным занятиям будут не в состоянии познакомиться с ним в подлиннике; в-третьих, наконец, я имел в виду пользу, которая могла произойти от моего труда для изучения того периода русской истории, который всего более затрудняет юношество в сухих учебниках; причины же, по которым я избрал именно только древнюю русскую летопись до половины XIII века, надеюсь, будут понятны всякому, кто знаком с источниками нашей древней истории: известно, что летописи после половины XIII века теряют уже те живые краски, которыми отличаются летописи древние.

Профессор Сергей Соловьев

ГЛАВА I

О ТОМ, КАК НАЧАЛАСЬ РУССКАЯ ЗЕМЛЯ, И КТО БЫЛИ ПЕРВЫЕ КНЯЗЬЯ В КИЕВЕ

Вот повесть о том, откуда пошла Русская земля, кто начал первый княжить в Киеве, и как стала Русская земля.

Мы так начнем эту повесть. После потопа три сына Ноевы, Сим, Хам и Афет, разделили землю: восток достался Симу, южная страна Хаму, север и запад Афету; от племени Афетова пошел народ славянский. Спустя много времени славяне сели по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская. От тех славян разошлись по земле многие народы, и назвались каждый своим именем, где кто сел на каком месте; так, напр[имер,] одни поселились на реке, именем Морава, и назвались моравами, и другие назвались чехами; а вот тоже славяне: белые хорваты, сербы и хорутане. Когда волохи напали на славян подунайских, поселились сзади них и стали их притеснять, то славяне опять начали двигаться к северу: так одни пришли и сели на Висле, и прозвались ляхами; от этих ляхов пошли поляки, лутичи, мазовшане, поморяне. Другие славяне пришли и сели по Днепру, и назвались полянами, иные древлянами, потому что стали жить в лесах; а некоторые стали между Припятью и Двиною, и назвались бреговичами; полочане прозвались от речки именем Полоты, которая впадает в Двину. Те, которые поселились около озера Илменя, прозвались своим именем, славянами; они построили себе город, назвали его Новгородом. Так разошелся славянский народ.

Все эти племена жили особо друг от друга, каждое на своем месте с своими правами, обычаями и преданиями. У полян были обычаи кроткие и тихие, а другие племена жили как звери. Между полянами были три брата: одному имя Кий, другому Щек, третьему Хорив, сестру их звали Лыбедью. Они построили город и назвали его по имени старшего брата Киевом. По смерти этих братьев древляне и другие окольные народы стали притеснять полян; тогда пришли к ним козары и сказали: «Платите нам дань». Поляне подумали и дали им по мечу от каждого дома.

Козары принесли мечи к князю своему и старшинам и сказали: «Вот мы нашли новую дань». Старшины спросили: «Откуда вы это взяли?» — «Да вот там, в лесу, на горе, над рекой Днепровской», — отвечали они. Тогда старцы козарские сказали: «Ох, не хороша эта дань, князь! Мы воюем саблями, острыми с одной только стороны, а у этого народа мечи с обеих сторон острые: будут они брать дань и на нас, и на других странах». — Так и сбылось, как предсказали старцы: русские и до сих пор владеют козарами.

В то время как поляне, северяне и другие племена платили дань козарам, по белке с каждого дома, варяги из-за моря брали дань на славянах новгородских, на кривичах, также на чуди и мери. Скоро, однако, эти народы прогнали варягов за море, перестали давать им дань и начали владеть сами собою. Но прогнав варягов, они никак не могли уладиться друг с другом и начали междоусобные войны. Тогда они стали говорить между собою: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил все дела справедливо»; — отправили послов к варягам к руси; русью назывались варяги, точно так же, как другие зовутся шведами, иные норвежцами, англичанами, готами. Чудь, новгородцы и кривичи сказали руси: «Земля наша велика и обильна, да порядку в ней нет, пойдите княжить и владеть нами». Собрались три брата с родственниками своими, взяли с собою всю русь и пришли: Рюрик в Новгород, Синеус на Белоозеро, Трувор в Изборск: от них-то и прозвалась Русская земля. Через два года умерли Синеус и Трувор; Рюрик один принял всю власть и роздал города приближенным к себе людям. Двое из них, Аскольд и Дир, которые не были ни родня Рюрику, ни бояре его, отпросились идти ко Царю-городу. Идучи вниз по Днепру, они увидали на горе городок и спросили: «Чей городок?» Жители отвечали им: «Были три брата: Кий, Щек и Хорив; они-то и построили этот город, да после изгибли, а мы вот платим дань козарам». — Аскольд и Дир остались в Киеве, собрали много варягов и начали владеть полянами; а Рюрик княжил в Новгороде.

В 866 году пошли Аскольд и Дир на греков, при царе Михаиле. Царь в их время пошел было войною на аравитян, но получив весть, что русь идет на Царь-град, возвратился. Между тем Аскольд и Дир вошли в Константинопольскую гавань, перебили множество христиан и с двумястами кораблей обступили город. Царь с патриархом всю ночь молились в церкви Влахернской и потом, вынеся ризу Богородицы, погрузили ее в воду. До того времени море было тихо; вдруг поднялась буря с ветром, встали волны и разбила русские корабли; очень немногие из Аскольдовых воинов спаслись от такой беды и возвратились в свою землю.

Между тем умер Рюрик, он передал княжение Олегу, своему родственнику, поручив ему и сына своего Игоря, который был еще дитя. Собрав много войска, пошел Олег к Смоленску, взял этот город и посадил в нем своих мужей. Оттуда пошел вниз, взял Любеч и посадил в нем также своих мужей. Пришедши к горам киевским и видя, что Аскольд и Дир княжат, Олег скрыл часть воинов своих в лодках, других оставил позади, а сам пришел, неся малютку Игоря на руках. Он послал сказать Аскольду и Диру: «Мы купцы; идем в Грецию от Олега и Игоря; придите повидаться с нами». Аскольд и Дир пришли. Тогда воины повыскакали из лодок, и Олег сказал киевским князьям: «Вы не князья, ни княжеского рода, но я княжеского рода, и вот сын Рюриков». Аскольда и Диру убили, понесли на гору и погребли там. Олег сел княжить в Киеве и сказал: «Это будет мать русским городам», после чего начал строить города и установил дань. Сперва Олег воевал с древлянами и заставил их давать дань по черной кунице. Потом он пошел на северян; победив их, он наложил на них дань легкую, а козарам давать дань запретил, сказавши: «Я неприятель им, а с вами у меня нет никакой вражды». Послал и к радимичам спросить: «Кому даете дань?» Они отвечали: «Козарам». Олег сказал им: «Не давайте козарам, а давайте лучше мне». Радимичи согласились.

В 907 году пошел Олег на греков, а Игоря оставил в Киеве; взял с собою варягов множество и новгородцев и чуди, и кривичей, и других народов. Со всеми с ними пошел Олег на конях и в кораблях, и пришел к Царю-городу. Греки замкнули гавань и затворили город. Олег вышел из корабля, велел корабли вытащить на берег и повоевал городские окрестности. Русские перебили множество греков, разорили дома, пожгли церкви, одним словом, поступили так, как обыкновенно поступают неприятели. Греки, видя все это, испугались, выслали к Олегу из города и сказали ему: «Возьми дани сколько хочешь». Олег согласился и возвратился в Киев, неся золото, драгоценные ткани, плоды и вина. Народ прозвал его *Вещим*.

По смерти Олега начал княжить Игорь, древляне затворились от него; Игорь пошел на них, победил и наложил дань больше, чем Олег. В 941 году пошел Игорь на греков. Болгары послали весть к императору, что идет русь на Царь-город. Русские опустошали азиатские берега до тех пор, пока не пришли греческие воеводы с востока и окружили их со всех сторон. Русские, посоветовавшись, вышли на греков, и после злой сечи греки едва могли одолеть. Русские сели ночью в лодки и побежали; но греческий воевода встретил их в лодках с огнем и начал пускать его трубами на русские лодки так, что было страшно смотреть. Русские, увидав пламень, пометались в морскую воду, чтоб уйти как-нибудь, и таким образом возвратились домой. Пришедши,

каждый рассказывал своим о чудесном огне. «У греков в руках точно молнии небесное, которое они пускали и жгли нас; вот почему и не одолели мы их»,— говорили воины Игоря. Игорь же, пришедши, начал собирать большое войско и послал звать варягов из-за моря: он опять хотел идти на греков. В 944 году Игорь в самом деле отправился к Царю-городу в лодках и на конях. Корсунцы, услышав об этом, послали сказать императору Роману: «Идет русь; кораблей у них множество; покрыли все море корабли». Также и болгары послали весть: «Идут русские, наняли и печенегов». Тогда царь послал к Игорю лучших бояр с просьбою: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег: придам и еще к той дани». Игорь, дошедши до Дуная, созвал дружину и стал думать с нею о предложении царя. Дружина сказала: «Если царь так говорит, то чего же нам еще больше; без битвы возьмем золото, серебро и дорогие ткани. Ведь неизвестно, кто одолеет—мы или они? С морем нельзя заранее уговориться; теперь мы не по земле ходим, но по глубине морской: здесь одна смерть грозит нам всем». Игорь послушался дружины и велел печенегам воевать Болгарскую землю; а сам, взявши у греков золото и ткани на всех воинов, возвратился назад в Киев.

Вслед за князем пришли назад и послы русские, и привели с собой послов от греческого царя Романа. Игорь призвал к себе греческих послов и спросил их: «Скажите, что же вам говорил царь?» Послы отвечали: «Вот царь послал нас к тебе; он очень рад миру, хочет мир иметь и любовь с русским князем: твои послы ввели наших князей к присяге и нас послали привести тебя и мужей твоих также к присяге». Игорь обещался исполнить это. На другой день он призвал послов и пошел на холм, где стоял Перун; поклали перед идолом оружие, щиты и золото, и клялись Игорь и все люди его, сколько было язычников между русскими. А христиан русских приводили к присяге в церкви св. Илии, что над ручьем; то была соборная церковь, потому что многие варяги были уже христиане.—Игорь, утвердив мир с греками, отпустил послов, одарив их звериными шкурами, рабами и воском.

После этого Игорь начал княжить мирно в Киеве; когда же пришла осень, начал задумывать поход на древлян, желая взять с них еще больше дани. Дружина сказала ему: «Наши товарищи, которые с Свенельдом, богаты оружием и платьем, а мы наги; пойдем, князь, с нами за данью; и ты добудешь, и мы». Игорь послушался: пошел к древлянам за данью и начал обижать их; побравши дань, пошел было назад в свой город, однако на дороге раздумал, и сказал дружине: «Ступайте вы с данью домой, а я возвращусь назад, похожу еще». Как сказал, так и сделал: отпустил дружину домой, а сам с немногими возвратился назад, желая взять еще больше с древлян. Те, услышав, что Игорь

опять идет, начали советоваться с князем своим Малом; они говорили: «Повадится волк к овцам, перетаскает все стадо, если не убьют его; так теперь и с нами: если не убьем Игоря, то всех нас погубит». После совещания они послали сказать Игорю: «Зачем идешь опять, ведь ты уже взял всю дань». Но Игорь не послушался их; тогда древляне вышли из города и убили Игоря и дружину его, потому что ее было очень мало.

ГЛАВА II

О ТОМ, КАК ОЛЬГА ОТМСТИЛА ДРЕВЛЯНАМ ЗА СМЕРТЬ СВОЕГО МУЖА И УСТАНОВИЛА ПОРЯДОК В ЗЕМЛЕ, КАК ПРИНЯЛА СВЯТОЕ КРЕЩЕНИЕ, И КАК СЫН ЕЕ СВЯТОСЛАВ ВОЕВАЛ С РАЗНЫМИ НАРОДАМИ

Услыхав о смерти Игоря, жена его Ольга вместе с сыном Святославом собрала большое и храброе войско и пошла на древлянскую землю. Древляне вышли против нее; когда оба полка сошлись, Святослав бросил копьём в древлян; копьё, пролетев между ушей его лошади, ударило ей в ноги, потому что Святослав был еще дитя и не умел владеть копьём. Тогда Свенельд и Асмуд, дядьки Святослава, сказали: «Князь уже начал; пойдем, дружина, за князем». Древляне были побеждены, побежали, затворились в своем городе. Ольга взяла город и сожгла его; старшин городских взяла в плен, а прочих людей иных убила, других отдала в рабство своим приближенным, остальных обложила тяжелою данью. Кончив войну, пошла Ольга с сыном и дружиной по древлянской земле; установила везде дани и оброки. Потом пришла в город свой Киев и, пробыв здесь год, отправилась к Новгороду и по дороге оставила везде также оброки и дани.

В 955 году пошла Ольга в Грецию и пришла в Царь-город. Там приняла христианскую веру и, возвратясь в Киев, уговаривала и Святослава креститься; но он и слышать не хотел о том; если же кто другой хотел креститься, то ему не мешали, но только смеялись над ним. Часто Ольга говаривала сыну: «Я рада, что узнала истинного Бога, и ты будешь радоваться, когда узнаешь Его». Святослав обыкновенно отвечал на это: «Как мне одному принять новую веру? Дружина станет смеяться надо мною!» Тогда Ольга говорила ему: «Если ты крестишься, то и все станут делать то же». Но Святослав не слушался матери и жил по языческим обычаям.

Когда он вырос и возмужал, то начал собирать около себя много храбрых воинов; ходил легко, как барс, и только и делал,

что воевал. В походах не возил за собою ни возов, ни котлов и не возил мяса; но изрезав тонкими ломтиками конское мясо, или какого-нибудь другого зверя, или говядину, пек сам на углях, и так ел. Шатра у Святослава также не было, а спал он на войлоке, положив седло в головы, точно так же жили и все остальные воины. Он посылал к разным народам сказать им: «Хочу идти на вас». Ходил на Оку и на Волгу; на Оке нашел вятичей и спросил их: «Кому дань даете?» Вятичи отвечали: «Козарам». Тогда пошел Святослав на козар, победил их и взял их город; потом победил ясов и косогов; наконец пошел на Дунай, на болгаров, одолел их, побрал города по Дунаю и сел княжить здесь в Переяславце.

Между тем пришли в первый раз печенеги на Русскую землю, а Святослав был в Переяславце. Ольга затворилась в Киеве со внуками своими: Ярополком, Олегом и Владимиром. Печенеги обступили город со всех сторон, так что нельзя было ни выйти из города, ни вести послать; народ изнемог от голода и жажды. Жители другой стороны Днепра собрались в лодках, но ни одному из них нельзя было пробраться в город, ни из города к ним. Встужили тогда киевляне и стали говорить: «Нет ли кого, кто бы мог пройти на ту сторону и сказать им: если завтра никто нас не выручит, то сдадимся печенегам». Вызвался один мальчик и сказал: «Я перейду», и точно пошел с уздою из города и ходил между печенегами и спрашивал: «Не видал ли кто его лошади?» (он умел говорить по-печенежски, так что печенеги приняли его за своего). Когда же он дошел до реки, то скинул платье, бросился в Днепр и поплыл; увидав это, печенеги кинулись за ним и начали стрелять, но не могли уже ему ничего сделать, потому что жители другой стороны Днепра подъехали к нему и взяли его в лодку. Мальчик сказал им: «Если не подступите завтра к городу, то жители его хотят сдаться печенегам». Тогда воевода именем Претич сказал: «Подступим завтра в лодках к городу, схватим княгиню и молодых князей и умчим их на нашу сторону; если же так не сделаем, то Святослав погубит нас». На другой день, сев в лодки на рассвете, начали они громко трубить; а люди в городе отвечали им радостными кликами. Печенеги подумали, что сам князь пришел, и побежали от города в разные стороны, а Ольга со внуками вышла к лодкам. Увидав это, князь печенежский возвратился один к воеводе Претичу и сказал: «Кто это пришел?» Ему отвечали: «Лодки с той стороны». Князь печенежский спросил опять у Претича: «А ты князь ли?» Претич отвечал: «Я его воевода и пришел с передовыми, а за мною идет полк с князем — бесчисленное множество народа». Все это он наказывал, чтоб испугать печенегов. Тогда печенежский князь сказал Претичу: «Будь мне другом»; Претич от-

вечал: «Пожалуй». Печенежский князь подарил Претичу коня, саблю и стрелы, а воевода подарил ему броню, щит и меч. Печенеги отступили от города. Тогда киевляне послали сказать Святославу: «Ты, князь, ищешь чужой земли и берешь ее, а до своей тебе и дела нет; нас чуть было не взяли печенеги вместе с твоею матерью и детьми; если ты не придешь и не оборонишь нас, то нас опять возьмут печенеги: видно тебе не жаль ни родной земли, ни матери старухи, ни детей». Услыхав такие вести, Святослав тотчас же сел на коней с дружиною и приехал в Киев: рад он был, что нашел мать и детей своих в безопасности; но очень жалел, что случилась с ними такая беда от печенегов, и, собрав войско, прогнал варваров в степи, после чего настало мирное время.

Скоро наскучило Святославу в Киеве; он стал говорить матери своей: «Не нравится мне здесь, хочу жить в Переяславце на Дунае; там середина земли моей; туда привозится все добро: из Греции идет туда золото, ткани, вина, плоды разные; из Богемии и Венгрии серебро и кони; из Руси звериные шкуры, воск, мед и рабы». Ольга отвечала ему на это: «Разве не видишь, что я уже больна; куда же ты хочешь от меня уйти? Похорони меня по крайней мере, а там уже ступай, куда хочешь». Через три дня после этого разговора Ольга умерла, сын, внуки и весь народ горько плакали по ней; потом вынесли тело и погребли. Ольга перед смертью не велела делать над собою тризны*, потому что при ней был священник, который и похоронил ее.

По смерти матери Святослав посадил Ярополка в Киеве, а Олега у древлян. В то же время пришли новгородцы просить также себе князя; они говорили: «Если не пойдете к нам, то найдем себе другого князя». Святослав отвечал им: «Да кто же пойдет к вам?» Ярополк и Олег отказались идти в Новгород. Тогда Добрыня сказал новгородцам: «Просите Владимира» (Добрыня был дядя Владимиру). Новгородцы так и сделали. Тогда Святослав сказал им: «Вот вам князь, возьмите». Таким образом, Владимир пошел в Новгород с дядей своим Добрынею, а Святослав в Переяславец.

Когда пришел Святослав к Переяславцу, то болгары затворились в городе и не пустили его; потом вышли они из города на сечу против русского князя; сеча была злая, и болгары начали одолевать. Тогда Святослав сказал своим воинам: «Видно уже нам здесь умереть; так станем же биться мужественно, братья и дружина!» К вечеру одолел Святослав, взял город приступом и послал сказать грекам: «Хочу на вас идти, взять и ваш город, как взял этот». Греки отвечали: «Мы не сможем бороться с вами;

* Тризна — языческий обряд, употреблявшийся при погребении

но возьми с нас дань, и на дружину свою; для этого скажите, сколько вас, чтобы нам расчесться по числу людей». Греки говорили таким образом, желая обмануть русских. Святослав отвечал им: «Нас двадцать тысяч»; десять тысяч он прибавил, потому что русских всего было десять тысяч. Тогда греки собрали девяносто тысяч войска на Святослава и не дали ему дани; Святослав пошел на греков. Когда же русские увидели против себя такое множество войска, то испугались; Святослав сказал: «Уже нам теперь некуда деться; волею и неволею должны биться; не посрадим русской земли, но ляжем здесь костями; мертвым не стыдно, а если побежим, то ляжет на нас стыд, от которого некуда уйти; станем же лучше крепко, я пойду перед вами; когда же голова моя ляжет, тогда думайте сами о себе». Воины отвечали ему: «Где твоя голова ляжет, там и мы свои сложим». Русь приготовилась к битве, и была сеча злая. Святослав одолел; греки побежали. Тогда Святослав пошел к Византии, воюя и разбивая по дороге города.

Царь созвал бояр своих в палату и спросил: «Что нам делать? Не можем никак одолеть русских». Бояре отвечали: «Пошли ко Святославу дары, поизведать, на что он больше падок: на золото или на дорогие ткани?» Так и сделали: послали с умным человеком к Святославу золото и ткани, наказавши послу: «Смотри, замечай хорошенько, какими глазами он будет глядеть на подарки». Посол, взяв дары, отправился. Святославу доложили, что пришли греки с поклоном; тогда он сказал: «Введите их сюда». Греки вошли, поклонились и разложили перед Святославом золото и ткани; Святослав, смотря равнодушно по сторонам, сказал слугам: «Спрячьте это». Послы возвратились; царь созвал опять бояр; послы сказали им: «Как пришли мы к Святославу и подали дары, то он и не посмотрел на них, велел только спрятать». Тогда один боярин сказал царю: «Попытайся еще, пошли к нему оружие». Совет был принят, послали к Святославу меч и разное другое оружие; когда же принесли к нему, то он взял, начал хвалить, любоваться и велел благодарить царя. Узнав о таком приеме, бояре сказали царю: «Должен же быть храбр этот человек, когда пренебрегает именем, а берет только одно оружие; делать нечего; приходится дать ему дань». Тогда царь послал сказать Святославу: «Не ходи к городу, но возьми дань, сколько хочешь». Святослав взял богатые дары и возвратился в Переяславец; но увидав, что дружины осталось мало, начал думать: «Что, если какою-нибудь хитростию перебьют дружину мою и меня? Пойти лучше в Русь, привести побольше дружины». Для этого он послал сказать царю: «Хочу иметь с тобою твердый мир». Царь обрадовался и послал ему дары еще больше, чем прежде. Святослав принял дары и начал советоваться с дружиною, причем говорил: «Если не заключим мира с царем и он

узнает, что нас мало, то, пришед, обступят нас в городе; а Русская земля далеко; печенеги с нами в войне, кто нам тогда поможет? Заключим лучше мир с царем; греки уже взялись давать нам дань: будет с нас; если же перестанут платить, то пойдем опять к Царю-городу, тогда уже возьмем больше войска». Эта речь понравилась дружине.

Заклучив мир с греками, Святослав пошел в лодках к порогам. Отцовский воевода Свенельд говорил ему: «Пойди лучше, князь, на конях, печенеги стоят около порогов». Святослав не послушался его и пошел в лодках. Тогда переяславцы послали сказать печенегам: «Идет Святослав в Русь пешком, с большим именем и с малой дружиною». Услыхав об этом, печенеги заступили пороги, и когда Святослав пришел, то негде уже было пройти. Русские стали зимовать в Белобережье; съестные припасы у них повышли, и сделался большой голод. Так провел Святослав всю зиму. Весною двинулся он вперед; но печенежский князь Куря напал на него и убил, а Свенельд пришел в Киев к Ярополку.

ГЛАВА III

О ТОМ, КАК СЫНОВЬЯ СВЯТОСЛАВА ВОЕВАЛИ МЕЖДУ СОБОЮ, КАК ВЛАДИМИР ОВЛАДЕЛ КИЕВОМ И КАК ПРИНЯЛ ХРИСТИАНСКУЮ ВЕРУ

В 975 году сын Свенельда именем Лют вышел из Киева в лес на охоту; тут увидел его Олег, князь древлянский, и спросил у своих: «Кто это такой?» Ему отвечали: «Сын Свенельда»; тогда Олег напал и убил Свенельдича за то, что тот охотился с ним вместе в одном лесу. Отсюда пошла ненависть между Ярополком и Олегом; Свенельд, желая отомстить за сына, все подговаривал Ярополка: «Пойди на брата и отними у него владение». На третий год Ярополк пошел на Олега в древлянскую землю; Олег вышел к нему навстречу, и стали биться: князь киевский победил древлянского. Когда Олег с воинами своими бежал в город именем Овруч, то на мосту, перекинутом через ров к городским воротам, столпилось множество беглецов, и в тесноте воины спихивали друг друга в ров, в том же числе спихнули и самого Олега; за ним попададо еще много воинов, даже на лошадях, и лошади передавали людей.

Между тем Ярополк вошел в город Олегов, захватил там всю власть и послал искать своего брата; искали, искали — и нигде не нашли; тогда один древлянин сказал: «Я видел, как вчера спихнули его с моста». Услыхав это, Ярополк велел искать брата во рву: с утра до полудни вытаскивали трупы изо рва, наконец

нашли Олега на самом исподу, внесли во дворец княжеский и положили на ковре. Пришел Ярополк и начал над ним плакать, он говорил Свенельду: «Полнуйся-ка, вот чего тебе хотелось!» Олега погребли у города Овруча. Тогда Владимир, услышав в Новгороде, что Ярополк убил Олега, испугался и бежал за море, а Ярополк посадил в Новгороде своих посадников и владел один на Руси.

В 980 году пришел Владимир с варягами в Новгород и сказал Ярополковым посадникам: «Ступайте к брату моему и скажите ему: Владимир идет на тебя; пристроивайся к битве». Отпустил посадников, Владимир сел в Новгороде и послал в Полоцк к тамошнему князю Рогволоду, свататься на его дочери Рогнеде. Рогволод спросил у дочери: «Хочешь ли выдти за Владимира?» Она отвечала: «Нет, не пойду за сына рабыни, а пойду лучше за Ярополка, великого князя киевского». Послы Владимира, возвратясь, пересказали ему всю речь Рогнедину; тогда Владимир, собрав большое войско, варягов и славян, чудь и кривичей, пошел на Рогволода. В то самое время, как уже хотели вести Рогнеду к Ярополку, пришел Владимир на Полоцк, убил Рогволода, двоих сыновей его, а дочь взял за себя и пошел на Ярополка.

Когда Владимир пришел к Киеву со множеством войска, то Ярополк не мог противиться ему и затворился в городе с людьми своими и с воеводою Блудом. К этому Блуду Владимир прислал с такими речами: «Возьми мою сторону; если мне удастся убить брата, то ты будешь мне вместо отца и получишь от меня большую честь; ведь не я начал убивать братьев, а он: я же пришел на него из страха, чтоб он и меня не убил». Блуд отвечал послам Владимировым, что будет помогать их князю; и точно, беспрепятственно ссылался с ним, убеждая приступить к городу, а Ярополка обманывал, мысля убить его; но по причине граждан нельзя было этого сделать. Тогда Блуд замыслил погубить Ярополка коварством; и начал отсоветовать ему выходить из города на битву, говоря: «Беги скорее из Киева; киевляне пересылаются с Владимиром, зовут его на приступ к городу, обещаясь предать тебя ему». Ярополк послушался, выбежал из Киева и затворился в городе Родне, а Владимир вошел в Киев и осадил Ярополка в Родне, где скоро сделался страшный голод; есть пословица теперь: «Беда точно в Родне». В таких обстоятельствах Блуд начал говорить Ярополку: «Ви-дишь, сколько войска у твоего брата; нам его не пересилить; заключай скорее мир». Ярополк отвечал: «Хорошо». Тогда Блуд послал сказать Владимиру: «Мысль твоя сбылась; я приведу к тебе Ярополка, а ты распорядишься, как бы убить его». Получив это известие, Владимир пошел на отцовский теремный двор и сел там с дружиною, а Блуд между тем говорил Яропол-

ку: «Ступай к брату и скажи ему: «Что мне дашь, тем и буду доволен»». Ярополк пошел, хотя верный слуга его Варяж и говорил ему: «Не ходи, князь, убьют тебя; беги лучше к печенегам и приведи оттуда войско»; но князь не послушался. Когда Ярополк пришел ко Владимиру и стал входить в двери, то два варяга пронзили его мечами под пазуху, а Блуд между тем захлопнул за ним двери и не дал Ярополковой дружине войти за своим князем; так был убит Ярополк.

После этого варяги сказали Владимиру: «Город то наш; ведь мы его взяли и потому хотим брать окуп на гражданах по две гривны с человека». Владимир отвечал им: «Подождите немного, пока сберут деньги за месяц». Варяги ждали, ждали — и ничего не получили; тогда они сказали Владимиру: «Обманул ты нас; позволь нам, по крайней мере, идти в Грецию». Владимир отвечал: «Ступайте». Потом выбрал из них мужей добрых, смысленных и храбрых и роздал им города; другие же пошли в Царь-град к грекам. Но Владимир еще прежде них послал сказать императору: «Идут к тебе варяги: не держи их в городе, а не то наделают они тебе бед, какие и у нас здесь; лучше разошли их по разным местам, а сюда к нам не пускай ни одного». После этого начал княжить Владимир в Киеве один и поставил разные кумиры на холму за двором теремным: Перуна деревянного, а голова у него серебряная, ус золотой; кроме него — Хорса, Дажбога, Стрибога, Симаргла и Мокоша. Приносили им жертвы, называя богами своими; приводили сыновей своих и дочерей и приносили жертвы богам: осквернилась кровью земля русская и холм тот. Но Бог не хотел смерти грешникам; на том холме теперь церковь стоит св. Василия; но об этом после скажем, а теперь к прежнему возвратимся.

Пошел Владимир на ляхов и занял города их — Перемышль, Червен и другие, которые и теперь под Русью; победил вятичей и наложил на них дань от плуга, как и отец его брал. Когда князь пришел в Киев и приносил жертву кумирам вместе с людьми своими, то старцы и бояре сказали: «Бросим жребий на мальчиков и девиц; на кого падет, того и зарежем богам». В это время жил в Киеве один варяг; двор его стоял там, где теперь церковь св. Богородицы, построенная Владимиром; варяг этот пришел из Греции, держал веру христианскую, и был у него сын прекрасный лицом и душою; на него-то и пал жребий. Посланные от народа пришли к старому варягу и сказали: «На твоего сына пал жребий; боги выбрали его себе, чтоб мы принесли его им в жертву». Варяг отвечал: «То не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгниет; ни едят, ни пьют, ни говорят; сделаны руками из дерева; Бог же один, которому служат греки и кланяются; Он сотворил небо и землю, звезды и луну, и солнце, и человека, и дал ему жить на земле; а эти боги что сотворили? Они сами сделаны руками

человеческими; не дам сына своего бесам». Посланные пересказали слова варяга гражданам; тогда народ, взяв оружие, пошел на варяга и разломал забор около его дома. Варяг стоял на сених с сыном; ему кричали: «Отдай сына! Нам нужно принести его в жертву богам». Он отвечал: «Если то в самом деле боги, то пусть пошлют одного бога взять моего сына; а вы из чего так хлопочете?» В народе раздался яростный крик; толпа бросилась, подрубили сени под обоими варягами; и таким образом убили их, и никто не знает, где их похоронили.

В 988 году пошел Владимир с войском на Корсунь, город греческий. Корсунцы заперлись в городе и крепко оборонялись. Владимир послал сказать им: «Если не сдадитесь, то три года простою здесь»; но они не послушались. Тогда Владимир, устроив свое войско, велел делать насыпи около города; но корсунцы, подкопав городскую стену, уносили насыпанную землю к себе в город. В это время один житель корсунский именем Настас пустил стрелу в стан русский, а на стреле было написано: «На восток от тебя колодезь; из него вода идет по трубе в город; откопай колодезь и перейми воду». Владимир тотчас велел копать, и точно воду переняли у граждан; тогда последние, изнемогши от жажды, сдались.

Владимир вошел в город с дружиною и послал сказать императорам Василию и Константину: «Вот я взял ваш славный город; слышу, что у вас есть сестра девица: если вы не отдадите ее за меня, то и стольному городу вашему будет то же, что и Корсуню». Оба царя, услышав это, сильно огорчились и отвечали: «Неприлично христианам выдавать сестер своих за неверных; если крестишься, то и сестру нашу получишь и вместе с нею царство небесное, а с нами будешь единоверник; если же не хочешь креститься, то не можем выдать за тебя сестры». Владимир отвечал послам императорским: «Скажите царям, что я готов креститься, потому что и прежде испытал ваш закон и мне нравится ваша вера и богослужение». Цари, услыша это, обрадовались и послали ко Владимиру сестру свою именем Анну, которую насилу уговорили идти; она села на корабль, простилась с родными и с плачем поплыла через море. Когда царевна приехала в Корсунь, Владимир крестился, а после крещения обвенчался на Анне и пошел с нею в Киев. Пришед туда, он велел повестить народу: «Кто не придет к реке креститься, богатый ли или бедный, тот будет мне противен». Услышав это, люди шли с радостью, говоря: «Если б эта вера была не хороша, то князь и бояре не приняли бы ее». На другой день Владимир вышел с духовенством на Днепр, куда собралось множество людей: все вошли в воду и стояли в ней — одни по шею, другие по грудь, малолетние у берега, возрастные же дальше — и держали на руках младенцев, а священники читали молитвы.

ГЛАВА IV

О ТОМ, КАК ВЛАДИМИР ВОЕВАЛ С ПЕЧЕНЕГАМИ,
И О СМЕРТИ ВЛАДИМИРА

Владимир велел строить церкви в Киеве и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры; так поставил он церковь св. Василия на холме, где прежде стоял Перун и где приносили жертвы князь и люди; и по другим городам начал ставить церкви и к ним священников и людей приводить на крещение по всем городам и селам. Послал также взять у лучших граждан детей и отдать их в книжное ученье; при этом матери плакали по своим детям, как по мертвецам, потому что не были еще утверждены в вере.

В 991 году пошел Владимир на хорватов. Только что возвратился он с хорватской войны, и вот печенеги пришли с той стороны, от реки Сулы; Владимир пошел против врагов и встретил их на реке Трубежи. Русские стали на этой стороне, а печенеги на той, и не смели ни наши перейти на печенежскую сторону, ни печенеги на нашу. Тогда приехал князь печенежский к реке, позвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего воина и я своего— пусть борются, и если твой осилит моего, то не будем воевать три года, если же наш одолеет, то будем разорять вашу землю целые три года». После этого разговора князья разошлись розно; Владимир, пришедши к себе в стан, послал кликать по шатрам: «Нет ли такого, кто бы взялся биться с печенегом?» И не сыскался никто. На другое утро приехали печенеги и привели своего бойца, а у наших никого не было.

Стал тужить князь Владимир и послал опять кликать по всему войску; тогда пришел к князю старик и сказал ему: «Князь! Вышел я сюда на войну с четырьмя сыновьями, а пятый, меньшой, остался дома; с самого детства не было человека, кто бы одолел его: однажды он мял воловью кожу, а я стал его за что-то бранить, так он, рассердясь на меня, прорвал кожу руками». Князь, слыша это, обрадовался и послал за силачом; когда он пришел, то князь рассказал ему, в чем дело; тот отвечал: «Не знаю, князь, могу ли биться с печенегом; но пусть испытают меня: нет ли здесь большого и сильного быка?» Нашли быка, большого и сильного, велели разъярить его горячим железом и пустили на волю: когда бык бежал мимо силача, тот схватил его рукою за бок и вырвал кожу с мясом. Владимир, видя это, сказал ему: «Можешь биться с печенегом».

На другое утро пришли печенеги и начали опять кричать: «Что же? Нашелся ли боец? А наш уже готов!» Владимир еще за ночь велел своему бойцу вооружиться, и вот оба показались. С печенежной стороны вышел великан, страшный

видом; выступил и Владимиров богатырь: он был среднего роста, и потому печенег, увидав его, начал смеяться. Размерили место между обоими полками, пустили борцов: те схватились и начали крепко щемить друг друга: наш стиснул печенега руками до смерти и ударил его о землю; тогда с обеих сторон раздался крик; печенеги побежали; русские ударили вслед за ними и прогнали их. Владимир был очень рад, сделал богатыря знатным человеком, и отца его тоже; потом возвратился в Киев с победою и славою великою.

В 995 году опять пришли печенеги к городу Василеву. Владимир вышел против них с малою дружиною и когда вступил в битву, то не мог удержаться, побежал и едва укрылся от врагов под мостом. Тут обещался Владимир поставить церковь св. Преображения в Василеве, потому что в тот день было Преображение. Избавившись от беды, Владимир точно поставил церковь и сделал большой праздник, наварил меду и созвал бояр своих, и посадников, и старшин изо всех городов, и всяких людей много, а нищим роздал триста гривен.

Праздновал восемь дней, Владимир возвратился в Киев на Успение Богородицы и тут опять сделал большой праздник, созвав бесчисленное множество народа. Он приказывал всякому нищему и убогому приходиться на княжий двор и брать все что надобно: питье, кушанье и деньги из казны. Князь говорил также: «Ведь больные и слабые не могут дойти до моего двора», и потому велел сделать телеги, накладывать на них хлеб, мясо, рыбу, овощи разные, мед, квас и развезить по городу, спрашивая: «Где больные и нищие, кто ходить не может?» — тем раздавали все это. Каждое воскресенье завел он на дворе своем пиры, куда приходили бояре, дворяне, соцкие, десяцкие, лучшие люди, при князе и без князя; на тех пирах бывало множество мяса: говядины и дичины, было много всего. Вот, бывало, как подопьют, то и начнут роптать на князя, говоря: «Что это наше здесь за житье горькое! Дает нам есть деревянными ложками, а не серебряными!» Владимир, услышав ропот, велел подавать серебряные ложки и сказал: «С серебром и золотом не найдешь дружины, а с дружиною найду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра». Владимир любил свою дружину и думал с нею обо всяких делах, об устройстве земском, о войнах, об уставах земских. С окольными князьями жил он мирно, и с польским князем, и с венгерским, и с богемским: были между ними мир и любовь.

В 997 году Владимир пошел к Новгороду за войском на печенегов, потому что войны были беспрестанные. В это время печенеги, узнав, что князя нет, пришли и стали около Белгорода, не давая никому выхода, отчего сделался вдруг большой голод. В такой беде граждане собрали вече и сказали: «Пришлось помереть с голода, а от князя нет помощи; сдадимся печенегам: кого

убьют, а кого в живых оставят; нам все равно помирать же голодною смертию». Так и решили. На этом вече не было одного старика, и когда он после спросил: «Зачем это собирали вече?» — то ему отвечали, что завтра хотят сдаться печенегам. Старик послал за городскими старшинами и сказал им: «Что это я слышал, будто вы хотите сдаться печенегам?» Те отвечали: «Да что ж будешь делать? Люди не хотят терпеть голода». Тогда старик сказал им: «Послушайте ж меня, не сдавайтесь еще денька три и сделайте так, как я вам скажу». Когда те обещали слушаться его, старик продолжал: «Сберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей». Старшины исполнили его волю. Тогда он велел женщинам сделать раствор, на чем кисель варят; велел также выкопать колодезь, вставить в него кадку и налить ее раствором; велел выкопать и другой колодезь и в него вставить кадку. Потом велел сыскать где-нибудь меду; ему принесли его целое лукошко: спрятано оно было в княжеском погребце; старик приказал сделать из него сыту пресладкую и вылить в кадку, которая стояла в другом колодезе. На другой день он велел послать за печенегами; граждане пошли и сказали им: «Возьмите у нас заложников, а сами пойдите, человек с десять, в город и посмотрите, что у нас делается». Печенеги обрадовались, думая, что хотят им сдаться: взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали в город проведать, что там такое делается.

Когда печенеги пришли в город, то жители сказали им: «Зачем вы себя губите? Хоть десять лет стойте под нашим городом, ничего нам не сделаете: у нас сама земля дает корм; если ж не верите, посмотрите своими глазами». Сказав это, привели их к колодезю, где был раствор, почерпнули из него ведром и налили в котлы; когда сварили кисель, то взяли печенегов и привели к другому колодцу, почерпнули сыты и начали есть — сперва сами, а потом дали и печенегам. Те удивились и сказали: «Ни за что не поверят наши князья, если сами не отведают». Тогда граждане налили горшок раствора и сыты из колодца и дали печенегам; те пошли к своим и рассказали им все, что с ними случилось. Князья печенежские сварили себе кисель, поели, подивились, потом собрались и пошли прочь от города.

В 1014 году сын Владимира, Ярослав, который княжил в Новгороде и давал каждый год в Киев по две тысячи гривен, а тысячу раздавал в самом Новгороде дружине, что делали и все прежние посадники новгородские,— в тот год вдруг не захотел давать дани отцу своему. Владимир сказал: «Поправляйте дороги и мостите мосты», потому что хотел идти на Ярослава войной, да вдруг разболелся. Между тем прослышали, что печенеги идут на Русь; Владимир выслал против них сына своего Бориса, а сам сильно разболелся; в этой болезни и умер.

ГЛАВА V

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ПО СМЕРТИ ВЛАДИМИРА,
И О КНЯЖЕНИИ ЯРОСЛАВА

По смерти Владимира в Киеве сел старший сын его Святополк. Он созвал киевлян и начал давать им подарки; киевляне брали, но сердце их не лежало к Святополку, потому что братья их были с Борисом. Борис уже возвратился с войском назад, не нашед печенегов, как вдруг пришла к нему весть: «Отец у тебя умер». Борис горько плакал, потому что он был у Владимира сын любимый. Отцовская дружина сказала ему: «Вот у тебя отцовская дружина и войско; пойдя в Киев на отцовском столе». Борис отвечал: «Не подниму руки на брата старшего; если и отец у меня умер, то пусть Святополк будет мне вместо отца». Услыхав такой ответ, воины разошлись от Бориса, который остался на реке Альте с одними своими отроками.

Между тем Святополк задумал беззаконное дело и послал сказать Борису: «Хочу с тобою любовь иметь и придам тебе еще к той волости, которую получил ты от отца»; но все это была лесть: он хотел погубить его. Ночью пришел Святополк в Вышегород, тайно призвал Путшу, городских старшин и сказал им: «Преданы ли вы мне всем сердцем?» Путша и другие вышегородцы отвечали: «Головы свои за тебя сложим». Тогда он сказал им: «Не говоря никому ни слова, ступайте и убейте брата моего Бориса»; те обещали немедленно исполнить его волю.

Ночью пришли они к реке Альте и когда подступили поближе, то услышали, что Борис поет заутреню: к нему уже пришла весть, что собираются погубить его. Помолвившись, он лег на постель, — и вот убийцы, как дикие звери, напали на шатер, просунули в него копьё и прокололи Бориса; вместе с ним прокололи и слугу его, который пал на него, желая телом своим защитить господина. Это был любимец Бориса, звали его Георгием, родом он был из Венгрии; Борис его очень любил и надел на него большую золотую цепь, в которой он всегда находился при князе; тут же было побито и много других отроков Борисовых. Сам Борис еще дышал, когда убийцы завернули его в шатерное полотно, положили на колесницу и повезли. Святополк, узнав, что Борис еще дышит, послал двух варягов прикончить его; когда посланные пришли и увидели, что князь еще жив, то один из них вынул меч и пронзил его в сердце. Так скончался блаженный Борис; тело его принесли тайно в Вышегород и положили в церкви св. Василия. Тогда окаянный Святополк начал думать: «Вот я убил Бориса: как бы убить Глеба?» Для этого он послал с лестью к Глебу, веля сказать ему: «Приезжай сюда поскорее, отец тебя зовет, он очень болен». Глеб немедленно сел на коня и пошел с малой дружиною, потому что был послушлив отцу.

В это же время пришла весть в Новгород к Ярославу от сестры его Предславы об отцовской смерти, и Ярослав послал сказать Глебу: «Не ходи: отец у тебя умер, и брат твой убит Святополком». Услыхав это, Глеб горько заплакал об отце, но еще больше плакал он о брате. Когда Глеб молился со слезами, внезапно пришли убийцы, посланные Святополком; отроки Глебовы обмерли от страха; окаянный Горясер, один из посланных Святополком, велел тотчас же зарезать князя; повар Глебов именем Торчин, вынув нож, зарезал своего господина; злодеи возвратились назад и сказали Святополку: «Мы исполнили твою волю».

Этот Святополк окаянный убил и третьего брата, Святослава, посплав догнать его, когда тот бежал в Венгрию. После третьего убийства Святополк начал думать: «Перебью всех своих братьев и стану владеть один русскою землею». Когда еще Ярослав Новгородский не знал об отцовой смерти, то, собираясь воевать с Владимиром, призвал множество варягов; эти варяги делали новгородцам большое насилие; новгородцы встали и перебили их. Ярослав рассердился и, зазвав к себе хитростию лучших новгородцев, перебил их всех. Но в ту же самую ночь получил он весть из Киева от сестры Предславы, которая писала: «Отец твой умер, а Святополк сидит в Киеве, убил Бориса, а на Глеба послал; берегись его».

На другой день, собрав остаток новгородцев, Ярослав сказал им со слезами: «Отец мой умер, а Святополк сидит в Киеве, да братьев убивает». Новгородцы отвечали: «Хотя братья наши и перебиты, но все можем стать за тебя». Тогда Ярослав собрал войско и пошел на Святополка, призвав Бога в свидетели своей правды; он говорил: «Не я начал избивать братьев, но он; пусть будет Бог мстителем за кровь братьев моих, потому что Святополк без вины пролил кровь праведного Бориса и Глеба: что ж, он, пожалуй, и со мной то же сделает?»

Святополк, узнав, что Ярослав идет на него, пристроил множество войска, руси и печенегов, и вышел к Любечу. Оба брата стали,— один по сю, другой по ту сторону Днепра,— но ни тот, ни другой не смели начать битвы и так стояли три месяца друг против друга. Тогда Святополков воевода, ездя возле берега, начал укорять новгородцев; он кричал им: «Что вы пришли с вашим хромым князем? Ах вы, плотники! Вот мы заставим вас строить нам хоромы!» Услыхав такую брань, новгородцы сказали Ярославу: «Завтра переведемся на ту сторону; если же кто не пойдет с нами, того сами уьем». В это время уже настали морозы; Святополк стоял между двумя озерами и всю ночь пил с дружиною; а Ярослав, рано утром оставив свою дружину, на рассвете перевезся на другую сторону реки. Когда новгородцы вышли на берег, то оттолкнули лодки и ударили на врагов. Сеча была злая; печенегам нельзя было озером помочь Святополку,

и новгородцы притиснули неприятелей к озеру; те сошли на лед, лед под ними подтопился, и Ярослав начал одолевать. Тогда Святополк побежал в Польшу, а Ярослав сел в Киеве на столе отцовском и дедовском.

В 1018 году пришел Болеслав, король польский, с Святополком на Ярослава. Ярослав собрал русь, варягов, славян и пошел навстречу к Болеславу; враги стали по берегам реки Буга. У Ярослава был воспитатель и воевода именем Будый; он начал смеяться над Болеславом, говоря: «Вот мы проткнем тебе палкою брюхо твое толстое!» Болеслав был велик и тяжел, так что насылу мог сидеть на коне, но был смышлен; услыхав насмешки, он сказал дружине своей: «Если вы можете терпеть такой укор, то я один пойду на врагов и погибну». Сказав это, он сел на коня и въехал в реку, за ним бросилось и войско его. Ярослав не успел приготовиться, был побежден и убежал только с четырьмя мужами в Новгород, а Болеслав пошел в Киев с Святополком.

Когда Ярослав прибежал в Новгород и хотел уже оттуда бежать за море, то посадник Константин с новгородцами рассек лодки его, сказав: «Хотим еще биться с Болеславом и Святополком». Они начали собирать деньги, призвали варягов, роздали им жалованье, и Ярослав собрал много войска. Болеслав в это время сидел в Киеве, и дружина его была разведена по городам. Окаянный Святополк сказал своим: «Сколько ни есть поляков по городам — бейте их»; — и поляков перебили. Тогда Болеслав побежал из Киева, взяв имение и бояр Ярославовых, и всяких людей множество повел с собою в плен, занял и города Червенские. Святополк же начал княжить в Киеве и, услыхав, что Ярослав идет на него, убежал к печенегам.

В 1019 году пришел Святополк с печенегами в силе тяжкой; Ярослав, также собрав множество войска, вышел против него на реку Альту, и покрылось Альтское поле толпами воинов. Была тогда пятница, только что показалось солнце, враги сошлись; сеча была злая, какой еще не бывало на Руси; секлись, схватывая друг друга за руки, и схватывались трижды; кровь текла ручьями по удолям; к вечеру одолел Ярослав, и Святополк бежал.

В 1022 году брат Ярослава Мстислав, который княжил в Тму-таракани, пошел на касогов. Касожский князь Редедя вышел против него с войском, и когда оба, исполчившись, стали друг против друга, то Редедя сказал Мстиславу: «Для чего нам губить дружину? Сойдемся лучше сами бороться, и если ты одолеешь, то возьмешь все мое имение, и жену, и детей моих, и землю мою; если же я одолею, то возьму все твое». Мстислав согласился. Тогда Редедя сказал: «Будем бороться без оружия», и начали бороться крепко, и уже долго боролись; когда Мстислав стал изнемогать, потому что Редедя был велик и силен, то сказал: «Пречистая Богородица, помоги мне; если одолею врага, то

построю церковь в Твое имя». Сказав это, он ударил Редедю об землю, вынул нож и зарезал его; потом пошел в его землю, взял все имение, жену, детей и наложил дань на касогов; когда же пришел в Тмутаракань, то заложил церковь св. Богородицы и построил ее.

В 1024 году, когда Ярослав был в Новгороде, пришел Мстислав из Тмутаракани к Киеву, и не приняли его киевляне; тогда он пошел и сел в Чернигове, а Ярослав все был в Новгороде. Услыхав о приходе Мстислава, он послал за море звать варягов, и вот пришел к нему слепой Якун с варягами. Тогда Ярослав пошел с ним на Мстислава, и оба брата сошлись при Листвене. Мстислав с вечера исполнил дружину и поставил северян в середине против варягов, а сам стал с дружиною своею по бокам. Ночь была претемная, с молнией, громом и дождем; тогда Мстислав сказал дружине: «Пойдем на них!» Враги сошлись; северяне схватились с варягами; и когда варяги утомились, поражая северян, тогда наступил на них Мстислав с дружиною и начал бить варягов. Сильная была сеча! Как осветит молния, так и заблестит оружие; и гроза была большая, и сеча была сильная и страшная. Когда Ярослав увидал, что побежден братом, то побежал вместе с Якуном: Ярослав пошел в Новгород, а Якун за море. Мстислав же на другой день на рассвете, видя трупы своих северян и Ярославовых варягов, сказал: «Кто этому не порадуется? Вот лежит северянин, а вот варяг; а дружина моя цела».

После победы Мстислав послал сказать Ярославу: «Сядь в своем Киеве: ты старший брат, а мне будет эта сторона». На другой год Ярослав заключил мир с братом, и разделили Русскую землю по Днепру: Ярослав взял правую сторону, а Мстислав левую, и начали жить мирно, в братолюбье, усобицы и мятежи перестали, и была большая тишина в земле. В 1036 году Мстислав вышел на охоту, разболелся и умер; положили его в церкви св. Спаса в Чернигове, которую сам построил. Мстислав был полон, красноват лицом, с большими глазами; был храбр на войне, милостив, очень любил дружину, не щадил для нее ни имения, ни еды, ни питья. Владение его досталось Ярославу, и стал Ярослав самовластцем в Русской земле.

В 1043 году послал Ярослав сына своего Владимира на греков, и дал ему много войска, а воеводство поручил Вышате. Вот и пошел Владимир в лодках; пришли в Дунай, а отсюда отправились к Царю-граду. Вдруг поднялась большая буря и русские корабли разбило, князя Владимира взял к себе в корабль Иван Творимирич, воевода Ярославов; прочие же воины, числом 6000, выброшены были на берег и хотели идти в Русь, но никто из дружины княжеской не хотел идти с ними. Тогда Вышата сказал: «Я пойду с ними; останусь жив — хорошо, а погибну — все лучше с дружиною». Когда к грекам пришла весть, что русские корабли разбиты бурей, то царь именем

Мономах послал свои корабли вслед за неприятелем. Владимир, видя с дружиною, что за ними погоня, обратился назад, разбил греческие корабли и пришел в Русь; но Вышату с остальным войском греки взяли в плен и привели к Царьграду, где много русских ослепили; только уже через три года, когда заключен был мир, пустили Вышату в Русь к Ярославу.

В 1054 году умер великий князь русский Ярослав. Еще при жизни он урядил сыновей своих, сказав им: «Вот я отхожу из этого света, дети мои; любите друг друга, потому что вы дети одного отца и матери. Если будете жить в любви друг с другом, то Бог будет среди вас, покорит вам всех врагов, и будете жить мирно; если же станете ненавидеть друг друга, жить в расприх и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов, которую они достали себе трудом великим. Но живите мирно, слушаясь брат брата. Вместо себя поручаю Киев старшему сыну своему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как меня слушались: он будет вам вместо меня, а Святославу даю Чернигов, Всеволоду — Переяславль и Вячеславу — Смоленск». Так поделил он между ими города, заказав им не вступаться в братние области и не выгонять друг друга, а Изяславу сказал: «Если кто вздумает обижать брата своего, то ты помогай обиженному». Ярослав умер в Вышгороде; при нем был тогда третий сын его, Всеволод, которого он любил больше всех и держал всегда при себе. Всеволод положил тело отца своего в сани и повез в Киев; по дороге священники пели обычные песни, а народ провожал с плачем; привезши в Киев, положили его в мраморном гробе в церкви св. Софии, и плакали по нем Всеволод и все люди.

ГЛАВА VI

О КНЯЖЕНИИ ИЗЯСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА

Когда Изяслав по смерти отца начал княжить в Киеве, то племянник его Ростислав, сын Владимира Ярославича, побежал в Тмутаракань и выгнал оттуда Глеба, сына Святослава Черниговского. Святослав пошел к Тмутараканю на Ростислава, и тот вышел вон из города не потому, что испугался его, но потому, что не хотел поднять оружия против родного дяди. Святослав, пришед в Тмутаракань, посадил там опять сына своего Глеба и пошел назад домой в Чернигов; но как скоро он удалился, то Ростислав пришел опять, выгнал Глеба и сел в Тмутаракани.

Утвердившись здесь, он стал брать дань у касогов и в других странах. Греки испугались и подослали корсунского правителя извести князя коварством. Правитель пришел к Ростиславу; тот совершенно вверился ему и начал оказывать большую честь.

Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною, грек сказал ему: «Князь! Хочу пить за гвое здоровье»; Ростислав отвечал. «Пей». Грек выпил половину чаши, а другую половину подал выпить князю; но прежде незаметно обмакнул в чашу палец, а под ногтем у него был яд, который должен был подействовать в седьмой день. Когда князь выпил свою долю, то отравитель скрылся и, приехав в Корсунь, объявил, что в тот день умрет Ростислав, как и случилось. Ростислав был муж доблестный, воинственный, телом строен, красив лицом и милостив к убогим.

В 1066 году начал войну Всеслав, князь полоцкий, и занял Новгород; трое Ярославичей: Изяслав, Святослав и Всеволод, собравши войско, пошли на Всеслава, когда на дворе стояли страшные морозы. Ярославичи пришли к Минску; жители его затворились в городе; но князья взяли Минск, перебили мужчин, жен и детей повели в полон и пошли к реке Немизе. Всеслав вышел к ним навстречу. Враги сошлись на Немизе; глубокие снега лежали на полях; несмотря на то, однако, войска пошли друг против друга, и была злая сеча; много людей пало с обеих сторон, но Ярославичи одолели, и Всеслав бежал. Потом Изяслав, Святослав и Всеволод поцеловали Всеславу крест и сказали ему. «Приди к нам, мы не сделаем тебе никакого зла». Всеслав понадеялся на крестное целование и переехал в лодке через Днепр. Но Изяслав нарушил клятву: схватив Всеслава в своем шатре, привез в Киев и посадил в темницу вместе с двумя сыновьями.

В следующий год пришли иноплеменники на Русскую землю, половцы, большими толпами. Изяслав, Святослав и Всеволод вышли к ним навстречу на реку Альту, ночью произошла битва, половцы победили, и русские князья обратились в бегство: Изяслав со Всеволодом побежали в Киев, а Святослав в Чернигов.

Когда киевляне прибежали в свой город, то созвали вече на торговой площади и послали сказать князю: «Вот половцы рассеялись по земле; дай нам, князь, оружие и коней: хотим биться с ними». Князь не послушал их. Тогда люди начали кричать на воеводу Коснячка; пошли с веча на гору, пришли на двор к Коснякову и, не найдяши его дома, остановились у двора Брючислава и сказали: «Пойдем, высадим дружину свою из тюрьмы». Толпа разделилась надвое: одни пошли к тюрьме, а другие по мосту на княжеский двор. Изяслав сидел тогда на сенях с дружиною и начал спорить с народом: народ стоял внизу, а князь смотрел из окошка с дружиною. Тогда один из бояр сказал Изяславу: «Видишь, князь, народ так и взвыл, пошли постеречь Всеслава, а то долго ль до беды». Не успел он еще договорить, как другая половина народа пришла от тюрьмы, отворивши ее, тогда дружина начала говорить князю: «Беда теперь! Пошли кого-нибудь к Всеславу, чтоб хитростью приманил его к окну и пронзил мечом». Князь не послушался. Тогда в толпе народа

раздался крик, и все двинулись к темнице Всеслава. Изяслав, увидав это, побежал вместе с братом Всеволодом, а народ выпустил Всеслава из темницы и поставил его среди княжеского двора; имение Изяслава было разграблено, он убежал в Польшу.

Между тем половцы воевали по Русской земле; когда они стали опустошать окрестности Чернигова, то Святослав собрал несколько дружины и вышел против них. Увидав множество половцев, выстроившихся на битву, Святослав сказал дружине: «Станем крепко, ведь нам теперь некуда деться», и русские поскакали на врагов. Святослав одолел с своими тремя тысячами, тогда как половцев было двенадцать тысяч; одни из них были побиты, другие потонули в реке, а князя их поймали руками живого. Таким образом, Святослав возвратился с победою в свой город.

В 1068 году пошел Изяслав с Болеславом, королем польским, на Всеслава; тот вышел против них; но когда прибыл в Белгород, то ночью тайком от киевлян бежал в Полоцк. Киевляне, увидав на другой день, что князь убежал, возвратились в Киев, собрали вече и послали сказать Святославу и Всеволоду: «Мы сделали дурно, что прогнали своего князя; но вот он ведет теперь на нас поляков; ступайте в город отца вашего; если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем свой город, да и уйдем в греческую землю». Святослав отвечал им: «Мы пошлем к брату; если он пойдет с поляками губить вас, то мы выступим против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же он захочет мира, то придет с малою дружиною». Этими словами князья утешили киевлян. В самом деле, Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав убежал; не води поляков в Киев: там тебе не будут противиться; если же ты все еще сердисься и хочешь изгубить город, то знай, что мы пожалеем отцовского стола». Услыхав это, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взявши только маленький отряд войска; но наперед послал в Киев сына своего Мстислава. Мстислав, пришедши в город, умертвил тех, которые освободили Всеслава, числом 70 человек, других ослепил, иных погубил и без вины, не исследовав дела. Когда сам Изяслав приблизился к городу, то киевляне вышли к нему навстречу с поклоном и с честью приняли своего князя.

В 1073 году встала распря между братьями Ярославичами: Святослав соединился со Всеволодом на Изяслава; последний принужден был выйти из Киева, и младшие братья вошли туда, нарушив завещание отцовское. Святослав был всему виною: желая иметь больше власти, он стал говорить Всеволоду: «Изяслав сносится со Всеславом, мысля на нас зло; если не предупредим его, то прогонит он нас». Такими речами возбудил Святослав Всеволода на Изяслава. Последний отправился, как и прежде, в Польшу, взявши с собой большие сокровища. Он говорил: «С

деньгами я найду себе войско»; но ошибся: поляки обобрали у него имения и показали путь от себя.

В 1076 году умер Святослав Ярославич и его место занял Всеволод; но в следующем же году явился Изяслав с поляками; Всеволод пошел к нему навстречу на Волынь. здесь братья заключили мир, и Изяслав сел опять в Киеве. Скоро, однако, племянники его, которым он не дал областей,— Олег Святославич и Борис Вячеславич,—привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; тот вышел против них и был побежден. Олег и Борис пришли в Чернигов, думая, что одолели дядю, и начали делать много зла Русской земле, проливая кровь христианскую. Разбитый Всеволод пришел к брату Изяславу в Киев; когда братья поздоровались и сели, то Всеволод рассказал все, что с ним случилось. Изяслав отвечал ему на это: «Не тужи, брат! Ты знаешь, сколько и со мною самим случилось бед: прежде всего, не выгнали ли меня и не разграбили ли мое имение? И потом в чем я провинился, а между тем был-таки изгнан вами! Не скитался ли я по чужим землям, лишенный всего имущества? А видит Бог, что зла я не сделал никакого; и теперь, брат, не будем тужить; если остались в Русской земле, то оба останемся; если же лишать нас ее, то обоих вместе: я сложу за тебя свою голову». Сказавши это, он утешил Всеволода и велел собирать войско от мала до велика, после чего выступили в поход—Изяслав с сыном своим Ярополком и Всеволод с сыном Владимиром.

Когда племянники услышали, что дяди идут на них, то Олег сказал Борису: «Нам нельзя идти к ним навстречу, нельзя стать против четырех князей, пошлем лучше к дядьям просить мира». Борис отвечал: «Ты только смотри, а я один пойду на них всех». Как сказал, так и сделал: у села Нежатины Нива сошлись дядья с племянниками, и была сеча злая: сперва убили Бориса, сына Вячеслава, который так много прежде хвалился, потом убит был и великий князь Изяслав, несмотря на то, однако, брат его Всеволод остался победителем, и Олег едва успел убежать в Тму-таракань.

Когда тело Изяслава привезено было в лодке, то вышел к нему навстречу весь Киев; священники и монахи с песнями понесли его в город, но песен было не слышать от плача и от воплей, потому что плакал по нем весь Киев; сын его Ярополк шел позади его тела, плакал с дружиной и приговаривал: «Батюшка, батюшка! Много ли пожил ты без печали на свете? Много напастей принял ты от людей своих и от братьев своих; но вот теперь погиб ты не от брата, а за брата положил голову свою».

Изяслав был взрачен и высок ростом; нравом незлобив, коварство ненавидел, любил правду, лести в нем не было, ум имел простой и не платил злом за зло. Как с ним поступили киевляне! Самого выгнали, дом разграбили, однако он не отплатил им

злом за зло. Если кто скажет: а как же он перебил тех, которые освободили Всеслава из темницы? — Но ведь то не сам он сделал, а сын его. Потом прогнали его родные братья, и он скитался по чужой земле; когда же снова сел на столе своем и побежденный Всеволод пришел к нему, то Изяслав не сказал брату: «А я сколько от вас натерпелся?», не отплатил злом за зло, но утешил, говоря: «Как ты, брат, показал ко мне любовь, ввел меня на стол мой и назвал старшим, так и я теперь не помяну первого зла, мы братья родные, и я положу голову свою за тебя», что и случилось на самом деле; не сказал он ему: «Сколько зла наделали вы мне, и вот теперь с тобою то же случилось»; не сказал: «Ступай от меня, ищи помощи, где хочешь»; но взял на себя печаль братнюю и великую показал любовь, поступив по Апостолу, который велит утешать печальных.

ГЛАВА VII

О КНЯЖЕНИИ ВСЕВОЛОДА ЯРОСЛАВИЧА И СВЯТОПОЛКА ИЗЯСЛАВИЧА

По смерти Изяслава Всеволод сел в Киеве на столе отца своего и брата своего, взяв один все владения русские. В 1093 году он умер. Этот князь из детства был боголюбив, любил правду, раздавал большую милостыню нищим, чтил духовенство, особенно же любил монахов, был очень воздержан, за что отец любил его больше всех других сыновей и обыкновенно говаривал ему: «Радуюсь, слыша о твоей кротости и видя, как ты покоишь мою старость; если, Бог даст, сядешь на моем столе после братьев своих, как следует по порядку, а не насилием, и когда Бог пошлет тебе кончину, то ляжешь там же, где и я, у моего гроба, потому что люблю тебя больше всех других твоих братьев».

Когда Всеволод начал княжить в Киеве, то забот стало у него больше, чем когда он княжил в Переяславле, потому что племянники беспрестанно докучали ему, все просили областей, тот ту, другой другую; великий князь только и знал, что мирил их, да раздавал волости; а тут начались болезни разные, к ним приспела и старость; Всеволод начал любить молодую дружину и с нею обо всем советоваться, а молодые стали отводить его от старой дружины и наговаривать ему на нее; в судах пошли притеснения; наместники стали грабить людей, брать с них взятки, а великий князь ничего об этом не знал в своих болезнях.

По смерти Всеволода сын его Владимир Мономах стал думать: «Если сяду на престоле отца своего, то будет у меня непременно война с Святополком, потому что Киев прежде принадлежал отцу его». Размыслив таким образом, он послал за

Святополком в Туров, а сам пошел в Чернигов. После Светлого Воскресенья пришел Святополк в Киев; киевляне вышли к нему навстречу с поклоном, и приняли его с радостью.

В это время пошли половцы на Русскую землю и, услышав, что Всеволод умер, отправили послов к Святополку просить мира. Святополк не посоветовался с старшею дружиною отцовскою и дядиною, а только с дружиною, которая пришла с ним из Турова, и по совету последней, схватив половецких послов, посадил их под стражу; это раздражило половцев, и они рассеялись всюду для войны и грабежа. Тогда Святополк испугался и выпустил послов, желая мира, но уже теперь половцы не хотели мириться и продолжали опустошать Русь. Святополк начал собирать войско, думая идти на врагов; тогда умные бояре сказали ему: «Куда тебе против них! Посмотри, как у тебя мало войска»; Святополк отвечал: «У меня 800 отроков, довольно будет: могут стать против половцев»; — и бессмысленные советники также подстрекали его: «Ступай, князь, нечего бояться». Но благоразумные бояре твердили свое: «Если бы ты собрал 8000,— говорили они,— и то было бы мало: наша земля оскудела от войны и от налогов; пошли лучше к брату своему Владимиру за помощью».

На этот раз Святополк послушался их, послал к Владимиру за помощью, и тот немедленно собрал войско. Когда он пришел в Киев и соединился с Святополком, то между князьями начались распри; тогда умные бояре стали говорить им: «Что вы тут ссоритесь, а враги между тем губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против половцев, либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк войны; когда русские полки пришли к реке Стугне, то и тут Владимир говорил, что надобно мириться; с ним согласны были все умные и опытные мужи, но киевляне не захотели мира и перешли Стугну в самое половодье. Вот и половцы показались с стрельцами наперед, они напали прежде всего на Святополка и стеснили отряд его; сам Святополк стоял крепко, но люди его побежали и увлекли князя. Потом враги наступили и на Владимира; брань была лютая; побежал и Владимир с братом Ростиславом. Когда оба брата стали переправляться через реку Стугну, то Ростислав начал утопать перед глазами Владимира, тот ринулся подхватить брата и едва сам не утонул, а Ростислава не спас. С малою дружиною переправился Владимир через реку, потому что много простых людей и бояр потерял он в битве; переправившись на ту сторону Днепра, горько плакал он по брате своем и по дружине своей и печален возвратился в Чернигов; а половцы, видя, что одолели, пустились воевать по всей земле. Много христиан пострадали в то время; печальные, истерзанные, в страшный холод, в оковах, томимые голодом и жаждою, с бледными лицами шли русские пленники неизвестною страною, наги и босы, ноги их

были исколоты тернием; со слезами и вздохами несчастные спрашивали друг друга о родной стране; один говорил: я из такого-то города, а другой: я из такой-то веси.

В 1094 году Святополк заключил мир с половцами и взял за себя дочь их князя Тугоркана. В тот же год пришел к Чернигову Олег Святославич с половцами из Тмутаракани; Владимир затворился в городе; неприятели выжгли окрестности и монастыри; и наконец Владимир заключил мир с Олегом и пошел в отцовский город Переяславль, а Олег стал княжить в Чернигове. В 1096 году Святополк и Владимир послали сказать Олегу: «Приезжай в Киев; там мы урядимся о Русской земле перед епископами, игуменами, перед боярами отцов наших и перед людьми городскими: пора нам приняться всем сообща оборонять Русскую землю от поганых». Но Олег загордился и отвечал: «Не прилично мне стать на суд пред епископами и чернью», и не захотел идти к братьям своим, послушавшись злых советников. Тогда Святополк и Владимир послали сказать ему: «Вот ты не идешь на врагов и не едешь к нам на совет: ты мыслишь на нас зло и хочешь помогать половцам: Бог рассудит между нами».

Оба князя пошли к Чернигову, откуда Олег бежал в Стародуб. Осажденный и здесь двоюродными братьями и доведенный до изнеможения, Святославич запросил мира, Святополк и Владимир отвечали ему: «Ступай к брату своему Давиду, и приходите оба в Киев, стольный город отцов наших и дедов наших; это старейший город во всей земле; здесь должно нам сойтись и урядиться обо всем».

В 1097 году съехались в Любече Святополк, Владимир, Давид Игоревич, Василько Ростиславич, Давид Святославич и брат его Олег. Князья говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами поднимая вражду друг на друга? А половцы несут нашу землю розно и рады, что между нами идут войны; отныне будем сообща, одним сердцем охранять Русскую землю, и пусть каждый из нас держит свою отчину». Князья целовали крест на том, что если кто-нибудь из них вооружится на другого, то все должны восстать на зачинщика.

Из Любеча Святополк с Давидом возвратились в Киев; тогда некоторые мужи из дружины Давида стали говорить своему князю: «Владимир соединился с Васильком на тебя и на Святополка». Давид поверил лживым словам, пошел к Святополку и начал наговаривать ему на Василька. «Вспомни,—говорил он великому князю,—кто убил брата твоего Ярополка, разве не Ростиславичи, Василько с братьями? А теперь Василько мыслит на тебя и на меня, соединившись с Владимиром; промышляй о своей голове!» Святополк сильно смутился от этих речей. «Как узнать,—думал он,—правда это или ложь?» Вспомнил он о брате Ярополке, и жаль стало ему брата; потом стал думать и о себе:

«Ну как в самом деле это правда, что говорит Давид?» Кончилось тем, что он поверил наговору. Тогда Давид начал опять говорить ему: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». Святополк согласился, что надобно схватить Василька.

В это самое время приехал Василько в Киев; помолившись и поужинавши в Выдубичском монастыре, он хотел было уже на другой день отправиться в свою область, как Святополк прислал сказать ему: «Не ходи от моих именин». Василько отказался, говоря: «Нельзя мне медлить, неравно дома начнется война». И Давид от себя прислал упрощать его остаться: «Не ходи, брат, не слушайся брата старшего». Но Василько и тут не послушался. Тогда Давид сказал Святополку: «Видишь, теперь он в твоём городе, и знать тебя не хочет. Что же будет, как уедет в свою область? Увидишь, как займет все твой города; тогда помянешь меня,—призови киевлян, вели схватить его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин моих, то зайди хоть нынче повидаться со мною, и посидим все вместе с Давидом».

Василько обещался придти, не подозревая дурного умысла; он уже сел на коня и поехал, как вдруг на дороге встретился ему один из молодых его дружинников и сказал: «Не езди, князь, хотят тебя схватить». Василько не послушался его, подумав: «Как им меня схватить! Разве они не целовали креста, что если кто вооружится на брата, то все будут на зачинщика?» Помыслив таким образом, Василько перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет!» Когда он приехал с малою дружиною на княжеский двор, то Святополк вышел к нему навстречу, и вместе вошли в комнату, куда пришел скоро и Давид. Святополк начал опять уговаривать Василько остаться на праздник; тот отвечал по-прежнему: «Не могу остаться: я уже велел обозу моему идти вперед». Между тем Давид сидел, как немой. Святополк снова обратился к Васильку и просил его по крайней мере позавтракать у него. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите вы здесь вдвоем, а я пойду, распоряжусь завтраком», и вышел вон, а Давид с Васильком сели. Василько начал было разговор, но у Давида точно не было ни ушей, ни языка: так он перепугался своего нечистого замысла. Посидевши немного, Давид спросил: «Где брат?» Ему отвечали: «Там стоит, в сенях». Тогда он сказал Васильку: «Я пойду за ним, а ты, братец, посиди»; и вышел. Как скоро Давид вышел, Василька заперли, заковали в двойные оковы и приставили стражу на ночь.

На другое утро Святополк созвал бояр и киевлян и объявил им, что сказал ему Давид, будто Василько убил его брата и сговаривался на него с Владимиром, хотел убить его и овладеть его городами. Бояре и граждане отвечали: «Тебе, князь, должно

беречь свою голову; если Давид сказал правду, то пусть Василько примет казнь; если же Давид оклеветал его, то пусть клеветник примет месть от Бога и отвечает пред Ним». Но игумены, узнав, что случилось на княжеском дворе, стали просить Святополка за Василька; великий князь отвечал им: «Это все Давид наделал». А Давид, узнав о расположении духовенства и граждан, начал подуцать Святополка на ослепление. «Если ты этого не сделаешь,—говорил он,—а отпустишь Василька, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить пленника, но Давид никак не хотел этого, потому что сильно боялся Василька. В ту же ночь последнего повезли в Белгород и там ослепили.

Владимир Мономах, услышав, что Василько схвачен и ослеплен, ужаснулся горько, заплакал и сказал: «Никогда еще такого зла не бывало в Русской земле, ни при дедах, ни при отцах наших». Он тотчас велел повестить Давиду и Олегу Святославичам: «Ступайте к Городцу, чтоб поскорее поправить зло, которое случилось в Русской земле: нож ввергнут среди братий; если мы не исправим этого зла, то еще больше встанет среди нас: начнет брат убивать брата, и погибнет Русская земля; враги наши, половцы, придут и возьмут родную страну нашу». Давид и Олег также сильно опечалились и горько плакали о несчастьи Василька. «Не было еще такого злодейства в роде нашем»,—говорили они, собрали войско и пришли ко Владимиру.

Трое князей, Владимир, Давид и Олег, послали сказать Святополку: «Для чего сделал ты такое зло в Русской земле и ввергнул нож среди нас? За что ослепил брата своего? Если б он был виноват в чем-нибудь, то ты б обличил его перед нами и, доказав вину, поступил бы с ним как следовало, а теперь объяви нам его преступление, за которое он потерпел такую ужасную казнь?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка, да и меня хотел убить и занять волость мою и что будто они уговорились с Владимиром: Владимиру сесть в Киеве, а Васильку на Волыни; мне ведь надобно беречь свою голову, да и не я же ослепил Василька, а Давид,—он повел его к себе». Послы союзных князей сказали на это Святополку: «Ты этим не оправдывайся, что Давид ослепил его: не в Давидове городе был он схвачен и ослеплен, а в твоём».

На другое утро союзники намеревались уже переправиться за Днепр на Святополка, и тот хотел уже бежать из Киева, но киевляне не пустили его и послали жену покойного великого князя Всеволода да митрополита Николая ко Владимиру с такими речами: «Князь, молим тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли; если начнете рать между собой, то половцы станут радоваться и возьмут землю нашу, которую отцы ваши и деды стяжали трудом великим и храбростию, поборая по Русской земле; они приискивали чужие земли, а вы хотите погубить

и русскую». Услыхав это, Владимир расплакался и сказал: «В самом деле отцы наши и деды сберегли русскую землю, а мы хотим погубить ее». Союзные князья преклонились на просьбу княгини и митрополита и заключили мир с Святополком на том условии, чтобы последний шел с войском на Давида и либо взял его в плен, либо выгнал из русской земли.

Между тем Василько содержался в плену во Владимире Волынском. Давид, услыхав, что князья поднялись на него за Василька, послал уговаривать слепца, чтоб тот примирил его с рассерженными родственниками, обещая дать ему за это любой город. Василько попросил посланного остаться у себя и, выслав вон слугу, начал говорить ему: «Слышу, что Давид хочет выдать меня полякам; видно мало еще он напился моей крови, когда хочет выдать меня им, потому что я много наделал зла полякам и еще больше хотел сделать, мстя за русскую землю. Если он выдаст меня ляхам, то не боюсь смерти; но вот что скажу тебе: поистине наказал меня Бог за мою гордость; как пришла весть, что идут ко мне берендеи, печенег и торки, то я и начал думать: вот как будут у меня берендеи, печенег и торки, то скажу братьям своим Володарю и Давиду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте себе и веселитесь спокойно; я думал: наступило зимою на землю польскую, а на лето повоюю ее всю и отомщу за русскую землю; потом хотел я покорить болгар дунайских и поселить их у себя; затем хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев, чтоб сыскать себе славу либо сложить голову за русскую землю. Но, клянусь Богом и Его пришествием, что у меня не было никакого умысла на Святополка и Давида, а низложил меня Бог и смирил за мою гордость».

После долгой войны за Василька в 1100 году князья Святополк, Владимир, Давид и Олег снова съехались вместе; пришел к ним и Давид Игоревич и сказал: «Зачем меня призвали? Вот я пришел; у кого на меня жалоба?» Владимир отвечал ему: «Ты сам присылал нам сказать: хочу, братья, придти к вам и пожаловаться на свои обиды, вот теперь ты пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре: что ж не жалуешься, кто из нас тебя обидел?» Давид не отвечал ни слова. Тогда все братья встали, сели на коней, разъехались, и каждый стал советоваться о Давиде с своею дружиною; а Давид Игоревич сидел особо вдали, и никто не допускал его к себе. Посоветовавшись, князья послали мужей своих сказать Давиду: «Вот что говорят тебе братья: не хотим дать тебе стола Владимирского на Волыни, потому что ты ввергнул среди нас нож, чего прежде не бывало в русской земле; мы не хотим тебя схватить, не хотим сделать тебе никакого зла; но вот Святополк дает тебе четыре города, а Владимир от себя 200 гривен, да Давид и Олег Святославичи также 200 гривен». Тем и покончили дело.

В 1111 году вложил Бог Владимиру в сердце пойти на половцев. Он объявил о своем намерении Святополку, а тот сказал дружине; дружина отвечала: «Не время весною идти в поход. отнимешь только земледельцев от работ». Тогда Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам съехаться вместе и подумать с дружиною». Владимир приехал, и сели в одном шатре Святополк с своею дружиною, а Владимир с своею, и все молчали. Наконец Владимир сказал: «Брат! Ты старший, начни говорить, как бы нам промыслить о русской земле». Святополк отвечал: «Лучше ты начни говорить, братец». Владимир сказал: «Что мне говорить: против меня будет и твоя и моя дружина; они скажут, что я хочу погубить земледельцев, оторвать их от работ; но удивляюсь я тому, что земледельцев жалеете и их лошадей, а того не подумаете, что на весну начнет земледелец пахать с лошадью, и придет половчин, ударит мужика стрелою, лошадь его, и жену, и детей возьмет, и гумно запалит, об этом вы не думаете!» Вся дружина отвечала: «И в самом деле так!» Святополк сказал: «Я готов с тобой, братец!»

Во вторую неделю поста двинулись князья в поход, и на шестой неделе во вторник пришли к Дону; здесь они исполнились и пошли к городу Шаруканю; жители вышли из города, поклонились русским князьям, вынесли им рыбу и вино. На другой день в среду пошли к городу Сугрову и зажгли его; в четверг пошли с Дона, а в пятницу 24 марта собрались половцы, изрядили полки свои и пошли на бой. Князья наши, положив надежду на Бога, сказали: «Умрем здесь, но станем крепко!»—и простились друг с другом. Бой был крепкий, и Бог помог русским князьям: иноплеменники были побеждены. В понедельник на страстной неделе опять собралось множество половцев, и выступили они, как боровы великие, и тьмами тем оступили русские полки. Но и тут Господь Бог послал Ангела на помощь русским князьям, и попадали половцы перед полком Владимировым. Князья взяли большую добычу и возвратились домой с великою славою; молва о походе их прошла и в дальние стороны: к грекам, венграм, полякам и чехам, и даже достигла Рима.

ГЛАВА VIII

О КНЯЖЕНИИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА И СЫНОВЕЙ ЕГО, МСТИСЛАВА И ЯРОПОЛКА

В 1113 году умер великий князь Святополк; княгиня его раздала по монастырям, священникам и нищим большое богатство на диво всем: еще никто не раздавал такой милостыни. На другой

день киевляне собрались на вече и послали сказать Владимиру: «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский». Услыхав о смерти Святополка, Владимир горько заплакал и не пошел в Киев, жалея о смерти брата. Тогда киевляне разграбили двор тысяцкого Путяты; потом пошли на жидов и их пограбили и послали опять ко Владимиру сказать ему: «Ступай, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла будет: разграбят не один Путятин двор, соцких и жидов, достанется и вдове покойного князя, боярам и монастырям, и ты, князь, дашь ответ, если монастыри пограбят». Услыхав это, Владимир пошел в Киев; митрополит Никифор, епископы и все киевляне встретили его с великою честью. Мономах сел на столе отца своего и дедов своих; и все люди были рады, и мятеж утих.

В 1126 году преставился благоверный, христоролюбивый и великий князь всея Руси Владимир Мономах, братолюбец и нищелюбец, и добрый страдалец за русскую землю; он просветил ее, подобно солнцу, испускающему лучи свои; слава его пронеслась по всем странам, особенно был он страшен половцам. Тело его положили у св. Софии подле отца, Всеволода; святители плакали по святом и добром князе, плакал весь народ, все люди, как дети по отце или по матери.

По смерти Мономаха, Мстислав, старший сын его, сел на столе киевском. В его княжение Всеволод Ольгович Черниговский захватил врасплох дядю своего Ярослава в Чернигове, а дружину его ограбил и перебил; но когда услышал, что великий князь Мстислав с братом Ярополком собираются идти на него войною, то испугался, послал к половцам за помощью, а Ярослава отпустил в Муром. Половцы пришли, стали за рекою Вырем и отправили послов к Всеволоду; но посадники Ярополковы перехватили послов. Тогда половцы, не получая никаких вестей от Ольговичей, бежали к себе домой. Мстислав начал сильно наступать на Всеволода, попрекая ему: «Ты привел половцев, да что взял?» Всеволод, видя беду, стал упрашивать великого князя, чтобы помирился с ним; в то же время подучивал и бояр Мстиславовых, давал им большие дары и своими происками дотянул время до зимы. Тогда пришел и Ярослав из Мурома в Киев; он кланялся Мстиславу и упрашивал его: «Ведь ты дал мне слово, говорил он ему, пойти на Всеволода: поди же теперь». Но Всеволод также не переставал упрашивать Мстислава о мире.

В это время был игуменом в монастыре у св. Андрея Григорий, которого прежде любил Владимир Мономах, да и Мстислав и все люди очень уважали его. Этот Григорий никак не давал великому князю встать ратью на Всеволода за Ярослава; он говорил ему: «Меньше тебе будет греха нарушить крестное целование и не встать ратью, чем пролить христианскую кровь». Созвали и собор из всех священников (митрополита в то время не было), и все сказали Мстиславу: «На нас будет твой грех, если

преступишь клятву: не начинай войны!» Мстислав послушал, сделал по их, но после плакал об этом всю жизнь. Ярославу нечего было больше делать: он пошел назад в Муром, где скоро и умер.

В 1132 году умер и великий князь Мстислав, оставив княжение брату своему Ярополку, которому поручил и детей своих. В княжение Ярополка началась страшная война между потомками Владимира Мономаха и князьями черниговскими, потомками Святослава Ярославича. Черниговские начали просить у Ярополка: «Что наш отец держал при вашем отце, того же и мы хотим; если вы не отдадите нам этих городов, то не жалуйтесь после, а на себя пеняйте; сами будете виноваты, на вас будет кровь». Все дело пошло из того, что Юрий Владимирович Долгорукий, князь ростовский, выгнал племянника своего, Всеволода Мстиславича, из Переяславля; потом брат Юрия, Вячеслав Владимирович, выгнал из того же Переяславля другого Мстиславича, Изяслава, и наконец выгнал его и из Турова. Озлобленные племянники вооружились против дядей и пристали к Ольговичам черниговским. Ольговичи обрадовались и встали против Мономаховичей. «Вы первые начали нас губить»,— говорили они им.

В 1135 году пришел Всеволод Ольгович со всею братьею к Переяславлю, и стояли под городом три дня, все бились у ворот; но услышав, что Ярополк идет на них, отошли к верховью реки Супоя и там пристроились к битве, дожидаясь полков великокняжеских. Ярополк скоро явился с дружиною своею и братьями. Увидав черниговское войско, он не захотел дожидаться остальных полков своих, даже не позаботился хорошенько устроить войско и устремился на битву, думая: «Не устоять Ольговичам против нашей силы!» Полки сошлись, бились крепко, и Ольговичи победили: много киевских бояр попало к ним в руки. Тогда Ярополк должен был уступить и отдать черниговским князьям все, чего хотели.

ГЛАВА IX

О КНЯЖЕНИИ ВСЕВОЛОДА ОЛЬГОВИЧА

В 1139 году умер великий князь Ярополк. Место его в Киеве занял родной брат его Вячеслав; но не прошло месяца, как Всеволод Ольгович Черниговский явился с братьями под Киевом и начал зажигать дворы в предместье. Вячеслав не вышел против него, боясь кровопролития, но уступил и выслал к черниговскому князю митрополита, велел так сказать ему: «Отступи на время к Вышгороду, а я нынче же пойду в свою волость, и Киев будет твой». Таким образом Ольговичу удалось достать себе Киев.

Сначала он хотел мира с Мономаховичами и разослал к ним послов; но потом, видя, что они не хотят мира, но ссылаются друг с другом, мысля идти на него, поспешил предупредить врагов и вышел с войском к Переяславлю, где княжил теперь Мономахов сын Андрей.

Надеясь на свою силу, Всеволод послал сказать Андрею: «Ступай в Курск из Переяславля». Андрей, подумав с дружиною, велел отвечать ему «Лучше мне умереть с дружиною в Переяславле, на своей отчине и дедине, чем взять курское княжение; отец мой сидел не в Курске, а в Переяславле, и я хочу умереть на своей отчине; если же тебе мало всей Русской земли, а хочешь еще и мою волость взять, то прежде убей меня, а потом и возьми, в нашем роду это уже не новость: не в первый раз братьям убивать братьев: Святополк разве не убил Бориса и Плеба за волость? Но сам долго ли пожил? И здесь жизни лишен, да и на том свете будет мучиться вечно». Бог помог Андрею, дружина его разбила полки Святослава, Всеволодова брата; после чего Всеволод, заключив мир, оставил его спокойно княжить в Переяславле.

В это время в Новгороде княжил брат Всеволодов, Святослав. Невзлюбили его новгородцы за его злость и начали вставать на вечеах. Святослав, увидав, что народ поднимается, послал сказать брату Всеволоду. «Брат! Мне мочи нет с этими людьми; не хочу жить с ними; кого хочешь пошли сюда». А между тем новгородцы начали уже убивать на вечеах приятелей Святославовых за их насилия. Тысяцкий, который был кум князю, уберег его от беды, послав сказать ему. «Князь! Хотят тебя схватить». Святослав испугался и убежал с женою и дружиною в Смоленск. Тогда новгородцы отправили епископа и лучших граждан к Всеволоду сказать ему: «Дай нам сына своего, а Святослава, брата твоего, не хотим».

Всеволод исполнил их желание, послал к ним сына; но когда тот доехал еще только до Чернигова, новгородцы уже переменяли мысли и прислали сказать Всеволоду: «Не хотим ни сына твоего, ни брата; не хотим вовсе вашего племени, хотим племени Владимирова: дай нам одного из шурьев своих, Мстиславичей». Всеволоду не хотелось уступить Новгорода Владимирову племени, и потому он, призвав Мстиславичей, дал им Брест и сказал: «Не думайте о Новгороде; пусть их там посидят одни, пусть сыщут себе князя, где хотят». Но новгородцы не могли сидеть без князя и послали к Юрию Ростовскому за сыном. Тогда Всеволод увидал, что дело идет дурно,—Новгород отходит к Владимирову племени, да к тому же и жена его просила за своих братьев: вот почему он согласился лучше видеть в Новгороде брата жены своей, Мстиславича, чем сына Юрьева, и послал в Новгород Святополка

Мстиславича, которого новгородцы и приняли с радостью, а Юрьевича отослали назад к отцу.

В 1145 году послал Всеволод за братьями своими, за Игорем и Святославом, да за двоюродными братьями, Давидовичами — Владимиром и Изяславом, послал также и за Изяславом Мстиславичем, князем переяславским, внуком Мономаха. Когда все князья съехались, то Всеволод начал говорить им: «Владимир Мономах посадил после себя в Киеве сына своего Мстислава, а Мстислав брата своего Ярополка; так и я хочу сделать то же: отдаю Киев после своей смерти брату Игорю». Изяслав Мстиславич много тому противился, да делать нечего, принужден был целовать крест, что исполнит волю Всеволодову. Когда после того все братья великого князя уселись в сених, то Всеволод начал говорить им: «Игорь! Клянись, что будешь любить братьев; а вы, Владимир, Святослав и Изяслав, клянитесь быть довольны тем, что будет вам давать Игорь». Братья поцеловали крест.

В следующем году, возвращаясь из похода против поляков, Всеволод разболелся, созвал киевлян и начал говорить им: «Я сильно болен, а вот вам брат мой, Игорь, возьмите его себе в князья». Киевляне согласились, но притворно. На другой день Игорь поехал в Вышгород, и вышгородцы также присягнули ему. Всеволод послал к Изяславу Мстиславичу и к Давидовичам спросить у них: «Стоите ли в крестном целовании, как присягали брату Игорю?» И те отвечали: «Стоим». На другой день скончался Всеволод.

ГЛАВА X

О ТОМ, КАК ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ ВОЕВАЛ С КНЯЗЬЯМИ ЧЕРНИГОВСКИМИ

Тотчас по смерти Всеволода Игорь поехал в Киев и созвал всех киевлян на гору, на двор Ярослава, и тут киевляне в другой раз целовали ему крест, но тотчас же после того двинулись все толпами к Туровой божнице и послали сказать Игорю: «Князь! Приезжай к нам!» Игорь, взяв брата Святослава, поехал, но остановился с дружиною недалеко от веча, а Святослава послал к гражданам узнать, чего хотят они? Киевляне начали обвинять тиуна Всеволодова Ратшу да другого еще тиуна вышгородского Тудора, говоря: «Ратша погубил у нас Киев, а Тудор Вышгород, теперь, князь Святослав, целуй нам крест, и с братом своим, что если кому из нас будет обида, то вы сами будете судить». Святослав отвечал: «Целую крест за себя и за брата, что не будет вам насилья никакого, и тиуна вам дадут по

вашей воле, кого хотите». После этих слов Святослав сошел с коня и поцеловал крест. Киевляне тоже все сошли с коней и говорили: «Коли так, то брат твой—наш князь и ты»; после чего целовали все крест и с детьми, что не изменят Игорю и Святославу. Последний, взяв лучших граждан, поехал с ними к брату Игорю и сказал ему: «Брат, я присягал, что ты будешь держать киевлян, как следует, и любить их». Игорь, услышав это, сошел с коня и поцеловал крест на всей воле граждан; после чего поехал домой обедать; но киевляне устремились на Ратшин двор грабить. Игорь выслал к ним брата Святослава с дружиною, и тот едва успел утишить их.

В то же время Игорь послал к Изяславу Мстиславичу сказать ему: «Бог взял нашего брата, а ты стоишь ли в крестном целовании?» Изяслав не дал никакого ответа и самого посла задержал: он надеялся, что киевляне недолго уживутся в мире с Игорем. В самом деле, скоро они прислали к Изяславу звать его в Киев на стол. «Пойди, князь, к нам; хотим тебя»,— говорили они.

Изяслав собрал полки, выступил из Переяславля и перешел Днепр у Заруба. Тут прислали к нему черные клобуки* и все Поросье** сказать ему: «Ты наш князь; Ольговичей не хотим; ступай поскорей, а мы все с тобою». Изяслав двинулся к Дерновому, и тут собрались к нему все черные клобуки и поршане; тут же прислали белгородцы и василевцы послов; все говорили одно и то же: «Ступай! Ты наш князь; Ольговичей не хотим». Вслед за белгородцами и василевцами приехали и от киевлян послы; они то же говорили: «Ты наш князь, ступай, Ольговичей не хотим; как только завидим твое знамя, так все и бросимся к тебе». Изяслав, собрав на поле весь народ, и христиан и поганых, сказал им: «Братья! Всеволода признавал я старшим братом, потому что старший брат и старший зять нам вместо отца; но с этими, с Игорем и Святославом, хочу управиться, как мне Бог даст и сила крестная: либо голову свою сложу перед вами, либо добуду стол отцовский и дедовский». Сказав это, Мстиславич пошел в поход.

Между тем Игорь послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу, спрашивая: «Стоите ли вы, братья, в крестном целовании?» Те стали с ним торговаться и запросили множество волостей. Игорю делать было нечего, на все согласился. Тогда Давидовичи тронулись к Киеву. Игорь призвал к себе и бояр—Глебу и Ивана Войтишича и Лазаря Саковского и сказал им: «Как были вы у брата моего, так будете и у меня»; а Глебу сказал: «Ты держи тысячу***, как у брата моего держал». Несмотря, однако,

* Пограничный степной народ, служивший в войсках русских князей, как теперь казаки

** Жители городов, построенных на реке Роси

*** Т е будь тысяцким

на то, что эти вельможи были в большей чести у Всеволода и у брата его, они вздумали вместе с киевлянами отложиться от последнего и послали сказать Изяславу Мстиславичу: «Ступай, князь, поскорей: идут Давидовичи Игорю на помощь». И точно, Изяслав Давидович приехал очень скоро, поцеловав прежде крест у св. Спаса вместе с братом Владимиром, что им не отступать от Игоря и брата его Святослава, причем черниговский епископ Онуфрий сказал бывшим тут священникам: «Кто эту присягу нарушит, тот будет проклят двенадцатью господними праздни-ками».

Но угроза епископа мало помогла: несколько дней спустя Давидовичи забыли свое крестное целование и отступили от Игоря. Заводчиками всему делу были названные прежде Глеб тысяцкий, Иван Войтишич, Лазарь Саковский да в Святославовом полку двое бояр: они собрали около себя киевлян и начали советоваться, как бы им переместить своего князя, а к Изяславу послали сказать: «Ступай, князь! Мы уговорились с киевлянами; хотим бросить знамя Ольговичей и бежать с полками своими в Киев»; а между тем Игоря и Святослава обманывали, говоря им: «Ступайте против Изяслава». Ольговичи взглянули на небо и сказали: «Изяслав целовал крест не думать о Киеве».

В это время пришел Изяслав к валу, где Надово озеро, и стал там с полками и с сыном своим Мстиславом; а киевляне стояли особо у Ольговой могилы: множество их было там. Когда еще полки стояли друг против друга, то Игорь увидал, что киевляне послали к Изяславу и взяли у него тысяцкого с знаменем и привели к себе, а потом и берендеи * переехали реку Лыбедь и захватили шатры Игоревы. Когда Игорь увидал все это, то сказал брату своему Святославу и племяннику Святославу Всеволодовичу: «Ступайте в свои полки, а там как нас с ними Бог рассудит»; и Глебу, тысяцкому своему, и Ивану Войтишичу велел также ехать в свои полки. Но Глеб и Иван, приехав в свои полки, кинули знамена и бросились бежать к Жидовским воротам. Ольговичи, увидав это, не оробели и пошли против Изяслава, но попали в дурное место, были захвачены в тыл берендеями и принуждены бежать. Тут Изяслав с сыном Мстиславом заехал им сбоку и заставил Игоря разлучиться с Святославом. Последний бежал к устью Десны за Днепр, но Игорь заехал в болото, увязил коня и был схвачен; Святослав же Всеволодович прибежал в Киев в монастырь св. Ирины, где его и поймали.

Изяслав, восхваля Бога за такую помощь, с великою славою и честью въехал в Киев; навстречу к нему вышло множество народа, игумены с монахами и священники со всего города

* Тюркское кочевое племя в южнорусских степях в XI—XII вв. В 1146 г. вошли в состав племенного объединения черных клобуков и стали вассалами России (*примеч. ред.*).

в ризах. Князь поехал ко св. Софии, поклонился Богородице и сел на стол деда и отца своего; потом призвал Святослава Всеволодовича и сказал ему: «Ты мне племянник, сын родной сестры моей»; и начал водить его подле себя. Между тем схватили многих бояр в Киеве, служивших Ольговичам, и заставили их откупиться деньгами. Спустя четыре дня привели к Изяславу Игоря, схваченного в болоте; сперва отвели пленника в монастырь Выдубецкий; потом, сковавши, отослали в Переяславль и посадили там в тюрьму в монастыре св. Иоанна; после чего киевляне с Изяславом разграбили дома дружины Игоревой и Всеволодовой, села и скот, много взяли всякого имения в домах и по монастырям.

Брат Игоря, Святослав Ольгович, прибежав в Чернигов с малою дружиной, послал к двоюродным братьям, Владимиру и Изяславу; он спрашивал у них: «Стоите ли, братья, в крестном целовании, что целовали мне пять дней тому назад?» Те отвечали: «Стоим». Тогда Святослав велел сказать им: «Вот я вам оставляю здесь боярина своего Константина, неравно понадобится вам на что-нибудь»; а сам поехал в Курск утверждать жителей его в верности, а оттуда в Новгород-Северский.

Между тем Давидовичи стали совещаться друг с другом тайком от Святослава боярина; однако им не удалось утаиться: Константин дал знать, что Давидовичи думают схватить брата своего Святослава; Константин тотчас же послал сказать князю своему: «Князь! Об тебе идет дело: хотят тебя схватить; если братья пришлют за тобою, не ездь к ним». В самом деле Давидовичи нарушили крестное целование, забыли страх Божий и послали в Киев сказать Изяславу: «Игорь как тебе злодей, так и нам; смотри же, держи его крепко»; а к Святославу послали сказать: «Ступай из Новгорода в Путивль и от брата Игоря отступишь». Святослав отвечал им: «Не хочу ни волости, ничего другого, только отпустите мне брата». Давидовичи велели сказать ему на это: «Целуй к нам крест, что не будешь требовать брата, не будешь искать его освобождения: в таком случае мы оставим тебя жить спокойно в своей волости». Святослав заплакал и послал в Суздаль к князю Юрию, велел сказать ему: «Брата моего Всеволода Бог взял, а Игоря Изяслав пленил: помилосердуй, пойди в русскую землю, в Киев, и сыщи мне брата; а я здесь, в надеже на Бога, буду тебе помощником!» Узнав, что Святослав не хочет исполнить их волю, Давидовичи сказали: «Вот мы уже начали злое дело, так dokonчим братоубийство; пойдем искореним Святослава и перейдем волость его!»

Согласившись между собою, Давидовичи послали к Изяславу проситься у него идти на Святослава к Новгороду-Северскому. Изяслав пришел к ним на сходку и сказал: «Возьмите с собою сына моего Мстислава с переяславцами и берендеями, да и ступайте на

Ольговича на Святослава, ступайте поскорее, чтоб он не убежал от вас, и станьте около него! Когда вы утомитесь от войны, то я сам приду к вам на смену и стану около Святослава, а вы пойдете домой». Урядившись таким образом, Давидовичи пошли к Новгороду-Северскому; прибыв туда, они пустили стрельцов своих к городу, и сами стали полками, и начали биться с горожанами. Последним пришлось очень тесно от врагов: их притиснули к острожному воротам, и много было у них убитых и раненых.

В то же время Святослав опять послал к Юрию Ростовскому; Юрий поцеловал крест, что будет искать ему Игоря, и точно собрался в поход. Изяслав, узнав, что Юрий идет на помощь к Изяславу, сел на коня и пошел сам к Новгороду-Северскому, а к Ростиславу Рязанскому послал сказать, чтоб воевал волость Юрия и не пускал его на юг. Тогда ростовский князь, услышав, что рязанцы воюют его землю, отпустил к Святославу сына Ивана, а сам воротился назад. Давидовичи и Мстислав Изяславич, посоветовавшись, пошли и приступили к Путивлю. Но путивляне не сдались им до тех пор, пока не пришел Изяслав Мстиславич с силою киевскою. Граждане крепко бились со стен; Давидовичи подъехали к ним и сказали: «Не бейтесь! Клянемся св. Богородице, что не дадим вас в полон!» Но граждане и тут не сдались им. Когда же пришел Изяслав Мстиславич с полками, то путивляне вышли к нему, поклонились и сказали: «Мы тебя только и ждали, князь! Целуй к нам крест». Изяслав целовал к ним крест и вывел прежнего посадника, а своего посадил. Двор Святославов разделили на четыре части, скот, мед и всякую рухлядь: в погребах было пятьсот берковцев* меду да вина восемьдесят корчаг**; и церковь св. Вознесения всю облупили, взяли сосуды серебряные, ризы, пелены, все шитое золотом, кадило, евангелия, книги, колокола; не оставили ничего, но все разделили по себе, между прочим и семьсот рабов.

Когда Святослав узнал, что Изяслав Мстиславич город его взял, все имение и собирается идти далее осадить его в Новгороде-Северском, то созвал союзных князей, половецких ханов, всю дружину и сказал: «Вот идет на меня Изяслав Мстиславич: надобно как-нибудь промышлять о себе». Ему отвечали: «Князь! Ступай отсюда не мешкая; здесь тебе незачем больше оставаться, нет ни хлеба, ничего; ступай в лесную землю: оттуда тебе удобнее будет ссылатся с Юрием». Святослав послушался и побегал из Новгорода в Карачев; дружина же его — одни пошли за ним, другие оставили его, а жена и дети с ним пошли.

Когда Изяслав Давидович услышал, что Святослав ушел из Новгорода, то сильно рассердился и стал говорить братьям:

* Берковец — русская мера массы (веса), равная 10 пудам (163,8 кг) —
Примеч ред

** Г е глиняных сосудов с округлым туловом и двумя ручками (*примеч ред*)

«Пустите меня за ним; хоть сам уйдет от меня, так жену и детей у него отниму и имение его захвачу». Выпросившись у Изяслава Мстиславича и у Владимира, брата своего, он поехал к Карачеву; Святославу дали знать, что Изяслав пришел на него с 3000 дружины: ему не оставалось теперь ничего больше делать, как либо отдать жену, детей и дружину в полон, либо сложить свою голову, и потому, подумавши с братьями и с половцами, и с дружиною, положился на Бога и вышел навстречу к Давидовичу, и Бог помог ему.

Когда Изяслав Мстиславич с Владимиром Давидовичем остановились в лесу обедать, вдруг прибежал к ним боярин и объявил, что Изяслав Давидович разбит Святославом. Сильно рассердился Изяслав Мстиславич, узнав об этом, потому что был храбр и крепок на рать; он тотчас исполнил свое все войско и пошел к Карачеву на Святослава; бежавшая дружина встречала его на дороге и снова возвращалась с ним к Карачеву; Изяслава же Давидовича долго не было, только к полудню пришел он в киевские полки. Изяслав Мстиславич и Владимир Давидович шли целый день до самой ночи к Карачеву и остановились, не дошедши до города. И Святослав, узнав, что на него идут, бежал за лес, к вятчанам. Тогда Изяслав сказал Давидовичам: «Каких волостей вы хотели, то я вам сыскал; вот вам Новгород и Святославовы волости; что там будет в тех волостях Игорева имения, рабы ли, рухлядь ли какая, то все мое; а что будет Святославовых рабов и рухляди, то разделим на части». Так и сделали.

Когда Изяслав возвратился в Киев, то пленник его Игорь Ольгович прислал к нему с просьбою. «Брат! — велел он сказать ему. — Я сильно разболелся и прошу у тебя позволения постричься; у меня была мысль о пострижении, когда еще я владел княжеством, а теперь я очень разнемогся и не думаю, что останусь в живых». Изяслав сжалился и велел отвечать ему: «Если у тебя была мысль о пострижении, то теперь ты волен исполнить ее; но я выпускаю тебя и без того для твоей болезни». Больного Игоря вынесли из темницы и перенесли в келью: он не был в состоянии ни пить, ни есть и просил епископа постричь его; потом, когда Бог возвратил ему здоровье, его перевели в Киев в монастырь св. Феодора, где он принял схиму.

В 1147 году пошел Юрий Ростовский воевать Новгородскую волость: взял Торжок, да и всю Мсту побрал, а к Святославу прислал сказать, чтобы воевал Смоленскую волость; Святослав пошел и обогатил пленниками дружину свою. После этого Юрий опять послал сказать Святославу: «Приезжай ко мне, брат, в Москву». Святослав поехал и с сыном своим Олегом; последний приехал прежде отца к Юрию и подарил ему пардуса *. За ним

* Т е барса или, вернее, кожу барсовую

приехал и Святослав, и принят был Юрием очень любезно; на другой день ростовский князь велел устроить большой обед и оказал большую честь гостям своим, богато одарил Святослава и сына его, не забыл и мужей Святославовых и отпустил их, обещаясь непременно прислать сына на помощь, что и сделал. Святослав, ободренный союзом с Юрием, начал войну, побрал всех вятичей и, соединившись с Глебом, с сыном Ростовского князя, и с половцами, шел далее. Тогда двоюродные братья его, Давидовичи Черниговские, и родной племянник, Святослав Всеволодич, послали сказать ему: «Не жалуйся на нас, но будем лучше заодно. Забудь наши обиды, возьми свою отчину, а что мы захватили твоего, то тебе назад отдадим»;— и между тем послали сказать Изяславу, князю киевскому: «Брат! Вот Святослав Ольгович занял нашу волость — Вятичи; пойдем на него; когда его прогоним, то пойдем на Юрия в Суздаль, и там либо с ним мир заключим, либо станем биться». Изяслав, ничего не зная, согласился идти с ними на Юрия и Святослава. Тогда же и Святослав Всеволодич приехал к Изяславу в Киев и начал у него проситься, говоря: «Батюшка! Пусти меня в Чернигов; там у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьев, у Владимира и у Изяслава». Великий князь отвечал ему: «И давно бы тебе так сделать, сынок! Ступай, готовься в путь». Святослав отправился в Чернигов.

Тогда все черниговские князья, собравшись вместе и посоветовавшись, послали сказать Изяславу: «Земля наша погибает, а ты не трогаешься к нам на помощь». Изяслав созвал бояр своих, всю дружину, киевлян и сказал им: «Я сговорился с братьями своими, Давидовичами, и с Святославом Всеволодичем; хотим идти на дядю Юрия и на Святослава к Суздалью за то, что Юрий принял врага моего, Святослава Ольговича, а там брат мой Ростислав сойдется с нами; он идет ко мне с смолянами и с новгородцами». Киевляне, выслушав это, сказали: «Князь! Не ходи с Ростиславом на дядю; лучше как-нибудь с ним уладься; не верь Ольговичам и не ходи с ними вместе в путь». Изяслав отвечал: «Они целовали крест мне, я с ними вместе думу думал, и потому мне нельзя отложить похода». Киевляне сказали на это: «Князь! Ты на нас не сердись, а на Владимирово племя мы рук поднять не можем; хочешь ли на Ольговичей, то пойдем и с малыми детьми». Изяслав отвечал: «Кто меня любит, тот пойдет за мной». Изяслава любили, и потому у него набралось множество войска, с которым он и выступил в поход. Но на дороге пришла к нему весть от приятелей его из Чернигова. «Князь!— велено было ему сказать.— Не ходи дальше, ведут тебя лестию, хотят убить либо взять в плен на место Игоря; крест целовали Святославу Ольговичу, потом послали и к Юрию со крестом, с ним вместе сговорились на тебя».

Изяслав, услышав это, возвратился назад и отправил послов в Чернигов к Владимиру и Изяславу сказать им: «Вот мы замыслили великий путь и крест целовали, как деды наши и отцы всегда утверждались; но утвердимся еще, поцелуем крест в другой раз, чтобы на пути не было никакой распри и розни». Давидовичи отвечали: «К чему нам это без нужды еще крест целовать! Уже целовали раз, а какая наша вина, что еще заставлять присягать?» Так и не согласились присягнуть вторично. Посол Изяслава говорил им: «Какой тут грех на любви крест целовать! То нам на спасение». Но князья никак не согласились. Изяслав наказал своему послу: «Если Давидовичи не станут целовать креста, то объяви им все, что мы про них слышали». Посол так и сделал; он сказал князьям: «Великий князь вот что велел вам сказать: объявляю вам, братья, до меня дошла весть, что ведете меня лестью и Святославу Ольговичу крест целовали, что вам либо схватить меня на этом пути, либо убить вместо Игоря; правда ли это, братья, или нет?»

Давидовичи не могли ничего отвечать, только посматривали друг на друга. Долго молчавши, сказали послу Изяславу: «Выйди вон, посиди в сенях, а там опять позовем». Долго они думали вместе, потом позвали Изяслава посла и сказали: «Скажи от нас своему князю так: «Брат! Точно мы целовали крест Святославу Ольговичу, потому что нам жаль брата своего Игоря; держишь ты его в плену, и он уже чернец и схимник, отпусти нашего брата, и мы будем подле тебя ездить; ведь и тебе не было бы любо, если бы мы брата твоего держали»».

И так посол приехал назад и объявил Изяславу, что Давидовичи отступили от него. Тогда великий князь отправил к ним снова посла с крестными грамотами и велел сказать им: «Вы присягнули быть со мною в союзе до самой смерти; я отдал вам волости Святославовы и Игоревы: я же с вами и Святослава прогнал и волость его для вас завоевал, отдал вам Новгород-Северский и Путивль; имение его разделили мы на части, а Игореву взял я себе; а вот теперь, братья, крестное целование вы преступили, повели меня лестью на войну, хотели убить меня; но да будет со мною Бог и сила крестная, а с вами как мне Бог даст». Посол, проговоривши это, бросил им крестные грамоты.

В то же время Изяслав послал сказать брату своему Ростиславу, князю смоленскому: «Брат! Вот Давидовичи крест к нам целовали и думали пойти с нами вместе на дядю; но все это они делали, замышляя коварство, желая убить меня. Бог и сила крестная обнаружили их замысел. Так теперь, брат, где было мы думали идти на дядю, уже не ходи туда, но ступай сюда ко мне; а там наряди новгородцев и смолян, пусть удержат Юрия, и к присяжникам своим пошли в Рязань и всюду».

Тогда же Изяслав отправил посла в Киев к брату своему Владимиру (потому что он его оставил в городе вместо себя), также к митрополиту Климу и к тысяцкому Лазарю, велел сказать им: «Созовите киевлян на двор к св. Софии; пусть мой посол скажет им речь мою и объявит о коварстве князей черниговских». Киевляне сошлись все от мала до велика к св. Софии, и когда стали на вече, то посол Изяслава начал говорить им: «Князь вам кланяется и говорит: я объявлял вам, что сговорился с братом Ростиславом и с Давидовичами идти на дядю Юрия и вас взял с собою; но вы мне отвечали, что не можете поднять рук на Владимирово племя, на Юрия, а если на Ольговича, то пойдете охотно и с малыми детьми; так вот, я вам объявляю: Давидовичи и с ними Святослав Всеволодич, которому я сделал так много добра, присягнувши прежде мне, теперь тайком от меня целовали крест Святославу Ольговичу; послали и к Юрию, а надо мною замыслили предательство, хотели либо схватить меня, либо убить за Игоря; но Бог заступил меня и крест честной, который они мне целовали; теперь же, братья киевляне, чего вам хотелось, что обещали мне, то исполните: пойдите за мною к Чернигову на Ольговичей; собирайтесь все от мала до велика — у кого есть конь, тот на коне, а у кого нет, тот в лодке: ведь Ольговичи не одного меня хотели убить, и вас думали искоренить». Киевляне отвечали: «Рады мы, что Бог избавил нас и братью нашу от такого коварства; идем за тобою и с детьми, как того желаешь».

Но в это время один человек сказал: «За князем своим мы рады идти, но прежде о том подумаем, не случилось бы и теперь того же, что тогда при Изяславе Ярославиче, как злые люди высвободили Всеслава из тюрьмы и поставили себе князем, и много зла было от того нашему городу; а вот Игорь, враг князю нашему и нам, и не в тюрьме сидит, а в монастыре св. Феодора: уьем его прежде, а потом и пойдем к Чернигову за нашим князем; покончим с этими Ольговичами». Народ согласился, и все пошли на Игоря в монастырь Феодоровский. Тогда князь Владимир Мстиславич начал говорить народу: «Брат мой не приказывал вам этого делать; Игоря стерегут сторожа крепко; брат вам велел к нему идти, а не Игоря убивать». Киевляне отвечали: «Знаем мы: нам не кончать добром с этим племенем, ни нам, ни вам». Митрополит также запрещал им; и Лазарь тысяцкий, и Рачуйко, Владимиров тысяцкий, говорили им, чтоб не убивали Игоря. Но толпа не слушала; раздался крик, и все двинулись на убийство. Владимир сел на коня и хотел обогнать народ; но на мосту не мог проехать сквозь густые толпы, принужден был повернуть направо, мимо двора Глебова, и таким образом киевляне опередили его.

Игорь, услышав, что народ идет на него, пошел в церковь и стал молиться со слезами; убийцы устремились на него, как

звери свирепые, схватили во время обедни и разорвали на нем мантию. Игорь начал говорить им: «Законопреступные враги! Зачем пришли убить меня, как разбойника? Разве вы не присягали мне в верности? Но теперь я уже об этом позабыл, потому что Бог сподобил меня принять чин монашеский». В толпе кричали: «Бейте, бейте!» Игоря раздели и поволокли из монастыря; тут в воротах встретил его Владимир; Игорь взглянул на него и сказал: «Ох, братец, куда это меня ведут?» Владимир соскочил с коня и прикрыл Игоря, и сказал киевлянам: «Братья мои! Ради Бога не делайте этого зла, не убивайте Игоря»; и довел его уже до ворот матери своей; но тут начали бить Игоря, ударили и Владимира, который защищал его. Наконец Владимиру удалось было ввести Игоря на двор к матери своей и захлопнуть ворота; но убийцы выломали их и повергли Игоря на землю, потом поволокли за ноги, ругаясь царскому и священному телу, и волокли со Мстиславова двора через Бабин Торжек до княжеского двора, где его и прикончили; потом, положив труп на дроги, повезли на Подол, на Торговище, и кинули на поруганье; благочестивые люди прикрыли наготу его своими одеждами. Когда Владимиру сказали, что убитый Игорь лежит на Торговище, то он послал туда тысяцкого; тысяцкий приехал и сказал народу: «Вот уже Игорь убит, так по крайней мере похороним тело его». Киевляне отвечали: «Не мы его убили, но Ольговичи и Всеволодич, которые мыслили на нашего князя зло, хотели погубить его коварством; но Бог за нашим князем и св. София». Тысяцкий велел взять Игоря и положить пока в церкви св. Михаила, а в субботу на рассвете погребли его в монастыре св. Симеона.

В это время Изяслав стоял с войском у верховья реки Супоя; сюда прислал к нему Владимир с вестью об убийстве Игоря. Изяслав заплакал, когда услышал об этом, и сказал: «Если б я знал, что случится, то отослал бы Игоря подальше, тогда можно было бы его уберечь»; и потом, обратившись к дружине, примолвил: «Теперь мне не уйти от людских речей; все будет говорить, что я велел убить его; но Бог свидетель, что я не приказывал и не научал; так уж пусть Бог рассудит это дело». Дружина отвечала ему: «Нечего тебе, князь, жалеть об Игоре — что тебе людские речи! Бог и все люди знают, что не ты его убил, а убили его братья родные: целовали к тебе крест и не сдержали клятву, лестью хотели убить тебя». Изяслав отвечал: «Ну уже коли так случилось, — делать нечего, а ведь нам всем там быть, и Бог рассудит между нами».

После этого Изяслав послал в Смоленск за братом своим Ростиславом; и когда шел с полками к Переяславлю, пришла к нему весть, что уже Ростислав идет; посол смоленского князя говорил Изяславу: «Брат велел тебе сказать: подожди меня,

я здесь Любеч пожег и много воевал, и зла Ольговичам много наделал; а потом оба вместе посмотрим, что нам Бог явит». Услыхав это, Изяслав пошел потихоньку, поджидая брата, и стал на Черной Могиле. Здесь пришел к нему брат Ростислав с смолянами и со множеством войска. Изяслав очень обрадовался братнему приходу, поблагодарил Бога и начал думать с Ростиславом, с дружиной и черными клобуками, как им идти против Ольговичей к реке Суле, где стояли враги. Ростислав сказал: «Бог нас свел вместе, а тебя, брат, избавил от великой беды, что хотели тебя либо взять, либо убить, а теперь, брат, мешкать нечего, пойдем на волю Божию, как Он нас с ними рассудит». Все согласились с ним и двинулись на Сулу. Половцы, услышав, что Мстиславичи соединились и вместе идут на них, бросили Ольговичей и ушли к себе домой; Ольговичи поспешили к Чернигову, за ними пошли туда же Мстиславичи, пожгли по дороге четыре города, но до Чернигова не дошли, а воротились в Киев, сказавши дружине: «Приготовляйтесь все к той поре, как реки установятся, а там пойдем к Чернигову, и как нас с ними Бог управит, так и будет».

Возвратившись в Киев, поклонившись святым церквям и попировавши, Изяслав сказал Ростиславу: «Брат! Тебе Бог дал верхнюю землю, и ты пойдти туда против Юрия Ростиславского, там у тебя смоляне и новгородцы и другие присяжники, с ними и удерживай Юрья; а я здесь останусь, буду, с Божией помощью, управляться с Ольговичами и Давидовичами». Ростислав пошел к Смоленску, а Изяслав в 1148 году двинулся к Чернигову, совокупив всю свою силу, и, пришедши, стал на Ольгове поле. Прошло уже три дня, как он стоял тут, и черниговские князья не смели сделать вылазку из города, смотря спокойно, как Изяслав жег их села. Наконец он сказал дружине: «Вот мы пожгли их села, а они все к нам не выходят; пойдем к Любечу, где у них все животы».

Пошли киевские полки к Любечу, шли пять дней и стали у города. Тогда Ольговичи и Давидовичи вышли из Чернигова, соединились с рязанскими князьями и половцами и стали за рекой, что течет у Любеча. В воскресенье Изяслав, исполнив своих воинов, пошел против них, но полкам его нельзя было перебраться на другой берег реки, и только стрелки могли иметь дело с неприятелем. Ночью пошел сильный дождь, и на другой день утром Изяслав, видя, что Днепр вздулся, сказал своим мужам и союзным венграм: «Здесь нам нельзя биться: река мешает; а там за нами Днепр расплывается, так пойдем лучше за Днепр».

Сказавши это, Изяслав пошел за Днепр в понедельник, а на другой день тронулся лед на реке, тогда как Изяслав по той стороне благополучно шел к Киеву. Только одни венгры въехали

на озеро, обломились на льду, и несколько человек утонуло. Изяслав воротился в Киев, хваля Бога и силу животворящего Креста, потом послал к брату Ростиславу с такими речами: «Брат! Было бы тебе ведомо: ходили мы на Ольговичей к Чернигову, и я на Ольгове поле стоял, и много им зла наделал, землю их повоевал, а они не посмели ко мне выйти биться полком; оттуда пошли мы к Любечу, и туда они к нам приехали, да река развела, нельзя было биться через реку; ночью шел сильный дождь, а на Днепре был лед лих, так мы и пошли на другую сторону; и так Бог и святая Богородица и сила животворящего Креста привели нас в Киев поздорову; а тебя, брат, спрашиваю: здоров ли ты, и как тебе там Бог помогает?»

Между тем Ольговичи и Давидовичи послали сказать союзнику своему Юрию, князю ростовскому: «Ты нам крест целовал, что пойдешь вместе с нами на Изяслава, и не пошел; а Изяслав пожег наши города за Десною и землю нашу повоевал; а потом опять пришел в другой раз к Чернигову и стал на Ольгове поле: тут пожег наши села до самого Любеча, и все наши животы повоевал, а ты не к нам не пошел и на Ростислава не наступил; теперь, если хочешь пойти на Изяслава, так ступай, и мы с тобою, а нейдешь, то мы правы в крестном целовании: одним нам не погибать стать на войне». Объявивши это Юрию, они отправили послов к Изяславу Мстиславичу с просьбою о мире. Послы говорили ему: «Так бывало прежде, при дедах и отцах наших, мир стоял до рати, а рать до мира; а теперь на нас не жалуйся, что мы встали на тебя войною: ведь нам жаль было брата своего Игоря; мы добивались одного, чтобы ты выпустил нашего брата; но теперь брат наш убит, пошел к Богу, где нам и всем быть, так уж то дело Богу судить; а нам до каких пор губить Русскую землю? Пора улаживаться». Изяслав отвечал: «Братья! Доброе дело христиан беречь; вы уже были на совете между собою: так и я пошлю к брату Ростиславу, подумаем с ним и пришлем к вам сказать».

Отпустив черниговских послов, Изяслав послал в Смоленск сказать Ростиславу: «Прислали ко мне черниговские мира просить; а я хочу с тобой посоветоваться: как будет нам обоим годно; годен ли тебе мир? Хотя они нам и зла наделали, но вот теперь у нас же ищут мира; впрочем, как тебе угодно, быть может, ты хочешь войны: я во всем на тебя полагаюсь». Ростислав отвечал брату: «Брат! Кланяюсь тебе: ты старше меня, и на чем ты положишь, на то я и согласен; если же ты, брат, меня хочешь почтить, то я бы, брат, так сказал: ради Русской земли и христианства, по моему, лучше взять мир; они встали на рать, да что взяли? А теперь, брат, ради христианства и всей русской земли помирись, если оба отложат вражду за Игоря и не сделают того, что хотели сделать; если же они не перестанут враждовать за

Игоря, то лучше нам с ними воевать, положась на волю Божию». Изяслав, узнав братнюю мысль, послал в Чернигов к тамошним князьям белгородского епископа Феодора и печерского игумена Феодосия и с ними мужей своих с такими словами: «Вы мне крест целовали на том, что вам брата своего Игоря не искать; но клятву свою преступили и наделали мне много зла; но я теперь не хочу ничего этого вспоминать ради Русской земли и христианства; если вы ко мне прислали за миром и раскаиваетесь в том, что хотели сделать, то целуйте крест, что вам за Игоря вражды не иметь и не делать того, что прежде хотели». Черниговские согласились и поклялись в церкви св. Спаса вражду за Игоря отложить, Русскую землю блюсти и быть всем за один брат.

В том же году на осень съехались на сейм у Городка Изяслав Мстиславич, Владимир Давидович и брат его Изяслав. В это самое время пришел к великому князю старший сын Юрия Ростиславского Ростислав, рассорившийся с отцом за то, что тот не дал ему волости в Суздальской земле. Пришедши в Киев, он поклонился Изяславу и сказал: «Отец меня обидел и волости мне не дал; я пришел сюда в надежде на Бога да на тебя, потому что ты старший из нас во Владимировых внуках: хочу за Русскую землю потрудиться и подле тебя ездить». Изяслав отвечал ему: «Всех нас старше отец твой, но с нами не умеет жить, а мне дай Бог иметь всех вас, братью свою и весь свой род, как душу свою; теперь же, если отец не дал тебе волости, то я даю»; — и в самом деле дал ему пять городов и взял его с собою на сейм к Городку.

Когда они приехали на сейм, то великий князь сказал Давидовичам: «Брат Святослав и племянник мой ко мне не пришли, а вы все крест целовали на том, что, кто будет мне врагом, на того вам быть вместе со мною; так я, братья, вот что думаю: дядя мой Юрий из Ростова обижает мой Новгород, дани у новгородцев отнял, на путях им всякие пакости делает; за это хочу пойти и управиться с ним либо миром, либо ратью, а вы крест целовали быть со мною». Владимир отвечал: «Хотя брат Святослав и племянник твой и не приехали, но зато мы тут и крестное целованье свое помним, что где тебе обида будет, то нам быть с тобою». После этого уладились так: как лед станет, пойти на Юрия: Давидовичам и Святославу Ольговичу идти на вятичи к Ростову; а Изяславу идти к брату своему Ростиславу в Смоленск, и всем сойтись на Волге. После сейма Изяслав Мстиславич позвал к себе обедать Владимира Давидовича и брата его Изяслава: обедали весело и дружно, и разъехались — Изяслав поехал в Киев, а Давидовичи в Чернигов. На возвратном пути Изяслав сказал Ростиславу Юрьевичу: «Иди в Бужск, побудь там, пока я схожу на отца твоего, возьму ли с ним мир или как там с ним улажусь; а ты постереги Русскую землю».

ГЛАВА XI

О ТОМ, КАК ИЗЯСЛАВ МСТИСЛАВИЧ
ВОЕВАЛ С ДЯДЕЮ ЮРИЕМ

Изяслав по уговору пошел на дядю Юрия; но прежде хотел повидаться с братом своим Ростиславом и потому велел полкам следовать за собою в Смоленск. Когда пришел Изяслав к Ростиславу, то оба брата похвалили Бога, что привел их увидеться в добром здравье, и жили князья в великой любви и веселье с мужами своими и смолянами; дарили они друг друга богатыми подарками: Изяслав дарил Ростислава товарами, которые не из Русской земли * и из греческой, а Ростислав дарил Изяслава товарами немецкими. Потом Изяслав пошел с малою дружиною к Новгороду.

Когда новгородцы услышали, что Изяслав идет к ним, то сильно обрадовались и вышли к нему навстречу дни за три пути, а другие за день, и таким образом великий князь вошел в Новгород с великою честью. В воскресенье вышел к нему навстречу сын его Ярослав с боярами новгородскими, и все пошли в церковь св. Софии к обедне. После обедни Изяслав с сыном Ярославом послали по всем улицам звать народ к князю на обед от мала до велика, и обедали все весело и с большою честью. На другой день послал великий князь на Ярославов двор и велел звонить к вечу; когда народ собрался, он сказал ему: «Братья! Сын мой и вы присылали ко мне с жалобою, что дядя наш Юрий обижает вас; и вот я пришел сюда, оставя Русскую землю для вас и для ваших обид; думайте же теперь, братья, что делать: мириться ли с Юрием или покончить с ним ратью?» Новгородцы отвечали: «Ты наш князь, ты наш Владимир, ты наш Мстислав! Рады идти с тобою мстить за свои обиды». Сказавши это, все разошлись с веча по домам; потом скоро опять собрались и сказали: «Князь! Мы все идем, всякая душа пойдет, только духовные останутся Бога молить».

И пошли новгородцы с Изяславом всеми своими силами, пошли и псковитяне, и корела. Пришедши на Волгу, на устье Медведицы, великий князь остановился тут и четыре дня ждал брата своего Ростислава, который пришел со всеми русскими и смоленскими полками, после чего все вместе пошли вниз по Волге. Оба князя еще прежде из Смоленска отправили послов к дяде Юрию; но тот ни их посла не отпустил назад, ни своего не прислал. Не получая, таким образом, никакой вести от Юрья, Мстиславичи начали воевать всю его землю по обоим берегам Волги, потом пошли к Угличу и оттуда на устье Мологи. Здесь пришла к ним весть, что черниговские стоят в своих Вятичах,

* Т. е. из Южной Руси.

дожидаясь, чем кончится дело между дядею и племянниками, а к ним нейдут по обещанию. Тогда Изяслав сказал брату: «Хотя они к нам и нейдут, да не велика беда, лишь бы Бог был за нас» Новгородцы и Русь пустились от Мологи воевать к Ярославлю, но в это время стало уже тепло, была Вербная неделя, и вода на Волге поднялась лошадям по брюхо. Изяслав с Ростиславом, видя, что лед уже трогается на реках, решились идти розно: Ростислав пошел с своими полками к Смоленску, а Изяслав к Новгороду, дружина же русская—одни пошли с Ростиславом, а другие куда кому годно.

В 1149 году пришел Изяслав из Новгорода в Киев, и начали ему наговаривать на Ростислава Юрьевича, будто бы он много зла замыслил, подмолвил на великого князя берендеев и киевлян; только бы Бог отцу его помог, и он хотел въехать в Киев и захватить Изяславов дом и всю его семью. «Отпусти его поскорее к отцу,—говорили великому князю,—он тебе враг, держишь его у себя на свою голову». Услыхав это, Изяслав послал за Ростиславом, и когда тот пришел, то великий князь велел сказать ему: «Ты, брат, ко мне пришел от отца, потому что отец тебя обидел, волости не дал; я тебя принял, как достойного брата своего, и волость тебе дал, какой отец тебе не дал, и еще Русскую землю велел тебе стеречь; а ты, брат, вздумал, если бы твоему отцу Бог помог, въехать в Киев, схватить моего брата, сына и жену и дом мой взять». Ростислав отвечал ему на это: «Брат и отец! Ни на уме, ни на сердце у меня того не бывало, если же кто на меня наговорил тебе, князь ли который, то я готов с ним переведаться, муж ли какой из христиан или из поганых, то ты старше меня, так и суди меня с ним». Изяслав сказал ему: «Этого ты у меня не проси, я вижу, ты хочешь меня поссорить с христианами или с погаными; ступай-ка лучше к своему отцу».—Ростислава посадили в барку с четырьмя отроками, а дружину его и все имущество перехватили. Пришедши к отцу своему в Суздаль, Ростислав ударил перед ним челом и сказал: «Живя на Руси, я слышал, что хочет тебя вся Русская земля, и черные клобуки, говорят: «Изяслав и нас обесчестил; ступай на него»».

Юрий сжалился над позором своего сына и сказал: «Так и мне нет части в русской земле, да и детям моим тоже». Собравши всю свою силу и половцев, он выступил по дороге к земле вятичей; Владимир Давидович послал сказать великому князю: «Юрий, дядя твой, идет на тебя и уже вошел в наши Вятичи, а мы к тебе крест целовали быть с тобою; объявляю тебе, пристройвайся». Изяслав стал вооружаться, а ко Владимиру послал сказать: «Брат! Помоги тебе Бог за то, что сам говоришь: мы крест целовали быть всем нам за один; теперь же, брат, возьми моего мужа и с ним пошли своего к Святославу Ольговичу». Владимир отвечал послу Изяславу: «Мы с братом готовы и будем стоять

в крестном целованье, но не знаем, сдержит ли слово брат наш Святослав». Оба посла отправились к Святославу, и муж Изяслав сказал ему: «Изяслав, брат твой, велел тебе сказать: мы крест целовали на том, что вам быть со мною; а вот дядя мой идет на меня, так приговоряйся, брат, как Владимир готовится с братом своим Изяславом».

Послы Давидовичей сказали ему то же самое; Святослав ничего не отвечал им на их речи, только сказал: «Ступайте в свой обоз, я вас позову» — и держал их целую неделю, приставив сторожей к обозам, чтоб никто к ним не приходил; а сам в то же время послал сказать Юрию: «Вправду ли ты идешь на племянника? Скажи мне, чтоб тебе не погубить моей волости и не ввести меня в напасть». Услыхав прямой ответ Юрия, Святослав призвал послов и велел сказать Изяславу: «Отдай мне имение брата моего, тогда буду с тобою». В то же самое время Давидовичи послали сказать Изяславу: «Святослав посылал к Юрию спрашивать, вправду ли он идет на тебя; Юрий отвечал ему: «Как мне нейти вправду? Племянник мой Изяслав пришел на меня, волость мою повоевал и пожег, да еще сына моего выгнал из Русской земли, волости ему не дал, позор на меня положил; так я либо позор свой сложу с себя и землю свою отомщу и честь свою возвращу, либо голову сложу». Изяслав, услышав об этом, послал опять сказать Святославу: «Брат, крест честной целовал ты ко мне, что быть со мною и вражду за Игоря отложить, и об имени его не думать; а теперь ты вспомнил об них, когда дядя идет на меня ратью? Так пусть уж крест честной управит между нами; будь со мною; если же не хочешь быть, то ты уже преступил крестное целование; а я без тебя и на Волгу ходил, да Бог помиловал, ничего не случилось; и теперь был бы со мною Бог да крестная сила».

Святослав соединился с Юрием; оба князя послали сказать Давидовичам: «Братья, пойдемте с нами на Изяслава». Давидовичи отвечали Юрию: «Ты крест целовал быть с нами и ничего не помог; а Изяслав пришел и землю нашу повоевал; за Десною города пожег; теперь же мы целовали крест к Изяславу Мстиславичу и хотим с ним быть, и душою не можем играть». Юрий пошел к Переяславлю; Изяслав, услышав об этом, сказал: «Если бы он пришел один с детьми, то получил бы от меня любую волость; но когда привел на меня половцев и врагов моих Ольговичей, то хочу с ним биться». Киевлянам сперва не хотелось идти за Изяславом на Юрия; они говорили ему: «Мирись, князь, мы нейдём; но потом пошли и сошлись с полками Юриевыми у Переяславля. В ночь Юрий прислал к Изяславу с такими словами: «Брат! Ты на меня приходил и землю мою повоевал, и старшинство с меня снял; теперь же, брат и сын, для Русской земли и христианства не прольем христианской крови, но дай мне

Переяславль, я посажу там сына своего, а ты сиди себе царствуя в Киеве; если же не хочешь так сделать, то Бог тебе судья». Изяславу не понравилось дядино предложение; он задержал его посла и выбрался с полками из города. На другой день, когда Изяслав отслужил обедню у св. Михаила, выходил из церкви, епископ со слезами на глазах подошел к нему и сказал: «Князь! Помиришь с дядею: много спасения примешь от Бога и землю свою избавишь от великой беды».

Но Изяслав не послушал епископа, надеясь на множество войска; он сказал: «Я головою добыл Киева и Переяславля», и пошел против Юрия. От полудня до вечера стрельцы бились с обеих сторон; когда Юрий оборотил свои полки назад к стану, Изяслав двинулся за ним; увидав это, Юрий воротился опять, и началась злая битва. Изяслав был побежден и прискакал в Киев сам-третьей 23 августа. А на другой день Юрий, хваля и славя Бога, вошел в Переяславль и пробыл там три дня; оттуда пошел к Киеву и стал против св. Михаила, по лугу. Изяслав, посоветовавшись с братом своим Ростиславом, вышел на вече к киевлянам и сказал им: «Дядя пришел, можете ли за нас биться?» Они отвечали: «Господа наши, князья! Не погубите нас до конца; отцы наши и братья и сыновья на полку, одни в плену, другие побиты и оружие снято; а теперь нас возьмут в полон; поезжайте лучше в свои волости; ведь вы знаете, что нам с Юрьем не ужиться; после где увидим ваши стяги, будем готовы за вас биться». Князья, услышав такой ответ, разъехались: Изяслав во Владимир Вольнский, а Ростислав в Смоленск.

Юрий въехал в Киев; множество народа вышло к нему на встречу с радостью великою, и сел он на столе отца своего, хваля и славя Бога. Изяслав же, пришед во Владимир, начал слать в Венгрию, в Польшу и в Богемию к тамошним владельцам — своим родственникам, прося у них помощи, чтобы они сядились на коней и шли с полками своими к Киеву; если же самим нельзя будет идти, то пусть пошлют полки свои либо с меньшими братьями, либо с воеводами. Король венгерский отрекся помогать ему, сказавши: «У меня рать с царем греческим; когда управлюсь с ним, то либо сам к тебе пойду, либо полки свои отпущу». Польские князья отвечали: «Мы от тебя недалеко; одного из нас оставим стеречь землю, а вдвоем пойдем к тебе». Чешский (богемский) князь отвечал: «Я сам готов идти с своими полками».

Тогда Изяслав опять отправил послов и в Венгрию, и в Польшу, и в Богемию с дарами великими к тамошним владельцам и велел сказать им: «Бог не оставит вас, что вы взялись мне помогать; а я вам скажу: «Братья! С Рождества Христова садитесь-ка на коней»». Они исполнили его просьбу. Королю венгерскому самому нельзя было идти; он отправил

к Изяславу десять тысяч войска и велел сказать ему: «Отпускаю к тебе свои полки, а сам хочу подступить под горы галицкого князя и не дать ему на тебя двинуться, а ты управляйся там с теми, кто тебя обидел; если мои полки истомятся, то я пошлю к тебе новые или сам сяду на коня». Болеслав Польский сам поехал с братом своим Генрихом, а Межку оставил стеречь землю свою от пруссаков.

Вячеслав, услышав об этом, послал сказать Юрию: «Вот уж венгры идут, и польские князья сели уже на коней, и сам Изяслав выступил в поход: так пойдя сюда с полками, заступись за мою волость; Изяслав мне говорит. «Будь мне вместо отца, ступай, садись в Киеве, а с Юрием не могу жить; если же не хочешь принять меня в любовь и в Киев не пойдешь на стол, то я волость твою пожгу». Так ступай же геперь, брат, сюда, и увидим на месте, что нам Бог даст, добро или худо; если же, брат, не поедешь, то уж на меня не жалуйся, если мою волость пожгут». Юрий, услышав это, собрал силу свою и пошел из Киева с дикими половцами, а к Изяславу пришли на помощь венгры и поляки; но вдруг к полякам пришла весть, что пруссаки идут на их землю; Болеслав и Генрих, князья польские, сказали об этом Изяславу, и тому было очень нелюбо.

Стали думать, как быть, и придумали послать к Вячеславу и к Юрию с мирными предложениями. Послы от имени венгерского короля и польских князей говорили так Вячеславу и Юрию: «Вы нам вместо отцов; вот вы теперь воюете с братом и сыном вашим Изяславом; но ведь мы по Боге все христиане, все мы братья, и потому всем нам следует жить мирно; нам бы хотелось, чтобы вы уладились с братом и сыном вашим Изяславом, вы бы сидели в Киеве, решивши между собою, кому из вас он приходит, а у Изяслава пусть остается Владимир, Луцк, и что у него еще городов, пусть и сидит в них, да пусть Юрий воротит новгородцам все их дани». Вячеслав и Юрий отвечали на это послам: «Помоги Бог зятю нашему королю, и брату нашему Болеславу, и сыну нашему Генриху, что между нами добра хотят; но если вам хочется, чтобы мы помирились, то не стойте на нашей земле, не губите нашего имения и сел; но пусть Изяслав идет в свой Владимир, вы в свою землю, а мы с своим братом и сыном Изяславом сами одни будем ведаться». Услышав этот ответ, Изяслав с союзниками разошлись по своим землям, и дядя с племянником начали улаживаться, пересылаясь друг с другом: Изяслав хотел всех даней новгородских, как и прежде требовал; но Юрий никак не согласился; он обрадовался, что венгры и поляки возвратились домой и племянник остался один без союзников. «Выгоню Изяслава,— говорил Юрий,— и волость его всю возьму».

В это время Владимир, князь галицкий, выступил с своими полками и стал между Изяславом и Юрием; по просьбе первого

он начал стараться о мире; о том же старался и сын Юриев Андрей; Вячеслав также не переставал твердить Юрию: «Брат! Мирись; если же ты уйдешь прочь, не уладившись, то Изяслав пожмет мою волость». Юрий наконец согласился на мир и возвратил Изяславу все дани новгородские. Изяслав обрадовался миру и приехал к дядьям в Пересопницу; здесь положили: что после Переяславского сражения было пограблено, то с обеих сторон возвратить тем, кому прежде принадлежало. Изяслав послал мужей своих и тивунов к Юрию, чтобы отыскивать свое; они отыскали, но Юрий ничего не отдал.

В 1150 году Изяслав объявил, что не может быть в обиде, и выступил в поход к Пересопнице; Глеб, сын Юриев, стоял станом выше этого города, на реке Стубле; при приближении Изяслава он сам едва мог спастись бегством в город, стан, дружину и коней побрали неприятели. В таком положении Глеб послал сказать Изяславу: «Как мне Юрий отец, так мне и ты отец, и я тебе кланяюсь; ты с моим отцом сам ведаешься; а меня отпусти к отцу и клянись святою Богородицею, что не возьмешь меня в плен, а отпустишь к отцу; тогда и к тебе выйду сам с поклоном». Изяслав поклялся святою Богородицею и сказал ему: «Вы мне братья свои, и я на вас не держу вражды; но обижает меня твой отец и с нами не умеет жить».

После этого Изяслав отправился к черным клобукам: те приняли его с большою радостью. Юрий ничего не знал о движениях Изяслава; сведав, что последний уже в Черных Клобуках, он побоялся оставаться долее в Киеве, перебежал с сыновьями за Днепр и скрылся в Городке. Изяслав пришел к Киеву; но дядя Вячеслав опередил его, вошел в город и сел на дворе Ярославовом. Киевляне, услышав, что Изяслав идет, толпами вышли к нему навстречу и сказали: «Юрий вышел из Киева, но Вячеслав сидит там на его месте; а мы его не хотим». Изяслав, услышав это, послал сказать Вячеславу: «Я звал тебя сидеть в Киев, но ты не захотел; а теперь как увидал, что брат выехал, так ты садишься в Киеве; ступай-ка в свой Вышгород». Киевляне сказали Изяславу: «Ты наш князь, ступай ко св. Софии, сядь на столе отца твоего и деда своего». Но Вячеслав, с своей стороны, послал сказать племяннику: «Хоть убей на этом месте, а не выеду». Изяслав, поклонившись св. Софии, въехал на двор Ярославов со всем своим полком, и киевлян пришло с ним множество. В это время Вячеслав сидел на сеннице, и многие стали говорить Изяславу: «Князь! Возьми его вместе и с дружиною»; другие же говорили: «Хочешь, подсечем под ним сени?» То Изяслав отвечал: «Сохрани меня Бог! Я не убийца братья своей, а дядя мне вместо отца; я сам пойду к нему».

Взяв с собою немного дружины, Изяслав пошел к дяде и поклонился ему. Вячеслав увидал его, встал и поцеловался. Когда

оба сели, Изяслав начал говорить: «Кланяюсь тебе, багюшка! Нельзя мне с тобою рядиться; видишь ли, какая сила народу стоит, и много тебе лихо замышляют; так поезжай лучше в свой Вышгород, оттуда буду с тобой рядиться». Вячеслав отвечал: «Ты меня сам, сынок, звал в Киев, но я тогда целовал крест к брагу своему Юрию; но если уже теперь так случилось, то Киев тебе, а я поеду в свой Вышгород».

Между тем Юрий послал сказать Давидовичам и Ольговичам: «Изяслав выгнал меня из Киева и сам сел там, помогите мне». В то же время Владимир Галицкий пошел на помощь свату своему Юрию против Изяслава; этот, взяв своих бояр, поехал с ними к Вячеславу в Вышгород и сказал ему. «Ты мне отец, а вот тебе Киев, и другую волость какую хочешь возьми, а остальное мне отдай». Старик отвечал с сердцем: «А для чего ты мне не дал Киева тогда и заставил выехать из города с большим стыдом? Теперь же, когда одна рать идет из Галича, а другая от Чернигова, то ты мне Киев даешь!» Изяслав отвечал дяде: «Я к тебе посылал и Киев давал, объявляя, что с тобою могу жить, а с братом твоим Юрием мне нельзя ладить; тебя люблю, как отца, и теперь скажу: ты мне отец, и Киев твой, ступай в него». Вячеславу стало любо от таких слов, и оба князя целовали крест на том, чтобы Изяславу иметь Вячеслава отцом, а Вячеславу иметь Изяслава сыном: тут же и мужи их клялись хотеть между князьями своими добра, честь их беречь и не ссорить их.

Изяслав поклонился святым мученикам и отцу своему Вячеславу и сказал ему: «Ты, батюшка, не трудись, я один поеду к Звенигороду против Владимира, а ты со мною отпусти полк свой, сам же ступай в Киев, если тебе угодно». Вячеслав отвечал: «Сын! Что ни есть у меня дружины, всех с тобою пускаю». Изяслав приехал в Киев, ударил в трубы, созвал киевлян и пошел против Владимира, сказав: «Кто ко мне ближе, против того и пойду прежде». Он встретился с галицким князем на реке Ольшанице; черные клобуки, видя силу Владимира, испугались и стали говорить Изяславу. «Князь! Сила его велика, а у тебя мало дружины, не погуби нас, да и сам не погинь; ты наш князь, когда силен будешь, и мы тогда с тобою, а теперь не твое время, ступай прочь». Изяслав отвечал им: «Лучше, братья, помрем здесь, чем такой позор возьмем на себя». Но киевляне начали также приступать к нему, говоря: «Поезжай, князь, прочь», и побежали, за ними побежали черные клобуки к своим вежам, Изяслав, видя это, побежал и сам. Приехавши в Киев, он пошел к отцу своему Вячеславу; оба князя подумали, как помочь беде, и сели обедать. В это время пришел Юрий с сыновьями своими, с Давидовичами и Ольговичами, и стал на берегу против Киева: тогда много из киевлян поехали в лодках к Юрию, а другие начали перевозить его дружину на эту сторону, впоодолье. Вячеслав

с Изяславом, видя это, сказали: «Теперь не наше время», и отправились — Вячеслав в Вышгород, а Изяслав во Владимир, а Юрий сел опять в Киеве.

Зимою Изяслав послал сказать Андрею, сыну Юриеву: «Брат! Помири меня с отцом своим; мне нет отчины ни у венгров, ни у ляхов, а только в Русской земле, выпроси мне у отца своего волость по реку Горынь». Андрей стал просить отца за Изяслава, но тот не хотел ничего слышать, тогда Изяслав сказал: «Дядя не дает мне волости, не хочет меня терпеть в Русской земле, а Владимир Галицкий, по его велению, волость мою взял, да еще опять к Владимиру моему хочет придти на меня». Подумав, он послал брата своего Владимира в Венгрию к королю, зятю своему, с такими словами: «Ты мне сам сказал, что Владимир, боясь тебя, не смеет головы положить на подушку; Юрия я выгнал из Киева, Юрий передо мною бегаёт; но пришел Владимир, соединился с Ольговичами и погнал меня из Киева; теперь же, брат, сдержи свое слово, сядь на коня». Король, услышав это, послал собирать дружину и полки, сам сел на коня и наделал много зла Владимиру и земле его. После этого король прислал Изяславу десять тысяч добрых людей; тогда Изяслав выступил к Киеву, потому что Вячеслава дружина, берендей и киевляне, звали его туда.

Когда Изяслав стоял выше Пересопницы, то получил весть, что Владимир Галицкий идет на него; услышав это, он созвал дружину на думу; дружина сказала: «Князь! Сам ведаешь, что тебе нелегко теперь: пришел ты ратью на Юрия, а за тобою другой враг — Владимир; ты пойдешь на Юрия, а там соединятся, да ударят тебе в тыл; придется нам очень трудновато». Изяслав отвечал: «Вы за мною вышли из Русской земли, лишились сел своих и всех животных, да и я от своей дедины и отчины не могу отказаться: но либо голову свою сложу, либо возвращу свою отчину и ваши все животные; если меня нагонит Владимир, то отдаюся на суд Божий, как меня Бог с ним рассудит; если же встретит меня Юрий, то и с этим пусть меня Бог рассудит». Сказав это, Изяслав отправился к Дорогобужу. Дорогобужцы вышли к нему со крестами и поклонились; Изяслав сказал им: «Бог вам помочь, вы люди деда моего и отца моего». Дорогобужцы отвечали: «С тобою, князь, чужеземцы, венгры: не наделали ли бы они какого зла нашему городу». Изяслав сказал им на это: «Я вожу венгров и все другие народы не на своих людей, но кто мне враг, на того вожу; а вы не беспокойтесь ни о чем».

На реке Уше встретился Изяслав с полками галичкими и начал перестрелку; стрелки его схватили в плен одного из галичан и представили князю; тот спросил пленника: «Где твой князь?» Он отвечал: «Вот за городом первый лес, тут он услышал об тебе, тут же и встал, не посмев идти сквозь лес, он говорил: если пойдём сквозь лес, то нападут на нас, а сила наша за нами далеко, лучше

пождем здесь». Изяслав, услышав это, сказал брату своему, и сыну, и всей дружине: «Пойдем на него». Дружина отвечала: «Князь! Нельзя нам идти на него; перед тобою река, и вода в ней большая, как ты хочешь на него ехать? Да еще он стоит, заложился лесом; теперь, князь, не медли, но ступай в Киев к своей дружине; если нас Владимир где настигнет на дороге, то и будем с ним биться; ведь ты сам сказал: кто нас встретит, с тем и бьемся. Теперь же, князь, не медли, поезжай; будешь ты на Тетереве, к тебе вся дружина твоя приедет, а коли, Бог даст, до Белгорода дойдешь, то еще больше народа будет с тобою».

Изяслав послушался и пошел дальше. Пришедши к городу Вздвиженно, он позвал к себе брата, сына и венгров на думу и сказал им: «Владимир идет за нами, а мы здесь стоим; я бы вас спросил, братья, здесь ли нам оставаться или в ночь выступить дальше? Если мы здесь останемся, то Владимир за нами и скоро нас нагонит, а перед нами еще другая рать, Юрий: дождемся того, будет трудно; не лучше ли, положась на Бога, и своего труда не жалеть, поехать дальше? Если нам удастся въехать в Белгород, то Юрий наверно побегит перед нами, и тогда мы поедем в свой Киев, а когда в сильный полк киевский въедем, то я уж знаю — киевляне будут за меня биться; а нельзя будет пробраться к Белгороду, поедем к черным клобукам; когда к черным клобукам приедем и с ними соединимся, то не боимся ни Юрья, ни Владимира». Венгры отвечали: «Мы твои гости; если надеешься на киевлян, то тебе лучше знать своих людей; доброе дело, князь, когда друг прибудет; а кони под нами еще крепки, поедем, пока в силах».

Изяслав отпустил брата своего Владимира наперед к Белгороду, а сам пошел за ним. Борис Юрьевич, услышав о приближении Владимира, бежал из Белгорода в Киев к отцу и сказал ему, что Изяслав идет. Юрий поскорее сел в лодку, переплыл Днепр и спрятался в Городке. Киевляне, послышавши Изяслава, вышли к нему навстречу с радостью, и он сел опять на столе деда своего и отца с честью великою, захвативши много Юрьевой дружины по Киеву.

Между тем Владимир Галицкий, слыша, что Изяслав уже в Киеве, а Юрий бежал оттуда, послал сказать Андрею Юрьевичу: «Не понимаю, как это княжит сват мой; рать идет на него из Владимира, а он того и не ведает? А вы, сыновья его, один сидит в Пересопнице, а другой в Белгороде, как же вы того не устерегли? Если вы так княжите с отцом своим, то управляйтесь сами как хотите, а я один не могу идти на Изяслава, он хотел вчера со мною биться, идя на вашего отца, а на меня оборачиваясь, ловя случай, как бы сразиться со мною; а теперь он въехал во всю Русскую землю, теперь и подавно мне одному нельзя на него идти».

Сказавши это, он возвратился в Галич, а Изяслав послал в Вышгород к дяде Вячеславу с такими словами: «Батюшка! Кланяюсь тебе; если Бог взял у меня отца моего Мстислава, то ты мне вместо его отец; теперь кланяюсь тебе и прошу прощения, согрешил я пред тобою в самом начале; и потом, когда Бог помог мне победить Игоря у Киева, то я на тебе чести не положил, а потом и в другой раз, у Тумаща; теперь же, батюшка, я во всем раскаиваюсь пред Богом и пред тобою: если ты меня простишь, то и Бог меня простит; теперь даю тебе Киев, ступай, сядь на столе деда своего и отца». Вячеслав отвечал ему: «Бог тебе помочь, сынок, за то, что на меня честь возложил; давно б тебе так сделать, воздавши мне честь, ты этим самым Богу честь воздал; ты говоришь, что я твой отец, а я тебе скажу, что ты мой сын: у тебя отца нет, а у меня сына нет, ты мой сын, ты мой и брат». Оба князя целовали крест на том, что не разлучаться им ни в добре, ни в лихе, но всегда быть вместе.

В 1151 году Изяслав ввел дядю и отца своего Вячеслава в Киев. Вячеслав, приехав в Киев, отправился к святой Софии и сел на столе деда и отца своего; потом позвал сына своего Изяслава к себе на обед, и киевлян, и венгров, и пировали в большой любви. На другой день Вячеслав послал сказать Изяславу: «Бог тебе помочь, сынок, за то, что на меня честь возложил, как на отца родного; скажу тебе вот что: я уже стар, всех рядов не могу рядить, но будем оба в Киеве, и, если случится какое дело с христианами или с погаными, идем оба вместе, а дружина и полк будут у нас общие, и ты ряди их; где можно будет нам обоим ехать, то оба поедем, если же нельзя, то ты один ступай с моим полком и с своим». Изяслав сильно обрадовался этим словам, с великою честью поклонился отцу своему и сказал: «Кланяюсь тебе, батюшка; как сказано, так пусть, Бог даст, и будет, пока живы».

На третий день оба князя позвали к себе венгров и сказали им: «Поезжайте к своему королю, а к нашему зятю, а мы вслед за вами шлем сына своего Мстислава». Последний должен был сказать королю от имени отца: «Бог тебе помочь, брат, за твою помощь нам; только разве брат родному брату или сын отцу может то сделать, что ты нам сделал; дай нам Бог жить с тобою не раздельно ни в чем, и если кто тебя обидит, на того мы сами пойдем, или братью свою пошлем, или сыновей с полками; нам тебе нечем отблагодарить за все твое добро, разве головою своею; но теперь доверши свое доброе дело: самого тебя не зовем, потому что у тебя война с царем греческим; но пришли нам помощь — или такую же, как теперь прислал, или посильнее с братом своим Мстиславом, а нашим сыном, потому что Юрий силен, Давидовичи и Ольговичи с ним, а того гляди, что и половцев диких наймет; помоги нам, брат, теперь, так весною, когда

управимся у себя, будем к тебе с своими полками на помощь, если же ты с царем справишься, то будешь нам помощник; твои мужи и брат твой Мстислав расскажут тебе все, как нам Бог помог, как стала за нас вся Русская земля и все черные клобуки».

Отрядивши Мстислава в Венгрию, князья отрядили также послов и к Ростиславу в Смоленск; Вячеслав велел сказать ему: «Брат! Бог соединил нас с твоим братом, а с моим сыном — Изяславом: добыв Русскую землю, он на мне честь положил, посадил меня в Киеве; я тебе скажу вот что: и ты мне такой же сын, как и брат твой Изяслав; потрудись придти сюда к нам, чтоб нам всем вместе втроем подумать о наших делах». Изяслав также велел сказать брату: «Ты меня, братец, не один раз заставлял положить честь на дяде своем и на отце; вот теперь Бог привел меня в Русскую землю, и я отдал честь нашему дяде для тебя и для всей Русской земли; скажу тебе еще: там в Новгороде у тебя сын мой и твой Ярослав, там же у тебя Смоленск; так урядивши все там, пойди к нам сюда, вместе все втроем посоветуемся, что нам Бог явит».

Ростислав исполнил желание дяди и брата и пришел к ним на помощь с множеством войска, а Юрий, набрав диких половцев, пришел на Изяслава; начали биться по Днепру в лодках, от Киева до устья Десны, бились крепко, и Юрию не удавалось ничего сделать против Киева. Изяслав смастерил лодки удивительным образом: гребцов в них было не видать, только весла наружи, потому что лодки были покрыты досками, наверху стояли борцы в бронях и стреляли; кормчих было двое: один на носу, другой на корме, и куда хотят, туда пойдут, не поворачивая лодок. Наконец Юрий перешел Днепр; тогда Вячеслав, Изяслав и Ростислав, созвавши братью свою, начали думать: Изяслав с Ростиславом хотели биться, но дружины всех князей отговаривали и киевляне, особенно же черные клобуки; они говорили: «Князь, нельзя нам к ним ехать, потому что ратники наши все на конях; ты к ним поедешь, а он перед тобою пойдет по Руси, так тебе и придется, оставя пеших, гнаться за ним; но мы, князь, вот что вам скажем: не делайте так, но ступайте в свой Киев, а к нам приставьте брата своего Владимира, заберем жен, детей, стада и все свои животы, да и пойдем к Киеву; вы побудьте там только до вечера, и мы тогда приедем; мы хотим за отца вашего Вячеслава, за тебя и за брата твоего Ростислава и за всю братью головы свои положить: либо честь вашу отыщем, либо изомрем все с вами, а Юрья не хотим».

Князья сделали по их и расположились около Киева; скоро пришел к ним и Владимир со всеми черными клобуками, с вежами и стадами их; князья, дружина, черные клобуки и киевляне согласились не идти на неприятеля самим, но дать ему приблизиться к себе и тогда уже начать битву. Изяслав сказал: «Только

бы Бог нам помог, а мы уж от них отобьемся, ведь они не с крыльями; перелетевши за Днепр, сядут же». Тогда Вячеслав начал говорить Изяславу и Ростиславу: «Вот мы, братья, приготовились к битве; но ведь Юрий мне брат, хоть и моложе меня; мне бы хотелось послать к нему и свое старшинство оправить, чтобы нас Бог с ним рассудил, а Бог смотрит на одну правду». Племянники отвечали: «Доброе дело ты задумал, батюшка; сделай так». Тогда Вячеслав сказал мужу своему: «Ступай к брату Юрию, поклонись ему от меня; а вы, братья и сыновья мои, Изяслав и Ростислав, слушайте, при вас я отряжаю посла; скажи брату так от меня: я, братец, и тебе, и Изяславу много раз говорил: не проливайте христианской крови, не губите Русской земли; удерживая вас, я и на свою обиду не смотрел, что вы меня два раза обесчестили, а ведь у меня полки есть, и силу мне Бог дал; но я для Русской земли и для христианства все то забыл, как Изяслав, идучи биться с Игорем, говорил: я Киева не себе ищу, но отцу моему Вячеславу, тот брат старший; Бог ему помог, и он Киев себе взял, да еще к тому Туров и Пинск у меня отнял, и тем меня сильно разобидел; а ты тоже, брат, едучи в Переяславль биться с Изяславом, говорил: я Киева не себе ищу, у меня старший брат есть, Вячеслав, он мне вместо отца, для него ищу Киева; Бог тебе помог, а ты Киев себе, да еще Пересопницу и Дорогобуж у меня отнял, а дал мне один Вышгород; но я во все то не вступился, для Русской земли и для христиан, да еще и вас удерживал, но вы меня не слушаетесь; ты когда-то говорил: не могу поклониться младшему; но вот Изяслав хотя прежде и два раза не сдержал своего слова, теперь же, добыв Киев, поклонился мне, и честь мне воздал, в Киеве меня посадил, отцом меня назвал, а я его сыном; ты говорил, что младшему не поклонись, но ведь я тебя буду постарше, и не малым: я уже был бородат, когда ты родился; если же хочешь на мое старшинство поехать, то Бог нас рассудит».

Юрий прислал своего мужа с таким ответом: «Я тебе, брат, кланяюсь; твоя правда: ты мне вместо отца, если же хочешь со мною рядиться, то пусть Изяслав едет во Владимир, а Ростислав в Смоленск, а мы сами между собою урядимся». Вячеслав велел сказать ему на это: «У тебя семь сыновей, и я их от тебя не отгоняю, а у меня только два сына, Изяслав и Ростислав, и другие младшие есть же, но я, брат, тебе скажу: для Русской земли и для христиан поезжай в свой Переяславль и в Курск, с своими сыновьями, а там у тебя еще Ростов Великий; Ольговичей отпусти домой, и сами между собою урядимся, и крови христианской не будем проливать; если же ты своего замысла не отложишь, то Пречистой Богородице с Сыном своим и Богом нашим судить нас в сей век и в будущий» — при этих словах он указал на образ Богородицы, что на золотых воротах. Юрий не послушался.

Тогда Вячеслав, Изяслав и Ростислав, поклонившись св. Богородице и св. Софии, выступили из Киева. Киевляне сказали им: «Все мы должны идти, кто только может; если же кто не пойдет, того сами побьем», и пошли все с радостью за своими князьями, конные и пешие, многое множество. В то же время пришел посол из Венгрии к Изяславу от сына его Мстислава, который велел сказать ему: «Король, зять твой, отпустил к тебе помощь, какой еще никогда не бывало, многое множество; я уже с ним прошел Гору; если мы тебе понадобится поскорее, то ты пошли к нам, мы скорее пойдем». Изяслав отвечал: «Мы уже идем на суд Божий, а вы нам надобны». Враги сошлись у реки Рута: Андрей Юрьевич начал рядить полк отца своего, потому что был тогда старший между братьями, Изяслав и Ростислав подъехали к отцу своему Вячеславу и сказали ему: «Ты хотел добра, но брат твой не захотел; теперь же, батюшка, хотим головы свои сложить за тебя или отыскать честь твою». Вячеслав отвечал им: «Брат и сын! От рожденья не охотник я был до кровопролитья; но брат мой довел меня до того, и если уже мы теперь на этом месте, то Бог рассудит нас».

Племянники поклонились ему и поехали в свои полки. Изяслав, въехавши в свой полк, послал повестить по всем полкам: «Смотрите на мой полк: как он пойдет, так и вы ступайте» Полки двинулись; Андрей Юрьевич взял копьё и поехал наперед, съехался с неприятелем прежде всех и изломал копьё, коня его ранили в ноздри, конь начал под ним соваться, шлем спал с Андрея, и щит у него оторвали; но Божиим заступлением и молитвою родителей своих он сохранен был без вреда. С другой стороны Изяслав въехал один в полки ратных и изломал свое копьё; тут ранили его в руку и в стегну, и он слетел с коня. Когда полки соступились, была сеча крепка. Бог, св. Богородица и сила честного животворящего креста помогли Вячеславу, Изяславу и Ростиславу: они победили Юрия. Половцы Юриевы, не пустивши и по стреле, побежали; за ними побежали Ольговичи, за Ольговичами и сам Юрий с детьми; в бегстве их множество дружины потонуло в Руте, тут же убили и Владимира Давидовича, князя черниговского, доброго, кроткого. Когда сошлись полки конные и пешие, Изяслав лежал раненый, и когда хотел приподняться, то киевляне чуть-чуть не убили его, не разглядевши и думая, что неприятель. Изяслав сказал им: «Я князь»; тогда один из ратных отвечал ему: «Ну так тебя-то нам и надобно», вынул меч и начал рубить его по шлему; Изяслав повторил: «Я Изяслав, ваш князь», и снял с себя шлем; тогда узнали его, подняли на руки с радостью как царя и князя своего и воскликнули: «Кирие елеисон»*.

* «Господи, помилуй» (греч., слова христианской молитвы) — *Примеч ред*

Изяслав сильно изнемогал от ран, потому что исшел кровию, но когда услышал, что Изяслав Давидович плачется над своим братом Владимиром, то позабыл свою немощь, сел на коня, поехал туда и плакался над покойным, как над родным братом. Долго плакавши, он наконец сказал Изяславу Давидовичу: «Уж нам его не воскресить; но вот Бог и Пречистая врагов наших победили, и они бегают теперь около, так тебе, брат, стоять здесь теперь нечего: взявши брата, ступай-ка в Чернигов, а я тебе придам помощь; поезжай, чтоб до вечера быть в Вышгороде».

Давидович отправился в Чернигов, а Мстиславичи с дядею Вячеславом с честью и похвалою великою пошли в Киев; к ним навстречу вышли святители с крестами, митрополит Клим, и игумены честные, и попы; князья въехали в город с великою честью, поклонились св. Софии и св. Богородице Десятиной и начали жить весело и дружно.

Между тем Мстислав Изяславич вел венгров на помощь к отцу, а вслед за ним шел Владимир Галицкий. Мстислав, ничего не зная, расположился станом недалеко от Дорогобужа, князь Владимир Андреевич прислал ему много хмельного питья, а между прочим велел сказать, что Владимир Галицкий идет за ним; Мстислав объявил об этом войску, но пьяные венгерцы с хвастовством отвечали: «Если придет на нас, то мы будем биться с ним». В полночь сторожа прибежали к князю с криком: «Владимир идет!» Мстислав с дружиною вскочил на коней и начал будить венгров, но те, напившись, лежали как мертвые; на рассвете ударил на них Владимир Галицкий и мало кого взял в плен, почти всех перебил; Мстислав же с дружиною ушел в Луцк.

Когда князь Изяслав услышал, что сын его побежден и венгры перебиты, то сказал свою пословицу: «Нейдет место к голове, а голова к месту; но дал бы Бог здоровье мне и королю, а месть будет». Между тем Вячеслав и Изяслав послали сказать Юрию: «Клянемся тебе; ступай в Суздаль, а сына посади в Переяславле, не можем с тобою жить здесь, приведешь на нас опять половцев». У Юрия не было тогда ниоткуда помощи; дружина его — одни были перебиты, другие захвачены в плен; неволею принужден он был целовать к ним крест за себя и за детей своих.

В 1152 году король венгерский прислал сказать Изяславу: «Батюшка! Кланяюсь тебе; ты прислал сказать мне про обиду от галицкого князя, а я уж здесь приготавлиюсь; и ты приготавлийся». Изяслав, слыша это, собрал всю свою дружину и пошел, чтобы соединиться с королем; на реке Соне встретились они с Владимиром Галицким и приготовились к битве. Изяслав сказал при этом дружине своей: «Братья и дружина! Бог никогда не налагал бесчестья на Русскую землю и на русских сынов, на всех местах они честь свою брали; теперь же, братья, поревнуем тому:

в этой земле и перед чужим народом дай нам Бог честь свою взять». Сказав это, Изяслав бросился со всеми своими полками вброд; венгры сделали то же с своей стороны; Владимир был сильно поражен, и только сам-друг убежал в город Перемышль. И Перемышль тогда же бы взяли, потому что некому было из него биться, да не взяли потому, что вне города стоял двор княжий, на лугу, над рекою Саном; на этом дворе было много всякого добра: туда-то и ринулись все воины. Изяслав же и король, собравши всех своих воинов и дружину, раскинули тут же стан перед городом, над рекой Вягром. Между тем Владимир начал слать к королю, прося мира, на ту же ночь прислал к архиепископу и к воеводам королевским, притворился, что тяжело ранен, и велел сказать им: «Умоляйте за меня короля; я тяжко ранен и каюсь пред королем, что прежде его оскорбил и стал против него»; а королю велел сказать: «Бог грехи отпускает, и ты мне отпусти, а не выдай меня Изяславу, потому что я крепко болен; если Бог на душу пошлет, то прими к себе сына моего; отец твой был слеп, а я ему много послужил своим копьём и своими полками; за его обиду с ляхами бился; помяни это и отдай мне мои вины».

Архиепископу и мужам королевским Владимир выслал множество даров, золота и серебра, сосудов золотых и серебряных и платья. На другой день король, съехавшись с Изяславом, пересказал ему речи Владимира; тот отвечал ему: «Сын! Если Владимир умрет, то Бог его убил, потому что он преступил крестное целование к нам обоим; исполнил ли он хоть что-нибудь, что обещал тебе, да еще и опозорил нас обоих; а теперь в чем ты ему будешь верить? Благо, нам Бог дал его в руки, самого возьмем и власть его поделим». Но король не послушал его, а послушал архиепископа и всех мужей своих, обдаренных Владимиром; он сказал Изяславу: «Не могу убить Владимира, он молится и кланяется и в своих винах кается; но если он, поцеловавши теперь крест, не сдержит клятвы, тогда уже как мне Бог с ним даст, либо я буду в Венгерской земле, либо он в Галицкой». Изяславу сильно не хотелось мириться с Владимиром, да делать было нечего; король и мужи его все хотели мириться. Король сказал Владимиру: «На том тебе целовать крест, что все русские города возвратить и быть заодно с Изяславом, не отлучаться от него ни в добре, ни в лихе». Владимир согласился на все с радостью, и король послал к нему мужей своих с крестом. Изяслав не хотел приводить его ко кресту; но король сказал: «Это тот самый крест, на котором Христос Бог наш своею волею восхотел пригвоздиться и который по воле Божией достался святому Стефану*»; если Владимир, поцеловавши этот крест, изменит клятве

* Св Стефан, король венгерский, апостол своей страны

и останется жив, то я тебе клянусь, батюшка, что либо голову свою сложу, либо завоюю Галицкую землю; а теперь не могу его убить». Оба, и король, и Изяслав, отрядили мужей своих с крестом к Владимиру, причем Мстислав Изяславич сказал отцу своему и королю: «Вы поступаете по-христиански, что честному кресту верите и обиды свои прощаете; но я вам скажу перед этим честным крестом, что Владимир не сдержит своей клятвы; но ты, король, своего слова не забудь: если Владимир изменит, то тебе стоять опять у Галича».

Владимир целовал крест, лежа на постели, притворяясь, что изнемогает от ран, а ран на нем не было. Когда же Изяслав, возвратившись во Владимир, послал своих посадников по тем городам, которые Владимир поклялся возвратить ему, то он не пустил их ни в один. Изяслав пошел в Киев, а к королю послал сказать: «Тебе уж теперь не воротиться, ни мне; но я только даю тебе знать, что Владимир преступил крестное целование; и ты не забывай своего слова». К Владимиру же послал Изяслав Петра Бориславича с крестными грамотами, потому что этот самый Петр Бориславич и приволил его к присяге. Изяслав велел сказать галицкому князю: «Ты крест к нам с королем целовал на том, что возвратишь все, взятое из русской волости, и слова своего не сдержал; я забуду все, если захочешь обещание свое исполнить; если же нет, то ты будешь клятвoprеступник, и вот твои грамоты крестные, а нам с королем как Бог даст над тобою промыслить». Владимир отвечал: «Скажи своему князю. «Ты напал на меня врасплох и короля на меня навел; но если буду жив, то либо голову сложу, либо отомщу за себя»». Петр сказал ему на это: «Князь! Ты крест к брату своему Изяславу и к королю целовал, что все уставишь и будешь с ними заодно, так ты уже изменил крестному целованию». Владимир отвечал: «Вот еще! Такой маленький крестик». — «Крест-то мал, — возразил Петр, — но сила-то его велика на небеси и на земле; а ведь тебе король говорил о силе его, что это тот самый крест, на котором Христос был распят, и достался он, по Божией милости, св. Стефану; говорил и то, что если поцелуешь этот крест и преступишь клятву, то жив не будешь; а королевский посланник разве не говорил тебе о том честном кресте?» Владимир отвечал: «Ну уж вы тогда досыта наговорились; а теперь ступай вон, поезжай к своему князю». Петр положил пред ним крестные грамоты и пошел вон; ему не дали ни подводы, ни корма, так что он поехал на своих конях. Когда Петр съезжал с княжеского двора, в то время Владимир шел в церковь к св. Спасу к вечерне; когда он взошел на переходы, ведущие к церкви, и увидел едущего Петра, то сказал со смехом: «Поехал русский * боярин, побравши

* Т е киевский, потому что Русью собственно называли один Киев с округом

все волости»; и, сказавши это, пошел на полати (хоры) *. Вечерня отошла, Владимир пошел из церкви: и когда был на том самом месте на ступени, где смеялся над Петром, то вдруг закричал: «Что это кто-то меня по плечу ударил», и не мог соступить с места, чуть было не упал, слуги подхватили его под руки, понесли в горенку и уложили; начались разные толки; одни говорили, что такая болезнь, другие — другая, стали прикладывать лекарства; но князю становилось все хуже да хуже, и к вечеру Богу душу отдал.

Между тем Петр выехал из Галича и на ночь остановился в Большеве; было так на рассвете, когда пришел к нему детский ** из Галича и сказал: «Князь не велел тебе ехать дальше, но ждать здесь, пока не придет за тобою». Петр не знал еще о княжеской смерти, от детского ничего не слышал об этом и потому начал сильно тужить, что ему придется опять ехать в город, думал, что будет ему мука пуще прежней. Еще до обеда пригнали за Петром из города звать к князю. Он отправился и когда приехал на княжий двор, то к нему навстречу вышли с сеной слуги княжеские все в черном. Петр удивился, что это значит? Когда он вошел на сени, то увидел, что молодой князь Ярослав, сын Владимира, сидит на отцовском месте, тоже в черном платье и в черной шапке, и все бояре в черном; Петру подставили скамью, он сел. Ярослав взглянул на него и залился слезами; Петр сидел, ничего не ведая, наконец спросил: да что же все это значит? Ему отвечали, что в эту ночь Бог послал по душу князя Владимира. «Как так,—сказал Петр,—в эту ночь я выехал отсюда, он был совершенно здоров». Ему отвечали, что ударило князя в плечо и с того начал изнемогать и Богу душу отдал. Петр сказал на это: «Воля Божия, а всем там быть». Тогда Ярослав начал говорить: «Мы тебя позвали вот для чего: Бог волю свою, как Ему было угодно, так и сотворил; а теперь поезжай к отцу моему Изяславу, отвези ему от меня поклон и скажи: коли Бог отца моего взял, то ты будь мне вместо отца; ты сам с отцом моим ведался, как там что между вами было, и то уже Бог рассудил; Бог отца моего взял, а меня оставил на его месте; полк его и дружина его у меня, одно копьё только поставлено у гроба его, да и то в моей руке; теперь, батюшка, кланяюсь тебе, прими меня в сыновья наряду с сыном своим Мстиславом: пусть Мстислав ездит подле твоего стремени по одной стороне, а я буду ездить по другой, со всеми своими полками». — Сказав это, он отпустил Петра.

Несмотря, однако, на такие обещания, Ярослав не сдержал своего слова относительно Изяслава, и в 1153 году последний принужден был выступить против него в поход. У реки Серета сошлись

* Т е на хоры в церкви

** Отрок, впоследствии сын боярский, младший придворный служитель

враги. Галицкие мужи начали говорить князю своему Ярославу: «Ты молод, так отъезжай подальше, и смотри только на нас; отец твой кормил нас и любил, так и мы хотим за честь отца твоего и за твою головы сложить; ты у нас один князь: если с тобою что станется, то что нам будет делать? Поезжай-ка, князь, в город, а мы останемся биться с Изяславом, и кто из нас будет жив, прибежим к тебе и затворимся с тобою». Ярослав послушался их, полки сошлись, и была сеча злая, бились от полудня до вечера. Вдруг встало смятение в обеих ратях, не видно было, которая победила. Изяслав гнал галичан, а братья его бежали от них; Изяслав набрал в плен галицких бояр, а галичане ополонились боярами киевскими. Великий князь переночевал на побоище и на другое утро, видя, что у него осталось очень мало дружины, пошел назад в Киев, а пленников галицких всех побил, потому что их было некому стеречь; и был плач великий по всей земле Галицкой.

ГЛАВА XII

О КНЯЖЕНИИ ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО, ИЗЯСЛАВА ДАВИДОВИЧА И РОСТИСЛАВА МСТИСЛАВИЧА

В 1154 году разболелся великий князь киевский Изяслав, честный, благоверный, христоробивый и славный внук Владимира Мономаха, и плакалась по нем вся Русская земля, и все черные клобуки, как по царе и господине своем, или, лучше сказать, как по отце; преставился он в воскресенье, на ночь, на Филиппов день, и погребли его в церкви св. Федора в монастыре отцовском. Дядя Вячеслав всех больше плакал по нем; он говорил: «Сынок! То мое было место, но пред Богом нечего делать». В это время Ростислав пришел из Смоленска в Киев; все киевляне вышли с радостью к нему навстречу, все были ему рады—и Русская земля вся, и все черные клобуки. Ростислав вместе с Святославом Всеволодовичем поехали и поклонились отцу своему Вячеславу. Последний, увидав Ростислава, сильно обрадовался и сказал ему: «Сын! Я уже стар, рядов всех не могу рядить; даю тебе их, как брат твой держал и рядил; ты меня имей отцом и честь на мне держи, а полк мой и дружину мою ты ряди». Ростислав поклонился дяде и сказал: «Очень рад, господин батюшка, буду держать тебя отцом господином, как и брат мой Изяслав держал тебя и в твоей воле был».

Киевляне, с своей стороны, посадили Ростислава на столе киевском и сказали ему: «Как брат твой Изяслав честил Вячеслава, так и ты его чести, а до твоего живота Киев твой». Скоро пришла весть к Ростиславу, что Глеб Юрьевич со множеством

половцев идет к Переяславлю; Ростислав выступил в поход; когда же сын его Святослав успел отпровадить половцев, то он начал гадать с братьею своею, как бы пойти к Чернигову, на Изяслава Давидовича; после чего, не входя в Киев, стал со всеми полками у Вышгорода, сказавши дружине своей «Нам надобно упредить Юрия, либо прогоним его, либо помиримся с ним». На другой день пригнали к Ростиславу из Киева с вестью: «Отец твой Вячеслав приказал долго жить». Ростислав удивился. «Как,— сказал он,— мы вчера поехали, он был здоров». Ему отвечали: «Ночью он пировал с дружиною и пошел спать здоров; но как лег, так уже больше не вставал, тут и Бог по душу послал». Ростислав, услышав это, бросил полки и погнал к Киеву; там плакался по отце своем и проводил его до гроба с честью великою, со множеством народа. После похорон Ростислав поехал на двор Ярославов, созвал бояр покойного князя, тиунов его и ключников и приказал принести перед себя все именье Вячеслава, платье, золото и серебро; когда же все снесли, он начал раздавать по монастырям, по церквам, по затворам и нищим, и роздал все, а себе не взял ничего, только крест честной взял себе на благословение. Урядивши все, он поехал опять на ту сторону Днепра, к полкам своим.

Приехавши в полк, Ростислав начал думать с племянниками, Святославом Всеволодичем и Мстиславом Изяславичем и с боярами своими, как бы пойти к Чернигову. Но бояре отговаривали ему идти туда, они говорили: «Бог взял дядю твоего Вячеслава, а ты еще с людьми в Киеве не утвердился; ступай лучше в Киев, утвердись с людьми; тогда если и дядя Юрий придет на тебя, то годно тебе будет с ним мириться, помирись же, а не годно — начнешь войну». Но Ростислав не послушался их, а пошел на Изяслава Давидовича к Чернигову. Тот призвал на помощь половцев; Ростислав испугался и побежал в Смоленск. Киевляне, оставшись без князя, послали епископа Демьяна Коневского сказать Изяславу: «Ступай к нам в Киев, чтоб нас не взяли половцы; ты наш князь, приезжай скорей». Черниговский князь въехал в Киев и сел на столе. Но между тем Юрий Ростовский выступил в поход на Русь и приближался к волости Ростиславовой. Смоленский князь послал просить у него мира: «Батюшка! Кланяюсь тебе, ты и прежде до меня добр был, и я до тебя, а теперь кланяюсь, ты мне дядя вместо отца». Юрий отвечал: «Правда, сынок, с Изяславом не мог я ужиться, а ты мне свой брат и сын»; — и, не помянувши злобы брата его, помирился с ним. Потом послал Юрий сказать Изяславу Давидовичу: «Мне отчина Киев, а не тебе». Изяслав прислал к нему с молением и поклонами. «Разве я сам поехал в Киев? — велел он сказать. — Киевляне посадили меня; не делай мне зла, а Киев твой». Юрий согласился на его просьбу: Изяслав мирно выехал из Киева, и ростовский князь вступил туда с торжеством.

В 1158 году Изяслав Давидович начал замышлять рать на Юрия, заключив союз с Ростиславом Мстиславичем и Мстиславом Изяславичем; подговорил было и Святослава Ольговича встать вместе на Юрия; но тот отвечал: «Я крест целовал к Юрию: не могу без причины встать на него». В тот самый день, как Изяслав собирался идти к Киеву, приехали к нему киевляне и сказали: «Ступай, князь, в Киев, Юрий умер». Изяслав прослезился и, подняв руки к небу, сказал: «Благословен еси, Господи, что рассудил меня с ним смертью, а не кровопролитием». Юрий пировал у Петрила; в тот же день на ночь разболелся и, лежав пять дней, умер 15 мая, в среду на ночь, а на другой день в четверг похоронили его в монастыре св. Спаса. Много зла сотворилось в тот день: разграбили двор его Красный и другой двор его за Днепром, который сам называл раем, и двор Василька сына его разграбили также в городе; суздальцев перебили по городам и селам, именье их разграбили.

Изяслав Давидович вошел в Киев 19 мая. В тот же год согласились все ростовцы, суздальцы и владимирцы, взяли Андрея, старшего сына Юриева, и посадили его на отцовском столе, в Ростове, Суздале и Владимире, потому что он был всеми любим за многие свои добродетели. По отце своем он сотворил великую память, церкви украсил и монастыри поставил.

В 1159 году один из князей полоцких, Рогволод Борисович, пошел от Святослава Ольговича искать себе волости с полками Святославовыми, потому что братья были злы до него, отняли у него волость и все имение. Приехав ко Слуцку, он начал пересылаться с дручанами. Дручане были рады ему и звали к себе, говоря: «Приезжай, князь, не мешкай, рады тебе: хотя б пришлось и с детьми биться за тебя, рады биться». И в самом деле — выехало к нему навстречу больше трехсот лодок с дручанами и полочанами, и вошел он в город с великою честью; а Глеба Ростиславича, сына полоцкого князя, горожане друцкие выгнали вместе с дружиною. Глеб пошел к отцу в Полоцк; здесь встал большой мятеж; многие хотели Рогволода. Едва Ростислав успел установить людей, раздавши им много даров и приведши ко кресту, а сам пошел со всею братьею на Рогволода к Друцку. Рогволод затворился в городе, бились крепко, и много падали с обеих сторон, так что Ростислав принужден был помириться с Рогволодом, придал ему волости и возвратился домой в Полоцк. Но в том же году полочане совещали злой совет на князя своего Ростислава Глебовича и преступили крестное целование, что клялись ему: «Ты наш князь, и дай нам Бог с тобой пожить». Они послали втайне к Рогволоду Борисовичу сказать ему: «Князь наш! Согрешили мы пред Богом и пред тобою, что встали на тебя без вины, и именье твое и твоей дружины все разграбили, а самого выдали Глебовичам на великую муку; если ты позабу-

дешь все то, что мы сделали тебе своим безумием, и крест к нам поцелуешь, то мы твои люди, а ты наш князь; Ростислава же тебе выдадим, что хочешь с ним, то и делай».

Рогволод поклялся им, что не будет помнить прежнего. Тогда полочане начали звать Ростислава лестью на братовщину* к св. Богородице, к Старой, на Петров день, чтоб там схватить его. Он поехал, поддевши броню под платье, и не посмели схватить его. На другой день начали его звать опять: «Князь! Приезжай к нам, у нас есть до тебя дело; ступай к нам в город»; потому что князь был в то время на Белчице. Ростислав отвечал послам: «Я у вас вчера был, что ж вы мне ничего не говорили, какое там у вас было дело до меня». Несмотря на то, однако, поехал в город. На дороге попался ему детский, который гнал из Полоцка: «Не езди, князь, вече на тебя в городе, дружину твою бьют, и тебя хотят схватить». Ростислав воротился, собрал дружину на Белчице и пошел полком к брату Володарю в Минск, много наделавши зла волости Полоцкой, забирая скот и челядь. Полочане же послали за Рогволодом в Друцк; и вошел Рогволод в Полоцк в июле месяце, сел на столе отца и деда с великою честью, и рады были полочане.

В том же году начал рать Изяслав Давидович на Ярослава Галицкого, ища волости двоюродному брату его, Ивану Ростиславичу, по прозванию Берладнику**: присылали к Берладнику галичане, уговаривая его сесть на коня и ехать к ним; они говорили: «Только покажутся твои стяги, и мы отступим от Ярослава». Изяслав начал слать к брату Святославу Ольговичу и к Святославу Всеволодичу, зовя их с собою на Галич; объявлял и то, что хотят на него самого идти князья из Владимиро-Вольнского. Святослав Ольгович отвечал ему: «Брат, кому ищешь волости, брату или сыну? Лучше бы тебе не начинать первому; а что говоришь: хотят на меня поехать, так если поедут на тебя с похвальбою, то и Бог будет за тебя, и я, и мои племянники». Изяслав не послушался брата и пошел из Киева. На дороге нагнал его посланный от Святослава опять с теми же речами: «Не велит тебе брат начинать рати, велит тебе воротиться». Изяслав с яростию отвечал ему: «Будь тебе ведомо, брат, не ворочусь, уж я пошел; а когда ты сам не идешь со мною и сына не пускаешь, то, если Бог даст, успею в Галиче, тогда не жалуйся на меня, если поползешь из Чернигова к Новгороду (Северскому)».

Святослава сильно оскорбили такие слова; он сказал: «Господи! Видь мое смирение: я о себе не заботился, не желая

* Братовщина — складочный пир; обыкновенно складывались все приходжане на храмовые праздники.

** От города Берлада, в нынешней Бессарабии, куда стекался всякий сброд, там же и изгнанные князья находили убежище и удалую дружину.

проливать кровь христианскую и губить свою отчину; взял я Чернигов с семью городами пустыми, сидят в них псаря да половцы, а всю волость Черниговскую Изяслав держит с своим племянником; но и того ему мало, велит мне из Чернигова выйти, а крест ко мне целовал, что никогда не лишит меня этого города; пусть все рассудит Бог и крест честной; а я, брат, для твоего же добра запрещаю тебе ходить, и чтобы тишина была в Русской земле» Изяслав был побежден и принужден бежать

Тогда князья Мстислав, Владимир и Ярослав послали в Смоленск к Ростиславу, зовя его в Киев на стол, потому что и прежде целовали крест искать Киева для него. Ростислав отправил к ним двоих послов — от смолян боярина и от новгородцев другого, с такими словами: «Если меня зовете вправду с любовью, то я пойду в Киев на всей своей воле, чтоб вам иметь меня отцом себе вправду и ходить в моем послушанье, а наперед всего объявляю вам: не хочу видеть Клима на столе митрополичьем, не взял он благословенья от св. Софии и от Патриарха». Но Мстислав крепко заступался за Клима и говорил: «Не бывать Константину на митрополю за то, что проклинал моего отца». Долго спорили они между собою, Ростислав со Мстиславом, и были между ними крупные речи; наконец положили, что ни Климу, ни Константину не сидеть больше на столе митрополичьем, а привести нового митрополита из Царя-града.

В 1160 году пошел Ростислав, сын Мстиславов, из Смоленска в Киев, на стол; и вошел в Киев 12 апреля, на самое Воскресение Христово; встретили его все люди и приняли с достохвальной честью; сел на столе деда своего и отца благоверный князь Ростислав, и была людям двойная радость — Воскресение Господне и княжеский въезд. В этом же году съехались Ростислав с Святославом Черниговским в Моравске, и был съезд их на великую любовь. Ростислав позвал к себе Святослава на обед, тот поехал к нему без всякого извета; и была в тот день между ними большая радость и дары многие. Ростислав дарил Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, белыми волками и рыбьими зубьями. На другой день позвал Святослав Ростислава к себе на обед, и веселились больше вчерашнего дня: подарил Святослав Ростиславу барса и двух коней борзых с коваными седлами; и так попировавши и обдарившись, разъехались по домам.

В 1168 году пошел Ростислав к Новгороду, потому что новгородцы нехорошо жили с сыном его Святославом. За 300 верст до Смоленска начали встречать его лучшие мужи смоленские, потом встретили его внуки, потом сын Роман и епископ Мануил, и мало не весь город вышел к нему навстречу: все сильно обрадовались его приходу и поднесли ему множество даров. Из Смоленска пошел он в Торопец, оттуда и послал к сыну Свято-

славу в Новгород, веля ему ехать к себе навстречу в Луки, потому что Ростислав уже чувствовал себя дурно и потому не поехал в Новгород и имел свидание в Луках с сыном и новгородцами; новгородцы целовали крест Ростиславу на том, что иметь сына его князем у себя, а иного князя не искать; и много даров взял великий князь у сына и у новгородцев.

Из Лук возвратился он в Смоленск. Сестра его Рогнеда, видя, что брат сильно изнемогает, начала просить его остаться в Смоленске. Он ответил ей: «Не могу здесь лечь, повезите меня в Киев; если Бог возьмет меня на пути, то положите меня в отцовском монастыре, у св. Федора: если же Бог возвратит мне здоровье, то постригусь в Печерском монастыре». Будучи при последнем издыхании, он сказал своему духовнику, священнику Семену: «Ты отдашь ответ Богу в том, что запретил мне постричься». Часто говаривал он печерскому игумену Поликарпу: «Тогда еще запала мне в голову мысль о постриженье, когда пришла из Чернигова весть о смерти Святослава Ольговича». С тех пор он всегда, бывало, говаривал игумену: «Поставь мне, игумен, добрую келью; боюсь напрасной смерти».

У Ростислава был еще и другой добрый обычай: в Великий пост каждую субботу и воскресенье сажал он у себя за обедом по двенадцати чернецов, тринадцатый был игумен Поликарп; он кормил их и домой отпускал не с пустыми руками; сам же приобщался каждую неделю и тогда, бывало, так заливался слезами, так вздыхает и стонет, что и другие, глядя на него, начнут плакать. Великую любовь имел он к Святой Богородице и к св. отцу Феодосию и так разговаривал часто с Поликарпом: «Хотел бы я освободиться от маловременного и суетного света сего, и мимотекущего и многомятежного жития сего, о чем и прежде поминал тебе». На это Поликарп обыкновенно отвечал ему: «Вам Бог велел правду творить на этом свете, в правду суд судить и в крестном целовании стоять». Ростислав возражал: «Отец! Княжение и мир не может без греха быть, а я уже пожил немало на этом свете; а теперь хотелось бы мне поревновать правоверным царям, которые пострадали и приняли возмездие от Господа Бога своего, святым мученикам, пролившим кровь свою и восприявшим венцы нетленные, святым отцам, удручившим тело свое постом и узким, тесным путем ходившим и принявшим царство небесное; слышал я слово царя Константина: если бы ведал, как честен лик иноческий, как прямо восходят чернецы с ангелами к престолу Господню, то снял бы венец и багряницу». Тогда говорил ему игумен: «Если хочешь этого, князь, то да будет воля Божия». Ростислав отвечал: «Подожду еще немного: у меня есть кой-какие дела». На дороге из Смоленска, в селе Зарубе, преставился Ростислав в молитве и слезах и положен был в Киеве в Федоровском монастыре.

ГЛАВА XIII

О ВЗЯТИИ КИЕВА
 ВОЙСКАМИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО,
 О ВОЙНЕ ЭТОГО КНЯЗЯ
 С РОСТИСЛАВИЧАМИ И О СМЕРТИ ЕГО

В 1169 году, по смерти Ростислава, послали за Мстиславом Изяславичем, племянником покойного, братья его — Владимир Мстиславич, Рюрик и Давид Ростиславичи, и киевляне с черными клубуками от себя послали за ним же. Урядившись с братьею, дружиною и киевлянами, Мстислав сел на столе киевском. В 1170 году пришла Мстиславу Изяславичу добрая мысль о Русской земле; хотел он ей добра всем сердцем и, созвавши братью свою на думу, так говорил им: «Братья! Пожалейте о Русской земле и о своей отчине и дедине, что половцы каждый год уводят христиан в свои вежи; беспрестанно клянутся нам в соблюдении мира и беспрестанно приступают клятву, а теперь уже отнимают у нас Греческий путь и Соляной Залозный; хорошо было бы нам, братья, призвав на помощь Бога и Святую Богородицу, поискать пути отцовского и дедовского и чести своей». Угодна была речь его и Богу, и всей братье, и дружинам их. Они сказали: «Бог тебе помоги, брат, за такую мысль, а нам дай Бог за христиан и за Русскую землю головы свои сложить и к мученикам быть причтенным». Все князья соединились и выступили из Киева; шли девять дней, взяли половецкие вежи по реке Угле и по Снопороду, а самих половцев настигнули у Черного Леса, притиснули к нему и перебили, а иных руками перехватили, всех же христиан, отполонивши, пустили на свободу.

В это время в Суздале княжил Андрей Юрьевич, и не лежало у него на сердце ко Мстиславу. Тогда же новгородцы прислали к Мстиславу, прося у него сына его Рюрика в князья себе; Мстислав отпустил к ним сына: отсюда пошла вражда на Мстислава от всей братьи; все начали сноситься между собою, утвердились крестным целованием идти на великого князя. Зимой выслал против него князь Андрей Юрьевич полки ростовские, владимирские и суздальские с сыном своим Мстиславом, одиннадцатью другими князьями и воеводою Борисом Жидиславичем. Они оступили Киев; Мстислав затворился в городе, и была брань крепкая отовсюду. Три дня уже бились, Мстислав начал изнемогать, берендеи и торки* изменили ему, дружина начала говорить: «Что, князь, стоишь? Ступай из города, нам их не перемочь». Мстислав выехал во Владимир, и Киев был взят 8 марта 1171 года. Целые два дня грабили город, Подолье и Гору, и монастыри, и св. Софию, и Десятинную Богородицу: не

* Кочевое племя тюркского происхождения, в XII в вошли в состав племенного объединения черных клубуков (*примеч ред*)

было помилования никому ниоткуда; церкви горели, христиан убивали, других вязали, жен вели в плен, разлучая силой от мужей, младенцы рыдали, смотря на матерей своих; взяли именья множество, из церквей побрали иконы, книги, ризы и колокола, все вынесли смоляне, суздальцы и черниговцы; зажжен был монастырь Печерский погаными, но Бог молитвами св. Богородицы соблюл его от такой беды; и были в Киеве у всех людей стон и скорбь неутешная и слезы непрестанные. Все это случилось грех ради наших.

Мстислав Андреевич посадил дядю своего Глеба на столе киевском, а сам пошел в Суздаль к отцу своему Андрею с великою честью и славою. В 1173 году умер Глеб; его место занял Владимир Мстиславич, но Андрею Суздальскому не любо было это; несколько раз присылал он ко Владимиру, веля ему идти из Киева, куда посылал Романа Ростиславича из Смоленска. В следующем 1174 году умер Владимир; Роман сел в Киеве, и была радость всем людям.

Но скоро Андрей начал обвинять Ростиславичей; он прислал к ним мечника своего, Михна, с такими речами: «Выдайте мне Григорья Хотовича, и Степанца, и Алексея Святославича: они уморили брата моего Глеба, и враги всем нам». Ростиславичи не послушались его и отпустили от себя Григорья. Тогда Андрей велел сказать Роману: «Ты не ходишь в моей воле с братьею своею, так ступай же из Киева, а Давид пусть идет из Вышгорода, а Мстислав из Белгорода; у вас есть Смоленск, тем и делитесь как хотите». Ростиславичи сильно опечалились, что Андрей отнимает у них Русскую землю, а брату своему Михайле дает Киев. Роман Ростиславич выехал из Киева, но другие братья его — Рюрик, Давид и Мстислав послали сказать Андрею: «Брат! Мы назвали тебя отцом, крест целовали тебе и стоим в крестном целовании, желая тебе добра; но вот ты теперь брата нашего Романа вывел из Киева, а нам путь кажешь из Русской земли без нашей вины; но за всеми Бог и сила крестная». Андрей не дал им ответа; тогда Ростиславичи въехали ночью в Киев, схватили Всеволода Юрьевича, брата Андреева, с дружиной и отдали город брату своему Рюрику.

Черниговские князья обрадовались вражде и начали подучать Андрея на Ростиславичей; они послали сказать ему: «Кто тебе враг, тот и нам, а мы с тобою готовы». Андрей принял совет их, исполнился высокоумья, разгордился, надеясь на множество войска, разжегся гневом и послал опять мечника Михна сказать Ростиславичам: «Не ходите в моей воле, так ступай ты, Рюрик, в Смоленск к брату, в свою отчину; а ты, Давид, ступай в Берлад, не велю тебе быть в Русской земле; а тебе, Мстислав, также не велю быть в Русской земле: от тебя-то все и случилось». Мстислав от юности привык не бояться никого, кроме одного Бога: он велел остричь Андрееву послу голову и бороду и отослал назад

с такими словами: «Ступай к князю своему и скажи ему: до сих пор мы держали тебя как отца; но если ты прислал ко мне с такими речами, не как к князю, но как к подручнику и простому человеку, то делай, что замыслил, а Бог сделает по-своему». Андрей, услышав это от Михна, побледнел, взострился на рать и скоро был готов. Он послал собирать все свои войска: ростиславцев, суздальцев, владимирцев, переяславцев, белозерцев, муромцев, новгородцев и рязанцев; начел пятьдесят тысяч войска и послал с ним сына своего Юрия да Бориса Жидиславича воеводою, приказав им: «Рюрика и Давида выгоните из отчины их, а Мстиславу не делайте никакого зла, только приведите ко мне». Андрей князь умник был во всех делах и доблестен; но погубил смысл свой невоздержанием, распалился гневом и испустил такие похвальбы; а перед Богом гордость постыдна и мерзка: ведь она от дьявола.

Но мы на прежнее возвратимся. Так вот и пошло войско Андреево. Когда шло оно мимо Смоленска, то Роман, князь тамошний, отпустил с ним сына своего и полки по неволе: не хотелось ему вооружаться на братью, да делать было нечего: он сам находился тогда в руках Андрея, который приказал и полоцким князьям пойти всем, и гуровским, и пинским, и городенским. Соединившись еще с Ольговичами и другими разными князьями, войска Андреевы переправились через Днепр и вошли в Киев. Ростиславичи же не затворились в Киеве, но пошли в свои города: Рюрик затворился в Белгороде, Мстислав — в Вышгороде с Давидовым полком, а сам Давид поехал в Галич к Ярославу за помощью.

Войска Андреевы приблизились к Вышгороду; всех князей было более двадцати; Мстислав не испугался, въехал в неприятельские полки и потоптал их; было тогда смятение большое, и стоны, и клики, и голоса какие-то дикие: слышался лом копейный, звук оружейный; от множества пыли не распознать было ни конника, ни пешца. Бились крепко, и разошлись; много было раненых, мало мертвых. Это был один бой на первый день: бился Мстислав со Всеволодом, с Игорем и с другими младшими людьми; потом пришли все силы, оступили весь город и приступали к нему всякий день. Мстиславовы полки, выходя из города, бились также крепко, и много было в них побито и поранено добрых людей. Враги стояли около города девять недель.

В это время пришел Ярослав Луцкий* на Ростиславичей же, со всею Вольнскою землею, ища себе старшинства у Ольговичей; но Ольговичи не уступили ему Киева; тогда он сослался с Ростиславичами, урядился с ними о Киеве, отступил от Ольговичей и пошел на помощь Рюрику к Белгороду. Князья, союзники Андреевы, видя это, испугались; они говорили: «Вот как они

* Ярослав Изяславич, сын великого князя Изяслава Мстиславича

совокупятся на нас с галичанами и с черными клобуками, то что нам будет делать?» В полках их началось смятение, и, не дождав-шись совета, все ударились бежать чрез Днепр, и множество перетонуло. Мстислав, видя это, похвалил Бога и погнался за ними; дружина его ударилась на стан неприятельский и набрала множество пленных. Мстислав много утер пота с дружиною своею и немало показал мужества с мужами своими. Так возвратилась вся сила Андрея, князя суздальского: совокупил он всю землю, и войску не было числа, пришли с высокомыслием, отошли в дома свои со смирением. Ростиславичи положили на Ярославе старшинство и дали ему Киев.

Вошел Ярослав в Киев и сел на столе дедовском и отцовском. Тогда Святослав Черниговский начал слать к нему с жалобой: «Помяни первый ряд, на чем ты целовал крест; ты говорил: сяду ли я в Киеве, то я тебя наделю, а сядешь ты в Киеве, то ты меня надели; теперь ты сел — право ли, криво ли, я не разбираю; только надели меня». Ярослав отвечал ему: «Зачем тебе наша отчина? Тебе этой стороны не надобно». Святослав послал сказать на это: «Я не угрин и не лях; но мы все одного деда внуки, и сколько тебе до него, столько же и мне; если ты не стоишь в первом ряду, то твоя воля». Сказав это, он совокупился с братьею и поехал врасплох к Киеву. Ярослав, не успевши соединиться с братьею и не смея затвориться в Киеве один, бежал в Луцк, а Святослав въехал в Киев, захватил жену, сына Ярославова, дружину и все имение и отправился с добычею в Чернигов. Ярослав, слыша, что Киев стоит без князя, пограбленный Ольговичами, приехал опять туда и в сердцах замыслил тяготу киевлянам; он сказал им: «Подвели вы на меня Святослава, так теперь промышляйте, чем выкупить княгиню и сына». Граждане не умели ничего отвечать ему; тогда он наложил пеню на весь Киев, на игуменов и попов, чернецов и черниц, на латину* и гостей, даже на затворников, одним словом, на всех киевлян. В то же время Ростиславичи послали к князю Андрею с просьбою, чтоб позволил брату их Роману княжить в Киеве. Андрей отвечал им: «Подождите немного, я послал к своей братье в Русь: как мне будет весть от них, тогда дам ответ».

В 1175 году убит был великий князь Андрей Суздальский, сын Юрия, внук Владимира Мономаха. Был у него любимый слуга Яким, который, услышав, что князь велел казнить брата его, начал советовать с подобными себе злыми советниками, как Иуда с жидами, и начали говорить: «Нынче того казнил, а нас завтра; так промыслим-ка над этим князем», и уговорились убить его в ночь. Когда ночь наступила, они пошли с оружием к спальне княжеской; на дороге охватил их ужас, и они побежали назад из сеней, зашли в медушу** и напились вина; понапившись

* Иностранцев католического исповедания

** Погреб собственно для медов

и поободрившись, пошли опять в сени. Начальниками убийства были Петр, Кучков зять, Анбал Ясин ключник, Яким Кучкович, а всех убийц числом двадцать, которые собирались на совет в тот день у Петра, Кучкова зятя. Когда они подошли в другой раз к спальне, то один, ставши у дверей, начал кликать князя. «Господине! Господине!» Князь закричал: «Кто там?» Тот же самый отвечал ему: «Прокопий». Князь узнал по голосу и закричал: «Какой Прокопий, вовсе не Прокопий!» Тогда убийцы начали бить в двери и силой их выломали. Андрей вскопчил, хотел схватить меч, но меча уже не было: Анбал ключник днем припрятал его; а меч то был св. Бориса. Между тем двое убийц вскочили в спальню и бросились на князя; тот подмял одного под себя, остальные убийцы подумали в темноте, что это князь упал, и начали добывать своего же брата; потом узнали ошибку и стали бороться с Андреем, который имел силу необыкновенную. Секли его мечами и копьями, а он все был на ногах и кричал им: «Горе вам, нечестивцы! Какое я вам зло сделал? Если прольете кровь мою на земле, то Бог отомстит вам за мой хлеб». Наконец убийцы подумали, что уже покончили с князем, и, схвативши своего раненого, пошли вон с трепетом; тогда Андрей опять вскочил на ноги и со стоном и воплями пошел под сени. Убийцы, услышав его голос, опять воротились на прежнее место и, не найдя там князя, перепугались и начали кричать друг другу: «Давайте искать его поскорее: пропали мы, если он от нас ускользнет». Зажгли свечи и отыскивали его по кровавому следу. Он сидел за восточным столпом. Петр первый бросился на него и отсек правую руку; князь взглянул на небо, сказал: «Господи! В руке твоей предаю дух мой», и скончался. Это было в субботу, на ночь.

На другой день, в воскресенье, на память 12 Апостолов, убийцы нашли и закололи Прокопья, любимца княжеского; оттуда пошли на сени, вынули золото, камень дорогое, жемчуг и всякое узорочье, поклали все на лошадей и отослали еще до рассвета, а сами, побравши княжеское оружие, начали набирать себе единомышленников, говоря: «Что если да на нас придет дружина владимирская?» Собравши полк, послали сказать владимирцам: «Что вы на нас замышляете? Мы хотим с вами покончить миром; ведь не наша была одна дума, были в ней и из вас кой-кто». Владимирцы отвечали: «Кто был с вами в думе, тот и оставайся с вами, а нам не надобно». Тогда злоумышленники рассеялись на грабеж, так что страшно было смотреть.

Между тем пришел на место убийства Кузьма Киевлянин и начал спрашивать, где убит господин? Ему отвечали: «Лежит там выволочен в огороде; только ты не смей брать его, все согласились выбросить его псам; если кто приметя за него, тот нам враг, и его убьем». Тогда Кузьма начал плакать над телом: «Господин мой! Как это ты не почуял, что идут к тебе скверные

и нечестивые враги, и как тебе не удалось победить их, когда прежде побеждал полки поганых болгар?» Увидав ключника Анбала, Кузьма обратился к нему: «Анбал, вражий сын! Сбрось ковер либо что-нибудь, чем прикрыть господина нашего». Анбал отвечал: «Ступай прочь, мы хотим выбросить его псам». «Ах ты еретик,— закричал Кузьма,— выбросить псам? Помнишь ли ты, жид, в каком ты платье пришел сюда? Теперь ты в бархате стоишь, а князь нагой лежит; пожалуйста, скинь что-нибудь». Ключник сбросил ковер и сукно, в которое Кузьма завернул тело и понес в церковь. Здесь на просьбу свою, чтоб отперли церковные двери, он получил ответ: «Брось его здесь в притворе, охота тебе с ним носиться». Кузьма опять начал плакаться: «Уже и рабы тебя, господина своего, знать не хотят; бывало придет ли гость какой из Царя-града, или из иных стран русских, или латинин, или какой-нибудь другой христианин, даже поганин какой если придет, князь сейчас скажет: поведите его в церковь, в ризницу, пусть видят истинное христианство и крестятся, так и случалось: болгары и жидаы, и всякая погань, видя славу Божию и украшение церковное, крестились, и теперь горько плачут по тебе, а эти и в церкви не велят положить». Поплакавши, положил тело в притворе, прикрыв сукном; так лежало оно два дня и две ночи. На третий день пришел космодеянский игумен Арсений и сказал: «Долго ли нам смотреть на старших игуменов, и долго ли этому князю лежать так? Отомкните божницу, я отпою над ним, и положим его в гроб, когда перестанет эта злоба, тогда придут из Владимира и понесут его туда».

Так и сделал Арсений вместе с клирошанами боголюбскими. Между тем граждане боголюбские пограбили дом княжеский и работников, пришедших к делу, золото и серебро, платье и ткани, бесчисленное множество всякого имения; пограбили дома посадников и тиунов княжеских, детских и мечников перебили, не понимая, что где закон, там и обид много; грабители приходили и из сел. Начался было грабеж и во Владимире, но там духовенство начало ходить по городу с иконою Богородицы, и грабеж утих. На шестой день, в пятницу, владимирцы сказали игумену Феодулу и Луке демественнику в церкви св. Богородицы: «Нарядите носильщиков пойти взять князя и господина своего Андрея», а Микулице сказали: «Собери всех попов; облачившись в ризы, выйдите перед Серебряные ворота с иконою Богородицы, тут и дожидесь князя». Феодул и сделал так; взявши клирошан соборных и граждан, поехали они в Боголюбов, взяли тело Андреево и повезли во Владимир с честью и плачем великим. Как только завидели стяг*, выступивший от Боголюбова, то люди не могли удержаться, все начали вопить, ничего не видали от слез, и далеко был слышен

* В похоронных процессиях княжеских перед гробом несли знамя (стяг) покойного и вели коня его

воплъ их. Все плакали и говорили: «Ужели ты в Киев поехал, господин наш, в ту церковь, теми Золотыми воротами, что послал делать на великом дворе Ярославовом, говоря: хочу создать церковь такую же, как и ворота эти золотые, да будет память всему отечеству моему?» И так плакался по нем весь город.

ГЛАВА XIV

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В РОСТОВСКОЙ ЗЕМЛЕ ПО СМЕРТИ АНДРЕЕВОЙ

Узнавши о смерти Андреевой, ростовцы, суздальцы и переяславцы, и вся дружина, от мала и до велика, съехались во Владимир и рассуждали: «Князь наш убит, а детей у него нет, один только маленький сын в Новгороде, а братья его в Руси; за какими князьями пошлем? Соседи нам князья муромские и рязанские, боимся мести их, как пойдут внезапно на нас ратью, когда у нас нет князя; пошлем-ка к Глебу в Рязань, скажем ему: «Князя нашего Бог взял, хотим на его место Ростиславичей, Мстислава * и Ярополка, твоих шурьев»». Забыли они крестное целование, что клялись князю Юрию держать на столе своем меньших его сыновей, Михаила и Всеволода; преступили крестное целование и прежде, посадивши Андрея и выгнавши меньших его братьев; не опомнились и по смерти Андреевой, слушали только Дедилца да Бориса, послов рязанских. Глеб, князь рязанский, обрадовался, что на него возлагают честь и хотят шурьев его в князья. Послали к ним сказать: «Ваш отец был добр, когда у нас жил, ступайте к нам княжить, а других не хотим»; Ростиславичи отвечали: «Помоги Бог дружине, что не забывают любви отца нашего». В это время вместе с ними в Чернигове жили и дядья их Юрьевичи — Михаил и Всеволод; Ростиславичи, подумавши, сказали: «Либо лихо, либо добро всем нам, пойдем все четверо, двое Юрьевичей да двое Ростиславичей». Двое поехали наперед: Михайло Юрьевич да Ярополк Ростиславич, давши старшинство Михаилу. Когда ростовцы узнали, что оба эти князя вместе приехали в Москву, то рассердились и послали сказать Ярополку: «Ты ступай сюда к нам», а Михаилу велели сказать: «Подожди немного в Москве». Ярополк тайно от Михаила поехал с дружиною в Переяславль; Михайло, увидав, что Ростиславич уехал, отправился и сам во Владимир и затворился в городе. Ростовцы приехали на него со всею силою земли своей и много наделали зла, привели муромцев и рязанцев и все пожгли около города.

Владимирцы отбивались целых семь недель, наконец, не стерпевши голода, сказали Михаилу: «Мирись либо промышляй о себе». Он отвечал: «Вы правы; не погибать же вам для меня!» —

* Сыновей Ростислава Юрьевича, старшего сына Долгорукого

и поехал в Русь; владимирцы проводили его с плачем великим. Потом взяли они клятву с Ростиславичей, что те не сделают никакого зла их городу, и вышли с крестами настречу Мстиславу и Ярополку. Князья, вошедши в город, утешили владимирцев, потому что разделили волость Ростовскую: во Владимире сел Ярополк, положивши с гражданами весь порядок в церкви Богородицы. Не против Ростиславичей бились владимирцы, но не хотели покориться ростовцам, суздальцам и муромцам, потому что те говорили: «Пожжем Владимир или посадника в нем посадим, то наши холопы каменщики».

Ростовцы посадили у себя в Ростове князем Мстислава на столе дедовском и отцовском. С радостью великою Ростиславичи, ставши князьями в Ростовской области, роздали посадничества русским детским *, которые начали делать всякие притеснения жителям; а сами князья были еще молоды, слушались бояр, а бояре подучали их на то, как бы побольше нажить имения: из церкви св. Богородицы Владимирской золото и серебро взяли, в первый же день отняли ключи от церковных полатей **, и город ***, и дани захватили, что дал той церкви князь Андрей.

Тогда владимирцы начали говорить между собою: «Мы приняли князя на своей воле, утвердились с ним крестным целованием; а они смотрят на нашу волость как на чужую, будто они у нас на время сели, грабят не только всю волость, но и церкви; так промышляйте, братья!» Однако сперва они послали к ростовцам и суздальцам объявить им свою обиду. Те на словах были за них, а на деле далеко не так, особенно бояре, которые крепко держались Ростиславичей. Тогда владимирцы, укрепившись между собою, послали сказать Михаилу в Чернигов: «Ты старше всех своих братьев, приезжай к нам во Владимир, если что замыслят на нас ростовцы и суздальцы за тебя, то будем с ними управляться, как нам Бог даст и св. Богородица».

В 1176 году Михаил с братом своим Всеволодом пошел из Чернигова во Владимир; Святослав, князь черниговский, дал ему в помощь сына своего Владимира с полком, на дороге схватила Михаила сильная болезнь. его положили на носилки и едва живого донесли до Москвы, здесь встретили его владимирцы с Юрием Андреевичем (сыном Боголюбского), потому что одни владимирцы были добры до него. За обедом пришла к Михаилу весть, что племянник его Ярополк идет на него; тогда он тотчас же выступил из Москвы ко Владимиру и в лесу разошелся с Ярополком. Тот уже послал сказать брату своему Мстиславу: «Михайло болен, несут его на носилках, дружины с ним мало, я иду за ним по пятам; ступай, брат, поскорее,

* Членам дружины, которых они привели с юга, из собственной Руси

** От ризницы

*** Город, приписной к церкви, именно Гороховец

чтобы не пропустить его во Владимир». Мстислав, получив эту весть, рано утром помчался из Суздаля, точно будто на заячью охоту, дружина едва успевала нагонять его. За пять верст до Владимира встретился он с Михаилом, у него было множество войска, но правда и св. Спас были с Михаилом. Мстиславовы полки сначала смотрели храбро, точно хотели пожрать врагов, но, еще не доехавши до последних, бросили стяг и побежали, гонимые гневом Божиим.

Михаил одержал победу в день воскресный и поехал во Владимир с честью и славою великою, дружина его и владимирцы вели перед собою пленников; игумены, и попы, и все люди вышли к ним навстречу со крестом. Михаил возвратил церкви св. Богородицы города, которые отнял Ярополк; и была большая радость в городе Владимире: опять он увидел в себе великого князя всей Ростовской земли. Мы же подивимся чуду новому и великому Божия Матери, как она заступила свой град и укрепила граждан: не вложил им Бог страха, не побоялись они ни двоих князей, ни прещенья боярского, семь недель просидели без князя, возложивши всю надежду на св. Богородицу да на свою правду. Потому что новгородцы изначала, и смольняне, и киевляне, и полочане, и все власти, как на думу, на веча сходятся, и на что старшие согласятся, на том и пригороды станут; а здесь города старые Ростов и Суздаль и все бояре захотели свою правду поставить, а не захотели правды Божией исполнить: «как нам любо,—сказали,—так и сделаем, Владимир наш пригород». Не уразумели ростовцы и суздальцы исправить правды Божией, загордились своею давностию, старшинством; новые же люди малые владимирские взялись крепко стоять за правду и сказали все друг другу: «Либо Михаила князя себе добудем, либо головы свои сложим за св. Богородицу и за Михаила». Потом прислали к князю Михаилу суздальцы с такими словами: «Мы, князь, на том бою со Мстиславом не были, были с ним наши бояре; ты на нас сердца не держи и приезжай к нам». Михаил поехал в Суздаль, а из Суздаля в Ростов, дал жителям весь наряд, утвердился с ними крестным целованием, взял много даров у ростовцев и, посадив брата своего Всеволода в Переяславле, сам возвратился во Владимир.

В 1177 году преставился благоверный князь Михаил, сын Юрьев, внук Владимира Мономаха. Владимирцы, вспомнив Бога и крестное целование к великому князю Георгию, вышли перед Золотые ворота и присягнули Всеволоду, брату Михаилу, и детям его. Но в то же время ростовцы и бояре привели из Новгорода опять прежнего своего князя Мстислава Ростиславича. Мстислав приехал в Ростов, собрал ростовцев и бояр, гридбу, пасынков* и всю дружину и поехал ко Владимиру, Всеволод

* Гриди и пасынки — впоследствии дворяне и дети боярские

выехал против него с владимирцами с своею дружиною и что осталось у него бояр. Не желая пролития крови, он послал сказать Мстиславу: «Брат! Если тебя привела старейшая дружина, то ступай в Ростов; там заключим мир; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом Бог привел и владимирцы; Суздаль же пусть будет нам общий: кого захотят, тот и будет им князь». Но Мстислав слушался больше ростовцев и бояр, которые, в величанье своем забывши крестное целованье, говорили ему: «Если ты помиришься со Всеволодом, то мы не помиримся». Всеволод, приехав к Юрьеву и дождавшись переяславцев, сказал им, что Мстислав не хочет мира; переяславцы отвечали: «Ты ему добра хотел, а он головы твоей ловит; ступай, князь, на него; победит он нас, то ему наши жены и дети; брату твоему Михаилу еще девятого дня нет, а он уже хочет кровь проливать». Бог помог князю Всеволоду: Мстислав и дружина его побежали, а Всеволод возвратился во Владимир с честью великою.

Мстислав из Ростова прибежал в Новгород, но новгородцы сказали ему: «Ты ударил пятой в Новгород, пошел на зов ростовцев; теперь Бог рассудил тебя с дядею Всеволодом, зачем же к нам идешь?» Новгородцы не приняли его, и он поехал в Рязань, где подмолвил князя Глеба идти войною на Всеволода. Глеб на ту же осень пожег Москву; зимой пошел Всеволод на него и встретился на реке Колакче: Мстислав побежал первый, за ним Глеб; Всеволод погнался за ними со всею дружиною, рубя и хватая пленников. Захвачены были в плен сам князь Глеб Рязанский, сын его Роман, шурин Мстислав Ростиславич, вся дружина их и все думцы.

Была большая радость во Владимире. Но на третий день встал в городе мятеж; бояре и купцы пришли к князю и сказали: «Князь! Мы тебе добра хотим и за тебя головы свои кладем, а ты держишь своих врагов без всякой осторожности; а враги твои и наши — суздальцы и ростовцы; либо казни их, либо ослепи, либо отдай нам». Всеволод не хотел сделать этого и велел посадить пленников в тюрьму, а к рязанцам послал сказать: «У вас враг наш Ярополк Ростиславич, выдайте его или иду на вас». Рязанцы начали рассуждать: «Князь наш и братья наши погибли из-за чужого князя, чтобы и с нами того же не было»; поехали в Воронеж, взяли Ярополка и сами привели во Владимир; Всеволод велел и его посадить в тюрьму к прежним пленникам. Но чрез несколько дней встали опять люди все и бояре, многое множество пришло их на двор княжеский с оружием и с криком: «До чего их додержишь? Хотим ослепить их!» Князь Всеволод опечалился, но делать было нечего: Ростиславичей ослепили и выпустили; Глеб умер в тюрьме владимирской, сына его Романа выпустили невредимым на крестном целовании.

ГЛАВА XV

О МСТИСЛАВЕ ХРАБРОМ
И О ПОХОДЕ ИГОРЯ НА ПОЛОВЦЕВ

В 1178 году новгородцы прислали звать к себе на стол Мстислава Ростиславича Храброго*; тот не хотел идти из Русской земли и отвечал: «Не могу идти из отчины своей и разойтись с братьею». Потому что он всегда горел желанием от всего сердца трудиться за родину свою и стремился всегда на великие дела. Но братья и дружина сказали ему: «Брат! Если зовут тебя с честью, то ступай; разве там не наша же отчина?» Мстислав послушался братьев и мужей своих и пошел с боярами новгородскими; но сам положил на уме: «Если только Бог даст мне здоровье, то никак не могу забыть Русской земли». Когда пришел он в Новгород, встретил его епископ с крестами и с новгородцами, и с игуменами; все вошли во святую Софию, поклонились св. Спасу и св. Богородице, и так Мстислав сел на столе дедовском и отцовском со славою и честью великою. Скоро Бог вложил ему в сердце добрую мысль найти на чужд; он созвал мужей новгородских и сказал им: «Братья! Поганые нас обижают; что бы нам, призвавши на помощь Бога и св. Богородицу, да пойти поотомстить за себя и освободить Новгородскую землю от поганых?» Люба была эта мысль всем мужам новгородским; они отвечали Мстиславу: «Князь! Если Богу любо и тебе, то мы готовы».

Мстислав собрал всех ратных людей новгородских и, сочтя, нашел 20 000 числом; с этим войском отправился он на Чудскую землю, пожег ее всю, ополонился рабами и скотом и возвратился домой. На весну вздумал он пойти на Полоцк, на зятя своего Всеслава; дед Всеславов приходил на Новгород, пограбил церковь и завел один погост за Полоцк: так Мстиславу хотелось возвратить Новгородскую волость и отомстить за прежнюю обиду. Уже он пришел на Луки с войском новгородским, как брат его Роман Смоленский прислал сказать ему: «Всеслав тебя не обижал, но если идешь на него, то прежде ступай на меня»; Мстислав не захотел сердить старшего брата и возвратился в Новгород.

Вскоре после этого схватила его жестокая болезнь, силы начали ослабевать, язык огниматься; он посмотрел на дружину свою и на княгиню, вздохнул глубоко, прослезился и сказал: «Приказываю дитя свое Владимира Борису Захарьичу и отдаю его братьям Рюрику и Давиду вместе с волостью на руки; а обо мне что Бог промыслит». После этих слов он преставился 13 июня, причастившись св. Таин; и плакала по нем вся земля Новгородская, особенно же плакали лучшие мужи новгородские и го-

* Смоленского, который прежде боролся с Боголюбским, см. выше.

ворили: «Уже не можем, господин наш, поехать с тобою на чужую землю, поработить поганых под область Новгородскую; ты много говорил, господин наш, собирался идти на все стороны поганые; лучше бы нам умирать теперь с тобою, давшим такую свободу новгородцам от поганых; как и дед твой Мстислав освободил ты нас от всех обид; ты подражал ему и преследовал путь деда своего; теперь уже не можем тебя больше видеть, солнце наше зашло, и остались мы в обиде». Так плакался над ним весь народ новгородский, и сильные, и худые, и нищие, и черноризцы, потому что был милостив ко всем.

Этот князь Мстислав был росту среднего, лицом красив, всякой добродетели украшен и благовравен; любовь имел ко всем, раздавал богатую милостыню, снабжал монастыри, угощал чернецов и принимал их с любовию, беря у них благословение, снабжал и мирские церкви, и попов, и весь святительский чин достойною честью почитал; был крепок на рати, всегда жаждал умереть за Русскую землю и за христиан; когда видел, что поганые пленят христиан, то говаривал дружине своей: «Братья! Не сомневайтесь: если теперь умрем за христиан, то очистимся от грехов, и Бог сравнит нас с мучениками; если Бог пошлет милость, то слава Богу; если же умрем, то все равно, надобно же когда-нибудь умирать». Говоря так, он вселял бодрость в воинов своих и бился от всего сердца за отчину свою. Он любил дружину свою, именья не берет, золота и серебра не собирал, но раздавал дружине своей или по церквам на помин души; приложился к отцам и дедам своим, отдав общий долг, которого не избежать ни одному рожденному; не было той земли на Руси, которая не хотела бы его или не любила бы его; всегда стремился он на великие дела — и умер еще очень молод. Братья, услышав о смерти его, сильно горевали; плакалась по нем вся земля Русская, не могли забыть доблести его, и черные клобуки все не могут забыть приголубления его.

В 1175 году Ярослав Изяславич выехал из Киева опять в свой Луцк; его место занял Роман Ростиславич Смоленский; последнего в 1177 году выгнал Святослав Всеволодич Черниговский и сам сел в Киеве. В 1183 году вложил Бог в сердце Святославу, князю киевскому, и Рюрику Ростиславичу пойти на половцев; они послали за окольными князьями и, соединившись с ними, победили поганых и возвратились домой со славою и честью великой. В 1184 году пошел окаянный и безбожный и проклятый Кончак со множеством половцев на Русь пленить города и жечь их огнем: нашел он какого-то бусурманина, который стрелял живым огнем; были у них луки тугие самострельные, такие, что едва 50 человек могли их натягивать. Половцы пришли и стали на Хороле; Святослав Всеволодич и Рюрик Ростиславич со всеми своими полками, нимало не медля, пошли против них и обратили в бег-

ство, взяли в плен и бусурманина того, что стрелял живым огнем, и со всем снарядам.

В 1185 году Игорь Святославич Северский, внук Олегов*, поехал из Новгорода**, взявши с собою брата Всеволода из Трубчевска, племянника Святослава Ольговича из Рыльска, сына Владимира из Путивля; шли они тихо, собирая дружину, и когда подходили вечером к реке Донцу, то Игорь, взглянувши на небо, увидал, что солнце стоит точно месяц; он сказал боярам своим и дружине: «Смотрите, что это за знамение?» Они все посмотрели, опустили головы и сказали: «Князь! Не к добру это!» Игорь отвечал: «Братья и дружина! Тайн Божиих никто не знает, а знамению творец Бог и всему миру своему; увидим, что нам даст Бог, на добро ли, или на зло наше». Сказавши это, он переправился через Донец и два дня ждал в Осколе брата своего Всеволода, который шел иным путем из Курска.

От Оскола пошли дальше и на дороге встретили сторожей, посланных ловить языка; сторожа сказали: «Ступайте скорей или возвратитесь домой, потому что теперь не наше время». Игорь сказал на это: «Если нам возвратиться не бившись, то срам нам будет хуже смерти; поедем на волю Божию». Согласившись на этом, пустились во всю ночь и утром на другой день встретили полки половецкие. Князя изрядили шесть полков, а наперед поставили стрельцов. Игорь сказал братии: «Братья! Мы искали этого; станем же крепко». Половцы обратились в бегство, русские захватили их вежи и взяли много полону. После этого Игорь говорил, чтобы поехать в ночь; но Святослав Ольгович сказал дядьям своим: «Я далеко гнал за половцами и измучил коней; если теперь опять ехать, то придется мне отстать на дороге». Положили ночевать на месте.

На другой день, в субботу, начали выступать полки половецкие точно боровья. Изумились русские князя, откуда их взялось такое множество, и Игорь сказал: «Мы сами нарочно собрали на себя всю землю». Согласились сойти с коней и пешим пробиться к реке Донцу. Князя говорили: «Если поедем, убежим сами, а черных людей оставим, и будет на нас грех, что их выдадим; но или умрем, или живы будем все вместе». И так все сошли с коней и начали пробиваться; Игоря ранили в руку, и была большая печаль в полку его. Бились крепко до самого вечера; много было раненых и мертвых в полках русских; бились потом всю ночь; на рассвете в воскресенье возмутились коуи*** и побежали. Игорь сидел в то время на коне, потому что был ранен. Видя бегство коуев, он поскакал к ним, чтобы возвратить, и отъехал далеко от своих. Поняв опасность, он снял шлем и погнал опять к полкам, чтобы узнали князя и возвратились; но никто не возвратился,

* Внук Олега Святославича чрез Святослава Ольговича

** Северского

*** Степные варвары, служившие в полках русских

и он попался в плен. Будучи схвачен и увидав, что брат его Всеволод крепко борется, Игорь просил у Бога смерти, лишь бы только не видать падения брата своего. Игорь после рассказывал: «Вспомнил я тогда грехи мои пред Богом, какое кровопролитие сделал я в земле христианской, когда взял приступом город Глебов у Переяславля; теперь вижу месть от Бога: говорил я сам себе: где теперь возлюбленный мой брат, где брата моего сын? Где чадо рождения моего, где бояре-думцы мои, где мужи храбрые, где ряд полчный, где кони и оружие многоценное? Всего лишен и связанный предан в руки беззаконников» Из такого множества русских ратников мало кто спасся: нельзя было убежать, потому что как стенами сильными огорожены были полками половецкими; ушло только человек пятнадцать русских, а коуев еще меньше, прочие же потонули в море.

В то самое время великий князь Святослав Всеволодич шел в Корачев и собирал ратников с верхних земель, хотя идти на половцев к Дону на все лето. На возвратном пути, будучи у Новгорода Северского, услышал он о братье своей, что пошла на половцев тайком от него: не любо было это ему. Когда уже он пришел в Чернигов, прибежал Беловолод Просович и сказал ему о поражении Игоревом Святослав вздохнул, прослезился и сказал: «Любезные мои братья и дети и мужи земли Русской! Дал бы мне Бог, притомил бы я поганых, но вы не удержали молодости своей и отворили ворота в Русскую землю, воля Господня да будет; как мне досадно было на Игоря, так теперь жаль его». Тотчас же Святослав послал сыновей своих Олега и Владимира в Посемье *: смутились города Посемские, услышавши о судьбе Игоря: была скорбь лютая, какой прежде никогда не бывало во всем Посемье и в Новгороде Северском и во всей волости Черниговской: князья в плену, дружина в плену избита! Смятение было страшное в городах, немилостиво тогда было никому свое ближнее, но многие отрекались тогда от душ своих, жалея о князьях. Потом Святослав послал сказать Давиду в Смоленск: «Мы сбирались с тобою идти на половцев и провести лето на Дону; но теперь половцы победили Юрия; приезжай, брат, сюда, постереги Русскую землю». Давид пришел ко Днепру и стал у Треполя, а Ярослав стоял в Чернигове, собравши войско

Поганые же половцы, победивши Игоря с братьею, загордились и собрали весь свой народ на Русскую землю; и была между ними распря. Кончак говорил: «Пойдем на Киевскую сторону, где избиты наши братья и великий князь наш Боняк»; а Кза говорил: «Пойдем лучше на Семь, где остались одни жены да дети; полон нам собран готов, поберем города безо всякого страха». Таким образом разделились надвое: Кончак пошел к Переяславлю, оступил город, и бились тут целый день.

* Города, построенные по реке Семи

Князем в Переяславле сидел тогда Владимир Глебович: был он смел и крепок к рати, выехал из града, бросился на врагов и бился с ними крепко. Половцы оступили его со всех сторон; тогда граждане, видя, что князь их крепко бьется, выринули из города и отняли Владимира, уязвленного тремя копыями. Он послал сказать и Святославу, и Рюрику, и Давиду: «Половцы у меня, помогите». Святослав слал к Давиду, а Давид стоял у Треполя с смольнянами. Смольняне начали делать веча и говорили: «Мы пошли до Киева; если бы встретили врага, то бились бы; но теперь не искать же нам другой войны, мы истомились». Святослав с Рюриком поплыли по Днепру против половцев, а Давид возвратился домой с смольнянами. Услыхав об этом, половцы отступили от Переяславля и осадили Римов, взяли его, набрали множество полону и пошли к себе домой.

Между тем Игорь Святославич уже год жил пленником в земле Половецкой. Половцы как будто стыдились его знаменитости и ничем его не оскорбляли; приставили к нему 20 сторожей, но давали ему волю, где хотел, тут ездил с ястребом на охоту, и собственных слуг его ездило с ним человек пять или шесть; сторожа слушались его и почитали, и куда бывало пошлет кого, исполняли приказание беспрекословно. Игорь привел к себе и священника из Руси со святою службою: он не ведал Божия промысла, думал, что долго еще пробудет в плену. Между половцами нашелся человек, именем Лавор, который стал говорить Игорю: «Пойду с тобой в Русь». Игорь сперва не поверил ему, но держал мысль высокую по своей молодости: ему хотелось схватить Лавора и бежать в Русь; он говорил: «Я для славы не бежал тогда от своей дружины, и теперь не пойду бесславным путем». С Игорем жил в плену сын тысяцкого да конюший его; те также понуждали его бежать, говоря: «Ступай, князь, в Русскую землю, если Богу будет угодно избавить тебя»; но он никак не мог улучшить удобного времени для бегства.

Между тем пришла весть, что половцы возвращаются от Переяславля; тогда Игоревы думцы сказали ему: «Ты, князь, носишь в себе мысль высокую и негодную Господу: ищешь схватить Лавора и бежать с ним; а об том не подумаешь, что скоро приедут половцы с войны и хотят, как слышно, перебить всех вас князей и всю Русь; тогда не будет тебе ни славы, ни жизни». На этот раз князь Игорь принял совет их и начал искать случая, как бы бежать: нельзя было ему убежать ни днем, ни ночью, потому что сторожа стерегли его; выискал он только время в заход солнечный. Он посоветовался с Лавором и послал сказать ему через конюшего: «Переезжай на ту сторону Тора с конем поводным». К вечеру половцы напились кумыса; пришел конюший и сказал Игорю, что Лавор ждет его. Игорь встал с ужасом и трепетом, надел на себя крест, икону, поднял стену и вылез вон; пришедши к реке, он перешел ее вброд, сел на коня и проехал сквозь вежи. Потом шел пешком одиннадцать дней до города Донца, оттуда же отправился в свой Новгород.

ГЛАВА XVI

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ГАЛИЧЕ
ПО СМЕРТИ ЯРОСЛАВА ОСЬМОСМЫСЛА,
И О ВОЙНЕ МЕЖДУ МОНОМАХОВИЧАМИ
И ОЛЬГОВИЧАМИ

В 1187 году преставился галицкий князь Ярослав, сын Владимиров. Был он князь мудрый, речистый, богобоязливый, честен в землях и славен полками: где была ему обида, сам не ходил с полками своими, но посылал воевод; он устроил землю свою и милостыню большую раздавал, кормил нищих, любил странных и монахов и ходил во всем законе Божиим. Почувствовав приближение кончины, созвал он мужей своих и всю Галицкую землю, священников и монахов, нищих, сильных и худых, и со слезами говорил, обращаясь ко всем: «Отцы, братья и дети! Вот уже я отхожу от сего суетного света и иду к Творцу своему; грешен я больше всех, отцы и братья! Простите и отдайте». Так плакался он три дня перед духовенством и перед всеми людьми, и приказал раздавать имение свое по монастырям и нищим; три дня раздавали казну княжескую по всему Галичу и не могли раздать. Потом Ярослав сказал мужам своим: «Вот я одною своею худою головою ходя, удержал всю Галицкую землю; а теперь приказываю своему сыну Олегу, а Владимиру даю Перемышль». Урядив таким образом сыновей, он привел Владимира ко кресту вместе с боярами галицкими, что не искать ему под братом Галича. Олег был сын наложницы княжеской и был Ярославу мил, а Владимир не ходил в воле его, потому отец и не дал ему Галича.

Но по смерти Ярославовой встал сильный мятеж в Галицкой земле: галицкие бояре в согласии с Владимиром преступили крестное целование и выгнали Олега из Галича, а Владимир сел на его место. Но во время своего княжения он только пил, думы не любил с мужами своими; отнял у попа жену, повенчался с нею. Тогда Роман Мстиславич Волынский*, узнав, что бояре галицкие дурно живут с князем своим за его насилия, начал подучивать их, чтоб они выгнали Владимира, а его, Романа, приняли на княжение. Галицкие бояре послушались его, собрали полки свои и утвердились крестом стоять всем вместе заодно. Однако они не смели ни схватить, ни убить Владимира, потому что не все были в той думе, и заговорщики боялись приятелей княжеских. В таких обстоятельствах они придумали послать к князю с следующими словами: «Князь! Мы не на тебя восстали, но не хотим кланяться попадье, хотим ее убить, а ты женись на ком тебе угодно». Они знали, что Владимир ни за что не отпустит попадьи, и потому нарочно пригрозили

* Сын Мстислава Изяславича, которого Боголюбский выгнал из Киева.

ему, чтобы прогнать его самого. Так и случилось: Владимир испугался, забрал золото и серебро, дружину, жену, двоих сыновей и уехал в Венгрию к королю.

Галичане же послали за Романом: тот приехал и сел у них княжить. Но король венгерский, взяв с собою Владимира, пошел к Галичу со всеми своими полками: Роман, слыша, что король уже за Горою, и не могши стать против него, бежал опять во Владимир Волинский. Король въехал в Галич, только не посадил в нем Владимира, но, давши весь наряд галичанам, посадил у них князем сына своего Андрея, Владимира же взял с собою назад в Венгрию, отнял у него все имение и посадил в башню и с женою.

Между тем (1189 г.) Мстислав говорил князьям Святославу и Рюрику: «Вот иноплеменники отняли отчину вашу; хорошо было бы вам потрудиться и возратить ее назад». Князья согласились идти к Галичу—Святослав с сыновьями и Рюрик с братьями. Начали рядиться: Святослав хотел отдать Галич Рюрику, а себе взять всю Русскую землю около Киева, Рюрику же не хотелось лишиться своей отчины; итак, не уладившись, возвратились назад.

В том же году послали галицкие мужи к Ростиславу, сыну Ивана Берладника, зовя его в Галич на княжение. Ростислав обрадовался зову, выпросился у Давида Смоленского, у которого жил, и выехал поспешно из Смоленска. Приехавши к Галицкой Украине, взял там два города и оттуда пошел к Галичу. Но галицкие бояре не были все в одной мысли: чьи сыновья или братья были у короля, те держались крепко королевича. В то же время король прислал много венгерских полков сыну на помощь, боясь князей русских. Королевич и воеводы венгерские, слыша, что Ростислав идет к Галичу по совету галицких мужей, начали приводить их ко кресту: правые целовали крест, ничего не ведая, а виноватые—из страха. Ростислав же подошел к галицким полкам с малою дружиною, не зная коварства их, думая, что, как ему обещали, так и сделают,—увидевши полк его, отступят от королевича. Но даже и те галицкие бояре, которые с ним приехали, видя коварство своей братьи, отложились от него. Тогда дружина сказала ему: «Князь! Ты уже видишь коварство их, поезжай прочь». Он отвечал: «Братья! Вы знаете, на чем они мне крест целовали; если же они теперь ловят головы моей, то Бог им судья и тот крест, который ко мне целовали; а я не хочу скитаться в чужой земле, хочу положить голову в отчине своей». Сказавши это, он бросился к полкам галицким. Галичане и венгры окружили его со всех сторон, сбили с коня и раненого, едва дышащего понесли в Галич. Жители этого города возмущились, желая отнять Ростислава у венгров и принять к себе на княжение. Венгры, увидав это, приложили ядовитое зелье к ранам Ростислава, от чего тот и умер. После этого, зная, что граждане галицкие ищут себе русского князя, венгры начали делать им во всем насилия:

отнимать жен и дочерей, ставить лошадей в церквах и домах. Галичане же начали сильно тужить и горько раскаивались, что прогнали князя своего.

В 1190 году ушел Владимир из Венгрии, из каменной башни, где держал его король с женою и двумя детьми. На башне поставлен был ему шатер: он изрезал его, свил себе веревку и спустился вниз; двое сторожей ему благоприятствовали, они и довели его до немецкой земли, к императору. Император, узнав, что он племянник великому князю Всеволоду Суздальскому, принял его с любовью и великою честью, приставил к нему бояр своих и послал к Казимиру, князю польскому, с тем чтобы тот добыл ему Галич, а Владимир взялся за это давать императору по 2000 серебряных гривен ежегодно. Казимир приставил к нему своего вельможу Николая и послал в Галич. Галичане встретили его с радостию великою, князя своего и дедича, а королевича прогнали. Севши опять на столе дедовском и отцовском, Владимир послал к дяде своему Всеволоду в Суздаль с такою просьбою: «Отец и господин! Удержи Галич подо мною, а я Божий и твой со всем Галичем, и в твоей воле всегда». Всеволод Суздальский послал по всем князьям и к королю польскому — и всех привел к присяге не искать никогда Галича под его племянником: с тех пор никто не восставал на Владимира, и он утвердился в Галиче.

В 1194 году умер князь Святослав Киевский. Рюрик Ростиславич заступил его место и в 1195 году послал к брату своему Давиду в Смоленск с такими речами: «Брат! Вот мы остались старшими в Русской земле, ступай ко мне в Киев; что будет думы о Русской земле и о братье, о Владимировом племени, то все покончим и повидаемся подобру-поздорову». Давид пошел из Смоленска водою и пришел в Вышгород, Рюрик позвал его к себе на обед, одарил богатыми дарами и отпустил. Потом позвал Давида на обед племянник его Ростислав Рюрикович в Белгород, и там также пировали очень весело: Ростислав богато одарил дядю и отпустил. После этого Давид позвал к себе на обед великого князя Рюрика с детьми, одарил всех и отпустил; потом Давид же позвал монастыри все на обед, веселился с ними и роздал им и нищим большую милостыню; потом позвал Давид черных клобуков всех, и черные клобуки пили у него и получили богатые дары; наконец Давид угощал киевлян обедом. Между тем с братом своим Рюриком он покончил все ряды о Русской земле и о братье своей, о Владимировом племени, и отправился назад в свой Смоленск.

В том же году Всеволод, князь суздальский, прислал послов к свату своему Рюрику с такими словами: «Вы назвали меня старшим в своем племени Владимировом; а теперь сел ты в Киеве, и мне части не дал в Русской земле, роздал другим младшим из братьи своей; но если мне нет в ней части, то блюда и стеречи

ее с теми, кому в ней дал часть; посмотрю, как то вы ее удержите, а мне не надобно». Рюрик начал думать с мужами своими, какую бы волость дать Всеволоду: тот просил у него Торческа, Треполя, Корсуна, Богуслава и Канева, но Рюрик уже отдал эти пять городов зятю своему Роману и поклялся не отдавать их под ним никому. Он не хотел никак нарушить клятвы и потому давал Всеволоду другую волость; но тот не брал и требовал именно городов Романовых. Была между ними распря большая и крупные речи, и хотели встать между собой на рать.

Рюрик призвал на совет митрополита Никифора. Митрополит сказал ему: «Князь! Мы приставлены от Бога в Русской земле удерживать вас от кровопролития; если должна проливаться кровь христианская из-за того, что ты дал волость младшему и тем обидел старшего, то я снимаю с тебя крестное целование и беру на себя; а ты послушайся меня: возьми-ка волость у зятя своего и дай ее старшему, а Роману дашь другую вместо нее».

Рюрик послал сказать Роману: «Всеволод просит под тобою волости и жалуется на меня из-за тебя». Роман отвечал ему: «Батюшка! Не ссориться же тебе с сватом из-за меня? А мне все равно: либо дай другую волость вместо той, либо деньгами заплати, чего будет стоить». Всеволод получил пять городов, отдал из них Торчesk зятю своему Ростиславу Рюриковичу, а в остальные города послал посадников. Узнав об этом, Роман начал слать к тестю своему с жалобами, думая, что тот, сговорясь со Всеволодом, нарочно отнял у него волости для сына. Рюрик отвечал ему: «Ведь я прежде всех дал тебе волость; Всеволод прислал ко мне с жалобой, зачем на нем чести не положили, я ведь объявил тебе все его речи, ты отступился от волости добровольно; а нам как было ее ему не дать, нам без Всеволода нельзя быть, положили мы на нем старшинство во всем Владимировом племени; а ты мне сын свой, вот тебе и волость, равная той». Но Роман не хотел никакой другой волости, подыскиваясь под тестем и не хотя с ним любви; он начал думать с мужами своими и пересылаться с черниговским князем Ярославом Всеволодичем, уговариваясь с ним идти на Киев.

Узнав об этом, Рюрик послал сказать Всеволоду: «Ты, брат, старший во Владимировом племени, так думай и гадай о Русской земле и о своей чести и о нашей»; а к Роману послал бояр своих обличить его и бросить ему крестные грамоты. Роман испугался и поехал в Польшу к тамошним князьям Казимировичам за помощью. Те сказали ему: «Мы бы и рады были тебе помочь, да нас самих обижает дядя наш Межка, ищет под нами волости; прежде помоги ты нам, чтобы потом все мы ляхи были не розно, но за одним щитом с тобою и мстили бы за твои обиды». Роман послушался их и поехал на Межку, думая так: «Прилучу его, и если Бог мне пошлет, тогда совою куплю всех ляхов воедино

и с ними отомщу свое бесчестие и исполню желание свое». Межка прислал к нему с просьбою, чтобы он не бился с ним, а помирил бы его с племянниками; но Роман не послушался ни его, ни мужей своих и вступил в битву: ляхи ударились с русью, и потоптали ляхи русь, победил Межка Романа, перебил много в полку его руси и своих ляхов. Раненого Романа дружина принесла во Владимир Волынский. Отсюда послал он к тестю Рюрику, раскаяваясь в своей вине; послал и к митрополиту Никифору с просьбою умолить Рюрика о прощении. Рюрик послушался митрополита и простил зятя, сказав мужам своим: «Если он умоляет меня и кается в своей вине, то я приму его, приведу ко кресту и наделю волостью; устоит он в своем слове, станет меня держать отцом и добра мне хотеть, то я по-прежнему буду держать его сыном».

В тот же год Рюрик, сославшись со сватом своим Всеволодом и с братом Давидом, послали мужей своих к Ярославу и ко всем Ольговичам сказать им: «Целуйте нам крест не искать нашей отчины, Киева и Смоленска, под нами и под нашими детьми и под всем нашим Владимировым племенем: как нас разделил дед наш Ярослав по Днепр, а Киев вам не надобен». Ольговичи отвечали Всеволоду: «Что ты говоришь о Киеве, что блюсти его под тобою и под твоим сватом Рюриком, то в том стоим; но если велишь отказать от него навсегда, то мы не венгры и не ляхи, но одного деда внуки; при вашей жизни не ищем его, но после вас кому Бог даст». И были между ними большие распри и крупные речи, и не уладились. Всеволод, желая оправить все племя Владимирово, хотел в ту же зиму выступить против Ольговичей; те испугались и послали к нему мужей своих кланяться и обещаться быть в его воле: он поверил им и сошел с коня. Но в ту же зиму Ярослав Всеволодич Черниговский с братьею своею преступили крестное целование, начали войну против Мстиславичей и взяли в плен Мстислава Романовича, племянника Рюрикова.

В 1196 году Рюрик, подумавши с мужами своими, послал сказать свату своему Всеволоду, князю суздальскому: «Как ты уговорился со мною и с братом Давидом сесть на коня о Рождестве Христове и сойтись всем в Чернигове, то я и соединился с братьею и с дружиною своею и с дикими половцами, и сидел совсем готов, ожидая от тебя вести; ты же ту зиму не сел на коня, поверив Ольговичам, что они будут на всей нашей воле; я, услышав об этом, что ты не сел на коня, распустил братью и диких половцев, а с Ярославом Черниговским целовал крест на том, что не воевать до тех пор, пока или уладимся все, или не уладимся все; но теперь, брат, мой и твой сын Мстислав сидит пленником у Ольговичей; так не мешкая сел бы ты на коня и, соединившись где-нибудь, помстили бы мы за свою обиду и за свой стыд, племянника своего выручили бы и правду свою отыскали».

От Всеволода не было вести все лето. Осенью пришла весть, что Всеволод, соединившись с Давидом Смоленским, пожег черниговские волости. Тогда Ярослав Всеволодич, собрав братью свою и подумав с ними, выехал против Всеволода и Давида с дикими половцами и стал под своими лесами, поставив засеки от Всеволода и Давида, а по рекам велел мосты подсесть, а между тем отправил ко Всеволоду и Давиду посла с такими речами: «Брат и сват! Отчину нашу и хлеб наш ты взял; если хочешь с нами рядом правого и любви, то мы любви не бегаем и на всей воле твоей станем; если же ты замыслил иное, то и от того не бегаем, как нас Бог рассудит с вами и святой Спас».

Всеволод начал думать с Давидом и с рязанскими князьями и с мужами своими, желая помириться с Ольговичами. Давиду же не хотелось мира, он подучал его все пойти к Чернигову, говоря: «Ты уговорился с братом Рюриком и со мной сойтись всем у Чернигова, чтобы там и помириться всем вместе на всей своей воле; но теперь ты ни мужа своего не послал к брату Рюрику, ни о походе нашем не объявил ему; он же теперь воюет с ними и волость свою пожег для тебя, а ты без его думы хочешь мириться; так скажу тебе, что брат мой Рюрик не улюбит этого мира». Всеволоду не понравились слова Давидовы: он начал пересылаться с Ольговичами и урядился с ними — Киева под Рюриком не искать, а под Давидом Смоленска. Рюрик, услышав о мире, начал жаловаться на Всеволода и послал сказать ему: «Сват! Ты мне крест целовал на том: кто мне враг, тот и тебе враг, и в Русской земле ты части просил у меня, я же тебе дал волость самую лучшую не от обилья, но отнявши у братьи своей и у зятя своего Романа для тебя; он же теперь стал врагом моим не за кого другого, как все за тебя же; ты мне обещал потом сесть на коня и помочь мне, но все лето и зиму перевел, а теперь и сел на коня, но как помог? Свой ряд взял! А мне с Ольговичами которая обида была? Они подо мною Киева не искали; но за тебя же я с ними в ссоре, и воевал с ними, и волость свою пожег; о чем ты со мною ни уговаривался, на чем ты мне креста ни целовал — ничего того не исправил!» В сердцах Рюрик отнял у Всеволода города, которые было дал ему в Русской земле, и роздал опять своей братье.

В 1199 году умер Владимир Ярославич Галицкий. Роман Мстиславич Волынский пошел в Польшу и привел оттуда короля Лешка к Галичу, желая с его помощью сесть там на столе. Галичане не хотели волынского князя — и бились крепко; однако были побеждены и принуждены принять Романа. В 1202 году встал Рюрик на Романа, привел к себе Ольговичей в Киев и хотел идти к Галичу; но Роман упредил его, собрал полки галицкие и волынские и въехал в Русскую землю; князья, черные клобуки и города русские отложились от Рюрика и перешли на сторону Романа, который поспешно с своими полками поехал к Киеву.

Киевляне отворили ему Подольские ворота, он въехал в Подолье, послал на гору приводить ко кресту Рюрика и Ольговичей: Рюрика отпустил в Овруч, Ольговичей за Днепр в Чернигов, а в Киеве посадил Игваря Ярославича*.

В следующем году взят был Киев Рюриком, Ольговичами и всею Половецкою землею: приключилось зло в Русской земле, какого не бывало от крещения ее. Были напасти, брали и прежде враги Киев, но все не было того, что теперь: не только Подолье взяли и пожгли, но и Гору взяли, и церкви св. Софии и Десятинную разграбили, и все монастыри, иконы ободрали, другие побрали, также кресты и сосуды, и одежды старых князей, повешенные в церквах на память,— все это побрали; стариков и старух посекали, молодых иноплеменики повели к себе в вежи.

К концу года пришел Роман к Овручу на Рюрика, чтобы отвести его от Ольговичей и от половцев. Рюрик принужден был целовать крест к великому князю Всеволоду и сыновьям его, причем Роман сказал ему: «Ты уже крест целовал, так пошли мужа своего к свату, а я пошлю своего к отцу и господину Всеволоду, упрасивай ты его, и я буду упрасивать, чтоб он опять дал тебе Киев». Всеволод согласился, и Рюрик опять стал княжить в Киеве. Потом пошли русские князья на половцев — Рюрик Киевский, Роман Галицкий и другие. Была тогда зима лютая, и половцам пришлось тяжело; русские князья взяли полону много, и была большая радость всем христианам Русской земли. Один только дьявол был печален: в Треполи князья начали рядиться о волостях, поссорились, Роман схватил Рюрика, отослал в Киев и постриг в монахи вместе с женою и дочерью. Великий князь Всеволод сильно опечалился, услышав, что делается в Русской земле. Он послал мужей своих к Роману в Галич: тот послушался его и выпустил из плена зятя его Ростислава, сына Рюрикова, который и стал киевским князем.

ГЛАВА XVII

О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ЮЖНОЙ РУСИ ПО СМЕРТИ РОМАНА ВЕЛИКОГО И В СЕВЕРНОЙ ПО СМЕРТИ ВСЕВОЛОДА ВЕЛИКОГО

В 1205 году Роман Галицкий пошел на ляхов и взял у них два города; но, когда стоял он над Вислою и отъехал с малою дружиною от своего полка, ляхи напали на него и убили. Галичане целовали крест сыну его Даниилу. Но скоро наступила здесь большая смута и войны беспрестанные. Рюрик свергнул с себя монашество и вместе с Ольговичами и половцами приходил добывать Галича. Вдова

* Сын Ярослава Изяславича Луцкого, о котором см. выше.

Романа с двумя малолетними сыновьями — Даниилом и Васильком — принуждена была бежать в Венгрию. Галич достался двум Ольговичам, сыновьям Игоря Северского, Владимиру и Роману: Владимир сел в Галиче, Роман в Звенигороде. Оба Игоревича согласились перебить бояр галицких и перебили их человек с 500, а другие разбились. Трое из них — Владислав, Судислав и Филипп ушли в Венгрию и просили тамошнего короля: «Дай нам отчича галицкого Даниила, пойдем с ним и возьмем Галич от Игоревичей». Король с великою любовью послал войско в силе тяжкой. Когда оно пришло под Перемышль, то Владислав подъехал к городу и сказал жителям: «Братья! Что вы смущаетесь? Не Игоревичи ли перебили отцов ваших и братьев, именье ваше разграбили, дочерей ваших отдали за рабов ваших, — пришельцы владеют вашими отчинами? И за таких-то князей хотите душу свою положить?» Перемышльцы тронулись его словами и сдали город.

Князь Владимир убежал из Галича, другие братья его — Роман, Святослав и Ростислав попались в плен. Тогда бояре вольнские и галицкие и воеводы венгерские посадили князя Даниила на столе отца его Романа. Пленных же князей венгры хотели вести к королю своему, но галичане умоляли, чтобы дали им их повесить из мести; венгры за большие дары исполнили их просьбу, и князя были повешены.

Даниил стал княжить, но он был еще очень молод; мать его хотела управлять за него, но бояре выгнали ее, из них главным был Владислав. Король венгерский привел опять в Галич вдову Романа; боярин Владислав был отведен пленником в Венгрию; но братья его бежали в Пересопницу и вооружили тамошнего князя Мстислава против Романова семейства; оно должно было опять бежать в Венгрию. Король снова вооружился; но мятеж помешал ему идти к Галичу; туда явился выпущенный им на свободу боярин Владислав и стал княжить. Тогда Лешко, король польский, послал сказать Андрею, королю венгерскому: «Нехорошо боярину княжить в Галиче; но возьми лучше дочь мою за сына своего Коломана и посади его в Галиче». Андрею полюбился этот совет: он исполнил его и посадил сына Коломана в Галиче, а Лешку польскому отдал Перемышль; но скоро опять отнял. Тогда Лешко, раздосадованный таким позором, послал сказать Мстиславу Мстиславичу, князю новгородскому*: «Ты мне брат, поди и сядь в Галиче». Мстислав пошел на Галич и сел там, выдав дочь свою Анну за Даниила Романовича.

В 1212 году умер великий князь Всеволод, княжив в Суздальской земле тридцать семь лет. Перед смертью он вызывал из Ростова старшего сына своего Константина, желая передать ему стольный город Владимир вместе с великим княжением. Но Константин не пошел во Владимир к отцу, а послал сказать ему:

* Сыну Мстислава Ростиславича Храброго

«Любезный батюшка! Дай мне старый начальный город Ростов и к нему Владимир». Великий князь послал к нему во второй раз звать к себе; тот не пошел. Всеволод послал к нему в третий раз; Константин не пошел и в третий, а все толковал: «Дай мне и Владимир к Ростову». Всеволод рассердился и созвал собор и объявил великим князем по себе второго сына своего Юрия, дал ему Владимир со всеми людьми, укрепил к нему всех крестным целованием и поручил ему младших братьев. Константин сильно рассердился за это на Юрия. В год смерти Всеволодовой Юрии вместе с братом Ярославом приходили на Константина к Ростову, но помирились и разошлись по домам; на следующий год приходили в другой раз к Ростову, и в другой раз помирились с Константином и урядились с ним о волостях.

В 1214 году Всеволод Чермный, князь черниговский, сын Свято-славов, правнук Олегов, выгнал внуков Ростиславовых из Руси, говоря: «Братьев моих двоих князей повесили вы в Галиче, как злодеев, и положили позор на всех нас; так нет же вам части в Русской земле». Тогда Ростиславовы внуки послали сказать Мстиславу Мстиславичу в Новгород: «Не дает нам Всеволод Святославич части в Русской земле; поди, поищем своей отчины». Мстислав созвал вече на Ярославовом дворе и начал звать новгородцев в Киев на Всеволода Чермного. Новгородцы отвечали ему: «Куда, князь, посмотришь, туда мы бросимся головами своими».

Вот и пошел князь Мстислав с новгородцами в Киев. Но как дошли они до Смоленска, случись ссора у новгородцев с смольнянами. Новгородцы убили одного смольнянина и не захотели идти дальше за своим князем. Мстислав стал звать их на вече, они и на вече не пошли. Тогда князь простился с ними со всеми, поклонился и пошел. Новгородцы собрали особое вече, посадник Твердислав начал говорить: «Братья! Как трудились наши деды и отцы за Русскую землю, так и мы пойдем по своему князе». Новгородцы послушались Твердислава, тронулись из Смоленска, догнали Мстислава и начали воевать по Днепру города черниговские. Всеволод выбежал из Киева за Днепр, Мстислав вошел туда с братьями и новгородцами; киевляне поклонились им и посадили в Киеве Мстислава Романовича, внука Ростиславова. После этого Мстислав пошел из Киева к Чернигову, стоял под ним 12 дней, взял мир и дары, и возвратились все в Новгород подобру и поздорову.

В 1215 году собрался опять Мстислав на юг; он созвал вече на Ярославовом дворе и сказал новгородцам: «Есть у меня дела в Руси, а вы вольны в князьях». Новгородцы долго думали, наконец послали за Ярославом Всеволодичем, внуком Юрия Долгорукого. Ярослав приехал к ним; но в том же году ушел в Торжок и сел там. Осенью случилась большая беда: мороз побил весь хлеб по волости, а на Торжке все было цело. Тогда князь Ярослав не пустил в Новгород из Торжка ни

воза; новгородцы отправили за ним послов; он их задержал, а между тем в Новгороде зло все росло более и более: каджи покупали по десяти гривен, а овса по три гривны, а репы воз по две гривны; люди ели сосновую кору, лист липовый, мох. Ох горе тогда было, братья! Отцы отдавали детей в рабы; поставили скудельницу и наметили полно. О горе, горе было тогда! По торгу трупы, по улицам трупы, по полю трупы; не могли псы переесть людей; а вожане померли, остаток разбрелся; итак, по грехам нашим, разошлась наша волость и наш город. Новгородцы, оставшиеся в живых, послали посадника Юрия Ивановича с иными мужами по князя; он и тех задержал в Торжке, а в Новгород прислал Ивора и Чапоноса, вывел княгиню свою к себе, дочь Мстиславову. Наконец новгородцы послали к нему с последней речью: «Ступай в свою отчину, к святой Софии, а не хочешь идти, так скажи». Ярослав и тех послов не отпустил назад, да еще купцов всех новгородских захватил, и была в Новгороде печаль и вопль.

Тогда Мстислав, узнав обо всех этих бедах, приехал в Новгород, схватил Хота Григорьича, наместника Ярославова, поковал всех его дворян, въехал на Ярославов двор, целовал честной крест и сказал новгородцам: «Либо отыщу людей новгородских и волости их, либо головою повалю за Новгород». Ярослав, узнав о приезде Мстислава, велел засечь все пути от Новгорода и реку Тверцу, а в Новгород послал сто мужей новгородских выпроваживать Мстислава из города; но они не взялись за это, а согласились единодушно жить и умереть со Мстиславом. Мстислав послал к Ярославу в Торжок попа Юрия с такими словами: «Сын! Кланяюсь тебе: мужей моих и купцов пусти, сам с Торжка выди, и со мною помирись». Князю Ярославу не полюбились эти слова; он отпустил попа без мира, а новгородцев всех послал в оковах по своим городам, товары и лошадей их роздал, а было у него новгородцев больше 2000. В самом Новгороде оставалось людей мало: лучшие мужи были задержаны Ярославом, меньшие разошлись, а иные померли голодом. Несмотря на то, Мстислав созвал вече и сказал: «Пойдем поищем мужей своих, вашей братьи и волости своей; да не будет Торжок Новгородом, ни Новгород Торжком, но где святая София, тут и Новгород; и в силе Бог, да и в мале Бог и правда».

В 1216 году, первого марта пошел князь Мстислав на зятя своего Ярослава с новгородцами во вторник, а в четверг побежали к Ярославу клятвопреступники: Владислав Завидович, Гаврила Игоревич, Юрий Алексеич, Гаврила Милятинич с женами и детьми. Соединившись на Волге с Владимиром Рюриковичем и смольнянами, Мстислав послал в Торжок к Ярославу за миром. Ярослав отвечал: «Мира не хочу, если пошли, так ступайте, на одного из вас придется по сту наших». Князья сказали тогда

между собою: «Ты, Ярослав, с плотью, а мы с крестом честным». Тогда новгородцы сказали князьям: «Пойдем мы к Торжку». Князья отвечали: «Если пойдем к Торжку, то попустошим волость Новгородскую». И пошли к Твери, начали брать села и жечь, а об Ярославе не было вести, в Торжке ли он или в Твери. Когда он узнал, что неприятель берет села, то выехал из Торжка в Тверь, забрав с собою старших бояр и новгородцев, а молодых по выбору.

Мстислав отправил посла к князю Константину Всеволодичу в Ростов, а сам с новгородцами пошел воевать по Волге, и пожгли все Поволжье. Тут встретил их воевода Еремей от князя Константина из Ростова и сказал: «Князь Константин кланяется вам; и велел сказать: обрадовался я приходу вашему, вот вам от меня в помощь 500 человек; да пришлите ко мне шурина моего Всеволода с полным наказом». Всеволода отрядили со многими ратными людьми и послали к князю Константину, а сами пошли по Волге вниз; здесь бросили везы, сели на коней и пошли к Переяславлю. Апреля 9-го, в Светлое Воскресенье встретились они с Константином Ростовским; и была большая радость. князь целовали крест стоять заодно.

На Фоминой неделе попался им в плен человек, который объявил, что князя Ярослава нет в Переяславле, пошел к князю Юрию с полками, а князь Юрий Всеволодич с братьями Святославом и Владимиром вышел из Владимира. У них были сильные полки, вся сила Суздальской земли, потому что всех погнали. Страшное и дивное чудо было! Пошли сыновья на отца, отцы на детей, брат на брата, рабы на господина, господин на рабов. Князь Ярослав и Юрий с братьями стали на реке Кзе, князь Мстислав и Владимир с новгородцами поставили свои полки близ Юрьева; а князь Константин далеко стал с своими полками, на реке Липице. Мстислав, Константин и Владимир послали сотского Лариона сказать князю Юрию: «Кланяемся тебе, нам нет с тобою обиды, обида нам с Ярославом». Юрий отвечал: «Мы одно с братом Ярославом». Тогда они послали сказать Ярославу: «Отпусти новгородцев и новоторжцев; что захватил волостей новгородских, отдай назад, помирись с нами, целуй к нам крест и крови не проливай». Ярослав отвечал: «Мира не хочу, новгородцев и новоторжцев не отпускаю; вы далеко шли и вышли как рыба насухо».

Ларион пересказал ту речь князьям. Они опять послали к обоим князьям с последнею речью. «Мы пришли, братья Юрий и Ярослав, не на кровопролитие. Дай Бог нам управиться без крови; мы ведь все одного племени, дадим старшинство князю Константину, посадите его во Владимире, а вам вся земля Суздальская». Князь Юрий отвечал: «Скажи братья моей, князьям Мстиславу и Владимиру: сами пришли сюда, так теперь и ступайте куда хотите; а брату, князю Константину, молви: перемоги нас, и тебе вся земля».

Так князья Юрий и Ярослав вознеслись славою: видя у себя силу великую, не приняли мира и начали пировать в шатре с своими боярами. Один боярин сказал: «Заклучите-ка мир, князья Юрий и Ярослав: меньшие братья в вашей воле; по моему лучше бы мир заключить и дать старшинство князю Константину; Ростиславово племя все князья мудрые и храбрые, и мужи их, новгородцы и смольняне, смелые на бою, Мстислава же Мстиславича и сами знаете в том племени, что дана ему от Бога храбрость выше всех; подумайте-ка, господа». Не любя была речь эта князю Юрию и Ярославу. Тут другой боярин сказал: «Князья Юрий и Ярослав! Не было того ни при прадедах, ни при деде, ни при отце вашем, чтобы кто-нибудь вошел ратью в сильную землю Суздальскую и вышел цел; хотя бы и вся Русская земля, и Галицкая, и Киевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская встали на нас, то не успеть им против нашей силы; а эти-то полки,— право закидаем их седлами». Полюбилась эта речь князю Ярославу; он созвал бояр своих и начал им говорить: «Придет обоз вражий в наши руки, то вам будут кони, брони, платье; и возьмет кто человека живого, тот сам будет убит; если и золотом шито будет оплечье* — убивай, не оставим ни одного живого; если кто убежит из полку и попадетсЯ в плен, тех будем вешать или распинать; а о князьях, когда попадутся в наши руки, после подумаем».

Отпустивши бояр, вошли князья в шатер одни и стали делить города. Князь Юрий сказал: «Мне, брат князь Ярослав, земля Владимирская и Ростовская, а тебе Новгород; Смоленск — брату нашему Святославу, Киев отдай черниговским князьям, а Галич нам же». И целовали крест между собою, и написали грамоты: грамоты эти после победы взяли смольняне в стане Ярославовом и отдали своим князьям. Князья Юрий и Ярослав, поделивши все города русские и надеясь на свою великую силу, начали звать к Липицам на бой. Мстислав и Владимир призвали князя Константина и, думавши с ним много, привели его ко кресту, что не будет от него перевета, после чего двинулись в ночь.

На другой день утром пришли они к Липицам, куда их звали на бой; еСТЬ там гора, слывет Авдова: тут поставили князья Юрий и Ярослав свои полки; а князья Мстислав, Владимир, Константин и Всеволод поставили полки свои на другой горе, что слывет Юрьева гора, посреди нее течет ручей, имя ему Тунег. Ставши на Юрьевой горе, князья послали к Юрию троих мужей мира просить: «А не дадите мира, так отступите дальше, на ровное место, а мы на вашу сторону пойдем; или мы отступим на Липицы, а вы пойдете на наше место». Князь Юрий отвечал: «Мира не беру и не отступаю; пошли через землю, то чего вам

* Т. е. боярин.

стоит перейти эту дебрь». Юрий надеялся на твердость места: оно было плетнем оплетено и колья насованы — на случай, если бы ударили на них в ночь.

Услыхав ответ Юрьев, князья послали младшую дружину биться против Ярославовых людей; бились они целый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно. На другой день князья хотели пойти ко Владимиру, не трогая неприятельских полков; но князь Константин сказал: «Братья! Если пойдем мимо их, то возьмут нас в тыл, да притом же мои люди не охотники до бою, того и смотри что разойдутся по городам». Князь Мстислав отвечал ему на это: «Гора нам не поможет, гора нас и не победит; так пойдем к ним, в надежде на крест честной и на правду». Начали ставить полки: Владимир Смоленский поставил полки свои с края, а подле него стал Мстислав и Всеволод с новгородцами и Владимир Псковский с псковитянами, а подле Владимира стал Константин с ростовцами. Ярослав же стал с своими полками муромскими и с городчанами и с бронниками против Владимира и смольнян, а Юрий стал против Мстислава и новгородцев со всею землею Суздальскою, а меньшие братья его стали против князя Константина.

Мстислав и Владимир начали укреплять новгородцев и смольнян: «Братья! Вошли мы в землю сильную: так в надежде на Бога станем крепко, не будем озираться назад, побегши не уйти; позабудем, братья, дома, жен и детей; кому не умирать? Кто хочет, пусть сражается пеш, а кто хочет — на конях». Новгородцы отвечали: «Не хотим помирать на конях: будем биться пеши, как бились отцы наши!» Князь Мстислав был рад тому, и новгородцы, сойдя с коней, скинув сапоги и платье, поскакали босиком; за ними бросились смольняне, также пешком, за смольнянами отрядил князь Владимир Ивора Михайловича с полком, а сами князья и все воеводы поехали за ними на конях.

Когда полк Иворов вступил в дебрь, то под Ивором споткнулся конь; а пешие ратники, не дожидаясь Ивора, ударили на пещев Ярославовых с страшным криком; те побежали, новгородцы и смольняне за ними, начали их бить и подсекли стяг Ярославов; тут настиг их Ивор, с которым досеклись до другого стяга Ярославова, а князья все еще не приезжали. Мстислав, видя удаль своих, сказал братьям: «Не дай Бог выдать добрых людей», и ударил с своим полком сквозь своих же пещев; за ним последовали и другие князья. Трижды проехал Мстислав сквозь полки Юрьевы и Ярославовы, секучи людей, также и князь Владимир, и досеклись наконец до обоза.

Князья Юрий и Ярослав, видя, что их люди жнутя, как колосья на ниве, побежали с меньшею братьею и с муромскими князьями. Тогда князь Мстислав закричал: «Братья новгородцы! Не останавливайтесь при обозе, не покидайте битвы: вернутся — изметут они

нас». Новгородцы-то бились не из корысти, но смольняне напали на обоз и одирали мертвых, а о битве им и дела не было. Велик промысл Божий! На том побоище пало только 5 человек новгородцев да один смольнянин, а то все сохранены были силою честного креста и правдою. Людей же Юрьевых и Ярославовых было избито бесчисленное множество, взято же в плен было только 60 человек. Было у князя Юрья 13 стягов, труб и бубнов 60; говорили и про Ярослава, будто у него было 17 стягов, да труб и бубнов сорок. Убитых всех считали 9233 человека. Крик живых, не до смерти убитых и вытѣ раненых были слышны в Юрьеве городе и около Юрьева; много перетонуло в реке во время бегства, иные раненые, забредши неведомо куда, померли, живые же побежали одни к Владимиру, другие к Переяславлю, иные в Юрьев. Князь Юрий стоял против Константина; увидя, что Ярославов полк побежал, побежал и он во Владимир, куда прискакал оттуда на четвертом коне, а трех загнал; прискакал он в одной сорочке без седла.

Во Владимире оставался народ все нератный: попы, чернецы, жены да дети; увидав, что гонец от князя; они говорили друг другу: «Наши одолевают!» И вот прискакал князь Юрий один; начал он ездить около города, крича: «Твердите город!» В народе началось смятение, вместо веселья послышался плач; к вечеру и в ночь стали прибегать ратники, иной ранен, другой наг. На другой день утром князь Юрий созвал людей и сказал им: «Братья владимирцы! Затворимся в городе, авось отобьемся от них». Люди отвечали: «Князь Юрий! С кем нам затвориться-то? Братья наши избиты, а иные в плену, а остальные прибежали без оружия, с кем нам стать?» Юрий сказал: «Все это я сам знаю; только не выдайте меня брату князю Константину, ни Владимиру, ни Мстиславу, чтобы мне выйти по своей воле из города». Они обещались ему.

Ярослав также прибежал один в Переяславль на пятом коне, а четырех загнал, и затворился в городе. Не довольно ему было первого зла, не насытился крови человеческой, избив в Новгороде столько людей, и в Торжке, и на Волоке; но и тут, прибежав в Переяславль, перехватал новгородцев и смольнян, которые для торговли зашли в землю его, и велел их пометать в погребя, а иных засадил в тесную избу, где 150 из них задохлось; смольнян запер 15 человек; те все живы остались.

Князья же, милостивое племя Ростиславово и до христиан доброе, целый тот день стояли на побоище; а если бы захотели гнаться за неприятелем, то Юрию и Ярославу не уйти бы, и город Владимир захватили бы врасплох. Но Мстислав с братьею пришли тихо ко Владимиру и, объехав его, стали думать, откуда бы взять. В ночь загорелся в городе княжий двор: новгородцы хотели было лезть на стены, да князь Мстислав им

не дал; во вторник, на ночь, загорелся город, и горел до света: смольняне просились тогда взять город, но князь Владимир не пустил их. Наконец Юрий выслал к князьям с челобитьем: «Не приступайте нынче к городу, завтра выйду из него вон».

И в самом деле, на другой день выехал князь Юрий с двумя братьями, поклонился князьям Мстиславу и Владимиру и сказал: «Братья! Вам челом бью, вам дать мне жизнь и хлебом накормить; а брат мой Константин в вашей воле». Тут он подал им богатые дары и получил мир. Мстислав и Владимир порешили так: князю Константину отдали Владимир, а Юрию — Радиллов Городец. Владыка, княгиня и все люди Юрьевы, поспешно убравшись на лодки и в насады, поехали вниз по реке; сам же князь Юрий, вошедши в соборную церковь Богородицы, ударил челом у отцовского гроба и плакал, приговаривая: «Суди Бог брату моему, князю Ярославу, что довел меня до этого»; и пошел из Владимира в Городец.

Князь же Константин поехал во Владимир и был встречен за городом всем священническим чином и всеми людьми; он одарил в тот день князей и бояр богатыми дарами, а владимирцев привел к присяге. Но князь Ярослав, еще дыша злобою и гневом, не покорялся, затворился в Переяславле и хотел там отсидеться; князья решились идти к этому городу. Услыхав об этом, Ярослав испугался и начал высылать людей, умоляя о мире. Во вторник утром приехал он к князю Константину, ударил ему челом и сказал: «Господин! Я в твоей воле, не выдай меня тестю моему князю Мстиславу, ни Владимиру, а сам, брат, накорми меня хлебом». Князь Константин помирил Мстислава с Ярославом. Мстислав, не доходя до города, взял дары и послал привести к себе дочь, княгиню Ярославову, и что осталось живых новгородцев. Ярослав много раз присылал ко Мстиславу, прося княгини своей назад, но Мстислав не пустил к нему дочери. Наконец князья разошлись: Константин во Владимир, Мстислав в Новгород, Владимир в Смоленск, а другой Владимир в Псков, победив сильные полки, взявши свою честь и славу.

ГЛАВА XVIII

О ПЕРВОМ ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ И О ТОМ, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ В ГАЛИЧЕ ПО СМЕРТИ МСТИСЛАВОЙ

В 1218 году умер великий князь Константин во Владимире; великим князем по нем стал опять брат его Юрий.— В 1224 году явился народ незнаемый; пришла неслыханная рать, безбожные

татары, о которых никто хорошо не знает, кто они и откуда пришли, и что у них за язык, и какого они племени, и какая у них вера. Попленивши многие страны, Ясов, Обезов и Косогов, пришли они в землю Половецкую. Половцы не могли противиться им и побежали к Днепру. Хан их Котян был тесть Мстиславу Мстиславичу Галицкому; он пришел с поклоном к князю Мстиславу, зятю своему, и ко всем князьям русским, поднес им богатые дары, коней, верблюдов, буйволов и невольниц, и сказал: «Татары отняли нашу землю нынче, а завтра вашу возьмут, так защитите нас; если же не поможете нам, то мы нынче иссечены будем, а вы будете завтра иссечены». Котян умолял зятя своего о пособье, а Мстислав стал умолять князей русских, братью свою, говоря: «Если мы, братья, им не поможем, то они передадутся татарам, и у тех будет больше силы».

Князья думали, думали и наконец решились помогать Котяну. Совет у них был в городе Киеве, где говорили так: «Лучше нам принять татар на чужой земле, чем на своей», и начали строить войско, каждый свои полки. Тогда княжил Мстислав в Киеве, другой Мстислав, Козельский,— в Чернигове, третий Мстислав, Торопецкий,— в Галиче. То были старшие князья в Русской земле, князя же великого Юрия Суздальского не было в совете том. Потом были молодые князья: князь Даниил Романович, князь Михайло Всеволодич, князь Всеволод Мстиславич и другие многие князья.

Совокупив всю землю Русскую против татар, князья пришли к реке Днепру на Зарубь, к острову Варяжскому. Тут татары прислали к ним послов с такими словами: «Слышим, что вы идете против нас, послушавшись половцев; а мы вашей земли не занимали, ни городов, ни сел ваших, и на вас не приходили; пришли мы, поущением Божиим, на холопов своих и конюхов, на поганых половцев; возьмите с нами мир, а нам с вами рати нет; если побегут к вам половцы, то вы бейте их оттуда, а именье их берите себе, потому что, как слышно, они и вам много зла делают, оттого и мы их бьем отсюда». Князья русские не послушались послов, но перебили их, пошли против татар и, не дошедши Олешья, стали на Днестре. Тут прислали татары вторых послов с такими словами: «Если вы послушали половцев, послов наших избили и идете против нас, то ступайте; а мы вас не трогаем, Бог нас всех рассудит». На этот раз послов их отпустили.

Тут пришла вся земля Половецкая со всеми князьями, а из Киева пришел князь Мстислав со всею силою, из Галича — другой Мстислав, из Чернигова — Владимир Рюрикович. Мстислав Галицкий с 1000 человек перешел Днепр, ударил на сторожей татарских и победил их; остальные побежали с воеводою Гемябеком, и тут им не было помощи; они было зарыли воеводу

Гемябека живого в землю, чтоб соблюсти его; но русские нашли воеводу; половцы выпросили его у них и убили.

Услыхав о победе, все князья русские пошли за Днепр со множеством людей. Галичане пришли по Днепру и стали у реки Хортицы, на броне; с ними были Юрий Домамерич и Держикрай Владиславич. Даниил Романович погнал с конницей вперед оглядеть татар; Юрий Домамерич говорил, что они хорошие стрелки, другие же говорили, что они люди простые, плоше и половцев, но Юрий утверждал, что они добрые ратники. Все люди и князья перешли Днепр и поехали на конях в степи половецкие, где встретили отряд татар: русские стрельцы победили их и гнали далеко в степь, взяли весь их скот и пригнали к своим полкам. Оттуда шли восемь дней до реки Калки, где встретили главную силу татарскую.

Князь Мстислав Мстиславич Галицкий велел Даниилу Романовичу перейти реку Калку с полками, и сам перешел за ними. Увидав татарские полки, он приказал ратникам своим поскорее вооружиться; а другие два Мстислава сидели в стане и ничего не знали: Мстислав не сказал им ничего из зависти, потому что между ними была большая распря. Битва началась: Даниил выехал наперед и получил рану в грудь; но по молодости и пылкости не почувал раны: ему было тогда 18 лет. Князь Мстислав Немой, видя, что Даниил ранен, бросился в битву: это был человек крепкий и родня Роману, от одного племени Мономаховского; он очень любил отца Даниилова и отказал Даниилу по смерти свою волость. Татары уже бежали, Даниил бил их с своим полком, Олег Курский крепко бился, как вдруг половцы побежали и потоптали станы князей русских, а князья не успели ополчиться; тогда все полки русские смялись, настала сеча лютая, и русские полки были побеждены. Даниил, видя, что татары побеждают, обратил коня и бежал от натиска вражьего; жажда мучила его, он испил воды, и тут только почувал рану на теле своем, а в битве не чувствовал ее по причине крепости и мужества, потому что был смел и храбр, от головы до ног не было на нем порока.

И была победа на всех князей русских, какой никогда не бывало от начала Русской земли. Князь Мстислав Киевский, видя беду, не тронулся с места; он стоял на горе над рекою Калкою; место было тут каменистое, он огородился кольем и бился из своего укрепления с татарами три дня. Были тут с ним Бродники старые с воеводою Плоскинею: эти окаянные ценовали крест к князю Мстиславу и двоим другим князьям, что они их не убьют и пустят на окуп. Но вместо того нарушили клятву, связали князей и продали их татарам, укрепления взяли, людей посекли. Татары, взявши князей, раздавили их, подложивши под доски, сверху которых сами сели обедать. Других князей гнали до

Днепра и шестерых убили; убит был и Александр Попович с семидесятью другими богатырями; из остального войска разве десятый возвратился домой. Князь Мстислав Мстиславич прежде всех перебежал Днепр и, пришедши к лодкам, велел их жечь, а другие рубить и отталкивать от берега, боясь татарской погони, а сам едва убежал в Галич; молодые князья прибежали с малою дружиной; князь Владимир Рюрикович прибежал в Киев и сел там на столе. Татары, победив русских князей, дошли до Новгорода Святопольского; жители, не зная их коварства, выходили к ним навстречу с крестами, но были тут же побиваемы; татары, однако, ворочились назад от реки Днепра в землю восточную.

В следующем году Александр, князь Бельзский, все ссорил галицкого князя Мстислава Мстиславича с зятем его Даниилом Романовичем; он беспрестанно толковал Мстиславу: «Зять твой хочет тебя убить». Но скоро все князья узнали клевету Александрову и начали говорить Мстиславу: «Возьми волость его за позор свой»; а он, по братолюбию своему, не взял волости, и все похвалили его за то. Узнавши невинность Даниилову, Мстислав принял его с любовию, почтил его богатыми дарами, подарил ему коня своего борзого, какого в те годы не бывало другого, и дочь свою Анну дарил большими дарами и, свидевшись с братьею в Перемышле, утвердил мир.

В 1226 году Мстислав по совету коварных бояр галицких обручил меньшую свою дочь за венгерского королевича Андрея и дал ему Перемышль. Боярин Судислав все толковал Мстиславу: «Князь! Отдай Галич королевичу: самому тебе его не удержать, бояре не хотят тебя». Мстиславу не хотелось отдать Галич Андрею, ему хотелось отдать его Даниилу; но бояре Глеб Зеремеевич и Судислав противились тому; они говорили: «Если отдашь Галич королевичу, то можешь взять его у него, когда захочешь; если же отдашь Даниилу, то веки не будет твой Галич». Мстислав послушался и отдал Галич венгерскому королевичу, а себе взял Понизье. Он скоро потом раскаялся в этом и послал сказать Даниилу: «Сын! Согрешил я, что не дал тебе Галича, а дал иноплеменнику по совету Судислава льстеца: он обольстил меня; если Богу будет угодно, пойдем на венгров; я посажу на коней половцев, а ты пойдешь с своими полками, и если Бог даст нам опять Галич, то ты возьмешь его, а я Понизье». Но скоро после этого Мстислав умер: при конце жизни ему очень хотелось видеть Даниила; но Глеб Зеремеевич из зависти не пустил к нему зятя; Мстиславу хотелось отдать на руки Даниилу дом свой и детей.

В 1229 году прислали галичане сказать князю Даниилу: «Судислав пошел в Понизье, а королевич один остался в Галиче, ступай к нам скорее». Даниил, собрав поспешно полки, послал воеводу Демьяна на Судислава, а сам пошел с малою дружиной

к Галичу. Судислав не удержался перед Демьяном и побежал в Галич. Даниил подступил к этому городу и взял двор Судиславов, где нашел много вина, овощей, корму, копий, стрел. Видя, что люди его обогатились добычей, Даниил перешел на другую сторону Днестра. Сюда пришел к нему воевода Демьян со многими боярами галицкими. Даниил обрадовался его приходу, но горевал о том, как перейти Днестр, потому что мост на нем был зажжен лихим Семеном, похожим на лисицу по красноте тела; подъехав, однако, к реке, Даниил увидал, что конец моста погас, и была большая радость; на другой день перешли мост и стали по берегу Днестра.

На другое утро Даниил объехал город и осадил его в силе тяжелой; осажденные изнемогли и сдали город. Даниил, взяв город, вспомнил прежнюю любовь короля Андрея, отпустил сына его и проводил до реки Днестра. С королевичем выехал один только Судислав; жители бросали в них камнями, крича: «Ступай вон из города, мятежник земли». Когда королевич Андрей пришел к отцу и брату, то Судислав не переставал говорить им: «Ступайте на Галич и возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрепятся на вас». Король Бела вооружил огромное войско и выступил к Галичу, говоря: «Теперь уже никто не избавит его от руки моей». Но как скоро вошел он в горы, полились дожди, кони тонули, люди взбегали на высокие места; однако Бела не оставил своего намерения и обступил город; жители не сдавались, Бела изнемог и отступил.

Теперь начнем рассказ о бесчисленных ратях, о великих трудах, о частых войнах, о многих крамолах, восстаниях и мятежах. Завели крамолу безбожные бояре галицкие, совещались убить князя своего и передать землю. Когда сидели они в думе и хотели зажечь двор княжеский, молодой князь Василько вышел вон и в шутку обнажил меч на слугу королевича; крамольники, увидав это, испугались, говоря: «Совет наш разрушился», и побежали, как окаянный Святополк. Князя Даниил и Василько ничего не знали об этом, и Василько поехал во Владимир, а Филипп безбожный позвал князя Даниила в Вишню: здесь уговорились убить его. Когда он въехал в Браневичев, приехал к нему посол от тысяцкого Демьяна с известием, что боярин Филипп вместе с племянником Данииловым, Александром, хотят убить его. Услыхав это, князь возвратился назад и послал сказать брату своему Васильку: «Ты ступай на Александра»; а Ивана, седельничего своего, послал на неверных бояр. Василько взял Бельз, волость Александрову, а Иван переловил 28 бояр; Даниил простил их. Однажды на пиру один из этих безбожных бояр залил лицо ему из чаши; Даниил и то стерпел.

В 1231 году Даниил созвал вече: осталось у него только 18 верных отроков с тысяцким Демьяном. Князь сказал им: «Хотите

ли быть мне верны и идти со мною на врагов?» Они воскликнули: «Верны Богу и тебе, господину нашему, ступай с Божиею помощию!» А сотский Микула сказал: «Господин! Не подавивши пчел, меду не есть». Помолившись Богу, Даниил выступил с малым войском; к нему на помощь пришел Мирослав — также с немногими отроками, присоединились и неверные бояре, показывая вид, что верны. Даниил подступил к Перемышлю; Александр не стерпел и побежал в Венгрию, оставив все имение свое. Судислав взялся хлопотать за него и поднял короля венгерского; король подступил к Ярославлю. Здесь затворился боярин Даниилов Давид Вышатич с Васильем Гавриловичем. Венгры бились даже после захождения солнца, но город отбилсЯ. Несмотря на то, Давид испугался, теща его была на стороне Судислава, который называл ее матерью; она стала говорить зятю: «Ты не удержишь этого города». Василий же Гаврилович говорил ему: «Не погуби чести нашего князя; эта рать не может взять города». Василий был муж крепкий и храбрый; но Давид не слушал его и хотел сдать город, и сдал, вышедши сам цел со всем войском.

Король, взявши Ярославль, пошел к Галичу. Климята с Голых гор убежал от князя Даниила к королю, и за ним все бояре галицкие передались венграм. Оттуда король пошел к Владимиру Волянскому; пришедши, удивился красоте города и сказал: «Такого города не находил я и в немецких странах»: ратные люди в полном вооружении стояли на стенах, щиты их блестели как солнце. В городе сидел воеводою Мирослав: прежде был он храбр, но тут Бог ведает, что с ним сделалось, смутился умом, заключил мир с королем без совета с князем Даниилом и братом его Васильком; тут же, по договору, уступил Бельз и Червен Александру. Король посадил сына своего Андрея в Галиче по совету неверных галичан, а Мирослав стал запирается, что в договоре не передавал Червена венграм; укор был ему большой от обоих братьев: «Зачем заключил мир, когда у тебя было столько войска?»

В 1233 году умер королевич венгерский в Галиче. Галичане послали за Даниилом. В 1235 году отнял у Даниила Галич князь Михаил Черниговский и посадил здесь сына своего Ростислава. Получив весть, что Ростислав пошел на Литву со всеми боярами, Даниил вышел из Холма и на третий день был у Галича. Здешние граждане любили его; подъехав под город, он сказал им: «Граждане! Долго ль вам терпеть державу иноплеменных князей?» Те воскликнули в ответ: «Вот наш держатель, Богом данный» — и пустились к нему как дети к отцу, как пчелы к матке, как жаждущие воды к источнику. Епископ Артемий и дворский Григорий не хотели пускать Даниила в Галич, но видя, что не могут удержать города, вышли навстречу с слезными глазами, осклабясь и облизываясь, и поневоле сказали: «Приди, князь Даниил, возьми город». Даниил вошел в город свой, помолился

святой Богородице, принял стол отца своего и объявил победу, поставив на Немецких воротах хоругвь свою. Бояре, пришедши, пали к ногам его, прося милости и говоря: «Согрешили пред тобою, другого князя держали». Даниил отвечал: «Милость вы получили, так вперед опять того же не делайте, чтобы не было вам хуже».

ГЛАВА XIX

О ВТОРОМ ТАТАРСКОМ НАШЕСТВИИ

В 1237 году пришли от восточной страны на Рязанскую землю лесом безбожные татары с царем Батыем и послали послов своих, жену чародейку да два мужа с нею, к князьям рязанским, прося у них десятины со всего — с князей, и с людей, и с коней белых, вороных, бурых, рыжих и пегих. Князья рязанские отвечали им: «Если нас не будет всех, то все ваше будет». И послали рязанские князья к князю Юрию Владимировскому просить помощи; но князь Юрий сам не пошел и не слушал мольбы князей рязанских: он хотел один воевать особо.

Тогда иноплеменики обступили город Рязань и огородили острогом; а князь рязанский затворился в городе с людьми. Татары взяли Рязань и пожгли всю, князя Юрия убили и с княгиней; мужей, жен и детей отсекали мечами, других расстреливали стрелами, иных в огонь бросали, остальных вязали; многие святые церкви огню предали, монастыри и села пожгли, имение немалое собрали, и потом пошли на Коломну. В ту же зиму пошел Всеволод, сын Юрьев, и князь Роман Ингварович с своею ратью из Владимира против татар; тогда же князь Юрий Владимировский послал Еремея Глебовича в сторожах воеводою, который присоединился также ко Всеволоду и Роману. Оступили их татары у Коломны и бились крепко, была сеча великая; убили князя Романа и воеводу Еремея, а Всеволод с малою дружиной прибежал во Владимир.

Татары пошли к Москве, взяли ее, убили воеводу Филиппа Няньку; и князя Владимира, сына Юрьева, руками взяли, людей перебили от старцев до младенцев и, взявши много имения, пошли прочь. Князь Юрий выехал из Владимира, урядив вместо себя сыновей своих Всеволода и Мстислава, а сам с племянниками Васильком, Всеволодом и Владимиром Константиновичами поехал на Волгу и стал станом на реке Сити, поджидая к себе братьев князей Ярослава и Святослава с полками.

Третьего февраля татары как саранча обсели Владимир. Владимирцы затворились в городе с князьями Всеволодом и Мстиславом, а воеводою был у них Петр Ослядюкович. Татары

подъехали к Золотым воротам, ведя с собою княжича Владимира Юрьевича, и начали спрашивать: «Великий князь Юрий в городе ли?» Владимирцы пустили по стреле на татар, те пустили также по стреле на город и на Золотые ворота и потом сказали владимирцам: «Не стреляйте!» Когда владимирцы перестали стрелять, татары подъехали поближе к воротам, показали гражданам Владимира и спросили: «Знаете ли своего княжича?» — потому что он был уныл лицом и изнемог от беды и нужды. Всеволод и Мстислав стояли на Золотых воротах и узнали брата своего Владимира. Князя, бояре и все граждане стали плакать, смотря на него. Всеволод и Мстислав сказали всей дружине и Петру Воеводе: «Братья! Лучше нам умереть пред Золотыми вратами за святую Богородицу и за правую веру, нежели быть в их воле».

Татары, урядив станы свои около города Владимира, сами пошли и взяли Суздаль, разграбили церковь Богородицы, двор княжеский огнем пожгли, а что людей старых и молодых, то всех иссекли; был тогда трепет великий всюду. Множество полона свели татары в станы свои, а сами пришли ко Владимиру и начали леса и пороки * ставить от утра до вечера, а на ночь огородили тыном около всего города. Князя, видя, что городу быть взяту, вошли в церковь св. Богородицы и постриглись в монахи от владыки Митрофана. Седьмого февраля после заутрени татары приступили к городу; они зашли от Золотых ворот у св. Спаса и вошли по примету в город через стену, и взяли до обеда Новый город, и запалили его огнем. Князя Всеволод и Мстислав бежали в Печерный город. Епископ Митрофан, княгиня Юрьева с дочерью, со снохами и со внучатами и прочие княгини, множество бояр и людей затворились в церкви св. Богородицы. Татары отбили двери, наволочили лесов около церкви и в церковь и зажгли: все бывшие здесь люди задохлись от великого зноя, другие погибли в огне, иные от оружия; а св. церковь разграбили и чудную икону Богоматери одрали.

Оттуда пошли на великого князя Юрия; одни шли к Ростову, другие к Ярославлю, иные на Волгу и на Городец, и попленили все по Волге до самого Галича Владимирского; иные пошли к Переяславлю и взяли его; оттуда попленили всю страну и города: Юрьев, Дмитров, Волок, Тверь, до самого Торжка не было места, где бы не повоевали; во всей стране Ростовской и Суздальской взяли четырнадцать городов, кроме слобод и погостов, в один февраль месяц.

Князь Юрий, узнав о взятии Владимира, послал Дорожа с 3000 человек проведать про врагов. Дорож прибежал и сказал: «Князь! Уже татары нас обошли». Услышав это, Юрий сел на коня с братом своим Святославом, племянниками, мужами и пошел

* Стенобитные орудия.

против поганых. Князь начал ставить полки, и вот внезапно приспели татары на Сить; Юрий, отложив всю печаль, пошел к ним, обои полки соступились, была сеча злая, и наши побежали пред иноплемениками. Тут убит был великий князь Юрий Всеволодович на реке Сити, и воины его многие погибли. А Василька Константиновича руками взяли и повели в станы свои с большою нуждою. Дошедши до Шеренского леса, татары остановились и стали нудить Василька быть в их воле и воевать вместе с ними. Но он не повиновался их обычаю, не брал ни пищи их, ни питья и говорил против них так: «О глухое царство и скверное! Не отлучить вам меня от христианской веры; если я теперь и в большой беде, то Бог навел ее на меня за грехи мои; какой ответ дадите Богу, что погубили столько душ без правды? За них Бог будет мучить вас с бесконечные веки». Они скрежетали на него зубами, желая насытиться его крови, и убили его в том лесу. Был князь Василько красив лицом, очами светел, взором грозен, необыкновенно храбр, на охоте отважен, сердцем легок, и кто служил ему, тот не мог забыть его до смерти.

От Шеренского леса пошли татары и оступили Торжок, бились пороками целые две недели, люди в городе изнемогли, из Новгорода не было им помощи, все были сами в недоумении и страхе. И так поганые взяли Торжок, перебили всех мужчин и женщин. Отсюда погналы татары Селигерским путем до Игнатъего креста, посекая людей, как траву, только ста верст не дошли до Новгорода.

Отсюда воротился Батый и пришел к городу Козельску, где был молодой князь именем Василий. Поганые сведали, что у людей в городе ум крепкодушевный, словами льстивыми нельзя взять города. Жители Козельска решили не сдаваться Батыю, говоря: «Хотя князь наш и молод, но положим живот свой за него; и приняв здесь славу этого света, там примем от Христа Бога венцы небесные». Татары разбили стены и взошли на вал, граждане резались с ними ножами; потом положили выйти на полки татарские, и, вышедши из города, побили четыре тысячи врагов, но и сами были все перебиты. Батый взял наконец Козельск и истребил всех до грудных младенцев; а о князе Василии неизвестно; говорят, будто он утонул в крови, потому что был молод. С тех пор татары не смели называть этого города Козельском, но звали его злым городом, потому что они бились около него семь недель и потеряли троих сыновей темниковых; они искали их, но не нашли во множестве трупов.

Батый, взявши Козельск, пошел в землю Половецкую. Отсюда начал он посылать воевод своих на города русские: взят был город Переяславль копьем*, жители избиты. В то же время

* Приступом.

послал и на Чернигов: обступили город в силе тяжкой. Князь Мстислав Глебович, услышав о нападении иноплеменных, пришел на них со всем войском своим, но был побежден; множество воинов его побито, город взят и запален огнем. Воевода татарский Меньчукан пришел осмотреть Киев и удивился красоте и величеству его; он прислал послов к князю Михаилу и к гражданам, желая прельстить их, но они его не послушали.

Михаил вслед за сыном побежал в Венгрию пред татарами. Ростислав Мстиславич Смоленский сел в Киеве; но Даниил Галицкий наехал на него, взял его в плен и город Киев поручил боярину Дмитрию, чтобы тот защищал его от татар. Пришел Батый к Киеву в силе тяжкой, окружила город и остолпила сила татарская, и не было ничего слышно от скрипения телег, от рева верблюдов, от ржания коней; наполнилась земля Русская ратными. Батый поставил пороки подле ворот Лядских, пороки били беспрестанно день и ночь и выбили стены. Граждане взошли на остаток стены, и тут-то было поглядеть лома копейного, стрелы омрачали свет. Воевода Дмитрий был ранен, татары взошли на стены; но граждане построили другой город, около церкви Богородичной. На другой день татары пришли на них, и была брань лютая; люди взбежали на церковь с имуществом своим, от тягости стены церковные повалились вместе с ними, и город был взят. Воеводу Дмитрия вывели раненого и не убили за его мужество.

Услышав, что Даниил Галицкий в Венгрии, Батый пошел сам ко Владимиру, и, пришедши к городу Колодажну, поставил 12 пороков, и не мог разбить стены. Тогда он стал уговаривать граждан к сдаче; те прельстились его обещаниями, сдались и были перебиты. Батый взял и Владимир копьем, и Галич, и много иных городов без числа. Тогда Дмитрий, киевский тысяцкий Даниилов, сказал Батюю: «Не мешкай в этой земле, время уже тебе идти в Венгрию; если же будешь медлить здесь, то Венгрия земля сильная, соберутся там на тебя и не пустят в свою землю». Он говорил ему так для того, что видел, как земля Русская гибла от нечистивого. Батый послушал Дмитриева совета и пошел в Венгрию.

**ОЧЕРК ПРАВОВ,
ОБЫЧАЕВ И РЕЛИГИИ СЛАВЯН,
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО
ВОСТОЧНЫХ,
ВО ВРЕМЕНА ЯЗЫЧЕСКИЕ**

Нравственная природа человека так сложна, что очень трудно уловить черты его характера, дать ему полную и верную оценку. Сколько противоречий, сколько взглядов с разных точек зрения встречаем мы при оценке характера одного какого-нибудь человека! Тем труднее уловить черты характера целого народа. Менее трудно это сделать, когда народ уже сошел с исторической сцены: ясно для нас различие в характере греков и римлян по самому различию их деятельности, их исторического значения. Труднее очертить характер народа живого, еще не окончившего свое историческое поприще, хотя и здесь можно еще уловить некоторые характеристические черты, если народ прожил уже много веков, ознаменовал чем-нибудь свое историческое бытие, высказался в литературных, художественных произведениях. Но всего труднее определить характер народа младенствующего, который не высказался ничем, о котором дошли до нас отрывочные известия чужеземцев или и своих, но уже отдаленных веками и смотревших на нравы и обычаи предков с известной точки зрения, мешающей верной оценке. Эти размышления заставляют нас быть осторожными в определении народного характера славян; не позволяют нам произносить резких, решительных приговоров в том или другом смысле.

Сличив известия современников-чужеземцев, мы находим, что вообще славяне своею нравственностью производили на них выгодное впечатление: простота нравов славянских находилась в резкой противоположности с испорченными нравами тогдашних образованных и полубразованных народов. Так, встречаем отзывы, что злые и лукавые попадаются очень редко между славянами¹. Доброта не исключала, впрочем, свирепости и жестокости в известных случаях; тот же самый писатель Прокопий, который хвалит доброту славян, рассказывает ужасы об обращении их с пленными²; Адам Бременский и Гельмольд также говорят о свирепости славян против проповедников христианства. Здесь не следует удивляться противоречию свидетельств: так часто бывает у людей и целых народов, добрых по природе, но предоставленных влечениям одной только природы. Прокопий называет славян не лукавыми: по видимому противный

отзыв находим у императора Маврикия, который называет их вероломными (*ἄπιστοι*). Но Маврикий тотчас же и объясняет эту черту их характера: между ними, говорит он, господствуют постоянно различные мнения: ни в чем они между собою не согласны; если одни в чем-нибудь согласятся, то другие сейчас же нарушают их решение, ибо все питают друг к другу вражду и ни один не хочет повиноваться другому³.

Все писатели единогласно превозносят гостеприимство славян. Император Маврикий говорит о южных славянах, что они ласковы к иностранцам, с усердием провожают их из одного места в другое, и если случится, что странник претерпит какую-нибудь беду по нерадению своего хозяина, то сосед последнего вооружается против него, почитая священным долгом отомстить за странника⁴. Гельмольд в тех же самых словах описывает гостеприимство славян северных, прибавляя, что у них считалось дозволенным даже украсть для угощения⁵.

Гостеприимство есть черта, принадлежащая не одним славянам: у греков нарушить долг гостеприимства значило оскорбить высшее божество — Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостеприимству дикарей Северной Америки. Чем затруднительнее странствование, чем с большими опасностями сопряжено оно, тем сильнее чувствует в себе народ обязанность гостеприимства; особенно сильно чувствуют в себе эту обязанность те народы, которые сами подвергаются непрерывной опасности изгнания, всегда готовы взять в руки страннический посох и предаться на волю судьбы и добрых, гостеприимных людей; след[овательно,] славяне, народ, более других подвергавшийся враждебным столкновениям и с своими и с чужими, беспрестанно подвергавшийся нападению и изгнанию, долженствовал быть одним из самых гостеприимных народов. Но кроме сострадания, гостеприимство имело еще и другие причины: для народа, живущего в простоте нравов, чужестранец, странник был явлением важным, любопытным; сколько наслаждений мог он доставить рассказом о своих похождениях! С другой стороны, человек, много странствовавший, след[овательно,] много видевший, много знающий, всегда и везде пользовался необыкновенным уважением; от такого человека можно было многому научиться, оскорбить его считалось ненавистным божеству и людям. Сюда должно присоединить и религиозные понятия: каждое жилище, очаг каждого дома был местопребыванием домашнего божества; странник, входивший в дом, отдавался под покровительство этого божества, и оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконец, странник, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносил добрую славу о человеке и целом племени гостеприимном. Мономах говорит в поучении: «Боле же чтите гость, откуда же к вам придет, или прост, или добр, или сол, аще не

можете даром, брашном и питьем; тибо мимоходячи прославять человека по всем землям, любо добрым, любо злым»⁶. Что у некоторых славян именно существовало такое побуждение к гостеприимству, некоторого рода хвастовство щедростию, тароватость, не разбирающая средств, указывают вышеприведенные слова Гельмольда, и нельзя сказать, чтоб эта черта истребилась из народного характера.

Писатели хвалят обхождение славян с пленными. Император Маврикий говорит, что у славян пленники не рабствуют целый век, как у других народов; но что назначен известный срок, по прошествии которого они вольны или возвратиться к своим, давши окуп, или остаться жить между славянами в качестве людей вольных и друзей⁷. Здесь должно заметить, что желание иметь рабов и удерживать их как можно долее в этом состоянии бывает сильно, во-первых, у народов несколько цивилизованных, у которых хозяйственные и общественные отправления сложны, роскошь развита, во-вторых, рабы нужны народам, хотя и диким, но воинственным, которые считают занятие войною и ее подобием, охотою за зверями, единственно приличным для свободного человека, а все остальные хлопоты домашние слагают на женщин и рабов; наконец, ко всякому явлению, так и к явлению рабства посреди себя, народ должен привыкнуть: для этого народ должен быть или образован — и приобретать рабов посредством купли, или воинствен — и приобретать их как добычу, или должен быть завоевателем в стране, которой прежние жители обратились в рабов.

Но славяне, во-первых, жили под самыми простыми формами быта, быта родового, их хозяйственные отправления были не трудны и не сложны, в одежде, в жилищах господствовало отсутствие всякой роскоши; при всем этом и при постоянной готовности покинуть свое местопребывание и спастись от врага рабы могли только затруднять славянское семейство и потому не имели большой ценности. Во-вторых, славяне вообще не были народом воинственным и вовсе не гнушались земледельческими занятиями; наконец, они не сделали привычки к рабам, не будучи завоевательным и цивилизованным народом. У народа, в простоте родового быта живущего, раб не имеет слишком большого различия от членов семьи; он бывает также младшим членом ее, малым, юным; степень его повиновения и обязанностей ко главе семьи одинакова со степенью повиновения и обязанностей младших членов к родоначальнику; отсюда имя раба смешивалось с именем младшего члена семьи; что раб значило *малый, юный*, доказательством служит производное *робенок* или *ребенок*; также производные глаголы: от *роб* или *раб* — *робею, умаляюсь духом*, точно так как *унываю* находится в связи с *юный* или *уный*; отсюда же слово *унеин*⁸; отрок означает мальчика и раба.

Писатели хвалят целомудрие славянских женщин и привязанность их к мужьям⁹, за которыми они следовали даже в могилу. При формах родового быта, когда вся жизнь замыкалась в семье, отделенной от других, молодая женщина находилась под строгим и ревнивым надзором новых родственниц, для которых она была чужанкою. При замкнутости в чужой семье муж был единственным существом, от которого она ждала и любви и покровительства; умри муж — положение жены, лишенной единственной подпоры, единственного звена, соединявшего ее с чужою семьею, становилось горько, нестерпимо: она предпочитала смерть. Разумеется, что здесь могли также участвовать и понятия о будущей жизни, где должны были продолжаться прежние отношения.

Выше было сказано, что славяне жили под формами родового быта; этого обстоятельства не должно упускать из виду при описании древних обычаев славянских. Так как мы преимущественно обращаем внимание на славян восточных, то при описании нравов и обычаев их главным руководителем должен быть начальный наш летописец. Мы заметили, что на иностранных писателей нравы славян производили благоприятное впечатление и они отзываются об них с похвалою; вовсе не так снисходительны к древним славянским нравам и обычаям свои писатели, духовные христианские, которые с омерзением смотрели на все то, что напоминало о древнем язычестве. В таком духе писал и наш начальный летописец. Исключая полян, имевших обычаи кроткие и тихие, стыдливые перед снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имевших брачный обычай, нравы остальных племен у него описаны черными красками: древляне жили по-скотски, убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, а похищение девиц. Радимичи, вятичи и северяне имели одинакой обычай: жили в лесу, как звери, ели все нечистое, срамословили перед отцами и перед снохами, браков у них не было, но игрища между селами, где, сговорившись, молодые люди похищали себе жен; имели по две и по три жены. Если кто умрет, творили над ними тризну, сжигали труп и, собравши кости, складывали в малый сосуд и ставили на столп, на распутии¹⁰.

По внимательном рассмотрении этого описания мы не можем не заметить, что летописец, верный понятиям своего времени, преимущественно обращает внимание на семейные нравы и обычаи племен, в них полагает различие между последними. Так, поляне, по его словам, отличались чистотою семейных нравов, члены семьи были стыдливы друг перед другом. Основа семьи, узел ее — это брак, который тогда, при господстве родового быта, при замкнутости родов, имел самое важное значение: брак вводил в семью новое, чужое совершенно лицо, переменал

отношения, одним словом, был единственным событием, которое сильно волновало род, без того неподвижный при особености и замкнутости своей. Но если брак у славян был событием такой важности, то ясно, как важно было различие во взгляде на это явление у разных племен. Это-то различие в обычае брака летописец и приводит как основное нравственное различие между племенами.

Поляне имели брачный обычай: жених не ходил за невестою, но ее *приводили*¹¹ вечером, а на другое утро приносили по ней то, что дадут. Здесь летописец хочет показать, что у полян брак совершался с согласия родственников невесты; но, предположив согласие последних, нужно заключить о мирных приязненных отношениях между родами, вступающими в свойство; если мы примем чтение Лаврентьевского списка: «а завѣтра приношаху *по ней*, что *вдадуче*», то под *приношаху по ней*, что *вдадуче* мы не можем разуметь ничего иного, кроме приданого: приносили по ней, вслед за нею, т. е. из родительского дома; подразумевать здесь подарок жениха невесте странно: жених дарил, и между тем к нему в дом приносили, неизвестно откуда, вслед за невестою? Что *приношаху по ней*, что *вдадуче* означает приданое, указывает ныне употребительное выражение: *взять за женою*, *взять то, что будет принесено за женою*. Но есть другое чтение, чтение Ипатьевского списка, которое мы считаем древнейшим и которое прямо указывает на куплю: «А завѣтра приношаху *что на ней вдадуче*». На куплю также указывает *вено* с производным *венити*¹².

Во всяком случае странно было бы предположить, что обычай купли, существовавший у всех народов¹³, не существовал первоначально у славян, особенно при условии того разрозненного родового быта, в котором жили славяне, и при таких обычаях, о которых упоминает летописец, говоря о большей части племен: «У древлян брака не бываше, но умыкиваху у воды девиця»; у радимичей, вятичей и северян: «брати не бываху в них, но игрища межю селы. Схожахуся на игрища, на плясанье, и вся бесовская игрища, и ту умыкаху жены собе, с неюже кто съвещашеса; имяху же по две и по три жены». Похищение при разрозненности и враждебности родов необходимо¹⁴. Будучи следствием разрозненности и вражды, похищение девиц, в свою очередь, производит вражду между родами; род, оскорбленный похищением, может одолеть род похитителя и требовать удовлетворения, вознаграждения: это самое ведет уже к продаже девиц; похититель может тотчас после увода, не дожидаясь войны, предложить вознаграждение.

Но кроме этого купля невест происходит естественно еще из других причин: при разрозненности, отчужденности родов должен необходимо развиваться родовой эгоизм, который заставляет

смотреть на женщину с самого дня ее рождения как на чужую, назначенную для чужого рода; родственники содержат девушку, кормят и одевают ее не для себя, для чужих: отсюда естественно, что они будут требовать от рода, в который девушка переходит, вознаграждения за ее содержание; одним словом, происхождение купли невест одинаково с происхождением позднейшей платы за вывод, или выводной куницы. На это ясно указывает обряд теперешней простонародной свадьбы в некоторых областях русских: «подле невесты сидит брат или другой какой-либо свойственник. Дружко спрашивает его: «Зачем сидишь здесь?» — «Я берегу свою сестру». — «Она уже не твоя, а наша», — возражает дружко. — «А ежели она теперь ваша, то заплатите мне за ее прокормление. Я одевал ее, кормил, поил». — «Что же ты издержал?» — спрашивает дружко. — «Много! Восемь бочек бураков, четыре бочки капусты, и проч.». Дружко вынимает из кармана несколько мелких денег, кладет на деревянную тарелку и ставит на ней чарку водки; потом подносит ему, но он не берет, потому что мало. Дружко склоняет его на уступку, но он не соглашается; торг продолжается, пока не сойдутся в цене. По продаже невесты брат ее выходит из-за стола; на его место садится князь (женых)»¹⁵.

Обычай купли мог поддерживаться и по другим причинам: род, купивший девушку, след[овательно,] взявший ее в полную собственность, лишал ее через это всякой самостоятельности, и это давало ему ручательство в беспрекословном ее повиновении и прочности брака; таким образом, купля была выгодна для обеих сторон¹⁶.

Но ясно, что такой родовой эгоизм должен был встретить сопротивление в родительской любви, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтоб и последние не исключались из наследства и, выходя из рода, брали свою часть, которая давала им возможность лучшего существования в чужом роде; отсюда происхождение приданого. Обычай давать приданое должен был произойти и распространиться преимущественно в так называемых городах, местах, где на близком друг от друга расстоянии жило много родов; близость поддерживала тесные, родственные отношения между родами, вошедшими в связь посредством брака своих членов; привязанность отца к дочери поддерживалась частыми свиданиями, отец получал возможность наблюдать за поведением новых родных относительно дочери, за ее интересами; дочь не выходила из рода, но распространяла род, привязывая к своему старому роду еще новый род мужа; произошло явление, которое замечаем мы в отношениях между русскими князьями и которое, без сомнения, имело место и в других родах, а именно: племя дочери, сестры стало сравниваться по отношениям с племенем сына,

брата, даже свойственники вошли в отношения родственников; так *сестричич*, сын сестры, хотя бы принадлежал к враждебному роду, считался своим; так муж старшей сестры считался старшим братом относительно младших шурьев, старший шуриин относительно младших зятьев.

Но если нежность родительская, при пособии упомянутых обстоятельств, стремилась к уничтожению купли дочерей и ко введению в обычай приданого, то эгоизм рода должен был найти себя защитником в братьях невесты, которых интерес страдал от того, что они не только не вознаграждались за содержание сестры во время ее девической жизни, но еще от их родовой собственности отнималась часть для ее приданого. Отсюда обычай приданого должен был встретить себе сильных противников в братьях невесты, которые без ведома родителей могли делать всевозможные препятствия браку сестер, пользуясь особенно своею физическою, молодецкою силою; отсюда необходимость со стороны жениха и его родичей задаривать братьев невесты, чтоб они не мешали делу выкупать у них сестру.

О помехе, которую делали братья при браке сестер, и о выкупе у них последних свидетельствуют очень ясно простонародные наши свадебные обряды. Так, напр [имер.] жених сходит с лошади, а на нее садится брат невестин или дружкой какой-нибудь свойственник и скачет по улице во всю прыть. Бояре (проводящие), сев на своих лошадях, обращаются за ним в погоню. Схватив его, ведут к невесте и пред нею потчуют вином; тот кланяется и не пьет. Тогда дружка выпивает вместо его и, налив другую чарку водки, подносит брату невесты; тот опять отказывается. Дружка спрашивает: «Что тебе надобно?» — «Денег». Дружка вынимает из кармана несколько денег, кладет на тарелку и подносит ему. Он берет деньги, выпивает вино и слезает с лошади; тогда бояре бьют слегка по спине его прутьями; он уходит от них, потом возвращается и, взяв обнаженную саблю, садится подле невесты. Окончание обряда приведено выше. Кража лошади у жениха братом невесты и бегство его показывает ясно, что брат невесты употреблял все средства, чтоб на счет жениха вознаградить себя за вывод сестры из рода без продажи и даже с приданым¹⁷

Легко понять, что вследствие различных обстоятельств у разных племен в одно и то же время могли быть разные обычаи относительно брака: в то время как у одних, преимущественно в городах, совершался брак с согласия родителей невесты, даже могло быть в обычае приданое, у других похищали девиц. На обычай похищения девиц на игрищах указывает рассказ Боплана о древнем украинском обычае похищения девиц на праздниках¹⁸. На это же указывает обычай раскольников: «Между некоторыми расколами брак не считался действительным, доколе жених не

похитил девицу с ее согласия. Такое обыкновение было в употреблении еще недавно в некоторых уездах Витебской губернии между раскольниками. Там молодые парни и девицы на Масленице собирались в питейный дом, на гулянье, называемое кирмаш, плясать, петь и веселиться. Отцы и матери знали, к чему клонилось веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись с девицею, уходил с нею с кирмаша и, посадив на сани, отправлялся в лес, к заветному дубу: объезжал его три раза, и тем оканчивалось его венчанье. В Люценском уезде находится огромное озеро, которое у раскольников считается священным: мужины, похищая девушек, объезжали озеро три раза, и брак был действителен¹⁹. На этот же языческий обряд, сохраненный раскольниками, указывает известие о Разине, который будто бы на Дону велел венчать людей около деревьев²⁰. — Слова летописца: «Брака у них не бываше, но умыкываху у воды девица» — объясняются словами митрополита Кирилла, который говорит: «В пределех новгородских невесты *водят к воде* и ныне не велим тому тако быти или то проклинати повелеваем»²¹. На употребление воды при браках указывают также правила Иоанна митрополита, где говорится об языческом обряде *плескания*, употреблявшемся при свадьбах²².

Похищение жен, насильственное или с согласия похищенной сделанное, не могло условливать уважения к женщине и стыдливости в членах семьи. «срамословье в них пред отьци и пред снохами». Постоянная вражда между родами ввела в обычай бесстыдную брань, оскорбляющую род... При таких понятиях что могло заставить человека ограничиться одною добычею? Что мешало ему иметь две и три жены? «Имаху же по две и по три жены», — говорит летописец²³.

После брачного обычая, в котором резче всего выражаются нравственные понятия народа, для летописца, христианского монаха, был всего важнее обычай погребения, в котором выражаются обыкновенно понятия народа о духовности человека, о загробной жизни. Обычай погребения у радимичей, вятичей, северян и кривичей состоял в том, что над покойником совершали тризну, потом сожигали труп, кости собирали в небольшой сосуд, который ставили на столпе на распутии. В чем состоял обычай погребения у полян во времена язычества, об этом летописец молчит и тем дает знать, что обычай полян был одинаков с обычаем других племен. Что *тризна* была в употреблении и у полян, видно из того, что св. Ольга, жившая в Киеве, среди этого племени, запретила совершать по себе тризну. Под именем тризны нельзя разуметь ничего иного, как игры в честь умершего, борьбы и т. п. В рукописных беседах Иоанна Лествичника слово *тризна* переведено *подвиг*²⁴. У западных славян слово *тризна* в смысле поминовения по усопшем употребляется только у Ваце-

рада (228); собственно это слово означало также бой, поединок, тризнице — место боя, тризник — подвижник; тризнити по-чешски значит бить, а тризновати — не только бить, но и насмехаться, то же, след[овательно,] что наше трунить; в словацком трузнитися, тризнитися знач[ит] веселиться. В словаре Памвы Берынды («Лексикон славеноросский и имен толкование» (Киев, 1627).— *Примеч. ред.*): «*тризнице*: местце, где бывають поединки, або ширмерства, або боюванья, вытечки, або куглярства, и иныи таковыи, ог сего натрижжение, звитязства увелбенье, мзда, дар звитязства». Поминки состояли в веселом, пьяном пиру. Теофилакт²⁵, описывая впадение Приска в землю славян, живших на севере от Дуная, говорит, что он напал на князя Мусокия врасплох, когда тот, празднуя поминки по брате своем, был пьян, а народ его забавлялся песнями. У нашего летописца читаем о тризне по Игоре²⁶: «И посла к деревяном (Ольга), рькуши сице: «Се уже иду к вам, да пристроите меды многи в граде, идеже убиете мужа моего, да поплачюся над гробом его, и створю тризну мужу своему».— Они же то слышавше, съеззоша меды многи зело, възвариша. Ольга же, поимше мало дружины, легько идущи приде к гробу его, плакася по мужи своем; и повеле людем своим съсути могилу велику; яко соспоша, и повеле тризну творити. По сем седоша деревяне пити... Яко упишася деревяне, повеле отроком своим пити на ня»²⁷. У радимичей, вятичей, северян и кривичей, по свидетельству летописца, мертвых сожигали, и пепел, собравши в сосуды, ставили на придорожных столпах; впрочем, как видно, одновременно с этим обычаем существовал и обычай погребения в могилах, преимущественно на местах видных, холмах и горах: Аскольда и Дира погребли на горе; Ольга велела насыпать над Игорем могилу велику, и проч. Не должно думать, однако, чтоб этот обычай был чужд племенам славянским, был занесен варягами из Скандинавии: он существовал и у других племен, не знавших варягов, напр[имер,] у поляков²⁸; в Краледворск[ой] рукописи современно упоминаются два эти обряда: сожжение и закапывание в могилы.

Из свидетельств всех писателей, и своих, и чужих, оказывается, что славянские племена жили под формою родового быта. Каждая многочисленная разветвленная семья или род жил особо, под управлением своего родоначальника, имея свой обычай; об этом прямо свидетельствует летописец, говоря: «Живяху кождо с своим родом и на своих местех, владеюще кождо родом своим». Эти родоначальники носили разные названия — старцев, жупанов, владык, князей; последнее название, как видно, было особенно в употреблении у славян русских. Слово *князь* или *конязь* происходит от корня *кон*, предел, граница, вершина, начало; корень же *кон* происходит от санскритск[ого] *джан* — рождать, и *князь* в санскрит[ском] имеет себе соответственные: джа-

нака, джанитри, откуда латинск. *genitor*²⁹. След[овательно,] князь имеет значение чисто родовое, означает старшего в роде, родоначальника, отца семейства. Отсюда древнее название новобрачных *князь* и *княгиня*, потому что, вступая в брак, они становятся домовладыками, начальниками особого имеющего произойти от них рода. Что старшины родов назывались у нас до прихода варягов князьями, о том есть ясное свидетельство у летописца, напр[имер]: «Се Кий княжаше в роде своем... И по сих братья держати почаша род их княженые в Полях». Или: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю». Значение князя или старшины рода понятно, если этот старшина есть отец, дед, прадед младших членов рода. он пользуется властью отцовскою над детьми. Но если этот патриарх умирает, то для рода является необходимость избирать ему преемника, который бы стал для младших членов *в отца место*, как выражались впоследствии наши князья. Так, известная старинная чешская песня говорит: «Когда умрет глава племени, то все дети сообща пользуются имуществом, выбравши себе из роду своего владыку».—Так теперь у южных славян, удержавших формы древнего родового быта, часто деревня состоит из одной семьи, которая управляется сама собою и сообщается с высшими властями страны посредством своего главы, *старшины*. Этот судья, или отец, не всегда бывает физически самым старшим в роде; он избирается в свою должность собранием всех родичей, которые торжественно сажают его на первое место под иконы, откуда и в нашей древней истории сохранился обряд и выражение — *посадить князя*; избранный старшина управляет всеми работами, хранит общественную казну, взносит подати, раздаст своим детям и братьям пищу и одежду, наказывает их за проступки; в большие праздники он напоминает о древнем значении домовладыки как жреца, потому что, окруженный всеми родичами, торжественно кадит домашний иконостас³⁰. Из истории отношений между русскими князьями мы знаем также, каким исключением подвергался обычай давать княжение всегда старшему в роде, знаем, как изменялись понятия о старшинстве, как терялись права на старшинство вследствие разных случайных обстоятельств, личных отношений и т. п., особенно когда род дробился все более и более, линии расходились и родственная связь ослабевала; отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линиями, от них происходившими. Естественно предположить, что такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторжением некоторых линий от общей родовой связи и выселением их на другие жилища; но так как причину выселений была вражда, то ясно, что выселившиеся линии, образовавшись в особые роды, не могли жить в дружественных отношениях с прежними родичами. Таковы были

необходимые сведения родового быта, под формами которого жили славяне. Прокопий говорит, что они не повинуются одному властителю, но изначально живут при народном правлении³¹; это нисколько не противоречит свидетельству Маврикия, который говорит, что у славян много царьков³², ибо, с одной стороны, князья старшины родов могут являться в виде правителей, с другой — родовые отношения младших членов рода к старшему не могли быть понятны для грека, привыкшего к отношениям государственным, и он поэтому имел повод сказать, что славяне живут в демократии; да и сам Маврикий, который упоминает о царьках, в том же месте говорит, что славяне не знают правительства (ἄναρχα)³³. Но все писатели, хваля славян, между тем единогласно говорят об их несогласии, сильной вражде друг с другом; эти свидетельства могут быть объяснены только родовым бытом. Маврикий говорит, что славяне питают друг к другу ненависть³⁴; он же говорит, что они ни в чем не могут согласиться друг с другом, и что положить одни, на то не решаются другие, и ни один не хочет повиноваться другому. Так как у них много царьков, продолжает Маврикий, и эти царьки между собою несогласны, то полезно привлекать некоторых из них на свою сторону³⁵.

Но при всей враждебности отношений, какая могла существовать между родами, необходимость нередко должна была заставлять их соединяться в общих совещаниях; являлись *веча*, *сходки*. О вечах упоминает Прокопий, говоря, что у славян был обычай совещаться о всяких делах³⁶. По всем вероятностям, сначала совещательный голос на вечах принадлежал одним старцам или князьям, младшие же члены рода присутствовали на вечах только для принятия к сведению решений старческих. У нас при первых князьях мы не видим вечей, но *старцы* вместе с княжескими боярами участвуют при всех важных решениях; потом старцы исчезают, и являются веча общенародные, знак ослабления родового быта в городах, знак того, что старцы потеряли свое прежнее представительное значение. На участие одних старцев в вечах указывает рассказ летописца о белгородском вече, бывшем при св. Владимире по случаю осады Белгорода печенегами. Белгородцы, не получая помощи от князя, создали вече и решились сдаться печенегам. Но один старец не был на вече и когда узнал об его решении, то послал за городскими старейшинами и убедил их переменить определение веча: здесь все дело идет между одними старцами, которые одни имеют власть переменять решение веча, не созывая нового³⁷. Наконец, в приведенной выше старинной чешской песне говорится, что только одни владыки родов ходят на снемы, или веча³⁸. Слово *вече* означало неопределенно всякое совещание, всякий разговор; из этой неопределенности значения видно уже, что вече не могло иметь

каких-либо определенных форм, уставов. Как и следует ожидать, здесь не могло быть решения по большинству голосов; но так как разнящийся во мнении вовсе не считал себя обязанным повиноваться решению других, то большинство должно было постоянно прибегать к физической силе, для того чтоб заставить меньшинство принять свое решение, вследствие чего веча должны были почти всегда оканчиваться кровопролитием или вообще насилем над меньшинством, чему лучшим примером служат веча новгородские. Дитмар Мерзебургский говорит о вечах лутичей, что здесь в решениях все должны быть согласны; если же кто противоречит, того бьют розгами; а если и после того опять будет явно сопротивляться приговору, то теряет все свое имущество от огня и разграбления или должен откупаться деньгами³⁹.

Что касается до отношения к собственности, то родовой быт условливал общую нераздельную собственность, и наоборот, общность, нераздельность собственности служила самую крепкою связью для членов рода, выделение условливало необходимо и расторжение родовой связи. Приведенная не раз старинная чешская песня говорит: «Когда умрет родоначальник, то все дети сообща владеют оставшимся имением, выбравши себе владыку из рода». Общее владение родовой собственностью необходимо заставляло родичей восстановить значение отца, выбрать кого-нибудь из себя в отца место, а выбор кого-нибудь вместо отца, след[овательно,] возобновление прежних отношений, как они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздельное владение.

Несмотря на давнее существование городов среди славянских земель, родовой быт не мог благоприятствовать их размножению, ибо при нем каждый род любил жить особо, чему много способствовало неизмеримое, девственное, малонаселенное пространство земель, обитаемых славянами. Эта особенность и рассеянность заставили даже Прокопия думать, что славяне и самое имя свое получили от рассеянных вдаль друг от друга жилищ — σπόροι от σποράδην⁴⁰. Тот же Прокопий говорит о славянах, что они живут в дрянных избах, находящихся в далеком расстоянии друг от друга, и часто переменяют место жительства⁴¹. Но эта непрочность и частая перемена жилищ не была следствием малой оседлости, еще не искоренившегося влечения к кочевой жизни; она была следствием непрерывной опасности, которая грозила славянам и от своих родовых усобиц, и от нашествий чуждых народов. Вот почему славяне вели тот образ жизни, о котором говорит Маврикий: «У них недоступные жилища в лесах при реках, болотах и озерах; в домах своих они устраивают многие выходы на всякий опасный случай; необходимые вещи скрывают под землею, не имея ничего лишнего наружи, но живя как разбойники»⁴².

Одинакая причина, действовавшая долгое время, производила одинакие следствия. Жизнь в беспрестанном ожидании вражьих нападений продолжалась для восточных славян и тогда, когда они уже находились под державою князей Рюрикава дома: печенеги и половцы сменили авар, козар и других варваров, усобицы родов, восстававших друг на друга, след[овательно,] не могла исчезнуть и привычка переменять места, бегая от неприятеля; вот почему киевляне говорят Ярославичам, что если князь не защитят их от гнева старшего своего брата, то они покинут Киев и уйдут в Грецию. Половцев сменили татары, княжеские междоусобия продолжались на севере, на юге настали польские насилия. И что же видим? На севере, как скоро начнутся княжеские усобицы, сопровождавшиеся насилиями для народа, последний покидает свои жилища, с прекращением же усобиц возвращается назад; на юге беспрестанные побеги усиливают казачество, и после на севере *розбрестися розно* от какого бы то ни было насилия и тяжести было ничем для жителей. Не нужно прибавлять, что природа страны сильно благоприятствовала таким переселениям. Привычка довольствоваться малым и всегда быть готовым покинуть жилище поддерживала в славянине отвращение к чуждому игу, о чем заметил Маврикий⁴³.

Родовой быт, условливавший разъединение, вражду и, след[овательно,] слабость между славянами, условливал необходимо и образ ведения войны, редко наступательной, большею частию оборонительной. Не имея одного общего начальника и враждуя друг с другом, славяне уклонялись от сколько-нибудь правильных сражений, где бы должны были биться соединенными силами на местах ровных и открытых. Они любили сражаться с врагами в местах узких, непроходимых; если нападали, то нападали набегом, внезапно, хитростью; любили сражаться в лесах, куда заманивали неприятеля бегством, и потом, возвратившись, наносили ему поражение. Вот почему император Маврикий советует нападать на славян зимою, когда им неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снег препятствует движениям бегущих, да и съестных припасов у них тогда мало. Особенно отличались славяне искусством плавать и скрываться в реках, где могли оставаться гораздо долее, чем люди другого племени; они держались под водою, лежа на спине и держа во рту выдолбленный тростник, которого верхушка выходила на поверхность реки и таким образом проводила воздух скрытому пловцу. Вооружение славян состояло в двух малых копьях; некоторые имели и щиты, твердые и очень тяжелые; употребляли также деревянные луки и маленькие стрелы, намазанные ядом, очень действительным, если искусный медик не подаст скорой помощи раненому. Кроме этих известий Маврикия у Прокопия читаем еще, что славяне, вступая в битву, не надевают лат; на некоторых нет

даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопий не хвалит их за опрятность, говорит, что подобно массагетам они были покрыты грязью и всякою нечистотою⁴⁴

Как все народы, в простоте быта живущие, славяне были здоровы, крепки, легко сносили холод и жар, недостаток в одежде и пище. О наружности древних славян современники говорят, что они все похожи друг на друга, высоки ростом, статны и крепки; кожа у них не совершенно бела, волосы длинные, темно-русые, лицо красноватое.

Что касается до религии славян, то верховным божеством их был *Сварог*. Филологически это название объясняется из санскритского: *сварга* — *coelum Indri, aether*⁴⁵, в Ипатьевском списке летописи читаем следующее о *Свароге*⁴⁶. «И бысть по потопе и по разделении язык, поча царствовати первое Местром от рода Хамова, по нем Еремия, по нем *Феоста*, иже и *Соварога* нарекоша египтяне; царствующю сему Феосте в Египте, в время царства его, спадоша клеще с небесе, нача ковати оружие». Итак, славянский *Сварог* объясняется здесь отождествлением его с древним *Феостом*, или *Ефестом*, *Вулканом*, египетским *Фта*; *Вулкан* есть бог молнии, ковач небесного, божественного оружия, в его царствование «спадоша клеще с небесе, нача ковати оружие» Что славяне признавали верховным господом вселенной бога — производителя молнии, об этом ясно свидетельствует *Прокопий*⁴⁷ Но у этого верховного бога, бога молнии, было еще другое народное название *Перуна*; итак, имеем право заключить, что *Сварог* и *Перун* суть различные названия одного и того же божества.

Что *Сварог-Перун*, бог молнии, был верховным богом, распорядителем, раздателем всего, на это ясно указывает одна сербская песня, в которой так говорится о могуществе молнии⁴⁸:

Стаде муња даре дијелити,
Даде Богу небесне висине,
Светом Петру Петровске врутине,
А Иванову леда и снијега,
А Николи на води слободу,
А Илији муње и стријеле

На связь *Сварога-Перуна* с оружием указывает обычай клясться пред *Перуном*, полагая оружие⁴⁹; вместе с оружием клали и золото, приговаривая: «Аще ли от тех самех прежереченых не съхраним: да имеем клятву от Бога, в его же веруем, в *Перуна* и в *Волоса*, скотья бога, и да будем колоти (золоти) яко золото, и своим оружьем да исечени будем». Слова «да будем золоти яко золото» объясняют так: иссохнем, сгорим от небесного огня⁵⁰. *Сварог-Перун* в народном воображении представлялся божеством-воителем, которого оружие было особенно направлено против злых духов. вероятно, присутствию последних

приписывали сгущение атмосферы, исчезающее после грозы. Так и теперь простолюдины во время грозы затворяют окна, опрокидывают сосуды, даже чайные чашки и рюмки, уверяя, что злые духи, гонимые молнией, стараются скрыться в какое-нибудь отверстие.

Верховное божество Сварог-Перун порождало двоих сыновей, двух Сварожичей: Солнце и Огонь. В приведенном выше месте Ипатьевского списка летописи читаем далее: «И по сем (т. е. по Свароге) царствовал сын его, именем Солнце, его же наричють Дажьбог... Солнце царь сын Сварогов, еже есть Дажьбог». Братом солнца, сыном Сварога называется также и огонь: «Огневи молятся, зовут его Сварожичем»⁵¹. Одного из Сварожичей обожали и западные славяне⁵². Солнце носило разные названия: мы видели, что оно, во-первых, называлось Дажьбогом, Дажьбогом, Дажбою; но подобно тому как верховное божество грома и молнии кроме славянского названия Перуна носило еще восточное название Сварога, так точно и Солнце кроме славянского имени Дажьбога имело еще восточное *Хорса*, или *Короса*⁵³. Солнце, как видно, считали славяне преимущественно своим божеством; на это указывает Слово о полку Игореве, где русские называются внуками Дажь-Бога. Но если солнце Дажьбог есть дед русского народа, дед славян, то его под этим именем величают и до сих пор в песнях: *Дед* или *Дид*; здесь же, в песнях, у него есть и другое имя — *Ладо* — свет, красота, мир, любовь, радость. Другое название божества солнца, встречающееся в наших песнях, есть *Лель*, *Люль*: Лель значит также дед: по-древански дед *lgòlga*, т. е. *ljolja*; отсюда Бог назывался *nos lgòlga*, т. е. наш дед, наш прадед⁵⁴. Что солнце считалось дедом или отцом народа, на это указывает следующая известная песня:

Солнышко, солнышко,
Выгляни в окошечко!
Твои детки плачут,
Пить, есть просят⁵⁵.

Далее, по одинаким с греками представлениям, божество солнца у славян почиталось также божеством, губительным не только для враждебных ему сил природы, холода, мрака, но и для всего живущего; в этом смысле оно носит название *Карачуна* (Аполлон-губитель), *Крачуна*, *Кречуна*: отсюда в сербских песнях оно называется *старым кровником*: «од бога од старог Крвника»⁵⁶.

Как везде, так и у нас имя Ладо, языческого божества, после принятия христианства перешло в имя беса, получило дурное значение; народ говорит: ступай к Ладу, или к Ляду, вместо ступай к черту; лядащий значит слабый, дрянной; самое слово *дед* как название языческого божества начало означать черта: Памва

Берында отличает дядко от дедко: «сице бо нецыи обыкоша диявола именовати».

Кроме Перуна и Хорса-Дажбога в Киеве во времена Владимира стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первом как о боге ветров можно заключать из Слова о полку Игореве, где ветры называются Стрибоговыми внуками; об остальных же двух мы в настоящее время не можем предложить ничего верного⁵⁷. Гораздо определеннее сказано в летописи о Волосе; так, читаем⁵⁸: «А Ольга водиша и мужий его на роту; по рускому закону кляшася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьим богом». В другом месте⁵⁹: «Да имеем клятву от Бога, в его же веруем, в Перуна и в Волоса, скотья бога». Это божество так странно является среди стихийных божеств славянских, что приходит на мысль, не заимствовано ли оно у какого-нибудь чуждого народа, с которым славяне находились в постоянном соприкосновении.

У финнов есть божество, которое считается господином над животным царством, кроме человека; это божество носит общее имя *Сторьонкора*, что значит *великий господин*⁶⁰. У финнов животное пользовалось особенным уважением, какого не замечаем у славян и других европейских народов, след[овательно,] у финнов скорее могло образоваться понятие об особом божестве для скотов. Заметим также, что св. Авраамий в XII веке разрушил кумир Велесов на финском севере, в Ростове⁶¹; кумир этот был в виде *камня*: это объясняет нам, почему в начальной летописи мы не находим известия об истукане, Волоса в числе истуканов других божеств; св. Власий, сменивший в народных понятиях Волоса, особенно почитается теперь на финском же севере, напр[имер,] на реке Ваге, в Шенкурском и Вельском уезде⁶²; мордовский праздник Вел-Окс напоминает также Велеса⁶³. Наконец, в Слове о полку Игореве мы находим, что певец Баян называется Волосовым внуком, из чего можно заключить, что певцы находились под особенным покровительством этого божества. Для объяснения этого заметим, что по-фински *чина* значит и песнь, и письмо, и мистерия, и символ, что *ветия* в нашем древнем языке значит песнотворец, *ветьство* употреблялось в смысле колдовства⁶⁴, колдовством же отличались особенно финны.

Мы видели, что главные божества восточных славян были стихийные — Сварог-Перун и двое детей его, двое Сварожичей — Солнце (Хорс-Дажбог) и Огонь. «Уже бо не нарекутся богом стихиа, ни солнце, ни огонь», — говорит Кирилл Туровский. Вода, обоготворялась ли она или нет в образе Мокоша, пользовалась также религиозным уважением: «Ов требу створи на студеньци дъжда иску от него, забывь яко Бог с небесе дъжд даеть. Ов несущим богом жъреть и Бога створышаго небо и землю

раздражает. Ов реку богиню нарицает и зверь живущ в ней яко Бога нарицая, требу творить»⁶⁵. Связь между Стрибогом и ветрами очевидна из Слова о п[олку] И [горева].

Теперь обратимся к простонародным праздникам, в которых ясно видно, что они в древности совершались в честь стихийных божеств. Первый праздник отправляется в конце декабря, когда солнце начинает брать силу, дни начинают прибывать; второй праздник в начале весны, когда солнце теплотою своею прогоняет зиму; наконец, третий праздник в конце июня, когда солнце достигает высшей степени своей силы и деятельности.

Первый праздник, совпадающий теперь с праздником Рождества Христова, носит преимущественно название *Коляды*, хотя это же название придается и осгальным двум праздникам солнца. У некоторых восточных славянских племен вечер на Рождество Христова называется *Керачун-вечер*, вечер Карачуна (солнца, гущащего мрак и холод, см. выше); Карачун был известен и на севере. Так, в Новгородской летописи читаем: «Стояше вся осенина дъждева, от Госпожина дни до Корочюна»⁶⁶. Что касается до словопроизводства Коляды, то очень вероятно, что одною из составных частей служит слово *Ладо*: *ко-Ладу* или *коло Лада*. Существенный обряд праздника состоит в хождении славить, прославлять божество и собирать подаяния; как видно, во времена языческие приношения собирались для общей жертвы: это видно из того, что в хорутанском наречии калдовати (колядовати) до сих пор значит приносить жертву, калдовавц-жрец, калдовница-жертвенник⁶⁷.

Из обрядов коледы в вечер 21 декабря осталось до сих пор у южных славян принятие Карачуна: готовят большой пир, пекут огромной величины хлеб, называемый крачуный или крачун. С появлением звезды двое почтительно вносят большой овсяный или ячменный сноп и ставят его в угол избы; прочие встречают его осыпкою зерновым хлебом из миски⁶⁸. У сербов вечер накануне Рождества называется *бадний вечер*: вырубают большое полено, *бадняк*, и кладут в печь, зажигая с двух концов. Когда внесут его в дом, то посыпают пшеницею, и кто внес — говорит: «Добры вечер и честиты бадни вечер». Хозяин отвечает: «И с тобом заедно сrechnung и честито», и снова посыпает бадняк пшеницею, приговаривая: «Я тебя пшеницею, а ты меня мушками главами, стоком и пченицом и сваком добром сrechnung». После такой встречи кладут его в печь и зажигают; начинают пить из круговой чаши, и каждый, взяв чашу, прежде нежели начнет пить, плещет на бадняк, приговаривая: «Будь здрав, бадняче, веселяче, с великом и добром сrechnung о кучу улега». Полено лежит в печи и тлеет до самого нового года⁶⁹. Из обряда ясно видно, что бадняк был изображением божества, которому праздновали. В некоторых местах Коляда известна под названием

Авсеня или *Таусена*: это измененное *Ясень*, другое имя солнца ⁷⁰. Из песен колядных для нас замечательна следующая:

Уродилась Коляда
 Накануне Рождества
 За рекою, за быстрою
 В тех местах огни горят,
 Огни горят великие,
 Вокруг огней скамьи стоят,
 Скамьи стоят дубовые
 На тех скамьях добры молодцы,
 Добры молодцы, красны девицы,
 Поют песни коледушки
 В середине их старик сидит,
 Он точит свой булатный нож
 Котел кипит горючий,
 Возле котла козел стоит
 Хотят козла резати

Для объяснения этой песни приведем рассказ об языческом празднике племен латышских: поселяне из многих деревень собирались на одно место, где раскладывали большой огонь, и приводили козла; верховный жрец клал на него обе руки и призывал богов; после этого присутствовавшие поднимали козла и начинали песнь, по окончании которой опять опускали козла на землю. Потом верховный жрец увещевал народ, прославлял благодеяния богов и требовал у присутствующих, чтоб они достойным образом совершили празднество; наконец убивал козла и мясо отдавал женщинам для приготовления; пир продолжался до утра ⁷¹. В одном акте XVII века говорится, что в навечерии Богоявления в Москве народ кликал *Плугу* ⁷². Что это было за божество — мы не знаем; заметим одно — что обыкновенно после принятия христианства имена божеств, как имена бесов, делались предметом омерзения для народа, словами бранными; мы видели, что такая участь постигла Ладо; то же самое случилось и с Плугою, или Плюгою, ибо отсюда произошли слова: плюгавый, плюгавство.

Второй праздник имел место в начале весны; но так как это время приходится в Великий пост, то по принятии христианства празднование перенесено на конец Рождественского мясоеда и отчасти на Светлое Воскресенье. Итак, Масленица есть языческий весенний праздник. На отношении Масленицы к солнцу указывает следующее обыкновение: на огромных санях возят наряженного мужика, который сидит на *колесе* вверху столба, утвержденного посреди саней ⁷³; колесо же было у языческих народов изображением солнца ⁷⁴; притом на севере во время Масленицы поют также коляду ⁷⁵, что указывает на отношение Масленицы к зимнему празднику солнца. Что Масленица есть собственно весенний праздник, праздник встречи весны и проводов зимы, указывает следующий обычай: в среду на пятой неделе Великого

поста в селениях Алексинского уезда Тульской губернии бывают сходбища по избам для проводов зимы. После работ выходят мужчины и женщины на улицу, берут по горсти снегу и бросают на юг. Молодые неженатые мужчины вывозят сани, сажают в них девиц и женщин, с шумом и криком возят их по улицам, и проч.⁷⁶ Известно, что последний обычай есть масленичный. Встречу весны и проводы зимы празднуют у всех славянских народов почти с одинаковыми обрядами⁷⁷. Употребляется заклинание весны с разными приветами, напр [имер:]

Весна, весна красная!
Приди весна с радостью, и проч

В Малороссии и у западных славян зима, или смерть, олицетворяется в образе женщины под именем Мары, Мараны, Марены, чучелу которой сожигают. При этом у чехов поется:

Giz nesem smert ze wsy
Nove leto do wsy
Witey leto libezne,
Obiliczko zelene

Или: «Smrt plyne po wode, nowé léto k nam gede». Весна встречается обыкновенно на *Красной горке*. Тут начинаются хоро-воды, или короводы, религиозное значение которых и прямое отношение к солнцу не подлежит сомнению; это видно уже и из самого названия (коровод, или хоровод, от *короса*, или *хороса*, божества солнца) и из круговой формы.

Время воскресения всей природы и усиления желаний было самым приличным временем для заключения брачных союзов и для поздравления молодых супругов. Это поздравление известно под именем *вьюнитства*, от слов *вьюн* и *вьюница*, т. е. юн и юница, молодой и молодая⁷⁸.

Третий праздник имеет место 23 июня и известен под именем Ивана *Купалы*, потому что происходит на Иванов день. Этот праздник есть общий не только всем славянским, но и многим чужеплеменным народам⁷⁹. Что касается названия *Купалы*, то мы не решаемся дать предположение которому-нибудь из двух словопроизводств — от купанья или от *купы*, собрания народа, торжества, праздника по преимуществу. Хотя по обрядам праздника можно догадываться, что он относился к трем стихийным божествам — обоим Сварожичам, Солнцу и Огню, и воде, однако можно относить его и к одному солнцу.

Очень естественно могло произойти верование, что солнце, дающее силу растениям, особенно дает ее, когда само достигает высшей силы; это верование должно было повести к обычаю собирать травы в летний праздник солнца и приписывать им чудодейственную силу. С другой стороны, солнце, производя сильное влияние на все существующее, должно было производить

его и на воду; отсюда вера в целительность купанья во время летнего солнцестояния, независимо уже от естественного обычая обмыться ночью, чтоб встретить в чистоте восходящее светило — божество. Наконец, зажигание костров было необходимо для всякого ночного собрания, ночных игр, было необходимо также и для жертвоприношений; прыгание же через зажженные костры имело значение очищения. Вот почему ночь на Иванов день сопровождается 1) собиранием трав, 2) купанием, 3) зажиганием костров и прыганием через них. Естественно также, и потому обще не одним только славянским народам, принесение в жертву, сожжение белого петуха, птицы, приветствующей рассвет, угодной солнцу (ср. самое название. кур-кор, корс, хорс), белый цвет петуха также относился к последнему.

Ночь Купалы исполнена, по мнению простолюдинов, чародейных явлений. Рыбаки уверяют, что поверхность реки бывает тогда подернута серебристым блеском, деревья переходят с места на место и шумом ветвей разговаривают между собою. Утверждают еще, что кто имеет при себе папоротник, тот может понимать язык каждого творения, может видеть, как расходятся дубы и составляют свою беседу, может слышать их разговоры про богатырские свои подвиги. В Иванов день солнце выезжает из своего чертога на трех конях — серебряном, золотом и бриллиантовом навстречу своему супругу, месяцу, в проезд свой оно пляшет и рассыпает по небу огненные искры⁸⁰.

И в летний праздник повторяется в честь солнца обряд истребления чучелы Мары — холода, смерти: ее топят в воде. Естественно ожидать, что у народа, потерявшего уже смысл совершаемых им обрядов, должно происходить с течением времени смешение последних; так название праздников *Коляда* и *Купала* явились уже названием божеств; так чучело Мары смешивается уже с чучелом Купалы, хотя песня обличает различие:

Ходыли дивочки около Мареночки,
Коло мое водыла Купала,
Гратыми сонечно на Ивана, и проч

Солнце, дающее жизнь и рост всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественные желания; отсюда празднество Купалы было соединено с празднеством *Ярилы*^{80а}. В некоторых местах и в позднейшие времена праздник Ярилы совершался 24 июня, но вероятно сопротивление Церкви содействовало тому, что празднование его во время поста отменено было в большей части мест и перенесено на заговенье, на день Всех Святых, или Троицын день, или на разговенье, на другой день праздника Петра и Павла. Так как в древности праздник Ярилы, по всем вероятностям, совпал с праздником Купалы, то во время его-то преимущественно и должны были

происходить те сцены, против которых так вооружается летописец и позднейшее духовенство; здесь, вероятно, происходило и умыкивание девиц: «Схожахуся на игрища, на плясанье, и на вся бесовская игрища, и ту умыкиваху жены собе, с нею же кто съвещашеся». Игра горелки всего лучше напоминает это умыкивание «с нею же съвещашеся». Самое название *горелки* показывает, что эта игра особенно производилась во время *горелок*, во время ночного празднества, при горении костров. В Стоглаве (вопрос 24) читаем: «Русалии о Иоанне дне, в навечерии Рождества Христова и Крещения сходятся мужи и жены и девицы на ношное плещевание, и на безчинный говор, и на плясание и на скакание, и на богомерзкие дела, и бывает отроком осквернение и девам растление, и егда ночь мимо ходит, тогда отходят к реце с великим кричанием, аки беснии, умываются водою; и егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в дома своя, и падают аки мертвии от великого хлопотания»⁸¹.

Мы рассмотрели поклонение стихийным божествам; теперь обратимся к другой половине славянской мифологии, именно к поклонению гениям и душам усопших; это поклонение у славян было общее с народами, у которых господствовал родовой быт, и особенно с племенами финскими и латышскими⁸². При вере в загробную жизнь естественно было придти к тому верованию, что душа умершего родоначальника и по смерти остается с своим родом, блюдет за его благосостоянием; отсюда происхождение духов — покровителей для целого рода и каждого родича — *Рода* и *Рожаниц*: «Молятся роду и рожаницам...», «беззаконная трапеза, мнимая роду и рожаницам» — читаем в древних христианских поучениях⁸³. Хорутане верят, что всякий человек, как только родится, получает в небе свою звезду, а на земле свою роженицу. *Родом* называется в некоторых славяно-церковных рукописях, равно как и в слове Даниила Заточника, дух или привидение: «дети бегают рода». В значении Рода, божества-покровителя, является *щур*, дед, прадед, что ясно из употребительного *пращур*; *щур* предполагает форму *чур*, под которым именем собственно и известно божество, охраняющее род, дом. Это божество призывается и теперь бессознательно в опасностях, особенно когда простолудин думает, что он подвержен злобе духов: «Чур меня! Чур меня!» — говорит он тогда. С достоверностью можно положить, что *Чур* и *Род* одно и то же; должно думать также, что с упадком родового быта и с усилением христианства на счет язычества *Чур*, или *Род*, перешел в домового. Любопытно видеть, как вражда родов отразилась в поверии о домовых: как человек опасался человека из чужого рода, так точно видел большую опасность и со стороны чужого домового; в заговорах читаем: «Отвожу я от тебя: черта страшного, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от

чужого домового»⁸⁴. Домовые у сербов известны под именем *ведогоней*, духов, охраняющих дома и имение каждого от воров и других ведогоней. Когда ветер срывает листья с деревьев и, колеблясь, они несутся по воздуху, то говорят: дерутся ведогони⁸⁵.

Младенчествующий народ не мог понимать духовного существования за гробом и представлял души праотцев доступными для всех ощущений этого белого света. Как у славян, так и у финнов было мнение, что зима есть время ночи, мрака для душ усопших; но как скоро весна начинает сменять зиму, то прекращается и ночной путь для душ, которые поднимаются к небесному свету, восстают к новой жизни⁸⁶. Это мнение естественно проистекало из поклонения солнцу как божеству, которого влияние должно было простираться на весь мир, видимый и невидимый. В первый праздник новорожденного солнца, в первую зимнюю Коляду мертвые уже восставали из гробов своих и устрашали живых: отсюда и теперь время святок считается временем странствования духов. Второй праздник солнца, весенний, есть Масленица, которая вместе есть и поминованная неделя, на что прямо указывает употребление блинов, поминовенного кушанья. В старину первый блин отдавался нищим на помин усопшим. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окно для душ родительских, причем приговаривают: «Честные наши родители! Вот для вашей душики блинок»⁸⁷. Обряды, какие наблюдают в приготовлении блинов, прямо указывают на религиозное значение этого блюда: выходят вечером готовить опару на речки, колодези и озера, когда появляются звезды; приготовление первой опары содержится в величайшей тайне от всех домашних и посторонних; призывается месяц выглянуть в окно и подуть на опару⁸⁸. С древней Масленицы, т. е. с начала весны, живые здороваются с усопшими, посещают их могилы, и праздник Красной горки соединяется с *Радуницею* (корень *рад*—свет, *radius*), праздником света, солнца для умерших; думают, что души покойников встают тогда во время поминования из темниц (гробов)⁸⁹ и разделяют поминовенную пищу вместе с принешаемыми; вследствие этого поверья зарывают красные яйца в выкопанные над могилой ямки. В Белоруссии на могиле, политой медом и водою, раскладывают кушанья и приветствуют покойников: «Святые радзицели! Хадзице к нам хлеба и соли кушаць». Кушанья должны быть нечетные и без подливки. По окончании угощения обращаются к покойникам: «Мои радзицели! Выбачайце, недзивице; чем хата богата, тем и рада»⁹⁰. В Великой России между прочими причитаниями употребляется в это время следующее: «Уж ты солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди с полуночи, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не во тьме сидеть, не с бедой горевать, не с тоской

вековать. Уж ты месяц, месяц ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не крушить во тьме своего сердца ретивого, не скорбеть во тьме по свету белому, не проливать во тьме горячих слез», и проч.⁹¹ У племен финских угощение мертвых также в обычае⁹².

В непосредственной связи с верованием, что весною души умерших встают для наслаждений новою жизнью природы, находится праздник русалок, или Русальная неделя. Русалки вовсе не суть речные или какие бы то ни было нимфы, имя их не происходит от русла, но от *русый* (светлый, ясный)⁹³; русалки суть не иное что, как души умерших, выходящие весною насладиться оживленною природою. Народ теперь верит, что русалки суть души младенцев, умерших без крещения; но когда все славяне умирали некрещеными, то души их всех должны были становиться русалками? Они могут быть прекрасны и безобразны, благодетельны и вредны, смотря по тому, каким людям принадлежали они.

Русалки появляются с страстного четверга (когда в старину, по Стоглаву, порану солому палили и *кликали мертвых*), как только покроются луга весенней водою, распустятся вербы, и живут на земле неопределенное время. Если они и представляются прекрасными, то всегда, однако, носят на себе отпечаток безжизненности, бледности. Огни, выходящие из могил, суть огни русалок; они бегают по полям, приговаривая: «Бух! Бух! Соломенный дух! Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живут в водах: на берега выходят только поиграть. Вообще у всех языческих народов путь водный считался проводником в подземное царство и из него назад; поэтому и русалки являются из воды, живут сперва в реках, являются при колодцах, ибо колодцы суть отверстия земли, из которых выходят души умерших. В Черниговской губернии, в Новгороде Северском, есть уважаемый народом родник *Заручайская криница*, или Сухомлинская, иначе родник Ярославов, впадающий в Десну; на срубе этой криницы на рассвете в зеленую неделю, по народному поверью, сидят *криницы*, прекрасные девы с русыми волосами, которые они расчесывают⁹⁴. В народе есть мнение, что ненадобно оставлять в целости яичной скорлупы: иначе русалки сделают из нее себе лодки и будут плавать назло людям.

С Троицына дня до Петрова поста русалки живут на земле, в лесах, на деревьях, любимом пребывании душ по смерти⁹⁵. В Краледворской рукописи читаем, что души, покинув тело, садятся на деревьях⁹⁶. Русальные игры суть игры в честь мертвых, на что указывает переряживание, маски — обряд, который не у одних славян был необходим при празднике теням умерших, ибо человеку свойственно представлять себе мертвеца чем-то

страшным, безобразным, свойственно думать, что особенно души злых людей превращаются в страшные, безобразные существа, для того чтоб пугать и делать зло живым. Отсюда естественный переход к верованию в переселение душ и в оборотней; ибо если душа по смерти может принимать различные образы, то силою чародейства она может на время оставлять тело и принимать ту или другую форму: «Се же есть первое, тело свое хранит мертво, и летает орлом и ястребом, и вороном, и дятлем, рыщут лютым зверем и вепрем диким, волком, летают змием, рыщут рысию и медведем»^{96а}. По свидетельству Козьмы Пражского ([Cosmal ecclesial pragensis decani // Chronicon Bohemorum. N. I. Pragrae, 1783,] стр. 197), у чехов на перекрестках совершались игрища в честь мертвых, причем имело место переряживание. Это известие объясняется обычаем восточных славянских племен, которые, по свидетельству нашего летописца, ставили сосуды с прахом мертвецов на распутьях, на перекрестках; отсюда до сих пор в народе суеверный страх перед перекрестками, мнение, что здесь собирается нечистая сила, под которою первоначально разумелись исключительно души мертвых; другого происхождения злых духов в первые времена наши предки не знали.

У русских славян главным праздником русалок был Семик, велик день русалок; в это время, при конце весны, совершались проводы последних. Мы упоминали уже о том, что Масленица была также праздником в честь усопших; доказательством этому, кроме употребления блинов, служит еще тесная связь Семика с Масленицею, связь, сохранившаяся в преданиях народных: Семик у народа приятель Масленицы; на лубочных картинах он принимает ее в гости и величает. Нет сомнения, что до христианства Радуница соединялась с Масленицей и что последнее название есть позднейшее. В Семик погребали и поминали убогих; из Стоглава (вопрос 23) видно, что в Троицкую Субботу (на Русальной неделе) по селам и по погостам сходились мужи и жены на жальниках и плакались по гробам с великим кричанием, «и егда учнут скоморохи, и гудцы и прегудницы играти, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати и *в ладони бити*». Битье в ладони есть обычай русалок. Конец Русальной недели, Троицын день, был окончательным праздником русалок; в этот день русалки уже падают с деревьев, перестает для них пора весенних наслаждений; песня говорит:

Русалочки, земляночки
На дуб лезли, кору грызли,
Свалилися, забилися⁹⁷.

Здесь важно выражение *земляночки*, указывающее на русалок как на жительниц земных недр. Касательно же лазания по

деревьям есть драгоценное свидетельство, что, по мнению древних славян, души умерших должны были жить на деревьях, лазить по ним; в житии муромском князя Константина⁹⁸ читаем: «Кони закалающе, и по мертвых ременные плетения древолазная с ними в землю погребаяюще, и битвы и кроение и лиц настрекания и драния творяще». В первый понедельник Петрова поста бывало в некоторых местах игрище: *провожанье русалок*: «Женщины снаряжали из соломы два чучела в виде женщин. Вечером выходили женщины и девицы на улицу, разделялись на две половины и тихими хороводами приближались к концу улиц. Здесь распевались попеременно хороводные песни. Во время пения хороводница с чучелою плясала. После песен игроки сближались. Здесь открывалась война. Соломенную чучелу, русалку, девицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругом их, нападали на другой хоровод или защищались сами от нападения. Бойцы из улицы переселялись на поле, где оканчивалось побоище растерзанием чучел и разбрасыванием соломы по полю. В это время девицы причитывали похоронные завывания, а *отчаянные, распустив косы, припадали к земле, как бы к могилам*»⁹⁹.

Одинакого происхождения с русалками *вилы* южных славянских племен¹⁰⁰, хотя предания об них изменились на юге, как видно, под греческим влиянием, получили более античный поэтический оттенок. Привязанность вил к сербам, которых интересы они постоянно поддерживают в борьбе с турками¹⁰¹, указывает на первоначальные родственные отношения этих духов к племени; древнее обоготворение их в числе *тридевяти*, вероятно, указывает на тридевять первоначальных родов¹⁰².

Кроме русалок, души умерших, мертвецы, были известны еще под именем *навья* и представлялись в виде существ малорослых, карликов (людки). Под 1092 годом в летописи: «Предивно бысть Полотьске: в мечте ны бываше в нощи тутън, станяше по улице, яко человеци ришюще *беси*; аще кто вылезяше изъ хоромины, хотя видети, абе уязвен будяше невидимо от *бесов* язвою, и с того умираху, и не смяху излазити из хором. Но сем же начаша в дне являтися на коних, и не бе их видети самех, но конь их видети копыта; и тако уязвляху люди полотьския и его область; тем и человеци глаголаху: яко *навье* бьютъ полочаны». Из последних слов ясно видно, что первоначально в понятиях народа злые духи представлялись не иначе как мертвецами. Полное олицетворение навья находим в скандинавском имени карлика: *naǫ, naǫn*, т. е. мертвец¹⁰³. Из этого сближения слов мы видим, что духи в виде карликов, славянские *людки*, были не иное что, как души умерших; это представление, что души умерших имеют форму человека, только в уменьшенном виде, осталось до сих пор в живописи.

Вот главные, первоначальные черты верований восточных славянских племен. С течением времени эти первоначальные черты могли искажаться: одно и то же божество у различных племен носило разные названия; после, при сближении племен, различные названия могли явиться уже различными божествами.

Фантазия стремится олицетворить и обожить явления природы, которые первоначально являются произведением главной силы; естественно олицетворялись весна и зима, жизнь и смерть природы — одна под образом прекрасной девы, другая — безобразной старухи, и т. п. Стихийные божества первоначально не имеют пола и потому после легко меняют его; солнце могло быть легко и мужского и женского пола, мужем и женою месяца. Так было не у одних славян, но и у народов италийских и азиатских: Юпитер являлся иногда женского пола, Венера — мужского ¹⁰⁴.

Но главными исказителями первоначальной религии народа являются всегда и везде жрецы и художники; вот почему у наших восточных славян, у которых не было класса жрецов и не был распространён обычай изображать божества в кумирах, религия сохранилась в гораздо большей чистоте, чем у западных славян, у которых городская жизнь и сильное влияние чуждых народов повели и к образованию жреческого класса, и к распространению храмов и кумиров.

Мы сказали, что у наших восточных славян не было класса жрецов ¹⁰⁵. Летописи совершенно молчат о существовании храмов и жрецов; нельзя предположить, что если б храмы существовали, то летописцы умолчали об их разрушении или превращении в церкви при рассказе о введении христианства и ниспровержении идолов. Во времена Игоря стоял в Киеве Перун на холме, но не в храме, ибо летописец прямо говорит: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, где стояше Перун, поклагоша оружие свое, и щиты и золото». Нельзя было не сказать летописцу, что они вошли в храм Перун, тем более что христианская церковь св. Илии должна была напомнить ему о храме. О Владимире говорят, что он поставил кумиры на холму вне двора теремного, и нисколько не говорится о храмах. В рассказе о введении христианства читаем: «Яко приде (Владимир), повеле кумиры непроврещи, овы осечи, а другие огневи предаги; Перуна же повем привязати коневи к хвосту, и влещи с горы, и проч.». Ни слова о разорении храмов. В Новгороде Добрыня поставил кумира над Волховом, но не храм. Слова *требище* и *капище*, употребленные в некоторых летописях, древних сочинениях и житиях святых, не могут означать храмов; *требище* — место, где приносилась жертва, *треба*; *капище* происходит от *кап*, *εἰχῶν*, *itago* ¹⁰⁶; след[овательно,] может означать и самого идола, и также вместилище идола, навес, шатер; что *капище* не могло

означать храма, видно из слов летописца, что Владимир, уходя из Корсуня, взял с собою два медных капища¹⁰⁷.

Как мало было распространено собственно идолослужение у наших славян, видно из того, что, во-первых, не было храмов даже и в главных городах, Новгороде и Киеве; во-вторых, в главном городе Киеве изображение главного божества, Перуна, было деревянное: «И постави кумиры — Перуна древяна, а главу его сребрену, а ус злат». Что идола были деревянные, видно из других мест летописи: католические миссионеры, убеждая Владимира, говорят: «Бози ваши древо суть». Варяг, у которого просили сына на жертву богам, отвечает: «Не суть бо бози, но древо».

Итак, даже в главных городах мы видим очень мало следов общественного богослужения. Вторым доказательством неразвитости его служит отсутствие жрецов: летописцы молчат о них. Князь ставит идолов, князь приносит жертвы, толпа требует человеческой крови для богов — о жрецах ни слова; князь перемняет веру, все люди делают то же — и жрецы не только не противятся, но об них нет даже и помину. Эта неразвитость общественного богослужения, отсутствие храмов и жрецов не должны несколько поражать нас: все это было необходимо при родовом, особном быту. В каждом роде родоначальник, старший, был вместе и жрецом, он приносил жертвы, он гадал о будущем. Как это происходило, показывает и теперь еще существующий обычай. В Малороссии в щедрый, или богатый, вечер, 31 декабря, каждая хозяйка готовит множество вареников, книшей, пирогов и, поставивши все это кучею на столе, затеплив свечу перед образами, накурив ладаном, просит мужа *исполнить закон*; отец семейства должен сесть на покути за грудой всякого печенья. Когда дети, войдя и молясь, спрашивают: «Дежь наш батько?» — то он спрашивает их, в свою очередь: «Хибажь вы мене не бачите?» — и на слова их: «Не бачимо, тату» — говорит: «Дай же боже, щоб и на той рок не побачили». Этими словами он выражает желание, чтоб и в будущем году было такое же изобилие всего, как в настоящем¹⁰⁸. У западных славян, где, при большем развитии общественного богослужения, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства в описанном обряде занимает жрец. Саксон Грамматик, описав праздник в честь Святовиды, когда жрец переменил вино в роге идола, прибавляет: «К этому же возношению принадлежал и пирог сладкий, круглый (коровай) и величиною почти в рост человека. Жрец, поставя его между собою и народом, спрашивал у руян — видят ли они его? Когда те отвечали, что видят, то он изъявлял желание, чтоб на следующий год его вовсе не было видно за пирогом»¹⁰⁹.

Но если не было храмов, то где же и как приносились жертвы старшинами родов? Природными жертвенниками, алтарями для младенчаствующих народов служили горы, скалы, камни огром-

ной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, зато щедра на естественные капища (шатры, навесы) — многоветвистые деревья: под ними-то преимущественно совершались религиозные обряды, приносились жертвы. Дерево (по преимуществу дуб), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметом благоговейного уважения как место пребывания богов, куда они стекались для принятия жертв. Если и теперь в народе осталось мнение, что души умерших могут питаться нашими кушаньями, то ясно, что прежде это было общим мнением; отсюда угощение усопшим. После должно было явиться другое мнение, что души умерших как существа невидимые, тонкие (*дымец мал*)¹¹⁰ не могут питаться грубыми частями пищи, а должны питаться ее тонкими частями, менее материальными, испарениями — отсюда обычай сожжений, совпадающий с высшим, нечеловеческим учреждением. Таким образом, по обычаю простого *покорма*, или сожжения жертв, можно судить о большей или меньшей грубости народных понятий о загробной жизни и божестве. Но так как жертва назначалась первоначально для душ умерших родичей и так как верили, что души обитают в лесах, на деревьях, преимущественно на дубах, то это всего более заставило уважать деревья и приносить пред ними жертвы. Константин Порфирородный говорит¹¹¹, что русские, приходя на остров св. Георгия, приносили жертву под большим дубом; в церковном уставе Владимира говорится о тех, кто молится в *рощених*; в житии князя Константина Муромского читаем: «Дуплинам древяным ветви убрुцем обвешивающе, и сим поклоняющиеся»¹¹². В Малороссии и теперь вешают на дубах, так сказать в жертву русалкам, полотенца и мотки ниток¹¹³. В летописи читаем: «Тмою идолобесия помрачены суще, жертвы богомерзкия богом своим приношаху, и озером и кладязем, и рощением»¹¹⁴. Кирилл Туровский говорит¹¹⁵: «Уже бо не нарекутся богом — ни дрeвеса». Духовный регламент запрещает петь молитвы перед дубом.

Кроме деревьев, жертвы приносились также у воды: «Ов требу створи на студеници дьжда иски оть него, забыв яко Бог с небесе дьжд дает. Ов несущим богом жьреть и Бога, створьшаго небо и землю, раздражаеть. Ов реку богиню нарицает и зверь живушь в ней яко Бога нарицая, требу творить»¹¹⁶. В Густинской летописи читаем: «Инци же кладязем, езером, рощениям жертву приношаху. От сих единому некоему богу на жертву людей топяху, емуже и донине по неких странах безумный память творят: во день пресветлого Воскресения Христова, собравшеся юнии и играюще вметають человека в воду и, бывает иногда, действием тых богов, си есть бесов, яко пометаемыи в воду, или о древо, или о камень, в воде разбиваються и умирають или утопають; по иных же странах не вкидають в воду, но токмо водою обливають, но

единаче тому же бесу жертву сотворяют»¹¹⁷. В апреле 1721 года издан был синодский указ, чтоб приходские священники на святой неделе не купали и не обливали людей водою; запрещалось это, во-первых, потому, что имело вредные следствия для здоровья, а во-вторых, потому, что имело связь с языческим празднованием Купалы¹¹⁸. Лев Диакон говорит¹¹⁹, что воины Святослава погружали в струи Дуная младенцев и петухов после погребения убитых товарищей. В церковном уставе Владимира говорится о болящихся у воды; в правилах митрополита Иоанна: «еже жрут бесам и болотом и колодезем». У Кирилла Туровского: «Не нарицайте себе бога... ни в реках, ни в студенцах». Выше было упомянуто об употреблении воды при брачных обрядах.

При языческом богослужении славян были в употреблении, как видно, мольбы, песни, музыка, пляски и жертвоприношения. У начального летописца читаем: «Сими дьявол лстить, и другими нравы, всячьскими лестьми превабляя ны от Бога, трубами и скоморохы, гусльми и русальи»¹²⁰. В Слове христороубца говорится: «Не подobaет крестьяном игорь бесовскихъ играти иже есть плясба, гудба, песни бесовския и жертва идолская»¹²¹. Молитвы сопровождалась преклонением и битьем в чело, как читаем в Краледворской рукописи.

Выше было упомянуто, что круговая пляска, хоровод, имела религиозное значение. Что музыка, или гудьба, имела такое же значение, на это, кроме приведенных свидетельств, есть доказательства филологические¹²². Из песен языческого содержания сохранилась одна у хорватов: «Лепи Иво терга роже, тебе, Ладо, свети боже! Ладо, слушай нас, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наше клянjамо ти: Ладо, слушай нас, Ладо!» Другая песня языческого происхождения и указывающая на обожание солнца сохранилась у сербов, которые молят бога, чтоб он сиял: «Сияй, сияй, боже!»¹²³

Что касается жертв, то мы уже говорили об них. Как видно, у восточных славян были в обычае заклание и приготовление яствы, *покорм*, а не сожжение. Что наши славяне смотрели на жертву именно как на трапезу, поставляемую богам и душам умерших, видно из следующего места Новгородской летописи¹²⁴: «Прииде к Новугороду Аким архиепископ корсунянин, и требища разруши, и Перуна посече и повел влещи в Волхов, поверзавше уже волочаху по калу, бьюще жезлием, и заповеди никомуж нигдеже не приати. И се иде пидьблянин рано на реку, хотя горьнци везти в город; и сице Перун приплы к берегови, и отрину его шестом. Ты, рече, Перунице, *досити еси пил и ял*, а ныне плови уже проче». И по введении христианства жертвы продолжались по-старому, в домашнем кругу, предлагались душам усопших родичей, роду и рожаницам, и опять в смысле

трапезы, покорма: «И тако покладывают им требы и короваи им ломят, моленое то брашно дают и ядят, ставят кумиром¹²⁵ трапезы котейныя и законнаго обеда иже нарицається беззаконная трапеза, менимая роду и рожаницам». В этом свидетельстве для нас важно упоминание о *коровае*, который был священным, жертвенным блюдом, на что указывает его употребление при обрядах (напр [имер,] свадебных), также самое название, предполагающее корень *кор*, *хор*, имя божества солнца¹²⁶; сюда же принадлежит другое жертвенное блюдо, до сих пор употребляющееся вместе с короваем при обрядах,— *кур*, *куря*, петух, опять самым названием указывающее божество солнца, которому преимущественно приносилось в жертву. О блинах как жертвенном блюде было упомянуто выше; сюда же, вероятно, принадлежат и *олады*¹²⁷. У западных славян также находим известия о подобных *законных обедах*¹²⁸; думаем, что здесь должно искать начала *братчин*, или *братовщин*.

Есть известие, что у русских славян был также обычай приносить в жертву богам людей. Эта жертва у народов была большею частью умиловительная: при каких-нибудь общественных бедствиях думали, что божество гневается за чьи-нибудь грехи, и потому искали преступника, которого и приносили в умиловительную жертву; потом приносили обыкновенно в жертву богам пленников — по господствовавшему мнению, что побежденный есть грешник, разгневавший божество. Можно думать, что средневековый обычай сожигать еретиков есть также остаток языческих понятий. Мы не согласны приписывать обычай человеческих жертв у славян чуждому влиянию, ибо думаем, что этот обычай общ всем народам при известных обстоятельствах; разумеется, человеческие жертвы должны быть в большем употреблении у народов воинственных, чем у мирных, потому что, как уже сказано, в жертву приносились обыкновенно взятые в плен неприятели; так, мы видим человеческие жертвы у воинственных северо-западных племен славянских, особенно когда разгорелась религиозная борьба с христианами; так, и у нас в Киеве мы видим человеческую жертву при Владимире, во время борьбы двух религий. Видят также указание на человеческие жертвы в следующих словах летописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жряху бесом, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холм от»¹²⁹. Здесь летописец повторил те же слова, которые вложил в уста Философу, пришедшему для обращения Владимира: «Посем же дьявол в большее прельщение вверже человеки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови медяны, а друзии мрамаряны, а иные златы и сребрены; кланяхуся, и привожаху сыны своя и дщери, и закалаху пред ними, и бе вся земля осквернена»¹³⁰. Митрополит Иларион говорит: «Уже не закалаем бесом друг друга».

В заключение нам остается сказать о волхвах. Мы видели, что у восточных славян не было жреческого класса; но зато были волхвы¹³¹, гадалки, кудесники. О волхвах славянских мы знаем очень мало; но нет сомнения, что они имеют тесную связь с волхвами финскими, по близкому соседству и союзничеству этих двух народов, тем более что после, по принятии христианства, волхвы преимущественно являются на финском севере и оттуда мутят славянское народонаселение. Финское племя искони отличалось склонностью своею к волшебству, искони славилось им; у финнов преимущественно было развито учение о злых божествах, о злых духах и о сообщении с ними. Финны знают две магии — белую и черную; черная — адское искусство, отклоняющее людей от света солнечного, враждебное Байве, богине солнца, проистекает от адского царства¹³². Этим объясняется следующее место летописи¹³³: «Приключися некоему новгородцю прити в Чюдь, и приде к кудеснику, хотя волхвованья отъ него; он же, по обычаю своему, нача призывати бесы въ храмину свою. Новгородцю же сеядящу на порозе тояже храмины, кудесник же лежаше оцепев, и шибе им бес; кудесник же встав рече новгородцю: бози не смеют прити, нечто имаша на себе, его же боятся. Он же, помянув на себе крест, и отшед постави кроме храмины тое; он же начат опять призывати бесы, беси же метавше им, поведаша, что ради пришел ест. По сем же поча прашати его: что ради боятся его, его же се носим на себе креста? Он же рече: то ест знаменье небесного Бога, его же наши бози боятся. Он же рече: то каци суть бози ваши, кде живут? Он же рече: в безднах; суть же образом черни, крылаты, хвосты имущи, всходят же и под небо, слушающе ваших богов, ваши бо ангели на небеси суть, аще кто умереть от ваших людей, то възносимо ест на небо; аще ли от наших умираеть, то носим к нашим богом въ бездну». На это же финское верование указывает другой рассказ летописца о волхвах, явившихся в Ростовской области; они говорили, что человек создан следующим образом: «Бог мывься в мовници и вспотивься, отерься ветъхом, и верже с небесе на землю, и распреса сотона с Богом, кому в нем створити человека? И створи дьявол человека, а Бог душу въ не вложи; темже аще умереть человек, в землю идетъ тело, а душа к Богу». Доброе, или белое, волшебство проистекает из существа женщины, тогда как чернокнижие по своему характеру ест мужское¹³⁴. Из этого воззрения финских волхвов можно объяснить их ненависть к женщинам, о которой говорит летописец¹³⁵: «Бывши бо единою скудости Ростовьстей области, воста ста два волхва от Ярославля, глаголющи: яко ве свеве, кто обилье держитъ; и пойдоста по Волзе, где придуть в погосте, туже нарицаху лучьшие жены, глаголюща, яко си жито держитъ, а си мед, а си рыбы, а си скору. И привожаху к нима сестры своя,

матере и жены своя; она же в мечте прорезавше за плечем, выимаста любо житю, любо рыбу, и убивашета многы жены». Обычай обвинять женщин, князей и церковные власти в общественных бедствиях был распространен на всем севере¹³⁶; так, иногда новгородцы отказывали в повиновении владыкам¹³⁷, псковичи — князьям¹³⁸.

Из предложенного обзора религии восточных племен славянских можно вывести следующее заключение: религия эта состояла, во-первых, в поклонении стихийным божествам, во-вторых, в поклонении душам умерших, которое условливалось родовым бытом и из которого преимущественно развилась вся славянская демонология. Вследствие также родового быта у восточных славян не могло развиваться общественное богослужение, не могло образоваться жрецское сословие: отсюда частью объясняется то явление, что язычество у нас, не имея ничего противопоставить христианству, так легко уступило ему общественное место; но, будучи религиею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здесь. Если бы у нас язычество из домашней религии успело перейти в общественную и приобрести все учреждения последней, то, без сомнения, оно гораздо долее вело бы явную борьбу с христианством, но зато, раз побежденное, оно не могло бы оставить глубоких следов; если бы христианство имело дело с жрецами, храмами и кумирами, то, низложив их, оно покончило бы борьбу; язычник, привыкший к общественному богослужению и лишенный храма и жреца, не мог бы долго оставаться язычником: если б он вздумал восстановить храм и собрать жрецов, то это было бы явное сопротивление торжествующей религии, которое влекло бы за собою опять явное поражение. Но язычник русский не имел ни храма, ни жреца и потому без сопротивления допустил строиться новым для него храмам, с служителями божества, оставаясь в то же время с прежним храмом — домом, с прежним жрецом — отцом семейства, с прежними *законными обедами*, с прежними жертвами у колодца, в роще. Трудно было бороться с тайным служением божествам скрываемым, домашним.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Προκοπίῳ [Κεσαριεύκῳ]*: Πονηροὶ μὲν τοὶ ἢ κακοῦργοι ὡς ἤκιστα τυγχάνουσιν ὄντες (перевод иностранных текстов дается в том случае, если они существенно дополняют сказанное С. М. Соловьевым.— *Примеч. ред.*).

² Procop. de Bello Gothico, I, III, cap. 13 // *Προκοπίῳ из Кесарии*. Война с готами. М., 1950. (После двух косых линий здесь и далее при первой ссылке автора на какое-либо сочинение следует примечание издательского редактора с указанием того издания, которым пользовался С. М. Соловьев, и (или) более позднего. Цитаты и сноски воспроизводятся без изменений и корректировок, по тексту издания 1849 г.— *Примеч. ред.*)

³ Ἀπιστοὶ τε εἰσὶ παντοίως καὶ ἀσύμφοροι περὶ τὰς συνθήκας, φόβῳ μᾶλλον ἢ δῶροις εἶοντες. Διαφόρου γὰρ γνώμης κρατούσης ἐν αὐτοῖς, ἢ οὐ συμβαίνουσιν, ἢ καὶ συμβαινόντων αὐτῶν τὰ δοκοῦντα συντόμως ἕτεροι παραβαίνουσι πάντων ἐναντίων, ἀλλήλους φονούντων καὶ μηδενὸς τῷ ἑτέρῳ παραχωρεῖν βουλομένου.

⁴ Εἰσὶ δὲ τοῖς ἐπιξενουμένοις αὐτοῖς ἤπιοι, καὶ φιλοφρονούμενοι αὐτοὺς διασώζουσιν ἐκ τόπου εἰς τόπον οὐ ἂν δέωνται, ὡς εἶγε δι' ἀμέλειαν τοῦ ὑποδεχομένου συμβῆ τὸν ξένον βλαβῆνα, πόλεμον κινεῖ κατ' αὐτὸν ὁ τοῦτον παραθέμενος σέβας ἡγούμενος τὴν τοῦ ξένου ἐκδίκησιν.

⁵ Lib. I, cap. LXXXII: Quidquid enim agricultura, pisca lionibus, seu venatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiorem quemque quo profusorem jac litantes, cujus ostentationis affectatio multos eorum ad furta vel latrocinia propellit. Quae utique vi liorum apud eos quidem venialia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Slavorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus disperties. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus domum vel facultates incendio consumere licitum est atque in id omnium vota pariter conspirant, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus exhibitandum dicentes qui hospiti partem negare non timuisset.— Lib. II, cap. XII // *Helmoldi Chronica Slavorum* // *Monumenta Germaniae Historica, scriptorum*. T. XXI. Hannoverae, 1868; см. также: *Гельмольд*. Славянская хроника. М., 1963.

⁶ Полн. собр. русск. летоп., [т. I], стр. 102 // Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. I. СПб., 1846; см. также: ПСРЛ. Т. I. Вып. 1. Л., 1926; ПСРЛ. Т. XXXVIII. Л., 1989.

⁷ Τοὺς δὲ ὄντας ἐν ταῖς ἀχμαλωσίαις παρ' αὐτοῖς, οὐκ ἀορίστῳ χρόνῳ, ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη, ἐν δουλείᾳ κατέχουσιν ἀλλὰ ῥητὸν ὀρίζοντες αὐτοῖς χρόνον, ἐν τῇ γνώμῃ αὐτῶν ποιοῦνται, εἴτε θέλουσιν ἐν τοῖς ἰδιοῖς ἀναχωρῆσαι, μετὰ τινος μισθοῦ ἢ μένουσιν ἐκεῖσε ἐλεύθεροι καὶ φίλοι.

⁸ Уный, юный. Ср. санскр. *ūna*, *minor*.

⁹ *Μαυρικῳ*: Σοφρονοῦσι θῆλεα αὐτῶν ὕπερ πάσαν φύσιν ἀνθρώπου, ὥστε τὰ πολλὰ αὐτῶν τὴν τῶν ἰδίων ἀνδρῶν τελευταῖν ἴδιον ἡγεῖσθαι θάνατον, καὶ ἀποπνίγειν ἑαυτὰ ἐκουσίως, οὐχ' ἡγούμενα ζωὴν τὴν ἐν χηρείᾳ διαγωγῆν.— *S. Bonifac*: Vinedi tam magno zelo matrimonii amorem mutuam servant, ut mulier, viro proprio mortuo, vivere recuset.

¹⁰ П. С. Р. Л. I, стр. 6.

¹¹ Отсюда выражение *водимая* в значении жены по преимуществу, законной жены (П. С. Р. Л. I, стр. 34): «И быша ему (Владимиру) *водимыя*... а наложънице бе у него 300 Вышегороде», и проч.

¹² «Не пять ли птиц *вениться* пенязема двема». *Miklosich. Radices linguae slovenicae* [Leipzig, 1845], p. 14.

¹³ *Aristot.* Polit. 2, 8: Τοὺς γὰρ ἀρχαίους νόμους λίαν ἀπλοῦς εἶναι καὶ βαρβαρικοὺς ἐσιδηροφοροῦντό τε γὰρ οἱ Ἕλληνας, καὶ τὰς γυναῖκας ἑνωοῦντο παρ' ἀλλήλων («Когда древние законы были [еще] слишком грубыми и дикими, эллины ходили вооруженными, а жен покупали друг у друга», *пер. с др.-греч.* — *Примеч. ред.*). — *Grimm's Deutsche Rechtsalterthümer*, 421 et squ // *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer*. Bd I. Cassel, 1828; см. также: *Grimm J. Deutsche Rechtsalterthümer*. Bd I. Berlin, 1956.

¹⁴ Путешеств. в Черногорию. Соч. А. Попова, стр. 162 // *Попов А. Н. Путешествие в Черногорию*. СПб., 1847: «Во время сильного развития родового устройства судьба женщин унижалась. Каждый член одного рода, соперничая с другим, стыдится просить себе жену в другом роде. Если нравилась ему девица, то просто похищал ее и тайно венчался. Этот обычай особенно был распространен в Берде. Иногда похищали и чужих жен. Но с уничтожением родового устройства это изменилось». — См. также прекрасный разбор сочинения г. Терещенки («Быт русского народа»), сделанный К. Д. Кавелиным в «Современнике» // *Кавелин К. Д. Быт русского народа*. Соч. А. Терещенки. СПб., 1848. В семи частях // *Современник*. 1848. Кн. 9—12: см. также: *Кавелин К. Д.* Собр. соч. Т. 4. СПб., 1900. С. 5—167.

¹⁵ Быт русского народа, соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 517, 518 // *Терещенко А. В. Быт русского народа*. Ч. I—VII. СПб., 1848.

¹⁶ Ne quis uxorem nisi emptitiam duceret, venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat (Frotho), tutiorem matrimonii fidem existimans, quod pretio firmarentur («Дабы каждый приводил в дом супругу, не иначе как купив ее, ибо (Фрото) считал более устойчивым брак оплаченный, усматривая надежную гарантию семейного союза в том, что он подкреплен оплатой», *пер. с лат.* — *Примеч. ред.*). *Saxo Gram. Lib. 5*, p. 88 // *Saxo Grammaticus. Historia Danica. V. II. Havniae*, 1839; см. также: *Saxo Grammaticus. Gesta danorum*. Strassburg, 1886.

¹⁷ На это указывает также известная поговорка: «Теща любит честь, зять любит взять, теща любит дать, а шурина глаза жмурит — дать не хочется».

¹⁸ Description d'Ukraine, p. 63 // *Beauplan G. Description d'Ukraine*. Rouen, 1660 (факсимильное издание — Киев; Кеймбридж (Масс.), 1990).

¹⁹ *Терещенко*. Быт русск. народа. Ч. II. стр. 28.

²⁰ *Ригельман*. История Донского войска // *Ригельман А.* История или повествование о донских казаках // Чтения в Обществе истории и древностей российской при Московском университете (далее: Чтения МОИДР). 1846. № 3, год второй.

²¹ *Востокова* Опис. Рум. муз. стр. 321 // *Востоков А. X.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

²² «Оже не бывають на простых людех благословление венчания, но бояре токмо и князи венчаються; простым же людем яко именем и *плесканиемь...*» Русск. достопам. I, 101 // *Русские достопамятности*. Ч. I. М., 1815.

²³ Обычай многоженства сохранился и долго после: митрополит Иоанн в правилах говорит: «Тоже створи, иже бес труда и бе-страха и бе-срама две жены имеютъ». Русск. достопам. I, 91.

²⁴ Восток. Опис. Румянц. музея. № СС. В Новгородском словаре XV века *тризна* переведено: *страдальство, подвиг*. *Сахаров*. *Сахарова*. *Сахаров*. *Сахаров*. т. II // *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. Т. I—II. СПб., 1844—1849; см. также: *Сказания русского народа*, собранные И. П. Сахаровым. М., 1989.

²⁵ *Stritteri Memor. Popul II*, 61 // *Stritter J. Memoriae Populorum*. Т. II. Petropoli, 1774.

²⁶ П. С. Р. Л. I, 24.

²⁷ Это выражение «повеле отроком своим пити на ния» также замечательно: не было ли обычая пить в погибель кому-нибудь, как пить за здравие.

²⁸ *Dlugossi Histor. Polon. L. 1*, p. 53 // *Dlugossi Historia Polonica*. Т. I. Lipsiae, 1711; см. также: *Dlugosz J. Opera Omnia*. Т. X. Cracoviae, 1873. Ad cujus (Gracchi) exequias honestandas, primum Polonorum proceres, caeterumque vulgus promiscuum accurrit, et juxta morem illius temporis, cadaver suum in monte Lassotino, qui

Stracoviensi urbi confrontatus est, justo honore et comploratione sepelivit («Почтить его (Гракха) похороны явилась прежде всего польская знать, за нею пришел всякого рода простой люд, и вот, по обычаю того времени, они погребли его тело на горе Лассотин, что против Краковского града, с должною честью и плачем», пер. с лат.—Примеч. ред.).— Там же о погребении Ванды, стр. 57.

²⁹ Буслаева:— О влиянии христ. на славян. яз., стр. 164 // Буслаев Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык: Опыт истории языка по Остромирову Евангелию. М., 1848.

³⁰ Les Slaves de Turquie, par M. Cyprien Robert, I, p. 78, 79 // Cyprien Robert. Les Slaves de Turquie. Vol. I. Paris, 1844.

³¹ Οὐκ ἄρχονται πρὸς ἀνδρὸς ἐνὸς, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιοῦ βιοτεύουσι.

³² Πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν.

³³ То же самое говорит Адам Бременский: Nullum inter se pati dominum volunt.

³⁴ Μισάλληλα ὄντα.

³⁵ Πολλῶν δὲ ὄντων ῥηγῶν καὶ ἀσυμφώνως ἐχόντων πρὸς ἀλλήλους οὐκ ἀποπον τινὰς αὐτῶν μεταχειρίζεσθαι ἢ λόγους ἢ δωροῖς καὶ μάλιστα τοὺς ἐγγυτέρω τῶν μεθορίων, καὶ τοῖς ἄλλοις, ἐπέρχεσθαι, ἵνα μὴ πρὸς πάντας ἔχθρα ἔνωσιν, ἢ μοναρχίαν ποιήσῃ.

³⁶ Καὶ διὰ τοῦτο αὐτοῖς τῶν πραγμάτων αἰεὶ τὰ τε ζύμφορα καὶ τὰ δύσκολα εἰς κοινὸν ἄγεται.

³⁷ П. С. Р. Л. I, 55.

³⁸ Wladyku si z roda wyberuce,
Ky plzne — dle w snemy slawny chodi,
Chodi s kmetmi, s lechy, wladykami.

³⁹ Thietmar. Merseburg. ap. Pertz. T. V, [p.] 812: Liutici unanimi consilio ad placitum suimet necessario discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant. Si quis vero ex conprovincialibus in placito his contradicit, fustibus verberatur, et si forinsecus palam resistit, aut omnia incendio et continua depredatione perdit, aut in eorum praesentia pro qualitate sua pecuniae persolvit quantitatem debitaе.

⁴⁰ Σπόρους γάρ τὸ παλαιὸν ἀμφοτέρους ἐκάλουν ὅτι δὴ σποράδην, οἶμαι, διεσπασμένοι τὴν χώραν οἰκοῦσι διὸ δὴ καὶ, γῆν πολλήν τινα ἔχουσι, τὸ γὰρ πλεῖστον τῆς ἐτέρας τοῦ Ἰστρου ὄχθης αὐτοὶ νέμονται.

⁴¹ Οἰκοῦσι δὲ ἐν καλύβαις οἰκτραῖς διεσκηνημένοι πολλῶ μὲν ἀπ' ἀλλήλων, ἀμείβοντες δὲ ὡς τὰ πολλὰ τὸν τῆς ἐνοικίσεως ἕκαστον χώραν.

⁴² Ἐν ὕλαις δὲ καὶ ποταμοῖς καὶ τέλμασι καὶ λίμναις δυσβάτοις οἰκοῦντα, καὶ πολυσχεδεῖς τὰς ἐξόδους τῶν οἰκίσεων ποιοῦμενα, διὰ τὰς ὡς εἰκὸς συμβαινούσας αὐτοῖς περιτάσεις. Τὰ ἀναγκαῖα τῶν πραγμάτων αὐτῶν ἐν ἀποκρῦφῳ χωρῶν οὐσιν, οὐδὲν περιττὸν ἐν φανερῶ κεκτημένων, καὶ βίον ζῶντα ληστρικόν.

⁴³ Τὰ ἔθνη τῶν Σκλάβων καὶ Ἄντων ὁμοδιαιτὰ τε καὶ ὁμότροπα εἰσὶ καὶ ἐλεύθερα, μηδαμῶς δουλοῦσθαι ἢ ἀρχεσθαι πειθόμενα.

⁴⁴ Διαιταν δὲ σκληράν τε καὶ ἀπλημελημένην, ὥσπερ οἱ Μασσαγάται, καὶ αὐτοὶ ἔχουσι καὶ ῥύλου ὅπερ ἐκεῖνοι, πληρεῖς ἐνδελχεστάτα μένουσι.

⁴⁵ См. ст [атью П.] Шафарика «О Свароге», перев [еденную] в Чтениях Московск [ого] общ [ества] истор [ии] и др [евностей российских.] № 1, 1846 г.

⁴⁶ П. С. Р. Л. [т.] II, [с.] 5 // ПСРЛ. Т. II. СПб., 1843; см. также: ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908.

⁴⁷ Θεῶν μὲν γάρ ἕνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς, δημιουργὸν ἀπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσιν εἶναι.

⁴⁸ Вука Стефановича [Караджича] [кн.] I, 230 // Караџић В. С. Српске народне пјесме. Књ I—V, Беч, 1841—1865.

⁴⁹ П. С. Р. Л. I, 23: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, кде стояше Перун, покладаша оружие свое и щиты и золото». Там же, стр. 31.

⁵⁰ О влиянии христианства на славянский язык, соч. Фед. Буслаева, стр. 13.

⁵¹ Востокова Опис. Рум. музея, 228.

⁵² Thietmari Chronicon, L. VI, cap. 17 in Pertz Monum, t. V, p. 812: Est urbs quaedam in pago Riedirierun, Riedegost nomine... In eadem est nil nisi fanum de ligno artificioso compositum, quod pro basibus diversarum sustentatur cornibus bestiarum. Hujus parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae, ut cernentur

videtur exterius ornant; interius autem dii stant manufacti, singulis nominibus insculpti, galeis atque loriceis terribiliter vestiti, quorum primus *Zuarasici* dicitur et prae caeteris a cunctis gentilibus honoratur et colitur («Есть в поселении редириев крепость, именуемая Редегост... В ней — ничего, кроме святилища, искусно сложенного из дерева; опорами же ему служат рога разных животных. Стены его снаружи на видных местах дивно украшены всяческими образами богов и богинь, а внутри стоят изваянные по отдельности рукотворные боги, грозно облаченные в шлемы и латы. Из них главный зовется Зваразич; все язычники его чтят и поклоняются ему более, чем всем остальным», *пер. с лат. — Примеч. ред.*).

⁵³ О тождестве Хорса и Дажбога см. статью *О. Бодянского* в Чтениях Моск. Истор. общ. 1846 г., № 2 // *Бодянский О.* Об одном прологе библиотеки Московской духовной типографии и о тождестве славянских божеств Хорса и Дажбога // Чтения МОИДР. 1846. № 2.

⁵⁴ *Добровского Slovanka I, 13 // Dobrovosky J. Slovanka: Zur Kenntniss der alter und neuen slavischen Literatur. T. 1. Pragae, 1814.*

⁵⁵ Или:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни в окошечко!
Твои детки плачут,
Сыр колупают,
Собакам бросают;
Собаки то не едят,
А куры то не клюют.
Солнышко, покажись, и проч.

См. Вука Стеф. Карадж. Српске нар. пјесме I, 49, 97, 111, 119, 198, 199, 276, 277, 356, 512. «Кралу, светли Кралу лело!»

⁵⁶ Вука Стеф. [Караджича]. П. 440. — «Может быть, — замечает Буслаев (О влиянии хр. стр. 123), — в этом языческом представлении заключается причина названиям многих болезней от бога: богине — оспа, божий бич, божа мошь — падающая болезнь, божа рука — удар, божа рана — чума, божие — обморок».

⁵⁷ По мнению покойного *Прейса* (см. Донесение его г. министру народ. проsv. из Праги, от 26 декабря 1840. Ж. М. Н. П. 1841, часть XXIX // *Прейс П. И.* Донесения г-ну министру народного просвещения из Праги // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. XXIX), чтение Сема (Сима) и регла должно быть предпочтено чтению Симарглы; Сима и Регла *Прейс* считает за одно с ассирийскими божествами Ерүүл и 'Асцаѳ, как они читаются в Библии (Кн. Царств. IV, 17, 30); Сима оказывается божеством огня. Мокош считает *Прейс* божеством женского рода, Астартою, причем указывает на древнее слово *мокач-ный*, употребленное несколько раз у Даниила Паломника.

⁵⁸ П. С. Р. Л. I, 13.

⁵⁹ Там же, 31.

⁶⁰ Mone — *Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa*, [Bd] I, [S.] 36 // *Mone F. Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa. Bd I. Leipzig, 1822.*

⁶¹ Пролог и Миня 29 октября.

⁶² *Снегирева Р.* простон. празд. [Вып.] III, 156 // *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суевренные обряды. Вып. 1—4. М., 1837—1839; см. также: *Снегирев И. М.* Русские простонародные праздники и суевренные обряды. М., 1990.

⁶³ Там же, стр. 158.

⁶⁴ Буслаева — О вл. хр. на сл. яз., стр. 172 и след.

⁶⁵ Кеплена — Библиогр. листы, № 7, стб. 88 // *Материалы для истории просвещения в России, собираемые П. Кепленом. Т. 2 // Библиографические листы. 1826. № 7.*

⁶⁶ П. С. Р. Л. III, стр. 9, год 1143 // ПСРЛ. Т. III. СПб., 1841. Теперь в народе Рождественский пост называется Корочуном.

⁶⁷ *Срезневского* — Свят. и обр. яз. богосл. древ. слав., стр. 66 // *Срезневский И. И.* Святилища и обряды языческого богослужения древних славян (по свидетельству современным и преданиям). Харьков, 1846.

⁶⁸ Терещенко — Быт рус. народа, ч. VII, стр. 20.

⁶⁹ Попова — Путешествие в Черногорию, стр. 223.

⁷⁰ Dlugossi — Hist. Pol. I, p. 36.

⁷¹ *Eckermann Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie der slawischen Stämme*, [Abt.] II, [S.] 70 // *Eckermann K. Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie der vorzüglichsten Völker des Altertums. Bd IV: Lehrbuch der Religionsgeschichte und Mythologie der slawischen oder serbischen Stämme. Abt. 1, 2: Slawen (und Preussen)*. Halle, 1848—1849.

⁷² Царская грамота к Шуйскому воеводе Змееву 1649 года.

⁷³ Снегирева Р. п. п. II, 127, 128.

⁷⁴ *Grimm* — D. Mytholog. [Bd] I, [S.] 578 // *Grimm J. Deutsche Mythologie. Bd I, II. Göttingen*, 1843.

⁷⁵ *Saxar*. Сказ. р. н. [Т.] II: ст. нар. праздн. и обыч. стр. 73 // *Saxarov И. П. Сказания русского народа. Т. I, II. СПб.*, 1849.

⁷⁶ Там же, стр. 95.

⁷⁷ Ср. обычаи разных народов, славянских и неславянских, у Гримма — D. Mythol. II, 742.

⁷⁸ См. подробности у Снегир.: Р. п. п. III, 28, и Терещенки: Быт р. н. V, 16.

⁷⁹ Ср. Гримма D. Mythol. I, 585 и след.

⁸⁰ Терещенко — Б. р. н. V, 79.

^{80a} Иван Купало между черныю называется Ярилоу в Ярославской, Тверской и Рязанской губерниях. Снегирева Р. п. п. I, 179.

⁸¹ О празднестве Купальской ночи см. Послание игумена Елизаровской обители Памфила в 1505 году в Дополн. к акт. истор. т. I, № 22, также в Чтениях Московск. Истор. общ. № 4, 1846 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1846; Послание Елизарова монастыря игумена Памфила // Чтения МОИДР. 1846. № 4.

⁸² Mone I, 39: Dass nun bei diesem Volke die Geisterlehre so sehr ausgedehnt wurde, ist nicht zu verwundern, eben so wenig, dass die Hausgeister, welche gewiss die zauberkräftigen Seelen der Väter waren, auf die Nachkommen forterbten («То, что у этого народа представления о духах оказались столь распространены, не должно вызывать удивления, равно как и то, что вера в домовых, явно представляющих собой наделенные магической силой души праотцев, была унаследована succeedingими поколениями», *пер. с нем.* — *Примеч. ред.*).

⁸³ Востокова Опис. Рум. муз. № CLXXXI, стр. 228.

⁸⁴ Сахарова — Сказ. р. н. I, стр. 19.

⁸⁵ Путеш. в Черногорию Ал. Попова, стр. 221.

⁸⁶ Mone I, 98, Eckermann I, 240.

⁸⁷ Снегирева Р. п. п. II, 120; Сахарова Ск. р. н. II, 72.

⁸⁸ Сахарова там же.

⁸⁹ Grimm — Mythol. II, 766: Es scheint, man dachte sich im grund der erde, gleichsam als decke und gitter der unterwelt, einen stein, der in mhd. gedichten *dillestein* genannt ist. Hierbei erinnere ich mich des *lapis manalis* (Festus s. v.), der die grube des etruskischen *mundus* schloss und alljährlich an drei heiligen tagen abgenommen wurde, damit die seelen hinauf zur oberwelt steigen konnten («По-видимому, люди представляли себе, что в глубине земли лежит нечто вроде потолка и решетки подземного мира, которое в средневерхненемецких стихотворениях названо *dillestein*. Это напоминает мне *lapis manalis* (Помпей Фест), который закрывал яму этрусского *mundus* и снимался в священные дни три раза в году, чтобы души могли подняться в верхний мир», *пер. с нем.* — *Примеч. ред.*).

⁹⁰ Снегирева — Р. п. п. III, 52.

⁹¹ Сахарова — Сказ. р. н. II, 23.

⁹² «День Всех Святых для Саволаксии, особенно для Карелии и Остроботнии, есть самый большой праздник урожая и жатвы. Все отправляются в бани, чисто вымытые, оставляя дом пустым и стол накрытым с яствами и напитками для каких-то пенатов, называемых Кюгун *höntämät*. Никто не имеет права оставаться в доме. Потом приготавливают баню с водою и с венниками уже для домовых». *Некоторые обычаи, поверья и обряды нынешних финляндцев* — Вест-

н [ик] Европы, 1828, № 13.— Mone, I, 71: Liwen und Esthen haben noch jetzt ein Johannisfest auf den 24 Juni, es ist eine fröhliche Feier, man geht um das Feld, erfleht Aerntesegen vom Himmel und tanzet die ganze Nacht hindurch. Der Gegensatz ist das Fest für die Gestorbenen, das die Liwen und Letter vom Michelstag an drei bis fünf Wochen lang begehen. Während dieser Zeit wird von der Abenddämmerung an nicht mehr in den Häusern gearbeitet, und früh schlafen gegangen, um die herumgehenden Geister der Väter nicht zu stören. Der letzte Abend des Festes wird mit einem Essen gefeiert, dabei aber den Geistern im Vorhaus auch ein Tisch mit Speise und angezündeten Lichtern hingestellet («24 июня ливы и эсты еще и поныне справляют день святого Иоанна, радостный праздник, когда люди обходят кругом поле, молят небо благословить их урожаем и пляшут всю ночь напролет. Совсем иначе отмечается праздник усопших, который у ливов и латышей приурочен к следующему за днем св. Михаила трем или пяти неделям. В течение этого времени с наступлением сумерек в домах прекращают работу и рано ложатся спать, чтобы не потревожить бродящих кругом духов праотцев. Последний вечер этого праздника отмечается застольем, во время которого также и духам ставят в сенях стол с угощением и зажженными свечами», *пер. с нем.— Примеч. ред.*).

⁹³ Об имени русалок см. подробнее у Буслаева: О вл. христ. на слав. яз., стр. 13, 20.

⁹⁴ Снегир. Р. п. п. I, 172.

⁹⁵ *Maciejowski [W. A.] Pierwotne dzieje Polski i Litwy. [Warszawa, 1846], стр. 465: «Polak i wszelki slowianin grzebiąc umarłych w ziemi, mniemał także, iż mieszkaniem duchow są podziemne kraje, lecz kraje te nie byli jednym państwem a powszechném duchów siedliskiem, gdzieby wszystkie przebywały razem, byly to raczej pojedyncze miejsca, w lasach znajdujące się, do których wskazywały drogę czarownice, którą bez ich przewodnictwa cnotliwi tylko znajdowali ludzie».*

⁹⁶ Tamo i wele duš tekà sémo tamo po drewech,

Jich bojće se ptactwo i plache swer,

Jedno sowy nebojã se.

Или:

Ai, a vyide duša z rvucei huby,

Vyletie na drvo, a po drvech

Síemo tamo, doniž mrtew nezžen.

^{96a} Калайдовича Иоан., экс. болг., с. 211 // *Калайдович К. Ф.* Иоанн, екзарх болгарский. М., 1824.

⁹⁷ Снегирева Р. п. п. I, 161.

⁹⁸ Карамзин, [Г.] I, примеч. 236 // *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I. СПб., 1816; см. также: *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. I. М., 1989.

⁹⁹ Сахарова — Сказ. р. н. II, 94.

¹⁰⁰ Об отношении названий русалка и вила см. у Буслаева: О вл. христ. на сл. язык, стр. 20.

¹⁰¹ Путешествие в Черногорию А. Попова, стр. 219.

¹⁰² Востокова Опис. Рум. муз. № CLXXXI, стр. 228: «Иже суть крестiane верующе... и в вилы ихже числом тридевят сестренице».

¹⁰³ Буслаева — О вл. хр. на слав. яз. стр. 64.—Сравни также корень *нур*, *нурити*, *изнуряти*, *absumere*; *нора*, *нырище*, *дѡра*, *domus*; *ныряю*. Ср. санскрит. *nr*—*ducere* и *naraka*—*tartarus*. Должно думать, что малороссийские *мавки*, вид русалок, суть то же, что *навки*.

¹⁰⁴ *Creuzers Symbolik [Bd] II, [S.] 835 // Creuzer G.* Deutsche Schriften und verbesserte Symbolik und Mythologie der alten Völker. Bd II. Leipzig, 1840.

¹⁰⁵ См. об этом образцовое по времени рассуждение митрополита *Платона* в его Церковной истории // Краткая церковная российская история, соч. митрополитом Платоном. Т. I. М., 1829. С. 6—7.

¹⁰⁶ «По капли нашею и по образу» или: «Грех в мою капль сътворенаго обетьши». См. Miklosich, Rad. I. sl., p. 117.

¹⁰⁷ П. С. Р. Л. I, 50.

¹⁰⁸ Срезневский — Свят. и обр. стр. 77, 78.

¹⁰⁹ *Saxo Gramm.* 824, 825.

¹¹⁰ «И виде Шигона дух его (в князя Василия) отшедше аки дымець мал». Соф. врем. [Ч.] II, [с.] 333 // Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 год. Ч. I, II. М., 1820—1821; см. также: ПСРЛ. Т. V, VI. СПб., 1851—1853; ПСРЛ. Т. V. Л., 1925.

¹¹¹ De admin. imp. 9 // *Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus et administrando imperio.* Bonnae, 1840. Cap. IX; см. также: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1991. Гл. 9.

¹¹² Карамз. I, примеч. 216.

¹¹³ *Касторского* — Начерт. слав. миф. [с.] 134 // *Касторский М. И.* Начертание славянской мифологии. СПб., 1841.

¹¹⁴ П. С. Р. Л. II, 234.

¹¹⁵ Памят [ники русской словесности] XII в. [М., 1821,] стр. 19. В Краледворской рукописи // Краледворская рукопись: Собрание древних чешских эпических и лирических песен / Пер. Н. Берга. М., 1846; Прага, 1851:

Pode vse drva
Vzložie obieti bohóm.

¹¹⁶ Кеппена — Библиогр. листы, № 7.

¹¹⁷ П. С. Р. Л. II, стр. 257.

¹¹⁸ Полн. собр. соч. зак. № 3771 // Полное собрание законов Российской империи — не найдено.

¹¹⁹ *Leo Diaconus. Historiae / Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae.* Bonnae, 1828; см. также: *Лев Диакон.* История. СПб., 1820.

¹²⁰ П. С. Р. Л. I, 73.

¹²¹ Опис. Рум. муз. 220.

¹²² Буслаева — О вл. хр. на сл. яз., стр. 110, 111.

¹²³ Срезневск. — Свят. и обр., 70, 71.

¹²⁴ Продолж. Древн. росс. вивлиоф. — не найдено.

¹²⁵ Думаем, что здесь слово *кумир* употреблено в смысле языческого божества вообще, а не в смысле истукана.

¹²⁶ В Орловской губернии есть обыкновение *молить каравай* в Троицын день; обыкновение это состоит в том, что приготавливается один общий каравай для стола, а другой для роши, куда с ним после обеда отправляются гулять и завивать венки. Снег. Р. п. I, 185. — В Краледворск. рукоп.:

Nesmiechu se biti w celo pred bohy,
Ni w sumrky ùm dawati iesti,
Kamo otcik dawase krmie bohóm.

¹²⁷ Блин — млин, млинци, от *мелю*. — Снегир. (Р. п. II, 117) не без основания догадывается, что название *олады* указывает на *Ладо*.

¹²⁸ Так, у Гельмольда: Est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et comotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt, non dicam consecrationis sed execrationis verba sub nomine deorum boni scilicet et mali. — Ср. слова во Фрейзингенской рукописи *: u circuvah sih clanam ze i modlim ze im i zesti ich pigem i obeti nasse im nezem, и проч.

¹²⁹ П. С. Р. Л. I, 34.

¹³⁰ Там же, стр. 39. Ср. Гельмольда: Conveniunt viri et mulieres cum parvulis mastantque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis.

¹³¹ О словопроизводстве *волхв* и *жрец* см. у Буслаева: О вл. хр. на слав. яз., стр. 22, 23. — Miklosich, R. I. s., p. 10.

* Брижинские (Фрейзингенские) отрывки (на словенском языке) — древнейшие из переданных латинской графикой памятников славянской письменности. Состоят из трех текстов, включенных в латинскую рукопись (датируется 972—1093 гг.), которая хранится в Мюнхене (Государственная библиотека). — *Примеч. ред.*

¹³² Eckermann, [Abt.] I, 142.

¹³³ П. С. Р. Л. I, 77.

¹³⁴ Mone I, 40; Eckermann I, 141, 142: Merkwürdig ist auch der Gegensatz der Geschlechter in der ganzen Zauberei, besonders beim Kannus. Das Holz musste nach der Sonnengöttin Baiwe zu gewachsen sein, und doch durfte sich kein Weib der Zaubertrommel nähern, wenn nicht ihre ganze Zauberkraft dahin sein sollte. Alles dieses hat darin aber seinen Grund, weil des Weibes monatliches Zauberblut allen Zauber aufhebt («Также примечательна — особенно в области Каннус — противоположность в отношении разных полов к колдовству. Хотя у них и считается, что росту дерева покровительствует солнечная богиня Байве, однако ни одна женщина не может близко подойти к колдовскому бубну, не лишив его всей магической силы. Причина этого видится в том, что менструальная кровь женщины, будучи сама магической, уничтожает всю силу колдовских чар», *пер. с нем. — Примеч. ред.*).

¹³⁵ П. С. Р. Л. I, 75.

¹³⁶ *Lappenberg* Urkund. [Bd] I, [S.] 105 // *Lappenberg J. M.* Hamburgisches Urkundebuch. Bd I. Hamburg, 1907. Письмо Григория VII к датскому королю Гаральду 1080 года: «Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare» («В вину священникам вменяете вы и ненастье, и нездоровый воздух, и любую телесную немощь. По той же причине вините вы и женщин, осуждаемых со всею жестокостью варварского обычая; себя же самих и творимое вами нечестие вы обвинять не желаете», *пер. с лат. — Примеч. ред.*).

¹³⁷ П. С. Р. Л. III, 44: «И въздвиже (дьявол) на Арсения мужа кротка и смерена крамолу велику, простую чядь; и створше вече на Ярославли дворе, и поидоша на владычьнъ дворе, рекуче: того деля стоять тепло дълго», и проч.

¹³⁸ П. С. Р. Л. IV, 198 // ПСРЛ. Т. IV. СПб., 1848: «А тогда бяше мор во Пскове велик: и тогда отрекошася псковичи князю Данилу Александровичю: «Тебе ради мор сей у нас», и выеха князь Данило изо Пскова».

ПРИЛОЖЕНИЯ

КОММЕНТАРИИ К ДЕВЯТНАДЦАТОЙ КНИГЕ «СОЧИНЕНИЙ» С. М. СОЛОВЬЕВА

В девятнадцатую книгу «Сочинений» С. М. Соловьева включены его ранние произведения, различные по жанру, объему и целям написания. фундаментальное исследование одной из важнейших проблем русской истории; очерк обычаев, нравов и духовной культуры славян в дохристианскую эпоху; а также популярная работа, адресованная широкому кругу читателей.

Главное место занимает, конечно, «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома» — докторская диссертация С. М. Соловьева, защищенная им в 1847 г., тогда же опубликованная и с тех пор ни разу не переиздававшаяся.

Здесь С. М. Соловьев выдвинул и обосновал оригинальную концепцию становления и развития государственности как результата эволюции родовых отношений и развития государственности, внутреннюю основу которой составляет борьба родового и государственного начал. Это позволило ученому установить живую связь между отдельными событиями русской истории, между разными ее периодами, представить весь процесс в его органической целостности и единстве. Если предшествующие историки видели в княжеских междоусобицах «бессмысленные драки княжеские», которые «маловажны для разума» (Н. М. Карамзин), то Соловьев выявил их внутренний смысл и определил их характер на разных этапах истории.

Государство, таким образом, предстает как явление исторически возникшее и исторически обусловленное. Это было большим шагом вперед в исторической науке того времени. Теория смены родовых отношений государственными стала составным компонентом общей концепции русской истории, развернутой в «Истории России с древнейших времен».

С. М. Соловьев начинает с того, что подвергает резкой критике современную ему периодизацию русской истории. Он отрицает существование «удельного периода»: уделов сначала вообще не было, а когда они появились как обособленное от родовой собственности владение, то не играли определяющей роли в междукняжеских отношениях. Впрочем, здесь спор скорее терминологический. Ведь сам автор выделяет период существования удельной системы, но отказывается его так называть, потому что этот термин «не обнимает всех сторон княжеских отношений» (С. 9).

Более принципиальным является отрицание Соловьевым «монгольского периода», отказ признать за монгольским завоеванием роль поворотного момента, обусловившего все дальнейшее развитие. Для него это завоевание — лишь внешнее событие, не изменившее определившихся ранее тенденций внутреннего, «органического» развития русского исторического процесса: «Новый порядок вещей начался гораздо прежде монголов и развивался естественно, вследствие причин внутренних» (С. 10). Монголы принимали участие в междукняжеской борьбе, но «служили здесь только орудием для целей чуждых, которых они совершенно не понимали» (Там же). Это справедливо, но следует также отметить преуменьшение Соловьевым катастрофических последствий монгольского завоевания и тяжести золотоордынского ига.

Свою периодизацию С. М. Соловьев строит, исходя из соотношения родового и государственного начал на разных этапах истории, руководствуясь идеей внутреннего, органического развития общества и государства. Он выделяет два основных периода: от Рюрика до Андрея Боголюбского, когда безраздельно господствуют родовые отношения, и от Андрея Боголюбского до пресечения династии Рюриковичей — период борьбы государственного и родового начал. В свою очередь второй период делится на три этапа: до Ивана Калиты, до Ивана III и завершающий этап, приводящий к «окончательному торжеству государственных отношений над родовыми, торжеству, купленному страшною, кровавою борьбою с издыхающим порядком вещей» (С. 11).

Характеризуя первый период, С. М. Соловьев исходит из заимствованной у Эверса теории «родового быта», согласно которой все народы в начале своей истории прошли через родовой строй. В этом периоде князья предстают как члены одного рода, совместно владеющие всей Русью как неразделенной родовой собственностью. Они передвигаются с одного «стола» на другой по принципу так называемого «лестничного восхождения», т. е. в соответствии с местом, занимаемым в родовой иерархии. «Уделов частных и каких-нибудь других еще быть в то время не могло, ибо господствовали исключительно родовые отношения, а не отношения по собственности, по зависимости» (С. 36).

Может показаться, что, говоря о родовых отношениях, Соловьев имеет в виду лишь княжескую среду. Но, как следует из других его сочинений, он считал «родовой быт» господствующим во всем обществе. Более того, сами междукняжеские отношения сложились под влиянием господствовавших в обществе отношений.

Утверждая, что «родовой быт» господствовал у славян вплоть до второй половины XVII в., С. М. Соловьев тем самым архайзировал общественный строй славян. Во многом это объясняется состоянием науки того времени, слабой степенью изученности истории славян периода, предшествовавшего образованию государства, недостаточной источниковой базой. За полтора столетия изучение вопроса продвинулось далеко вперед. Существенно расширилась источниковая база, прежде всего за счет археологических материалов. Можно считать доказанным, что ко времени образования Древнерусского государства родовой строй у славян был пройденным этапом, а основной общественной организацией была соседская (территориальная) община¹.

Считая господствовавшим представление о Русской земле как о неразделенном владении всего княжеского рода, отрицая наличие права собственности в этот период, С. М. Соловьев тем не менее не мог пройти мимо фактов, свидетельствовавших о прогрессирувавшем распаде Руси на отдельные княжества, начавшемся в XI в.: обособление Полоцкой (начало XI в.), Новгородской (1136 г.), Галицкой (конец XI в.), Рязанской (начало XII в.), Владимиро-Суздальской (начало XII в.), Волынской (середина XII в.) земель. Но эти факты он интерпретирует, оставаясь в рамках все той же родовой теории. Вычленение из общеродового владения отдельных территорий он считает результатом разрастания княжеского рода и выделения из него новых родов (С. 7). Автор упоминает о Любечском княжеском съезде 1097 г., который постановил: «Каждый да держит отчину свою». Но ни этому факту, ни появлению понятия «отчина», т. е. наследуемое от отца владение, он не придает никакого значения.

К выводу о господстве родовых отношений в княжеской среде С. М. Соловьев пришел, изучая летописи, которые были его единственным источником при изложении событий вплоть до XIV в., когда появляются княжеские духовные и договорные грамоты. Но именно летописцами была создана концепция о единстве княжеского рода и подчинении младших князей старейшим. Эта концепция

¹ См.: Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: VIII — первая половина IX в. Л., 1968; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М., 1972; Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982; Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

использовалась князьями во внутривластической борьбе, служила ее идеологическим оружием. Однако она находится в явном противоречии с реальным ходом истории. Историческая действительность не укладывается в рамки юридической схемы «лествичного восхождения». Конкретные вопросы княжеского владения решались в конечном счете реальной вооруженной силой, княжескими междоусобицами, в которых активное участие принимали и города. Более того, некоторые князья отвергали и сам идейный принцип «лествичного» обоснования своих прав. Так, волынский князь Изяслав Мстиславич говорил, что «не идет место к голове, а голова к месту». Это подтверждают многочисленные примеры, приводимые самим автором и противоречащие его общей концепции.

Зарождение первых элементов государственных отношений, вступающих в длительную борьбу с отношениями родовыми, С. М. Соловьев относит ко второй половине XII в. и связывает с появлением понятия «об отдельной собственности, которая исключала родовое единство, исключая понятие об общности, нераздельности владения». Это понятие об отдельной собственности впервые «явилося на севере вследствие преобладания там городов новых, которые, получив свое бытие от князя, были его собственностью» (С. 8). Зачинателем нового порядка автор считает Андрея Боголюбского, который родился на севере, провел там большую часть жизни и потому «воспитался и окреп в понятиях, господствовавших на северо-востоке, в городах новоупомянутых» (С. 86).

Радикально меняются, по мнению автора, и взаимоотношения между князьями, характер борьбы между ними. Если раньше князья боролись за старшинство на родовой «лествице», то теперь они стремятся «увеличить свою собственность, упрочить силу в своей семье, на счет других князей, других княжеств» (С. 108). При этом борьба сопровождается «поправлением всех старинных прав, всех родовых отношений» (Там же). Так, говоря о том, что в 1248 г. князь Михаил Хоробрит отнял у своего дяди Святослава великое княжение, С. М. Соловьев замечает: «Это явление чрезвычайной важности, ибо здесь мы видим совершенный произвол, совершенное невнимание ко всякому родовому праву, исключительное преобладание права сильного» (С. 105). Явлением «чрезвычайной важности» он считает и борьбу между сыновьями Александра Невского, так как Андрей Александрович Городецкий «вооружился» на своего старшего брата Дмитрия Александровича «вопреки всем правам» (См. там же).

Но что же здесь принципиально нового, чрезвычайно важного? Как уже отмечалось, и в предшествующий период борьба между князьями сопровождалась поправлением родовых прав, князья больше полагались на силу, нежели на права. Дело в том, что период господства родового строя С. М. Соловьев распространяет не только на древнюю, раннефеодальную, Русь, но и на часть этапа феодальной раздробленности. Поэтому аналогичные явления оказались у него по обе стороны отмеченного им рубежа.

В угоду своей концепции автор чрезмерно преувеличивает особенности Владимиро-Суздальской земли, оставив без внимания подобного рода явления, имевшие место в других частях страны. Отсюда его противопоставление Южной и Северной Руси. Под этим углом зрения он рассматривает и борьбу южных князей с северными: «Князья южные, или Ростиславичи, борются за старый порядок вещей, за старую Русь, за родовый быт, который хотя и упразднить Юрьевичи» (С. 89). То же самое можно сказать и относительно противопоставления историком старых, вечевых, городов городам новым, княжеским.

Таким образом, С. М. Соловьев началом становления государственного строя считает переход к феодальной раздробленности, означавший на самом деле не возникновение государственного строя, а лишь изменение его формы.

В современной научной литературе переход к феодальной раздробленности рассматривается как закономерный этап в развитии феодальной государственности, обусловленный эволюцией феодального строя от раннего феодализма к развитому. В основе этого процесса лежит развитие феодальной собственности, возникновение вотчинной системы хозяйства. Переход от сбора дани к эксплуатации крестьян в вотчинном хозяйстве приводит к «оседанию» князей и их дружин на земле, к складыванию местных корпораций феодальных землевладельцев,

к прекращению переходов князей с дружинами с одного «стола» на другой. При этом продолжают оставаться спорными некоторые вопросы: о политической форме Древнерусского государства, о времени начала феодальной раздробленности (середина XI в., конец XI в.—Любечский съезд 1097 г.—или первая половина XII в.)².

По Соловьеву, во второй половине XII в. становление государственных отношений только начинается, и завершается оно лишь во второй половине XVI в. Вся политическую историю этого длительного периода он излагает в соответствии со своей концепцией борьбы государственного начала с родовыми отношениями, которые тогда продолжали действовать. Это сказывается и на интерпретации Соловьевым конкретных событий политической истории.

Именно так он рассматривает феодальную войну в Московском княжестве во второй четверти XV в. Князь Юрий Дмитриевич Галицкий выступил против своего племянника Василия Васильевича, «поддерживая старинные права дядей», «основывая свои права на древнем родовом обычае» (С. 170), т. е. движение галицких князей характеризуется как реакционное. Здесь автор идет за летописями, содержащими описание событий с позиции победителя—Василия Темного. Представление о восстании Юрия и его сыновей как об удельной фронде, о консервативности их устремлений стало господствующим в литературе. Оригинальная концепция истории феодальной войны XV в. предложена А. А. Зиминим, выступившим против традиционного тезиса о прогрессивности борьбы Василия Темного с его соперниками³.

Исходя из представления о борьбе государственного и родового начал, Соловьев определяет и смысл острой внутривнутриполитической борьбы вокруг вопроса о престолонаследии в конце XV в. И здесь он видит борьбу сторонников старины и нового порядка. Эта борьба сводится им к противопоставлению бояр и княжат, носителей родового начала, детям боярским и дьякам, являвшимся опорой самодержавия. Историк так определяет расстановку сил. «Против Софьи были знатнейшие бояре; они поддерживали Елену, вдову Ивана Молодого, и сына ее Дмитрия; на стороне же Софьи и сына ее Василия стали члены младшей дружины, дети боярские, и дьяки» (С. 211). Эта точка зрения на долгое время утвердилась в литературе. Однако в последнее десятилетие исследователи пришли к противоположному выводу о пробоярской направленности группировки княжича Василия, опиравшейся на удельных князей, и об антиудельной направленности группировки Дмитрия и Елены, имевших прочную опору в среде высших бюрократических дельцов⁴.

Долгая борьба родового и государственного начал завершается, по Соловьеву, окончательной победой государственного строя во время царствования Ивана Грозного. Этим определяется и оценка им личности и политики первого русского царя.

² См.: Пауцто В. Т. Черты политического строя древней Руси//Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965; Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Он же. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. 2 изд. М., 1993; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—первой половине XIII в. М., 1977; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980; Толочко П. П. Древняя Русь: Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.

³ См.: Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.

⁴ См.: Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. Ч. II. М., 1951; Каптанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967; Зимин А. А. Россия на рубеже XV—XVI столетий. М., 1982.

Еще со времени самого этого царствования в русской литературе возник спор об оценке и значении мероприятий, осуществленных правительством Ивана IV, и о личности самого царя. С одной стороны, обращало на себя внимание очевидное укрепление Российского государства в 50-х годах XVI в., с другой — ужасные жестокости царя, массовые казни невинных людей. Уже в произведениях князя А. М. Курбского говорится о двух этапах правления Грозного: первом, когда благодаря совместному правлению с «мудрыми советниками» были достигнуты большие внешнеполитические успехи и проведены важные реформы, и вторым, когда царь начал гонения на знать, в результате чего Ливонская война ознаменовалась неудачами, а страна оказалась разоренной. Особенно резко осуждению подверглась введенная Иваном IV опричнина. Точка зрения Курбского легла в основу концепции ряда представителей дворянской историографии XVIII — начала XIX в., таких, как М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин. Не видя в опричнине никакого реального исторического смысла, они трактовали ее как результат действия только психологических факторов, как продукт патологического состояния самого царя.

По-иную подошел к характеристике деятельности Ивана Грозного С. М. Соловьев. Следуя своей концепции борьбы родового и государственного начал, он одним из первых в русской исторической науке увидел в действиях Ивана Грозного исторически обусловленную закономерность. Для Соловьева опричнина была последним решающим ударом по родовым отношениям, носителем которых он считал боярство. Опричнина, таким образом, впервые характеризовалась как акт сознательной и исторически оправданной политической деятельности. Недаром К. Д. Кавелин в своей рецензии на книгу С. М. Соловьева одобрительно отметил: «В г. Соловьеве Иоанн IV нашел достойного адвоката перед нашим временем»⁵.

С этим связана и восторженная характеристика личности Ивана Грозного: «Это был бесспорно самый даровитый государь, какого только нам представляет русская история до Петра В[еликого], самая блестящая личность из всех Рюриковичей» (С. 234). Впрочем, позже, в шестом томе «Истории России», парируя упреки в идеализации царя Ивана, он заметил: «Более чем странно желание некоторых оправдать Иоанна; более чем странно смешение исторического объяснения явлений с нравственным их оправданием»⁶.

Взгляды С. М. Соловьева на политическую историю России XVI в. получили дальнейшее развитие в трудах С. Ф. Платонова и Н. П. Павлова-Сильванского, которые увидели основу борьбы боярства против царской власти в привилегированном землевладении аристократии⁷, и в таком дополненном виде существенно повлияли на последующую историографию.

Концепция опричнины как необходимого этапа в процессе укрепления Российского государства, представления о борьбе боярства и дворянства как главном стержне политической истории средневековой России, об антицентрализаторских устремлениях боярства и соответственно об антибоярской направленности опричнины надолго стали господствующими в исторической литературе. На определенном этапе это привело к непомерному преувеличению роли Ивана IV в истории России, к идеализации его личности и деятельности, что отчасти связано и с политическими обстоятельствами. С конца 50-х годов XX в. началась интенсивная разработка проблем политической истории России XVI в., сопровождавшаяся пересмотром традиционных представлений. Появился ряд монографий, авторы которых занимают далеко не одинаковые позиции, многие вопросы продолжают

⁵ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. I. СПб., 1897. Стб. 411.

⁶ Наст. изд. Кн. III. С. 588.

⁷ См.: Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1898; Платонов С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. М., 1937.

оставаться спорными. В целом в них проявляется стремление к пересмотру взглядов на боярство и его роль в политической борьбе, на смысл и направленность опричных мероприятий. Поставлен вопрос о возможности иных путей изживания следов удельного времени, кроме пути опричнины. Все более теряет своих приверженцев концепция противоборства бояр и дворян, а также представление о реакционности боярства и его антицентрализаторских устремлениях⁸.

Специальный интерес представляет анализ С. М. Соловьевым переписки князя А. М. Курбского с царем (С. 258—271). И здесь он видит столкновение позиций сторонников родовых и государственных начал. «В этой драгоценной переписке,— пишет Соловьев,— перед нами говорят старая и новая Русь, Русь с родовым бытом и Русь с бытом государственным, говорят в лице своих представителей — Курбского, отъезжего боярина, потомка ярославских князей, и Ивана, в[еликого] к[нязя] московского, первого царя» (С. 258—259). В современной литературе эта переписка трактуется как выражение двух тенденций политического развития России того времени: сословно-представительная монархия или самодержавие⁹.

В «Истории отношений между русскими князьями Рюрикова дома» С. М. Соловьев выдвинул и обосновал одну, но очень важную часть его общей концепции истории России, а также и концепции «государственной школы» вообще. Этим определяется место данного труда в истории исторической науки.

«Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие» был опубликован в 1850 г. и никогда не переиздавался¹⁰.

В «Очерке...» использованы летопись, сведения иностранных авторов, а также этнографические материалы о народных верованиях и обрядах, опубликованные к тому времени.

И в этой работе С. М. Соловьев, давая характеристику обычаев и религии славян, исходит из тезиса о господстве «родового быта». «Славяне,— пишет он,— жили под формами родового быта; этого обстоятельства не должно упускать из виду при описании древних обычаев славянских» (С. 453). Это не могло не отразиться на истолковании приводимых данных и на общих выводах. Преувеличение влияния «родового начала» на верования славян отмечалось рецензентами.

С. М. Соловьев выделяет два пласта в славянском язычестве: поклонение стихийным божествам, олицетворявшим силы природы, и поклонение душам умерших, «которое условливалось родовым бытом и из которого преимущественно развилась вся славянская демонология» (С. 481). Естественно, основное внимание историк уделяет второму из этих пластов, что приводит к некоторым

⁸ См.: *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966; *Он же.* Опричный террор. Л., 1969; *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973; *Он же.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984; *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России: XV—XVI вв. М., 1985.

⁹ См.: *Черетин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 92—100; *Золотухина Н. М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985; *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси//Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993.

¹⁰ См.: Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, изд. Н. Калачовым. Кн. I. М., 1850. С. 1—54.

передержкам. Так, например, духов, олицетворявших воду, он считает духами умерших.

Господством «родового быта» С. М. Соловьев объясняет и то, что у восточных славян не могло развиваться общественное богослужение, не могло образоваться жреческое сословие» (Там же). «Летописи,— пишет он,— совершенно молчат о существовании храмов и жрецов» (С. 475). Этот вывод оказался ошибочным. Расширение источниковой базы, в основном путем привлечения новых археологических материалов, позволило современным исследователям не только установить существование жречества в дохристианской Руси, но и выявить его функции, а также источники и формы содержания. Археологические раскопки вскрыли и места общественого богослужения — языческие мольбища и храмы¹¹.

Отсутствием жречества и общественного богослужения С. М. Соловьев объясняет то, что язычество легко уступило христианству «общественное место». Но с другой стороны, следствием «родового, особого быта» явилась живучесть языческих верований в народной среде. Для славянина-язычника храм — его дом, а жрец — отец семейства, глава рода. Поэтому христианству «трудно было бороться с тайным служением божествам скрываемым, домашним» (С. 481). Христианство не могло вытеснить язычество потому, что эти две религии отражали разные стороны жизни человека: язычество касалось взаимоотношений человека с природой, а христианство — взаимоотношений между людьми. «Родовой быт» здесь ни при чем.

Читая эту работу С. М. Соловьева, следует иметь в виду, что она вышла в то время, когда изучение славянского язычества только начиналось. Основные исследования по этой проблеме появились позже¹². Тем не менее и этот небольшой очерк занимает свое, хотя и достаточно скромное, место в истории изучения язычества древних славян.

При невероятной загруженности научно-исследовательской и преподавательской работой С. М. Соловьев находил время и возможности для популяризации исторических знаний. Он выступал с публичными лекциями, издавал учебные пособия, писал популярные статьи. Одной из таких работ является публикуемая здесь «Русская летопись для первоначального чтения». Это перевод летописи на современный язык, предназначенный для читателей, которым трудно читать ее в подлиннике. Впервые «Русская летопись...» была издана в 1847 г.¹³, а позже шесть раз переиздавалась: в 1866, 1871, 1886, 1889, 1900 и 1908 гг.

Комментировать эту работу нет необходимости. Приведем лишь отзыв рецензента: «Особенно приятно в этом издании видеть, что и у нас такие ученые, как С. М. Соловьев, посвящают свой труд для распространения сведений в массах, чем обыкновенно наши ученые пренебрегают, оставляя подобную заботу спекуляторам или лицам. Убежденным, что учебники и пособия не требуют от составителя больших знаний»¹⁴.

¹¹ См.: *Шапов Я. Н.* Церковь в системе государственной власти древней Руси// *Древнерусское государство и его международное значение.* М., 1965; *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.

¹² См.: *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. I—III. М., 1865—1869; *Фамилицын А. С.* Божества древних славян. СПб., 1884; *Гальковский Н.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. I—II. М., 1913; *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. СПб., 1914; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981; *Он же.* Язычество древней Руси. М., 1987.

¹³ См.: Новая библиотека для воспитания. 1847. Кн. 2, 4, 5, 8.

¹⁴ Вестник Европы. 1866. Кн. 12. С. 31—32.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Аарон, библ. 264
 Абдул (Авдул), хан золотоордынский 142
 Абин, кредитор ордынский 311
 Август, имп. римский 235, 264
 Авель, библ. 274
 Аверкий, б-н ростовский, воев. 313
 Авимелех, библ. 265
 Авирон, библ. 264
 Авраамий, еп. суздальский 320, 465
 Авраамий Палицын, келарь Троице-Сергиева мон., писатель 337
 Авсень (Таусен, Ясень), миф. 467
 Агафия. См. Кончака
 Агриппина, кнг., жена в. кн. рязанского Ивана Васильевича 201
 Адам, библ. 148, 186
 Адам Бременский, еп. германский, автор хроники 450, 484
 Адашев Алексей Федорович, окольный, думный дворянин 249, 250, 267, 334, 335
 Адашев Федор Григорьевич, б-н 253
 Адель (Адилъ), кнг., жена в. кн. киевского Владимира I Святославича 30
 Азбък. См. Узбек
 Аким, архиеп., корсунянин 478
- * В указателе приняты сокращения: архиеп.—архиепископ, архим.—архимандрит, библ.—библейский, б-н— боярин, в.—великий, воев.—воевода, др.-греч.—древнегреческий, друж.—дружинник, еп.—епископ, иг.—игумен, имп.—император, кн.—князь, кнг.—княгиня, кор.—король, легенд.—легендарный, митр.—митрополит, миф.—мифологический, мон.—монастырь, св.—святой, соч.—сочинение.
- Акинф, б-н тверской, воев. 116, 308
 Александр Андреевич, б-н в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 158
 Александр Васильевич, кн. нижегородский, суздальский, сын кн. Василия Михайловича 314
 Александр Всеволодович, кн. бельзский, владими́ро-во́лыньский, сын кн. Всеволода Мстиславича 442—444
 Александр Данилович, кн. московский, сын кн. Даниила Александровича 313
 Александр Иванович Брюхатый, кн. суздальский, воев. в. кн. Василия II Васильевича Темного 177, 319
 Александр Иванович Нелюб, кн. литовский, сын кн. Ивана Ольгимонта 164, 318
 Александр Казимирович, в. кн. литовский, кор. польский 214—223, 328—332
 Александр Маркович, б-н тверской, посол 118
 Александр Михайлович, кн. пронский 139
 Александр Михайлович, кн. тверской, в. кн. владимирский, сын в. кн. Михаила Ярославича 119, 130—134, 137, 308, 312, 313
 Александр Попович, русский богатырь 442
 Александр Ярославич Невский, в. кн. владими́ро-суздальский, сын в. кн. Ярослава II Всеволодовича 22, 105—107, 115, 133, 139, 161, 162, 305, 306, 308, 492
 Алексей. См. Адашев Алексей Федорович
 Алексей (Олексей), митр. московский и всея Руси 136, 138, 148, 156, 157
 Алексей, протопоп Успенского собора в Москве 336

- Алексей (Олексей) Петрович, 6-н, тысяцкий московский 140, 315
- Алексей Святославич, 6-н киевский 411
- Амбал. См. Амбал Ясин
- Анастас (Настас), еп. киевский, корсу-нянин 352
- Анастасия. См. Софья Витовтовна
- Анастасия (Настасья), любовница кн. галицкого Ярослава Владимиро-вича Осмомысла 97, 303
- Анастасия (Настасья) Ивановна, кнг., дочь в. кн. Ивана III Васильевича 232
- Анастасия Романовна (урожд. Захары-на-Юрьева), царица, 1-я жена Ива-на IV Васильевича Грозного 252, 256, 257, 260, 270
- Анбал (Амбал) Ясин, ключник в. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 92, 303, 414, 415
- Андрей, еп. тверской 112
- Андрей, корольчик венгерский 426, 442—444
- Андрей II, кор. венгерский, сын кор. Белы III 99, 432
- Андрей Александрович, кн. городец-кий, в. кн. владимирский, сын в. кн. Александра Ярославича Не-вского 108—117, 307, 308, 316, 492
- Андрей (Ондрей) Борисович, кн. мику-линский 200
- Андрей Васильевич Большой, кн. уг-личский, сын в. кн. Василия II Ва-сильевича Темного 199, 200, 204—208, 210, 243, 265
- Андрей Васильевич Меньшой, кн. во-логодский, сын в. кн. Василия II Васильевича Темного 204, 206, 310
- Андрей Владимирович, кн., сын кн. бо-ровского, серпуховского Владими-ра Андреевича Храброго 172
- Андрей Владимирович Добрый, кн., сын в. кн. Владимира II Всеволодо-вича Мономаха 19, 21, 56—58, 61—64, 67, 81, 83, 291, 293, 294, 299, 373
- Андрей Дмитриевич, кн. можайский, верейский, сын в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 127, 159, 168, 169, 174, 175, 180
- Андрей Иванович, кн. серпуховской, сын в. кн. московского Ивана I Да-ниловича Калиты 134—136, 140, 141, 315
- Андрей Иванович, кн. старицкий, сын в. кн. Ивана III Васильевича 223, 236, 238—241, 243, 250, 251, 333
- Андрей Константинович, кн. суздаль-ский, нижегородский, сын кн. Кон-стантина Васильевича 141, 316
- Андрей Мстиславич, кн. козельский 139
- Андрей Ольгердович, кн. полоцкий, псковский, сын в. кн. литовского Ольгерда 150
- Андрей Юрьевич, кн. галицко-волын-ский, сын кн. Юрия Львовича 143
- Андрей Юрьевич Боголюбский, в. кн. владимирский, сын в. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 7—10, 12—14, 17, 22, 23, 59, 75, 77, 78, 82, 85—94, 98, 99, 102, 103, 141, 152, 278, 297, 299—302, 315, 392, 394, 395, 399, 406, 410—417, 420, 425, 491
- Андрей Ярославич, кн. владимирский, сын в. кн. Ярослава II Всеволодо-вича 105, 106, 139, 161, 305, 306
- Андрон (Ондрон), житель г. Ржева 326
- Аничков Е. В., ученый 496
- Анна, греческая царевна, жена в. кн. Владимира I Святославича 30, 352
- Анна, кнг., дочь кн. Мстислава Мстис-лавича Удалого 432, 442
- Анна Васильевна, кнг., дочь в. кн. Ва-силия II Васильевича Темного 200
- Анна Григорьевна (урожд. Васильчико-ва), царица, 5-я жена Ивана IV Ва-сильевича Грозного 276
- Антоний, 6-н переяславский 110
- Антоний, св., иг. Киево-Печерского мон. 41
- Аполлон, миф. 464
- Аркадий, имп. византийский 252
- Арнольд, имп. германский из династии Каролингов 281
- Арсений, еп. псковский 312
- Арсений, еп. рязанский 96, 303
- Арсений, иг. Козмодамианского мон. 415
- Арсений, киевлянин 489
- Артемий, еп. галицкий 444
- Артемий, иг. Троице-Сергиева мон., публицист 335
- Арцыбашев Н. С., историк 292, 303, 307, 316, 318
- Аскольд, полулугенд. кн. киевский 24, 342, 343, 458
- Асмуд, воев. киевский в. кн. Игоря I 345
- Астарта, миф. 485
- Астрабыл, воев. золотоордынского ха-на Узбека 309
- Афанасий (Офонасий), 6-н 123

- Афанасий Аранченко. См. Еропкин (Яропкин) Афанасий
- Афанасий Данилович, кн., сын в. кн. московского Даниила Александровича 313
- Афанасий Ярославич, кн., сын кн. Ярослава Всеволодовича 305
- Афанасьев А. Н., фольклорист 496
- Афет. См. Иафет
- Ахмат (Ахмед), хан золотоордынский 206, 327
- Ахмыл, посол золотоордынского хана Узбека 118, 309
- Байва, миф. 480, 489
- Батый, хан монгольский, основатель Золотой Орды 104, 305, 445, 447, 448
- Баян, легенд. певец 465
- Бегич, мурза, посол татарский 156, 319
- Безобразов, постельничий 310
- Беклемишев Берсень Иван Никитич. См. Берсень-Беклемишев Иван Никитич
- Бела III, кор. венгерский 99
- Бела IV, кор. венгерский 443
- Белевский Андрей Васильевич, кн. 215
- Белевский Василий Васильевич, кн. 215
- Беловолод Просович, б-н черниговский 423
- Бельские, князя 241, 242, 330
- Бельский Дмитрий Федорович, кн. 232, 258
- Бельский Иван Дмитриевич, кн. 257
- Бельский Иван Федорович, кн. 232, 241—244, 248
- Бельский Семен (Симеон) Иванович, кн. 219, 241, 329
- Бельский Федор Иванович, кн. 329
- Беляев И. Д., историк 280
- Берг Н., переводчик 282, 488
- Берсень-Беклемишев Иван Никитич, сын боярский, дипломат 203, 211, 230, 255, 256
- Берында Памва, деятель украинской культуры 458, 464, 465
- Бигич. См. Бегич
- Блуд, б-н киевский, воев. в. кн. Ярополка Святославича 27, 350, 351
- Блудов Федор, б-н 216, 323
- Бобр, воев. московский 181
- Бодянский О. М., историк-славист, переводчик 315, 485
- Болеслав, кн. мазовецкий 144, 194, 195
- Болеслав I Храбрый, кор. польский 31—34, 358, 362
- Болеслав II Смелый, кор. польский 40—43, 47, 52, 289
- Болеслав III Кривоустый, кор. польский 55
- Болеслав IV Кудрявый, кор. польский 75, 391
- Боняк Шолудивый, хан половецкий 291, 423
- Боплан Гийом Левассер де, французский инженер, автор «Описания Украины» 456, 483
- Борис, посол рязанский 416
- Борис Александрович, в. кн. тверской, сын в. кн. Александра Ивановича 179—181, 183, 192, 193, 322
- Борис Васильевич, кн. волоцкий, сын в. кн. Василия II Васильевича Темного 204—208, 310
- Борис Василькович, кн. ростовский, сын кн. Василька Константиновича 104, 306
- Борис Владимирович, св., кн. ростовский, сын в. кн. Владимира I Святославича 16, 29—32, 34, 47, 283, 288, 355, 356, 414
- Борис Ворьков, б-н в. кн. Ивана I Даниловича Калиты 121
- Борис Вячеславич, кн. смоленский, сын кн. Вячеслава Ярославича 43, 287, 363
- Борис Данилович, кн. московский, сын кн. Даниила Александровича 116, 309, 313
- Борис Жирославич (Жидиславич), воев. в. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 90, 410, 412
- Борис Захарьевич, б-н 420
- Борис Константинович, кн. нижегородский, сын кн. суздальского Константина Васильевича 154, 161, 316
- Борис Федорович, б-н тверской 314
- Борис Юрьевич (Георгиевич), кн. белгородский, сын кн. Юрия Владимировича Долгорукого 83, 297, 299, 301, 395
- Борисов Федор, сын боярский 228
- Брячислав Изяславич, кн. полоцкий, сын кн. Изяслава Владимировича 34
- Брячислав Святополкович, кн., сын в. кн. Святополка Изяславича 19, 57
- Будый, воев. в. кн. Ярослава I Владимировича Мудрого 358
- Бурца, слуга б-на Оболенского-Лыко Ивана Владимировича 326
- Буслаев Ф. И., славист, историк литературы 484, 485, 487, 488
- Бутурлин, б-н, воев. 247

- Валуев Д. А., историк 280, 283, 310
 Варах, библ. 264
 Варлаам (Варлам), еп. коломенский 320
 Варяжко (Варяж), друж. в. кн. Ярополка Святославича 28, 351
 Василь, б-н волынский, друж. 52, 290
 Василий (Василь), друж., половец 295
 Василий, еп. тверской 147
 Василий, кн. козельский 447
 Василий I Дмитриевич, в. кн. московский, владимирский, сын в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 17, 19, 122, 127, 156, 158—169, 171, 179, 182, 194, 202, 212, 217, 311, 317, 318
 Василий II, имп. византийский 30, 352
 Василий II Васильевич Темный, в. кн. московский, владимирский, сын в. кн. Василия I Дмитриевича 17, 169—187, 189—195, 197, 198, 200—202, 221, 237, 271, 318—320, 322, 323, 328, 493
 Василий III Иванович, в. кн. московский, сын в. кн. Ивана III 6, 9, 124, 125, 203, 207, 208, 210—214, 223—225, 227—230, 232—234, 236, 237, 239, 254—256, 265, 271, 276, 310, 327, 328, 332, 493
 Василий Андреевич, кн. суздальский, нижегородский, сын в. кн. Андрея Ярославича 139
 Василий Беда, подьячий в. кн. Василия II Васильевича Темного 188
 Василий Васильевич. См. Вельяминов Василий Васильевич
 Василий Владимирович, кн., сын кн. старицкого Владимира Андреевича 320, 338
 Василий Всеволодович, кн. ярославский, сын кн. суздальского Всеволода Константиновича 112
 Василий Гаврилович, б-н галицкий 444
 Василий Давидович, кн. ярославский, сын кн. Давида Федоровича 134, 313
 Василий Иванович, в. кн. рязанский, сын кн. Ивана Федоровича 200
 Василий Иванович, кн. тарусский 323
 Василий Иванович Шемячич, кн. новгород-северский, внук в. кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки 219, 225—227, 330
 Василий Иванович Шуйский, кн., б-н, затем царь 22, 162, 486
 Василий Карло, дьяк митр. Ионы 323
 Василий Качева, б-н московский 134
 Василий Константинович, кн. острожский 306
 Василий (Василько) Константинович, кн. ростовский, сын кн. Константина Всеволодовича 104, 305, 445, 447
 Василий Михайлович, кн. верейский, сын кн. Михаила Андреевича 202, 203, 217
 Василий Михайлович, кн. кашинский, сын в. кн. тверского Михаила Ярославича 137, 138
 Василий Михайлович, кн. новосельский и одоевский 197
 Василий Пантелеймонович, кн. козельский 139
 Василий (Василько) Романович, кн. владими́ро-во́льский, сын кн. галицкого Романа Мстиславича 13, 101, 142, 143, 294, 432, 443, 444
 Василий (Василько) Ростиславич, кн. теребовльский, сын кн. Ростислава Владимировича 12, 46, 51—54, 56, 66, 289—291, 366—369
 Василий Румянец, б-н кн. Бориса Константиновича 161
 Василий Семенович, кн. стародубский, сын кн. Семена Ивановича 225, 226
 Василий Шига, наместник кн. можайского Ивана Андреевича 320
 Василий (Василько) Юрьевич, кн. суздальский, шуйский, сын в. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 182, 297, 300, 301, 406
 Василий Юрьевич Косой, кн. звенигородский, сын кн. галицкого и звенигородского Юрия Дмитриевича 171, 172, 174—178, 187, 319
 Василий (Василько) Ярополкович, кн., сын кн. Ярополка Святославича 300
 Василий Ярославич, кн. костромской, сын в. кн. Ярослава II Всеволодовича 107, 108, 305, 307, 308
 Василий Ярославич, кн. серпуховской и боровский 180, 181, 183, 184, 189, 190, 197, 210, 323
 Вассиан, еп. ростовский 206
 Вассиан Топорков, еп. коломенский 255, 256, 259
 Васюков Шулеп Усатый, дьяк 204
 Ватазин, тиун в. кн. Дмитрия Юрьевича Шемяки 185
 Вацерад, мнимый автор чешских глосс XII в. 457, 458
 Велес, миф. 465

- Вельяминов Василий Васильевич, б-н, тысяцкий 156, 157, 172, 315, 317, 319
- Вельяминов Иван Васильевич, сын боярский 156, 157
- Вельяминов Николай Васильевич, сын боярский 157, 172
- Вельяминов Тимофей Васильевич, б-н, воев. 158
- Вельяминова Мария Михайловна, жена тысяцкого Василия Васильевича 157
- Вельяминовы, боярский род 157
- Венера, миф. 475
- Веселовский С. Б., ученый 495
- Видукинд (Витикинд) Корвейский, монах и историк 21, 280
- Вильгельм I Завоеватель, кор. английский 281
- Висковатый Иван Михайлович, большой дьяк 252, 335
- Витень (Витенис), в. кн. литовский 144
- Витикинд. См. Видукинд
- Витовт (Витаутас), в. кн. литовский, сын кн. Кейстута 150, 151, 160, 162—166, 169, 191, 192, 194, 196, 217, 218, 317, 318, 322, 328
- Владимир I Святославич Великий, в. кн. киевский, сын в. кн. Святослава Игоревича 23, 25—32, 34, 35, 38, 42, 144, 163, 210, 216, 220, 236, 237, 260, 262, 281—283, 285, 346, 347, 350—356, 460, 465, 475, 479, 482
- Владимир II Всеволодович Мономах, кн. черниговский, в. кн. киевский, сын кн. Всеволода I Ярославича 8, 12, 19, 37, 42, 43, 45—61, 64, 65, 69—72, 74, 76, 77, 79, 82, 88, 89, 91, 94, 100, 275, 281, 287—292, 295, 301, 302, 305, 314, 363—374, 380, 404, 413, 418, 451, 477, 478
- Владимир Андреевич, кн. дорогобужский, сын кн. Андрея Владимировича Доброго 21, 71, 81, 82, 84, 85, 88, 300—302, 400
- Владимир Андреевич, кн. старицкий, сын кн. старицкого Андрея Ивановича 18, 243, 251—254, 260, 269, 270, 271, 311, 315, 335, 338
- Владимир Андреевич Храбрый, кн. серпуховской, боровский, сын кн. Андрея Ивановича 136, 140—142, 149, 153—156, 159, 167—169, 171, 174, 178, 317
- Владимир Василькович, кн. владимиро-волинский, сын кн. Василька Романовича 66, 69, 143
- Владимир (Володимирко) Владимирович, кн. галицкий, сын кн. Владимира Ростиславича 66—69, 75—79, 84, 97, 98, 142, 297—299, 391, 393—395, 400—403
- Владимир (Дмитрий) Всеволодович, кн., сын кн. Всеволода III Юрьевича 435
- Владимир Глебович, кн. переяславский, сын кн. Глеба Юрьевича 94, 424
- Владимир (Володарь) Глебович, кн. рязанский, сын кн. Глеба Ростиславича 407
- Владимир Давидович, кн. черниговский, сын кн. Давида Святославича 66, 78, 80, 82, 83, 292—296, 374—377, 379—381, 386, 388, 389, 399, 400
- Владимир Игоревич, кн. северский, в. кн. киевский, сын кн. Игоря Святославича 422, 432
- Владимир Константинович, кн. углицкий, сын кн. Константина Всеволодовича 104, 105, 305, 445
- Владимир Мстиславич, кн. волинский, сын кн. Мстислава Владимировича Великого 19, 72, 81—85, 87, 88, 298—301, 382, 383, 394, 395, 397, 408, 410, 411
- Владимир Мстиславич, кн. псковский, сын кн. Мстислава Ростиславича Храброго 420, 436—439
- Владимир (Володарь) Ростиславич, кн. галицкий, сын кн. Ростислава Владимировича 46, 51, 53—56, 66, 287—291, 294, 369
- Владимир (Димитрий) Рюрикович, кн. смоленский, сын кн. Рюрика Ростиславича 304, 434—440, 442
- Владимир Святославич, кн. новгородский, сын в. кн. Святослава Всеволодовича 417, 423
- Владимир Святославич, кн. рязанский, сын кн. Святослава Ярославича 296
- Владимир Юрьевич, кн. московский, сын в. кн. владимирского Юрия II Всеволодовича 445, 446
- Владимир Юрьевич, кн. московский, сын в. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 305
- Владимир Ярославич, кн. галицкий, сын кн. Ярослава Владимировича Осмомысла 97—99, 101, 281, 303, 304, 425—427, 430
- Владимир Ярославич, кн. новгородский, сын в. кн. Ярослава I Влади-

- мировича Мудрого 20, 35, 43, 58, 359, 360
- Владимировичи, князья 55, 303, 304, 427
- Владислав, б-н галицкий 432
- Владислав (Чешский), кор. богемский 75
- Владислав II. См. Ягайло
- Владислав VI Ягеллон, кор. венгерский и чешский 220, 221
- Владислав (Володислав) Воротиславич, б-н в. кн. Мстислава Изяславича 300
- Владислав Герман, кор. польский, сын Казимира I 47, 55
- Владислав Завидович, новгородец, сын посадника 434
- Власий, св. 465
- Войтишич Глеб, б-н, тысяцкий киевский 375, 376
- Войтишич Иван, б-н, тысяцкий 375, 376
- Войцех, еп. виленский 222
- Володарь. См. Владимир
- Волос, миф. 463, 465
- Воронцов Василий Семенович, б-н 248
- Воронцов Иван Никитич, б-н 231
- Воронцов Михаил Семенович, кн., воев. 241
- Воронцов Федор Семенович, б-н 247, 248
- Воротынские, князья 215, 276
- Воротынский Александр Иванович, кн. 257
- Воротынский Василий Кривой, кн. 215
- Воротынский Владимир Иванович, кн. 252, 254
- Воротынский Иван Михайлович, кн. 215, 232
- Воротынский Михаил Иванович, кн., воев. 258, 276
- Воротынский Семен Федорович, кн. 214, 215
- Воротынский Федор Львович, кн. 189, 196, 197, 321
- Востоков А. Х., филолог, археограф 483, 484, 486, 487
- Вратислав, кн. чешский 43
- Всеволод I Ярославич, кн. переяславский, черниговский, в. кн. киевский, сын в. кн. Ярослава I Владимировича Мудрого 15, 19, 20, 35—41, 43—51, 55, 59, 61, 285, 287, 288, 302, 360—364, 368, 371
- Всеволод II Ольгович, кн. черниговский, в. кн. киевский, сын кн. Олега Святославича 14—16, 58, 60—71, 91, 291—295, 302, 315, 371—377
- Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, в. кн. владимирский, сын в. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 12, 17, 89, 93—96, 98—103, 105, 151, 152, 214, 301—304, 314, 411, 412, 416—419, 427—433
- Всеволод Александрович, кн. холмский, сын в. кн. тверского Александра Михайловича 137, 138
- Всеволод Владимирович, кн. владимиро-волинский, сын в. кн. киевского Владимира I Святославича 17, 23, 30, 280, 284
- Всеволод (Всеволодко) Давидович, кн. городенский, сын кн. Давида Игоревича 58, 291
- Всеволод Константинович, кн. ростовский, сын кн. Константина Всеволодовича 104, 132, 305, 445
- Всеволод Мстиславич, кн. новгородский, смоленский, сын кн. Мстислава Романовича Старого 436, 437, 440
- Всеволод Мстиславич, кн. новгородский, сын кн. Мстислава I Владимировича Великого 57, 61, 62, 64, 292, 372
- Всеволод Святославич, кн. трубчевский, сын кн. Святослава Ольговича 300, 422, 423
- Всеволод Святославич Чермный, кн. черниговский, в. кн. киевский, сын в. кн. Святослава Всеволодовича 101, 433
- Всеволод Юрьевич, кн. новгородский, суздальский, сын в. кн. Юрия II Всеволодовича 445, 446
- Всеволодовичи, князья 44, 58, 60, 103
- Вселав Брючславич, кн. полоцкий, сын кн. Брючслава Изяславича 39—41, 43, 44, 72, 285, 287, 361, 362, 364, 382
- Вселав Васильевич (Василькович), кн. полоцкий, сын кн. Василия Рогволодовича 420
- Вук Стефанович. См. Караджич Вук Стефанович
- Вулкан, миф. 463
- Выродков Иван Григорьевич, большой дьяк 261
- Вышата, воев. киевский 359, 360
- Вышата Остромир, сын воев. новгородского 284
- Вышеслав Владимирович, кн. новгородский, сын в. кн. Владимира I Святославича 29, 30, 282

- Вяземские, князья 216, 245
 Вяземский Андрей Юрьевич, кн. 215
 Вячеслав Владимирович, кн. туровский, в. кн. киевский, сын в. кн. Владимира II Всеволодовича Мономаха 16, 19, 57, 58, 62, 64, 67—69, 71, 75—80, 82, 291—294, 298, 299, 301, 372, 391—394, 396—400, 404, 405
 Вячеслав Ярополкович, кн., сын кн. Ярополка Изяславича 290
 Вячеслав Ярославич, кн. клецкий, сын кн. Ярослава Святополковича 58, 291, 293
 Вячеслав Ярославич, кн. смоленский, сын кн. Ярослава Владимировича Мудрого 13, 15, 17, 19—21, 35—37, 39, 43, 284, 360, 363
- Гавриил (Гаврила) Игоревич, новгородец 434
 Гавриил Милытинич, новгородец 434
 Гальковский Н., ученый 496
 Гаральд, кор. датский 489
 Гваньини Александр, польский хронист 338
 Гедеон, библ. 264, 265
 Гедимин (Гедиминас), в. кн. литовский 133, 144, 145, 210, 212, 220, 312
 Гедиминовичи, потомки в. кн. литовского Гедимина 144, 163, 194, 196, 216, 219, 220, 236
 Геза II, кор. венгерский 16
 Гейзерих, кор. вандалов 22
 Гельмольд, немецкий миссионер, автор хроники 450—452, 482, 488
 Гемябек, воев. татаро-монгольский 440, 441
 Гензерих. См. Гейзерих
 Генрих (Индрик), кн. польский 391
 Генрих II, имп. германский 33
 Генрих IV, имп. германский 41, 42
 Георгий, венгр, княжеский слуга 356
 Георгий. См. Юрий Всеволодович, кн. суздальский
 Герберштейн Сигизмунд фон, немецкий дипломат, автор соч. о России 211, 229, 314, 318, 319, 332, 334
 Герман, посол кор. польского Казимира IV 323
 Геродот, др.-греч. историк 288
 Геронтий, архим. московского Симонова мон., затем митр. московский и всея Руси 231, 320
 Глеб Владимирович, кн. рязанский, сын кн. Владимира Глебовича 95
 Глеб Владимирович, св., кн. муромский, сын в. кн. киевского Владимира I Святославича 28, 30, 32, 47, 283, 288, 356, 357
 Глеб Всеславич, кн. минский, сын кн. Всеслава Брячиславича 12, 55, 291
 Глеб Зеремеевич, воев. галицкий 442
 Глеб Ростиславич, кн. друцкий, сын кн. полоцкого Ростислава Глебовича 406
 Глеб Ростиславич, кн. рязанский, сын кн. Ростислава Ярославича 416, 419
 Глеб Ростиславич, кн. смоленский, сын в. кн. Ростислава Мстиславича 112
 Глеб Ростиславич, кн. новгородский, сын кн. черниговского Святослава Ярославича 39, 41, 43, 284, 285, 360
 Глеб Святославич, кн. переяславский, сын кн. Святослава Всеволодовича 94
 Глеб Юрьевич (Георгиевич), кн. переяславский, сын кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 16, 73, 80, 87—89, 94, 296, 297, 301, 302, 380, 392, 404, 411, 423
 Глинские, князья 241, 242, 248, 249
 Глинская Елена. См. Елена Васильевна Глинская
 Глинский Василий Михайлович, кн. 233, 257, 325
 Глинский Михаил Васильевич, кн., воев. 214, 257, 335
 Глинский Михаил Львович, кн. 236, 237, 241
 Глинский Юрий Васильевич, кн. 249
 Говдыревские. См. Одыревские
 Горбатый Борис Иванович, кн. 237, 238
 Горясер, слуга княжеский 357
 Григорий, иг. Андреевского мон. в Кивее 60, 292, 371
 Григорий VII, папа римский 42, 286, 489
 Григорий Васильевич, б-н галицкий 444
 Григорий Васильевич, кн. галицкий, сын кн. Василия (Василько) Ростиславича 66, 69
 Григорий Хотович, тысяцкий киевский 302, 411
 Григорьев В. В., историк-востоковед, публицист 312
 Гримм Якоб и Вильгельм, братья, немецкие филологи-германисты 281, 483, 486
 Грязные, oprичники 245
 Губе Иосиф, историк-славист 238
 Гусев Владимир Елизарович, дьяк, сын боярский 212, 327
 Гюрга, Георгий. См. Юрий I Владимирович Долгорукий

- Давид, библ. 235, 259, 264
 Давид Вышатич, б-н галицкий 444
 Давид Долгошеин, устюжанин 320
 Давид Игоревич, кн. владими́ро-во-
 льнский, сын кн. Игоря Ярославича
 12, 13, 38, 46, 47, 51—54, 58,
 287—290, 366—369
 Давид Ольгович, кн. черниговский, сын
 кн. Олега Святославича 291, 292
 Давид Ростиславич, кн. смоленский,
 сын кн. Ростислава Мстиславича
 89, 90, 265, 281, 284, 288, 300—304,
 410—412, 420, 423, 424, 426, 427,
 429, 430
 Давид Святославич, кн. новгородский,
 сын кн. Святослава Ярославича 12,
 45, 50, 51, 55, 57, 289—291, 366,
 368, 369
 Давид Юрьевич, кн. муромский, сын
 кн. Юрия Ростиславича 95
 Давидовичи, княжеский род 13, 65, 68—
 70, 72, 73, 78, 81—83, 293—296,
 374—382, 384—386, 389, 393, 396
 Дажбог (Даждьбог, Дажба), миф. 351,
 464, 465, 485
 Даниил, иг., затем митр. московский
 и всея Руси, писатель 229, 232, 236,
 242, 255, 256, 333
 Даниил Александрович, кн. москов-
 ский, сын в. кн. Александра Яросла-
 вича Невского 110, 111, 113—
 116, 130, 133, 140, 151, 307, 308, 489
 Даниил Дмитриевич, кн. холмский
 230—232
 Даниил Заточник, др.-русский писатель
 281, 470
 Даниил (Данила) Паломник, монах 485
 Даниил Романович, кн. галицкий, сын
 кн. Романа Мстиславича 101, 106,
 142, 143, 431, 432, 440—445, 448
 Даниил Ярославич, кн., сын в. кн. Яро-
 слава Всеволодовича 305
 Данила Федорович, б-н московский 318
 Дафан, библ. 264
 Дашкович Евстафий, воев. литовский
 332
 Девет-Гирей, крымский хан 258
 Дедилец, посол рязанский 416
 Дедков Губа, сын боярский 229
 Демьян, воев. галицкий 442, 443
 Демьян (Дамиан), еп. каневский 405
 Денис Голубькиннич, житель г. Ржева
 326
 Держикрай Владислав, воев. галицкий
 441
 Дир, полулегенд. кн. киевский 24, 342,
 343, 458
 Дитмар, еп. мерзебургский, автор хро-
 ники 29, 283, 461, 484
 Длугош Ян, польский историк 483,
 486
 Дмитрий Александрович, кн. переяс-
 лавский, новгородский, сын в. кн.
 Александра Ярославича Невского
 107—112, 117, 306—308, 492
 Дмитрий Андреевич, кн., сын кн. уг-
 лицкого Андрея Васильевича 243
 Дмитрий Борисович, кн. ростовский,
 сын кн. Бориса Васильковича 111,
 112, 307
 Дмитрий Ейкович, б-н, воев. киевский
 448
 Дмитрий Иванович, кн. галицкий, сын
 кн. Ивана Давидовича 314
 Дмитрий Иванович (Иоаннович), кн.
 московский, внук в. кн. Ивана III
 Васильевича 18, 202, 207—213, 229,
 238, 255, 265, 327, 493
 Дмитрий Иванович, царевич, сын Ива-
 на IV Васильевича Грозного 251—
 254, 265, 276, 335
 Дмитрий Иванович Донской, в. кн. мо-
 сковский и владимирский, сын
 в. кн. Ивана II Ивановича 19, 121,
 122, 127, 128, 141, 142, 146—160,
 165, 168—170, 172—174, 183, 235,
 236, 313—317
 Дмитрий Иванович Жилка, кн. углиц-
 кий, сын в. кн. Ивана III Василье-
 вича 125, 223, 227, 228
 Дмитрий Константинович, в. кн. суз-
 дальский, нижегородский, сын кн.
 Константина Васильевича 141, 142,
 146, 147, 153, 154, 157, 161, 172,
 182, 316
 Дмитрий Кориадович, кн., сын кн. ли-
 товского Кориада Ольгердовича
 316
 Дмитрий Михайлович, б-н московский
 158
 Дмитрий Михайлович, кн., сын в. кн.
 тверского Михаила Ярославича
 116, 119, 309
 Дмитрий Ольгердович, кн. трубчев-
 ский, брянский, сын в. кн. литов-
 ского Ольгерда 150
 Дмитрий Юрьевич Красный, кн., сын
 в. кн. Юрия Дмитриевича 174,
 175, 177
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, в. кн. мо-
 сковский, звенигородский, галиц-
 кий, сын в. кн. Юрия Дмитриевича
 171, 174—189, 193, 195, 212, 320,
 321

- Добровский Йосеф, чешский историк-славист 485
- Добрыня, любчанин, воев. киевский 25, 28, 33, 347, 475
- Доньяр, царевич татарский 201
- Дорожай (Дорож), воев. владимирский 314, 446
- Дубровский Казарин Юрьевич, большой дьяк 337
- Дюдень, брат ногайского хана 112
- Дюрга Ярославич. См. Юрий Ярославич
- Евдокия, царица, жена имп. византийского Аркадия 252
- Евдокия Дмитриевна, в. кнг., жена в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 172
- Евдокия Ярославна, кнг., дочь в. кн. Ярослава II Всеволодовича 306
- Евнутий (в крещении Иван), кн. виленский, сын в. кн. литовского Гедимина 145
- Евсей, новоторжец 317
- Евстафий Мстиславич, кн. тмутараканский, сын кн. Мстислава Владимировича 34
- Евфросиния, кнг., жена кн. углицкого Андрея Ивановича Меньшого 243
- Едигей (Эдигей), правитель Золотой Орды, военачальник 162—165, 167
- Езекия, библ. 42
- Елеазар, библ. 264
- Елена Васильевна Глинская, в. кнг., жена Василия III Ивановича 229, 233, 236—241, 246, 254, 256, 266, 333
- Елена (Олена) Ивановна, кнг., дочь Ивана III Васильевича, жена в. кн. литовского Александра 217—219, 221, 222, 327—329, 331, 332
- Елена Стефановна, волошанка, в. кнг., жена Ивана Ивановича Молодого 202, 208, 210—213, 229, 255, 493
- Елизаров Владимир. См. Гусев Владимир Елизарович
- Емельян Лузский, устюжанин 320
- Еремей, воев. ростовский 435
- Еремей Глебович. См. Иеремия Глебович
- Еремия. См. Иеремия
- Еропкин (Яропкин) Афанасий, окольничий 327
- Ефимий Ежевин, устюжанин 320, 321
- Ефрем, еп. ростовский 320
- Ефрем Моизич, приближенный в. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 92, 303
- Ефросиния, кнг. старицка, мать кн. Владимира Андреевича 269, 270
- Жареный Федор, дьяк митрополичий 230
- Жигимонт. См. Сигизмунд
- Жирослав, воев. переяславский 297
- Заберазский Ян, посол литовский 329
- Захаров-Гнильев Василий Григорьевич, дьяк 248
- Захарьин Даниил Романович, б-н 253
- Захарьин Роман Юрьевич, окольничий 248
- Захарьин Яков Захарьевич, б-н, наместник коломенский 330
- Захарьины-Юрьевы, б-ре 254
- Зевс, миф. 451
- Зимин А. А., историк 493, 495
- Зиновий, архим. Троице-Сергиевой лавры 178
- Златоуст. См. Иоанн Златоуст
- Змеев, воев. шуйский 486
- Золотухина Н. М., историк 495
- Зосима, архим. Симонова мон., затем митр. московский и всея Руси 255
- Зубрицкий Д. И., историк, архивист 315, 318, 322
- Иафет, библ. 341
- Иван, воев. галицкий 443
- Иван (Иоанн) I Данилович Калита, в. кн. московский, владимирский, сын кн. Даниила Александровича 10, 11, 115, 116, 119, 120, 121, 126, 129—137, 139, 141, 142, 145, 157, 159, 161, 185, 191, 194, 202, 209, 222, 225, 234, 307, 312—316, 491
- Иван II Иванович Кроткий, в. кн. звенигородский, рузский, сын в. кн. Ивана I Даниловича Калиты 134, 136, 139—141, 314, 315
- Иван (Иоанн) III Васильевич, в. кн. московский 6, 9, 11, 120, 124, 125, 130, 181, 193, 197, 199—225, 227—231, 234—236, 243, 255, 259, 260, 265, 267, 278, 310, 316, 323—328, 330—333, 491
- Иван (Иоанн) IV Васильевич Грозный, в. кн. «всея Руси», царь 6, 210, 228, 230, 233—238, 241—252, 254, 256—273, 275, 276, 333, 334, 336, 338, 493—495
- Иван (Иоанн) V Алексеевич, царь 21
- Иван Андреевич, б-н московский 158
- Иван Андреевич, кн. Можайский, сын кн. Андрея Дмитриевича 180, 182,

- 184, 189, 190, 193, 196, 197, 217, 219, 310, 319—324
- Иван Борисович, кн., сын кн. волоцкого Бориса Васильевича 208
- Иван Васильевич, в. кн. рязанский, сын в. кн. рязанского Василия Ивановича 200, 201, 217, 224, 310
- Иван Васильевич, кн., сын в. кн. Василия I Дмитриевича 169, 310
- Иван Васильевич, кн., сын кн. боровского Василия Ярославича 190, 196
- Иван Васильевич, кн. суздальский и нижегородский, сын кн. Василия Дмитриевича Кирдяны 193, 194
- Иван Владимир Васильевич. См. Владимир Василькович
- Иван Владимирович, кн. пронский 166
- Иван Всеволодович, кн. стародубский, сын в. кн. Всеволода III Юрьевича 104
- Иван Войтешич, воев. киевский 58, 295
- Иван Дмитриевич, кн., сын в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 159, 160
- Иван Дмитриевич, кн. переяславский, костромской, сын в. кн. владимирского Дмитрия Александровича 112—115, 143, 306—308
- Иван Дмитриевич Всеволож, б-н московский, дипломат 170—174
- Иван Дмитриевич Шемяка, кн. звенигородский, сын кн. Дмитрия Юрьевича 182, 193, 194, 196, 217
- Иван Иванович, в. кн. рязанский, сын в. кн. рязанского Ивана Васильевича 201, 224, 225
- Иван Иванович, кн. московский, звенигородский, русский, сын в. кн. Ивана II Ивановича 141, 142, 146, 147
- Иван Иванович, царевич, сын Ивана IV Васильевича Грозного 257, 269, 270, 274—276, 338
- Иван Иванович Коротопол, кн. рязанский, сын кн. Ивана Ярославича 139
- Иван Иванович Молодой, в. кн. тверской и московский, сын в. кн. Ивана III Васильевича 199, 200, 208, 210, 211, 255, 493
- Иван Карпович, б-н 214
- Иван Константинович Шетнев, тысяцкий тверской 314
- Иван Михайлович, в. кн. тверской, сын в. кн. Михаила Александровича 167
- Иван Михайлович, кн. стародубский, сын кн. Михаила Ивановича 307
- Иван Никитич (Микитич), б-н московский 165
- Иван Ощера, воев. московский 181
- Иван Родионович Квашня, б-н 158
- Иван Ростиславич Берладник, кн. галицкий, сын кн. Ростислава Владимировича 69, 83, 84, 300, 407, 426
- Иван Творимирич, воев. киевский 359
- Иван Федорович, в. кн. рязанский, сын в. кн. рязанского Федора Ольговича 174, 191, 195
- Иван Федорович Квашнин, б-н 158
- Иван Федорович Кошка, б-н московский 158, 165, 166, 318
- Иван Филимонов, б-н московский 181
- Иван Юрьевич, кн. новосельский, одоевский 197
- Иван Юрьевич (Георгиевич), кн., сын в. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 378
- Иван Ярославич, кн. рязанский, сын кн. пронского Ярослава Романовича 217, 309
- Иванов.Савлук, дьяк 270, 271
- Ивор, б-н 434
- Ивор Михайлович, воев. смоленский 437
- Игоревичи, князья северские 46, 101
- Игорь Плевович, кн. рязанский, сын кн. Глеба Ростиславича 412
- Игорь Ольгович, в. кн. киевский, черниговский, сын кн. Олега Святославича 15—17, 67—74, 81, 293—296, 315, 374—383, 385, 386, 389, 396
- Игорь Рюрикович, в. кн. киевский, сын Рюрика I 13, 24, 25, 281, 343—345, 458, 465, 466, 475, 484
- Игорь Святославич, кн. северский, сын кн. Святослава Ольговича 101, 374, 422—424, 432
- Игорь Ярославич, кн. волынский, смоленский, сын в. кн. Ярослава I Владимировича Мудрого 15, 19—21, 35—37, 39, 43, 46, 60, 67, 284, 291
- Иев Булатов, десятинник устюжский 319
- Иезекииль, библия 286
- Иеремия, библия 463
- Иеремия (Еремей) Плевович, воев. владимирский 445
- Иеффай, библия 264
- Изяслав Андреевич, кн., сын кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 300
- Изяслав Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира II Всеволодовича Мо-

- номаха 19, 37, 50, 51, 58, 60, 289, 291, 292
- Изяслав Владимирович, кн. полоцкий, сын в. кн. Владимира I Святославича 20, 29, 34, 35, 60, 285, 293
- Изяслав Давидович, кн. черниговский, сын кн. Давида Святославича 80—84, 280, 293, 295, 296, 300, 374—381, 386, 400, 404—408
- Изяслав Мстиславич, кн. владимировольинский, в. кн. киевский, сын в. кн. Мстислава I Владимировича Великого 12—14, 16, 22, 23, 57, 58, 61—80, 84—86, 89, 98, 100, 280, 291—299, 301, 302, 372, 374—377, 379—386, 388—405, 492
- Изяслав Святополкович, кн. полоцкий, сын в. кн. Святополка Изяславича 19, 57
- Изяслав Ярославич, кн. туровский, в. кн. киевский, сын в. кн. Ярослава I Владимировича Мудрого 19, 20, 35—38, 40—45, 50, 57, 58, 60, 67, 75, 83, 285—287, 360—364, 382
- Изяславичи, князья 58, 82, 88, 285
- Иисус Навин, библ. 264
- Иисус Христос, библ. 28, 187, 222, 272, 273, 308, 320, 337, 401, 402, 466, 470, 477
- Иларион (Ларион), митр. киевский 479
- Илия, библ. 264, 335
- Илья Иванович. См. Лыков Илья Иванович
- Ингварь Игоревич, кн. рязанский, сын кн. Игоря Глебовича 445
- Ингварь Ярославич, кн. луцкий, сын кн. Ярослава Изяславича 431
- Иоаким Корсунянин, еп. новгородский 28, 30
- Иоанн, новгородский священник, летописец 37
- Иоанн (Иван, Ян), св. 487
- Иоанн, иг. Киево-Печерского мон. 49
- Иоанн, экзарх болгарский, богослов 487
- Иоанн I, митр. киевский 457, 478
- Иоанн III. См. Иван III Васильевич
- Иоанн Златоуст, архиеп. константинопольский, церковный деятель 252
- Иоанн Лествичник, богослов, церковный писатель 457
- Иоасаф, митр. московский и всея Руси 242, 243
- Иона, еп. рязанский, затем митр. московский и всея Руси 180, 181, 186, 187, 189, 193, 196, 320, 323, 324
- Иона Валент (Валенса), католический монах 131
- Иосиф, еп. смоленский 219, 329
- Иосиф Андреевич, кн. дорогобужский 200
- Иосиф Волоцкий (Иван Санин), иг. Волюколамского мон., писатель, публицист, церковный деятель 255, 336
- Ирод, библ. 265, 335
- Иуда, библ. 264, 303, 413
- Иулиания. См. Ярославна
- Кавгады, посол золотоордынского хана Узбека 117—119, 309
- Кавелин К. Д., историк, публицист 483, 494
- Казимир II Справедливый, кор. польский 99, 304
- Казимир III Великий, кор. польский 144, 146
- Казимир IV Ягеллончик, кор. польский, в. кн. литовский, сын кор. Владислава II Ягайло 189, 192—197, 199, 200, 206, 207, 214, 215, 218—220, 321, 323—325, 330, 427
- Каин, библ. 274, 283
- Калайдович К. Ф., историк, археограф 281, 306, 487
- Калачов Н. В., археограф 495
- Кальман Книжник, кор. венгерский 291, 432
- Караджич Вук Стефанович, сербский филолог, фольклорист 484, 485
- Карамзин Н. М., историк, писатель 35, 179, 284, 285, 291, 301, 305—308, 313—315, 318, 319, 324—328, 332, 335—338, 487, 488, 491, 494
- Карачун (Крачун, Кречун) 464, 466, 485
- Карл Великий, кор. франкский 23
- Карпини Джiovанни Пиано, папский посол в Монголии 305
- Каштанов С. М., историк 493
- Кельх (Kelch) Христиан, лифляндский пастор, историк 337
- Кеппен П. И., статистик, историк, этнограф 485, 488
- Кестутий. См. Кейстут
- Кейстут, кн. тракайский, сын в. кн. литовского Гедимина 145, 150
- Кза (Гза), кн. половецкий 423
- Кий, легенд. кн., основатель Киева 341, 342, 459
- Кикин Логгин Михайлович, б-н московский 122, 310
- Кикин Тимофей Логгинович, сын боярский 310
- Кикины, боярский род 310

- Кирилл, архим. Троице-Сергиева мон., затем митр. 258
- Кирилл, еп. туровский, писатель, церковный деятель 465, 477, 478
- Кирилл, митр. киевский 457
- Кишка Станислав Петрович, маршалок, посол литовский 327—329
- Клим (Климка), житель Ржева 326
- Клим, митр. киевский 382, 400, 408
- Климат (Климьята), б-н галицкий 444
- Кобрин В. Б., историк 495
- Ковальченко И. Д., историк, академик 4
- Козьма Пражский, чешский хронист 473
- Коломан. См. Кальман Книжник
- Константин, б-н черниговский 377
- Константин, митр. киевский 408
- Константин I Великий, имп. римский 235, 264, 409
- Константин VII Багрянородный, имп. византийский, писатель 477, 488
- Константин IX, имп. византийский 30, 352
- Константин X Мономах, имп. византийский 275, 360
- Константин XI Драгас Палеолог, имп. византийский (последний) 208, 326
- Константин Борисович, кн. углицкий, сын кн. Бориса Васильковича 111, 307
- Константин Васильевич, кн. суздальский, сын кн. Василия Михайловича 139, 140, 316
- Константин Всеволодович, кн. ростовский и ярославский, в. кн. владимирский, сын в. кн. Всеволода III Юрьевича 102—105, 304, 316, 432, 433, 435—439
- Константин Давидович, кн., сын кн. Давида Ростиславича 265, 281
- Константин Дмитриевич, кн. московский, сын в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 18, 19, 157, 159, 160, 168, 169, 171, 173—177, 180, 310
- Константин (Коснятин, Коснячко) Добрынич, посадник новгородский 33, 358, 361
- Константин Михайлович, кн. тверской, сын в. кн. Михаила Ярославича 118, 132, 133, 137
- Константин Михайлович Шетнев, тысяцкий тверской 314
- Константин Романович, кн. рязанский, сын кн. Романа Олеговича 308
- Константин Святославич, св., кн. муромский 474, 477
- Константин Ярославич, кн., сын в. кн. Ярослава II Всеволодовича 305
- Константиновичи, князья ростовские 104, 105, 134
- Кончак, хан половецкий 421, 423
- Кончака (в крещении Агафия), сестра хана Узбека, жена в. кн. Юрия Даниловича 118, 309
- Кориад (Корияд), кн. литовский, сын в. кн. литовского Гедимина 145
- Коснячко. См. Константин
- Котов Иван, б-н в. кн. Дмитрия Шемяки 188
- Котян Сутоевич, хан половецкий 440
- Крубин Семен, б-н рязанский 225
- Крузе Элерт, ливонский дворянин 337
- Кубасов Сергей, тобольский сын боярский, автор хронографа 337
- Кубенский Иван Семенович, кн. 247, 248
- Кузьма, киевлянин 414, 415
- Курбский Андрей Михайлович, кн., б-н, воев., писатель 210, 211, 229, 244—246, 252, 255—269, 271, 326, 327, 334—337, 494, 495
- Курбский Михаил Михайлович, кн., отец кн. А. М. Курбского 265
- Курбский Михаил Федорович Карамаш, кн., дед кн. А. М. Курбского 265
- Курицын Федор Васильевич, дьяк, идеолог московских еретиков 336
- Куря, кн. печенежский 349
- Кучковичи, б-ре 92, 141, 301, 315
- Лавр (Лавор), половец 424
- Лавчий, хан ордынский 306
- Ладо (Лада), миф. 464, 466, 467, 478, 488
- Лазарь. См. Саковский Лазарь
- Лазарь, друж. волынский 52, 290
- Лайош Великий, кор. венгерский и польский 151
- Ларион, сотский кн. Мстислава Мстиславича 435
- Ласкирев Федор, дьяк 335
- Лев, кн. ярославский 123
- Лев Данилович, кн. галицкий, сын кн. Даниила Романовича 142, 143
- Лев Диакон Калойский, византийский историк, хронист 478, 488
- Лев Юрьевич, кн. галицко-волынский, сын кн. Юрия Львовича 143
- Лель (Люль), миф. 464
- Леон, еп. суздальский 301
- Леонтий, еп. ростовский 231

- Лешко (Лестко) Белый, герцог польский 430, 432
- Литомин Башмак, сын боярский 229
- Лука, священник владимирский 415
- Лурье Я. С., историк 495
- Лыбедь, сестра легенд. кн. Кия 341
- Лыко Иван. См. Оболенский-Лыко Иван Владимирович
- Лыков Илья Иванович, б-н московский 165
- Лыковы. См. Оболенские
- Любарт (в крещении Дмитрий), кн. литовский, сын в. кн. литовского Гедимина 146
- Людовик. См. Лайош Великий
- Лют, киевлянин, сын воев. Свенельда 25, 349
- Ляпушкин И. И., историк 491
- Ляцкой Иван Васильевич, окольныйч 241
- Маврикий, имп. византийский 451, 452, 460—462, 482
- Макарий, архиеп. новгородский, затем митр. московский и всея Руси 243, 333—335
- Макарий (Михаил Петрович Булгаков), митр., историк церкви 282
- Максим, митр. киевский, затем владимирский 115, 130, 308
- Максим Грек (Михаил Триволис), монах, писатель, публицист 211, 256
- Максимов Иван, сын священника новгородского, еретик 336
- Мал, кн. древлянский 345
- Малуша, ключница в. кнг. киевской Ольги 25, 281
- Мальфрида (Мальфреда) Чехиня, кнг., жена в. кн. киевского Владимира I Святославича 30, 282
- Мамай, татарский темник, фактический правитель Золотой Орды 142, 150, 151, 153, 156, 157, 162
- Мануил, еп. смоленский, 408
- Марена (Мара, Марана), миф. 468, 469
- Мария. См. Вельяминова Мария Михайловна
- Мария Александровна, кнг. тверская, 3-я жена в. кн. Семена Ивановича Гордого 315
- Мария Борисовна, кнг., дочь в. кн. тверского Бориса Александровича, жена в. кн. Ивана III Васильевича 181, 202, 208, 210
- Мария Васильевна, кнг., дочь в. кн. Василия I Дмитриевича 212
- Мария Дмитриевна, кнг., дочь в. кн. суздальского Дмитрия Константиновича 172
- Мария Ярославна, кнг., дочь кн. серпуховского Ярослава Владимировича, жена в. кн. Василия II Васильевича Темного 171, 172, 204, 206
- Мартиан, иг. Троице-Сергиева мон. 320
- Марфа. См. Мария Ярославна
- Махмет. См. Улу-Махмет
- Межко. См. Мечислав III
- Мезецкий Василий Федорович, кн. 217
- Мезецкий Михаил Романович, кн. 215
- Мезецкий Петр Федорович, кн. 217
- Мезецкий Семен Романович, кн. 217
- Мезецкий Федор Андреевич, кн. 217
- Мезецкий Федор Федорович Сухой, кн. 217
- Менгли-Гирей, хан крымский 207
- Меньчукан, воев. татаро-монгольский 448
- Местром. См. Мицраим
- Мечислав (Межко) III Старый, кор. польский 391, 428, 429
- Миклай, посол польский кор. Казимира II 304
- Микула (Николай), сотник галицкий 444
- Микулинский Семен Иванович, воев. 268
- Миллер Герард Фридрих, историк, археограф, академик 287
- Миндовги, потомки в. кн. литовского Миндовга 144
- Миня Жигулев, устюжанин 320
- Миняй, посол московский 134
- Мирослав, б-н, воев. галицкий 444
- Мирослав Хилич, б-н киевский 295
- Митрофан, еп. владимирский 446
- Михаил, библ. 487
- Михаил, митр. киевский 293
- Михаил III, имп. византийский 342
- Михаил Александрович, б-н московский 315
- Михаил Александрович, в. кн. тверской 147—150, 153, 156, 158, 166, 167, 260, 316, 325
- Михаил Андреевич, кн. верейский, белозерский, сын кн. можайского Андрея Дмитриевича 183, 184, 190, 202—204, 210, 217, 310, 323
- Михаил Борисович, в. кн. тверской, сын в. кн. тверского Бориса Александровича 193, 199, 200, 217, 324, 325
- Михаил Всеволодович, кн. черниговский, сын кн. Всеволода Святославича Черного 440, 444

- Михаил Плевович, кн. белозерский и ростовский, сын Плева Васильевича 112, 307
- Михаил Дмитриевич, кн. холмский 325
- Михаил Ростиславич, кн. смоленский, сын кн. Ростислава Мстиславича 17, 112
- Михаил Сигизмундович, кн. литовский, сын в. кн. Сигизмунда Кейстутовича 194—196
- Михаил Федорович Шетен, б-н тверской, тысяцкий 314
- Михаил Юрьевич (Георгиевич), в. кн. ростовский и владимирский, сын в. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 89, 93, 301, 302, 411, 416—419
- Михаил Ярославич, кн. тверской, в. кн. владимирский, сын в. кн. Ярослава Ярославича 111—118, 131, 307—309, 312
- Михаил Ярославич Храбрый, кн. московский, в. кн. владимирский, сын в. кн. Ярослава II Всеволодовича 105, 106, 108, 305, 306, 492
- Михн, оруженосец в. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 302, 411, 412
- Мицраим, библ. 463
- Мишурун Федор Михайлович, дьяк 242
- Моисей, библ. 264
- Мокошь, миф. 351, 465, 485
- Мономах. См. Владимир II Всеволодович Мономах
- Мономах, имп. византийский. См. Константин X Мономах
- Мономаховичи, потомки Владимира II Всеволодовича Мономаха 6, 8, 9, 12, 17, 22, 38, 44, 57, 59—69, 71, 75, 80, 82, 83, 88—91, 93, 96, 98, 103, 291, 293, 294, 297, 308, 372, 373, 380, 425, 441
- Морозов Михаил Яковлевич, б-н, наместник дерптский 258, 261
- Морозов Семен Федорович, б-н 173, 174, 180
- Мосальские, князья 276
- Мстислав I Владимирович Великий, кн. новгородский, в. кн. киевский, сын в. кн. Владимира II Всеволодовича Мономаха 13, 17, 19, 23, 38, 45, 50, 51, 56—62, 66, 69, 81, 88, 91, 98, 278, 289—293, 295, 301, 302, 370—372, 374, 396
- Мстислав Андреевич, кн., сын в. кн. владимирского Андрея Юрьевича Боголюбского 410, 411
- Мстислав Владимирович, кн. тмутараканский, сын в. кн. Владимира I Святославича 30, 34, 38, 282, 283, 358, 359
- Мстислав Плевович, кн. черниговский, сын кн. Плева Святославича 448
- Мстислав Данилович, кн. галицкий, волынский, луцкий, сын кн. галицкого Даниила Романовича 142, 143
- Мстислав Изяславич, кн. волынский, в. кн. киевский, сын в. кн. Изяслава Мстиславича 12, 16, 17, 22, 71, 80—85, 88, 98, 285, 297, 299—302, 376—378, 396, 397, 399, 400, 402, 403, 405, 406, 408, 410, 425
- Мстислав Изяславич, кн. полоцкий, сын в. кн. киевского Изяслава Ярославича 40, 41, 292, 362, 376
- Мстислав Мстиславич Удалой, кн. новгородский, торопецкий, галицкий, сын кн. Мстислава Ростиславича Храброго 89, 102, 152, 305, 316, 432—442
- Мстислав (Борис) Романович Добрый, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын в. кн. Романа Ростиславича 218, 429, 433, 440, 441
- Мстислав Ростиславич, кн., сын кн. Ростислава Юрьевича 416—419
- Мстислав Ростиславич Храбрый, кн. смоленский, новгородский, сын кн. Ростислава Мстиславича 14, 89, 90, 94, 102, 135, 163, 302, 411—413, 420, 421, 432
- Мстислав Святополкович, кн. волынский, сын в. кн. Святополка Изяславича 19, 49, 53, 68, 289
- Мстислав Святославич, кн. черниговский, сын кн. Святослава Всеволодовича 440
- Мстислав Юрьевич, кн., сын в. кн. владимирского Юрия II Всеволодовича 301, 445, 446
- Мстислав Ярославич Немый, кн. луцкий, пересопницкий, сын кн. Ярослава Изяславича 432, 441
- Мстиславичи, потомки в. кн. киевского Мстислава Владимировича 6, 14, 17, 63—66, 72, 73, 77, 78, 80—82, 85, 86, 88, 91, 100, 300, 301, 384, 387, 400
- Мстиславский Иван Федорович, кн., воев. 258
- Мстиславский Федор Михайлович, кн., воев. 232, 233
- Мусокий, кн. славянский 458
- Муханов П. А., археограф 328
- Мюрид, хан золотоордынский 142

- Навуходоносор II, царь вавилонский 286
- Наримонт, кн. пинский, туровский, сын в. кн. литовского Гедимина 145
- Насонов А. Н., историк 283
- Настас. См. Анастас
- Настасья. См. Анастасия
- Наталья Кирилловна (урожд. Нарышкина), царица 21
- Неврюй, посол золотоордынского хана, военачальник 113
- Некомат, купец, сурожанин 156, 157
- Нелюб Александр. См. Александр Иванович Нелюб
- Нестор, монах Киево-Печерского мон., летописец 279, 282, 316, 325, 326
- Никифор, митр. киевский 371, 428, 429
- Николай, воев. польский 427
- Николай, митр. киевский 37, 368
- Новосельцев А. П., историк 491
- Ногай, хан Ногайской орды 110—112
- Ной, библ. 341
- Носов Н. Е., историк 495
- Оболенские, князья 276
- Оболенский Глеб Иванович, кн., московский наместник в Устюге 319
- Оболенский Иван Федорович, кн., воев. 239—243
- Оболенский М. А., историк 318
- Оболенский Николай Васильевич, кн. 240
- Оболенский Семен Иванович, кн. 181
- Оболенский-Лыко Иван Владимирович, кн. 205, 325, 326
- Оболенский-Стрига Иван Васильевич, кн., воев. московский, наместник в Новгороде Великом 181, 187
- Оболенский-Телепнев-Овчина Иван. См. Оболенский Иван Федорович
- Оболенский-Туреня Борис Михайлович, кн., наместник вяземский 219, 329
- Образец-Добрынский Василий Федорович, б-н 207
- Одоевские, князья 276
- Одыревский (Говдыревский) Василий Иванович, кн. 216, 328
- Одыревский Иван Федорович, кн. 216
- Одыревский Федор Иванович, кн. 216
- Олег I, в. кн. киевский 13, 24, 25, 281, 282, 343, 344
- Олег Владимирович, кн. рязанский, сын кн. Владимира Глебовича 95
- Олег Иванович, в. кн. рязанский, сын кн. Ивана Ивановича Коротопола 139, 140, 151—154, 162, 163, 166, 224, 314, 317
- Олег (Павел) Игоревич, кн. курский, сын кн. северского Игоря Святославича 441
- Олег Святославич, кн., сын кн. Святослава Всесолодовича 423
- Олег Святославич, кн. древлянский, сын в. кн. киевского Святослава Игоревича 24—27, 346, 347, 349, 350
- Олег Святославич, кн. новгородский, сын кн. Святослава Ольговича 300, 379, 422
- Олег Святославич, кн. черниговский, тмутараканский, сын кн. Святослава Ярославича 37, 42, 43, 45, 46, 49—51, 54, 57, 65, 72, 287—291, 302, 363, 366, 368, 369, 433
- Олег Ярославич, кн. галицкий, сын кн. Ярослава Владимировича Осмомысла 97, 281, 425
- Олекса Святославец, б-н киевский 302
- Олексей Петрович. См. Алексей Петрович
- Олова, кнг., жена в. кн. киевского Владимира I Святославича 29
- Ольга (Елена, Эльга), в. кнг. киевская, жена в. кн. Игоря Рюриковича 24, 25, 28, 281, 282, 345—347, 457, 458, 465
- Ольгерд (Альгирдас), в. кн. литовский, сын в. кн. литовского Гедимина 145—150, 152, 316
- Ольгердовичи, потомки в. кн. литовского Ольгерда 150
- Ольговичи, потомки кн. Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого 8, 9, 13, 14, 22, 55, 60, 62, 64, 65, 67, 69—72, 74, 77, 83, 91, 93—96, 100, 101, 103, 139, 183, 225, 275, 284, 291—296, 299—302, 304, 371, 372, 375—377, 380, 382—385, 389, 393—396, 398, 412, 413, 425, 429—432
- Ольшанский Александр, кн., посол литовский 329
- Онуфрий, еп. черниговский 376
- Острев, воев., посол золотоордынский 309
- Остромир Иосиф, воев. новгородский 284
- Офни, библ. 264
- Охлябинин Иван Петрович, кн. 258
- Очин-Плещеев З. И. См. Плещеев Захарий Иванович Очин
- Павел, библ. 262, 469
- Павлов-Сильванский Н. П., историк 494

- Палецкий Дмитрий Федорович, кн. 254
 Палецкий Иван Иванович Хруль, кн. 327
- Палицын. См. Авраамий Палицын
- Памва Берында. См. Берында Памва
- Памфил, иг. псковского Елеazarова мон. 486
- Панкрат, житель г. Ржева 326
- Патрикеев Василий Иванович Косой, кн., гос. деятель, публицист 327
- Патрикеев Иван Юрьевич, кн., наместник московский 212, 216, 327
- Патрикеевы, князья 212, 213
- Пашуто В. Т., историк 491, 493
- Перун (неверно Сварог), миф. 28, 344, 351, 353, 463—465, 475, 476, 478, 484
- Петр, библ. 42, 286, 469
- Петр (Петрила), 6-н суздальский 406
- Петр (Петрашка), писарь польский 325
- Петр, посол литовский 327—329
- Петр, приближенный в. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 414
- Петр, св., митр. киевский и всея Руси 116, 131, 231, 232
- Петр I, имп. 21, 23, 234, 494
- Петр Борисович, 6-н киевский 402, 403
- Петр Дмитриевич, кн. дмитровский, уличский, сын в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 159, 168, 169, 171, 174, 310
- Петр Ильич, 6-н черниговский 314
- Петр Константинович, 6-н московский 165, 172
- Петр Ослядкович, воев. владимирский 446
- Питирим, еп. пермский 320
- Плано-Карпини. См. Карпини
- Платон (Левшин Петр Егорович), митр. московский, историк церкви 487
- Платонов С. Ф., историк 494
- Плещеев Захарий Иванович Очин, сын боярский 258
- Плещеев Михаил Андреевич, 6-н, окольничий 233, 320
- Плоския (Плоскин), воев. 441
- Плуга (Плюга), миф. 467
- Погодин М. П., историк, публицист 280, 283
- Поджогин-Шигона Иван Юрьевич, сын боярский, думный дворянин 227
- Позвизд Владимирович, кн., сын в. кн. Владимира I Святославича 30, 283
- Поликарп, иг. Киево-Печерского мон. 409
- Полухтович (Полуктов) Алексей, дьяк московский 202
- Попов А. Н., историк 483, 486, 487
- Порей, сын воев. новгородского 284
- Предслава Владимировна, кнг., дочь в. кн. киевского Владимира I Святославича 30, 32, 357
- Предслава Святополковна, кнг., дочь в. кн. Святополка Изяславича 291
- Прейс П. И., историк 485
- Претич, воев. киевский 346, 347
- Прокопий, княжеский слуга 414
- Прокопий, тысяцкий белгородский 314
- Прокопий Кесарийский, византийский историк, писатель 22, 280, 450, 460—463, 482
- Пронский-Турунтай Иван Иванович, кн. 254, 257
- Пта (Птах, Ефест, Феост. Фта), миф. 463
- Путша, воев. вышгородский 356
- Путята, тысяцкий киевский 54, 371
- Разин Степан Тимофеевич, предводитель Крестьянской войны 457
- Рапов О. М., историк 493
- Ратибор, тысяцкий киевский 287, 314
- Ратиша (Ратша), тиун киевский 374, 375
- Рачуйко, тысяцкий киевский 382
- Редеда, кн. касожский 358, 359
- Редкин П. Г., педагог, издатель, общественный деятель 340
- Резеп-Хозя, посол золотоордынский 311
- Рейнберн, еп. колобрежский 31
- Ржевский, дьяк 261
- Ригельман А. И., историк 483
- Рогволод, кн. полоцкий, отец кнг. Рогнеды 27, 34, 35, 58, 285, 350
- Рогволод (Василий) Борисович, кн. полоцкий, сын кн. Бориса Всеславича 406, 407
- Рогволодичи, князья 292
- Рогнеда, кнг., дочь в. кн. Мстислава Владимировича 409
- Рогнеда (Горислава) Рогволодовна, кнг. полоцкая, жена в. кн. Владимира I Святославича 27, 29, 30, 281—283, 285, 350
- Род (шур, пращур), языч. славян. 470
- Родион Несторович Рябед, 6-н московский 116
- Роман I Лакапин, имп. византийский 30, 344
- Роман Владимирович, кн. волынский, сын в. кн. киевского Владимира II Всеволодовича Мономаха 55, 56
- Роман Глебович, кн. рязанский, смоленский, сын кн. Глеба Ростиславича 419

- Роман Данилович, кн. галицкий, герцог австрийский, сын кн. Даниила Романовича 142, 143
- Роман Игоревич, кн. северский, звенигородский, галицкий, сын кн. Игоря Святославича 432
- Роман Ингваревич, кн. рязанский, сын кн. Ингвара Игоревича 445
- Роман Мстиславич, кн. волынский и галицкий, сын в. кн. киевского Мстислава Изяславича 13, 90, 91, 94, 98—101, 142, 143, 425, 426, 427—432, 441
- Роман Ростиславич, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын кн. Ростислава Мстиславича 88, 89, 92, 94, 302—304, 408, 411—413, 420, 421
- Роман Святославич, кн. тмутараканский, сын в. кн. Святослава Ярославича 43, 45, 46, 288
- Романовы-Юрьевы, б-ре 248, 252, 254, 269
- Ростислав Владимирович, кн. галицкий, сын кн. Владимира Ростиславича 66, 69, 96
- Ростислав Владимирович, кн. тмутараканский, сын кн. Владимира Ярославича 20, 35—39, 43, 46, 284, 285, 287, 360, 361
- Ростислав Всеволодович, кн. переяславский, галицкий, сын в. кн. Всеволода Ярославича 45, 68, 288, 365
- Ростислав Глебович, кн. полоцкий, сын кн. Глеба Всеславича 406, 407
- Ростислав Иванович, кн., сын кн. Ивана Ростиславича Берладника 426
- Ростислав Игоревич, кн. галицкий, сын кн. Игоря Святославича 432
- Ростислав Михайлович, кн. новгородский, сын кн. черниговского Михаила Всеволодовича 444
- Ростислав Мстиславич, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын в. кн. Мстислава I Владимировича Великого 12—16, 22, 57, 58, 66, 68, 69, 71, 73—75, 78—80, 82, 84, 89, 112, 280, 293, 294, 296, 298—300, 380—388, 390, 397—399, 404—406, 408—410
- Ростислав Мстиславич, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын кн. смоленского Мстислава Давидовича 448
- Ростислав Рюрикович, в. кн. киевский, сын кн. Рюрика Ростиславича 13, 101, 427, 428, 431
- Ростислав Юрьевич (Георгиевич), кн. суздальский, сын в. кн. Юрия I Владимировича Долгорукого 13, 14, 73, 75, 86, 87, 296—298, 301, 386, 388, 416
- Ростислав Ярославич, кн. рязанский, сын кн. Ярослава Святославича 71, 296, 378
- Ростиславичи, князья 6, 7, 12, 13, 17, 36—38, 46, 47, 51—53, 55, 56, 59, 66—69, 85, 88—94, 96, 98—101, 113, 142, 151, 163, 183, 285, 288, 301, 302, 366, 411—419, 433, 438, 492
- Ростовский Василий Голубой, кн. 239
- Ростовский Семен Васильевич, кн. 257
- Ростопча, княжеский истопник 320
- Руно Поярок Дмитриевич, сын боярский 181, 327
- Русалка Морозов Михаил, воев. московский, б-н 181
- Рыбаков Б. А., историк 493, 496
- Рюрик I, легенд. кн. киевский 7, 10, 12, 22—25, 210, 212, 281, 342, 343, 491
- Рюрик Мстиславич, кн., сын в. кн. киевского Мстислава Изяславича 410
- Рюрик Ростиславич, кн. владимирово-волынский, сын кн. галицкого Ростислава Владимировича 46, 47, 51, 284, 309
- Рюрик II Ростиславич, кн. смоленский, в. кн. киевский, сын кн. смоленского Ростислава Мстиславича 83, 89, 90, 98—101, 103, 281, 284, 300—302, 304, 410, 412, 420, 421, 424, 427—431
- Рюриковичи, династия русских князей и царей (конец IX—XVI в.), считавшихся потомками Рюрика 5, 7, 11, 17, 137, 194, 196, 214, 220, 222, 234, 236, 278, 462, 491
- Ряполовские, князья 180, 181, 212, 276
- Ряполовский Семен Иванович Молодой, кн. 210, 212, 327
- Саковский Лазарь, б-н киевский, воев. 295, 375, 376
- Саксон Грамматик, датский летописец, автор хроники 476, 483, 488
- Салтыков Лев Андреевич, б-н, оруженничий 258
- Сапега Иван, магнат польский, канцлер 219, 222, 329, 331
- Сартак, хан золотоордынский, сын хана Батые 106, 306
- Сахаров И. П., историк 483
- Сбыслава, кнг., дочь в. кн. Святополка Изяславича, жена кор. Болеслава III Кривоустого 55
- Сварог, миф. 463—465, 484

- Сварожичи, миф. 464, 468
- Свенельд (Свинельд), б-н, воев. киевский 25, 26, 282, 344, 345, 349, 350
- Свердлов М. Б., историк 491
- Свидригайло, кн. северский, Брянский, сын в. кн. литовского Ольгерда 164, 165, 192, 194, 318
- Святовид, миф. 476
- Святополк, б-н галицкий 303
- Святополк Владимирович (Ярополкович), кн. туровский, в. кн. киевский, сын в. кн. Ярополка Святославича 16, 29—35, 283, 356—358, 443
- Святополк (Михаил) Изяславич, кн. полоцкий, новгородский, в. кн. киевский, сын в. кн. Изяслава Ярославича 12, 13, 19, 37, 38, 41, 43, 45, 47—55, 57, 58, 281, 285, 287—292, 314, 364—371
- Святополк Мстиславич, кн. новгородский, сын в. кн. Мстислава I Владимировича Великого 61, 63, 67, 71, 75, 294, 298, 373, 374
- Святослав Владимирович, кн. вщижский, сын кн. Владимира Давидовича 83, 300
- Святослав Владимирович, кн. древлянский, сын в. кн. Владимира I Святославича 13, 30, 32, 282, 284, 357
- Святослав Владимирович, кн. переяславский, сын кн. Владимира II Всеволодовича Мономаха 19, 57, 289, 291, 300
- Святослав Всеволодович, в. кн. киевский, сын в. кн. Всеволода Ольговича 15, 67, 68, 70—73, 80, 82—84, 90, 91, 93—95, 99, 101, 295, 296, 299, 300, 302, 303, 376, 377, 380, 382, 404, 405, 407, 421, 423, 424, 427, 433
- Святослав Всеволодович, кн. юрьевский, сын в. кн. владимирского Всеволода III Юрьевича 104—106, 304, 305, 435, 436, 445, 447, 492
- Святослав Игоревич, в. кн. киевский, сын кн. Игоря I Рюриковича 24, 25, 28, 345—349, 478
- Святослав Игоревич, кн. северский, сын кн. Игоря Святославича 432
- Святослав Ростиславич, кн. новгородский, сын в. кн. киевского Ростислава Мстиславича 405, 408, 409
- Святослав Ольгович, кн. рьльский 422
- Святослав Ольгович, кн. черниговский, в. кн. киевский, сын кн. Олега Святославича 15, 63, 67, 68, 70—74, 81—84, 90, 93, 151, 292—296, 299, 300, 302, 314, 373—382, 386, 388, 389, 406—409, 413, 417, 422
- Святослав Ярославич, в. кн. киевский, сын в. кн. Ярослава I Владимировича 13, 15, 19, 20, 35—44, 52, 55, 59, 69, 285—288, 302, 360—363, 372
- Святослав Ярославич, кн. тверской, псковский, сын в. кн. Ярослава Ярославича 110, 111
- Святославичи, князья 6, 14, 22, 43—45, 49—56, 58—66, 68, 69, 71—73, 80—83, 89, 225
- Селук, кн. половецкий 291, 292
- Семен, священник 409
- Семен Васильевич, б-н московский 158
- Семен (Симеон) Иванович, кн. бежецкий, калужский, сын в. кн. Ивана III Васильевича 125, 223, 227
- Семен Иванович, кн. стародубский, сын кн. можайского Ивана Андреевича 219, 220, 225, 330
- Семен (Симеон) Иванович Гордый, кн. можайский, коломенский, в. кн. московский, сын в. кн. Ивана I Даниловича Калиты 134—137, 139, 140, 141, 145—147, 154, 157, 159, 229, 314, 315
- Семен Лихой, галичанин 443
- Семен (Симеон) Тонилиевич, б-н городецкий 109, 110
- Семен Филимонов, б-н, воев. московский 181
- Серапион (Курцев), иг. Троице-Сергиева мон. 335
- Сергий Радонежский, св., старец, основатель Троице-Сергиевой лавры 147, 154
- Серебряный Василий Семенович, кн. 258
- Сигизмунд, в. кн. литовский, сын в. кн. Кейстута 194
- Сигизмунд I Казимирович, в. кн. литовский, кор. польский 194, 232, 241, 328
- Сигизмунд II Август, кор. польский 257
- Сидор, сын боярский 122
- Сильвестр, протопоп московского Благовещенского собора, писатель-публицист 250—254, 256, 262—264, 266—269, 334, 335
- Сим, библ. 341
- Симаргл (Самаргла, Сима, Регла), миф. 351, 465, 485
- Симеон Константинович, кн. тверской, сын кн. дорогобужского Константина Михайловича 316

- Симон, митр. московский и всея Руси 208, 213, 332
 Синеус, легенд. кн. 23, 342
 Скрынников Р. Г., историк 336, 495
 Скрябин-Травин Шавей. См. Травин-Скрябин Шавей
 Снегирев И. М., историк, этнограф 485—488
 Соловьев С. М., историк, академик 4, 7, 279, 340, 482, 490—496
 Соломон, библиограф 235, 264
 Соломония Юрьевна (урожд. Сабурова), в. кнг., жена в. кн. Василия III Ивановича 229, 256
 Солтан Александрович, маршалок, наместник польский 325
 Софья (Анастасия) Витовтовна, в. кнг., дочь в. кн. литовского Витовта, жена в. кн. Василия I Дмитриевича 162, 171, 172, 318
 Софья Фоминична Палеолог, в. кнг., жена в. кн. Ивана III Васильевича 202, 208—212, 224, 229, 255, 326, 493
 Срезневский И. И., историк 485, 488
 Станислав, тысяцкий переяславский 314
 Станислав Владимирович, кн. смоленский, сын в. кн. киевского Владимира Святославича 30, 283
 Станислав Глебович, посол литовский, наместник 329, 336
 Станислав Нарбутович, посол литовский 328—330
 Старово Милоков, стряпчий 310
 Старчевский А. В. В., филолог, переводчик 314, 318, 332, 334, 338
 Степан Бородатый, дьяк московский 188, 323
 Степанец (Стефан), б-н киевский 302, 411
 Стефан, св., кор. венгерский 401, 402
 Стефан III Великий, господарь молдавский 208
 Стрибог, миф. 351, 465, 466
 Стромиллов Федор, дьяк московский 212, 327
 Стрыйковский Матвей, польский историк, автор хроники 294
 Судислав, б-н галицкий 432, 442—444
 Судислав Владимирович, кн. псковский, сын в. кн. Владимира I Святославича 30, 34, 38, 283
 Сырков Федор Дмитриевич, дьяк новгородский 337
 Тамишев В. Н., историк, гос. деятель 28, 30, 36, 42, 45, 49, 50, 65, 105, 106, 141, 282, 283, 287—289, 294, 301, 306—308, 313, 325, 326, 332
 Татищев Мунт, сын боярский 207
 Таубе Иоганн, ливонский дворянин, автор соч. 337
 Таш, кн. половецкий 291, 292
 Тахтамыш. См. Тахтамыш
 Твердислав Михайлович, посадник новгородский 433
 Тегиня, мурза крымский 170, 171
 Телепнев Оболенский Иван Овчина. См. Оболенский Иван Федорович
 Телешов Яков, посол в. кн. московского 201
 Темкин, кн., воев. 258
 Темучин. См. Чингисхан
 Терещенко А. В., историк 483, 486
 Тетерин Тимофей Иванов, сын боярский, стрелецкий голова 261, 262, 336
 Тимофей, слуга княжеский 326
 Тимофей Васильевич. См. Вельяминов Тимофей Васильевич
 Тимур (Тамерлан), полководец, эмир 162
 Тимур Кутлук (Темир Кутлуй), хан золотоордынский 162, 163
 Тишков Третяк, дьяк 237
 Толочко П. П., историк 493
 Торчин, повар княжеский 357
 Тохта, хан золотоордынский 116
 Тохтамыш (Тахтамыш), хан золотоордынский 153, 154, 161—163, 165, 317
 Травин Скрябин Шавей, сын боярский 327
 Трифон, иг. Кириллова Белозерского мон. 181, 186, 320
 Трубецкие, князья 276
 Трувор, легенд. кн. 23, 342
 Тугоркан, хан половецкий 289, 366
 Тудор, тиун вышгородский 374
 Туктамыш. См. Токтамыш
 Туреня Оболенский. См. Оболенский-Туреня Борис Михайлович
 Турунтай. См. Пронский-Турунтай Иван Иванович
 Туряк, б-н волынский, друж. 52, 290
 Тучков (Тучко) Василий Борисович, б-н 265
 Тучков Иван Борисович, б-н 265
 Тучков Михаил Васильевич, б-н 265
 Узбек, хан золотоордынский, сын хана Тохты 10, 116—119, 131, 133, 309, 313, 314

Тамерлан. См. Тимур
 Тарасий, еп. ростовский 112, 307
 Татев Петр Иванович, кн., воев. 258

- Улеб, б-н, тысяцкий киевский 70, 295, 315
 Улу-Махмет, хан Большой орды, затем хан казанский 170, 178, 179, 319
 Ульяна, кнг. 315
 Ульяна Михайловна, кнг., жена кн. московского Василия Владимировича 320
 Ульяна (Иулиания) Ярославна, кнг., дочь в. кн. Ярослава II Всеволодовича 306
 Устрялов Н. Г., историк 326
 Ушатый Петр Федорович, кн. 227, 228
- Фаминцын А. С., ученый 496
 Федор, наместник княжеский 320
 Федор, писарь литовского посла 329
 Федор (Феодор) Александрович, кн., сын кн. тверского Александра Михайловича 133, 313
 Федор Андреевич. См. Мезецкий Федор Андреевич
 Федор Андреевич Кошка, б-н в. кн. Дмитрия Ивановича Донского 158, 165, 166, 318
 Федор Борисович, б-н тверской 314
 Федор (Феодор) Борисович, кн. волоцкий, сын кн. Бориса Васильевича 208, 227
 Федор Васильевич, кн. рязанский, сын кн. рязанского Василия Ивановича 200, 201, 217, 224, 310
 Федор Васильевич Басенок, б-н, воев. в. кн. Василия II Васильевича Темного 181
 Федор Иванович, царь, сын Ивана IV Васильевича Грозного 274—276
 Федор (Феодор) Львович, кн. новосильский и одоевский 196, 197
 Федор Михайлович, кн. новосильский, одоевский 197
 Федор Олегович, в. кн. рязанский, сын в. кн. Олега Ивановича 166, 174
 Федор (Феодор) Ростиславич Черный, кн. ярославский, смоленский, сын в. кн. Ростислава Мстиславича 112, 113, 260, 265, 307
 Федор Святославич, кн. тарусский 314, 323
 Федор Сухий. См. Мезецкий Федор Федорович Сухой
 Федор Юрьевич, кн. суздальский 182
 Феогност, митр. московский и всея Руси 131—133, 136
 Феодор, еп. белгородский 386
 Феодор, еп. ростовский 23
 Феодор, еп. тверской 137
- Феодор Ярославич, кн. суздальский, сын в. кн. Ярослава II Всеволодовича 305
 Феодосий I Великий Флавий, имп. римский 235, 264
 Феодосий Печерский, св., иг. Киево-Печерского мон. 290, 386, 409
 Феодосия Мстиславна, в. кнг., жена в. кн. Ярослава II Всеволодовича 305
 Феодул, иг. Богородицкого мон. во Владимире 415
 Феост (Ефест, Фта). См. Пта
 Феофан, б-н переяславский 110
 Феофил, имп. византийский, иконоборец 264
 Феофилакт, византийский летописец 458
 Филипп, б-н галицкий 432, 443
 Филипп (Кольчев Федор Степанович), митр. московский и всея Руси 272, 273, 338
 Филипп Нянька, воев. московский 445
 Филофей, еп. пермский 206
 Флетчер Джильс, посол английский в России, автор соч. 337
 Фома Палеолог, царь морейский, отец в. кнг. Софьи Фоминичны Палеолог 208
 Фоминский Роман Иванович, кн. 216, 323
 Фотий, митр. московский и всея Руси 169, 170, 186
 Фридрих (Фредерик), архиеп. краковский 222, 331
 Фридрих I Барбаросса, имп. германский 99
 Фроянов И. Я., историк 493
- Хам, библ. 341, 463
 Хилков Василий, кн. 335
 Хлепенский Александр Борисович, кн. 216, 323
 Хмельницкий Зиновий, гетман 103
 Хованский Андрей Федорович, кн. 335
 Хорив, Хорев, легенд. кн. киевский 341, 342
 Хорс (Корос), миф. 351, 464, 465, 485
 Хота Григорьевич, наместник новгородский 434
- Цимисий. См. Иоанн I Цимисий
 Цыплятев Елизар, дьяк разрядный 266
- Чапонос, б-н 434
 Чарг, воев. галицкий 303
 Чарторьские, князья польские 194
 Челяднина, боярыня 242

- Черепнин Л. В., историк 491, 493, 495
 Чингисхан⁴ (Тимучин), основатель и в.
 хан Монгольской империи 131
- Шадибек, хан золотоордынский, сын
 хана Тимура Кутлука 163
- Шафарик Павел Йозеф, чешский уче-
 ный, историк, филолог 484
- Шварн (Иван) Данилович, кн. галиц-
 кий, холмский, сын кн. Даниила
 Романовича 13, 142—144
- Шевкал (Шелкан), хан золотоордын-
 ский, сын хана Дюдена 131, 308
- Шемяка. См. Юрий Дмитриевич Ше-
 мяка
- Шереметев Иван Васильевич, б-н 257
- Шереметевы, б-ре 257
- Шестаков Федор, подьячий 219, 329
- Шибанов Василий, слуга кн.
 А. М. Курбского 266
- Шигона Поджогин Иван Юрьевич. См.
 Поджогин-Шигона Иван Юрьевич
- Шмидт С. О., историк 495
- Шуйские, князья 233, 237, 241—244,
 247, 248
- Шуйский Андрей Михайлович, кн. 237,
 238, 242, 244, 247, 333, 334
- Шуйский Василий Васильевич, б-н 232,
 241, 242
- Шуйский Василий Иванович. См. Васи-
 лий Иванович Шуйский
- Шуйский Иван Васильевич, кн. 242—
 244, 246, 334
- Шуйский Иван Михайлович, кн. 244,
 253
- Шуйский Федор Иванович, кн. 244
- Шапов Я. Н., историк 496
- Щек, легенд. кн. киевский 341, 342
- Щербатов М. М., историк 494
- Эверс Иоганн Филипп Густав, историк
 26, 337, 491
- Эдигей. См. Едигей
- Эймунд, витязь скандинавский 34
- Эльга. См. Ольга
- Юпитер, миф. 475
- Юрий, священник новгородский 434
- Юрий (Георгий) I Владимирович Дол-
 горукий, кн. ростовский, суздаль-
 ский, в. кн. киевский, сын в. кн.
 Владимира II Всеволодовича Мо-
 номаха 6, 14, 16, 17, 19, 21, 23, 57,
 61—64, 66—68, 70—83, 85—87,
 94, 97, 104, 280, 281, 292—294,
 296—299, 301, 305, 314, 372, 373,
 377—382, 384—400, 404—406, 413,
 418, 433
- Юрий II Всеволодович, кн. суздаль-
 ский, в. кн. владимирский, сын в.
 кн. Всеволода III Юрьевича 102—
 104, 304, 433, 435—440, 445—447
- Юрий Алексеевич, новгородец 434
- Юрий (Георгий) Андреевич, кн., сын в.
 кн. Андрея Юрьевича Боголюб-
 ского 90, 114, 412, 417
- Юрий Васильевич, кн., сын в. кн. мо-
 сковского Василия III Ивановича
 246, 254, 337
- Юрий (Георгий) Васильевич Меньшой,
 кн. дмитровский, можайский, сер-
 пуховской, сын в. кн. Василия II
 Васильевича Темного 193, 204—
 206, 310
- Юрий Данилович, в. кн. владимирский
 и московский, сын кн. московского
 Даниила Александровича 115—
 119, 129, 131, 134, 151, 308, 309,
 312, 313
- Юрий Дмитриевич, кн. звенигородский
 и Галича-Костромского, сын в. кн.
 Дмитрия Ивановича Донского 127,
 156, 159, 165, 168—176, 180, 183,
 186, 187, 194, 271, 318, 319, 323,
 332, 493
- Юрий Домаречич (Домамерич), кн.,
 воев. галицкий 441
- Юрий (Юшка) Драница, воев. литов-
 ский 181
- Юрий Иванович, кн. дмитровский,
 сын в. кн. Ивана III Васильевича
 214, 223, 228, 229, 236—238, 310,
 332, 333
- Юрий Иванович, посадник новгород-
 ский 434
- Юрий Игоревич, кн. рязанский, сын кн.
 Игоря Глебовича 445
- Юрий Львович, кн. галицко-волын-
 ский, сын кн. галицкого Льва Да-
 ниловича 143
- Юрий Святославич, кн. смоленский,
 сын кн. смоленского Святослава
 Ивановича 162, 163, 317, 318
- Юрий Ярославич, кн., сын кн. Ярос-
 лава Святославича 297
- Юрий Ярославич, кн. туровский, сын
 кн. Ярослава Святополковича 75,
 83
- Юрий-Казимир Андреевич, кн. галиц-
 ко-волинский, сын кн. галицкого
 Андрея Юрьевича 144
- Юрьевичи, потомки в. кн. Юрия Дол-
 горукого 6, 7, 88, 89, 91, 93, 94, 100,

- 113, 144, 151, 172—174, 176—178, 190, 373, 374, 492
Юшка. См. Юрий Драница
- Ягайло Владислав Ольгердович, в. кн. литовский и кор. польский 150, 151, 162, 220, 330
- Яганов Иван, сын боярский 228, 333
- Ягеллоны, династия литовско-польских королей 328, 332
- Ядвига, королева польская, жена кор. Владислава II 151
- Яким Кучкович, приближенный в. кн. Андрея Юрьевича Боголюбского 92, 303, 413, 414
- Яков Дмитриев, сын боярский 229
- Яковлев Захарий Петрович, б-н 258
- Якун, предводитель варяжской дружины 359
- Ян Юрьевич, воев. литовский 330
- Ярило, миф. 469, 486
- Яропкин Афанасий. См. Еропкин Афанасий
- Ярополк Андреевич, кн. дорогобужский, сын кн. Андрея Владимировича Доброго 83
- Ярополк Владимирович, в. кн. киевский, сын в. кн. Владимира II Всеволодовича Мономаха 57, 59, 61—66, 291, 293, 295, 370—372, 374
- Ярополк Изяславич, кн. вышгородский, волынский, сын в. кн. Изяслава Ярославича 37, 41, 43, 45—48, 52, 55, 288, 363, 366
- Ярополк Романович, кн. смоленский, сын кн. Романа Ростиславича 302
- Ярополк Ростиславич, кн. владимирский, сын кн. Ростислава Юрьевича 416—419
- Ярополк Святославич, в. кн. киевский, сын в. кн. Святослава Игоревича 24—30, 282, 346, 347, 349—351
- Ярослав I Владимирович Мудрый, в. кн. киевский, сын в. кн. Владимира I Святославича 6, 8, 19—21, 23, 25, 29, 32—40, 44, 47, 51, 55, 57—60, 67, 75, 83, 88, 91, 96, 142, 151, 278, 281—284, 288, 302, 355, 357—360, 429
- Ярослав II Всеволодович, кн. переяславский, затем в. кн. киевский, сын в. кн. Всеволода III Юрьевича Большое Гнездо 93, 96, 102, 104—106, 113—115, 303—307, 433—439, 445
- Ярослав Александрович, кн. пронский, сын кн. Александра Михайловича 139
- Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицкий, сын кн. Владимира Владимировича 12, 79, 82—85, 90, 97, 142, 281, 298, 302, 303, 403, 404, 407, 412, 425
- Ярослав Всеволодович, кн. черниговский, сын в. кн. Всеволода Ольговича 15, 423, 428—430
- Ярослав Изяславич, кн. луцкий, в. кн. киевский, сын в. кн. Изяслава Мстиславича 71, 81, 83—85, 88, 90—93, 299—303, 387, 397, 408, 412, 413, 421, 431, 432
- Ярослав Святополкович, кн. владимир-волинский, сын в. кн. Святополка Изяславича 12, 19, 53, 55—58, 290—292, 297
- Ярослав Святославич, кн. черниговский, сын в. кн. Святослава Ярославича 45, 51, 57, 60—62, 95, 291, 292, 371, 372
- Ярослав Ярополкович, кн. брестский, сын кн. Ярополка Изяславича 290, 297
- Ярослав Ярославич, кн., сын в. кн. Ярослава II Всеволодовича 106, 107, 305—308
- Ярославичи 6—8, 17, 35, 37—41, 51, 55, 58, 60, 81, 91, 285, 361, 362, 462
- Ярунович Федор, б-н 105, 305

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

- Абазинцы (обезы). См. Абазы
Абазы, нар. 440
Авары (обры), нар. 462
Авдова Гора, урочище 436
Австрия, Австрийское герцогство 143
Азиатская орда. См. Золотая Орда
Азия, Азиатские нар. 163, 343, 475
Аланы, нар. 131, 346, 440
Алексин, г. 206
Алексинский у. Тульской губ. 147, 468
Алешки. См. Олешье
Альта, р. 34, 40, 356, 358, 361
Амур, р. 104
Англичане, нар. 341
Армяне, нар. 143
Астрахань, г. 257
- Балтийское море 110
Бежецкий Верх, г. и вол. 174, 190
Белавичи, с. 325
Белая Русь, Белая Россия. См. Белоруссия
Белгород (Белград, Белый) Киевский, г., крепость 40, 56, 67, 77, 78, 84, 89, 292, 297, 301, 302, 354, 362, 368, 395, 411, 412, 427, 460
Белгород Рязанский, г. 96, 303
Белз, г. 443, 444
Белобережье, м. в устье Днепра 349
Белое море 272
Белозерск, Белоозеро, вол. и г. на Белом оз. 25, 37, 159, 202, 212, 243, 257, 281, 313, 327, 342
- Белоруссия 471
Белчица, м. 407
Белые хорваты. См. Хорваты
Белый, г. 146
Бельз. См. Белз
Берда, г. 483
Березов, г. 280, 300
Берендеева слобода 317
Берендеи, нар. 52, 63, 73, 289, 297, 300, 302, 369, 376, 377, 394, 410
Берестово, сел. княжеское около Киева 314
Берестье, Берестий. См. Брест
Берлад, г. в Бессарабии 90, 300, 407, 411
Богемия 143, 347, 390
Боголюбов, г. 93, 415
Богородицкое, с. Ростовской вол. 121
Богуслав, г. и вол. 428
Божьск. См. Бужск
Болгария Дунайская 24
Болгарская земля 341, 344
Болгары дунайские, нар. 52, 92, 290, 303, 343, 344, 346, 347, 369, 415
Болшево, с. 403
Борисов, г. 58
Боровск (Боровеск), г. 156
Боровский у. 197
Браневичев, г. 443
Бреговичи, нар. 341
Брест (Берестье, Берестий), г. 33, 290, 294, 301, 325, 373
Бродники, нар. 441
Броднич, г. 314
Брянск (Бранск), г. 146, 196, 324
Буг, р. 33, 358
Бужск (Божьск), г. 296, 386
- Вавилон, г. 286
Вага (Важская земля), вол. и р. в По-морье 465
Валахи (волохи), нар. 341
Варяги (норманны, русь), нар. 26, 27,

- 32—34, 341, 343, 344, 350, 351, 357—359, 458, 459
- Варяжский остров 440
- Варяжское море. См. Балтийское море
- Василев, г. 354
- Василцево Сто, м. 122
- Великие Луки, г. 326, 409, 420
- Великий водный путь из Варяг в Греки 410
- Великое княжество Литовское. См. Литва
- Великороссия. См. Россия
- Великорусы. См. русские
- Вельский у. 465
- Венгрия (Венгерская земля, Угрия) 56, 81, 97, 99, 101, 285, 299, 341, 347, 356, 357, 390, 394, 397, 399, 401, 426, 427, 432, 444, 448
- Венгры (угры), нар. 53, 56, 60, 63, 73, 75—77, 91, 99, 101, 328, 370, 384, 391, 394—396, 400, 401, 426, 429, 432, 442, 444
- Верейское княжество 197
- Веря, г. и вол. 203, 271, 276
- Вздвижень, г. 395
- Византия, Византийская, Восточно-Римская империя 187, 348
- Вильно, г. 328
- Висла, р. 341, 431
- Витебск (Витепск), г. 206, 322
- Витебская губ. 457
- Витичев, г. 53
- Вишня, с. 443
- Владимир Волынский (Лодомир), г. 30, 35—37, 39, 45, 47, 51—53, 56—58, 63, 67, 68, 71, 75—77, 80, 81, 88, 90, 91, 284, 285, 287—289, 291, 292, 294, 297—299, 301, 302, 367, 369, 390, 391, 394, 398, 402, 407, 410, 426, 429, 443, 444, 448
- Владимир Залесский на р. Клязьме, г. 37, 43, 78, 86, 87, 92, 94—96, 102, 105—107, 109, 113, 118, 130, 141, 146, 151, 164, 197, 243, 301, 303, 305—307, 309, 314, 316, 406, 415—419, 432, 433, 435, 437—439, 445, 446
- Владими́ро-Волы́нская (Владимирская) вол., земля, обл. 36, 38, 45—47, 49, 51—55, 57, 58, 67, 72, 94, 151, 294
- Владими́ро-Волы́нское княжество 56, 142
- Владимирская (на Клязьме) вол., земля, обл. 109, 112, 115, 117, 141, 299, 304, 312, 436, 491, 492
- Владимирское княжество 104, 107, 108, 110, 114, 142, 149, 155, 157, 158, 160, 167, 169, 177, 182, 183, 197, 213, 223, 236, 327
- Влена, р. 95, 303
- Влицы, г. 326
- Вожа, р. 156
- Волга, р. 74, 117, 204, 288, 309, 346, 386—389, 434, 435, 445, 446, 480
- Вологда, г. и вол. 181, 190, 212, 321, 325, 327
- Волоколамск (Волок), вол. и г. 112, 122, 164, 167, 182, 239, 320, 438, 446
- Волохи. См. Валахи
- Волошское (Мутьянское) воеводство 261
- Волхов, р. 475, 478
- Волы́нская вол. (Волынь) 36, 46, 412
- Волынь, Волы́нское княжество (Во́лы-ния), вол., земля 75, 81, 85, 86, 88, 143, 144, 194, 290, 302, 363, 368, 369, 491
- Воробьево, с. под Москвой 249
- Воронеж, г. 419
- Вороты́нск, г. и вол. 276, 300, 327, 328
- Ворскла, р., левый приток Днепра 163
- Восток (Восточные земли, страны) 160, 251, 343, 442
- Вручий. См. Овруч
- Всеволожь, г. в Волынской земле 280
- Вшиж, г. 83, 280, 294
- Вырь, р. 291, 292, 371
- Вышгород, г. на р. Протве 204
- Вышгород (Вышегород) Киевский, г. 43, 75, 76, 85, 86, 89, 90, 287, 297, 298, 301, 302, 356, 372, 374, 392—394, 396, 398, 400, 405, 411, 412, 427, 482
- Вягр, р. 401
- Вязьма, г. 164, 215, 216, 322
- Вятчи, нар., вол. 68, 296, 346, 351, 379, 380, 386—388, 453, 454, 457, 458
- Вятка (Вятич), г. с пригородом 176, 182, 184, 293, 319, 321
- Вятская земля, вол. 197
- Галиция (Червенная, Червоная Русь), обл. 59, 67, 89, 142, 144, 315
- Галицкая земля, обл. 69, 142, 401, 402, 404, 425, 436, 491
- Галицкое княжество 96, 97, 101, 142
- Галич Костромской, г. и вол. 128, 146, 159, 170, 171, 174, 177, 182, 187, 197, 313, 446
- Галич Червеньский, г. в Галицком княжестве 69, 77, 96—99, 101, 103, 142, 143, 146, 297, 302—304, 393, 396, 402, 403, 407, 412, 425—427, 430—433, 440, 442, 443, 448

- Георгия св. остров 477
 Германия (Германская империя) 281
 Гза (Кза), р. 435
 Гзень (Кземль), ручей у Новгорода Великого 285
 Голые горы 444
 Гомель (Гомей), г. 196, 330
 Городен, г. 58
 Городец (Радилов) Волжский, г. 110, 161, 182, 306—308, 316, 439, 446
 Городец (Городеч, Городок) Киевский, г. 73, 77, 78, 292—294, 297, 368, 386, 392, 395
 Городечна, г. 216
 Городок 322, 392
 Гороховец, г. 417
 Горы киевские 374, 399, 410, 426, 431
 Горынь, обл. и р. 394
 Готы (готфы) восточные и западные, нар. 342
 Гоцово, с. 325
 Греки (византийцы), нар. 24, 211, 285, 342—344, 347—349, 351, 359, 360, 370, 450, 451, 460, 464
 Греция (Греческая земля) 40, 46, 58, 60, 87, 93, 94, 288, 301, 343, 345, 347, 351, 362, 462
 Двина, р. 341
 Дерновое, г. 295, 375
 Дерпт. См. Юрьев
 Десна, р. 82, 376, 385, 389, 397, 472
 Дмитров, г. 110, 114, 159, 171, 174—177, 190, 204, 228, 271, 308, 446
 Днепр, р. 34, 37, 51, 59, 60, 67, 91, 100, 284, 294, 300, 302, 341, 342, 346, 352, 357, 359, 361, 365, 368, 376, 384, 385, 392, 395, 397, 398, 405, 406, 412, 413, 423, 424, 429, 431, 433, 440—442
 Днепровская обл. 35
 Днестр, р. 443
 Добрятинская борть 122
 Добрятинское, с. 122
 Дон, р. 151, 202, 317, 370, 423, 457
 Донец, г. 422, 424
 Дорогобуж Волынский, г. и дорогобужцы, жит. 46, 53, 75, 82, 88, 288, 298, 299, 301, 302, 322, 394, 398, 400
 Древяне, нар. 341, 343—345, 347, 349, 453, 454, 458
 Древянская (Деревская) земля 24, 25, 30, 345, 349, 459
 Дреговицкая (Дрегвичи) земля 293
 Дреговичи, нар. 12, 291
 Дрогочин (Дорогичин), г. в Галицкой земле 294
 Друцк (Дрютеск), г. 58, 406, 407
 Дубок, г. 314
 Дунай, р. 341, 344, 346, 347, 359, 375, 458, 478
 Евреи (иудеи), нар. 54, 92, 143, 261, 303, 413, 415
 Европа 163, 209, 251
 Европа Восточная 41
 Европа Западная (Запад) 21. 42, 75, 101, 143, 163, 209, 281
 Египет, египтяне 463
 Жадемль, г. 314
 Жадене городище 314
 Желань, р. 84
 Заруб, г. 440
 Заруба, с. Смоленской вол. 375, 409
 Заручайская (Сухомлинская) криница, родник 472
 Звенигород, г. на северо-востоке Руси 127, 134, 159, 175, 176, 177, 190, 271
 Звенигород Киевский, г. 393
 Звенигород Червенский, г. в Галицкой земле 47, 432
 Звенигородская вол. 127
 Золотая Орда (Волжская, кипчакская) 9, 104—106, 109—111, 115—119, 123, 125, 127, 128, 132—139, 141, 142, 145, 149, 151, 152, 156, 157, 161, 162, 164—166, 170, 171, 174, 177, 179, 183, 185, 192, 199, 206, 209, 260, 306—309, 313, 314, 318, 322, 326, 335
 Зубцев, г. 322
 Игнатъев Крест, м. 447
 Иерусалим, г. 264
 Изборск, г. 342
 Израиль 259, 264, 265
 Изяславль, г. 58, 285
 Ильмень (Илмен), оз. 341
 Искоростень. См. Коростень
 Итальянцы, нар. 475
 Иудеи. См. Евреи
 Казаки запорожские 375
 Казанская обл., земля 268
 Казанская орда 178
 Казанцы (казанские татары) 178, 179
 Казань, г. 178, 179, 183, 184, 230, 249, 256, 257, 267, 269, 335, 337
 Калка, р. 151, 441
 Калуга, г. 206
 Канев (Канов), г. 84, 297, 428
 Канович, м. в Орде 305
 Карачев (Жорачев), г. 300, 330, 378, 379, 423
 Карелия 486

- Касоги (атыхи), нар. 285, 346, 358, 359, 360, 440
 Кафа (Феодосия), г. 131
 Кашин, г. 276, 322
 Кашинское княжество 149
 Кза. См. Гза
 Кземль. См. Гзень
 Киев, г. 6, 12, 15, 16, 23—25, 27—29, 31—35, 37—42, 44—46, 49—55, 59—61, 63—66, 68—71, 74—78, 80, 82—89, 91—94, 99—101, 103—106, 130, 218, 221, 282, 284, 285, 287, 289—295, 297—300, 302—304, 322, 329, 331, 341—347, 349, 350—368, 371—377, 379, 380, 382, 384—386, 388, 390—400, 402, 404—413, 416, 421, 424—431, 433, 436, 440, 442, 448, 457, 462, 465, 475, 476, 479
 Киевская земля, обл. 36, 67, 294, 436
 Киевская Русь, Киевское княжество 293, 348, 350, 351, 359, 360, 363
 Киевские горы. См. Горы Киевские
 Клецк (Клеческ), г. 58, 293, 294
 Клешино оз. См. Плещеево оз.
 Коуи (коуи), нар. 422, 423
 Козары. См. Хазары
 Козельск, г. 189, 197, 321, 447
 Колакча, р. 419
 Колодежный, г. 448
 Коложе, г. 318
 Коломенские вол. 127
 Коломенский у. 181
 Коломна, г. 116, 127, 134, 154, 159, 162, 164, 173, 177, 178, 180, 197, 247, 248, 315, 445
 Константинополь (Царьград), г., порт 58, 211, 275, 292, 301, 303, 342—345, 349, 351, 359, 360, 408, 415
 Копорье, крепость, г. 108, 109
 Корачев. См. Карачев
 Корела, нар. 387
 Корсунь (Херсонес), г. и корсунцы, жит. 39, 344, 352, 361, 428, 476
 Косоги. См. Касоги
 Кострома, г. 110, 112, 116, 117, 172, 182, 187, 197, 247, 307, 309, 317
 Костромская земля, обл. 176
 Костромское княжество 107, 108
 Котельница, г. 296
 Которосль, р. 176
 Коуи. См. Ковуи
 Краков, г. 324, 325, 484
 Крапивна, г. 164
 Кривичи (криве, полочане), нар. 27, 58, 341, 342, 343, 350, 457, 458
 Кривская земля. См. Полоцкая земля, княжество
 Кривские города. См. Полоцкое княжество
 Крым (Таврида, Херсонес) 170, 251, 257, 269
 Куманы. См. Половцы
 Курск, г. 50, 57, 58, 62, 63, 67, 74, 289, 291—294, 296, 299, 373, 377, 398, 422
 Курское княжество 294
 Ладога, г. и вол. 132
 Латыши, нар. 467, 470, 487
 Ливония (Лифляндия), Ливонский орден 240, 251
 Ливонцы, ливы, нар. 487
 Липица, р. и с. 103, 435, 436
 Листвен, г. 34, 359
 Литва, Литовское княжество 11, 132, 143—151, 153, 162—167, 180, 181, 187, 189—193, 195, 196, 199, 200, 202, 206, 207, 209, 214—217, 219—221, 225—227, 232, 240, 241, 276, 288, 313, 316, 318, 321, 322, 325, 327, 329, 332, 444
 Литовская земля, обл. 150, 151, 220, 221, 328, 330, 331
 Литовская Русь 149, 150, 160, 162, 164, 165, 194, 214, 218—220, 230, 328
 Литовцы (литва), литовское племя, нар. 98, 132, 146, 195
 Ловецкие слободы (около Ярославля) 123
 Логожск (Логожеск), г. 58
 Лодомиря. См. Владимиро-Волынская обл.
 Лопасня, вол. и р. 140, 152, 314
 Лососинская вотчина 325
 Лужа, Лужская вол. 156, 312
 Луки. См. Великие Луки
 Лутичи, нар. 341, 461
 Луцк (Луческ), г. и обл. 88, 94, 288, 297, 301, 303, 325, 391, 400, 413, 421
 Лыбедь, р. в Киевской земле 376
 Лыткино, с. 317
 Любеч, г. 15, 25, 33, 51, 52, 289, 343, 357, 366, 384, 385
 Люценский у. 457
 Лятцкая земля. См. Польша
 Ляхи. См. Поляки
 Мазовия, мазовшане, обл. и нар. 341
 Малороссия (Малая Россия) 468, 476, 477
 Малый Ярославец, г. 276
 Масальск, г. 216
 Медведица Северная, р. 387
 Медынь, г. 189, 321

- Мезецк, г. 216, 217
 Меря, нар. 341
 Мечибожие, г. 296
 Мещера, г. 161, 323
 Мещерская земля 166
 Мещовск, г. 215
 Минск (Меньск), г. 55, 61, 291, 292, 361, 407
 Можайск, г. 112, 115, 127, 134, 135, 145, 146, 159, 189, 204, 206, 315
 Молога, р. и вол. 125, 387, 388
 Монголы (монголо-татары), нар. 9, 10, 104, 115, 118, 136, 151, 163, 277, 305, 490
 Морава, р. 341
 Моравск, г. 408
 Моравы, нар. 341
 Москва, г. 10, 11, 113, 115—119, 124, 126, 127, 130—134, 136, 137, 140, 141, 144—152, 154, 156, 157, 159—161, 163—170, 172—187, 189—191, 193, 195, 196, 199—203, 205—207, 209, 211, 213, 215, 217, 219, 220, 222—225, 227, 230, 232, 239—241, 243, 247, 255, 257, 258, 269, 272, 275, 276, 305, 307—310, 312—320, 322, 329, 330, 332, 335, 337, 379, 416, 417, 419, 445, 467
 Москва, р. 212, 327
 Московская земля, край, обл. 124, 164, 224, 321, 332
 Московская Русь 145, 146, 149, 160, 162, 163, 165, 166, 194
 Московское государство 171, 203, 213, 220, 221, 236, 240, 251
 Московское княжество, царство 7, 11, 114, 124, 127, 134, 138, 139, 141, 151, 157, 159, 165, 180, 182, 183, 185, 197, 201, 202, 213, 223, 225, 278, 327, 493
 Мста, вол. и р. 379
 Мстиславль, г. 146, 292, 314
 Муром, г. и муромцы, жит. 25, 30, 37, 45, 50, 51, 60, 90, 151, 161, 169, 180, 197, 281, 283, 289, 292, 311, 371, 372, 412, 416, 417
 Надово оз. 376
 Нежати́на Нива, с. близ Чернигова 43, 363
 Неман (Немиза), р. 39, 361
 Немцы, нар. 33, 118, 119, 132, 143, 167, 192, 193, 195, 306, 309, 313
 Нижегородское княжество 193
 Новгород Великий, г. 24, 25, 27—30, 33, 34, 36, 37, 39, 41, 43, 48, 50, 51, 56, 57, 62, 63, 67, 71, 73, 74, 97, 102, 103, 106, 107, 109, 110, 112, 119, 132, 133, 169, 174, 179, 184, 187, 193, 195, 199, 205—207, 213, 224, 230, 240, 255, 257, 279, 281, 283—285, 287, 289, 292—294, 297, 302, 304, 306, 312, 316, 317, 322, 325, 333, 341, 342, 345, 347, 350, 354, 355, 357—359, 361, 373, 386—388, 397, 408, 409, 416, 418—420, 433, 434, 436, 438, 439, 447, 475, 476, 478
 Новгород Нижний, г. 147, 157, 161—163, 169, 174, 175, 182, 194, 197, 306, 316
 Новгород-Северский, г. 83, 196, 225, 295, 377, 378, 381, 407, 422—424, 472
 Новгород Святополч (Святопольский). См. Святополч
 Новгородская вол., земля, обл. 32, 167, 178, 181, 194, 207, 379, 420, 421, 435, 436, 491
 Новгородское княжество 223, 236
 Новгородцы (ильменские славяне), жит. 24, 25, 32—34, 48, 50, 61, 62, 67, 73, 90, 102, 107—110, 116, 119, 132, 139, 140, 152, 195, 206, 225, 272, 280, 285, 289, 293, 297, 306, 322, 323, 342, 343, 347, 357, 358, 373, 374, 380, 381, 384, 386—388, 391, 408—410, 412, 418—421, 433—439, 481
 Новосиль, г. 276
 Новосильская земля 196
 Новый город (во Владимире) 446
 Новый городок на р. Поротли 140
 Ногаи. См. Ногайская орда
 Норвежцы, нар. 342
 Нормандия, обл. 281
 Норманны. См. Варяги
 Носов на Руде, г. 297
 Обезы. См. Абазы
 Обры. См. Авары
 Овруч, г. 26, 301, 349, 431
 Одоев Старый, г. 276
 Одоевская земля 196
 Ока, р., приток р. Волги 140, 153, 314, 317, 346
 Олешье (Олесье, Алешки), м. в устье р. Днепра 46, 288
 Ольгова Могила, урочище 376
 Ольгово поле, м. 384, 385
 Олышаница, р. 76, 393
 Опаков, г. на р. Угре 216
 Орловская губ. 488
 Ормин, г. 294
 Оскол, р. 422
 Остроботния, обл. 486
 Остров, г. под Новгородом Великим 276

- Перевитек (Перевитеск), г. 310
 Перемышль, г. и перемышльцы, жит. 47, 51, 54, 276, 288, 290, 351, 401, 425, 432, 442, 444
 Пересопница, г. 75, 77, 298, 299, 301, 392, 394, 395, 398, 432
 Переяславец на Днае, г. и переяславцы, жит. 346—349
 Переяславль-Залесский, г. 37, 45, 49, 51, 94, 95, 106—108, 110, 112—116, 150, 164, 197, 305—308, 398, 400, 416, 418, 435, 438, 439, 446, 447
 Переяславль Киевский (Русский), г. и обл. 23, 25, 35, 36, 38, 57, 61—63, 67, 68, 70, 71, 73, 74, 78, 80, 94, 114, 287—289, 291—295, 297—299, 301, 302, 360, 364, 365, 372, 373, 375, 377, 383, 389, 390, 398, 405, 423, 424
 Переяславль Рязанский, г. 113, 139
 Переяславское княжество 197
 Переяславское оз. См. Плещеево оз.
 Печенеги, нар. 28, 31, 33, 34, 52, 289, 344, 346, 347, 349, 351, 353—358, 369, 462
 Печерный (Старый), г. 446
 Пинск, г. 62, 80, 83, 292, 298, 299, 398
 Плесков. См. Псков
 Плещеево (Клещино, Переяславское) оз. 306
 Поволжье, обл. по р. Волге 37, 435
 Подгорие, обл. 299
 Подесненские города по р. Десне 280
 Подолия (Понизовье), земля, обл. 194, 442
 Половецкая земля 424, 431, 440, 447
 Половцы, нар. 9, 10, 39, 40, 43, 46, 49—54, 57, 58, 62, 63, 71, 74, 77, 78, 80, 82, 84, 93, 96, 98, 101, 109, 115, 288—293, 300, 361—363, 365, 366, 368—371, 379, 380, 384, 388, 389, 391, 396, 397, 399, 400, 405, 408, 410, 421—424, 429, 430, 440—442, 462
 Полоный, г. 297
 Полота, р., приток Двины 341
 Полоцк (Полотск, Полтеск), г. 25, 27, 29, 40, 41, 58, 61, 219, 268, 292, 350, 362, 406, 407, 420, 474
 Полоцкая (Кривская) вол., земля, обл. 35, 58, 407, 491
 Полоцкое княжество 59, 61, 62
 Полочане. См. Кривичи
 Польша (Польская земля, Польское гос-во) 31, 33, 40, 41, 47, 52, 55, 56, 97, 151, 192, 194, 209, 220, 221, 262, 288, 290, 297, 331, 358, 362, 369, 390, 428, 430
 Поляки (ляхи), нар. 31, 33, 40—43, 47, 53, 55, 56, 60, 67, 69, 75, 91, 101, 167, 192—194, 199, 284—286, 288, 289, 291, 294, 304, 341, 351, 358, 362, 363, 369, 370, 374, 391, 394, 401, 431, 458
 Поляне 341, 342, 453, 454, 457
 Поморяне 43, 55, 341
 Понизовье. См. Подолия
 Поросье, вол. 301, 302, 375
 Поротль, р. 140
 Порусье, обл. 295
 Посеймье, города и обл. по р. Сейм 63, 292, 293, 423
 Почен, г. 314
 Припять, р. 341
 Приск, р. 458
 Пронская земля, обл. 197, 225
 Пруссия (Порусье, Русь) 150
 Прусы (пруссаки), нар. 43, 55, 75, 391
 Псков (Плесков), г. 30, 112, 119, 132, 133, 195, 207, 213, 224, 283, 312, 313, 326, 333, 334, 439, 489
 Псковская вол., земля, обл. 163, 194, 207, 318
 Псковское княжество 223
 Путивль, г. и жит. 295, 377, 378, 381, 422
 Радимичи 343, 453, 454, 457, 458
 Ратмира дубрава 291, 292
 Ржев (Ржева, Ржов), г. и вол. 146, 164, 167, 175, 189, 208, 321, 322, 325, 326
 Рим, римляне, г. и жит. 42, 221, 264, 287, 309, 370, 450
 Римская империя 209
 Римов (Ромен), г. 424
 Рогачев, г. 294
 Родна, г. в устье р. Рось 27, 350
 Романов, г. на Волге 204
 Россия Восточная 11, 60, 74, 162, 165
 Россия Северная 10, 93, 130, 149, 152, 168, 234, 278, 316, 492
 Россия Северо-Восточная 11, 17, 86, 89, 93, 102—104, 143—146, 148, 150, 151, 160, 194, 230, 278
 Россия Северо-Западная 97
 Россия Юго-Западная 11, 17, 97, 102, 142, 144—146, 151, 194, 196, 214, 217
 Россия (Русь) Южная (Киевская) 8, 10, 35, 74, 75, 86, 87, 93, 94, 96—98, 100, 101, 104, 106, 107, 130, 144, 152, 162, 164, 194, 216, 222, 278, 462, 492
 Ростов Великий, г. 25, 29, 30, 37, 45, 50, 86, 87, 102, 104, 121, 134, 151, 186, 202, 284, 289, 292, 293, 299, 301, 305, 313, 386, 398, 406, 417—419, 432, 433, 435, 446, 465

- Ростовская вол., земля, обл. 17, 23, 51, 57, 62, 67, 86, 87, 146, 177, 186, 289, 301, 304, 417, 418, 436, 446, 480
- Ростовское княжество 202
- Рось (Русь, Рша), р. 375
- Руза, г. 134, 208
- Русские (руссы, великорусы), нар. 41, 128, 164, 219, 341, 343, 344, 348, 353, 354, 360, 362, 422, 441, 455, 477
- Рут, р. 23, 78, 80, 399
- Рыльский, г. 196, 422
- Рязанская губ. 486
- Рязанская земля, обл. 95, 140, 151, 314, 317, 436, 445, 491
- Рязанское княжество 95, 124, 127, 139, 153, 191, 202, 224, 225, 296
- Рязань Старая, г. 95, 96, 103, 116, 139, 140, 141, 151—154, 162, 166, 191, 200, 201, 224, 225, 280, 303, 308—310, 314, 315, 381, 416, 419, 445
- Саволаксия, обл. 486
- Сан, р. 400, 401
- Сарай, г. 131
- Святополч, г. 442
- Север 7, 8, 43, 74, 86, 87, 93, 94, 98, 99, 100, 103, 104, 110, 114, 168, 182, 301, 312, 341, 462, 467, 481
- Северная Америка 451
- Северская вол., обл. (Севера) 68, 72, 293
- Северский Донец, р. 422
- Северское княжество 225
- Северяне (севера), нар. 341, 343, 359, 453, 454, 457, 458
- Сейм (Семь), р. 62, 291, 292, 423
- Селигер, оз. 447
- Сербы, нар. 341, 466, 471, 474, 478
- Серет, р. 403
- Серпейск, г. 215, 216
- Серпухов, г. 135, 157, 165, 167, 204, 241
- Сить, р. 103, 104, 445, 447
- Скандинавия 458
- Славяне (славы) 24, 27, 28, 283, 341, 350, 358, 450—454, 458, 460—465, 469—476, 478, 479, 484, 486, 491, 495
- Славяне восточные 453, 462, 465, 466, 473, 475, 478, 480, 481, 495, 496
- Славяне дунайские 341
- Славяне западные 457, 464, 468, 475, 476, 479
- Славяне ильменские 342; см. также Новгородцы
- Славяне русские 458, 473, 479
- Славяне северные (северо-западные) 451, 479
- Славяне южные 451, 459, 466, 474
- Словенцы, нар. 341, 470
- Слоним, г. 325
- Слуцк (Случеск), г. 12, 291, 293, 406
- Смоленск, г. 6, 15, 25, 30, 35—37, 43, 45, 50, 51, 57, 63, 66, 71, 75, 79, 80, 84, 89, 90, 136, 146, 150, 162, 163, 166, 261, 265, 281, 284, 289, 291, 293, 294, 298, 302—304, 318, 322, 331, 343, 360, 373, 383—388, 390, 397, 398, 404, 405, 408, 409, 411, 412, 423, 426, 427, 429, 430, 433, 436, 439
- Смоленская (Кривская) вол., земля, обл. 289, 379
- Смоленское княжество 146, 199
- Сновск, г. 293, 300
- Снопород, р. 410
- Соляной (Залозный) путь на Днепре 410
- Старая Рязань. См. Рязань Старая
- Старица, г. 239, 271
- Стародуб Северский, г. 51, 104, 146, 196, 276, 330, 366
- Стела, г. 21
- Стрежев, г. 58
- Стубла, р. 392
- Стugna, р. 365
- Сугров, г. половецкий 370
- Суздаль (Суждаль), г. 6, 30, 37, 80, 86, 87, 104, 106, 146, 159, 178, 182, 194, 197, 276, 284, 292—294, 296—299, 301—306, 377, 380, 388, 400, 406, 410, 411, 418, 419, 446
- Суздальская земля, обл. 23, 51, 87, 94, 182, 194, 298, 301, 306, 386, 432, 435—437, 446
- Суздальское княжество 161, 182, 192, 199
- Сула, р. 293, 353, 384
- Супой, р. 63, 372
- Сухона, р. 320
- Таврида. См. Крым
- Татаро-монголы 10, 106, 108—112, 118, 128, 131—133, 148, 150, 153, 156—158, 162—164, 167, 180, 184, 187, 189, 192, 193, 195, 207, 225, 269, 305—309, 312, 321, 440—442, 445—448, 462; см. также Монголы
- Таруса (Торуса), г. 161, 204, 311
- Тверская губ. 486
- Тверская вол., земля 138, 208, 224, 312, 332
- Тверское княжество 132, 138, 149, 192, 199, 223
- Тверца, р. 434
- Тверь, г. 10, 107, 108, 111, 112, 115—119, 131—134, 137, 147—149, 156,

- 157, 159, 177, 180, 181, 193, 199, 200, 202, 207, 257, 307, 309, 312, 314, 322, 324, 332, 435, 446
- Теребовль, г. 51, 79
- Тетерев, р. 395
- Тмутаракань, г. и обл. 30, 36, 37, 39, 43, 45, 46, 49, 284, 285, 287—289, 358—360, 363, 366
- Тор, р. 424
- Торжок, г. 102, 110, 122, 167, 317, 379, 433—435, 438, 446, 447
- Торки (узы), нар. 52, 58, 289, 300, 369, 410
- Торчеськ (Горцийский), г. и вол. на р. Рось 84, 288, 301, 302, 428
- Триполье, с. 84, 423, 424, 428, 431
- Трубезж, р. 353
- Трубчевск, г. 422
- Тульская губ. 164, 468
- Тумаш, г. 17, 396
- Тунег, ручей 436
- Турки, нар. 264, 474
- Туров, г. 29, 31, 45, 48, 57, 58, 62, 64, 67, 68, 71, 80, 82, 83, 288, 292, 298, 299, 301, 365, 372, 398
- Турция (Турецкая земля) 251
- Угл (Орель), р. 410
- Углич, г. 104, 159, 175, 180—182, 190, 205, 276, 305, 313, 387
- Угра, р. 165, 297
- Угрия. См. Венгрия
- Угры. См. Венгры
- Устюг Великий, г. и вол. 187, 197, 319—321
- Устюжна, г. 276
- Уша (Ушь), р. 395
- Финны, нар. 284, 465, 470—472, 480
- Хазары (козары), нар. 46, 288, 341—343, 346, 462
- Херсонес. См. Корсунь
- Холм (Хельм) Галицкий, г. 444
- Холм, г. и вол. 137
- Холопий городок 125, 276
- Хорваты белые, нар. 341, 353, 478
- Хороль, р. 421
- Хортица, р. 441
- Хорутане. См. Словенцы
- Хотимль, вол. 330
- Червен, г. и крепость 56, 351, 444
- Червенские города 47, 288, 358
- Червенная, Червоная Русь. См. Галиция
- Червоноорусы. См. Галичане
- Череха, р. 285
- Черная Могила, м. 384
- Чернигов, г. 6, 25, 34—36, 41, 43, 45, 49—51, 59, 60, 62, 63, 65—67, 72, 80—84, 94, 280, 287—289, 292, 293, 296, 299, 304, 314, 330, 359—362, 365, 366, 371, 373, 380—382, 384—386, 393, 400, 405, 407—409, 413, 417, 423, 429—431, 433, 440, 448
- Черниговская вол., земля, обл. 47, 49, 51, 54, 58, 59, 68, 73, 84, 163, 408, 423, 436
- Черниговская губ. 472
- Черногория 483
- Черное (Понтское) море 110, 131
- Черные клобуки, нар. 73, 76, 79, 84, 295, 300, 375, 376, 384, 388, 392, 393, 395, 397, 404, 410, 413, 421, 427, 430
- Черный лес 410
- Чернь, г. 276
- Черторижск (Чергорьеск), г. 294
- Чехи, нар. 31, 33, 42, 43, 56, 75, 341, 370, 473
- Чудская земля 420, 480
- Чудь 27, 341, 343, 350, 420, 480
- Шарукан, г. половецкий 370
- Шведы, нар. 106, 306, 342
- Швеция 240, 306
- Шенкурский у. 465
- Шеренский лес 447
- Эсты, нар. 487
- Юрьев (Дерпт), г. 261, 307
- Юрьев-Польский, г. 164, 197, 419, 435, 436, 446
- Юрьева гора 436
- Янчино, с. 74
- Ярославль, г. в Галиции 444
- Ярославль, г. на Волге 104, 112, 113, 123, 168, 177, 388, 446, 480
- Ярославская обл. 176, 486
- Ярославское княжество 202, 262
- Ясы. См. Аланы

СОДЕРЖАНИЕ

**История отношений между русскими
князьями Рюрикова дома**

5—278

Примечания

279—338

**Русская летопись
для первоначального чтения**

339—448

**Очерк нравов, обычаев и религии славян,
преимущественно восточных,
во времена языческие**

449—481

Примечания

482—489

Приложения

**КОММЕНТАРИИ К ДЕВЯТНАДЦАТОЙ КНИГЕ
«СОЧИНЕНИЙ» С. М. СОЛОВЬЕВА**

490—496

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

497—518

**УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ**

519—526

Соловьев С. М.
С60 Сочинения. В 18 кн. Кн. XIX. Дополнительная.
Работы разных лет/Отв. ред. И. Д. Ковальченко;
Коммент. В. С. Шульгина.— М.: Мысль, 1996.—
526, [2] с.

ISBN 5-244-00075-6

ISBN 5-244-00775-0

В девятнадцатую книгу Сочинений С. М. Соловьева входят его докторская диссертация «История отношений между русскими князьями Рюрикова дома», опубликованная в 1847 г., «Русская летопись для первоначального чтения» (последний раз издавалась в 1908 г.), которая предназначалась в свое время молодым читателям и содержит изложение на новом русском языке древней русской летописи до половины XIII в., а также «Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных» из сборника «Архив историко-юридических сведений, относящихся до России» (М., 1850)

Для широкого круга читателей

ББК 63.3(2)

Научная

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ СОЛОВЬЕВ

СОЧИНЕНИЯ

КНИГА XIX

Дополнительная

РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

Художественный редактор **Е. М. ОМЕЛЬЯНОВСКАЯ**

Технический редактор **С. П. ЛЕБЕДЕВА**

Корректоры **Г. С. МИХЕЕВА, Г. В. ШИШНИНА**

ЛР № 010150 от 25.12.91

Сдано в набор 22 01 96 Подписано в печать 08 04 96 Формат 60 × 90^{1/16} Бумага типогр № 2 Усл печатных листов 33 Усл кр-отг 33,75 Учетно-издательских листов 40,46 Тираж 20 000 экз Заказ № 1864

Издательство «Мысль» 117071 Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Отпечатано в Государственном ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Московском предприятии «Первая Образцовая типография» Комитета Российской Федерации по печати 113054, Москва, Валовая, 28

Уважаемые читатели!

Издательство «Мысль» готовит к выпуску заключительную 20-ю книгу Сочинений С. М. Соловьева, в которую входят работы и материалы, не публиковавшиеся с конца 19-го в.

